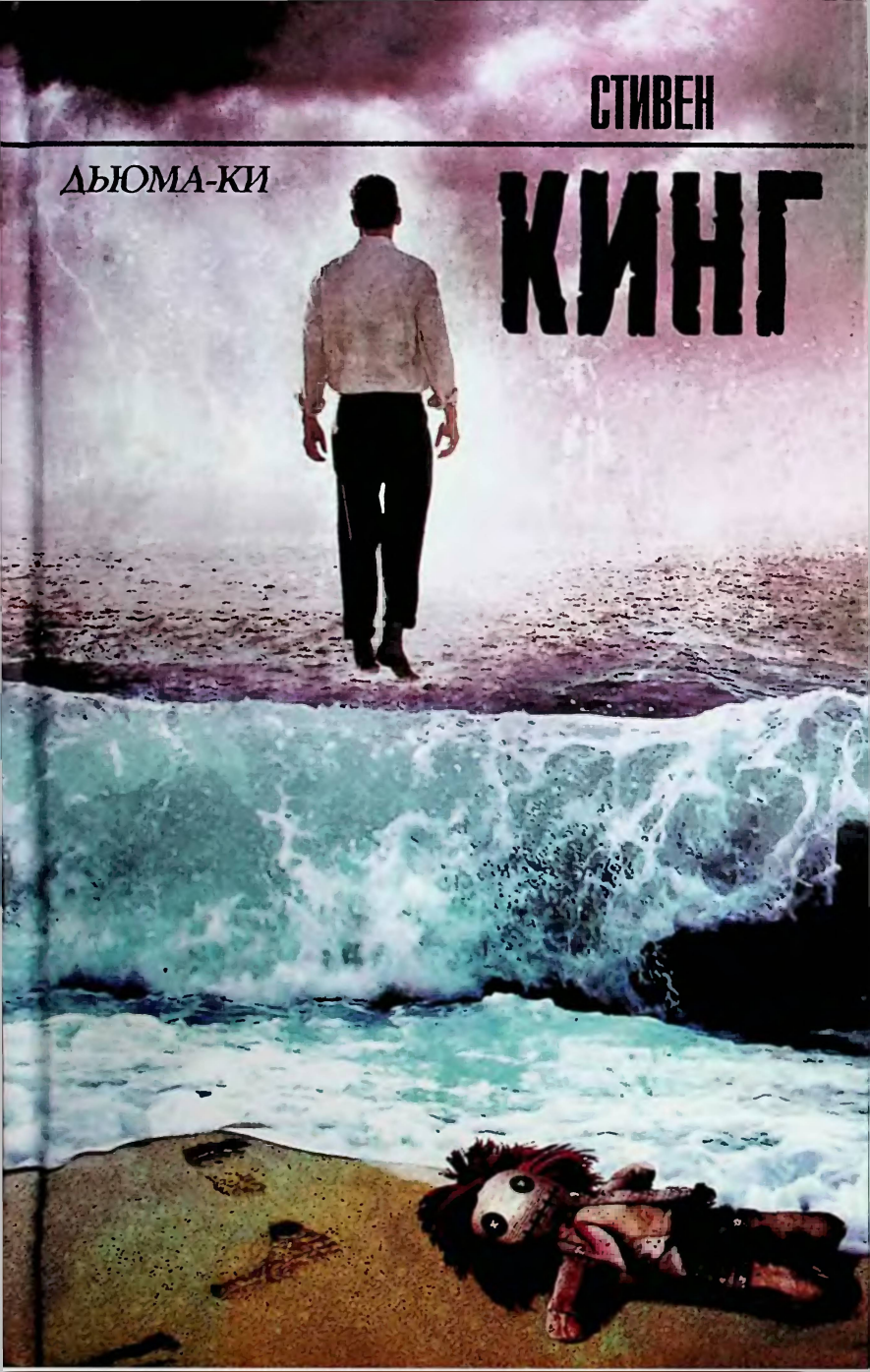
СТИВЕН

КИНГ

ДЬЮМА-КИ

СТИВЕН

КИНГ

СТИВЕН

КИНГ

ДЬЮМА-КИ

Издательство АСТ
Москва

ДК 821.111-313.2(73)
БК 84 (7Сое)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
DUMA KEY

Перевод с английского В.А. Вебера

Оформление дизайн-студии «Три кота»

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Подписано в печать 20.10.17. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 35,28. Доп. тираж 3000 экз. Заказ 10041.

Кинг, Стивен.

К41 Дьюма-Ки [роман] / Стивен Кинг; [пер. с англ. В.А. Вебера]. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 671, [1] с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-077381-7

Маленький южный островок Дьюма-Ки — идеальное пристанище для человека, который пытается начать все сначала.

Так по крайней мере считает некогда успешный бизнесмен, который стал инвалидом в результате несчастного случая — но зато обрел талант потрясающего художника.

Однако чем дольше живет он на Дьюма-Ки, тем более страшную силу обретают его картины.

В них таится Зло.

Но что это за Зло?

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Сое)-44

© Stephen King, 2008
© Перевод. В.А. Вебер, 2008
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Посвящается Барбаре-Энн и Джимми

Воспоминания... это внутренний слух.

Джордж Сантаяна*

* Сантаяна Джордж (1863—1952) — классик американской философии, литератор. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Жизнь — не только любовь и услада,
Я бросаюсь на поиски клада:
Ты в игре, если ставишь монету на кон —
Знаешь сам, так пошло от начала времен,
Все мы мечемся в поисках клада. *

«Shark Puppy»**

---

* Перевод Ольги Кромоновой.

** «Shark Puppy» — музыкальный дуэт в составе Ричарда Тозиера и Уильяма Денбро, известных Постоянному Читателю по роману Стивена Кинга «Оно».

Как рисовать картину (I)

Начните с чистой поверхности. Не обязательно с бумаги или холста, но я чувствую, что поверхность должна быть белой. Мы называем ее белой, потому что нам нужно какое-то определение, но настоящее имя этой поверхности — ничто. Черное — это отсутствие света, белое — это отсутствие памяти, цвет забытья.

Как мы запоминаем, чтобы не забывать? Этот вопрос после приезда на Дьюма-Ки я задаю себе постоянно, особенно часто в предрассветные часы, вглядываясь в отсутствующий свет, вспоминая отсутствующих друзей. Иногда в эти часы я думаю о горизонте. С горизонтом вы должны определиться. Для этого нужно оставить след на белом. Возможно, вы скажете, что это простое действие, но каждое действие, которое изменяет мир, — героическое. Или я просто убедил себя в этом.

Представьте себе маленькую девочку, почти младенца. Она выпала из возка лет девяносто тому назад, ударилась головой о камень и все забыла. Не только свое имя — все! А потом вдруг пришел день, когда она вспомнила ровно столько, чтобы взять в руку карандаш и прочертить первую неуверенную линию на белом. Линию горизонта, именно так. Но при этом и щель, через которую может исторгаться чернота.

Представьте себе, как маленькая ручка поднимает карандаш... замирает... а потом оставляет след на белом. Представьте себе смелость этого первого усилия: возвратить мир, рисуя его. Я всегда буду любить эту маленькую девочку, несмотря на то, что обошлась она мне очень дорого. Я должен. У меня нет выбора.

Как вам известно, картины — это магия.

Глава 1
МОЯ ПРОШЛАЯ ЖИЗНЬ

1

Меня зовут Эдгар Фримантл. Раньше я был заметной фигурой в строительной индустрии. В Миннесоте, в моей прошлой жизни. Выражение моя-прошлая-жизнь я позаимствовал у Уайрмана. Я хочу рассказать вам об Уайрмане, но сначала давайте познакомимся с моей жизнью в Миннесоте.

Должен сказать, я добился успеха, о котором мечтает каждый американский мальчик. Поднимался и поднимался в компании, где начал работать, а когда достиг потолка, ушел и основал собственную фирму. Мой бывший босс смеялся надо мной, говорил, что я разорюсь через год. Я думаю, так говорит большинство боссов, когда кто-нибудь из молодых, энергичных подчиненных уходит, чтобы начать собственное дело.

У меня все получилось. Когда Двойной город* процветал, процветала и «Фримантл компани». Когда строительный рынок сокращался, я старался не играть по-крупному. Руководствовался интуицией, и в большинстве случаев она меня не подводила. Когда мне исполнилось пятьдесят, мы с Пэм стоили сорок миллионов долларов. И мы сохранили прежние чувства. У нас родились две девочки. К концу нашего семейного Золотого века Илзе училась в Университете Брауна**, а Мелинда преподавала

* Двойной город — Миннеаполис и Сент-Пол.

** Университет Брауна — частный университет в г. Провиденс, штат Род-Айленд.

во Франции в рамках программы обмена с зарубежными странами. Как раз перед тем, как все пошло наперекосяк, мы с женой собирались ее навестить.

Несчастный случай произошел со мной на строительной площадке. Все предельно просто: когда пикап, пусть даже это «додж-рэм» со всеми наворотами, вступает в спор с двенадцатиэтажным краном, пикап проигрывает всегда. Правая сторона моего черепа только треснула. Левую так сильно прижало к дверной стойке «рэма», что проломило в трех местах. Может, и в пяти. Память у меня теперь, конечно, лучше, но совсем не та, какой была прежде.

Врачи назвали случившееся с моей головой противоударной травмой*, которая зачастую приносит больше вреда, чем сам удар. Мои ребра оказались переломанными, а правое бедро — раздробленным. И хотя в правом глазу зрение сохранилось на семьдесят процентов (в хорошие дни и побольше), я почти целиком потерял правую руку.

Вероятно, предполагалось, что я потеряю и жизнь, но я выкарабкался. Далее речь пошла о том, что я останусь безмозглым (как поначалу и было — спасибо противоударной травме), однако обошлось. В каком-то смысле. Правда, к тому времени, как обошлось, ушла моя жена, и не в каком-то смысле, а насовсем. Мы прожили вместе двадцать пять лет, но знаете, как говорят: беда не приходит одна. Наверное, значения это не имеет. Что было, то прошло. Закончилось, и все. Иной раз оно и к лучшему.

Когда я говорю, что стал безмозглым, речь о том, что поначалу я не узнавал людей, не понимал, что произошло и почему меня мучает такая ужасная боль. Теперь, через четыре года, я не могу вспомнить характер и степень болевых ощущений. Я знаю, боль терзала меня, но теперь эта тема представляет собой интерес чисто теоретический. Тогда, конечно, было не до теории. Тогда у меня складывалось ощущение, что я нахожусь в аду и не знаю, почему туда попал.

* Противоударная травма — зона повреждения головного мозга, расположенная на стороне, противоположной месту удара. Травма возникает при контакте мозга с внутренней поверхностью черепа.

«Поначалу ты боишься умереть, потом ты боишься не умереть». Так говорит Уайрман, и он знает; сам провел сезон в аду.

Болело все и всегда. Возможно, больше всего досаждала звенящая головная боль. За моим лбом царила вечная полночь, которую отбивали самые большие на свете башенные часы. Из-за повреждения правого глаза я видел мир сквозь кровавую пленку и все еще мало представлял себе, что это за мир. Ни одна вещь не обрела привычного названия. Я помню день, когда Пэм зашла в палату (я еще лежал в больнице) и встала у моей кровати. Я ужасно злился из-за того, что она стоит, когда в углу есть та штуковина, на которую садятся.

— Принеси друга, — сказал я. — Сядь в друга.

— О чем ты, Эдгар? — спросила она.

— *Друг, приятель!* — прокричал я. — Принеси этого гребаного приятеля, ты, тупая сука! — Боль в голове сводила с ума, а Пэм заплакала. Я ненавидел ее за то, что она начала плакать. Чего, собственно, она плакала? Не она же сидела в клетке, глядя на все сквозь красный туман. Не она была обезьяной в клетке. И тут я наконец вспомнил слово:

— Принеси старика и, ради Бога, сляг!

Старик — это все, что мой воспаленный, размозженный мозг смог предложить вместо стула.

Я все время злился. В больнице работали две медсестры средних лет, которых я прозвал Сухая дырка Один и Сухая дырка Два, словно они были персонажами в похабной истории доктора Сьюза*. А девушка-подросток, которая добровольно помогала медперсоналу больницы, стала у меня Мохнатой Пастилкой... понятия не имею почему, но прозвище несло в себе что-то связанное с сексом. Во всяком случае, для меня. По мере того как прибавлялось сил, я начал бить людей. Дважды пытался пырнуть ножом Пэм, и одна попытка удалась, правда, нож был пластмассовый. Тем не менее ей на руку наложили пару швов. Бывали случаи, когда меня приходилось связывать.

* Доктор Сьюз — псевдоним американского писателя и мультипликатора Теодора Сьюза Гейзела (Theodor Seuss Geisel), 1904—1991. Аллюзия на персонажей одной из самых известных сказок доктора Сьюза «Кот в шляпе» (1957), Нечто Один и Нечто Два.

И вот что я особенно четко помню о начале моей тогдашней жизни: жаркая вторая половина дня в конце моего месячного пребывания в дорогом санатории для выздоравливающих, кондиционер сломан, я привязан к кровати, в телевизоре — мыльная опера, тысячи полуночных колоколов бьют в голове, боль жжет правую половину тела, как раскаленная кочерга, отсутствующая правая рука зудит, отсутствующие пальцы правой руки дергаются, оксиконтина мне не положено еще какое-то время (какое именно, сказать не могу, отмерять время — выше моего понимания), и тут из красного марева выплывает медсестра, существо, присланное, чтобы взглянуть на обезьяну в клетке, и спрашивает: «Вы готовы принять вашу жену?» А я отвечаю: «Только если она принесла пистолет, чтобы застрелить меня».

Кажется, такая боль никогда не уйдет, но она уходит. Меня отвозят домой и заменяют боль агонией лечебной физкультуры. Красная пелена начала рассеиваться. Психотерапевт, специализирующийся на гипнотерапии, научил меня нескольким эффективным способам подавлять фантомные боли и зуд в отрезанной руке. Кеймен. Именно он принес мне Ребу, одну из немногих вещей, которые я взял с собой, когда прихромал из прошлой жизни в нынешнюю, на Дьюма-Ки.

— Этот психотерапевтический метод воздействия на злость пока не получил одобрения, — предупредил меня доктор Кеймен, хотя, наверное, мог и солгать, чтобы сделать Ребу более привлекательной. Он сказал мне, что я должен дать ей отвратительное имя. И хотя выглядела она, как Люси Рикардо*, я назвал ее в честь тетушки, которая в детстве больно сдавливала мне пальцы, если я не съедал всю морковку. Не прошло и двух дней, как я забыл ее имя. В голову лезли только мужские имена, которые злили меня еще сильнее: Рэндолл, Рассел, Рудольф, даже Ривер-мать-его-Феникс.

Я тогда находился дома. Пэм принесла мне завтрак и, должно быть, правильно прочитала выражение моего лица, потому что я увидел, как она напряглась, готовясь к взрыву эмоций. Но

* Люси Рикардо — героиня сериала «Я люблю Люси», блистательно сыгранная актрисой Люсиль Болл (1911—1989), которую считали «Королевой комедии».

даже забыв имя этой призванной снимать злость куклы с взбитыми рыжими волосами, которую дал мне психолог, я помнил, как использовать ее в такой ситуации.

— Пэм, — обратился я к жене, — мне нужно пять минут, чтобы взять себя в руки. Я могу это сделать.

— Ты уверен?..

— Да, только унеси отсюда это дерьмо и засунь в свою пудреницу. Я могу это сделать.

Я не знал, смогу или нет, но именно это мне полагалось сказать: «Я могу это сделать». Я не мог вспомнить имени этой гребаной куклы, но помнил ключевую фразу: «Я могу это сделать». Я хорошо помню, как в конце своей прежней жизни постоянно твердил: «Я могу это сделать», — даже когда знал, что не могу, когда знал, что я в дерьме, по уши в дерьме, и новое дерьмо льется мне на голову, будто из помойного ведра.

— Я могу это сделать, — повторил я, и одному Богу известно, каким при этом было мое лицо, потому что Пэм попятилась, без единого слова, держа в руках поднос, на котором чашка постукивала о тарелку.

Когда она ушла, я поднял куклу на уровень лица, всматриваясь в ее глупые синие глаза, а мои пальцы вдавливались в глупое податливое тело.

— Как твое имя, ты, сука с крысиной мордой? — прокричал я. Мне ни разу и в голову не пришло, что Пэм слушает меня на кухне по аппарату внутренней связи вместе с дежурной медсестрой. Но вот что я вам скажу: если бы аппарат и сломался, они смогли бы услышать меня через дверь. В тот день мой голос разносился далеко.

Я принялся трясти куклу из стороны в сторону. Голова моталась, синтетические а-ля «Я люблю Люси» волосы летали из стороны в сторону. Синие кукольные глаза, казалось, говорили: «О-о-о-о-х, какой противный парниша!» — как любила повторять Бетти Буп* в одном из старых мультфильмов, которые еще можно увидеть по кабельному телевидению.

---

* Бетти Буп — персонаж короткометражных мультфильмов 1920—1930 гг., кокетливая дамочка с огромными удивленными глазами и некоторым беспорядком в туалете. Стала первым мультяшным персонажем, запрещенным цензурой.

— Как твое имя, сука? Как твое имя, манда? Как твое имя, жалкая тряпичная шлюха? Скажи мне свое имя! Скажи мне свое имя! *Скажи мне свое имя, или я вырву тебе глаза, откушу нос, раздеру тво...*

В голове у меня что-то замкнуло — такое иногда случается и теперь, по прошествии четырех лет, здесь, в городе Тамасунчале (штат Сан-Луис Потоси, Мексика), в третьей жизни Эдгара Фримантла. На мгновение я вернулся в свой пикап, планшет с зажимом для бумаг колотился о старый стальной контейнер для ленча на полу перед пассажирским сиденьем (сомневаюсь, что я был единственным работающим миллионером Америки, который возил с собой ленч, — нас, вероятно, не один десяток), мой пауэрбук лежал рядом на сиденье. Из радио женский голос с евангелическим жаром прокричал: «Оно было КРАСНЫМ!» Только три слова, но мне их хватило. Они из песни о бедной женщине, которая наряжает свою красивую дочь проституткой. Песня эта — «Фэнси» в исполнении Ребы Макинтайр*.

— Реба. — Я прижал куклу к груди. — Ты — Реба. Реба-Реба-Реба. Больше я твоего имени не забуду.

Я забыл — на следующей неделе, — но в тот раз уже не злился. Нет, прижал куклу к себе, как маленькую возлюбленную, закрыл глаза, представил пикап, уничтоженный в результате несчастного случая, мой стальной контейнер для ленча, о который постукивал металлический зажим на планшете, и женский голос вновь донесся из радиоприемника, вновь с евангелическим жаром прокричал: «Оно было КРАСНЫМ!»

Доктор Кеймен назвал это прорывом. Он очень обрадовался. Моя жена не проявила такого же энтузиазма, и ее поцелуй в щеку был скорее формальным. Думаю, примерно через два месяца она сказала мне, что хочет развестись.

ii

К тому времени боли значительно ослабели, или мозг уже сумел внести существенные коррективы и приспособиться к ним. Голова, случалось, болела, но не так часто и не столь силь-

* Макинтайр Реба (р. 1955) — известная американская певица и актриса. Чудом осталась жива при аварийной посадке самолета.

но: между ушами больше не били самые большие в мире башенные часы. Я, конечно, с нетерпением ждал таблетку викодина в пять и оксиконтина в восемь часов (едва мог ходить, опираясь на ярко-красную «канадку»*, не проглотив эти волшебные таблетки), но мое слепленное заново правое бедро начало заживать.

Кэти Грин, королева лечебной физкультуры, приходила в Casa Freemantle** в Мендота-Хайтс по понедельникам, средам и пятницам. Мне разрешали принять дополнительную таблетку викодина перед нашими занятиями, и все равно к концу упражнений мои крики звенели по всему дому. Нашу игровую комнату в подвале переоборудовали в кабинет лечебной физкультуры, оснащенный даже горячей ванной, куда я мог залезать и вылезать без посторонней помощи. После двух месяцев занятий лечебной физкультурой (то есть почти через шесть месяцев после несчастного случая) я начал по вечерам самостоятельно спускаться в подвал, чтобы повторить упражнения для ног и немного потренировать пресс. Кэти говорила, что час-другой занятий перед тем, как лечь в кровать, высвобождают эндорфины и способствуют более крепкому сну. Насчет эндорфинов не знаю, но спать я действительно стал лучше.

И во время одного из таких вот вечерних занятий (Эдгар в поисках неуловимых эндорфинов) моя жена, с которой я прожил двадцать пять лет, спустилась в подвал и сказала, что хочет со мной развестись.

Я прервал то, что делал (сгибался вперед, вытянув ноги перед собой), и посмотрел на нее. Я сидел на мате. Она стояла у подножия лестницы, достаточно далеко от меня. Я мог спросить, говорит ли она всерьез, но света хватало (спасибо флуоресцентным лампам), и такого вопроса я не задал. Если на то пошло, не думаю, что женщина может пошутить на такую тему через шесть месяцев после того, как ее муж чуть не погиб в результате несчастного случая. Я мог бы спросить почему, но и так знал. Видел маленький белый шрам на ее предплечье в том месте, куда я ударил пластиковым ножом (нож я схватил с подноса, на котором в больнице мне принесли обед), но ведь этим дело не

* «Канадка» — локтевой костыль.

** Дом Фримантла (*исп.*).

ограничивалось. Я подумал о том, как велел ей, не так уж и давно, унести отсюда завтрак и засунуть в пудреницу. Я подумал, а не попросить ли ее еще раз все обдумать, но злость вернулась. В те дни «неадекватная злость», как называл ее доктор Кеймен, частенько составляла мне компанию. Но злость, которую я испытывал в тот самый момент, не казалась мне неадекватной.

Я сидел без рубашки. Моя правая рука заканчивалась в трех с половиной дюймах ниже плеча. Я приподнял ее (это все, на что были способны оставшиеся мышцы), чтобы наставить на жену, и сказал:

— Это я показываю тебе палец. Убирайся отсюда, раз ты этого хочешь. Убирайся отсюда, мерзкая, бросающая меня сумка.

Первые слезы потекли по ее лицу, но она попыталась улыбнуться. Получилась гримаса.

— Сука, Эдгар. Ты хотел сказать, сука.

— Слово — это всего лишь слово. — Я вновь начал сгибаться и разгибаться. Чертовски сложное это упражнение, если у тебя нет одной руки: тело постоянно уходит в сторону. — Я бы не оставил тебя, вот в чем смысл. Не оставил бы. Прошел через грязь, кровь, мочу и пролитое пиво.

— Это другое. — Она и не пыталась вытереть слезы. — Другое, и ты это знаешь. Я бы не смогла разорвать тебя надвое, если бы пришла в ярость.

— Мне бы пришлось чертовски потрудиться, чтобы разорвать тебя надвое одной рукой. — Я увеличил частоту сгибаний и разгибаний.

— Ты ударил меня ножом! — Вот он, решающий аргумент. Чушь собачья, и мы оба это знали.

— Это был пластиковый нос, ничего больше, я тогда мало что соображал, и это будут твои последние слова на гребаном смертном ковре: «Эдди ударил меня пластиковым носом, прощай, жестокий мир».

— Ты меня душил, — проговорила она так тихо, что я едва расслышал.

Я перестал наклоняться и вытаращился на нее. В голове принялись бить часы. Дин-дон, похоронный звон.

— Что ты такое говоришь? Я тебя душил? Никогда я тебя не душил.

— Я знаю, ты не помнишь, но душил. И ты не тот, что прежде.

— Заткнись. Оставь это дерьмо для... того... для парня... твоего... — Я знал это слово, и я видел человека, которого хотел обозвать этим словом, но вспомнить не смог. — Для того лысого хера, с которым ты встречаешься в его кабинете.

— Моего психотерапевта, — уточнила она и, само собой, разозлила меня еще сильнее: она помнила слово, а я — нет. Потому что ее мозг не превращался в желе.

— Ты хочешь развод, ты его получишь. Выбрасывай все, что было, почему нет? Только изображай аллигатора где-нибудь в другом месте. Убирайся.

Она поднялась по лестнице и закрыла дверь, не оглянувшись. И лишь после ее ухода я сообразил, что хотел сказать «крокодиловы слезы». Лей крокодиловы слезы где-нибудь еще.

Ладно, сойдет и так, хоть это и не совсем рок-н-ролл. Так говорит Уайрман.

В итоге из дома уехал я.

iii

За исключением Пэм, у меня не было партнеров в моей прошлой жизни. Четыре принципа успеха Эдгара Фримантла гласили (записывайте, чего уж там): не занимай суммы, большей твоего ай-кью, помноженного на сто; не занимай у человека, который при первой же встрече начинает называть тебя по имени; никогда не пей спиртного, пока солнце стоит высоко, и *никогда* не обзаводись партнером, с которым не захочешь обниматься голышом на водяном матрасе.

Зато у меня был бухгалтер, которому я доверял, Том Райли. Именно он помог мне перевезти те немногие вещи, которые я взял с собой, из дома в Мендота-Хайтс в наш коттедж на озере Фален. Том (сам он разводился дважды, и оба раза с серьезными потерями) всю дорогу изливал на меня свои тревоги.

— В такой ситуации ты не должен уезжать из дома. Только в том случае, если судья вышибет тебя. А так ты словно отдаешь преимущество своего поля в плей-офф.

Преимущество своего поля меня совершенно не волновало. Я только хотел, чтобы он внимательно следил за дорогой. Меня передергивало всякий раз, когда встречный автомобиль слишком уж приближался к разделительной полосе. Иногда я напрягался и жал ногой на несуществующую педаль тормоза перед пассажирским сиденьем. А насчет того, чтобы вновь сесть за руль, я даже не помышлял. Разумеется, Бог любит сюрпризы. Так говорит Уайрман.

Кэти Грин, королева лечебной физкультуры, развелась лишь единожды, но полностью поддержала Тома. Я помню, как она сидела в трико, скрестив ноги, держала мои ступни и взирала на меня с суровой яростью.

— Вот ты только что из мотеля «Смерть» и без руки, а она хочет свалить. Лишь из-за того, что ты ударил ее пластиковым больничным ножом, когда едва мог вспомнить собственное имя? Чтоб меня драли, пока я не закричу! Разве она не понимает, что резкие перемены настроения и кратковременная потеря памяти — обычное дело для человека после такой черепно-мозговой травмы, как у тебя?

— Она понимает, что я ее пугаю, — ответил я.

— Да? Ладно, слушай свою маму, сыночек Джим: если ты наймешь хорошего адвоката, то заставишь заплатить за то, что она такая тряпка. — Несколько волос выскочили из ее гестаповского конского хвоста, и Кэти сдула их со лба. — Она *должна* за это заплатить. Читай по моим губам: *твоей вины тут нет*.

— И она говорит, что я пытался ее задушить.

— Конечно, тут можно надуть в штаны, если тебя пытается задушить однорукий инвалид. Перестань, Эдди, заставь ее за это заплатить. Я знаю, что это не мое дело, но мне все равно. Она не должна так поступать с тобой.

— Я думаю, есть что-то еще, не только удар ножом и попытка задушить ее.

— Что?

— Я не помню.

— А что говорит она?

— Она не говорит.

Но мы с Пэм прожили вместе очень долго, и даже если любовь превратилась в привычку, я подумал, что все равно знаю ее

достаточно хорошо, чтобы понимать: произошло что-то еще, нет, продолжало происходить прямо сейчас, и вот от этого «чего-то»... вот от этого «чего-то» Пэм и хотела уйти.

iv

Вскоре после того как я перебрался в коттедж на озере Фален, меня навестили девочки... молодые женщины. Они принесли корзину со всем необходимым для пикника, мы сидели на крыльце с видом на озеро, где так хорошо пахло соснами, смотрели на воду, ели сандвичи. День труда* миновал, так что большинство плавающих игрушек вытащили из воды и оставили на берегу до следующего года. В корзине была и бутылка вина, но я выпил совсем немного. В сочетании с болеутоляющими таблетками алкоголь бил наотмашь: один стакан вина, и у меня начинал заплетаться язык. Девочки (*молодые женщины*) выпили остальное и расслабились. Мелинда, приехавшая из Франции второй раз после моей неудачной встречи с краном и недовольная возвращением, спросила, у всех ли семейных пар, которым за пятьдесят, бывают неприятные периоды разлада, должна ли она ожидать такого и для себя. Илзе, младшая, начала плакать, прижалась ко мне, спросила, почему все не может быть, как было, почему мы (то есть ее мать и я) не можем жить, как прежде. Лин сказала ей, что сейчас не время изображать маленькую девочку, мирящую родителей, а Илли показала ей палец. Я рассмеялся. Ничего не смог с собой поделать. Потом мы все рассмеялись.

Эмоциональный взрыв Лин и слезы Илзе пусть были не в радость, но шли от души. Эти реакции я знал так же хорошо, как родинку на подбородке Илзе или едва заметную складочку меж бровей хмурящейся Лин, которой со временем предстояло превратиться в глубокую морщину.

Линни поинтересовалась, что я собираюсь делать. Я ответил, что понятия не имею. Я прошел немалый путь к решению по-

* День труда — общенациональный праздник, отмечаемый в первый понедельник сентября. На следующий день в школах начинается учебный год.

кончить с собой, но точно знал: если я это сделаю, все должно выглядеть как несчастный случай. Я не мог оставить этих двух девочек, которые только начинали жить, с непомерным грузом вины за самоубийство отца. Я не мог возложить ту же вину на женщину, с которой однажды пил в кровати молочный коктейль: мы лежали голые, смеялись и слушали по стереосистеме «Plastic Ono Band».

После того как они воспользовались шансом стравить давление (по терминологии доктора Кеймена, *после полного и обстоятельного обмена чувствами*), все как-то успокоилось, и мы неплохо провели день, разглядывая фотографии в старых альбомах, которые Илзе нашла в каком-то ящике, и вспоминая прежние времена. Думаю, мы еще раз-другой посмеялись, но далеко не всем воспоминаниям моей прошлой жизни можно доверять. Уайрман говорит, когда дело касается давно ушедших дней, мы склонны подтасовывать карты.

Илзе хотела, чтобы мы все пошли куда-нибудь пообедать, но Лин договорилась с кем-то встретиться в публичной библиотеке до ее закрытия, и я сказал, что не чувствую в себе достаточно сил для того, чтобы куда-то идти; подумал, что лучше прочитать несколько глав последнего романа Джона Сэндфорда, а потом лечь спать. Девочки поцеловали меня — мы снова стали друзьями, — а потом ушли.

Через две минуты Илзе вернулась.

— Я сказала Линни, что забыла ключи.

— Как я понимаю, ты их не забывала.

— Нет. Папа, ты смог бы причинить маме боль? Я про сейчас. Сознательно?

Я покачал головой, но такой ответ ее не удовлетворил. Я понял это по тому, как она стояла, пристально всматриваясь мне в глаза.

— Нет. Никогда. Я бы...

— Что, папа?

— Я собирался сказать, что скорее отрубил бы себе руку, но тут же понял, что неудачно подобрал слова. Я бы никогда этого не сделал, Илли. Будь уверена.

— Тогда почему она боится тебя?

— Я думаю... потому что я — калека.

Она подскочила ко мне, прижалась так, что чуть не свалила меня на диван.

— Папа, пожалуйста, извини. Просто все это так *ужасно*.

Я погладил ее по волосам.

— Я знаю, но только помни... хуже уже не будет. — Правды в моих словах не было, но я надеялся: если соблюдать осторожность, Илзе никогда не узнает, что я ей лгал.

С подъездной дорожки донесся автомобильный гудок.

— Иди. — Я поцеловал ее мокрую щеку. — Твоя сестра торопится.

Она наморщила нос.

— Как будто бывает по-другому! Надеюсь, ты не злоупотребляешь болеутоляющими?

— Нет.

— Позвони, если я тебе понадоблюсь, папа. Я прилечу на следующем же самолете.

Она бы прилетела. Поэтому звонить я не собирался.

— Само собой. — Я поцеловал ее в другую щеку. — Этот поцелуй передай сестре.

Илзе кивнула и ушла. Я сел на диван, закрыл глаза. За ними били башенные часы, били и били.

V

Моим следующим гостем в Casa Phalen* стал доктор Кеймен, психолог, который дал мне Ребу. Я его не приглашал. Он появился у меня исключительно благодаря заботам Кэти, повелительницы лечебной физкультуры.

Хотя Кеймену едва ли было больше сорока, ходил он, как человек, куда более пожилой, и тяжело дышал, даже когда сидел, глядя на мир поверх огромной груши живота сквозь толстые стекла очков в роговой оправе. Кеймен был очень высоким и очень-очень черным, а черты его лица, в силу их невероятных размеров, казались нереальными. Эти гигантские выпученные глазные яблоки, этот нос, напоминавший корабельный таран,

* Дом Фален (*исп.*).

эти вывороченные губы завораживали. Ксандер Кеймен выглядел, как второсортный божок в костюме из «Дома мужской одежды». И, судя по внешнему виду, умереть ему предстояло от обширного инфаркта или инсульта, и встреча с одним из них ждала его до пятидесятилетия.

Кеймен отказался от предложения чего-нибудь выпить, сказал, что долго не задержится, и тут же поставил портфель на диван, противореча собственным словам, сел рядом с подлокотником (диван прогнулся на пять фатомов* и продолжал прогибаться — я даже испугался за пружины), посмотрел на меня и шумно вдохнул.

— Что привело вас сюда? — спросил я его.

— Кэти говорит мне, что вы планируете наложить на себя руки, — ответил он. Тем же тоном он мог бы сказать: «Кэти говорит мне, что вы планируете пикник на лужайке и собираетесь предложить гостям глазированные пончики». — В этом есть доля правды?

Я открыл рот, закрыл. Однажды, когда мне было десять, и я рос в О-Клер, я взял комикс с вращающейся стойки в аптечном магазине, сунул в джинсы и накрыл сверху футболкой. Затем неспешным шагом направился к выходу, чувствуя себя очень умным, и тут продавщица схватила меня за руку. Вздернула мне футболку, выставив напоказ мое украденное сокровище. «И как он сюда попал?» — спросила она. За последующие сорок лет не случалось, чтобы я не мог найтись с ответом на столь простой вопрос.

Наконец (прошло слишком уж много времени, чтобы мой ответ восприняли серьезно) я промямлил:

— Это нелепо. Я не знаю, откуда у нее могли взяться такие мысли.

— Нелепо?

— Да. Точно не хотите колы?

— Спасибо, но я пас.

Я поднялся, достал колу из холодильника на кухне. Крепко зажал бутылку между культей и ребрами (это возможно, хотя и болезненно, не знаю, что вы видели в фильмах, но сломанные

* Фатом — морская сажень (1,83 м).

ребра болят долго), левой рукой скрутил крышку. Я — левша. «В этом тебе повезло, мучачо»*, как говорит Уайрман.

— Меня удивляет, что вы серьезно восприняли ее слова, — сказал я, когда вернулся. — Кэти — великолепный специалист по лечебной физкультуре, но она же не психоаналитик. — Я постоял, прежде чем сесть. — Да и вы тоже. Если подходить формально.

Кеймен сложил ладонь лодочкой за ухом, которое размерами не уступало ящику стола.

— Я слышу... скрежет. Точно слышу!

— О чем вы говорите?

— Такой очаровательно средневековый звук. Будто кто-то опускает проржавевшее забрало, готовясь к обороне. — Он попытался подмигнуть мне, но когда у человека лицо таких размеров, изобразить иронию невозможно: только бурлеск. Однако я его понял. — Что же касается Кэти Грин, вы правы, что она может знать? Она ведь работает с частично парализованными людьми, с полностью парализованными, с теми, у кого ампутированы конечности, вроде вас, с выздоравливающими после тяжелой травмы головы... опять вроде вас. Этой работой Кэти занимается пятнадцать лет, она могла наблюдать реакцию тысячи увечных пациентов на то, что им никогда не стать такими, как прежде. Но куда ей распознать депрессию с суицидальными тенденциями.

Я сел в продавленное кресло, которое стояло напротив дивана, и мрачно уставился на Кеймена. Его, похоже, провести не удастся. И Кэти Грин тоже.

Он наклонился вперед... то есть, учитывая объем живота, буквально на пару дюймов, больше не получалось.

— Вы должны подождать.

Я вытаращился на него. Никак не ожидал такого совета.

Он кивнул.

— Вы удивлены. Да. Но я не христианин, тем более не католик, и к самоубийству отношусь вполне терпимо. Однако я верю в ответственность человека, знаю, кто вы, и говорю вам следующее: если вы покончите с собой сейчас... даже через шесть

* юноша (*исп.*).

месяцев... ваши жена и дети узнают. Сколь бы осторожны вы ни были, они узнают.

— Я не...

Он поднял руку.

— И компания, в которой вы застраховали свою жизнь... на очень большую сумму, я не сомневаюсь... тоже узнает. Они, возможно, не смогут этого доказать... но будут очень, очень стараться. Слухи, которые они начнут распускать, навредят вашим девочкам, пусть вы и думаете, что они хорошо от этого защищены.

Я понимал, что Мелинда защищена. А вот Илзе — совсем другое дело. Мелинда, когда злилась на сестру, говорила, что у Илзе задержка в развитии, но я в это не верил. Я думал, что Илли просто не такая толстокожая.

— И в конце концов они смогут это доказать. — Кеймен пожал огромными плечами. — Я не стану даже предполагать, сколько это будет в денежном эквиваленте, но знаю, что ваше наследство уменьшится на значительную сумму.

О деньгах я как раз и не думал. В голове роились мысли о следователях страховой компании, сующих свои носы во все дыры, пытающихся определить, как и что я подстроил, надеющихся разоблачить меня. И вот тут я начал смеяться.

Кеймен сидел, положив огромные черные руки на слоновьи колени, смотрел на меня со всезнающей улыбочкой на губах. Точнее, не улыбочкой, а улыбищей. Он дал мне отсмеяться, а потом спросил, что я нашел такого забавного.

— Вы говорите мне, что я слишком богат, чтобы покончить с собой.

— Я говорю «не сейчас», Эдгар, и это все, что я говорю. Я также собираюсь сделать вам предложение, идущее вразрез с моим достаточно богатым опытом... Но насчет вас у меня очень сильное предчувствие... то самое, что побудило меня дать вам куклу. Предложение это — географическое.

— Простите?

— Это метод лечения, который часто используется людьми на последней стадии алкоголизма. Они надеются, что смена места жительства даст им возможность начать все с чистого листа. Кардинально развернуть ситуацию.

Я что-то почувствовал. Не сказал бы, что надежду, но что-то.

— Срабатывает он редко, — продолжил Кеймен. — Ветераны «Анонимных алкоголиков», у которых есть ответ на все (это их благословение и проклятие и пусть даже редко кто это осознает), любят говорить: «Посади говнюка в самолет в Бостоне, тот же говнюк сойдет с трапа в Сиэтле».

— И где при таком раскладе я? — сорвался с моих губ естественный вопрос.

— В настоящий момент вы в пригороде Сент-Пола. Я предлагаю следующее: найдите местечко подальше и отправляйтесь туда. Вы в уникальном положении: можете это сделать, учитывая ваши финансовые возможности и семейный статус.

— И на сколько?

— Как минимум на год. — Он загадочно посмотрел на меня. Его большое лицо словно создали для такого выражения. Если бы его вырубили у входа в гробницу Тутанхамона, я уверен, Говард Картер задумался бы*. — А если вы что-нибудь сделаете с собой к концу этого года, ради Бога, Эдгар... нет, ради ваших дочерей... постарайтесь, чтобы комар носа не подточил.

Он почти провалился в глубины старого дивана, а тут начал вылезать. Я шагнул к нему, чтобы помочь, но он отмахнулся. В конце концов поднялся, вдохнул еще громче, взял портфель. Посмотрел на меня с высоты своих шести с половиной футов, этими выпученными глазами с желтоватыми белками, которые еще и увеличивали очень толстые линзы очков.

— Эдгар, что-нибудь может сделать вас счастливым?

Я не стал углубляться в его вопрос (испугался таящихся там опасностей).

— Я раньше рисовал.

Если на то пошло, рисованием я занимался довольно-таки серьезно, но так давно! С тех пор столько случилось... Женитьба, карьера, крах и первого, и второго.

— Когда?

— Подростком.

---

* Картер Говард (1873—1939) — английский археолог, нашедший гробницу Тутанхамона. Автор намекает на «проклятие фараонов», таинственную болезнь, которая якобы настигла участников экспедиции.

Я уже хотел рассказать ему о том, как когда-то мечтал о художественной школе (даже покупал альбомы с репродукциями, когда мог себе это позволить) — но сдержался. В последние тридцать лет мой вклад в мир живописи ограничивался завитушками, которые я выводил на бумаге во время телефонных разговоров, и прошло, наверное, десять лет с момента покупки последнего альбома, которому полагалось лежать на журнальном столике, дабы производить впечатление на гостей.

— А потом?

Я собрался солгать... стыдился сказать правду... но все же сказал. Однорукие мужчины должны говорить правду, если есть такая возможность. Это придумал не Уайрман. Это мои слова.

— Нет.

— Попробуйте снова порисовать, — предложил Кеймен. — Вам нужно отгородиться.

— Отгородиться? — в недоумении повторил я.

— Да, Эдгар. — На его лице отражались удивление и разочарование, вызванные тем, что я никак не мог понять очевидного. — Отгородиться от ночи.

VI

Где-то через неделю после визита Кеймена меня навестил Том Райли. Листья уже начали менять цвет, и я помню, что продавцы в «Уол-Марте» развешивали хэллоуиновские постеры, когда я заглянул туда, чтобы купить альбомы для рисования. Впервые после колледжа... черт, скорее, после средней школы.

Насчет самого визита Тома я лучше всего помню одно: его смущение и неловкость.

Я предложил ему пива, и он согласился. Когда я вернулся из кухни, он смотрел на сделанный мной рисунок тушью: три пальмы у кромки воды, крыша хижины на заднем фоне слева.

— Неплохо, — прокомментировал он. — Ты нарисовал?

— Нет, эльфы, — ответил я. — Они приходят ночью. Чинят мне обувь и иногда рисуют картины.

Он рассмеялся, слишком уж нарочито, и вернул рисунок на письменный стол.

— На Миннесоту, прафта, не похоше. — Он вдруг заговорил со шведским акцентом.

— Я срисовал его из книги, — пояснил я. На самом деле я воспользовался фотографией из буклета риелтора. Фото было сделано из окна так называемой «флоридской комнаты» в «Салмон-Пойнт». Я только что арендовал там дом как минимум на год. Никогда не бывал во Флориде, даже в отпуске, но фотография задела какую-то струнку в моей душе, и впервые после несчастного случая я почувствовал желание увидеть все своими глазами. Слабенькое, но желание. — Что я могу сделать для тебя, Том? Если ты насчет...

— Вообще-то Пэм попросила меня заглянуть к тебе. — Он опустил голову. — Я хотел, но не смог заставить себя сказать «нет». Из уважения к прошлому, ты понимаешь.

— Само собой. — Том говорил о тех временах, когда «Фримантл компани» представляла собой три пикапа, бульдозер «Катерпиллер D9» и радужные мечты. — Выкладывай, Том. Я тебя не укушу.

— Она наняла адвоката. Настроена на развод.

— Я и не думал, что она откажется от своих планов. — Я говорил правду. Не помнил, как душил ее, зато хорошо запомнил выражение ее глаз, когда она мне об этом говорила. И я прекрасно знал: если Пэм принимала решение, отказывалась она от него крайне редко.

— Она хочет знать, собираешься ли ты привлечь Боузи.

Вот тут я не мог не улыбнуться. Шестидесятипятилетний Уильям Боузман-третий, щегольски одетый, ухоженный, в галстуке-бабочке, возглавлял миннеаполисскую юридическую фирму, услугами которой пользовалась моя компания, и если бы он узнал, что мы с Томом последние двадцать лет зовем его Боузи, его, наверное, хватил бы удар.

— Я даже не думал об этом. А в чем проблема, Том? Что конкретно она хочет?

Он выпил пиво, поставил пустой стакан рядом с моим незаконченным рисунком, щеки налились краской.

— Она выразила надежду, что удастся обойтись без жесткого противостояния. Она сказала: «Я не хочу быть богатой и не хочу драться за каждый доллар. Я лишь хочу, чтобы он обошел-

ся по справедливости со мной и девочками, как он поступал всегда. Ты ему это передашь?» Вот я и передаю. — Том пожал плечами.

Я поднялся, подошел к большому окну между гостиной и крыльцом, посмотрел на озеро. В самом скором времени я собирался войти в мою «флоридскую комнату», чем бы она ни оказалась, и смотреть на Мексиканский залив. Задался вопросом, будет ли это лучше, по-другому, чем лицезрение озера Фален. Подумал, пусть будет хотя бы по-другому — во всяком случае, на первое время меня это устроит. Мне хотелось начать с чего-то нового. Когда я повернулся, Том Райли изменился до неузнаваемости. Первым делом я подумал, что у него схватило живот. Потом понял, что он пытается сдержать слезы.

— Том, в чем дело? — спросил я.

Он покачал головой, попытался заговорить, но с губ сорвался только влажный хрип. Он откашлялся, предпринял вторую попытку.

— Босс, не могу привыкнуть к тому, что у тебя только одна рука. Мне так жаль.

Произнес он эти слова так безыскусно, экспромтом, с такой теплотой. Шли они, конечно же, от сердца. Я думаю, в тот момент мы оба были на грани слез, как пара расчувствовавшихся парней в шоу Опры Уинфри.

Мысль эта помогла мне быстро взять себя в руки.

— Мне тоже жаль, но я как-то справляюсь. Честное слово. А теперь допей это чертово пиво, пока оно совсем не выдохлось.

Он рассмеялся и вылил остатки «Грейн белт» в стакан.

— Я собираюсь попросить тебя передать ей мое встречное предложение. Если она одобрит идею, детали мы утрясем. Обойдемся без адвокатов. Решим все сами.

— Ты серьезно, Эдди?

— Да. Ты все подсчитаешь, так что мы будем знать общую сумму, из которой можно исходить. Потом разделим итог на четыре части. Она возьмет три, семьдесят пять процентов, для себя и девочек, я — остальное. А что касается самого развода... слушай, в Миннесоте это не проблема, после ленча мы с ней можем пойти в «Бордерс»* и купить книгу «Развод для чайников».

* «Бордерс» — крупная сеть книжных магазинов.

Он вытаращился на меня.

— Есть такая книга?

— Я в каталог не заглядывал, но если нет, я съем твои усы.

— Я думал, говорят «съем твои трусы»*.

— А разве я сказал не так?

— Не важно. Эдди, ты же разбазаришь свое состояние.

— Спроси меня, и я скажу, что мне насрать. Я и в ус не дуну. Компания мне по-прежнему небезразлична, и она в отличном состоянии, потому что управляется людьми, знающими свое дело. Что же касается собственности... так я лишь предлагаю избавиться от излишнего самомнения, которое и позволяет адвокатам снять сливки. Если мы люди здравомыслящие, денег хватит всем.

Он допил пиво, не отрывая от меня взгляда.

— Иногда я думаю, тот ли ты человек, с которым я раньше работал.

— Тот человек умер в пикапе, — ответил я.

vii

Пэм приняла мое предложение, и, думаю, она могла бы согласиться на мое возвращение к ней вместо предложенной мною сделки (мысль эта то и дело, словно солнце из-за облаков, проглядывала на ее лице во время нашего ленча, когда мы утрясали детали), но эту тему я не поднял. Думал только о Флориде, этом убежище для новобрачных и стариков, молодых и полуживых. И полагаю, в глубине души даже Пэм понимала, что это наилучший выход. Потому что человек, которого вытащили из искореженного «додж-рэма», в стальной каске, обжимающей уши, словно смятая банка из-под собачьей еды, очень уж отличался от того, кто садился в «додж». Эта жизнь с Пэм, девочками и строительной компанией закончилась; все ее этапы остались позади. Но выходов из ситуации у меня было два. На одной двери висела табличка с надписью «САМОУБИЙСТВО» —

* Примерно так («Съешь мои трусы») говорит Барт Симпсон из известного сериала.

как указал доктор Кеймен, на текущий момент вариант не из лучших. То есть оставался только второй, через дверь с табличкой **«ДЬЮМА-КИ»**.

Однако перед тем как я выскользнул через эту дверь из моей прошлой жизни, произошло еще одно событие. Случилась беда с собакой Моники Голдстайн, Гендальфом, симпатичным джек-рассел-терьером.

viii

Если вы представляете себе мое новое пристанище одиноким коттеджем на озерном берегу, в который упирается петляющая по северным лесам проселочная дорога, то сильно ошибаетесь. Мы же говорим об обычном пригороде мегаполиса. Наш дом на озере расположен в конце Астер-лейн, асфальтированной улицы, идущей от Ист-Хойт-авеню до воды. В соседнем доме жили Голдстайны.

В середине октября я наконец-то внял совету Кэти Грин и начал ходить пешком. До великих походов по берегу дело дошло гораздо позже, а пока я позволял себе только короткие вылазки, и всякий раз по возвращении мое правое, раздробленное, а потом восстановленное бедро молило о пощаде (да и в глазах частенько стояли слезы), но продвигался я в правильном направлении. И я как раз возвращался домой после одной такой прогулки, когда миссис Феверо сбила маленькую собачку Моники. Я отшагал уже три четверти обратного пути, когда эта Феверо проехала мимо меня на своем «хаммере» нелепого горчичного цвета. Как всегда, с мобильником в одной руке и сигаретой в другой. Как всегда, ехала она слишком быстро. Все произошло мгновенно, и я, конечно, не заметил, как Гендальф выскочил на проезжую часть — наверное, он видел лишь свою хозяйку, Монику Голдстайн, которая шла по другой стороне улицы в парадной униформе герлскаута. А мое внимание занимало исключительно восстановленное бедро. Как всегда, в завершающей части этих коротких прогулок у меня создавалось ощущение, что это так называемое чудо современной медицины набито десятью тысячами острых стеклянных осколков.

Потом завизжали шины, и на визг наложился крик маленькой девочки: «ГЕНДАЛЬФ, НЕТ!»

В этот самый момент я отчетливо и ясно увидел кран, едва не убивший меня, а мир, в котором я всегда жил, пожирался желтизной, куда более яркой, чем «хаммер» миссис Феверо, и по желтизне плыли черные буквы, раздувались, становились все больше: «LINK-BELT».

Потом начал кричать и Гендальф, а видение прошлого (доктор Кеймен, несомненно, назвал бы его возвращенным воспоминанием) ушло. До того осеннего дня четырьмя годами раньше я понятия не имел, что собаки могут *кричать*.

Я побежал, бочком, как краб, стуча по тротуару красной «канадкой». Наверняка со стороны выглядело это нелепо, но никто на меня не смотрел, будьте уверены. Моника Голдстайн стояла на коленях на мостовой рядом со своей собакой, лежащей перед высокой квадратной радиаторной решеткой «хаммера». Лицо девочки белело над зеленой униформой. На ленте, что тянулась поперек груди, висели скаутские значки и медали. Конец этой ленты намокал в увеличивающейся луже крови Гендальфа. Миссис Феверо наполовину спрыгнула, наполовину вывалилась с очень уж высокого водительского сиденья «хаммера». Ава Голдстайн, в полурасстегнутой блузке и босиком, выбежала из парадной двери дома Голдстайнов, выкрикивая имя дочери.

— Не трогай его, дорогая, не трогай его, — проговорила миссис Феверо. Она все еще держала сигарету и нервно затягивалась.

Моника ее не слышала. Погладила бок Гендальфа. От прикосновения собака закричала вновь (это *был* крик), и Моника закрыла лицо руками. Начала трясти головой. Я не стал бы ее винить.

Миссис Феверо потянулась к девочке, потом передумала. Отступила на два шага, привалилась к высокому борту «хаммера» и посмотрела в небо.

Миссис Голдстайн опустилась на колени рядом с дочерью.

— Миленькая моя, ох, миленькая, пожалуйста, не надо...

Гендальф лежал на мостовой в расширяющейся луже собственной крови и выл. Теперь я смог вспомнить звук, который

издавал кран. Не «мип-мип-мип», как положено, потому что звуковой сигнал, предупреждающий о движении крана назад, не работал. Слышалось резко меняющее тональность урчание дизельного двигателя и шуршание гусениц, вдавливающихся в землю.

— Уведите ее в дом, Ава, — сказал я. — Уведите ее в дом.

Миссис Голдстайн обняла дочь за плечи, попыталась поднять.

— Пойдем, миленькая. Пойдем домой.

— *Без Гендальфа не пойду!* — закричала Моника. Одиннадцатилетняя, развитая для своего возраста девочка вдруг превратилась в трехлетнюю крошку. — Не пойду без моей собачки! — Лента с медалями, точнее, последние три дюйма, теперь пропитавшиеся кровью, прошлись по ее юбке, оставив на бедре кровавую полосу.

— Моника, пойди в дом и позвони ветеринару, — обратился я к девочке. — Скажи, что Гендальфа сбила машина. Скажи, что он должен немедленно приехать. А я пока побуду с Гендальфом.

Моника посмотрела на меня. В глазах стоял не шок, не горе — безумие. Я хорошо знал этот взгляд. Часто видел его в зеркале.

— Вы обещаете? Клянетесь? Именем матери?

— Клянусь именем матери. Иди, Моника.

Она пошла, еще раз взглянув на Гендальфа и издав скорбный вопль, прежде чем сделать первый шаг к дому. Я присел рядом с Гендальфом, держась одной рукой за бампер «хаммера», испытывая жуткую боль и клонясь налево, с тем, чтобы не сгибать правое колено больше, чем того требовала необходимость. Однако и с моих губ сорвался крик боли, и я задался вопросом: а удастся ли мне подняться без посторонней помощи? На миссис Феверо я рассчитывать не мог. Она отошла к тротуару с левой стороны улицы на прямых, широко расставленных ногах, согнулась, словно кланяясь особе королевской крови, и начала блевать в сливную канаву. При этом одну руку, с сигаретой, отвела далеко в сторону.

Я повернулся к Гендальфу. Под колесо попала задняя часть его тела. Позвоночник перебило. Кровь и экскременты сочились

меж сломанных задних лап и текли прямо по ним. Он поднял на меня глаза, и я увидел в них ужасающую надежду. Его язык выполз изо рта и лизнул мне запястье, сухой, как ковер, и холодный. Гендальф собирался умереть, но, похоже, не в самое ближайшее время. Моника в любой момент могла выйти из дома, и я не хотел, чтобы он дожил до этого и смог лизнуть ее запястье.

Я понимал, что должен сделать. И никто бы не увидел, как я это сделаю. Моника и ее мать находились в доме. Миссис Феверо по-прежнему стояла ко мне спиной. Если другие люди, жившие на этой части улицы, смотрели из окон (или даже вышли на лужайки), «хаммер» блокировал им обзор, не позволял увидеть меня, сидящего с неестественно выпрямленной правой ногой рядом с собакой. Времени у меня было в обрез, считанные мгновения, и я упустил бы свой шанс, продолжая раздумывать.

Поэтому я взялся рукой за верхнюю часть тела Гендальфа и без малейшей паузы вернулся на строительную площадку на Саттон-авеню, где «Фримантл компани» готовилась возвести сорокаэтажное банковское здание. Я — в пикапе. По радио Реба Макинтайр поет «Фэнси». Внезапно я осознаю, что шум от двигателя крана очень уж громкий, хотя я не слышал сигнала, который тот должен издавать при движении задним ходом, а когда смотрю направо, вижу, что мир за окном пикапа, которому следовало там быть, исчез. Этот мир заменило что-то желтое. И на этом желтом плывут черные буквы: «LINK-BELT». Они увеличиваются и увеличиваются. Я выворачиваю руль «рэма» влево, до упора, зная, что уже опоздал. Скрежещет корежащийся металл, заглушая песню, а кабина начинает сжиматься, справа налево, потому что кран вторгается в мое пространство, *крадет* мое пространство, и пикап накреняется. Я пытаюсь открыть водительскую дверцу, но куда там. Сделать это следовало незамедлительно, а теперь уже поздно что-то предпринимать. Мир передо мной исчезает, потому что ветровое стекло из-за миллиона трещинок становится матовым. Потом строительная площадка возвращается, потому что ветровое стекло вываливается из рамы. *Вываливается?* Летит, как сложенная пополам игральная карта. Я ложусь на руль, давлю на клаксон обеими локтями, моя правая рука служит мне в последний раз. Но едва слышу гудок за ревом двигателя крана. Надпись «LINK-BELT» все дви-

жется, сминает дверцу со стороны пассажирского сиденья, сжимает пол под пассажирским сиденьем, разбивает приборный щиток, который ощеривается пластиковыми остриями. Все дерьмо из бардачка разлетается по кабине, как конфетти, радио замолкает, мой контейнер для ленча прижат к планшету с зажимом, и вот идет «LINK-BELT». Надпись уже надо мной, я могу высунуть язык и лизнуть этот гребаный дефис. Я начинаю кричать, потому что именно в этот момент меня начинает сдавливать. Давление нарастает, моя правая рука сначала прижимается к боку, потом расплющивается, потом вскрывается. Кровь хлещет на колени, словно горячая вода из ведра, и я слышу, как что-то ломается. Вероятно, мои ребра. Такие же звуки слышны, когда куриные кости ломаются под каблуком сапога.

Я прижимал Гендальфа к себе и думал: «Принеси этого гребаного приятеля, принеси СТАРИКА и, ради Бога, сляг, ты, тупая сука!»

Теперь я сижу на приятеле, сижу на гребаном старике, происходит это у меня дома, но дом не ощущается домом со всеми этими часами мира, что звонят в моей треснувшей голове, и я не могу вспомнить имя куклы, которую дал мне Кеймен, я помню только мужские имена: Рэндолл, Расселл, Рудольф, даже Ривер-мать-его-Финикс. Я говорю ей, чтобы она оставила меня в покое, когда она приходит с фруктами и этим гребаным творогом, я говорю, дай мне пять минут. «Я могу это сделать», — говорю я, потому что этой фразе научил меня Кеймен, это сигнал «мип-мип-мип», который предупреждает: «Берегись, Пэмми, Эдгар двигается задним ходом». Но вместо того чтобы оставить меня одного, она снимает салфетку с подноса с ленчем, чтобы вытереть пот с моего лба, и когда вытирает, я хватаю ее за шею: думаю в тот момент, что не могу вспомнить имя куклы исключительно из-за нее, это ее вина, *все* — ее вина, включая «LINK-BELT». Я хватаю ее за шею левой рукой. Несколько секунд хочу убить, и кто знает, может, даже пытаюсь. Но я знаю другое: лучше мне вспомнить все аварии этого круглого мира, чем выражение глаз Пэм, когда она пытается вырваться из моей хватки. Потом я думаю: «Оно было КРАСНОЕ!» — и отпускаю жену.

Я прижимал Гендальфа к груди, как прижимал дочерей, когда они были младенцами, и думал: «Я могу это сделать. Я

могу это сделать. Я могу это сделать». Ощущал, как кровь Гендальфа заливает мои брюки, будто горячая вода, и думал: «Давай, хрен моржовый, вылезай из «доджа».

Я держал Гендальфа и думал, каково это, чувствовать, как тебя давят живого, когда кабина твоего пикапа сжирает воздух вокруг тебя, и ты уже не можешь вдохнуть, а кровь хлещет из носа и рта, и последние звуки, которые ухватывает улетающее сознание — хруст ломающихся в теле костей: ребра, рука, бедро, нога, щека, твой гребаный череп.

Я держал собаку Моники и думал, ощущая ничтожный, но триумф: «Оно было КРАСНОЕ!»

На мгновение я погрузился в темноту со всем этим красным, потом открыл глаза. Я прижимал Гендальфа к груди левой рукой, и его глаза снизу вверх смотрели мне в лицо...

Нет, мимо лица. И мимо неба за ним.

— Мистер Фримантл? — подошел Джон Хастингс, старик, который жил через два дома от Голдстайнов. В английской твидовой шляпе и свитере без рукавов он выглядел так, словно собрался на прогулку по шотландским вересковым пустошам. Вот только на лице его читался ужас. — Вы можете положить собаку. Она мертва.

— Да. — Я ослабил хватку. — Вы поможете мне встать?

— Не уверен, что смогу, — ответил Хастингс. — Скорее завалю нас обоих.

— Тогда пойдите к Голдстайнам, посмотрите, как они.

— Это ее песик, — вздохнул он. — Я надеялся... — Он покачал головой.

— Ее. И я не хочу, чтобы она видела его таким.

— Разумеется, но...

— Я ему помогу. — Миссис Феверо выглядела чуть лучше и уже бросила сигарету. Потянулась к моей правой подмышке, замерла. — Вам будет больно?

«Да, — мог бы ответить я, — но не так, как сейчас», но ответил, что нет. И когда Джон уже шагал по дорожке к дому Голдстайнов, я ухватился левой рукой за бампер «хаммера». На пару мы с миссис Феверо сумели поставить меня на ноги.

— Наверное, у вас нет ничего такого, чем бы накрыть собаку? — спросил я.

— Если на то пошло, в багажнике есть кусок брезента.

— Хорошо. Отлично.

Она двинулась к багажнику (учитывая размеры «хаммера», путь предстоял долгий), потом повернулась ко мне:

— Слава Богу, собака умерла до возвращения девочки.

— Да, — согласился я. — Слава Богу.

IX

Все это происходило неподалеку от моего коттеджа, которым заканчивалась улица, но путь этот дался мне с трудом и занял немало времени. Когда я добрался до цели, кисть, которую я называл «Костыльный кулак», болела, а кровь Гендальфа засыхала на моей рубашке. Я увидел открытку, засунутую между сетчатой дверью и косяком парадной. Достал ее. На открытке, под нарисованной улыбающейся девочкой, отдающей герлскаутский салют, прочитал:

ДЕВОЧКА ИЗ СОСЕДНЕГО ДОМА ЗАХОДИЛА,
ЧТОБЫ ПОВИДАТЬ ВАС И СООБЩИТЬ О ВКУСНОМ
ГЕРЛСКАУТСКОМ ПЕЧЕНЬЕ!
ХОТЯ ОНА НЕ ЗАСТАЛА ВАС СЕГОДНЯ,
Моника ЗАЙДЕТ ЕЩЕ РАЗ!
ДО СКОРОЙ ВСТРЕЧИ!

Рядом со своим именем Моника нарисовала улыбающуюся рожицу. Я смял открытку и бросил в корзину для мусора, когда, хромая, направился в душ. Рубашку, джинсы и заляпанное кровью нижнее белье я выбросил. Мне больше не хотелось их видеть.

X

Мой двухлетний «лексус» стоял на подъездной дорожке, но я не садился за руль со дня того несчастного случая на строительной площадке. Парнишка из соседнего колледжа трижды в

неделю ездил на нем, выполняя мои поручения. Кэти Грин с готовностью отвозила меня в ближайший супермаркет, если я ее об этом просил, или на последний блокбастер перед одной из наших пыточных сессий (после у меня уже не было никаких сил). Если бы мне сказали, что в эту осень я сам сяду за руль, я бы рассмеялся. И дело было не в травмированной ноге: меня прошибал холодный пот от одной мысли о вождении автомобиля.

Но в тот день, приняв душ и переодевшись, именно это я и проделал: уселся за руль. Повернул ключ в замке зажигания и, постоянно оглядываясь через правое плечо, задним ходом выехал с подъездной дорожки. Я принял четыре маленькие розовые таблетки оксиконтина вместо обычных двух, надеясь на то, что они позволят мне добраться до щита-указателя к супермаркету «Стоп-шоп» на пересечении Ист-Хойт и Истшор-драйв.

В супермаркете я не задержался. Речь шла не об обычном походе за продуктами, скорее, о быстром налете. Одна остановка в мясном отделе, потом прихрамывающая пробежка к экспресс-кассе (от одной до десяти покупок, никаких купонов, ничего для предъявления к осмотру). И тем не менее к моменту возвращения на Астер-лейн я фактически находился в состоянии наркотического опьянения. Если бы меня остановил коп, я бы не прошел проверку на трезвость.

Меня не остановили. Я проехал дом Голдстайнов: на подъездной дорожке стояли четыре автомобиля, не меньше полудюжины припарковались у тротуара, свет сиял во всех окнах. Мать Моники вызвала подкрепление по горячей линии, и, похоже, многие родственники сбежались на зов. Такая отзывчивость делала им честь и шла на пользу Монике.

Менее чем через минуту я уже сворачивал к своему дому. Несмотря на лекарство, правая нога пульсировала от боли: давали себя знать бесконечные перемещения с педали газа на педаль тормоза и обратно. Еще разболелась и голова, как это бывает при перенапряжении. Но более всего меня донимал голод. Именно он выгнал меня из дома. Только слово «голод» лишь в малой степени отражало мое состояние. Я ощущал просто зверский аппетит, и вчерашняя лазанья в холодильнике не могла его утолить. В ней, конечно, было мясо, но явно не в достаточном количестве.

Тяжело опираясь на «канадку», с кружащейся от оксиконтина головой, я вошел в дом, вытащил сковороду из ящика под плитой, поставил на горелку. Повернул ручку на максимум, едва услышал хлопок вспыхнувшего газа, потому что сосредоточился на куске говяжьей вырезки, с которого сдирал обертку. Бросил его на сковороду, разгладил рукой, прежде чем достал лопатку из ящика стола у плиты.

Входя в дом, сдирая с себя одежду и вставая под душ, я допустил ошибку, приняв спазмы желудка за тошноту... такое объяснение казалось разумным. Однако к тому времени, когда я смывал мыло, спазмы превратились в устойчивое низкое урчание, словно в животе на холостых оборотах работал мощный мотор. Таблетки это урчание приглушили, но теперь оно вернулось, усилившись. Если я и испытывал такой голод за всю свою жизнь, то не мог вспомнить когда.

Я постукивал лопаткой по большущему плоскому куску мяса и пытался досчитать до тридцати. Полагал, что тридцать секунд на сильном огне являли собой как минимум намек на действо, которое люди называли «приготовлением мяса». Если бы я догадался включить вытяжку и избавиться от запаха, возможно, и дотерпел бы. Но в итоге не досчитал и до двадцати. На семнадцати схватил бумажную тарелку, перекинул на нее мясо и принялся жрать полусырую вырезку, прислонившись к столику. Умял почти половину, когда, глядя на красный сок, вытекающий из красного мяса, ясно и отчетливо увидел Гендальфа, который смотрел на меня снизу вверх, а кровь и экскременты сочились из раздавленной задней половины тела, пятная шерсть на сломанных лапах. Мой желудок не сжался в конвульсиях, нет, нетерпеливо заорал, требуя новой еды. Я хотел есть.

Есть.

XI

В ту ночь мне приснилось, что я в спальне, которую так много лет делил с Пэм. Она спала рядом и не могла слышать каркающий голос, доносящийся откуда-то снизу, с темного первого этажа: «Молодые, полуживые, молодые, полуживые».

Голос этот напоминал заевшую виниловую пластинку. Я тряхнул жену за плечо, но она лишь повернулась на бок. Спиной ко мне. Сны обычно говорят правду, не так ли?

Я встал, спустился вниз, держась за перила, не доверяя полностью травмированной ноге. И заметил что-то странное в том, как я держался за знакомый поручень из полированного дерева. На подходе к подножию лестницы я понял, в чем дело. Справедливо это или нет, но мы живем в мире правшей: гитары изготавливаются для правшей, и школьные парты, и приборные щитки американских автомобилей. Перила в доме, где я жил с семьей, не составляли исключения. Они находились справа, потому что, хотя дом строила моя компания по моим чертежам, жена и дочь были правшами, а большинство правит.

И тем не менее моя рука скользила по перилам.

«Естественно, — подумал я. — Потому что это сон. Совсем как вторая половина того дня. Ты понимаешь?»

«Гендальф мне не приснился», — пришла новая мысль, а голос незнакомца в моем доме (все ближе и ближе) назойливо повторял: «Молодые, полуживые». Кто бы это ни был, находился он в гостиной. Мне идти туда не хотелось.

«Нет, Гендальф мне не приснился, — вновь подумал я. Может, эти мысли возникли у моей фантомной правой руки. — Сон — его убийство».

Так он умер сам по себе? Вот что пытался сказать мне голос? Потому что я не думал, что Гендальф умер своей смертью. Я думал, он нуждался в помощи.

Я вошел в мою прежнюю гостиную. Не чувствовал, как переставляю ноги, шел, будто во сне, когда кажется, что мир движется вокруг тебя, пятится назад, словно кто-то прокручивает фильм в обратном направлении. И в гостиной, в старом бостонском кресле-качалке Пэм, сидела Реба, воздействующая на злость кукла, выросшая до размеров ребенка. Жуткие бескостные ноги, обутые в черные туфли «Мэри Джейнс», качались взад-вперед над полом. Ее пустые глаза смотрели на меня. Синтетические, цвета клубники, кудряшки мотались из стороны в сторону. Рот был испачкан кровью, только в моем сне — не человеческой, и не собачьей, а соком, который вытекал из практи-

чески сырого гамбургера... соком, который я слизал с бумажной тарелки после того, как доел мясо.

«За нами гналась злая лягушка! — воскликнула Реба. — У нее *ЖУБЫ!*»

XII

Слово это (*ЖУБЫ*) еще звенело в моей голове, когда я сел на кровать, чтобы увидеть плещущееся на коленях холодное озерцо октябрьского лунного света. Я пытался закричать, но мне удалось выдавить из себя лишь несколько беззвучных ахов. Сердце гулко билось. Я потянулся к лампе на прикроватном столике и каким-то чудом не сбросил ее на пол, хотя, когда зажег свет, увидел, что чуть ли не половина ее основания висит в воздухе. Часы-радиоприемник показывали время: 3:19.

Я перекинул ноги через край кровати, взялся за телефон. «Если я вам действительно понадоблюсь, звоните, — говорил мне Кеймен. — В любое время дня и ночи». И если бы его номер хранился в памяти телефонного аппарата, что стоял в моей спальне, я бы скорее всего позвонил. Но реальность постепенно взяла свое: коттедж на берегу озера Фален, не дом в Мендота-Хайтс, никаких каркающих голосов внизу — и необходимость звонить отпала.

Реба, воздействующая на злость кукла, выросшая до размеров ребенка и восседающая в бостонском кресле-качалке. Что ж, почему нет? Я действительно разозлился, хотя скорее на миссис Феверо, чем на бедного Гендальфа, и я понятия не имел, какое отношение имеют зубастые лягушки к цене на бобы в Бостоне. На самом деле вопрос шел о собаке Моники. Убил я Гендальфа или он умер сам?

А может, вопрос был в другом: почему потом я так проголодался? Может, это и был главный вопрос.

Мне так хотелось мяса.

— Я взял его на руки, — прошептал я.

«Ты хочешь сказать, на руку, потому что теперь у тебя только одна рука».

Но моя память брала песика в мои *руки*, обе руки. Отводя злость

(«оно было КРАСНЫМ»)

от этой глупой женщины с сигаретой и мобильником, направляя ее на меня, замыкая эту идиотскую петлю... поднимая его на руки... несомненно, галлюцинация, но — да, так утверждала моя память.

Я положил шею Гендальфа на сгиб левого локтя с тем, чтобы суметь задушить его правой рукой.

Задушить и избавить от страданий.

Я спал голым по пояс, так что мне не составило труда взглянуть на культю. Для этого потребовалось лишь повернуть голову. Я мог шевельнуть культей, но не больше. Проделал это пару раз. Потом уставился в потолок. Сердце чуть замедлило бег.

— Собака умерла от полученных травм, — отчеканил я. — И шока. Вскрытие это подтвердит.

Да только никто не проводил вскрытие собак, которым ломали кости и которых превращали в желе «хаммеры», управляемые безответственными, не следящими за дорогой женщинами.

Я смотрел в потолок, и мне хотелось, чтобы эта жизнь закончилась. Несчастная жизнь, которая так хорошо начиналась. Я думал, что в эту ночь мне больше не заснуть, но тем не менее заснул. В конце концов мы всегда избавляемся от наших тревог.

Так говорит Уайрман.

Как рисовать картину (II)

Помните, правда кроется в мелочах. Не важно, как вы видите мир, или какой стиль он навязывает вам, как художнику, правда кроется в мелочах. Разумеется, там кроется и дьявол (все так говорят), но, возможно, правда и дьявол — синонимы. Так бывает, знаете ли.

Вновь представьте себе маленькую девочку, ту самую, которая выпала из возка. Она ударилась правой стороной головы, но в наибольшей степени пострадало левое полушарие мозга — противоударная травма, помните? В левом полушарии находится зона Брока... не все это знали в 1920-х годах. Зона Брока управляет речью. Если ударить по ней достаточно сильно, вы потеряете дар речи. Иногда — на какое-то время, может, и навсегда. Но говорить — не видеть, хотя и первое, и второе тесно связаны.*

Маленькая девочка по-прежнему все видит.

Она видит пятерых своих сестер. Их платья. Их волосы, растрепанные ветром, когда они приходят с улицы. Она видит усы отца, теперь тронутые сединой. Она видит няню Мельду, не домоправительницу, а, в понимании девочки, ту, кто более всего соответствует слову «мать». Она видит косынку, которую няня повязывает на голову, когда прибирается в доме. Она видит узел спереди, над высоким коричневым лбом няни Мельды. Она видит

* Брока Поль Пьер (1824—1880) — французский врач и антрополог. В 1861 г. к нему пришел пациент, который потерял способность говорить и мог только сказать «тан, тан». Когда пациент скончался, Брока исследовал его мозг и обнаружил поврежденный участок левого полушария, размером с куриное яйцо. Ученый пришел к выводу, что эта часть мозга отвечает за речевые способности, и с тех пор эта область называется зоной Брока.

серебряные браслеты няни Мельды, видит, как они сверкают, выстреливая яркими лучами, когда через окна на них падает солнечный свет.

Мелочи, мелочи, правда кроется в мелочах.

Хочет ли увиденное высказаться, даже если мозг поврежден? Травмирован? Должно хотеть, должно.

Она думает: «У меня болит голова».

Она думает: «Что-то случилось, и я не знаю, кто я. Или где я. Или что означают все эти яркие, окружающие меня образы».

Она думает: «Либбит? Мое имя — Либбит? Я знала, до того как. Я могла говорить до-того-как, когда знала, но теперь мои слова — рыбы в воде. Мне нужен мужчина с волосами на губе».

Она думает: «Это мой папочка, но когда я пытаюсь произнести его имя, вместо этого говорю: «Ица! Ица!» — потому что в этот момент какая-то птица пролетает мимо моего окна. Я вижу каждое перышко. Я вижу ее глаз, блестящий, как стекло. Я вижу ее лапку, она согнута, как будто сломана, и это слово — кривуля. У меня болит голова».

Девочки заходят. Мария и Ханна заходят. Она их не любит, в отличие от близняшек. Близняшки маленькие, как и она.

Она думает: «Я называла Марию и Ханну Большими Злюками до-того-как», — осознает, что знает это вновь. Еще что-то вернулось. Слово, обозначающее еще одну мелочь. Она снова его забудет, но в следующий раз вспомнит, и будет помнить дольше. Она в этом практически уверена.

Она думает: «Когда я пытаюсь сказать «Ханна», я говорю: «Анн! Анн!» Когда я пытаюсь сказать «Мария», я говорю: «И! И!» И они смеются, эти злюки. Я плачу. Мне нужен мой папа, и я не могу вспомнить, как его назвать; это слово ушло. Слова — будто птицы, они летают. Летают и улетают. Мои сестры говорят. Говорят, говорят, говорят. У меня в горле пересохло. Я пытаюсь сказать «пить». Я говорю: «Ить! Ить!» Но они только смеются, эти злюки. На мне повязка, я ощущаю запах йода, запах пота, слушаю их смех. Я кричу на них, кричу громко, и они убегают. Приходит няня Мельда, ее голова красная. Потому что волосы повязаны косынкой. Ее кругляши сверкают на солнце, и называются эти кругляши браслетами. *Я говорю: «Ить, ить!» — но няня Мельда меня не понимает. Тогда я говорю: «Ака! Ака!» — и няня*

сажает меня на горшок, хотя на горшок мне совсем и не нужно. Я сижу на горшке и вижу, и повторяю: «Ака! Ака!» Входит папочка. «Чего ты кричишь?» — все его лицо в белых пузырях пены, кроме полосы гладкой кожи. Там, где он провел той штуковиной, которая убирает волосы. Он видит, куда я указываю. Он понимает. «Да она хочет пить». Наполняет стакан. Комната залита солнцем. Пыль плавает в солнце, и папина рука движется сквозь солнце, неся стакан, и называется это — «красиво». Я выпиваю все-все. Потом снова кричу, но от радости. Он целует меня целует меня целует меня, обнимает меня обнимает меня обнимает меня, и я пытаюсь сказать ему: «Папочка!» — но по-прежнему не могу. Потом я вдруг думаю о его имени, и в голове появляется «Джон», вот я и думаю о его имени, и пока я думаю «Джон», с моих губ срывается: «Папочка!» — и он обнимает меня обнимает меня еще сильнее.

Она думает: «Папочка — мое первое слово после того, как со мной случилось плохое».

Правда кроется в мелочах.

Глава 2
«РОЗОВАЯ ГРОМАДА»

1

Географическое предложение Кеймена сработало, но если уж говорить о приведении в порядок моей головы, думаю, что на Флориду выбор пал случайно. Это правда, я там поселился, но в действительности там *не жил*. Нет, географическая терапия Кеймена сработала благодаря Дьюма-Ки и «Розовой громаде». Для меня эти два места составили собственный мир.

Я отбыл из Сент-Пола десятого ноября с надеждой в сердце, но без особых ожиданий. Провожала меня Кэти Грин, королева лечебной физкультуры. Она поцеловала в губы, крепко обняла и прошептала:

— Пусть все твои сны сбудутся, Эдди.

— Спасибо, Кэти, — ответил я, тронутый до глубины души, хотя из головы у меня не шел сон с Ребой, воздействующей на злость куклой, в котором она, выросшая до размеров ребенка, сидела в кресле в залитой лунным светом гостиной дома, где я прожил с Пэм много лет. Не сильно мне хотелось, чтобы этот сон сбылся.

— И пришли мне свою фотографию из «Диснейуолда». Хочу увидеть тебя с мышиными ушами.

— Обязательно, — пообещал я, но не побывал ни в «Диснейуолде», ни в «Сиуолде», ни в «Буш-Гарденс», ни на «Дантона-Спидуэй» *.

* «Диснейуолд», «Сиуолд», «Буш-Гарденс» — парки развлечений, «Дантона-Спидуэй» — трасса автогонок, все они расположены в штате Флорида.

Когда я покидал Сент-Луис в комфортабельном салоне «Лир-55» (уход на пенсию при деньгах имеет свои преимущества), температура воздуха опустилась до пяти градусов ниже нуля, и на землю падали первые снежинки, предвестники длинной зимы. В Сарасоте я вышел из самолета в жару под тридцать градусов и солнце. Даже пересекая полосу асфальта, отделявшую меня от терминала частных пассажирских самолетов, по-прежнему опираясь на верную красную «канадку», я буквально чувствовал, как правое бедро не устает повторять: «Спасибо тебе».

Вспоминая то время, я вижу бурлящий котел эмоций: любви, желания, страха, ужаса, сожаления и глубокой нежности. Испытать эти чувства могут лишь те, кто побывал на грани смерти. Думаю, то же самое ощущали Адам и Ева. Конечно же, они оглядывались на Эдем (едва ли вы не согласитесь в этом со мной), когда босиком двинулись по дорожке, приведшей туда, где мы сейчас и находимся, в наш мрачный, пронизанный политикой мир с пулями, бомбами и спутниковым телевидением. Смотрели ли они за спину ангела с огненным мечом, который охранял закрывающиеся ворота? Безусловно. Думаю, они хотели еще раз увидеть зеленый мир, который потеряли, со сладкой водой и добрыми животными. И, разумеется, со змеем.

ii

От западного побережья полуострова Флорида в море брошен браслет с амулетами-островами. Если у вас завалялись семимильные сапоги, обув их, вы сможете шагнуть с Лонгбоута на Лидо, с Лидо — на Сиесту, с Сиесты — на Кейси. Следующий шаг приведет вас на Дьюма-Ки (девять миль в длину и полмили в самом широком месте), расположенный между Кейси-Ки и Дон-Педро-Айлендом. Большая часть острова необитаема, заросли баньянов, пальм и казуарин, неровный, в дюнах, берег, который смотрит на Мексиканский залив. Выход на пляж охраняется полосой униолы метельчатой, высотой по пояс. «Униоле здесь самое место, — как-то сказал мне Уайрман, — но вся остальная хрень не должна тут расти без полива». Большую часть

времени, которое я провел на Дьюма-Ки, там, помимо меня, жили только Уайрман и Невеста крестного отца.

Я попросил Сэнди Смит, моего риелтора в Сент-Поле, найти тихое местечко (не уверен, что употребил слово «изолированное»), но достаточно близкое к благам цивилизации. Помня совет Кеймена, особо отметил, что хочу арендовать дом на год, и цена значения не имеет. При условии, что я не останусь без гроша в кармане. Пусть меня мучила депрессия, да и боль практически не отпускала, я не хотел, чтобы кто-либо воспользовался моей слабостью. Сэнди ввела мой запрос в компьютер, и программа выдала «Розовую громаду». Я будто вытащил счастливый билет. Да только я в это не верил. Потому что даже в самых первых моих рисунках вроде бы, ну, не знаю, что-то было.

Что-то.

iii

В день прибытия на Дьюма-Ки (на арендованной машине, за рулем которой сидел Джек Кантори, молодой человек, нанятый Смит через одно из агентств по трудоустройству Сарасоты), я ничего не знал об истории острова, за исключением одного: добраться до него можно с Кейси-Ки по мосту, построенному в эру УОР*. Я обратил внимание, что только северная оконечность свободна от растительности, заполонившей весь остров. Здесь территорию облагородили (применительно к Флориде это означало создание ирригационной системы, посадку пальм и травы). Вдоль узкой, в заплатах асфальта, дороги на юг построили полдюжины домов, и замыкала ряд огромная, но, безусловно, элегантная гасиенда.

А неподалеку от съезда с моста, на расстоянии, не превышающем длину футбольного поля, я увидел розовую виллу, нависшую над Заливом.

* Управление общественных работ — федеральное независимое ведомство, созданное в 1935 г. по инициативе президента Рузвельта и ставшее основным в системе трудоустройства безработных в ходе осуществления Нового курса.

— Это она? — спросил я, думая: «Пусть это будет она. Именно она мне и нужна». — Это она, не так ли?

— Понятия не имею, мистер Фримантл, — ответил Джек. — Сарасоту я знаю, а вот на Дьюму попал впервые. Не было повода приезжать. — Он остановился рядом с почтовым ящиком с красным числом 13. Посмотрел на папку, что лежала между нашими сиденьями. — Нам сюда, все так. «Салмон-Пойнт», номер 13. Надеюсь, вы не суеверны.

Я покачал головой, не отрывая глаз от виллы. Меня не тревожили разбитые зеркала или черные кошки, перебегающие дорогу, но я искреннее верил в... ну, может, не в любовь с первого взгляда, по мне такое для книг и фильмов — в чистом виде Ретт-и-Скарлетт — но в притяжение? Точно. Так меня потянуло к Пэм, когда я увидел ее в первый раз, на двойном свидании (она была с другим парнем). И то же самое я испытал, увидев «Розовую громаду».

Дом стоял на сваях, его «подбородок» далеко выступал за линию высокого прилива. Рядом с подъездной дорожкой, на покосившейся деревянной палке, крепилась табличка с надписью **«ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН»**, но я полагал, что ко мне эта надпись не относится.

«Как только вы подпишете договор аренды, дом ваш, — объяснила мне Сэнди. — Даже если его продадут, новый владелец не сможет выселить вас до истечения срока аренды».

Джек медленно подъехал к двери черного хода... единственной двери, поскольку фасадом дом выходил на Мексиканский залив.

— Я удивлен, что его разрешили построить так близко от воды. — Джек покачал головой. — Наверное, в прежние времена порядки были другими, — под прежними временами он, вероятно, подразумевал 1980-е годы. — Это ваш автомобиль. Надеюсь, он в порядке.

Справа от виллы, на квадрате потрескавшегося бетона, был припаркован автомобиль, типичный «американец» средних размеров, на каких специализируются компании по прокату. Я не садился за руль с того дня, когда миссис Феверо сбила Гендальфа, и удостоил автомобиль разве что беглым взглядом. Зато меня очень интересовала квадратная громадина, которую я арендовал.

— Разве нет законов, запрещающих строительство в непосредственной близости от берегов Мексиканского залива?

— Теперь наверняка есть, но таких законов могло и не быть, когда шло строительство. Проблема в береговой эрозии. Я сомневаюсь, что дом построили висящим над водой.

Он, конечно же, был прав. Я видел шестифутовый отрезок свай, поддерживающих застекленную веранду с навесом, так называемую «флоридскую комнату». Если только сваи не уходили в скальное основание на шестьдесят футов, этому дому предстояло «уплыть» в Мексиканский залив. Вопрос времени, ничего больше.

Я только думал об этом, а Джек Кантори уже озвучивал мои мысли. Потом он улыбнулся.

— Волноваться, впрочем, не о чем, я уверен, что дом вас предупредит. Вы услышите скрип и стоны.

— Как дом Ашеров, — кивнул я.

Улыбка Джека стала шире.

— Да он наверняка простоит еще лет пять. Иначе его давно бы забраковали.

— Мне бы твою уверенность.

Джек задним ходом подогнал автомобиль к двери, чтобы выгрузить багаж. Впрочем, вещей я захватил с собой немного: три чемодана, чехол с костюмами, металлический кейс с ноутбуком и рюкзак с минимумом необходимого для рисования — главным образом с блокнотами и цветными карандашами. Прошлую жизнь я оставил налегке. Посчитал, что в новой мне прежде всего понадобятся чековая книжка и карточка «Американ экспресс».

— Что вы хотите этим сказать? — спросил он.

— Тот, кто мог позволить себе построить здесь виллу, наверняка мог договориться с сотрудниками СИ.

— СИ? Что это такое?

Сразу ответить у меня не получилось. Я представлял себе, о ком говорю: мужчины в белых рубашках и галстуках, в желтых защитных касках на голове, с планшетами в руках. Я видел даже ручки в их нагрудных карманах и пластиковые чехольчики, в которые эти ручки вставлялись. Дьявол кроется в мелочах, верно? Но я не мог вспомнить, что означает СИ, хотя аббревиатуру

знал не хуже собственного имени. И мгновенно меня охватила ярость. Мгновенно я решил, что сейчас самым естественным будет сжать левую руку в кулак и врезать по незащищенному адамову яблоку молодого человека, который сидел рядом со мной. Я ведь имел на это полное право. Потому что не смог найти ответ именно на его вопрос.

— Мистер Фримантл?

— Одну секунду, — ответил я, подумав: «Я могу это сделать».

Я вспомнил о Доне Филде, парне, который инспектировал большинство зданий, построенных мной в девяностых годах (вроде бы большинство), и в моей голове что-то замкнулось. Я осознал, что сижу, выпрямившись, левая рука, лежащая на коленях, сжата в кулак. Понял, почему в голосе Джека слышалась озабоченность. Я выглядел так, словно мой живот пронзила резкая боль. Или у меня сердечный приступ.

— Извини, — продолжил я. — Со мной произошел несчастный случай. Я ударился головой. Память иногда подводит.

— Не волнуйтесь об этом, — проговорил Джек. — Не так уж это и важно.

— СИ — строительная инспекция. Следит за выполнением норм строительного кодекса. Обычно они решают, собирается рухнуть твой дом или нет.

— Так вы говорите о взятках? — Мой новый работник нахмурился. — Что ж, я уверен, такое случается, особенно здесь. Деньги решают все.

— Ну откуда такой цинизм. Иногда это вопрос дружбы. Строители, подрядчики, сотрудники строительной инспекции, иногда даже парни из УОТ*... они обычно пьют в одних барах, а раньше ходили в одни школы. — Я рассмеялся. — В некоторых случаях в исправительные школы.

— Они назначили под снос пару домов в северной части Кейси-Ки, когда береговая эрозия ускорилась, — заметил Джек. — Один просто рухнул в воду.

— Что ж, как ты и говоришь, я скорее всего услышу треск, а пока дом выглядит вполне безопасным. Давай занесем мои вещи.

---

* УОТ — Федеральное управление охраны труда и техники безопасности.

Я открыл дверцу, затем с трудом вылез из автомобиля. Травмированная нога затекла. Если бы я вовремя не поставил костыль, то поздоровался бы с «Розовой громадой», растянувшись на каменной ступеньке у двери.

— Я занесу ваши вещи, — сказал Джек. — А вы пройдите в дом и посидите, мистер Фримантл. Не повредит и глоток чего-то холодного. Вы выглядите усталым.

iv

Эмоциональная и физическая нагрузки, вызванные путешествием, дали о себе знать, так что я более чем устал. К тому времени, когда я уселся в кресло в гостиной (кренясь влево, как обычно, в стремлении максимально выпрямить правую ногу), с готовностью признался себе, что вымотан донельзя.

Однако тоски по дому я не испытывал, во всяком случае, пока не испытывал. Джек заносил чемоданы в большую спальню, устанавливал ноутбук на столе в маленькой, а мой взгляд притягивала западная стена гостиной из стекла, «флоридская комната» за ней и Мексиканский залив еще дальше. Безбрежная синева, плоская, как зеркало, во второй половине этого жаркого ноябрьского дня. И даже с закрытой дверью-стеной я слышал негромкое и ровное дыхание этой синевы. «У нее нет памяти», — такая вот странная, но оптимистичная мысль мелькнула в голове. Меня по-прежнему волновало все, что касалось памяти (и злости).

Джек вернулся из маленькой спальни и сел на подлокотник дивана. Мне показалось, что молодому человеку не терпится уйти.

— Из еды все необходимое у вас есть, — доложил он. — Плюс салат, гамбургер и готовая курица в вакуумной упаковке... у нас дома ее называют «Курица-астронавт». Надеюсь, вы не против.

— Отлично.

— Двухпроцентное молоко...

— Очень хорошо.

— ...и разбавленные сливки. Если нужно, в следующий раз могу привезти чистые.

— Хочешь закупорить мою единственную оставшуюся артерию?

Он рассмеялся.

— В маленькой кладовой на кухне все виды баночного дер... консервов. Кабельное телевидение подключено, интернет работает... я договорился о Wi-Fi, это стоит чуть дороже, но круто... и, если хотите, можно установить спутниковую антенну.

Я покачал головой. Он был хорошим парнем, но я хотел послушать Залив, нашептывающий мне слова, которые он уже не вспомнил бы минутой позже. И я хотел послушать виллу, выяснить, есть ли ей что сказать. Почему-то у меня создалось впечатление, что есть.

— Ключи в конверте на кухонном столе... в том числе и от автомобиля... список телефонных номеров, которые могут вам понадобиться — на холодильнике. У меня занятия в университете каждый день, кроме понедельника, но мобильник всегда при мне, и я буду приезжать по вторникам и четвергам к пяти часам, если мы не договоримся на другие дни. Вроде бы все?

— Да. — Я полез в карман за деньгами. — Хочу выдать тебе премию. Ты отлично поработал.

Он замахал руками.

— Нет. Это клевая работа, мистер Фримантл. Хорошая оплата и удобное время. Я счел бы себя хапугой, получая еще и премии.

Я рассмеялся, убрал деньги в карман.

— Как скажешь.

— Вам бы прилечь. — Он поднялся.

— Может, и прилягу. — Странно это, когда к тебе относятся, как дедушке Уолтону*, но, наверное, мне следовало к этому привыкать. — А что случилось с другим домом на северной оконечности Кейси-Ки?

— Что?

— Ты сказал, что один рухнул в воду. Что случилось со вторым?

— Насколько я знаю, он все еще на прежнем месте. Хотя если сильный шторм вроде «Чарли» обрушится на остров, едва

* Дедушка Уолтон — персонаж телесериала «Уолтоны» компании Си-би-эс (1972—1981).

ли от дома что-то останется. — Он подошел ко мне, протянул руку. — В любом случае, мистер Фримантл, добро пожаловать во Флориду. Надеюсь, она примет вас хорошо.

Я пожал его руку.

— Спасибо... — Я запнулся, возможно, на столь короткое время, что он и не заметил, но я не разозлился. На него точно не разозлился. — Спасибо за все.

— Да ладно.

Когда Джек уходил, во взгляде, брошенном на меня, чувствовалось легкое недоумение, так что, возможно, он заметил. Может, заметил, как я запнулся. Меня это уже не волновало. Наконец-то я остался один. Вслушался в хруст ракушек и гравия, вылетевших при развороте из-под автомобильных колес. В шум двигателя, который затихал, затихал, исчез. Осталось лишь негромкое, ровное дыхание Залива. И удары сердца — мягкие, глуховатые. Никаких часов, звенящих, бьющих, даже тикающих. Я глубоко вдохнул, набрал полную грудь затхлого, чуть влажноватого воздуха. А как еще могло пахнуть в помещении, которое достаточно давно стояло закрытым, если не считать коротких еженедельных (или раз в две недели) ритуальных проветриваний? Я, кажется, уловил запахи морской соли и субтропических растений, названий которых еще не знал.

Слышал я главным образом шум волн, очень уж напоминающий дыхание какого-то большого спящего существа, и смотрел через стеклянную стену, которая выходила на воду. Поскольку «Розовую громаду» приподняли над уровнем земли, с того места, где я сидел (достаточно далеко от стеклянной стены гостиной), берега видно не было. Сидя в кресле, я имел возможность полюбоваться разве что одним из больших танкеров, следующих нефтяными маршрутами из Венесуэлы в Галвестон. Купол неба затянула легкая дымка, приглушая яркость отражающихся от поверхности воды солнечных лучей. Слева на фоне неба четко прорисовывались силуэты трех пальм, их кроны чуть колыхались под очень, очень легким ветерком: эти самые пальмы я изобразил на своем первом после несчастного случая рисунке. «На Миннесоту, прафта, не похоше», — прокомментировал Том Райли.

Стоило мне посмотреть на них, как вновь захотелось рисовать... потребность напоминала голод, правда, возникла она не в желудке, а вызвала зуд в голове. И что странно, еще и в культе. «Не сейчас, — одернул я себя. — Позже. Сейчас я как выжатый лимон».

Из кресла я сумел подняться со второй попытки, довольный тем, что юноша не стал свидетелем провала первой и не услышал мой нелепый («Твою мать!») раздраженный вскрик. Поднявшись, я какое-то время шатался, опираясь на «канадку», задаваясь вопросом, до какой же степени я вымотан. Обычно «выжат как лимон» — выражение образное, но в тот момент я именно таким себя и ощущал.

Медленным шагом (не испытывая никакого желания упасть здесь в первый же день) я проделал путь в большую спальню. Увидел двуспальную кровать, и больше всего мне захотелось подойти к ней, сесть, костылем скинуть на пол эти идиотские декоративные подушки (на одной вышили некое подобие двух прыгающих кокер-спаниелей и довольно пугающую мысль: «МОЖЕТ, СОБАКИ И ЕСТЬ САМЫЕ ХОРОШИЕ ЛЮДИ?»), лечь и поспать два часа. Может, три. Но сначала я прошел к скамье у изножия кровати, по-прежнему очень осторожно, зная, как легко при такой усталости зацепиться ногами и упасть. На скамью юноша положил два из трех моих чемоданов. Нужный, конечно, оказался снизу, так что я без колебаний сбросил верхний на пол и расстегнул молнию наружного кармана.

Стеклянные синие глаза глянули на меня с выражением вечного осуждающего удивления: «О-о-о-о-х, какой противный парниша! Я столько времени здесь пролежала!» Взбитые синтетические оранжево-красные волосы вырвались из заточения. Реба, воздействующая на злость кукла, в лучшем синем платье и черных туфлях «Мэри Джейнс».

Прижимая ее к боку культей, я лег на кровать. После того как устроился между декоративных подушек (больше всего мне хотелось отправить на пол прыгающих кокеров), положил куклу рядом с собой.

— Я забыл его имя, — признался я. — Всю дорогу сюда помнил. А потом забыл.

Реба смотрела в потолок, где застыли лопасти вентилятора. Я забыл его включить. Ребу не волновало, как звали молодого человека, который теперь работал у меня в свободное от учебы время — Айк, Майк или Энди ван Слайк. Ей все это было без разницы. Да и чего еще я мог ожидать от тряпок, засунутых в розовое тело каким-нибудь несчастным ребенком, которого заставляли трудиться и нещадно эксплуатировали где-то в Камбодже или в гребаном Уругвае.

— Как его зовут? — спросил я ее. И при всей моей усталости, почувствовал прежнюю нарастающую панику. Прежнюю нарастающую ярость. Страх, что такое будет продолжаться до конца моей жизни. Или станет хуже! Меня увезут в санаторий для выздоравливающих — в действительности тот же ад, только заново покрашенный.

Реба не ответила, бескостная сука.

— Я могу это сделать, — отчеканил я, хотя сам себе не верил. И подумал: «Джерри. Нет, Джефф». Потом: «Нет, ты думаешь о Джерри Джеффе Уокере, козел. Джонсон? Джеральд? Джордж Вашингтон, черт побери?»

Я начал засыпать. Начал засыпать, несмотря на злость и панику. Меня убаюкивал тихий шепот Залива.

«Я могу это сделать, — подумал я. — Напрягись. Вспомнил же ты, что означало СИ».

Я вспомнил, как молодой человек сказал: «Они определили к сносу пару домов в северной части Кейси-Ки, когда береговая эрозия ускорилась», — и в этом что-то было. Моя культя зудела, как безумная. Но можно прикинуться, что зудит культя другого человека, в другой вселенной, а тем временем искать эту штуковину, эту тряпку, эту кость, эту связь...

...засыпая...

«Хотя если сильный шторм вроде «Чарли» обрушится на остров...»

И бинго!

«Чарли», название урагана, и когда очередной ураган приближался к побережью, я включал Метеорологический канал, как и вся Америка, а их комментатора по ураганам звали...

Я поднял Ребу — на мой полусонный взгляд, весила она фунтов двадцать.

— Комментатор по ураганам — Джим Канторе, — объяснил я Ребе. — Мой помощник — *Джек* Кантори. Гребаное дело закрыто. — Я положил ее на спину и зажмурился. Еще десять или пятнадцать секунд слушал дыхание Залива. Потом заснул.

Спал до заката. Самым глубоким, самым крепким сном за последние восемь месяцев.

V

В самолете я едва прикоснулся к еде, поэтому проснулся жутко голодным. Вместо двадцати пяти упражнений на сгибание, чтобы размять травмированное бедро, сделал только дюжину, заглянул в туалет и поспешил на кухню. Опирался на «канадку», но не так тяжело, как ожидал, учитывая продолжительность дневного сна. Намеревался сделать себе сандвич, может, два. Рассчитывал на порезанную копченую колбасу, но полагал, что подойдет любое мясо для сандвича. После еды собирался позвонить Илзе и сказать, что добрался до пункта назначения. А уж Илзе электронными письмами известила бы всех, кого заботило благополучие Эдгара Фримантла. Потом мне предстояло принять вечернюю дозу обезболивающих таблеток и изучить оставшуюся часть моего нового жилища. Я еще не успел побывать на втором этаже.

Чего я не учел в своих планах, так это изменений в открывающемся из окон виде на запад.

Солнце зашло, но над плоской поверхностью Залива, простиравшегося до горизонта, оставалась яркая оранжевая полоса. Она разрывалась только в одном месте силуэтом какого-то огромного корабля. Силуэт этот напоминал рисунок первоклассника. Трос тянулся от носа к, по моему предположению, радиомачте, образуя треугольник света. А выше оранжевое переходило в захватывающее дух сине-зеленое, как на полотнах Максфилда Пэрриша. Сам я таких цветов раньше не видел... и однако испытал ощущение deja vu, словно все-таки видел — во сне. Может, мы все видим такое небо в наших снах, но проснув-

шийся мозг не в силах подобрать для увиденного привычные названия цветов.

Еще выше, в сгущающейся черноте, уже сияли первые звезды.

Я более не испытывал голода, пропало и желание звонить Илзе. Мне хотелось только одного: нарисовать то, что я видел перед собой. Я знал, что мне не удастся все перенести на бумагу, но плевать я хотел, удастся или нет... и вот это радовало больше всего. Притягивал сам процесс.

Мой работник (на мгновение я опять забыл его имя, потом вспомнил Метеоканал, потом подумал: «Джек, гребаное дело закрыто») оставил рюкзак с рисовальными принадлежностями во второй спальне. Вместе с ним я неуклюже прошествовал во «флоридскую комнату»: одной рукой приходилось нести рюкзак и опираться на костыль. Легкий любопытный ветерок взъерошил волосы. Сама идея, что такой вот ветерок и снег в Сент-Поле могли существовать одновременно, в одном мире, казалась абсурдной... прямо-таки научной фантастикой.

Я положил рюкзак на длинный шероховатый деревянный стол, подумал, что надо бы включить свет, но отказался от этой мысли. Я мог рисовать, пока видел, что рисую, а потом сказать себе, что на сегодня все. Сел, как всегда, скособочась, расстегнул молнию, достал альбом. **«МАСТЕР»** — гласила надпись на обложке. С учетом уровня моего мастерства выглядела она насмешкой. Я залез глубже и вытащил коробку с цветными карандашами.

Рисовал и раскрашивал я быстро, практически не глядя на то, что делаю. Над произвольно проведенной линией горизонта все затенил желтым — торопливо водил карандашом из стороны в сторону, иногда задевая корабль (должно быть, ему предстояло стать первым желтушным танкером в мире), но меня это не волновало. Когда закончил с полосой заката (теперь он совсем догорал), я схватил оранжевый карандаш, начал водить по желтой полосе, уже сильнее. Потом вернулся к кораблю, особо не думая, просто наносил на бумагу черные, пересекающиеся линии. Таким я его видел.

Когда закончил, практически полностью стемнело.

По левую руку шелестели листвой три пальмы.

Ниже и подо мной, но не очень далеко, вода прибывала, вздыхал Мексиканский залив, словно у него выдался долгий день, а еще оставалась работа.

Над головой высыпали уже тысячи звезд, и прямо у меня на глазах появлялись все новые.

«И так здесь было всегда», — подумал я и вспомнил фразу, которую произносила Мелинда, если слышала по радио действительно понравившуюся ей песню: «Она зацепила меня на здрасьте». Под моим примитивным танкером и я написал это слово, **«здрасьте»**, маленькими буковками. Насколько я могу вспомнить (а с памятью у меня теперь лучше), я впервые в жизни дал название картине. И если уж говорить о названиях, это — хорошее, не так ли? Несмотря на все последующие потери, я до сих пор думаю, что это идеальное название для картины, нарисованной мужчиной, который изо всех сил пытался больше не грустить... пытался вспомнить, каково это — чувствовать себя счастливым.

На сегодня — все. Я положил карандаш на стол, и вот тут вилла заговорила со мной в первый раз. Голос был тише дыхания Залива, но я все равно его услышал.

«Я ждала тебя», — донеслось до моих ушей.

VI

В тот год я разговаривал с собой и себе же отвечал. Иногда отвечали и другие голоса, но вечером моего первого дня во Флориде беседу вели я, только я, и никто, кроме меня.

— Хьюстон, это Фримантл, как слышите, Хьюстон? — сунувшись в холодильник, с мыслью: «Господи, если это самое необходимое, не хочется даже представлять себе, что парнишка понимает под словами «набить холодильник»... того, что уже есть, мне хватит, чтобы пережить третью мировую войну».

— Последнее сообщение принято, Фримантл, мы вас слышим.

— У нас тут копченая колбаса, Хьюстон, мы принимаемся за копченую колбасу, как меня слышите?

— Вас понял, Фримантл, слышим вас ясно и четко. Как ситуация с майонезом?

Мы принялись и за майонез. Я приготовил два сандвича с кружочками копченой колбасы, уложенными на слой майонеза (когда я был маленьким, нас воспитывали в вере, что майонез, копченая колбаса и белый хлеб — пища богов), и съел их за кухонным столом. В кладовке нашел две упаковки «Тейбл ток пайс»*, с яблочной и черничной начинкой. Начал подумывать о том, чтобы изменить завещание в пользу Джека Кантори.

Наевшись, как удав, я вернулся в гостиную, включил свет, посмотрел на «Здрасьте». Рисунок получился не очень. Но что-то в нем было. Нёбрежно затушеванная вечерняя заря удивительным образом словно светилась изнутри. Корабль мало напоминал тот, что я видел, мой выглядел интереснее, этакий корабль-призрак. Собственно, и нарисовал-то я его схематично, несколькими линиями, но пятна желтого и оранжевого создавали ощущение, что корабль прозрачный, и сквозь него пробивается закатный свет.

Я поставил рисунок на телевизор, прислонил к табличке с надписью: **«ВЛАДЕЛЕЦ ТРЕБУЕТ, ЧТОБЫ ВЫ И ВАШИ ГОСТИ НЕ КУРИЛИ В ДОМЕ»**. Еще несколько мгновений посмотрел на него, подумал, что на переднем плане чего-то не хватает, скажем, корабля поменьше, дабы подчеркнуть удаленность второго корабля, придать рисунку глубину, но больше мне рисовать не хотелось. А кроме того, любое добавление могло свести на нет ауру картины. И вместо карандаша я взялся за телефон, подумав, что могу позвонить Илзе по мобильнику, если он не работает. Однако Джек и тут оказался на высоте.

Я полагал, что скорее всего общаться мне придется с автоответчиком (в колледже у девушек дел хватает), но она сняла трубку после первого же гудка.

— Папуля! — Она так меня удивила, что я даже потерял дар речи, и ей пришлось повторить: — Папа?

— Да, — ответил я. — Как ты узнала?

— На дисплее высветился телефонный код — девятьсот сорок один. Это тот регион, где находится Дьюма. Я проверяла.

---

* «Тейбл ток пайс» — пироги с фруктовой начинкой. Выпускаются с 1924 г. Особо популярны в Новой Англии, но пользуются спросом по всей стране.

— Современные технологии. Мне за ними не угнаться. Как ты, детка?

— Отлично. А ты как?

— Все у меня хорошо. Если на то пошло, даже лучше, чем хорошо.

— Человек, которого ты нанял?..

— Он не зря получает деньги. Кровать застелена, холодильник полон. Я приехал и проспал пять часов.

Последовала пауза, а когда Илзе заговорила, озабоченности в голосе заметно прибавилось:

— Ты не слишком налегаешь на обезболивающие таблетки? Потому что оксиконтин — в каком-то смысле троянский конь. Конечно, я не говорю тебе ничего такого, чего ты еще не знаешь.

— Нет, я принимаю прописанные дозы. Фактически...

— Что, папуля? Что? — По голосу чувствовалось, что она готова ловить такси, чтобы мчаться в аэропорт и прилететь первым же рейсом.

— Я только сейчас осознал, что в пять часов не принимал викодин... — Я взглянул на часы. — А в восемь — оксиконтин. Невероятно.

— Боль сильная?

— Пара таблеток тайленола с ней справятся. По крайней мере до полуночи.

— Возможно, перемена климата, — предположила Илзе. — И дневной сон.

Я не сомневался, что в какой-то мере на боль повлияло и первое, и второе, но не думал, что они сыграли главную роль. Может, от этого попахивало безумием, но у меня сложилось ощущение, что решающее слово сказало *рисование*. Если на то пошло, я это знал.

Мы поговорили еще какое-то время, и я почувствовал, как озабоченность уходит из голоса Илзе. Заместила ее печаль. Скорее всего она поняла, что это на самом деле произошло, и ее мать и отец не собираются проснуться однажды утром и зажить, как прежде. Но она пообещала позвонить Пэм и отправить электронное письмо Мелинде, дать им знать, что я все еще на земле живых.

— У тебя есть электронная почта, папа?

— Да, но сегодня ты будешь моей электронной почтой, солнышко.

Она засмеялась, всхлипнула, засмеялась вновь. Я хотел спросить, не плачет ли она, но передумал. Решил, что лучше не спрашивать.

— Илзе? Пожалуй, я тебя отпущу, милая. Хочу принять душ и на том закончить день.

— Хорошо, но... — Пауза. Потом ее прорвало: — Меня корежит при мысли о том, что ты во Флориде один! Вдруг ты упадешь в душе! Неправильно это!

— Солнышко, все у меня хорошо. Честное слово. Этот парень... его зовут... — «Ураганы, — подумал я. — Метеоканал». — Его зовут Джим Кантори. — В ряд я попал правильный, но с местом ошибся. — Я хотел сказать, Джек.

— Ты знаешь, это не одно и то же. Хочешь, чтобы я приехала?

— Нет, ты же не хочешь, чтобы твоя мать сняла с нас обоих скальпы. Оставайся там, где сейчас и находишься, и занимайся своими делами, дорогая. Буду держать тебя в курсе.

— Ладно. Но береги себя. Никаких глупостей.

— Никаких глупостей. Вас понял, Хьюстон.

— Что?

— Не важно.

— Я все-таки хочу услышать, как ты мне это пообещаешь.

На ужасный и удивительно странный миг я увидел Илзе одиннадцатилетней — Илзе в форме герлскаутов, — и она смотрела на меня полными ужаса глазами Моники Голдстайн. И прежде чем я успел сдержать слова, услышал, как говорю:

— Обещаю. Клянусь. Именем матери.

Илзе рассмеялась.

— Никогда такого не слышала.

— Ты еще много чего обо мне не знаешь. Я полон тайн и загадок.

— Раз ты так говоришь... — Опять пауза. А потом: — Я тебя люблю.

— Я тоже.

Я осторожно положил трубку на рычаг и долго смотрел на нее.

vii

Вместо того чтобы принять душ, я вышел на берег. Быстро обнаружил, что на песке проку от костыля нет, скорее, он превращался в помеху, но от угла дома до воды меня отделяли каких-то два десятка шагов. Я не спешил, так что без проблем преодолел это расстояние. Прибоя практически не было, высота накатывающих волн не превышала нескольких дюймов. И мне было трудно представить себе, с какой яростью эта самая вода обрушивалась на берег во время урагана. Просто невозможно. Потом Уайрман скажет мне: «Бог всегда наказывает нас за то, что мы не можем себе представить».

Это одно из лучших его изречений.

Я повернулся, чтобы возвратиться к дому, но остановился. Света было достаточно, чтобы под выступом «флоридской комнаты» я мог увидеть толстый ракушечный ковер, нанесенный приливом. Целую кучу ракушек. Казалось, что при высоком приливе передняя часть моей новой виллы превращается чуть ли не в бак корабля. Я вспомнил слова Джека о том, что заранее получу предупреждение, если Мексиканский залив захочет «съесть» этот дом, что я услышу скрежет и стоны. Наверное, он говорил правильно... но и на строительной площадке обычно предполагается, что ты заранее получаешь предупреждение о пятящейся к тебе тяжелой технике.

Я дохромал до костыля, который оставил прислоненным к стене виллы, и по короткому дощатому настилу добрался до двери. Хотел встать под душ, но вместо этого принял ванну. Опускался и поднимался осторожно, используя навыки, полученные от Кэти Грин в моей прошлой жизни. Мы оба проделывали это в купальных костюмах, и тогда моя правая нога напоминала кусок плохо порубленного мяса. С той поры все изменилось; тело постаралось залечить раны. Шрамы, конечно, останутся на всю жизнь, но даже они заметно сгладились, рассосались. Почти рассосались.

Я вытерся полотенцем и почистил зубы, затем, опираясь на костыль, вернулся в спальню и оглядел двуспальную кровать, теперь лишенную декоративных подушек.

— Хьюстон, мы ложимся в кровать, — доложил я.

— Принято, Фримантл, — ответил я. — Вы ложитесь в кровать.

Конечно, почему нет? На сон я не рассчитывал, после того, как выспался днем, но мог полежать. Нога чувствовала себя на удивление неплохо, зато тянуло поясницу и возникли какие-то неприятные ощущения у шеи. Я лег. Нет, о сне не могло быть и речи, даже после похода к воде, но настольную лампу я не включил, чтобы дать отдых глазам. Решил полежать, пока не придут в себя шея и поясница, потом достать из чемодана книгу и почитать.

А пока хотелось полежать, расслабиться...

Я расслабился, и даже больше. Ничего мне не снилось.

viii

Сознание вернулось ко мне глубокой ночью: зудела правая рука, правую кисть трясло мелкой дрожью, и я понятия не имел, где нахожусь. Только снизу что-то огромное *шуршало, шуршало и шуршало*. Сначала я подумал, что работает какая-то машина, но для техники звук был очень уж неравномерным. И, как мне показалось, слишком живым. В голову пришли мысли о зубовном скрежете, но ни у кого не могло быть таких огромных зубов. По крайней мере ни у кого в известном мне мире.

«Дыхание», — подумал я и вроде бы не ошибся, но какое животное могло издавать такой накатывающий со всех сторон, скрежещущий звук, когда втягивало в себя воздух? И, Господи, зуд сводил меня с ума, зудело все предплечье, до локтевого сгиба. Я решил почесать правую руку, потянулся к ней, но, само собой, не нашел ни локтя, ни предплечья, почесал только простыню.

От этого я окончательно проснулся, сел. Хотя в комнате царила темнота, звездного света, проникающего в окно на западной стене, хватило, чтобы я разглядел изножье кровати, где один из моих чемоданов еще лежал на скамье. Вот тут все встало на свои места. Я на Дьюма-Ки, неподалеку от западного побережья Флориды, прибежища молодых и полуживых. Я в

доме, о котором уже думал, как о вилле «Розовая громада», а этот скрежещущий звук...

— Ракушки, — пробормотал я, вновь ложась на спину. — Ракушки под домом. Вода прибывает. Прилив.

Я полюбил этот звук с самого начала, когда проснулся и услышал его в ночной тьме, когда не знал, где нахожусь, кто я, из каких частей состоит мое тело. Это был мой звук.

Он зацепил меня на *здрасьте*.

Глава 3
НОВЫЕ РЕСУРСЫ

i

Потом начался период выздоровления и перехода от прошлой жизни к той, что я вел на Дьюма-Ки. Доктор Кеймен, вероятно, знал, что в такие переломные моменты большинство существенных изменений происходят внутри: волнения в обществе, мятеж, революция и, наконец, массовые казни, в результате которых головы правителей прежнего режима летят в корзину у подножия гильотины. Я уверен, этот человек-гора видел и успешные финалы таких революций, и их фиаско. Потому что не всем удается войти в новую жизнь, знаете ли. А те, кому удается, не всегда находят в ней райский берег с золотистым песком.

Мое новое хобби помогло мне в этом переходе, и Илзе тоже помогла. Я всегда буду ей за это признателен. Но мне стыдно за то, что я рылся в ее сумочке, пока она спала. Оправдаться могу лишь одним: тогда казалось, что выбора нет.

ii

Утром, на следующий день после моего прибытия на Дьюма-Ки, я проснулся в отличном настроении, после несчастного случая еще никогда не чувствовал себя так хорошо... но не настолько хорошо, чтобы отказаться от утреннего болеутоляющего коктейля. Я запил таблетки апельсиновым соком и вышел из дома. Часы показывали ровно семь. В Сент-Поле утренний

холод принялся бы кусать кончик моего носа, но на Дьюме воздух, казалось, поцеловал меня.

Я прислонил «канадку» к стене дома, в том самом месте, где и прошлым вечером, и вновь спустился к кротким волнам. Справа от меня мой нынешний дом не позволял увидеть ни мост, ни Кейси-Ки. Зато слева...

В этом направлении берег уходил далеко-далеко — слепяще белая лента между сине-серым Заливом и униолой. Где-то вдалеке я разглядел темную точку, может, и две. В остальном этот сказочный, словно с открытки, пляж пустовал. Другие дома находились дальше от берега, а когда я посмотрел на юг, то увидел над пальмами только одну крышу (чуть ли не акр оранжевой черепицы) той самой гасиенды, которую заметил днем раньше. Я мог закрыть ее ладонью и почувствовать себя Робинзоном Крузо.

Я двинулся в ту сторону, отчасти потому, что для меня, как левши, это естественно — поворачивать налево. А главным образом — потому что мог видеть, куда иду. Далеко я не ушел, в тот день у меня и мысли не было о Великой береговой прогулке, я хотел точно знать, что сумею вернуться к моему костылю, и, как бы там ни было, эта прогулка стала первой. Я помню, как оглядывался и восхищенно смотрел на свои следы на песке. В утреннем свете каждый левый отпечаток выглядел четким и крепким, словно оставленный штамповочным прессом. Большинство правых такой четкостью не отличались, все-таки ногу я немного подволакивал, но поначалу даже они смотрелись не хуже левых. Я сосчитал шаги, когда двинулся в обратном направлении. Всего получилось тридцать восемь отпечатков. К тому времени бедро гудело от боли. Мне более чем хотелось вернуться в дом, достать из холодильника стаканчик йогурта и посмотреть, соответствует ли работа кабельного телевидения обещаниям Джека Кантори.

Как выяснилось, соответствовала.

iii

Таким и установился для меня распорядок на утро: апельсиновый сок, прогулка, йогурт, текущие события. Я подружился

с Робин Мид, молодой женщиной, ведущей «Хедлайн-ньюс» с шести до десяти утра. Скучный распорядок, не так ли? Но со стороны жизнь в государстве, где правит диктатор, тоже может показаться скучной (диктаторам нравится скука, диктаторы обожают скуку), даже если грядут великие события.

Травмированные тело и мозг не просто похожи на диктатуру; они и есть диктатура. Нет более безжалостного тирана, чем боль, нет более жестокого деспота, чем спутанность сознания. Понимать, что мой мозг поврежден не меньше тела, я начал, как только окончательно выяснилось, что я один, а другие голоса в голове затихают. Моя попытка задушить жену, с которой прожил двадцать пять лет, лишь за то, что она хотела стереть с моего лба пот, имела к этому минимальное отношение. Тот факт, что мы не занимались любовью в те месяцы, что прошли между несчастным случаем и расставанием, даже не пытались, также не был главным, хотя я полагал, что это проявление более серьезной проблемы. И даже неожиданные и подрывающие силы вспышки ярости не тянули на главное.

Потому что главным стало отторжение. Не знаю, как еще можно описать происходившее тогда со мной. Моя жена вроде бы изменилась... превратилась в кого-то еще. Большинство людей в моей жизни тоже стали какими-то другими, и более всего ужасало, что я плевать на это хотел. Поначалу говорил себе, что изменения, которые я ощущал и в моей жене, и в моей жизни, естественны для человека, иногда неспособного даже вспомнить, как называется та штуковина, что застегивает брюки: *волния, колния, долболния*? Я говорил себе, что это пройдет, но оно не проходило, и когда Пэм сказала, что хочет развестись со мной, следом за злостью я почувствовал облегчение: теперь не оставалось сомнений в том, что я имел право испытывать отторжение, по крайней мере по отношению к ней. Потому что теперь она действительно изменилась. Сняла форму «Фримантла» и ушла из команды.

В первые недели на Дьюма-Ки это самое отторжение позволяло мне легко и непринужденно увиливать от прямых ответов. Я отвечал на письма, обычные и электронные, которые получал от Тома Райли, Кэти Грин, Уильяма Боузмана-третьего (неувядаемого Боузи), короткими репликами: «У меня все хо-

рошо», «Погода хорошая», «Кости срастаются», — которые имели мало общего с моей реальной жизнью. И когда поток их писем сначала обмелел, а потом иссяк, я об этом нисколько не сожалел.

Только Илзе по-прежнему оставалась в моей команде. Только Илзе отказывалась снять форму. Вот она никакого чувства отторжения у меня не вызывала. Илзе оставалась на моей стороне стеклянной стены, всегда готовая протянуть мне руку. Если я не присылал ей электронного письма, она звонила. Если я не звонил три дня, звонила она. Ей я не лгал о своих планах порыбачить в Заливе или обследовать Эверглейдс*. Илзе я говорил правду, точнее, ту часть правды, которая не давала ей повода принять меня за безумца.

К примеру, рассказывал ей о моих утренних прогулках по берегу, и о том, что каждый день я ухожу чуть дальше, но не о «числовой игре»... потому что выглядела она так глупо... или, возможно, тянула на навязчивость.

В то первое утро я отошел от «Розовой громады» на тридцать восемь шагов. На следующее утро я выпил еще один огромный стакан апельсинового сока и опять вышел на берег. В этот раз отмерил сорок пять шагов, довольно-таки длинную дистанцию для меня, практически не расставшегося с костылем. Но мне удалось убедить себя, что на самом деле шагов только девять. Вот этот мысленный фокус и лег в основу «числовой игры». Вы делаете шаг, потом два, три, четыре, пять... и всякий раз сбрасываете счетчик в голове на ноль, пока не доберетесь до девяти. Потом складываете все эти цифры, от одного до девяти, и получаете сорок пять. Если вам кажется, что это безумие, не буду спорить. Нет, не буду спорить.

На третье утро я удалился от «Розовой громады» на десять шагов без костыля (то есть в действительности на пятьдесят пять, или прошел туда и обратно примерно девяносто ярдов). Неделей позже я довел свой рекорд до семнадцати... и если вы сложите все эти числа, то получите сто пятьдесят три. Я отшагал их, повернулся к своему дому и поразился, как же он далеко. Даже стало как-то не по себе от мысли, что предстоит преодолеть такое расстояние.

---

* Эверглейдс — обширный заболоченный район в Южной Флориде.

«Ты можешь это сделать, — говорил я себе. — Это легко. Каких-то семнадцать шагов, и все».

Я говорил это себе, но не Илзе.

Чуть дальше каждый день, оставляя позади следы. К тому времени, когда Санта-Клаус появился в торговом центре «Бинева-роуд», куда Джек Кантори иногда привозил меня за покупками, я сделал удивительное открытие: все мои следы, когда я шел на юг, были четкими. Правую ногу я начинал подволакивать (что тут же сказывалось на отпечатке правой кроссовки) только на обратном пути.

Ходьба вошла в привычку, меня не останавливали даже дождливые дни. Второй этаж виллы представлял собой один большой зал. Пол застилал розовый ковер, огромное окно выходило на Мексиканский залив. И больше в зале ничего не было. Джек предложил мне составить список мебели, сказал, что может заказать все в той самой компании, сдающей мебель в аренду, услугами которой воспользовался, обставляя первый этаж... при условии, что на первом этаже меня все устраивало. Я заверил его, что меня все устраивает, но желания захламлять второй этаж не выразил. Мне нравилась пустота этого зала. Она стимулировала мое воображение. Так что я попросил приобрести для второго этажа три вещи: простой стул с прямой спинкой, мольберт и тренажер «беговая дорожка» производства корпорации «Сайбекс». Такое возможно? Джек ответил утвердительно, и слова у него не разошлись с делом. Три дня, и все необходимое уже стояло на втором этаже. С того самого момента и до конца моего пребывания на Дьюма-Ки я поднимался на второй этаж, если хотел рисовать карандашом или красками, или воспользоваться тренажером, когда погода не позволяла выйти из дома. И пока я жил на вилле «Розовая громада», на втором этаже из мебели был только стул с прямой спинкой.

Да и вообще дождливых дней выдавалось не так уж много — не зря Флориду называют Солнечным штатом. По мере того как мои прогулки на юг удлинялись, точка или точки, которые я увидел в первый же день, превратились в двоих людей... во всяком случае, двоих я видел гораздо чаще, чем одного. Один человек, вроде бы с соломенной шляпой на голове, сидел в инвалидном кресле. Второй толкал кресло или сидел рядом с ним.

Они появлялись на берегу около семи утра. Иногда один мог уйти, оставив второго в кресле на берегу, а потом вернуться с чем-то сверкающим на солнце. Я подозревал, что это кофейник или поднос с завтраком, или и то, и другое. Я также подозревал, что жили эти двое в огромной гасиенде, площадь оранжевой черепичной крыши которой составляла акр или около того. Гасиенда замыкала ряд домов, затем дорога утыкалась в джунгли, покрывающие остальную часть острова.

iv

Я так и не смог до конца привыкнуть к пустынности этого места. «Там должно быть очень тихо», — заверяла меня Сэнди Смит, но все равно я представлял себе пляж, который к полудню заполняется людьми: пары, загорающие на одеялах или смазывающие друг друга защитным лосьоном, студенты, играющие в волейбол с закрепленными на бицепсах ай-подами, ковыляющие по кромке воды маленькие дети в обвисших купальниках, гидроциклы «джет-скай», проносящиеся взад-вперед в сорока футах от берега.

Джек напомнил мне, что на календаре декабрь.

— Если говорить о туризме, то месяц между Днем благодарения и Рождеством во Флориде — мертвый сезон. Не такой мертвый, как август, но близко к этому. К тому же... — Он очертил рукой широкий круг. Мы стояли у почтового ящика с красным числом 13, и Джек выглядел очень спортивно в обрезанных джинсах и рубашке «Морских дьяволов»* (порванной, как требовала мода). — Туристов здесь не ждут. Дрессированных дельфинов не увидишь. На острове всего семь домов, считая тот, здоровенный... и джунгли. Там, кстати, есть еще один дом, полуразвалившийся. Так, во всяком случае, говорят на Кейси-Ки.

— А что не так с Дьюмой, Джек? Прекрасный пляж, девять миль дорогой флоридской земли — и никакого строительства. В чем дело?

Он пожал плечами.

* «Морские дьяволы» — профессиональная бейсбольная команда из г. Тампа, штат Флорида.

— Насколько я знаю, какие-то проблемы с правом собственности. Хотите, чтобы я выяснил поточнее?

Я подумал, покачал головой.

— Вам не нравится? — В голосе Джека слышалось искреннее любопытство. — Вся эта тишина и покой? Потому что мне, скажу вам откровенно, как перед Богом, точно как-то не по себе.

— Нет, — ответил я. — Отнюдь. — И не соврал. Излечение — вид мятежа, а все успешные мятежи начинаются втайне.

— А что вы тут делаете? Уж извините за вопрос.

— Утром занимаюсь физическими упражнениями. Читаю. Сплю во второй половине дня. И рисую. Со временем, возможно, перейду на краски, но пока я еще к этому не готов.

— Некоторые ваши рисунки очень даже хороши для любителя.

— Спасибо тебе, Джек, на добром слове.

Не знаю, то ли он хотел просто сказать что-то приятное, то ли говорил правду. Может, значения это и не имело. Когда дело касается картин, всякий раз это субъективное мнение, верно? Я только знал: со мной что-то происходило. *В моей голове*. Иногда это пугало. По большей части невообразимо радовало.

В основном я рисовал наверху, в зале, который начал воспринимать как «Розовую малышку». Оттуда я мог видеть только Залив да линию горизонта, но у меня была цифровая камера, и я иногда фотографировал что-то еще, распечатывал фотографии, прикреплял к мольберту (мы с Джеком поставили его так, чтобы во второй половине дня свет на него падал сбоку) и рисовал эту «картинку». В отборе объектов для фотографирования вроде бы не было никакой логики или системы, хотя, когда я написал об этом Кеймену в электронном письме, он сказал, что подсознание, если оставить его в покое, само пишет стихи.

Может, si*, может, нет.

Я нарисовал мой почтовый ящик. Я рисовал кусты, траву, цветы, которые видел вокруг «Розовой громады», потом Джек купил мне книгу («Распространенные растения побережья Флориды»), и я смог давать названия моим рисункам. Названия

* да (*исп.*).

помогали: как-то добавляли уверенности. К тому времени я уже вскрыл вторую коробку карандашей, а в запасе лежала третья. Рядом с моей виллой росли алоэ, кермек лавандовый (со множеством крошечных желтых цветков, и каждый — с густо-фиолетовым сердечком), фитолакка американская с длинными, лопатообразными листьями, и моя любимица, софора, которую в книге «Распространенные растения побережья Флориды» называли еще ожерельным кустом — за стручки, формой похожие на бусины.

Я рисовал и ракушки. Разумеется, рисовал. Ракушек хватало везде, они во множестве лежали на берегу в пределах тех коротких дистанций, которые я мог преодолевать на своих двоих. Дьюма-Ки сотворили из ракушек, и скоро я принес в дом не один десяток.

И практически каждый вечер, когда солнце скатывалось за горизонт, я рисовал закат. Я знал, что закаты — расхожий штамп, собственно, поэтому и рисовал. Мне казалось, что, сумев хоть раз пробиться сквозь стену «все-это-было-было-было», я смогу чего-то достичь. Вот и рисовал картину за картиной, но получалось не очень. Я вновь пытался накладывать желтое на оранжевое, но мои усилия результата не давали. Внутреннего свечения не получалось. Каждый закат являл собой карандашную мазню, где цвета говорили: «Мы пытаемся сказать тебе, что горизонт в огне». Вы, безусловно, можете купить штук сорок куда лучших закатов на любом субботнем уличном вернисаже в Сарасоте или Венис-бич. Несколько рисунков я сохранил, но большинство вызывали у меня такое отвращение, что я их выбрасывал.

Однажды вечером, после череды неудач, я вновь наблюдал, как верхушка солнечного диска исчезает за горизонтом, оставляя после себя хэллоуиновские краски вечерней зари, и вдруг подумал: «Это корабль. Вот что придало моей первой картине толику магии. Закатный свет, казалось, пробивал корабль насквозь». Возможно, я был прав, но в тот вечер ни один корабль не разрывал горизонт. Его прямая линия разделяла темную синеву внизу и оранжево-желтую яркость наверху, которая еще выше обретала нежно-зеленоватый оттенок. Его я передать не мог — жалкая коробка цветных карандашей этого не позволяла.

У ножек моего мольберта валялось штук двадцать цветных фотографий. Мой взгляд упал на снятую крупным планом софору, ожерельный куст. И в этот момент вдруг зачесалась моя фантомная правая рука. Я зажал желтый карандаш зубами, наклонился, поднял фотографию софоры, всмотрелся в нее. Уже смеркалось, но верхний зал, который я называл «Розовая малышка», долго держал свет, так что его хватало, чтобы насладиться мелкими деталями: моя цифровая камера с абсолютной точностью «схватывала» крупный план.

Не думая, что делаю, я прикрепил фотографию к углу мольберта и добавил софоровый браслет к моему закату. Работал быстро, сначала сделал набросок (несколько дуг, ничего больше, — это веточка софоры), потом принялся раскрашивать: коричневое на черное, потом яркое пятно желтого, остатки цветка. Я помню, с какой сосредоточенностью доводил до ума яркий конус — так же сосредоточенно я работал, когда мой бизнес делал первые шаги, когда каждое здание (даже каждая заявка на строительство здания) становилось вопросом жизни и смерти. Я помню, как в какой-то момент вновь зажал карандаш зубами, чтобы почесать руку, которой не было; я все время забывал о потерянной части моего тела. Люди с ампутированным конечностями забывают, и все тут. Их разум забывает, и по мере выздоровления тело тоже разрешает такую забывчивость.

Что я особенно четко помню о том вечере, так это удивительное, божественное ощущение: три или четыре минуты я словно держал молнию за хвост. Но потом в комнате начало темнеть, тени, казалось, поплыли по розовому ковру к блекнувшему прямоугольнику панорамного окна. На мольберт еще падали остатки света, но я уже не мог разглядеть, что же мне удалось нарисовать. Я поднялся, прихрамывая, обогнул тренажер, держа курс на выключатель у двери, включил верхний свет. Потом проделал обратный путь, развернул к себе мольберт, и у меня перехватило дыхание.

Софоровый браслет накладывался на линию горизонта, как щупальце некоего морского существа, достаточно большого, чтобы проглотить супертанкер. Единственное желтое пятно могло быть глазом чудовища. И — для меня это было куда более важным — браслет-щупальце каким-то образом вернул закату истинность той красоты, которой я любовался каждый вечер.

Эту картину я отложил в сторону. Потом спустился вниз, разогрел в микроволновке обед «Хангри мен» с жареной курицей и съел все до последней крошки.

V

Следующим вечером я совместил закат с пучками пырея, и яркий оранжевый свет, пробивающийся сквозь зелень, превратил горизонт в лесной пожар. Днем позже я попробовал пальмы, но получилось нехорошо, еще один штамп — я буквально видел девушек, исполняющих гавайский танец «хула», и слышал треньканье гитар. После этого я поставил на горизонт большую старую раковину стромбиды. Закат полыхал вокруг нее, как корона, и результат, во всяком случае, для моего восприятия, получился невероятно жутким. Эту картину я развернул к стене, думая, что завтра, когда я посмотрю на нее, она потеряет свою силу. Ничего не изменилось. Во всяком случае, для меня.

Я сфотографировал картину цифровой камерой и «прицепил» фотографию к электронному письму. Письмо это положило начало приведенной ниже переписке. Все письма я распечатал и сложил в папку:

EFree19 to KamenDoc
10:14
9 декабря

Кеймен, я говорил Вам, что снова рисую картины. Это Ваша вина, поэтому самое меньшее, что Вы можете сделать — открыть прикрепленный файл и сказать, что Вы думаете по этому поводу. Вид из моего окна. Щадить мои чувства незачем.

Эдгар

KamenDoc to EFree19
12:09
9 декабря

Эдгар, я думаю, Вы продвинулись в правильном направлении. СИЛЬНО ПРОДВИНУЛИСЬ.

Кеймен

P.S. По правде говоря, картина удивительная. Словно неизвестный Дали. Вы определенно что-то нашли. И сколь велико это что-то?

EFree19 to KamenDoc
13:13
9 декабря

Не знаю. Может, и велико.

Э.Ф.

KamenDoc to EFree19
13:22
9 декабря

Тогда ОТКАПЫВАЙТЕ!

Кеймен

Два дня спустя, когда Джек приехал, чтобы спросить, не отвезти ли меня куда, я ответил, что хочу поехать в книжный магазин и купить книгу о творчестве Салмана Дали.

Джек рассмеялся.

— Я думаю, вы говорите о Сальвадоре Дали. Если только речь не о том парне, который попал в беду из-за своей книги. Не могу вспомнить название.

— «Сатанинские стихи»*, — без запинки ответил я. Память, она такое выкидывает, не правда ли?

* Роман английского писателя пакистанского происхождения Салмана Рушди. В романе дана весьма вольная трактовка ранней истории ислама, а также нелицеприятно описан современный мусульманский мир. Иранским духовным лидером аятоллой Хомейни Рушди был заочно приговорен к смертной казни.

Когда я вернулся с богато иллюстрированной книгой (она обошлась мне в невероятные сто девятнадцать долларов, даже с дисконтной картой сети книжных магазинов «Барнс-и-Нобл»; к счастью, после развода у меня осталось несколько миллионов), на автоответчике мигала надпись: «Получено сообщение». Звонила Илзе, и ее сообщение показалось загадочным только при первом прослушивании.

«Мама собирается тебе позвонить, — услышал я. — Я сделала все, что могла, папуля, напомнила обо всех случаях, когда шла ей навстречу, еще упрашивала, как могла, и буквально умоляла Лин, так что скажи «да», хорошо? Скажи «да». Ради меня».

Я сел, принялся за «Тейбл ток пай», о котором чуть раньше мечтал, но теперь совсем уже и не хотел, затем полистал мою дорогую иллюстрированную книгу и подумал (уверен, оригинальностью моя мысль не отличалась): «Что ж, привет, Дали». Не все картины произвели на меня впечатление. Во многих случаях я сделал вывод, что смотрю на работу талантливого прохвоста, который просто проводил время в свое удовольствие. Однако некоторые репродукции зацепили меня за живое, а несколько — испугали, совсем как моя установленная на горизонт раковина. Тигры, плывущие над откинувшейся назад обнаженной женщиной. Летящая роза. Одна картина, «Лебеди, отраженные в слонах», показалась такой странной, что я едва смог заставить себя посмотреть на нее... но мой взгляд продолжал к ней возвращаться.

Чем я на самом деле занимался, так это ждал телефонного звонка от моей почти-бывшей-жены, приглашения вернуться в Сент-Пол на Рождество и встретить праздник с ней и девочками. В конце концов телефон зазвонил, и когда она сказала: «Я обращаюсь к тебе с этим приглашением, хотя иду против своей воли», — я едва подавил желание отбить этот крученый мяч ударом за пределы поля: «А я принимаю его, хотя иду против своей воли». Ответил: «Понимаю». Потом спросил: «Как насчет того, чтобы мне прилететь в канун Рождества?» И когда она ответила: «Очень хорошо», — готовность к борьбе ушла из ее голоса. Спор о том, а не провести ли мне с семьей побольше времени, закончился, даже не начавшись. И идея поездки домой сразу потеряла большую часть своей привлекательности.

«ОТКАПЫВАЙТЕ», — написал Кеймен большими буквами. Я подозревал, что, уехав сейчас, я, наоборот, мог все зарыть. Нет, на Дьюма-Ки я бы вернулся... но это не означало, что я вновь наткнусь на ту же золотую жилу. Прогулки, картины. Одно подпитывало другое. Я не знал, как именно, да и не нуждался в этом знании.

Но Илли. «Скажи «да». Ради меня». Она знала, что я скажу «да», и не потому, что я всегда отдавал ей предпочтение (думаю, как раз это Лин знала). Просто она всегда довольствовалась столь малым и крайне редко о чем-то просила. И потом, слушая ее сообщение, я вспомнил, как в тот день, когда дочери навестили меня на озере Фален, Илли начала плакать, приникнув ко мне и спрашивая, почему все не может стать, как прежде. «Потому что так не бывает», — думаю, ответил я, но, возможно, пару дней мне казалось, что прежнее все-таки может вернуться... или некое подобие прежнего. Илзе было девятнадцать, вероятно, она переросла свое последнее детское Рождество, но, возможно, вполне заслужила еще одно — с семьей, в которой выросла. И Лин имела право на такое Рождество. Навыков выживания у нее было больше, но она вновь прилетала домой из Франции, и вот это кое о чем мне говорило.

Хорошо, решил я, поеду. Буду паинькой и, само собой, возьму с собой Ребу, на случай, если накатит приступ ярости. Они сходили на нет, но, разумеется, что на Дьюма-Ки могло вызывать ярость, за исключением моей забывчивости или хромоты? Я позвонил в чартерную авиакомпанию, услугами которой пользовался пятнадцать лет, и заказал «Лирджет» на девять утра двадцать четвертого декабря для перелета из Сарасоты в международный аэропорт Миннеаполиса-Сент-Пола. Я позвонил Джеку, и тот ответил, что с удовольствием отвезет меня в «Долфин-эвиэйшн» двадцать четвертого и заберет двадцать восьмого. А потом, когда я полностью закончил подготовку к отъезду, позвонила Пэм, чтобы сказать, что все отменяется.

vi

Отец Пэм, отставной военный моряк, в последний год двадцатого столетия вместе с женой перебрался в Палм-Дезерт, штат

Калифорния. Они поселились в одном из огороженных стеной коттеджных поселков, в котором жила одна афроамериканская пара (для соблюдения политкорректности) и четыре еврейские пары (из тех же соображений). Дети и вегетарианцы на территорию не допускались. Жителям полагалось голосовать за республиканцев и заводить маленьких собачек с ошейниками, украшенными стразами, с глупыми глазками и с кличками, которые оканчивались на букву «и». Тэффи? Отлично! Кэсси? Еще лучше! Рифифи? Полный блеск! У отца Пэм обнаружили рак прямой кишки. Меня это не удивило. Соберите вместе столько белых говнюков, и вы увидите, что это заразная болезнь.

Ничего этого я жене не сказал. Она начала разговор спокойно, а потом расплакалась.

— Ему назначили химиотерапию, но мама говорит, это может означать, что уже появились мекас... месасс... ох, не могу вспомнить это гребаное слово, говорю совсем как ты! — А потом, все еще всхлипывая, но шокированным и смиренным голосом добавила: — Извини, Эдди, как я могла!

— Ничего страшного, — ответил я. — Ты хотела сказать, что у него появились метастазы.

— Да, спасибо. В любом случае этим вечером ему сделают операцию по удалению основной опухоли. — Она вновь заплакала. — Не могу поверить, что такое происходит с моим отцом.

— Ну что ты так разволновалась. Нынче они творят чудеса. Я тому живой пример.

То ли она не считала меня чудом, то ли не хотела это обсуждать.

— В любом случае Рождество здесь отменяется.

— Разумеется.

А по правде? Я обрадовался. Чертовски обрадовался.

— Я вылетаю в Палм завтра. Илзе приедет в пятницу. Мелинда — двадцатого. Полагаю... учитывая, что с моим отцом ты не особо ладил...

Она еще мягко выразилась, если вспомнить, что однажды мы с тестем едва не подрались после того, как он назвал демократов «дерьмократами».

— Если ты думаешь, что у меня нет желания присоединяться к тебе и девочкам на Рождество в Палм-Дезерт, то ты права.

С деньгами у тебя все в порядке, и, надеюсь, твои родители поймут, что я имею к этому кое-какое отношение...

— Не думаю, что сейчас самое время заводить речь о твоей гребаной *чековой книжке!*

Ярость вернулась, мгновенно. Выскочила, как черт из вонючей табакерки. Мне хотелось сказать: «А пошла ты на хер, крикливая сука!» Но я промолчал. В какой-то степени и потому, что мог произнести «крикливая сумка» или «красивая утка». Подсознательно я это понимал.

Но сдержался едва-едва.

— Эдди? — Это прозвучало резко, с готовностью ввязаться в драку, если будет на то мое желание.

— Я не заводил речь о моей чековой книжке, — сказал я, внимательно прислушиваясь к каждому слову. Вроде бы слова правильные, и каждое — в положенном месте. Сразу стало легче. — Я лишь говорю, что мое лицо у кровати твоего отца не ускорит его выздоровления. — От злости (или ярости) я едва не добавил, что не хотел бы видеть и его лицо у своей кровати. Вновь слова удалось сдержать, но меня уже прошиб пот.

— Хорошо. С этим понятно. А что ты будешь делать на Рождество?

«Рисовать закат, — подумал я. — Может, сумею перенести его на бумагу».

— Меня, возможно, пригласят разделить рождественский обед с Джеком Кантори и его семьей, если, разумеется, я буду хорошо себя вести, — слукавил я. — Джек — молодой парень, который работает у меня.

— Голос у тебя лучше. Крепче. Ты по-прежнему забываешь слова?

— Не знаю. Не могу вспомнить.

— Это очень смешно.

— Смех — лучшее лекарство. Я читал об этом в «Ридерс дайджест».

— А как твоя рука? Фантомные ощущения остаются?

— Нет, — солгал я. — Полностью исчезли.

— Хорошо. Отлично. — Пауза, а потом: — Эдди?

— По-прежнему на связи, — ответил я. С темно-красными полукружьями на ладонях, от крепко сжатых в кулаки пальцев.

Последовала долгая пауза. Телефонные линии больше не шипели, и в них ничего не щелкало, как во времена моего детства, но я слышал, как тихонько вздыхают разделявшие нас мили. Точно так же вздыхал Залив, когда океан отступал от берега. Потом раздался ее голос:

— Жаль, что все так получилось.

— Мне тоже, — ответил я, а после того, как она положила трубку, взял одну из моих самых больших раковин и едва не запустил ею в экран телевизора. Вместо этого прохромал через комнату, открыл дверь и швырнул раковину через пустынную дорогу. К Пэм ненависти я не испытывал (точно не испытывал), но что-то определенно ненавидел. Может, прошлую жизнь.

Может, только себя.

vii

ifsogirl88 to EFree19
9:05
23 декабря

Дорогой папуля!

Врачи мало что говорят, но от результатов операции дедушки я ничего хорошего не жду. Разумеется, все дело, возможно, в маме. Она ездит к дедушке каждый день, берет с собой бабушку и пытается выглядеть оптимисткой, но ты ведь знаешь, она не из тех, у кого надежда умирает последней. Я хочу приехать и повидаться с тобой. Я посмотрела расписание авиарейсов, и есть возможность прилететь 26 декабря. Самолет прибывает в 18:15 по вашему времени. Я смогу остаться на 2 или 3 дня. Пожалуйста, скажи «да»! И еще я смогу привезти подарки, вместо того, чтобы отправлять их по почте. Люблю...

Илзе.
P.S. У меня есть личные новости.

Размышлял ли я над ответом или руководствовался исключительно интуицией? Не могу вспомнить. Может, ни то, ни другое.

Может, все решило третье: мое желание повидаться с Илзе. В любом случае ответил я почти сразу.

EFree19 to ifsogirl88
9:17
23 декабря

Илзе, конечно, приезжай!

Согласуй все с мамой, и я встречу тебя в аэропорту с Джеком Кантори, моим рождественским эльфом. Я надеюсь, тебе понравится мой дом, который я называю «Розовая громада». Одно условие: ты не поедешь, не поставив маму в известность и не получив ее одобрения. Ты знаешь, сколь многое нам пришлось пережить, но теперь, надеюсь, все позади. Я думаю, ты поймешь.

Папа.

Она ответила тут же. Должно быть, ждала у компьютера.

ifsogirl88 to EFree19
9:23
23 декабря

С мамой я уже поговорила, она дает добро.

Я пыталась подбить Лин, но она хочет остаться здесь до отлета во Францию. Не сердись на нее за это.

Илзе
P.S. Ур-ра! Я так рада! ☺

«Не сердись на нее за это». Казалось, что моя If-So-Girl так заступалась за старшую сестру с того самого дня, как научилась говорить. Лин не хочет идти на пикник, потому что не любит хот-догов... но не сердись на нее за это. Лин не может носить такие кроссовки, потому что дети в ее классе высокие кроссовки не носят... вот и не сердись на нее за это. Лин хочет, чтобы отец Райана отвез их на школьный бал... но не сердись на нее за это. И знаете, что самое ужасное? Я никогда не сердился. Я мог

бы сказать Линни: я отдаю предпочтение Илзе, потому что здесь от меня ничего не зависит (как человек рождается правшой или левшой помимо его воли), но мои слова если бы что и изменили, то лишь в худшую сторону, пусть я и не кривил душой. Может, именно потому, что не кривил.

viii

Илзе приезжает на Дьюма-Ки, в «Розовую громаду», ур-ра, она так рада, и ур-ра, я тоже рад. Джек нашел мне тучную даму по имени Хуанита, которая прибиралась в доме дважды в неделю, и я попросил ее приготовить спальню для гостей к прибытию дочери. Спросил, не сможет ли она поставить туда какие-нибудь свежие цветы в день после Рождества. Улыбаясь, она предложила нечто, что прозвучало как «розвенский какус». Моему мозгу, уже освоившему ассоциативное мышление, потребовалось пять секунд, чтобы понять, что к чему. И я сказал Хуаните, что рождественский кактус придется Илзе по душе.

В канун Рождества я перечитывал распечатку первого электронного письма Илзе от 23 декабря. Солнце скатывалось к западному горизонту, оставляя длинный яркий след на воде, но до его захода оставалось еще как минимум два часа, и я сидел во «флоридской комнате». Высокий прилив перекатывал подо мной ракушки. Звуки эти напоминали и дыхание, и хрипловатый конфиденциальный разговор. Я провел пальцем по постскриптуму («У меня есть личные новости»), зачесалась моя уже несуществующая правая рука. В конкретном, определенном месте. Зуд начался в локтевом сгибе и по спирали распространился к наружной стороне запястья. Становился все сильнее, и мне так и хотелось протянуть левую руку и почесать там, где зудело.

Я закрыл глаза и щелкнул большим и средним пальцами правой руки. Никакого звука не услышал, но почувствовал этот *щелчок*. Я потер руку о бок и ощутил, как одно трется о другое. Положил правую кисть, давно сгоревшую в печи для сжигания отходов больницы в Сент-Поле, на подлокотник стула и забарабанил пальцами. Никакого звука, только ощущение: прикос-

новение кожи к плетенке. Я мог поклясться в этом именем Бога.

И тут же мне захотелось рисовать.

Я подумал о «Розовой малышке», но она находилась слишком далеко. Я прошел в гостиную и взял альбом «Мастер» из стопки, что лежала на кофейном столике. Большую часть необходимого для рисования я держал наверху, но несколько коробок цветных карандашей оставил в ящике письменного стола, вот и прихватил одну с собой.

Вернувшись во «флоридскую комнату» (которая для меня навсегда останется верандой), я сел и закрыл глаза. Прислушался к работе волн подо мной: они поднимали ракушки и выкладывали из них новые картины, и каждая отличалась от предыдущей. При закрытых глазах шорох этот еще больше напоминал мне разговор: вода шевелила временным языком по земле. И сама земля была временной, потому что, в геологической перспективе, Дьюма не могла просуществовать очень уж долго. Ни один из островов Флорида-Кис не мог: рано или поздно Залив поглотит их и создаст новые, на другом месте. Возможно, вышесказанное относилось и к самой Флориде. Полуостров чуть выступал из воды, словно временно отданный в пользование людям.

Ах, но звук этот так успокаивал. Гипнотизировал.

Не открывая глаз, я нащупал распечатку электронного письма Илзе, провел по нему подушечками пальцев. Проделал все это правой рукой. Потом открыл глаза, отбросил распечатку в сторону рукой, которая у меня действительно существовала, положил альбом на колени. Откинул обложку, вытряс на столик, который стоял передо мной, все двенадцать ранее заточенных карандашей «Винус», взял один. Вроде бы я собирался нарисовать Илзе (*именно о ней я и думал, не так ли?*), но побоялся, что получится ужасно: с того момента, как вновь начал рисовать, я ни разу еще не пытался изобразить человеческую фигуру. Нарисовал я не Илзе, и получилось не так уж ужасно. Нет-нет, ничего удивительного, и уж точно не Рембрандт (и даже не Норман Рокуэлл*), но получилось неплохо.

* Рокуэлл Норман (1894—1978) — американский художник, иллюстратор, автор множества реалистичных картин из жизни маленького американского городка.

Я нарисовал молодого человека в джинсах и футболке «Миннесотских близнецов»*. На футболке был номер 48, но мне он ничего не говорил. В прошлой жизни я, как мог часто, ходил на игры «Миннесотских волков»**, но не относил себя к бейсбольным фанатам. Я знал, что светлый оттенок волос молодого человека — не то, что нужно, но имеющиеся в моем распоряжении карандаши не позволяли добиться русого, ближе к каштановому, оттенка. В одной руке он держал книгу. Улыбался. Я знал, кто это. Он и был личными новостями Илзе. Об этом нашептывали мне ракушки. Когда прилив поднимал их, переворачивал и снова бросал. *Обручена, обручена.* У нее было кольцо, с бриллиантом, он купил его в...

Я закрашивал джинсы молодого человека синим цветом. Но тут выронил карандаш, взял черный и написал слово

ЗЕЙЛС***

по низу страницы. Это была информация, но также и название картины. Названия добавляют уверенности.

Потом, тут же, положил черный карандаш, взял оранжевый и добавил рабочие ботинки. Оранжевый цвет был слишком уж ярким, ботинки получились новенькими, тогда как надели их далеко не в первый раз, но мысли мои двигались в правильном направлении.

Я почесал правую руку, почесал *сквозь* правую руку, потому что пальцы левой прошлись по ребрам. «Твою мать», — пробормотал я. Подо мной ракушки вроде бы шептали имя молодого человека. Коннор? Нет. И что-то тут было неправильно. Я не знаю, откуда взялось это ощущение неправильности, но фантомный зуд в правой руке сменился тянущей болью.

---

* «Миннесотские близнецы» — профессиональная бейсбольная команда, выступающая в Центральном дивизионе Американской лиги. «Близнецы» — от названия городов-близнецов, Миннеаполиса и Сент-Пола.

** «Миннесотские волки» — профессиональная баскетбольная команда, выступающая в НБЛ.

*** В английском языке название магазина «Zales» очень удачное, вызывающее ассоциации со словом sales (распродажи).

Я перевернул первый лист альбома, начал рисовать вновь, на этот раз красным карандашом. Красное, красное, оно было *КРАСНЫМ*! Карандаш летал по бумаге, разбрызгивая по ней красную фигуру, словно кровь из раны. Человека я рисовал со спины, в красной мантии с фестончатым воротником. Волосы я тоже нарисовал красным, потому что они выглядели как кровь, и этот человек выглядел как кровь. Как опасность. Не для меня, но...

— Для Илзе, — пробормотал я. — Опасность для Илзе. Этот парень? Парень из личных новостей?

Что-то было не так с этим парнем из личных новостей, но не думаю, чтобы именно это меня насторожило. Во-первых, человек в красном не выглядел мужчиной. Точно я, конечно, сказать не мог, но да... я думал... фигура женская. Так что, может, я нарисовал вовсе и не мантию. Может, платье? Длинное красное платье?

Я вернулся к первому листу и посмотрел на книгу, которую держал парень из личных новостей. Бросил красный карандаш на пол и закрасил книгу черным. Потом снова посмотрел на парня и внезапно написал над ним

КОЛИБРИ

печатными, чуть витиеватыми буквами. Потом бросил на пол черный карандаш. Поднял руки, закрыл лицо. Выкрикнул имя дочери, голосом, каким окликают человека, когда видят, что он подходит слишком близко к обрыву или к бордюрному камню на улице, где парковка запрещена, и автомобили мчатся чуть ли не вплотную к тротуару.

Может, я просто сходил с ума. Скорее всего.

Со временем я понял (естественно), что закрывал глаза только одной рукой. Фантомная боль и зуд ушли. Мысль о том, что я могу сходить с ума (черт, уже сошел), осталась. Но не вызывало никаких сомнений другое: мне хотелось есть. Я был голоден как волк.

IX

Самолет Илзе приземлился на десять минут раньше положенного времени. Выглядела она ослепительно, в линялых джинсах и футболке университета Брауна, и я просто не мог понять, как Джек не влюбился в нее с первого взгляда, прямо в терминале «В». Она бросилась мне в объятия, расцеловала, а потом рассмеялась и подхватила меня, когда я начал клониться влево, на мой костыль. Я представил ее Джеку и постарался не заметить кольца с маленьким бриллиантом (купленным, несомненно, в «Зейлс»), который сверкнул на безымянном пальце моей дочери, когда они пожали друг другу руки.

— Папуля, ты выглядишь *потрясающе!* — воскликнула она, едва мы вышли в теплый декабрьский вечер. — Ты загорел. Впервые с того времени, когда строил центр отдыха в Лилидейл-парк. И ты поправился. Как минимум на десять фунтов. Тебе не кажется, Джек?

— Мне трудно судить. — Джек улыбался. — Я пойду за автомобилем. Постоять сможете, босс? На это потребуется время.

— Будь уверен.

Мы остались на тротуаре с двумя ее чемоданами и компьютером.

— Ты ведь заметил? — спросила Илзе. — Не прикидывайся, что не заметил.

— Если ты про кольцо, то заметил. И я тебя поздравляю, если, конечно, ты не выиграла его за четвертак в одном из этих игровых автоматов «кран-машина». Лин знает?

— Да.

— А твоя мать?

— Как ты думаешь, папуля? Догадайся.

— Я думаю... нет. Потому что сейчас она так озабочена здоровьем дедушки.

— Дедушка — не единственная причина, по которой в Калифорнии я держала кольцо в сумочке. Достала только раз, чтобы показать Лин. Просто я хотела сказать тебе первому. Это ужасно?

— Нет, милая. Я тронут.

И я говорил правду. Но при этом и волновался за нее. И не

только потому, что через три месяца ей исполнялось всего лишь двадцать лет.

— Его зовут Карсон Джонс, он учится на факультете богословия, можешь ты себе такое представить? Я люблю его, папуля, я так сильно его люблю!

— Это здорово, дорогая, — ответил я, но почувствовал, как у меня подкашиваются ноги. «Не люби его так сильно, — думал я. — Не надо так сильно. Потому что...»

Она пристально посмотрела на меня, улыбка поблекла.

— Что? Что не так?

Я и забыл, как быстро она соображала, как тонко чувствовала мое состояние. Любовь обостряет восприятие, не так ли?

— Ничего, цыпленок. Ну... что-то заболело бедро.

— Ты принял болеутоляющие таблетки?

— Дело в том... я стараюсь снижать дозу. Собираюсь полностью отказаться от них в январе. Это мое новогоднее обещание.

— Папуля, это прекрасно!

— Хотя новогодние обещания и загадываются для того, чтобы их нарушать.

— С тобой такого не бывает. Ты всегда делаешь то, что говоришь. — Илзе нахмурилась. — Это одна из твоих особенностей, которая никогда не нравилась маме. Я думаю, она в этом тебе завидовала.

— Цыпленок, с разводом пути назад нет. Так что и не пытайся склеить разбитое, хорошо?

— Ну, я тебе еще кое-что расскажу. — Губы Илзе превратились в узкие полоски. — Со времени приезда в Палм-Дезерт она очень уж много времени проводит с тем парнем, что живет по соседству. Говорит, что это всего лишь кофе и сочувствие, мол, потому что Макс потерял отца в прошлом году, и Макс действительно любит дедушку, и бла-бла-бла, но я вижу, как она на него смотрит, и мне... противно. — Вот тут губы ее практически исчезли, и я подумал, до чего же она сейчас похожа на свою мать. С этой мыслью пришла другая, успокаивающая: «Я думаю, она выдержит, я думаю, даже если этот святой Джонс бросит ее, она выдержит».

Я уже видел мой взятый напрокат автомобиль, но Джеку еще предстояло добраться до нас. Машины трогались с места, чуть

продвигались вперед и снова останавливались. Я упер «канадку» в бок и обнял дочь, которая прилетела из Калифорнии, чтобы повидаться со мной.

— На маму не сердись, ладно?

— Разве тебя не волнует...

— Сейчас больше всего меня волнует одно: я хочу, чтобы ты и Мелинда были счастливы.

Под ее глазами темнели мешки, и я понимал, что все эти перелеты утомили Илзе, при всей ее молодости. Подумал, что завтра она будет спать допоздна — и это меня вполне устраивало. Если мое предчувствие относительно ее бойфренда не расходилось с действительностью (я надеялся, что разойдется, но думал, что нет), в будущем году Илзе ждали бессонные ночи.

Джек добрался до терминала авиакомпании «Эйр Флорида», но у нас еще оставалось время.

— У тебя есть фотография твоего парня? Любопытные отцы хотят все знать.

Она просияла.

— Конечно.

Фотография, которую она достала из красного кожаного бумажника, лежала в прозрачном пластиковом конверте. Илзе вытащила ее и протянула мне. Не сомневаюсь, на этот раз мне удалось скрыть свою реакцию, потому что улыбка восхищения (скорее, глуповатая улыбка) не сошла с моего лица. А на самом деле? Я почувствовал, будто проглотил некий предмет, инородное для человеческого горла тело. Может, свинцовую пулю.

Меня поразило не сходство Карсона Джонса с мужчиной, которого я нарисовал в канун Рождества. К этому я морально себя готовил, с того момента, как увидел колечко, сверкающее на пальце Илзе. Поразил тот факт, что мой рисунок практически не отличался от фотографии. Словно я закрепил на мольберте именно ее, а не фотографии софоры, кермека лавандового или фитолакки американской. Он был в джинсах и потертых желтых рабочих ботинках, которые я не смог как следует нарисовать; его русые волосы закрывали уши и падали на лоб; в руке он держал книгу, в которой я узнал Библию. А более всего меня

потрясла футболка «Миннесотских близнецов» с номером 48 на груди слева.

— Кто этот сорок восьмой номер, и как тебе удалось встретить болельщика «Близнецов» в Брауне? Я думал, там территория «Ред сокс»*.

— Под номером сорок восемь играет Тори *Хантер*. — Она смотрела на меня, как на самого большого тупицу в мире. — В большой студенческой гостиной стоит телевизор с огромным экраном, и я зашла туда в прошлом июле, когда играли «Близнецы» и «Сокс». Несмотря на сессию, народу хватало, но только Карсон и я пришли в экипировке «Близнецов», он — в футболке с номером Тори, я — в бейсболке. Само собой, мы сели вместе, и... — Она пожала плечами, как бы говоря, что остальное понятно и без слов.

— И какого он племени по части религии?

— Баптист. — Она глянула на меня с толикой вызова, словно сказала: «Людоед!» Но я принадлежал к Первой Церкви Ничего Конкретного и ничего не имел против баптистов. Собственно, я не жалую только те религии, которые утверждают, что их Бог круче вашего Бога. — Последние четыре месяца мы три раза в неделю ходили на службу.

Подъехал Джек, Илзе наклонилась, чтобы взяться за ручки чемоданов.

— Он собирается пропустить весенний семестр, чтобы поехать по стране с их удивительным хором. Они исполняют госпел**. Это будут настоящие гастроли, с билетами и все такое. Хор называется «Колибри». Тебе нужно его послушать. Он поет, как ангел.

— Не сомневаюсь.

Она вновь поцеловала меня, нежно. В щеку.

— Я так рада, что приехала, папуля. А ты рад?

— Больше, чем ты можешь себе представить, — ответил я. Мне вдруг захотелось, чтобы она безумно влюбилась в Джека. И этим разрешила бы все проблемы... так, во всяком случае, мне тогда казалось.

---

* «Ред сокс» базируется в Бостоне, штат Массачусетс.

** Госпел — музыка, сочетающая элементы религиозных песнопений, блюза и джаза.

X

Мы не стали закатывать грандиозный рождественский обед, но на столе стояли «курица-астронавт» Джека, клюквенный соус, готовый салат из кулинарии и рисовый пудинг. Илзе съела по две порции каждого блюда. После того как мы обменялись и восхитились подарками (получили именно то, что хотели!), я отвел Илзе в «Розовую малышку» и познакомил практически со всеми художественными изысканиями. Только два рисунка, ее бойфренд и женщина в красном (если это *была* женщина), лежали на верхней полке стенного шкафа в моей спальне, где и оставались до отъезда дочери.

С десяток других, главным образом закатов, я прикнопил к кускам картона и расставил у стен. Илзе прошлась мимо них. Остановилась, прошлась снова. Уже наступила ночь, так что большое окно заполняла темнота. Был отлив, и о присутствии Залива напоминало только едва слышное шуршание набегавших на песок и умиравших на нем волн.

— Неужели их нарисовал ты? — наконец спросила Илзе. Повернулась, посмотрела на меня, и от ее взгляда мне стало как-то не по себе. Так смотрят, когда кардинально меняют представление о человеке.

— Да, — кивнул я. — И что ты думаешь?

— Они хороши. Даже больше, чем просто хороши. Вот этот... — Она наклонилась и очень осторожно подняла рисунок с раковиной, положенной на горизонт и окруженной сиянием желто-оранжевого заката. — Это же пи... извини, просто мурашки бегут по коже.

— У меня такие же ощущения. Но, знаешь, тут нет ничего нового. Нужно лишь приправить закат толикой сюрреализма. — И я дурашливо воскликнул: — Привет, Дали!

Илзе отложила «Закат с раковиной» и взяла «Закат с сафорой».

— И кто их видел?

— Только ты и Джек. Ах да, еще Хуанита. Она называет их asustador. Что-то в этом роде. Джек говорит, что это слово означает «пугающие».

— Они действительно немного пугают, — признала Илзе. — Но, папуля... эти карандаши, которыми ты пользуешься, они мажутся. И, думаю, картины будут выцветать, если ты не примешь никаких мер.

— Каких?

— Не знаю. Но думаю, что ты должен показать их тому, кто понимает. Кто сможет сказать, действительно ли они хороши.

Ее слова мне польстили, но и встревожили. Чуть ли не привели в смятение.

— Я понятия не имею, к кому и куда...

— Спроси Джека. Может, он знает художественную галерею, в которой на них посмотрят.

— Конечно, все так просто. Зайти с улицы и сказать: «Я живу на Дьюма-Ки и у меня есть карандашные рисунки... главным образом закаты, необычные такие флоридские океанские закаты... так вот, моя приходящая уборщица думает, что они asustador».

Она уперла руки в бока, склонила голову. Так обычно выглядела Пэм, если во что-то вцеплялась мертвой хваткой. Если собиралась до конца отстаивать свою позицию.

— Папа...

— Слушай, только этого мне сейчас и не хватает.

Она пропустила мои слова мимо ушей.

— Ты превратил два пикапа, подержанный армейский бульдозер и двадцать тысяч долларов банковской ссуды в многомиллионную компанию. А теперь собираешься убеждать меня, что показать эти рисунки двум-трем галеристам — невыполнимая задача, если ты действительно решишь, что это нужно? — Она смягчилась. — Я хочу сказать, папуля, они хороши. Хороши. Конечно, весь мой опыт — уроки искусствоведения в средней школе, и я это знаю.

Я что-то ответил, не могу точно вспомнить, что именно. Я думал о сделанном в лихорадочной спешке рисунке Карсона Джонса, этого баптистского колибри. Интересно, увидев его, Илзе сказала бы, что и он хорош?

Но я не собирался его показывать. Ни его, ни рисунок человека в красном. Никому не собирался показывать. Так я тогда думал.

— Папа, если у тебя всегда был этот талант, почему он не проявлялся?

— Не знаю. Это еще вопрос, есть ли тут талант.

— Так пусть тебе кто-то скажет. Тот, кто понимает. — Она подняла рисунок почтового ящика. — Даже этот... Ничего особенного, но что-то в нем есть. Потому что... — Илзе коснулась бумаги. — Конь-качалка. Почему ты нарисовал тут эту игрушку, папа?

— Не знаю. Просто решил, что ей тут самое место.

— Ты рисовал по памяти?

— Нет. Такое мне не под силу. То ли из-за несчастного случая, то ли просто нет мастерства.

Но иногда я все-таки мог рисовать по памяти. И мастерства хватало. Если, к примеру, дело касалось молодых людей в футболках «Близнецов».

— Я нашел коняшку в Интернете, потом распечатал...

— Ох, черт, я ее размазала! — воскликнула Илзе. — Черт!

— Все нормально. Это не имеет значения.

— Это ненормально и имеет значение! Ты должен купить эти гребаные краски! — Тут Илзе поняла, что сказала, и прижала руку ко рту.

— Ты, наверное, не поверишь, но я пару раз слышал это слово. Хотя у меня есть подозрения, что твой бойфренд... возможно... не жалует...

— Ты все правильно понимаешь, — ответила Илзе. Чуть мрачновато. Потом улыбнулась. — Но он тоже много чего говорит, если кто-то подрезает его на дороге... Папа, насчет твоих картин...

— Я счастлив только потому, что они тебе понравились.

— Больше, чем понравились. Я потрясена. — Она зевнула. — А еще едва стою на ногах.

— Думаю, тебе нужно выпить кружку какао и ложиться спать.

— Замечательная идея.

— Какая именно?

Она рассмеялась. И как хорошо звучал ее смех. Заполнял все вокруг.

— Обе.

XI

Наутро мы стояли на берегу, каждый с чашечкой кофе в руке и по щиколотку в волнах. Солнце только-только поднялось над островом позади нас, так что наши тени растянулись по ровной водной глади на мили.

Илзе с серьезным видом посмотрела на меня.

— Это самое прекрасное место на земле, папа?

— Нет, но ты молодая, и я не могу винить тебя за такой вывод. В моем списке Самых прекрасных мест это — номер четыре, но первые три никому не под силу написать без ошибок.

Илзе улыбнулась поверх ободка чашки.

— Скажи мне.

— Если настаиваешь. Номер один — Мачу-Пикчу. Номер два — Марракеш. Номер три — «Петроглиф нэшнл монумент»*.

На секунду-две улыбка стала шире. Потом увяла, и дочь вновь серьезно посмотрела на меня. Совсем как в ее далеком детстве, когда в четыре года она спросила меня, есть ли в жизни такое же волшебство, как в сказках. Я ответил «да», думая, разумеется, что это ложь. Теперь такой уверенностью я похвастаться не мог. Но воздух был теплый, наши голые ноги омывал Залив, и я не хотел, чтобы Илзе причинили боль. Пусть и думал, что ей этого не избежать. Но каждый получает то, что заслужил, не так ли? Безусловно. Бах, по носу. Бах, в глаз. Бах, ниже пояса, ты падаешь, а рефери как раз ушел за хот-догом. И только те, кого любишь, могут эту боль множить и передавать. Боль — величайшая сила любви. Так говорит Уайрман.

— Что-то не так, милая?

— Нет. Просто вновь думаю о том, как я рада, что приехала. Я представляла себе, что ты пропадаешь в доме для престарелых или в каком-нибудь ужасном полуразвалившемся баре на пляже, где по четвергам проводят конкурсы бюстов «Кто лучше выглядит в мокрой майке». Наверное, слишком уж начиталась Карла Хайасена**.

---

* Соответственно, найденный археологами город инков в Перу, город в Марокко и национальный парк в штате Нью-Мексико, США.

** Хайасен Карл (р. 1953) — современный американский писатель. Специализируется в жанре ироничного детектива и триллера. Родился,

— Здесь много таких мест, знаешь ли, — ответил я.

— А таких, как Дьюма?

— Не знаю. Может, несколько. — Но, судя по тому, что рассказывал мне Джек, не было даже второго такого места.

— Что ж, ты его заслужил. Время отдохнуть и излечиться. И если вот это... — она обвела рукой Залив, — тебя не излечит, уж не знаю, что сможет. Единственное...

— Д-да? — Я взмахнул рукой, словно поймал что-то в воздухе двумя пальцами. У любой семьи есть особый язык, который включает в себя и жесты. Мой жест ничего не сказал бы постороннему человеку, но Илзе поняла и рассмеялась.

— Ладно, умник. Единственная надоедливая муха — звуки прилива. Я проснулась ночью и чуть не закричала, прежде чем поняла, что это вода перемещает раковины. Я все поняла правильно? Пожалуйста, скажи, что так оно и есть.

— Так оно и есть. А о чем ты подумала?

Она буквально содрогнулась.

— Первой пришла мысль... только не смейся... о скелетах на параде. О сотнях скелетов, марширующих вокруг дома.

У меня такая ассоциация никогда не возникала, но я понимал, о чем она говорит.

— Я нахожу эти звуки успокаивающими.

Она пожала плечами, сомневаясь.

— Ну... тогда ладно. Каждому свое. Возвращаемся? Я могу поджарить яичницу. Даже с перчиками и грибами.

— Предложение принято.

— После несчастного случая я ни разу не видела, чтобы ты так долго обходился без костыля.

— Я надеюсь, что к середине января смогу уходить по берегу на юг на четверть мили.

Илзе присвистнула.

— На четверть мили туда и *обратно*?

Я покачал головой.

— Нет, нет. Только туда. Обратно собираюсь долететь. Как планер. — И я поднял руку, показывая, как буду планировать.

Илзе фыркнула, повернулась, чтобы пойти к дому, остано-

вырос и живет во Флориде, где и разворачивается действие многих его романов.

вилась, потому что на юге что-то сверкнуло. Раз, другой. И на берегу темнели две точки.

— Люди. — Илзе прикрыла глаза ладонью.

— Мои соседи. На текущий момент мои единственные соседи. Так я, во всяком случае, думаю.

— Ты с ними встречался?

— Нет. Я знаю, что это мужчина и женщина в инвалидном кресле. Если не ошибаюсь, обычно она завтракает на берегу. А блестит поднос.

— Тебе следует купить гольф-кар. Тогда сможешь подъехать к ним и поздороваться.

— Со временем я собираюсь дойти до них и поздороваться. Никаких гольф-каров. Доктор Кеймен велел намечать цели. Вот я их и намечаю.

— Папуля, когда речь идет о целях, тебе не нужны советы мозгоправа. — Илзе все смотрела на юг. — Из какого они дома? Того большого, что выглядит, будто ранчо из вестерна?

— Я в этом почти уверен.

— И больше здесь никто не живет?

— Сейчас нет. Джек говорит, что некоторые дома арендуют в январе и феврале, но сейчас, полагаю, здесь только они и я. А остальная часть острова — сплошная ботаническая порнография. Озверевшие растения.

— Господи, а почему?

— Не имею ни малейшего понятия. Я собирался это выяснить — во всяком случае, собирался попытаться, — но пока все еще учусь твердо стоять на ногах. В прямом, а не в переносном смысле.

Мы уже возвращались к дому.

— Почти пустой остров под солнцем, — прервала паузу Илзе. — Что-то за этим кроется. Должно крыться, ты согласен?

— Да, — кивнул я. — Джек Кантори предлагал навести справки, но я попросил его не беспокоиться. Подумал, что и сам могу это сделать.

Я схватил костыль, вставил руку в две стальные скобы (приятно, знаете ли, после того, как какое-то время проведешь на берегу без «канадки») и захромал по уходящей к двери дорожке.

Заметил, что иду один. Остановился, оглянулся. Илзе смотрела на юг, прикрывая рукой глаза.

— Идешь, милая?

— Да. — На берегу снова что-то сверкнуло. Поднос для завтрака. Или кофейник. — Может, *они* знают, в чем дело? — Илзе догнала меня.

— Возможно.

Она указала на дорогу.

— А дорога? Куда она ведет?

— Не знаю.

— Не хочешь проехать по ней после ленча и выяснить?

— Ты готова пилотировать «шеви-малибу» от «Херца»?

— Конечно! — Она уперлась руками в узкие бедра, притворно сплюнула и продолжила на южный манер, растягивая слова: — Я буду вести ма-ашину, пока-а не упрусь в конец дороги.

XII

Но мы и близко не подобрались к концу Дьюма-роуд. Во всяком случае, в тот день. Наш бросок на юг начался хорошо, но закончился хуже некуда.

Отъезжая, мы оба прекрасно себя чувствовали. Я полежал час, выпил послеполуденную таблетку оксиконтина. Дочь переоделась в шорты и топик, и долго смеялась, когда я настоял на том, чтобы намазать ей нос цинковыми белилами.

— Клоун Бобо, — заявила Илзе, глядя на себя в зеркало.

Она пребывала в превосходном настроении, я же после несчастного случая никогда еще так не радовался жизни, поэтому произошедшее с нами в тот день стало полнейшей неожиданностью. Илзе во всем винила ленч, может, майонез в салате с тунцом, и я с ней не спорил, но не думаю, что причина крылась в испортившемся майонезе. Скорее, в дурном заклятии.

Дорога была узкой, в ухабах и выбоинах. И пока не нырнула в густые джунгли, занимавшие большую часть острова, ее то и дело перегораживали дюны из песка цвета кости, который ветром нанесло с берега. Арендованный «шеви» играючи перепрыгивал через большинство из них, но когда дорога свернула чуть

ближе к воде (перед самой гасиендой, которую Уайрман называл «Palacio de Asesinos»*), наносы стали выше и толще, так что колеса уже увязали в них, а не перепрыгивали. Но Илзе училась водить автомобиль в снежной стране, поэтому управлялась без жалоб и комментариев.

Дома между «Розовой громадой» и «Дворцом» построили в стиле, который я называл «Флоридский пастельно-отвратительный». Все окна были закрыты ставнями, большинство подъездных дорожек — перегорожено воротами. В одном доме ворота заменяли козлы для пилки дров, в количестве двух штук, с выцветшим предупреждением: **«ЗЛЫЕ СОБАКИ ЗЛЫЕ СОБАКИ»**. За домом со злыми собаками начинался участок, на котором высилась гасиенда. Его огораживала десятифутовая оштукатуренная стена с оранжевой черепицей поверху. Куда больше такой же черепицы (крыша гасиенды) скосами и углами оранжевело на фоне бездонного синего неба.

— Кучеряво! — воскликнула Илзе (должно быть, позаимствовала у своего баптистского бойфренда). — Прямо-таки поместье в Беверли-Хиллз.

Стена тянулась вдоль дороги как минимум ярдов восемьдесят. Мы не увидели ни единого щита с надписью **«ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН»**. Размерами она однозначно выражала отношение владельца участка к коммивояжерам и мормонским проповедникам. В середине стены находились железные ворота. Их половинки были приоткрыты, а между ними сидела...

— Это она, — пробормотал я. — Женщина с берега. Срань господня! Да это же Невеста крестного отца.

— Папуля! — Илзе рассмеялась, шокированная моими словами.

В инвалидном кресле сидела глубокая старуха, лет восьмидесяти пяти, а то и старше. На хромированных подставках для ног стояли огромные голубые кеды «конверс». Хотя температура воздуха чуть недотягивала до двадцати пяти градусов, женщина была в спортивном костюме. В одной шишковатой руке дымилась сигарета. Соломенную шляпу я видел во время про-

* Дворец убийц (*исп.*).

гулок по берегу, но не представлял себе, какая она огромная — не шляпа, а потрепанное сомбреро. И сходство с Марлоном Брандо в конце фильма «Крестный отец» (когда он играл с внуком в саду) не вызывало ни малейших сомнений. Что-то лежало у нее на коленях... вроде бы не пистолет.

Илзе и я помахали ей рукой. Какие-то мгновения она сидела не шевелясь, потом подняла одну руку в индейском приветствии, и ее рот растянулся в лучезарной и практически беззубой улыбке. Тысячи морщинок, избороздивших лицо, превратили старуху в добрую колдунью. Я даже мельком не взглянул на дом у нее за спиной. Мне хватило ее неожиданного появления, модной синей обувки, множества морщинок и...

— Папуля, это был пистолет? — Илзе широко раскрытыми глазами смотрела в зеркало заднего вида. — У этой старухи на коленях лежал пистолет?

Автомобиль сносило с дороги, я понял, что велик шанс чиркнуть бортом по оштукатуренной стене, поэтому взялся за руль и чуть подкорректировал курс.

— Думаю, да. Или вроде того. Не отвлекайся, милая. Дорога-то не очень.

Теперь она вновь смотрела вперед. Мы ехали, залитые ярким солнечным светом, который, правда, померк, едва мы миновали забор.

— Что значит вроде того?

— Эта штуковина выглядела... ну, не знаю, как пистолет-арбалет. Или что-то такое. Может, она отстреливает из него змей.

— Слава Богу, она улыбнулась, — добавила Илзе. — И улыбка у нее хорошая, правда?

Я кивнул.

— Это точно.

Гасиенда замыкала ряд домов, построенных на северной, очищенной от джунглей оконечности Дьюма-Ки. За гасиендой дорога отвернула от берега, и листва сомкнулась вокруг нее. Такую перемену я нашел поначалу интересной, потом внушающей благоговейный страх, и, наконец, она вызвала у меня приступ клаустрофобии. Зеленые стены поднимались на высоту двенадцати футов, темно-красные потеки на круглых листьях выглядели как засохшая кровь.

— Что это за растение, папуля?

— Морской виноград. А вот это, зеленое с желтыми цветами — веделия. Растет везде. А это рододендрон. Деревья в основном, думаю, карибские сосны, хотя...

Илзе сбросила скорость до черепашьей и указала налево, наклонившись к ветровому стеклу.

— А там какие-то пальмы. И посмотри... впереди...

Дорога по-прежнему уходила в глубь острова, и стволы деревьев, которые росли по обе ее стороны, напоминали переплетение скрученных серых веревок. Корни вспучивали гудрон. Пока мы еще могли проехать, но через несколько лет дорога наверняка станет непроходимой для обычного автомобиля.

— Фикус-душитель*.

— Милое название, прямиком от Альфреда Хичкока. Они всегда так растут?

— Не знаю.

Илзе осторожно переехала испорченную корнями полосу дороги, и мы поползли дальше, на скорости, не превышающей четыре мили в час. Среди густых зарослей морского винограда и рододендронов изредка проглядывали фикусы-душители. Дорогу окутывал густой сумрак. Мы ничего не могли разглядеть ни впереди, ни по бокам. Небо исчезло, если не считать редкого синего пятнышка или падающего на дорогу лучика. И мы видели пробивающиеся через трещины в гудроне пучки мечтравы и жесткие, словно вощеные, стебли лиродревесника.

Начала зудеть рука. Правая. Машинально я потянулся, чтобы почесать ее, но, как и обычно, почесал только ребра, прикосновение к которым все еще вызывало боль. Одновременно зуд появился и в левой половине головы. Почесать голову я мог, что и сделал.

— Папуля?

— Все хорошо. Чего ты остановилась?

— Потому что... мне не очень-то хорошо.

---

* Фикус-душитель — растение, поселяющееся на других растениях, но не являющееся паразитом, потому что пускает корни в землю. Оплетает ствол материнского дерева своими стволами, действительно похожими на скрученные веревки.

И тут я заметил, как переменилось ее лицо. Стало почти таким же белым, как цинковые белила на носу.

— Илзе? Что такое?

— Желудок. У меня появляются серьезные вопросы к салату с тунцом, который я съела на ленч. — Она кисло улыбнулась. — И еще я думаю, каким образом мне удастся вывезти нас отсюда.

Она задала хороший вопрос. Заросли морского винограда надвинулись с боков, а кроны пальм, закрывавшие небо, опустились ниже. Я вдруг ощутил запах окружающих нас джунглей, липкий аромат, который, казалось, оживал в горле. И почему нет? Его источали живые растения. Они поджимали нас с обеих сторон. И сверху.

— Папа?

Зуд усилился. Он казался мне красным, а вонь в носу и горле — зеленой. Такой зуд возникает, если ты залипаешь в *долине*, залипаешь в *малине*.

— Папуля, ты извини, но я чувствую, что меня сейчас вырвет.

Не в *долине* и не в *малине*, мы сидели в машине, Илзе открыла дверцу машины, высунулась наружу, держась за руль одной рукой, а потом я услышал, как ее вывернуло.

Красная пелена перед правым глазом спала, и я подумал: «Я могу это сделать. Я могу это сделать. Я просто должен взять себя в руки».

Я открыл свою дверцу — для этого пришлось дотянуться до ручки левой рукой — и выбрался на дорогу. Выбираясь, я крепко держался за верх дверцы, чтобы не рухнуть в полный рост, лицом вниз, на заросли морского винограда и переплетенные ветви баньяна с наполовину вылезшими из земли корнями. Я ощущал зуд во всем теле. Листья и ветки находились так близко от борта автомобиля, что цепляли меня, пока я продвигался к переднему бамперу. Половина того, что я видел перед собой

(*КРАСНОЕ*)

казалась кроваво-алой, я почувствовал (мог бы в этом поклясться), как запястье правой руки задело о шершавый ствол сосны, подумал: «Я могу это сделать, я ДОЛЖЕН это сделать», — услышав, как Илзе выворачивает вновь. Я понимал, что на узкой

дороге гораздо жарче, чем должно быть, даже с зеленой крышей над головой. Мне хватило здравомыслия, чтобы задаться вопросом, а о чем мы, собственно думали, отправляясь в поездку по этой дороге. Но, разумеется, тогда эта авантюра воспринималась веселой проказой.

Илзе по-прежнему высовывалась из кабины, держась за руль правой рукой. Ее лоб покрывали крупные капли пота. Вскинув голову, она посмотрела на меня.

— Ох, что-то мне нехорошо...

— Подвинься, Илзе.

— Папуля, что ты собираешься делать?

Как будто она не понимала. И тут же оба слова, «везти» и «назад», разом ускользнули от меня. В тот момент я мог бы произнести только «нас», самое бесполезное слово в английском языке, когда оно остается одно. Я чувствовал, как злость кипятком клокочет в горле. Или кровь. Да, скорее кровь, потому что злость была, само собой, красной.

— Вытаскивать нас отсюда. Подвинься. — И подумал при этом: «Не злись на нее. Не начинай кричать, ни при каких обстоятельствах. Ради Христа, пожалуйста, не начинай».

— Папуля... ты... не можешь...

— Смогу. Подвинься.

Привычка слушаться умирает тяжело... особенно тяжело — у дочерей в отношении отцов. И, разумеется, она ужасно себя чувствовала. Илзе перебралась на пассажирское сиденье, а я сел на водительское, залез в кабину спиной вперед и воспользовался рукой, чтобы поднять покалеченную правую ногу. Вся правая сторона зудела, будто через нее пропускали слабый электрический ток.

Я крепко закрыл глаза и подумал: «Я МОГУ это сделать, черт побери, и мне не требуется помощь этой набивной матерчатой суки».

Когда я вновь взглянул на мир, часть этой красноты (и часть злости, слава Богу) ушла. Я включил заднюю передачу и чуть придавил педаль газа. Автомобиль медленно покатился назад. Я не мог, как Илзе, высовываться из окна, потому что не имел возможности рулить правой рукой. Вместо этого полагался ис-

ключительно на зеркало заднего вида. А в голове зловеще звучало: «Мип-мип-мип».

— Пожалуйста, только не съезжай с дороги, — простонала Илзе. — Идти мы не сможем. Я слишком слаба, а ты слишком покалечен.

— Не съеду, Моника, — ответил я, но в этот момент она высунулась из окна, чтобы вывалить то, что еще оставалось в желудке, и не думаю, что услышала меня.

XIII

Медленно-медленно мы откатывали от того места, где Илзе остановила автомобиль. Я говорил себе: «Поспешишь — людей насмешишь» и «Тише едешь — дальше будешь». Бедро рычало от боли, когда мы переваливались через корни фикуса-душителя. Пару раз я слышал, как ветки морского винограда скребли по борту автомобиля. Сотрудникам «Херца» это вряд ли понравится, но их проблемы в тот момент волновали меня меньше всего.

Мало-помалу становилось светлее, потому что зеленая крыша над дорогой раздавалась в стороны. Меня это вполне устраивало. Уходила красная пелена перед глазами, уходил безумный зуд. Что устраивало еще больше.

— Я вижу тот большой дом за забором, — возвестила Илзе, оглянувшись.

— Тебе получше?

— Может, чуть-чуть, но желудок по-прежнему вибрирует, как «стиралка». — Судя по раздавшемуся звуку, тошнота вновь подкатила к ее горлу. — Господи, лучше бы я этого не говорила. — Илзе высунулась из окошка, ее снова вырывало, она откинулась на спинку сиденья, засмеялась и застонала одновременно. Кудряшки прилипли ко лбу. — Я уделала весь борт твоего автомобиля. Пожалуйста, скажи, что у тебя есть шланг.

— Об этом не волнуйся. Расслабься. Дыши медленно и глубоко.

Она попыталась отдать честь и закрыла глаза.

Старуха в большущей соломенной шляпе исчезла, зато ворота распахнули полностью, будто хозяйка ждала гостей. Или знала, что нам понадобится место для разворота.

Я не стал тратить время на обдумывание, просто задним входом въехал в ворота. Мельком увидел двор, вымощенный синими керамическими плитками, теннисный корт, огромную двухстворчатую дверь с железными кольцами-ручками, а потом поехал домой. Куда мы и прибыли пятью минутами позже. Теперь я все видел так же ясно, как и утром, когда проснулся, может, и яснее. А если не считать легкого зуда, который «гулял» по правой половине моего тела, чувствовал себя прекрасно.

И еще мне очень хотелось рисовать. Я не знал, что именно нарисую, но не сомневался, что узнаю, когда поднимусь в «Розовую малышку» и сяду перед мольбертом с раскрытым на нем альбомом. Совершенно в этом не сомневался.

— Давай я помою твою машину, — предложила Илзе.

— Сейчас тебе нужно полежать. Выглядишь ты полумертвой.

Она вымученно улыбнулась.

— Полу — это не совсем. Помнишь, как говорила мама?

Я кивнул:

— А теперь иди. Борт я помою, — и указал на шланг, свернутый кольцами у северной стены «Розовой громады». — Он подключен, так что достаточно повернуть вентиль.

— Ты в полном порядке?

— Лучше не бывает. Думаю, ты съела больше салата с тунцом, чем я.

Илзе сподобилась еще на одну улыбку.

— Я неравнодушна к собственной готовке. Папуля, ты показал себя настоящим героем, вызволив нас из джунглей. Я бы тебя поцеловала, но пахнет от меня...

Я поцеловал *ее*. В лоб. Холодный и влажный.

— Немедленно примите горизонтальное положение, мисс Повариха... приказ верховного главнокомандующего.

Она ушла. Я включил воду и принялся мыть борт «малибу». Потратил на это больше времени, чем было необходимо, чтобы дочь наверняка успела заснуть. И она успела. Когда я заглянул в приоткрытую дверь второй спальни, Илзе лежала на боку,

спала, как в детстве: одна ладонь под щекой, одно колено подтянуто к груди. Мы думаем, что меняемся, а на самом деле — нет. Так говорит Уайрман.

Может, si, может, нет. Так говорит Фримантл.

XIV

Что-то тянуло меня (возможно, это «что-то» сидело во мне с того несчастного случая, но оно точно вернулось со мной из поездки по Дьюма-роуд). Я позволил этому «что-то» тянуть, не было уверенности, что смогу устоять, да не хотелось и пытаться; разбирало любопытство.

Сумочка дочери лежала на журнальном столике в гостиной. Я открыл ее, вытащил бумажник, просмотрел фотографии, которые она в нем держала. Почувствовал себя чуть-чуть негодяем, но только чуть-чуть. «Ты же ничего не крадешь», — убеждал я себя, но, разумеется, есть множество способов воровства, не так ли?

В бумажнике сразу наткнулся на фотографию Карсона Джонса, которую Илзе показывала мне в аэропорту, но она меня не интересовала. В одиночку он меня не интересовал. Я хотел увидеть его с ней. Мне требовалась их общая фотография. И я ее нашел. Похоже, сфотографировались они у придорожного лотка. На фоне корзин с огурцами и кукурузными початками. Оба улыбались, молодые и прекрасные. Обнимали друг друга, и одна ладонь Карсона Джонса, похоже, лежала на обтянутой синими джинсами округлой попке моей дочери. Ах ты, нахальный христианин. Моя правая рука все еще зудела, кожу несильно, но непрестанно кололо горячими иголками. Я почесал руку, почесал сквозь руку, в десятитысячный раз вместо руки попал пальцами на ребра. И эту фотографию Илзе хранила в прозрачном пластиковом конверте. Я вытащил ее, обернулся (нервничал, как взломщик на первом деле) на приоткрытую дверь комнаты, в которой спала дочь, перевернул.

Я люблю тебя, Тыквочка!
Смайлик.

Мог я доверять ухажеру, который называл мою дочь Тыквочкой и подписывался, как Смайлик? Я так не думал. Возможно, относился к нему предвзято, но нет... я так не думал. Тем не менее я нашел то, что искал. Не его одного — их вдвоем. Я повернул фотографию картинкой к себе, закрыл глаза и притворился, будто вожу по кодаковскому изображению правой рукой. Хотя не чувствовал, что это притворство; надеюсь, теперь мне уже не нужно это объяснять.

По прошествии времени (не могу сказать точно, как долго у меня все это заняло) я вернул фотографию в пластиковый конверт, а потом засунул бумажник под салфетки и косметику, примерно на ту же глубину, с которой и достал. Положил сумочку на журнальный столик, зашел в свою спальню за Ребой, воздействующей на злость куклой, и захромал наверх, в «Розовую малышку», культей прижимая куклу к боку. Вроде бы помню, как говорил: «Я собираюсь превратить тебя в Монику Селеш*», — когда сажал ее перед окном. Но с тем же успехом мог сказать «в Монику Голдстайн». Когда дело касается памяти, мы все склонны подтасовывать. Евангелие от Уайрмана.

Я отчетливо (даже отчетливее, чем хотелось) помню большую часть того, что произошло на Дьюме, но вот вторая половина именно этого дня вспоминается смутно. Я знаю, что с головой ушел в рисование, а сводящий с ума зуд в несуществующей руке меня совершенно не донимал, пока я работал. И я почти уверен, что красноватая дымка, которая в те дни висела перед глазами, сгущаясь, если я уставал, на какое-то время исчезла полностью.

Не могу сказать, сколь долго я пребывал в таком состоянии. Должно быть, времени прошло немало. Достаточно для того, чтобы, закончив рисовать, я ощутил жуткую усталость и дикий голод.

Спустился вниз и принялся жрать копченую колбасу при свете лампочки холодильника. Сандвич делать не стал: не хотел, чтобы Илзе узнала, что я чувствую себя нормально и могу есть. Пусть думает, что все наши проблемы вызваны испорченным

* Селеш Моника (р. 1973) — известная теннисистка. Одно время занимала первую строчку в мировой квалификации.

майонезом. Тогда у нас отпадет необходимость тратить время на поиски других объяснений.

А среди объяснений, которые приходили мне в голову, рациональным места не нашлось.

Съев пол-упаковки нарезанной салями и выпив пинту сладкого чая, я прошел в спальню, лег и провалился в глубокий сон.

XV

Закаты.

Иногда мне кажется, что мои самые четкие воспоминания о Дьюма-Ки — оранжевое вечернее небо, кровоточащее снизу и выцветающее поверху, зеленое, переходящее в черное. Когда я проснулся тем вечером, еще один день триумфально покидал наш мир. Опираясь на костыль, я потопал в гостиную, с затекшим телом, морщась от боли (первые десять минут всегда были самыми худшими). Увидел, что дверь в комнату Илзе распахнута, а ее кровать пуста.

— Илзе? — позвал я.

На мгновение стояла тишина. Потом она откликнулась сверху.

— Папуля! Мамма-миа, это нарисовал ты? *Когда* ты это нарисовал?

Все мысли о болях и затекшем теле как ветром сдуло. Я поднялся в «Розовую малышку» со всей доступной мне быстротой, лихорадочно вспоминая, что же я такого нарисовал. Что бы это ни было, я не приложил никаких усилий, чтобы спрятать свое очередное творение. А если я изобразил что-то ужасное? Допустим, мне в голову пришла блестящая идея нарисовать карикатуру на распятие, «прибить» к кресту поющего госпелы «Колибри»?

Илзе стояла перед мольбертом, так что рисунка я видеть не мог. Дочь полностью закрывала его собой. Но даже если бы она стояла в стороне, освещался зал только кровавым закатом. И лист альбома на фоне этого сияющего окна являл собой черный прямоугольник.

Я включил свет, молясь о том, что ничем не огорчил дочь. Она же прилетела в такую даль, чтобы убедиться, что у меня все хорошо. По голосу мне не удалось определить ее реакцию на мой рисунок.

— Илзе.

Она повернулась ко мне. По лицу чувствовалось, что она скорее ошеломлена, чем злится.

— Когда ты это нарисовал?

— Ну... Пожалуйста, отойди чуть в сторону.

— Память опять тебя подводит, так?

— Нет... хотя да. — Я нарисовал берег, каким видел его из окна, но больше ничего сказать не мог. — Как только я увижу рисунок, так, я уверен, сразу... отойди в сторону, дорогая, дверь ты изобразишь лучше, чем окно.

— Значит, я тебе мешаю? — Она рассмеялась. Редко когда смех приносил мне такое облегчение. Что бы она ни нашла на мольберте, рисунок этот ее не разъярил, и желудок разом опустился, занял положенное ему место. Раз она не злилась, уменьшалась угроза, что разозлюсь я и испорчу ее не такой уж и плохой визит.

Илзе отступила влево, и я увидел, что нарисовал в полубессознательном состоянии, перед тем как лечь спать. Если говорить о мастерстве, наверное, ничего лучше у меня не получалось с того самого дня, когда на озере Фален я изобразил три пальмы, но я подумал, что ее недоумение более чем понятно. Я и сам недоумевал.

Эту часть берега я мог видеть из широкого, чуть ли не во всю стену, окна «Розовой малышки». Небрежный отсвет на воде, выполненный желтым карандашом, который изготовила «Винус компани», показывал, что происходит все ранним утром. В центре картины стояла маленькая девочка в платье для тенниса. Спиной к нам, но рыжие волосы выдавали ее с головой: Реба, моя маленькая любовь, подруга из прошлой жизни. Фигуру я прорисовал нечетко, но зритель понимал, что сделано это сознательно: нарисована не реальная маленькая девочка, а пригрезившаяся фигура в воображаемом месте.

Вокруг ее ног на песке лежали ярко-зеленые теннисные мячи.

Другие покачивались на небольших волнах.

— Когда ты это нарисовал? — Илзе все еще улыбалась... почти смеялась. — И что все это значит?

— Тебе нравится? — спросил я. Потому что мне рисунок не нравился. И причина была не в том, что теннисные мячи получились не того цвета — у меня не нашлось нужного оттенка зеленого. Рисунок вызывал неприязнь, потому что все в нем было не так. И еще — глубокую печаль.

— Я в него влюбилась! — воскликнула она, а потом рассмеялась. — Говори, когда ты его нарисовал? Признавайся!

— Пока ты спала. Я пошел, чтобы прилечь, но вновь почувствовал тошноту, вот и подумал, что лучше остаться в вертикальном положении. Решил немного порисовать, в надежде, что желудок успокоится. Я и не подозревал, что держу эту куклу в руке, пока не поднялся сюда, — и показал на Ребу, которая сидела, прислоненная к окну, выставив вперед набивные ноги.

— Это кукла, на которую ты должен кричать, когда чего-то не можешь вспомнить, так?

— Что-то в этом роде. Я сел к мольберту. На этот рисунок ушел примерно час. Когда я закончил, почувствовал себя лучше. — Хотя я мало помнил о том, как и что рисовал, оставшегося в памяти хватало, чтобы точно знать: моя версия — ложь. — Потом лег и заснул. Вот и все.

— Могу я его взять?

Волна страха накрыла меня, но я не мог отказать, не обидев дочь или не показавшись безумцем.

— Бери, если действительно хочешь. Но он ничего собой не представляет. Может, лучше тебе взять один из знаменитых закатов Фримантла? Или почтовый ящик с конем-качалкой? Я мог бы...

— Я хочу этот, — прервала она меня. — Он забавный, милый и даже немного... ну, не знаю... зловещий. Смотришь на нее под одним углом и говоришь: «Кукла». Смотришь под другим и говоришь: «Нет, это маленькая девочка... в конце концов, разве она не стоит?» Это удивительно, как многому ты научился в рисовании цветными карандашами! — Она решительно кивнула. — Я хочу этот. Только ты должен его назвать. Художники должны называть свои творения.

— Я согласен, но понятия не имею...

— Перестань, перестань, не юли. Напиши то, что первым придет в голову.

— Хорошо, — смирился я. — «Конец игры».

Илзе захлопала в ладоши.

— Идеально. *Идеально!* И ты должен расписаться. Я не слишком раскомандовалась?

— Ты всегда такой была, — ответил я. — Командиршей. Должно быть, тебе получше.

— Да. А тебе?

— Мне тоже, — солгал я. На самом деле от злости все передо мной стало красным. «Винус» карандашей такого оттенка не изготавливала, зато на полочке мольберта лежал новенький, остро заточенный черный карандаш. Я взял его и написал свою фамилию рядом с одной из розовых ног девочки. Чуть дальше с десяток теннисных мячей неправильного зеленого цвета плыли по волне. Я не знал, что означают эти грубо нарисованные мячи, но они мне не нравились. Мне не хотелось подписывать рисунок, но потом уже не оставалось ничего другого, как добавить сбоку печатными буквами «Конец игры». И тут я вспомнил слова, которым Пэм научила девочек, когда они были еще маленькими, и которые полагалось говорить по завершении какого-нибудь неприятного дела.

Сделали — и забыли.

XVI

Илзе провела у меня еще два дня, и они прошли на отлично. К тому времени, когда мы с Джеком повезли ее в аэропорт, солнце чуть прихватило ей лицо и руки, и загар прекрасно сочетался с исходящим от нее сиянием юности, здоровья, благополучия.

Джек нашел Илзе тубус для перевозки новой картины.

— Папуля, обещай, что будешь заботиться о себе и сразу позвонишь, если я тебе понадоблюсь.

— Будет исполнено. — Я улыбнулся.

— И обещай, что найдешь человека, который сможет оценить твои картины. Человека, который в этом разбирается.

— Ну...

Дочь наклонила голову, нахмурилась. И вновь стала совсем как Пэм, когда я только с ней познакомился.

— Пообещай, или пеняй на себя.

И поскольку она говорила серьезно — на это указывала вертикальная складочка между бровей, — я пообещал.

Складочка разгладилась.

— Хорошо, с этим определились. Ты должен поправиться. Заслуживаешь этого. Хотя иногда я гадаю, веришь ли ты, что такое возможно.

— Разумеется, верю.

Она продолжила, словно не услышав меня:

— Потому что случившееся с тобой — не твоя вина.

Я почувствовал, как к глазам подступили слезы. Разумеется, я *знал*, что не моя, но приятно слышать, как эти слова произносит вслух другой человек. Не Кеймен, работа которого и состояла в том, чтобы отскребать въевшийся жир со всех этих давно не мытых, причиняющих беспокойство котлов в раковинах подсознания.

Она кивнула.

— Ты обязательно поправишься. Я так говорю, а я командирша.

Ожила громкая связь. Объявили рейс 559 авиакомпании «Дельта», с посадками в Цинциннати и Кливленде. Первый этап путешествия Илзе домой.

— Иди, Цыпленок. Нужно дать им время просветить твое тело и проверить обувь.

— Сначала я должна тебе кое-что сказать.

Я всплеснул единственной оставшейся рукой.

— Что теперь, моя драгоценная девочка?

Илзе улыбнулась: так я обращался к обеим дочерям, когда мое терпение подходило к концу.

— Ты не убеждал меня, что мы с Карсоном слишком молоды для обручения. За это тебе отдельное спасибо.

— Если б убеждал, был бы толк?

— Нет.

— И я так подумал. Кроме того, твоя мать еще попилит тебя за нас обоих.

Илзе поджала губы, потом рассмеялась.

— И Линни тоже... но только потому, что я впервые опередила ее.

Она еще раз крепко меня обняла. Я вдохнул запах ее волос, крепкую, волнующую смесь ароматов шампуня и молодой, здоровой женщины. Отстранившись, Илзе посмотрела на моего мастера-на-все-руки, который стоял чуть в стороне.

— Позаботься о нем, Джек. Он хороший.

Они не влюбились друг в друга (не сложилось, мучачо), но он ей тепло улыбнулся.

— Сделаю все, что в моих силах.

— И он обещал, что покажет свои картины специалисту. Ты — свидетель.

Джек, улыбаясь, кивнул.

— Отлично! — Илзе вновь поцеловала меня, на этот раз в кончик носа.

— Веди себя хорошо, папа. Долечивайся. — И она прошла сквозь двери пусть увешанная багажом, но все равно быстрым шагом. Обернулась перед тем, как они закрылись. — И купи краски!

— Куплю! — крикнул я, но не знаю, услышала она или нет. Во Флориде двери захлопываются со свистом, быстро, чтобы уменьшить потери кондиционированного воздуха. На какие-то мгновения окружающий мир потерял четкость и стал ярче; застучало в висках; защекотало в носу. Я наклонил голову и быстро протер глаза большим и средним пальцами, тогда как Джек прикинулся, будто углядел в небе что-то очень интересное. Мое состояние характеризовало одно слово, но в голову оно никак не приходило. Я подумал: «педаль», потом — «кефаль».

Если не спешить и не злиться, сказать себе: «ты можешь это сделать», слова обычно приходят. Иногда тебе они и не нужны, но все равно приходят. Пришло и это слово: «печаль».

— Хотите подождать, — заговорил Джек, — пока я подгоню автомобиль, или...

— Нет, я могу пройтись. — Я обхватил пальцами ручку костыля. — Только смотри по сторонам. Не хочу, чтобы при переходе дороги на меня наехали. Уже знаю, что это такое.

XVII

На обратном пути мы заглянули в магазин «Все для живописи» в Сарасоте, и вот там я спросил Джека, знает ли он что-нибудь о художественных галереях города.

— Будьте уверены, босс. Моя мама работала в такой. Она называется «Скотто». Находится на Пальм-авеню.

— А если подробнее?

— Это модная галерея в богемной части города. — Он помолчал. — Хорошая галерея. Работают там милые люди... во всяком случае, к маме они всегда относились по-доброму, но... понимаете...

— Это модная галерея.

— Да.

— То есть цены высокие?

— Там собирается элита. — Он говорил очень серьезно, но, когда я рассмеялся, составил мне компанию. Думаю, именно в тот день Джек Кантори стал мне другом, а не наемным работником.

— Тогда вопросов больше нет, потому что и я, безусловно, элита. Такая галерея мне и нужна.

Я поднял руку, раскрыв ладонь, и Джек хлопнул по ней.

XVIII

По приезде в «Розовую громаду» Джек помог занести в дом мою добычу: пять пакетов, две коробки и девять натянутых на подрамники холстов. Покупки обошлись мне почти в тысячу долларов. Я сказал Джеку, что наверх мы все занесем завтра. В этот вечер мне меньше всего хотелось писать картины.

Через гостиную я похромал на кухню с тем, чтобы приготовить сандвич, но по дороге увидел мигающую лампочку на автоответчике: меня ждало сообщение. Я подумал, что звонила Илзе, чтобы сообщить о задержке рейса из-за погодных условий или поломки.

Ошибся. Услышал приятный, но поскрипывающий от старости голос, и сразу понял, кто это. Буквально увидел большу-

щие синие кеды на блестящих металлических подставках для ног.

— Привет, мистер Фримантл, добро пожаловать на Дьюма-Ки. Рада, что увидела вас на днях, пусть и мельком. Предполагаю, молодая женщина, которая была с вами, — ваша дочь, учитывая сходство. Вы уже отвезли ее в аэропорт? Очень на это надеюсь.

Пауза. Я слышал ее дыхание, громкое, тяжелое (пусть до эмфиземы дело, похоже, еще не дошло) дыхание человека, который большую часть жизни не выпускал сигареты изо рта. Потом она заговорила вновь:

— Принимая во внимание все обстоятельства, Дьюма-Ки — для дочерей место несчастливое.

Я вдруг подумал о Ребе, в столь неподходящем ей платье для тенниса, окруженной теннисными мячами, а волны выносили на берег все новые.

— Надеюсь, со временем мы встретимся. До свидания, мистер Фримантл.

Щелчок. И я остался наедине с неустанным шуршанием ракушек под домом.

Прилив продолжался.

Как рисовать картину (III)

Оставайтесь голодными. Принцип этот проверен на Микеланджело, проверен на Пикассо, проверен сотнями тысяч художников, которые творят не из любви (хотя без нее никак не нельзя), но ради хлеба насущного. Если вы хотите отобразить этот мир, призовите на помощь ваши неутоленные желания. Вас это удивляет? Не должно. Нет ничего более человечного, чем голод. Нет творчества без таланта, тут я с вами соглашусь, но талант — нищий. Талант просит милостыню. Голод — вот движущая сила искусства. Та маленькая девочка, о которой я вам говорил? Она нашла свое неутоленное желание и использовала его.

Она думает: «Больше никакой кровати целый день. Я иду в комнату папочки, в кабинет папочки. Иногда я говорю кабинет, иногда — тадинет. В нем большое красивое окно. Они сажают меня в кесло. Я могу смотреть вверх. На птиц и красоту. Слишком много красоты для меня, и мне становится кусно. У некоторых облаков крылья. У других — синие глаза. При каждом закате я плачу, так мне кусно. Больно смотреть. Боль уходит в меня. Я не могу сказать, что я вижу, и от этого мне кусно».

Она думает: «ГРУСТНО, это слово — ГРУСТНО. Не кусно и не кесно. Кесно — на чем сидят».

Она думает: «Если бы я могла остановить боль. Если бы я могла вылить ее из себя, как пи-пи. Я плачу и пытаюсь пытаюсь пытаюсь сказать, чего я хочу. Няня помочь не может. Когда я говорю: «Цвет», — она касается своего лица, улыбается и говорит: «Всегда такая была, навсегда такой останусь». Старшие девочки тоже не помогают. Я так сержусь на них, почему вы не слушаете, ВЫ БОЛЬШИЕ ЗЛЮКИ! Однажды приходят близняшки, Тесси и Ло-Ло. Они особо говорят между собой, особо слушают меня. Сна-

чала не понимают, но потом. Тесси приносит бумагу. Ло-Ло приносит карандаш, и с моих губ слетает: «Тан-даш», — отчего они радостно кричат и хлопают в ладоши».

Она думает: «Я ПОЧТИ МОГУ СКАЗАТЬ СЛОВО КАРАНДАШ».

Она думает: «Я могу создать мир на бумаге. Я могу нарисовать, что значат слова. Я вижу дерево. Я создаю дерево. Я вижу птицу. Я создаю птицу. Это хорошо, как вода из стакана».

Эта маленькая девочка, с перевязанной головой, в розовом домашнем платьице, сидящая у окна в кабинете отца. Ее кукла, Новин, лежит рядом на полу. У нее доска, и на доске лист бумаги. Ей уже удалось нарисовать лапу с когтями, которая определенно похожа на засохшую сосну за окном.

Она думает: «Мне нужна еще бумага, пожалуйста».

Она думает: «Я — ЭЛИЗАБЕТ».

И речь возвращается, хотя казалось, что она потеряна навсегда. И не только. Больше, чем речь. Лучше. Возвращается собственное «я», возвращается ЭЛИЗАБЕТ. Уже на этих, невероятно смелых первых рисунках она, должно быть, понимала, что происходит. И хотела большего.

Ее дар был ненасытным. Лучшие дары (и худшие), они такие всегда.

Глава 4
ДРУЗЬЯ-ЛЮБОВНИКИ

1

В первый день нового года, после полудня, я прилег отдохнуть. Спал немного, но проснулся бодрым и с мыслями о конкретной ракушке: оранжевой с белыми точками. Не могу сказать, снилась она мне или нет, но я точно знал, что она мне нужна. Я был готов начать экспериментировать с красками и решил, что одна из таких оранжевых ракушек — это именно то, что необходимо поставить по центру заката в Мексиканском заливе.

За добычей я отправился вдоль берега на юг, сопровождаемый лишь тенью да двумя или тремя десятками крошечных птичек (Илзе прозвала их сыщиками), которые постоянно бродили вдоль кромки воды, выискивая еду. Дальше, над Заливом, парили пеликаны, потом вдруг складывали крылья и падали камнем вниз. Выйдя из дома, я не думал о физических упражнениях, не прислушивался к боли в ноге, не считал шаги. Вообще ни о чем не думал. Мой разум парил, как пеликаны, перед тем как они замечали лакомый кусочек в caldo largo*, что плескался под ними. Соответственно, когда я наконец нашел нужную ракушку и оглянулся, меня поразило, какой маленькой стала «Розовая громада».

Я стоял, подкидывая оранжевую ракушку в руке, внезапно почувствовав, что в бедро вновь сыпанули осколки стекла. Возникшая там пульсирующая боль начала распространяться вниз

* большой залив (*исп.*).

по ноге. Однако следы, которые тянулись к моему дому, говорили о том, что я не подволакивал больную ногу. Вот тут я и подумал о том, что обманывал себя: может, чуть-чуть, может — по-крупному. Скажем, с этой глупой «числовой игрой». Сегодня я забыл о том, чтобы разминать ногу через каждые пять минут или около того. Я просто... прогуливался. Как любой нормальный человек.

Таким образом, возникла дилемма. Я мог и дальше дурить себе голову, останавливаться через равные промежутки времени, чтобы делать упражнения для растягивания боковых мышц, которым научила меня Кэти Грин (они вызывали жуткую боль, но пользы не приносили), или мог просто прогуливаться. Как любой нормальный, не попадавший в аварию человек.

Я выбрал второй вариант. Но перед тем как двинуться в обратный путь, я оглянулся и увидел стоящий на берегу, чуть южнее, полосатый парусиновый шезлонг. А рядом с ним — стол под зонтом, таким же полосатым, как и парусина шезлонга. В шезлонге сидел человек. Точка, которую я видел из окна «Розовой громады», превратилась в высокого, крепко сложенного мужчину, одетого в джинсы и белую рубашку с закатанными до локтей рукавами. Ветер развевал его длинные волосы. Лицо я рассмотреть не мог: нас разделяло слишком большое расстояние. Он заметил, что я смотрю на него, и помахал рукой. Я ответил тем же, повернулся и двинулся по своим следам домой. Так я впервые встретился с Уайрманом.

ii

Перед тем как я заснул, последней в голове мелькнула мысль о том, что во второй день нового года из-за боли в ноге мне будет не до прогулок. Но, к своей радости, я обнаружил, что ошибся: горячая ванна позволила полностью восстановить подвижность.

Вот почему после полудня я снова вышел из дома. Никаких поставленных целей, никакой реализации загаданного под Новый год желания, никакой «числовой игры». Просто человек, прогуливающийся по берегу, иногда подходящий к кромке воды

достаточно близко, чтобы поднять в воздух стайку сыщиков. Время от времени я нагибался, чтобы взять и положить в карман понравившуюся мне ракушку (через неделю я уже носил с собой пластиковый пакет, куда и складывал найденные сокровища). Когда я подошел достаточно близко к шезлонгу и столу с зонтом над ним, чтобы разглядеть здоровяка (сегодня он надел белую рубашку, брюки цвета хаки и обошелся без обуви), я развернулся и двинулся к «Розовой громаде». Но лишь после того, как помахал ему рукой и увидел ответное приветствие.

Вот так я положил начало моим Великим береговым прогулкам. С каждым последующим днем (всегда во второй его половине) они удлинялись, и я мог все яснее разглядеть этого крепко сложенного мужчину, который сидел на парусиновом шезлонге. Мне стало очевидно, что и у него заведенный порядок дня: по утрам он появлялся на пляже с той старухой, вывозил ее в инвалидном кресле по деревянным мосткам, которые я не мог разглядеть из окна «Громады». Во второй половине дня выходил сам. Он никогда не снимал рубашку, но его руки и лицо загорели дочерна — цветом не отличались от старой мебели в каком-нибудь богатом доме. На столе я видел высокий стакан и кувшин, то ли с водой, то ли с лимонадом или джин-тоником. Мужчина всегда махал мне рукой, а я отвечал тем же.

В один из январских дней, когда я сократил разделявшее нас расстояние до осьмушки мили, на песке появился второй полосатый шезлонг. А на столе — второй высокий стакан, пустой, но приглашающий. Когда я помахал мужчине рукой, он сначала помахал в ответ, а потом указал на второй шезлонг.

— Спасибо, но еще не могу! — крикнул я.

— Подходите! — донеслось до меня. — Обратно я вас отвезу на гольф-каре!

Я улыбнулся. Илзе посоветовала мне купить гольф-кар, чтобы я мог носиться взад-вперед по берегу, распугивая сыщиков.

— В моих планах гольф-кар не значится, но со временем я до вас дойду! Что бы у вас ни было в кувшине — мне со льдом!

— Вам лучше знать, мучачо! — Он отсалютовал мне. — А пока живи днем и позволь жить дню!

Я помню все высказывания Уайрмана, но точно знаю, что в наибольшей степени ассоциирую с ним именно это, поскольку

еще до того, как узнал его имя и даже пожал руку, услышал от него: «Живи днем и позволь жить дню».

iii

В ту зиму Фримантл не только прогуливался, но еще и готовился к тому, чтобы снова начать жить. И осознание, что все к этому идет, чертовски радовало. Одним ветреным вечером, когда волны обрушивались на берег, а ракушки под домом не переговаривались, а спорили, я принял решение: если точно буду знать, что у меня действительно начинается новая жизнь, то вынесу Ребу, воздействующую на злость куклу, на берег, оболью жидкостью для растопки и подожгу. Похороню прошлую жизнь, как викинга. Почему бы и нет?

Все это время я продолжал рисовать, меня тянуло к этому, как сыщиков и пеликанов — к воде. Через неделю я уже сожалел о том, что убил столько времени на цветные карандаши. Отправил Илзе электронное письмо с благодарностью за то, что она подтолкнула меня к краскам, получил ответ, в котором она указала, что по этой части я в понуканиях не нуждался. Она также написала, что «Колибри» выступили в большой церкви в Потакете, штат Род-Айленд (разогревались перед турне), и паства пришла в дикий восторг, хлопая в ладони и крича «аллилуйя». «Проходы были заполнены раскачивающимися людьми, — прочитал я. — Для баптистов это танцы».

В ту зиму Интернет вообще и Гугл в частности стали моими ближайшими друзьями, пусть по клавишам приходилось стучать одним пальцем. Когда дело дошло до Дьюма-Ки, я нашел не только карту. Мог бы копать и глубже, но что-то остановило меня, подсказало, что с этим можно повременить. Потому что больше всего меня интересовала информация о разных необычностях, связанных с людьми, лишившимися рук-ног, и я наткнулся на золотую жилу.

Должен сразу отметить: воспринимая все истории, которые подкидывал мне Гугл с известной долей скептицизма, я ни одну, даже самую невероятную, не отметал с порога. Потому что не сомневался: странности, случившиеся со мной, имеют самое

прямое отношение к полученным мною травмам — к повреждению зоны Брока, к потере руки, а может, и к первому и ко второму одновременно. Я мог в любой момент взглянуть на нарисованный мною портрет Карсона Джонса в футболке с номером Тори Хантера, и не сомневался, что кольцо, подаренное мистером Джонсом Илзе по случаю помолвки, куплено им в «Зейлс». Менее конкретными, но столь же убедительными доказательствами служили мои становящиеся все более сюрреалистическими картины. Закорючки в телефонном блокноте, которые я выводил в прошлой жизни, не имели ничего общего с фантастическими закатами, которые я рисовал теперь.

Я был далеко не первым человеком, который, потеряв часть тела, приобрел что-то взамен. Во Фредонии, штат Нью-Йорк, лесоруб отрезал себе кисть, находясь в лесу, но сумел спастись, потому что прижег кровоточащее запястье. Кисть он принес домой, положил в бутыль со спиртом и поставил в подвал. Три года спустя кисть, более не соединенная с рукой, вдруг начала сильно мерзнуть. Мужчина спустился в подвал и обнаружил, что окно разбито, и зимний ветер обдувает бутыль, в которой плавала отрезанная кисть. Когда бывший лесоруб поставил бутыль рядом с камином, ощущение, что кисть мерзнет, сразу исчезло.

Русскому крестьянину из Туры, затерявшейся в сибирских просторах, какая-то сельскохозяйственная машина оторвала руку по локоть, после чего у него открылась способность находить воду. Если он оказывался в том месте, где была вода, оторванная часть левой руки холодела и ощущала влагу. Согласно прочитанным мной статьям (я нашел три), он никогда не ошибался.

В Небраске жил парень, который мог предсказывать торнадо по мозолям на несуществующей ступне. В Англии одного лишившегося ноги моряка использовали для поиска рыбных косяков. Японец, потерявший обе руки, стал известным и уважаемым поэтом. Не так уж плохо для неграмотного, каким он был на момент железнодорожной катастрофы.

Из всех историй наиболее странная произошла с Кирни Джеффордсом из Нью-Джерси, который родился без обеих рук.

Вскоре после того, как мальчику исполнилось тринадцать лет, он, ранее полностью адаптировавшийся к жизни без рук, вдруг впал в истерику, заявляя родителям, что его руки «болят и похоронены на ферме». Говорил, что может показать где. Они ехали два дня, закончив свое путешествие на проселочной дороге в Айове, ведущей из ниоткуда в никуда. Ребенок привел их на кукурузное поле и, ориентируясь на амбар с рекламой «Мейл пауч»*, показал, где нужно копать. Родители подчинились, и не потому, что ожидали что-то найти. Просто хотели, чтобы ребенок успокоился. Но на глубине трех футов нашли два скелета. Девушки, от двенадцати до пятнадцати лет, и мужчины неопределенного возраста. Коронер округа Эдайр установил, что тела пролежали в земле примерно двенадцать лет... но, разумеется, они могли пролежать и тринадцать, сколько и прожил Кирни. Ни одно из тел идентифицировать не удалось. У девушки были отрезаны руки. Их кости нашли перемешанными с костями мужчины.

Завороженный этой историей, я тем не менее нашел две еще более интересные, особенно в свете моих раскопок в сумочке дочери.

Я нашел эти истории в статье под названием: «Они видят тем, чего у них нет», опубликованной в «Североамериканском журнале парапсихологии». Речь в ней шла о двух экстрасенсах, женщине из Феникса и мужчине из Рио-Гальегос, что в Аргентине. Женщина лишилась правой кисти, мужчина — целиком правой руки. Оба несколько раз помогли полиции в розыске пропавших людей (возможно, у них случались и неудачи, но об этом в статье не упоминалось).

Согласно статье, оба экстрасенса-ампутанта использовали один и тот же метод. Им приносили что-то из одежды пропавшего человека или образец почерка. Они закрывали глаза и представляли себе, что касаются этого предмета отсутствующей рукой (в сноске ее называли Рукой небес или Волшебной рукой). Женщина из Феникса «видела образ», который описывала своим собеседникам. Аргентинец записывал увиденное левой ру-

* «Мейл пауч» — компания по производству жевательного табака. В сельской местности стены и крыша амбаров часто использовались для рекламных объявлений.

кой, бездумно, быстро, импульсивно. И процесс этот я находил аналогичным моему рисованию.

И я повторяю, несколько совсем уж невероятных историй, на которые я наткнулся в Интернете, вызывали у меня сомнения в их достоверности, но я никогда не сомневался, что со мной что-то произошло. Вот в это я верил даже без фотографии Карсона Джонса. Главным образом из-за уединенного образ жизни. Если не считать приездов Джека и приветствий Уайрмана (к которому я подходил все ближе): «Buenos dias, muchacho!»* — сопровождаемых взмахом руки, я никого не видел и ни с кем не разговаривал, кроме как с собой. Общение с другими людьми сошло на нет, а когда такое происходит, человек начинает слышать себя куда явственнее. Более тесное общение между собственными «я» (под этим подразумевается наружное «я» и глубинное) — враг недоверию к себе. Такое общение убивает сомнения.

Но, чтобы окончательно убедиться в собственной правоте, я поставил (так я называл это для себя) эксперимент.

iv

EFree19 to Pamorama667
9:15
24 января

Дорогая Пэм!

У меня к тебе необычная косьба. Я рисую, и объекты выбираю странные, но забавные (так мне по крайней мере кажется). Проще показать тебе, чем описывать, о чем я говорю, поэтому я присоединяю к этому письму пару фотографий. Я подумал о садовых рукавицах, которыми ты пользовалась, с надписью «РУКИ» на одной и «ПРОЧЬ» на второй. Я хотел бы положить их на закат. НЕ спрашивай почему, эти идеи просто приходят ко мне. Они все еще у тебя? Если да, ты сможешь мне их прислать? Если хочешь, потом я с радостью верну их тебе.

* Добрый день, юноша! (*исп.*)

Я не хочу, чтобы ты показывала мои картины кому-то из наших давних знакомых. Боузи скорее всего будет хохотать во все стекло, если ИХ увидит.

Эдди.

P.S.: Если у тебя нет желания посылать мне рукавицы, никаких проблем. Это всего лишь паскуда.

Э.

В тот же вечер пришел ответ от Пэм, которая к тому времени вернулась в Сент-Пол:

Pamorama667 to EFree19
17:00
24 января

Эдгар, привет!

Илзе, разумеется, говорила мне о твоих картинах. Они, несомненно, необычные. Надеюсь, это хобби продлится дольше, чем реставрация автомобиля. Если бы не eBay*, думаю, этот старый «мустанг» до сих пор стоял бы за домом. Ты прав, просьба твоя странная, но, посмотрев на твои картины, я могу понять, к чему ты клонишь (соединять разные вещи, чтобы люди могли увидеть их с новой стороны, правильно?), и все равно я собиралась купить новую пару, так что будь по-твоему. Завтра вышлю их тебе с ЮПС** только прошу, чтобы ты прислал мне фотографию с «Законным продуктом» ☺, если, конечно, он будет.

Илзе говорила, что отлично провела время. Надеюсь, она послала тебе открытку с благодарностью, а не только электронное письмо, но я ее знаю.

И вот что я еще должна сказать тебе, Эдди, хотя не знаю, как тебе это понравится. Я отправила копию твоего электронного письма Зандеру Кеймену. Я уверена, ты его помнишь. Я подумала,

* eBay — Интернет-аукцион.

** ЮПС (Юнайтед парсел сервис) — частная служба доставки посылок.

что ему будет интересно увидеть картины, но более всего я хотела, чтобы он прочитал твое электронное письмо и сказал, есть ли причины для беспокойства, потому что в письме ты допускаешь те же ошибки, которые ранее допускал в речи. «Косьба» вместо «просьбы», «хохотать во все стекло» вместо «хохотать во все горло». А в конце ты написал: «Это всего лишь паскуда», и я не могла понять, что это значит, но доктор Кеймен говорит, что это, должно быть, «причуда».

Просто я думаю о тебе.

Пэм.

P.S. Отцу немного получше, он быстро идет на поправку (врачи говорят, что они, вероятно, «вырезали все», но готова спорить, они всегда так говорят). Он проходит курс химиотерапии и находится дома. Уже ходит.

Спасибо за участие.

Последняя фраза в постскриптуме являла собой наглядный пример не самой лучшей стороны моей бывшей жены: ластиться... ластиться... ластиться... а потом укусить и дать пинка. Хотя в принципе она была права. Я мог бы попросить бывшую жену передать ему наилучшие пожелания от дерьмократа во время их следующего телефонного разговора. Этому сукиному сыну с раком в заднице.

Все электронное письмо вибрировало от раздражения, начиная от упоминания «мустанга», довести который до ума у меня так и не нашлось времени, и заканчивая ее озабоченностью по части моего неправильного выбора слов. Причем озабоченность эту выражала женщина, которая так и не уяснила для себя, что доктора Кеймена зовут Ксандер, а не Зандер.

Стравив злобу (высказал все безлюдному дому громким голосом, если вам это интересно), я открыл то самое электронное письмо, которое отправлял Пэм, и да, встревожился. Немного, если на то пошло.

А с другой стороны, может, это просто был ветер?

V

Второй полосатый шезлонг теперь всегда стоял у стола, рядом с которым сидел длинноволосый здоровяк, и по мере того, как расстояние между нами сокращалось, мы уже не просто здоровались, а перекрикивались несколькими фразами. Этот способ общения я находил странным, но приятным. На следующий день после получения электронного письма от Пэм, с озабоченностью на поверхности и скрытым подтекстом внутри («Эдди, ты, возможно, так же тяжело болен, как и мой отец, а то и хуже»), этот парень прокричал:

— Как думаете, сколько пройдет времени, прежде чем вы доберетесь сюда?

— Четыре дня! — криком ответил я. — Может, три!

— То есть вы твердо решили и обратно возвращаться пешком?

— Да! Как вас зовут?

Его дочерна загорелое лицо, чуть полноватое, оставалось красивым. Теперь же сверкнули белые зубы, и нарождающиеся отвислости щек исчезли.

— Скажу, когда доберетесь сюда! А вас?

— Написано на почтовом ящике! — крикнул я.

— Я нагнусь, чтобы читать надписи на почтовых ящиках, лишь в тот день, когда начну слушать новости по ток-радио*!

Я помахал ему рукой, он — мне, крикнув:

— Hasta manana!** — и повернулся к воде и парящим над ней птицам.

Когда я вернулся домой, на экране компьютера светилась иконка почтового ящика, и в нем я нашел письмо от Кеймена.

KamenDoc to EFree19
14:49
25 января

Эдгар!

Пэм прислала мне вчера Ваше последнее электронное письмо и фотографии. Прежде всего позвольте сказать, что я ПОТ-

* Новости передают все радиостанции. Ток-радио транслируют главным образом «разговорные», а не музыкальные программы.

** До завтра! (*исп.*)

РЯСЕН скоростью, с которой растет Ваше мастерство как художника. Я буквально вижу, как Вы, хмурясь в своем фирменном стиле, застенчиво отмахиваетесь от этого слова, но другого-то нет. ВЫ НЕ ДОЛЖНЫ ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ. Касательно ее тревоги, скорее всего в этом ничего нет. Однако МРТ* не помешает. У Вас есть врач во Флориде? Вам все равно нужно пройти диспансеризацию — от и до, друг мой.

Кеймен.

EFree to KamenDoc
15:58
25 января

Кеймен!

Рад получить от Вас весточку. Если Вы хотите называть меня художником (или даже «мастером»), кто я такой, чтобы спорить? В настоящий момент я с флоридскими костоправами не знаком. Вы можете кого-нибудь порекомендовать, или мне искать их через доктора Тодда Джеймисона, пальчики которого недавно ковырялись в моем мозгу?

Эдгар.

Я полагал, что он кого-нибудь порекомендует, и даже, возможно, собирался обратиться к этому специалисту, но на тот момент несколько неправильно употребленных слов не являлись чем-то первоочередным. К первоочередным задачам относились прогулки и стремление добраться наконец до полосатого парусинового шезлонга, поставленного для меня, но выше по списку в том январе были поиски в Интернете и рисование. Прошлым вечером я написал «Закат с ракушкой № 16».

Двадцать седьмого января, двинувшись в обратный путь, когда от желанного шезлонга меня отделяло ярдов двести, а то и меньше, по прибытии в «Розовую громаду» я обнаружил на пороге посылку, оставленную «ЮПС». В ней лежали две садовые рукавицы, одна с надписью «РУКИ», поблекшим красным по

* МРТ — магниторезонансная томография.

черному, другая — с «ПРОЧЬ», в тех же цветах. Потрепанные после многих сезонов работы в саду, но чистые: Пэм их постирала, как я и ожидал. На что, собственно, я и надеялся. Меня интересовала не Пэм, которая надевала их в период нашей счастливой семейной жизни, и даже не та Пэм, которая могла надевать их прошлой осенью, выходя в наш сад в Мендота-Хайтс, когда я уже перебрался в коттедж на озере Фален. Ту Пэм я знал более чем хорошо. Но... «Я тебе еще кое-что расскажу, — сказала мне моя If-So-Girl, не подозревая, как она стала похожа на мать, когда произносила эти слова. — Она очень уж много времени проводит с тем парнем, что живет по соседству».

Вот какая Пэм меня интересовала: проводящая очень уж много времени с парнем, который жил по соседству. Парня звали Макс. Руки *этой* Пэм выстирали рукавицы, потом взяли и положили в белую коробку, которую я извлек из посылки, доставленной «ЮПС».

Вот на *этой* Пэм строился мой эксперимент... из этого я тогда исходил, но мы так часто обманываем себя, что могли бы зарабатывать этим на жизнь. Так говорит Уайрман, и зачастую он прав. Может, слишком часто. Даже теперь.

VI

Я не стал ждать заката, потому что по крайней мере не обманывал себя, будто хочу написать картину; я собирался рисовать *информацию*. Взял неестественно чистые садовые рукавицы жены (должно быть, она просто залила их отбеливателем), отнес в «Розовую малышку», сел перед мольбертом. На нем дожидался чистый холст. Слева находились два стола. Один служил для фотографий, сделанных цифровой камерой, и различных найденных предметов. Второй стоял на куске зеленого непромокаемого брезента. На нем я держал примерно два десятка баночек с красками, несколько банок, частично наполненных скипидаром, и три или четыре бутылки с водой «Зефир-Хиллс», в которой мыл кисти. Это был рабочий стол.

Я положил рукавицы на колени, закрыл глаза и притворился, будто касаюсь их правой рукой. Ничего не произошло. Я не

почувствовал ни боли, ни зуда, ни прикосновения фантомных пальцев к грубой, выношенной материи. Я сидел, силой воли призывая уж не знаю что, но ничего не происходило. С тем же успехом я мог приказывать своему телу справить большую нужду, когда ему этого не хотелось. По прошествии пяти долгих минут я открыл глаза и посмотрел на лежащие на коленях рукавицы: РУКИ... ПРОЧЬ.

Бесполезные вещи. Бесполезные гребаные вещи.

«Не злись, возьми себя в руки, — подумал я. А потом пришли новые мысли. — Слишком поздно. Я разозлился. На эти рукавицы и на женщину, которая их надевала. Так чего брать себя в руки?»

— Для этого тоже слишком поздно. — Я посмотрел на культю. — Мне теперь никогда не взять себя в брюки.

Не те слова. Всегда не те слова, и так будет продолжаться до скончания века. Мне ужасно хотелось сбросить на пол все, что лежало на двух столах.

— Руки, — произнес я нарочито тихо и нарочито медленно. — Я никогда не смогу взять себя в р-р-руки. Потому что теперь я однорукий. — Ничего смешного в моих словах не было (и логичного тоже), но злость начала уходить. Услышать, как ты произносишь правильное слово, это помогает. Обычно помогает.

Мои мысли вернулись с культи на рукавицы жены. «РУКИ ПРОЧЬ», именно так. Со вздохом (возможно, в нем слышалось облегчение, точно не помню, но вероятность велика) я положил рукавицы на тот стол, где лежали вещи, которые я рисовал, взял кисточку, окунул в банку со скипидаром, вытер тряпкой и посмотрел на чистый холст. Я действительно собирался нарисовать рукавицы? Почему, скажите на милость? Зачем?

И тут же сама мысль о том, что я вообще пишу картины, показалась нелепицей. Мысль, о том, что я не знаю, *как* я это делаю, выглядела более чем правдоподобной. Если бы я опустил кисточку в черную краску, меня хватило бы лишь на шеренгу марширующих палочек-фигурок: «Десять негритят пошли купаться в море. Десять негритят резвились на просторе. Один из них утоп — ему купили гроб. Девять негритят...»

Бр-р-р. Мурашки по коже. Я быстро поднялся со стула. Внезапно у меня пропало всякое желание находиться здесь, в

«Розовой малышке», в «Розовой громаде», на Дьюма-Ки, в глупой, бессмысленной, увечной, пенсионной жизни. Сколько лжи я наговорил себе? Что я художник? Нелепо. Кеймен может восклицать «ПОТРЯСЕН» и «ВЫ НЕ ДОЛЖНЫ ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ», набирать эти слова большими буквами в своем электронном письме, но Кеймен специализируется на том, чтобы дурить голову жертвам страшных аварий, убеждать их верить, что жалкое подобие жизни, которой они теперь живут, ничуть не хуже настоящей жизни. Когда дело доходило до укрепления позитивного восприятия, Кеймен и Кэти Грин, королева лечебной физкультуры, выступали единой командой. БЛЕСТЯЩИЕ, ЧТОБ ИМ ЛОПНУТЬ, СПЕЦИАЛИСТЫ, вот пациенты в большинстве своем и кричали, обманывая себя: «ТЫ НЕ ДОЛЖЕН ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ». Я говорил себе, что я экстрасенс? Обладатель фантомной руки, которая способна заглянуть в неведомое? Это уже не нелепость, а безумие.

В Нокомис был магазин «Севен-элевен». Я решил, что могу положиться на мои водительские навыки, поехать туда, купить пару шестибаночных упаковок пива и напиться. А завтра мог все увидеть в куда лучшем свете, сквозь туман похмелья. Потянулся за костылем, и моя нога (левая, здоровая нога) застряла под стулом. Меня повело в сторону. Правая нога не смогла меня удержать, и я упал в полный рост, вытянув правую руку, чтобы смягчить удар об пол.

Инстинктивно, разумеется... И удар она смягчила. Смягчила. Я этого не видел (закрыл глаза, как закрываешь глаза на футбольном поле, когда знаешь, что сейчас тебе придется пострадать за команду), но если бы не смягчила, я бы получил серьезные травмы, несмотря на ковер, растянул бы связки, даже сломал шею.

Я полежал несколько секунд, чтобы убедиться, что все-таки жив, затем встал на колени — бедро отозвалось жуткой болью — и поднял правую руку, в которой тоже пульсировала боль, на уровень глаз. Никакой руки не было. Я поставил стул, оперся на него левым локтем... потом резко наклонил голову вперед и укусил правую руку.

Почувствовал, как зубы вонзились в нее чуть ниже локтя. Ощутил боль.

Почувствовал больше. Почувствовал, как кожа прижалась к губам. Потом отдернул голову, тяжело дыша, воскликнул: «Господи! Господи! Что происходит? Что это?»

Буквально ожидал увидеть правую руку. Не увидел, но она была, это точно. Я потянулся через сиденье стула к одной из кисточек. Почувствовал, как пальцы сжали ее, но кисточка не шевельнулась. Подумал: «Вот, значит, каково это, быть призраком».

Я вскарабкался на стул. Правое бедро рычало от боли, но сейчас меня куда больше занимало другое. Левой рукой я схватил кисточку, которую вымыл, и сунул за левое ухо. Вымыл вторую и положил в углубление на полочке мольберта. Вымыл третью и добавил ко второй. Подумал о том, чтобы вымыть четвертую, но решил, что не стоит тратить время. Лихорадка вновь охватила меня, этот голод. Внезапный и неистовый, как мои приступы ярости. Если бы на первом этаже сработали детекторы дыма, давая знать, что начался пожар, я бы не обратил на их трезвон ни малейшего внимания. Я сорвал целлофан с новенькой кисточки, обмакнул ее в черное и начал рисовать.

Как и с картиной «Конец игры», я мало помню о том, как писал «Друзей-любовников». Все, что знаю — создание картины более всего напоминало взрыв, и закаты не имели к ней ни малейшего отношения. Преобладали в ней цвета синяков, черный и синий, а когда я закончил, от непомерной нагрузки болела левая рука. И она до запястья была забрызгана красками.

Законченная картина чем-то напомнила мне лицевую сторону мягкой обложки детективов «нуар» карманного формата, которые я читал в детстве. Обычно на них изображалась роковая женщина, ступившая на дорогу, ведущую в ад. Только на тех обложках предпочтение отдавалось блондинкам двадцати с небольшим лет. Я же изобразил брюнетку, которой давно перевалило за сорок. Эта женщина была моей бывшей женой.

Она сидела на смятой постели в одних синих трусиках. Лямка бюстгальтера того же цвета лежала на бедре. Голову она чуть склонила, но лицо узнавалось безошибочно. Мне удалось БЛЕСТЯЩЕ «поймать» его буквально несколькими штрихами черного, почти как в китайском иероглифе. На полукружье груди я поместил единственное светлое пятно: татуировку в виде розы. Мне оставалось лишь гадать, когда Пэм ее сделала и почему. Пэм

с татуировкой потрясла бы меня не меньше, чем Пэм, взбирающаяся на горном велосипеде на Мишн-Хилл, но я не сомневался, что она сделала такую татуировку. Принимал это как факт, вроде футболки Карсона Джонса с номером Тори Хантера.

На картине компанию Пэм составляли двое мужчин, оба голые. Один стоял у окна, вполоборота. С типичным телом белого представителя среднего класса лет пятидесяти, каких, по моему разумению, можно встретить в раздевалке любого «Голдс-Джима»*: округлый животик, плоский зад, небольшие мужские сиськи. По лицу чувствовалось, что мужчина интеллигентный и хорошо воспитанный. На нем читалось меланхолическое онапочти-ушла и ничего-изменить-нельзя. Это был Макс из Палм-Дезерт. Он мог носить на груди табличку со своим именем. Этот Макс в прошлом году потерял отца. Этот Макс начал с того, что предложил Пэм чашечку кофе, а закончил гораздо большим. Пэм согласилась и на кофе, и на большее, но не на все, что он хотел бы ей дать. Вот о чем говорило его лицо, которое я видел лишь частично, но то, что я видел, выглядело более обнаженным, чем голый зад.

Второй мужчина прислонился к дверному косяку, стоял, скрестив ноги в лодыжках, сдвинув бедра, выставив напоказ свое немалое хозяйство. Лет на десять старше первого, но в лучшей физической форме. Никакого живота. Никаких жировых отложений на талии. Длинные, рельефные мышцы бедер. Руки он сложил на груди и с легкой улыбкой смотрел на Пэм. Я очень хорошо знал эту улыбку, потому что Том Райли был моим бухгалтером (и моим другом) тридцать пять лет. Если бы в нашей семье не существовал обычай просить отца быть шафером на свадьбе дочери, я бы пригласил Тома.

Теперь же на моей картине он стоял голый у дверного косяка и смотрел на мою жену, сидящую на кровати, а я вспоминал, как он помогал мне перевозить вещи в коттедж на озере Фален. Вспоминал его слова: «Ты не должен уезжать из дома. Ты словно отдаешь преимущество своего поля в плей-офф».

Потом я поймал его со слезами на глазах: «Босс, не могу привыкнуть к тому, что у тебя только одна рука».

---

* «Голдс-Джим» (Gold's Gym) — крупнейшая в мире сеть спортивных клубов.

Он уже тогда трахал ее? Я полагал, что нет. Но...

«Я собираюсь попросить тебя передать ей мое встречное предложение», — сказал я ему в тот день. И он передал. Только, может, этим дело не ограничилось?

Я прохромал без костыля к большому окну. До заката оставался не один час, но солнце уже заметно сместилось к западу, и свет отражался от поверхности воды. Я заставил себя смотреть в сверкающую полосу, то и дело вытирая глаза.

Я пытался сказать себе, что эта картина — не более чем выдумка рассудка, который все еще находится в процессе излечения. Но все мои голоса говорили ясно и связанно, и я знал, что к чему. Пэм трахалась с Максом в Палм-Дезерт, а когда он предложил ей более продолжительные, более серьезные отношения, отказалась. Пэм также трахалась с моим самым давним другом и деловым партнером, возможно, трахается и сейчас. Без ответа оставался только один вопрос: кто из парней уговорил ее вытатуировать на груди розу.

— Я должен поставить на этом крест, — отчеканил я и прислонился горячим лбом к стеклу. Подо мной солнце горело в Мексиканском заливе. — Я действительно должен поставить на этом крест.

«Тогда щелкни пальцами», — подумал я.

Щелкнул пальцами правой руки и услышал звук — резкий, короткий щелчок.

— Хорошо, что было — то прошло! — добавил я. Но закрыл глаза и увидел Пэм, сидящую на кровати (какой-то кровати) в трусиках, а лямка бюстгальтера лежала на бедре, как мертвая змея.

Друзья-любовники.

Гребаные друзья. Гребаные любовники.

VII

В тот вечер я не любовался закатом из окна «Розовой малышки». Я прислонил костыль к стене дома и, хромая, направился к воде. По колено вошел в нее. Вода была холодной, но я этого не замечал. Теперь полоса солнечного света на поверхности Залива стала темно-оранжевой, и я смотрел на нее.

— Эксперимент, твою мать...

Вода бурлила вокруг, меня покачивало. Я поднял руку, удерживая равновесие.

— Чтоб тебе пусто было.

Над головой по темнеющему небу скользила цапля — бесшумный снаряд с длинной шеей.

— Подглядывание, вот что это такое. Подглядывание, и ничего больше, и я поплатился за это.

Чистая правда. И если мне вновь хотелось задушить ее, то вина в этом была только моя. «Не хочешь злиться, не подглядывай в замочную скважину», — говорила моя дорогая мама. Я подглядел, я разозлился, вот и все. Теперь у нее была своя жизнь, и все, что она делала, касалось только ее. А от меня требовалось поставить на этом крест. Но вот в чем загвоздка: отсечь прошлую жизнь труднее, чем щелкнуть пальцами; даже чем щелкнуть пальцами несуществующей руки.

Набежала волна, достаточно высокая, чтобы сбить меня с ног. На мгновение я оказался под водой, вода попала в горло, я вынырнул, закашлялся. Откатываясь, волна попыталась утащить меня с собой, вместе с песком и ракушками. Я принялся подталкивать себя к берегу здоровой ногой, даже чуть помогать травмированной, и мне удалось двинуться в нужном направлении. Я мог чего-то не понимать, в чем-то сомневаться, но определенно не хотел утонуть в Мексиканском заливе. Тут никаких сомнений у меня не было. Я выползал из воды, кашляя и отплевываясь, таща за собой правую ногу, как намокший багаж.

Когда я наконец добрался до сухого песка, перекатился на спину и посмотрел в небо. Толстый полумесяц луны безмятежно плыл по темнеющему синему бархату над крышей виллы «Розовая громада». А внизу, на песке, лежал человек, далекий от спокойствия, мокрый, опечаленный, злой. Я повернул голову, чтобы взглянуть на культю, вновь посмотрел на небо.

— Никаких подглядываний, — сказал я. — Сегодня начинается новая жизнь. Никаких больше подглядываний, никаких экспериментов.

Я действительно хотел, чтобы так оно и было. Но, как я уже говорил (а до меня — Уайрман), мы так часто обманываем себя, что могли бы зарабатывать этим на жизнь.

Глава 5
УАЙРМАН

i

Когда я впервые действительно встретился с Уайрманом, он смеялся так сильно, что сломал шезлонг, на котором сидел, а я от смеха едва не лишился чувств, точнее, перешел в полубессознательное состояние, называемое синдромом «серой пелены». Я никак не мог ожидать, что такое может случиться со мной на следующий день после того, как я узнал о романе Тома Райли с моей бывшей женой (разумеется, мои доказательства ни один суд не воспринял бы всерьез), но смех этот стал предзнаменованием грядущего. И потом мы не один раз смеялись вместе. Уайрман стал для меня многим (в немалой степени и судьбой), но прежде всего — другом.

ii

— Итак, — объявил Уайрман, когда я наконец-то добрался до стола, закрепленного на стойке полосатого зонта, который накрывал его тенью; второй шезлонг стоял по другую сторону стола, — хромающий незнакомец прибыл с пакетом из-под хлеба, полным ракушек. Присядьте, хромающий незнакомец. Промочите горло. Этот стакан ждет вас уже не первый день.

Я положил пластиковый пакет (действительно из-под хлеба) на стол и протянул Уайрману руку.

— Эдгар Фримантл.

Ладонь у него была широкой, пальцы — короткими и толстыми, рукопожатие — крепким.

— Джером Уайрман. Предпочитаю, чтобы меня звали Уайрманом.

Я посмотрел на шезлонг, предназначенный для меня. С высокой спинкой и низким сиденьем, шезлонг напоминал ковшеобразное кресло «порше».

— Что-то с ним не так, мучачо? — спросил Уайрман, вскидывая бровь. Брови, кустистые и наполовину седые, он вскидывал часто.

— Все в порядке, если только вы не засмеетесь, когда я буду из него вылезать.

Он улыбнулся.

— Дорогой, живи, как должен жить. Чак Берри*, тысяча девятьсот шестьдесят девятый год.

Я встал возле пустого шезлонга, мысленно помолился и плюхнулся в него. Как всегда, меня повело влево (я инстинктивно оберегал травмированное бедро), поэтому приземлился неровно, но схватился за деревянный подлокотник и уперся здоровой ногой, так что шезлонг лишь закачался. Месяцем раньше я бы вылетел из него на песок, но теперь сил у меня прибавилось. Я легко представил себе Кэти Грин, аплодирующую моему достижению.

— Отличная работа, Эдгар, — одобрил Уайрман. — Или Эдди?

— Выбор за вами, я откликаюсь на оба имени. А что в кувшине?

— Зеленый чай со льдом. Очень холодный. Попробуете?

— С удовольствием.

Он наполнил мой стакан. Потом свой. Поднял его. В чае зелень едва просматривалась. Его глаза, в окружении сеточки морщинок, были куда зеленее. Седина лишь на висках тронула черные и очень длинные волосы. Когда ветер поднимал их, я видел на правой стороне лба маленький, круглый, как монетка, шрам. Сегодня Уайрман был в плавках, и его ноги оказались

* Берри Чарльз «Чак» Эдуард Андерсон (р. 1926) — легендарный певец и музыкант, стоявший у истоков рок-н-ролла.

такими же загорелыми, как и руки. Выглядел Уайрман крепким, подтянутым, но, как мне показалось, усталым.

— Давайте выпьем за вас, мучачо. Все-таки вы сюда добрались.

— Хорошо, — кивнул я. — За меня.

Мы чокнулись и выпили. Мне доводилось раньше пить зеленый чай, и я думал, что он не хуже черного, но этот был просто божественным: словно пьешь холодный шелк с едва заметным привкусом сладости.

— Вы почувствовали мед? — спросил Уайрман и улыбнулся, когда я кивнул. — Не всем это удается. Я кладу столовую ложку на кувшин. Мед высвобождает естественную сладость чая. Меня научили готовить этот напиток на трамповом судне в Китайском море. — Он поднял стакан. Посмотрел сквозь него. — Мы сражались с пиратами и совокуплялись с загадочными смуглыми женщинами «под тропическими небесами»*.

— Верится с трудом, мистер Уайрман.

Он рассмеялся.

— На самом деле я прочитал о меде в одной из поваренных книг мисс Истлейк.

— Дамы, которую вы привозите сюда по утрам? В инвалидном кресле?

— Совершенно верно.

— Невеста крестного отца, — вырвалось у меня. Я не думал, что говорю, но перед глазами стояли огромные синие кеды на хромированных подставках для ног.

Челюсть Уайрмана отвисла, зеленые глаза раскрылись так широко, что я уже собрался извиниться за мой faux pas**. А потом он *действительно* начал смеяться. Тем утробным смехом, каким смеешься крайне редко, лишь когда кому-то удается преодолеть все твои защитные редуты и прикоснуться к самой чувствительной смехострунке. Я хочу сказать, Уайрман буквально надрывал живот, а когда увидел, что я совершенно не понимаю, чем так его развеселил, загоготал еще сильнее, живот у него так и ходил

* «Под тропическими небесами» («'Neath tropic skies») — строка из стихотворения англо-австралийского поэта Джеймса Лайонела Майкла (1824—1868).

** промах (*фр.*).

ходуном. Он попытался поставить стакан на маленький столик, но промахнулся. Стакан выскользнул у него из руки, приземлился донышком на песок и застыл в вертикальном положении, как окурок в одной из урн с песком, какие раньше ставили рядом с лифтами в фойе отелей. Ему это показалось ну очень забавным, он указал на стакан.

— Такое и захочешь — не сделаешь! — удалось выдавить из себя Уайрману, и он снова зашелся смехом, приступы которого один за другим сотрясали его. Он раскачивался в шезлонге, одной рукой держась за живот, вторую прижимая к груди. Из памяти вдруг выплыли строки стихотворения, которое я выучил в школе более тридцати лет тому назад: «Мужчины не симулируют судорог, / Не прикидываются страдальцами...»*

Я улыбнулся, улыбнулся и хохотнул. Потому что такое веселье заразительно, даже когда ты не знаешь, в чем соль шутки. И стакан Уайрмана, который упал так удачно, что из него не пролилось ни капли чая... это же забавно. Как прикол в мультфильме о Дорожном бегуне**. Но смех Уайрмана вызвал не четко вставший на донышко стакан.

— Я не понимаю. Я хочу сказать, вы уж извините, если я...

— В каком-то смысле так оно и есть! — От смеха Уайрман, похоже, не мог связно говорить. — В каком-то смысле, в этом все дело! Только дочь! Разумеется, она — дочь крест...

Он раскачивался из стороны в сторону, вперед-назад, его сотрясали судороги смеха, и именно в этот момент шезлонг не выдержал, сломался с громким треском, отчего сначала Уайрмана бросило вперед, и на лице у него отразилось на редкость комичное изумление, а потом на песок. Падая, он задел рукой стойку зонта, она наклонилась вместе со столиком, из которого торчала. Порыв ветра подхватил зонт, раздув его, как парус, и потащил вдоль берега. Меня рассмешили не вылезшие из орбит глаза Уайрмана, не полосатые челюсти шезлонга, едва не сомкнувшиеся на нем, не его падение на песок. И даже не столик,

* Строки из стихотворения американской поэтессы Эмили Дикинсон (1830—1886).

** Дорожный бегун (Бегающая кукушка) — персонаж знаменитой серии мультфильмов кинокомпании «Уорнер бразерс». Всякий раз убегает от Злого койота.

взятый на буксир зонтом. Причиной стал стакан Уайрмана, который по-прежнему стоял на донышке между боком и левой рукой распростертого на песке мужчины.

«Акме айст ти компани», — мои мысли застряли в старых мультфильмах о Дорожном бегуне. — Мип-мип*». Последнее, само собой, заставило меня вспомнить кран, тот самый, что покалечил меня, с гребаным сигналом заднего хода, который не сигналил. Тут же я увидел себя Злым койотом, зажатым в кабине корежащегося пикапа, с выпученными от недоумения глазами, с торчащими в разные стороны обтрепанными ушами, возможно, даже дымящимися на кончиках.

И я расхохотался. Не мог остановиться, пока не вывалился из своего шезлонга и не улегся рядом с Уайрманом... но тоже не задел стакан, который все еще стоял на донышке, словно окурок, воткнутый в песок урны. Казалось, я не мог смеяться сильнее, но мне это удалось. Слезы заструились по щекам, мир начал тускнеть, потому что поступление кислорода в мозг резко сократилось.

Уайрман, все еще смеясь, пополз на корточках за убежавшим столиком. Попытался ухватиться за стойку, но она откатилась в сторону, будто почувствовав его приближение. Уайрман плюхнулся лицом в песок, потом поднялся, смеясь и отплевываясь. Я перевернулся на спину, жадно ловя ртом воздух, на грани обморока, но смеясь.

Вот так я встретился с Уайрманом.

iii

Двадцать минут спустя столик занял исходное положение. Более или менее. И все было бы хорошо, да только мы с Уайрманом заходились смехом каждый раз, когда взгляд падал на зонт.

Один треугольный сектор порвался, и теперь зонт напоминал пьяного, который пытается казаться трезвым. Уайрман перенес уцелевший шезлонг к деревянным мосткам и, по моему настоянию, сел в него. Я же устроился на мостках. Пусть спинки не было, но подняться с них мне было куда проще (не говоря уже

* Мип-мип — звуки, которые издает в мультфильмах Дорожный бегун.

о сохранении достоинства). Уайрман предложил сходить в дом и заменить разлившийся ледяной чай свежим, но я отказался, согласившись, правда, разделить чай, чудом оставшийся в стакане Уайрмана.

— Теперь мы братья-по-воде, — заметил он, когда мы выпили чай.

— Это какой-то индейский ритуал? — спросил я.

— Нет, это из «Чужака в чужой стране» Роберта Хайнлайна. Да будет благословенна его память.

Я вдруг подумал, что не видел его читающим, когда он сидел в полосатом шезлонге, но не стал озвучивать эту мысль. Многие не читают на пляже: от чтения при столь ярком свете у них болит голова. Я сочувствую людям, которые мучаются головными болями.

Он вновь начал смеяться. Закрыл рот двумя руками, как ребенок, но смех прорвал эту дамбу.

— Хватит. Господи, хватит. Я чувствую, что потянул все мышцы живота.

— Я тоже.

Какое-то время мы молчали. В этот день с Залива дул свежий, прохладный ветер, с явственным привкусом соли. Оторванный лоскут зонта трепало ветром. Темное пятно на песке (пролитый чай) практически высохло.

Он все-таки хохотнул.

— Ты видел, как стол пытался убежать? Этот гребаный стол.

Хохотнул и я.

Болело бедро и мышцы живота, но чувствовал я себя достаточно неплохо для человека, который смехом едва не вогнал себя в обморок.

— «Побег Алабамы»*, — вставил я.

Уайрман кивнул, все еще стирая с лица песок.

— «Grateful Dead». Тысяча девятьсот семьдесят девятый год. Или где-то рядом. — И вновь хохотнул, засмеялся, загоготал. Обхватил руками живот и застонал. — Не могу. Должен остановиться, но... — Невеста крестного отца! Господи Иисусе! — И снова расхохотался.

---

* «Побег Алабамы» (Alabama Getaway) — песня группы «Grateful Dead», впервые исполненная в 1981 г.

— Только не говори ей, что я так ее назвал, — попросил я.

Смеяться он перестал, но улыбка осталась на лице.

— Я и не собирался, мучачо. Но... это шляпа, не так ли? Большая соломенная шляпа, которую она носит. Как Марлон Брандо в саду, когда играет с маленьким мальчиком.

На сегодня мы вроде бы насмеялись, но я кивнул, и мы вновь загоготали.

— Если мы заржем, когда я буду вас знакомить, — сказал он (и мы заржали, от одной мысли, что заржем), — будем говорить, что вспомнили, как я сломал шезлонг, хорошо?

— Хорошо. Правильно ли я понял, что она и впрямь имеет отношение к мафии?

— Ты действительно ничего не знаешь?

— Абсолютно.

Он указал на виллу «Розовая громада», которая с такого расстояния казалась совсем маленькой. Похоже, дорога домой будет долгой.

— Кому, по-твоему, принадлежит вилла, в которой ты живешь, амиго? Я понимаю, ты платишь риелтору или компании «Дома для отдыха», но на чьем банковском счете в конце концов осядут твои денежки?

— Готов предположить, что на банковском счете мисс Элизабет.

— Правильно. Мисс Элизабет Истлейк. Учитывая возраст дамы, а ей восемьдесят пять, ты мог бы называть ее старая мисс. — Он вновь рассмеялся, покачал головой. — Пора бы это прекратить. Но, откровенно говоря, давно уже у меня не было повода так поржать.

— У меня тоже.

Он посмотрел на меня (безрукого, заштопанного с одного бока) и кивнул. Потом какое-то время мы разглядывали Залив. Я знал, что люди приезжают во Флориду, когда становятся старыми и больными, потому что здесь тепло чуть ли не круглый год, но, кроме того, свою лепту вносит и Мексиканский залив. Целебным является даже вид на эту залитую солнцем спокойную водную гладь. Слово-громадина, не так ли? Я про *Залив*. Достаточно большой, чтобы бросать в него много чего и наблюдать, как оно исчезает.

Наконец Уайрман продолжил:

— И кому, по-твоему, принадлежат дома между твоей виллой и этой гасиендой? — Через плечо он указал на белые стены и оранжевую крышу. На всех местных картах она обозначена как «Гнездо цапли», но я называю ее «El Palacio de Asesinos».

— Тоже мисс Истлейк?

— Ты правильно сложил два и два.

— А почему ты называешь гасиенду «Дворцом убийц»?

— Когда я думаю на английском, это «Убежище бандита». — На лице Уайрмана мелькнула виноватая улыбка. — Потому что выглядит гасиенда как то место, где главный плохиш из вестерна Сэма Пекинпа повесил бы свою шляпу. В любом случае у нас шесть красивых домов между «Гнездом цапли» и «Салмон-Пойнт»...

— Который я называю «Розовой громадой», — вставил я. — Когда думаю на английском.

Уайрман кивнул.

— «El Rosado Grande». Хорошее название. Мне нравится. Ты пробудешь здесь... как долго?

— Я снял виллу на год, но, честно говоря, не знаю. Жары не боюсь, хотя, как я понимаю, это время называют плохим сезоном, но нужно помнить об ураганах.

— Да, здесь мы все помним об ураганах, особенно после «Чарли» и «Катрины». Но дома между «Гнездом цапли» и «Салмон-Пойнт» опустеют задолго до сезона ураганов. Как и весь Дьюма-Ки. Между прочим, это место следовало бы назвать Истлейк-Айленд.

— Ты хочешь сказать, что он принадлежит ей?

— Все это сложно даже для меня, а я в прошлой жизни был юристом. Когда-то остров принадлежал ее отцу, вместе с немалым куском материковой Флориды к востоку отсюда. В тридцатых годах он продал все, за исключением Дьюмы. Мисс Истлейк принадлежит северная часть острова, в этом нет никаких сомнений. — И Уайрман обвел рукой северную оконечность Дьюма-Ки, которая, как он потом скажет, выбрита, как «киска» стриптизерши. — Земля и дома на ней, от «Гнезда цапли» — самого роскошного — до твоей «Розовой громады», где жить опаснее всего. Они приносят ежегодный доход, в котором она особо и

не нуждается, потому что отец оставил ей и другим своим детям mucho dinero*.

— И сколько ее братьев и сестер все еще...

— Ни одного, — ответил Уайрман. — Эта дочь крестного отца — последняя. — Он фыркнул, покачал головой. — Мне нужно прекратить так ее называть. — Кажется, обращался он к самому себе.

— Как скажешь. Но меня удивляет, почему не освоена оставшаяся часть острова. Учитывая непрекращающийся строительный бум во Флориде, мне это казалось безумием с того самого дня, как я впервые переехал мост.

— Ты говоришь как профессионал. Кем ты был в прошлой жизни, Эдгар?

— Брал подряды на строительство.

— Но эти дни миновали?

Я мог бы уйти от прямого ответа (недостаточно хорошо знал своего нового знакомого, чтобы откровенничать), но не зря же мы так долго хохотали...

— Да.

— И кто ты в этой жизни?

Я вздохнул и отвернулся. Посмотрел на Залив, в который можно бросить все печали и наблюдать, как они исчезают, не оставляя следа.

— Точно сказать не могу. Немного рисую. — Я запнулся, ожидая услышать его смех.

Он не рассмеялся.

— Ты не первый художник, останавливающийся в «Сал...» в «Розовой громаде». У виллы впечатляющее живописное прошлое.

— Ты меня разыгрываешь! — Я не замечал никаких свидетельств этого прошлого.

— Отнюдь, — возразил Уайрман. — Там останавливался Александр Колдер. Кейт Харинг. Марсель Дюшан**. А до того,

---

* много денег (*исп.*).

** Колдер Александр (1898—1976) — американский скульптор. Сын и внук скульптора. Харинг Кейт (1958—1990) — американский художник и скульптор. Дюшан Марсель (1887—1968) — французский художник и теоретик искусства.

как береговая эрозия подобралась к дому, угрожая скинуть его в воду... — Он помолчал. — Сальвадор Дали.

— Не может жить! — воскликнул я, потом покраснел, когда он склонил голову. На мгновение почувствовал, как давняя подруга, дикая ярость, заполнила разум, перехватила горло. «Я могу это сделать», — подумал я. — Извини. В прошлом году со мной произошел несчастный случай и... — Я замолчал.

— Не так уж трудно об этом догадаться, — указал Уайрман. — Если ты вдруг не заметил, справа у тебя недостает клешни, мучачо.

— Да. И иногда я... ну, не знаю... забываю слова.

— Понятно. В любом случае насчет Дали я не лгу. Он провел на твоей вилле три недели в тысяча девятьсот тридцать восьмом. — И практически без паузы Уайрман продолжил: — Я знаю, через что тебе пришлось пройти.

— Я в этом сильно сомневаюсь. — Я не хотел, чтобы мой ответ прозвучал грубо, но именно так он и прозвучал. И он полностью отражал мое состояние в тот момент.

Уайрман какое-то время молчал. Ветер трепал оторванный сектор зонта. Я успел подумать: «Что ж, наши потенциально интересные дружеские отношения, похоже, не сложатся», — но когда Уайрман заговорил вновь, голос его звучал спокойно и доброжелательно, словно мы и не отклонялись от основной темы:

— Отчасти освоение Дьюмы осложнено буйной растительностью. Униоле здесь самое место, но все остальное дерьмо не должно тут расти без полива. Кому-то следует разобраться, в чем дело, вот что я думаю.

— Мы с дочерью на днях отправились на разведку. К югу от гасиенды начинаются сплошные джунгли.

На лице Уайрмана отразилась тревога.

— При таком состоянии, как у тебя, Дьюма-Ки-роуд — не место для экскурсий. Она же вся разбита.

— Как будто я не знаю. Меня интересует другое. Почему это не четырехполосное шоссе с велосипедными дорожками по обеим сторонам и кондоминиумами через каждые восемьсот ярдов?

— Потому что никто не знает, кому принадлежит земля. Как тебе это для затравки?

— Ты серьезно?

— Да. Мисс Истлейк принадлежит территория, которая тянется от северной оконечности на юг до «Гнезда цапли». В этом нет никаких сомнений. Ее право собственности оговорено во всех завещаниях.

— Завещаниях? Их много?

— Три. Все написаны собственноручно, все заверены разными людьми, все отличаются друг от друга в тех пунктах, где речь идет о Дьюма-Ки. Но во всех однозначно указано, что северная часть острова отходит Элизабет Истлейк по воле ее отца, Джона. Остальное оспаривается в судах. Уже шестьдесят лет. В свете этого разборки в «Холодном доме» представляются детским лепетом.

— Вроде бы ты сказал, что все родные братья и сестры мисс Истлейк умерли.

— Все так, но у нее есть племянники и племянницы, внучатые племянники и внучатые племянницы. Как краска «Шервин-Уильямс»*, они покрывают всю землю. Они и судятся, но между собой, а не с ней. В каждом из завещаний старика она упоминается только в связи с этой частью Дьюма-Ки, и отошедшая ей территория тщательно размечена двумя геодезическими компаниями, одной — до Второй мировой войны, другой — после. Все эти материалы находятся в открытых архивах. И знаешь что, амиго?

Я покачал головой.

— Мисс Элизабет думает, что ее отец так и задумывал. И я, пробежавший адвокатским взглядом по копиям всех трех завещаний, согласен с ней.

— А кто платит налоги?

На лице отразилось удивление, потом Уайрман рассмеялся.

— Ты нравишься мне все больше и больше, vato**.

— Моя прошлая жизнь, — напомнил я ему. Мне уже нравилось это выражение.

---

* «Шервин-Уильямс» — компания из Кливленда, штат Огайо. Крупнейший в мире производитель красок.

** парень (*мекс., сленг*).

— Тогда ты оценишь. Во всех трех завещаниях Джона Истлейка имелись одинаковые пункты, касающиеся создания доверительного фонда, предназначенного для уплаты налогов. Инвестиционную компанию, которая управляла фондом, со временем поглотили... если на то пошло, потом поглотили и компанию-поглотительницу.

— Для Америки — обычный бизнес, — кивнул я.

— Совершенно верно. В любом случае фонд никогда не стоял на грани разорения, так что налоги скрупулезно выплачивались каждый год.

— Деньги свое берут.

— И это правда. — Уайрман поднялся, положил руки на поясницу, прогнулся. — Не хочешь пойти в дом и познакомиться с боссом? Она уже встала после дневного сна. У нее есть заморочки, но даже в восемьдесят пять она душка.

Я подумал, что сейчас не время рассказывать Уайрману о нашей короткой встрече и одностороннем, через мой автоответчик, общении.

— В другой раз. Когда поутихнет бурное веселье.

Он кивнул.

— Если хочешь, приходи завтра, в это же время.

— Может, и приду. Рад нашему знакомству. — Я протянул ему руку. Он ее пожал, глядя на культю.

— Протеза нет? Или ты носишь его только в большой компании?

В аналогичной ситуации я оправдывал отсутствие протеза байкой о болях в культе, но это была ложь. А лгать Уайрману мне не хотелось. Отчасти потому, что ложь он чуял за милю, но главным образом потому, что не хотелось ему лгать.

— Мне, разумеется, сделали необходимые замеры, еще когда я находился в больнице, и все уговаривали меня поскорее его заказать, особенно женщина, которая занималась со мной лечебной физкультурой, и мой друг-психотерапевт. Они говорили, чем быстрее я научусь им пользоваться, тем проще мне будет вернуться к нормальной жизни.

— Просто забудь все и продолжай танцевать...

— Да.

— Только иной раз забыть все далеко не просто.

— Непросто.

— Иногда даже неправильно.

— Не совсем так, но тем не менее... — Я не договорил и неопределенно взмахнул рукой.

— Близко, но не рок-н-ролл?

— Да. Спасибо за зеленый чай.

— Приходи завтра и выпей еще стаканчик. Я обычно бываю на пляже от двух до трех часов пополудни, часа в день мне достаточно, но мисс Истлейк большую часть второй половины дня спит или занимается коллекцией фарфоровых статуэток и, разумеется, никогда не пропускает Опру, так что время у меня есть. Если на то пошло, так много, что я и не знаю, как его использовать. В общем, приходи. Мы найдем о чем поговорить.

— Хорошо, — кивнул я. — Предложение интересное.

Уайрман улыбнулся. Улыбка его красила. Протянул руку, и я вновь ее пожал.

— Знаешь, что я думаю? Дружба, основанная на смехе, всегда крепка.

— Может, это и будет твоей следующей работой? Писать тексты для печенья с сюрпризом?

— Бывают работы и похуже, мучачо. Гораздо хуже.

iv

На обратном пути я думал о мисс Истлейк, старухе в соломенной шляпе с широкими полями и больших синих кедах, которой, так уж вышло, принадлежал (хотя бы частично) один из флоридских островов. Как выяснилось, не невесте крестного отца, а дочери земельного барона и, судя по всему, покровительнице искусств. В голове у меня опять что-то с чем-то разошлось, и я не мог вспомнить имя ее отца (простое, в один слог), но я помнил ситуацию, обрисованную Уайрманом. Ни о чем похожем я никогда не слышал, а ведь если ты зарабатываешь на жизнь строительством, приходится сталкиваться с самыми необычными раскладами, касающимися собственности на землю. Я подумал, что это очень оригинальный ход... если, разумеется, кому-то хотелось, чтобы созданное им маленькое королевство

пребывало в первозданном состоянии. Правда, возникал вопрос: а зачем?

Большая часть расстояния, отделявшего меня от «Розовой громады», осталась позади, когда я вдруг осознал, что чертовски болит нога. Прохромав в дом, я напился на кухне воды из-под крана и через гостиную направился в спальню. Увидел мигающую лампочку на автоответчике, но на тот момент мне не хотелось иметь ничего общего с сообщениями из внешнего мира. Желание было только одно: снять с ног груз тела.

Я лег и уставился на медленно вращающиеся лопасти потолочного вентилятора. Вроде бы мне не удалось убедительно объяснить отсутствие искусственной руки. Но я подумал, что и Уайрман не сумел превзойти меня в убедительности с ответами на некоторые вопросы: «Как юрист оказался прислугой у богатой старой девы?» или «Чем хороша эта другая жизнь?».

Все еще размышляя над этим, я соскользнул в крепкий, без сновидений сон.

V

Проснувшись, я принял горячий душ и прошел в гостиную, чтобы проверить автоответчик. Тело не затекло, как я мог ожидать после двухмильной прогулки. Завтра, возможно, мне придется от нее отказаться, но в этот вечер я чувствовал себя вполне сносно.

Сообщение оставил Джек. Мать познакомила его с неким Дарио Наннуцци, который с радостью согласился взглянуть на мои картины в пятницу, от четырех до пяти пополудни, если меня не затруднит привезти их (не больше десяти, которые я сам считаю лучшими) в галерею «Скотто». Никаких эскизов. Наннуцци хотел видеть только завершенные работы.

Возникла легкая тревога.

Нет, все было гораздо хуже.

Скрутило желудок, и я мог поклясться, что мои внутренности опустились дюйма на три. То ли боль, то ли зуд поползли вверх по правому боку и вниз по руке, которой не было. Я сказал себе, что это глупость, негоже так себя вести, учитывая, что за три

дня, оставшиеся до встречи, тревога будет только нарастать. Однажды я представлял проект стоимостью десять миллионов долларов городскому совету Сент-Пола, когда в нем заседал человек, позднее ставший губернатором Миннесоты. На моих глазах две девочки прошли танцевальные репетиции, отборы в группы поддержки спортивных команд, уроки вождения и ад переходного периода. Неужто с этим можно сравнить показ нескольких моих картин какому-то галеристу?

Тем не менее, когда я поднимался в «Розовую малышку», ноги словно налились свинцом.

Солнце скатывалось к горизонту, заливая большой зал роскошным, невероятным мандариновым светом, но я не испытывал никакого желания попытаться перенести его на холст, во всяком случае, этим вечером. Свет все равно взывал ко мне. Как может взывать фотография давно забытой возлюбленной, случайно найденная в коробке со свидетельствами далекого прошлого. Вода прибывала. Даже наверху я слышал шуршание ракушек. Я сел, принялся перебирать предметы, найденные на берегу: перо, обточенный водой камень, одноразовая зажигалка, выцветшая на солнце. Теперь в голове крутились строчки не Эмили Дикинсон, а какой-то старой песни: «Мама, как красиво солнце, Ярко светит сквозь деревья». Никаких деревьев, разумеется, не было, но я мог посадить одно на горизонте, если бы возникло такое желание. Мог посадить, чтобы красный закат светил сквозь него. Привет, Дали.

Я не боялся, что мне укажут на отсутствие таланта. Боялся другого: услышать от синьора Наннуцци, что таланта у меня *мало-мало*. Или увидеть, как он сведет большой и указательный пальцы на четверть дюйма и посоветует зарезервировать место на уличном Художественном фестивале, который проводится на Венис-авеню в центре Сарасоты, где меня наверняка будет ждать успех, потому что туристы точно набросятся на мои очаровательные имитации шедевров Дали.

Если бы он так сделал, свел большой и указательный пальцы на четверть дюйма и сказал «*мало-мало*», как бы я отреагировал? Мог ли вердикт совершеннейшего незнакомца лишить меня только что обретенной уверенности в себе, украсть у меня новую радость жизни?

— Возможно, — ответил я сам на свой вопрос.

Да. Потому что написание картин очень уж отличалось от возведения торговых центров.

Я мог бы легко разрулить эту ситуацию, отказавшись от встречи... да только я в каком-то смысле пообещал Илзе, что покажу картины специалисту, а я не привык нарушать обещания, которые даю своим детям.

Моя правая рука по-прежнему зудела, сильно, чуть ли не до боли, но я этого зуда практически не замечал. У стены, слева от меня, стояли восемь или десять картин. Я повернулся к ним, думая о том, что надо бы попытаться определить, какие — лучшие, но не сумел даже взглянуть на них.

Том Райли стоял на верхней ступени лестницы. В одних только светло-синих пижамных штанах, потемневших в промежности и на внутренней стороне одной из штанин, где Том их обмочил. Правый глаз исчез. Глазницу заполняла красно-черная жижа. Кровь, словно краска, потеками запеклась ниже правого виска, исчезая в седеющих волосах за ухом. Второй глаз смотрел на Мексиканский залив. Красный закат освещал узкое, худое лицо Тома.

Я вскрикнул от удивления и ужаса, отпрянул, упал со стула, приземлился на травмированное бедро, вновь вскрикнул — на этот раз от боли. Дернулся, ступня ударила по стулу, на котором я только что сидел, повалила его. Когда я вновь посмотрел на лестницу, Том исчез.

VI

Десятью минутами позже я уже был внизу, набирал его домашний номер. По лестнице я спускался сидя, пересчитывая задом ступеньки. Не потому, что повредил бедро, упав со стула, — просто ноги так сильно дрожали, что я им не доверял, не знал, удержат ли они меня. Я боялся рухнуть в полный рост и удариться головой, даже если бы попытался спуститься спиной вперед, держась левой рукой за поручень. Черт, я боялся, что могу потерять сознание.

Я продолжал вспоминать тот день на озере Фален, когда, повернувшись, увидел неестественно блестящие глаза Тома, который прилагал все силы к тому, чтобы не разрыдаться. «Босс, не могу привыкнуть к тому, что у тебя только одна рука. Мне так жаль».

В красивом доме Тома, в Эппл-Вэлли, зазвонил телефон. Том, который дважды женился и разводился. Том, который не советовал мне уезжать из Мендота-Хайтс и который сказал: «Ты словно отдаешь преимущество своего поля в плей-офф». Том, который насладился моим домашним полем, если верить «Друзьям-любовникам»... и я верил.

Как верил и тому, что увидел наверху.

Один гудок... второй... третий.

— Сними трубку, — пробормотал я. — Сними эту гребаную трубку.

Я не знал, что сказал бы ему, если б он снял, да меня это и не волновало. В тот момент я хотел лишь услышать его голос.

Услышал, но записанный на автоответчик.

— Привет! Вы позвонили Тому Райли. Мы с братом Джорджем и нашей мамой отправились в ежегодный круиз... на этот раз в Нассау. Что ты говоришь, мама?

— Что теперь я — Багама-Мама, — ответил прокуренный, веселый голос.

— Совершенно верно, теперь она такая, — согласился Том. — Мы вернемся восьмого февраля. А пока вы можете оставить сообщение... когда, Джордж?

— После *звукового з-з-зигнала*! — воскликнул мужской голос.

— Точно! — согласился Том. — После звукового зигнала. Или вы можете позвонить мне на работу. — Он продиктовал номер, а потом все трое прокричали: «BON VOYAGE»*.

Эти слова совсем не напоминали прощальное послание человека, задумавшего покончить с собой, но, разумеется, он находился с самыми близкими и дорогими ему людьми (которые потом сказали бы: «Нам казалось, что он в отличной форме») и...

— Кто говорит, что это будет самоубийство? — спросил я пустую комнату... и в страхе оглянулся, чтобы убедиться, что она

* Счастливого пути (*фр.*).

пуста. — А если это несчастный случай? Или даже убийство? При условии, что это еще не произошло?

Но если бы произошло, мне бы позвонили. Может, Боузи, а скорее всего Пэм. Опять же...

— Самоубийство. — Теперь я уже ничего у комнаты не спрашивал. — Самоубийство, и оно еще не произошло. Это было предупреждение.

Я поднялся и, опираясь на костыль, двинулся в спальню. В последнее время костылем я пользовался реже, но в этот вечер держался за него, как за родного.

Моя любимая девочка сидела, привалившись к подушкам на той стороне кровати, которую могла занимать реальная женщина, если б она у меня была. Я сел, взял ее в руки, посмотрел в большие синие стекляшки, полные мультяшного изумления: «О-о-о-о-х, какой противный парниша!» Моя Реба, которая выглядела, как Люси Рикардо.

— Вот так к Скруджу явился призрак грядущего Рождества, — сказал я ей. — Все это только может произойти.

На этот счет Реба своего мнения не высказала.

— Но что мне делать? С картинами-то — другое дело. С картинами — совершенно другое дело!

Но связь была, и я это знал. И картины, и видения брали начало в человеческом мозгу, и что-то в моем мозгу изменялось. Я думал, что изменения эти происходили в результате удачного сочетания повреждений. Или неудачного. Противоударная травма. Зона Брока. И Дьюма-Ки. Дьюма... что?

— Усиливает изменения, — объяснил я Ребе. — Не так ли?

Реба вновь промолчала.

— Есть что-то еще, и это что-то воздействует на меня. Возможно, даже зовет меня?

От этой мысли по коже побежали мурашки. Подо мной ракушки терлись друг о друга, когда вода поднимала и бросала их. Не составляло труда представить себе на месте ракушек черепа, тысячи черепов, и все они разом скалили зубы, когда набегала очередная волна.

Джек говорил, что на Дьюма-Ки есть еще один дом, где-то в джунглях, разваливающийся? Вроде бы да. Когда мы с Илзе попытались поехать в ту сторону, состояние дороги очень быстро

ухудшилось. Как и состояние Илзе. Меня желудок не подвел, но запахи окружающей растительности вызывали отвращение, и резко усилился зуд в отрезанной руке. На лице Уайрмана отразилась тревога, когда я рассказал ему о нашей попытке исследовать джунгли. «При таком состоянии, как у тебя, Дьюма-Кируод — не место для экскурсий». Его слова. Вопрос в том, а какое у меня состояние?

Реба продолжала молчать.

— Я не хочу, чтобы это произошло, — прошептал я.

Реба смотрела на меня. Паршивым парнишей, вот кем она меня считала.

— Какой от тебя прок? — спросил я куклу и отбросил ее. Она упала на подушку, попкой кверху, расставив розовые хлопчатобумажные ноги, прямо-таки маленькая шлюшка. Действительно, «о-о-о-о-х, какой противный парниша!»

Я опустил голову, уставился в ковер между ног, потер шею. Мышцы напряженные, узловатые. Твердые, как железо. Какое-то время меня не докучали сильные головные боли, но я понимал, что, если мышцы не расслабятся, меня ждет тяжелая ночь. И для начала я решил чего-нибудь съесть. Что-нибудь насыщающее, вроде высококалорийного замороженного обеда. Вы понимаете, снять упаковку с замороженного мяса с соусом, поставить на семь минут в микроволновку, а потом жадно все сожрать.

Но я какое-то время еще посидел на кровати. У меня возникло много вопросов, и на большинство ответить самостоятельно я, похоже, не мог. Я это признавал и принимал — научился принимать многое с того самого дня, когда на меня наехал подъемный кран. Но я подумал, что могу попытаться найти ответ как минимум на один вопрос, прежде чем займусь утолением голода. Телефонный аппарат на прикроватной тумбочке я получил вместе с домом. Очаровательно старомодный, модель «Принцесса», с вращающимся диском. Стоял он на телефонном справочнике, большую часть которого занимали «Желтые страницы». Я открыл узенькую белую часть, полагая, что номера Элизабет Истлейк мне не найти, но нашел. Набрал. Гудок, второй, а потом в трубке раздался голос Уайрмана:

— Алло, резиденция Истлейк.

Хорошо поставленный голос — ничего общего с тем человеком, который так смеялся, что сломал под собой шезлонг, и я вдруг решил, что звонок этот — самая плохая идея, какую можно себе представить, но других вариантов не видел.

— Уайрман? Это Эдгар Фримантл. Мне нужна помощь.

Глава 6
ХОЗЯЙКА ДОМА

1

Во второй половине следующего дня я вновь сидел у маленького столика, поставленного рядом с деревянными мостками, которые вели к «El Palacio de Asesinos». Полосатый зонт, пусть и порванный, еще мог выполнять положенную ему функцию. Достаточно холодный бриз вызывал мысли о свитере. Полоски света плясали по поверхности стола, пока я говорил. А я говорил, все так, чуть ли не час, смачивая горло зеленым чаем из стакана, который Уайрман постоянно наполнял. Наконец я замолчал, и какое-то время с другой стороны стола не доносилось ни звука, тишину нарушал только мерный шум набегающих на берег волн.

Прошлым вечером тревоги в моем голосе, должно быть, хватало, потому что Уайрман предложил тотчас же приехать из «Palacio» на гольф-каре. Сказал, что сможет поддерживать связь с мисс Истлейк по портативной рации. Я ответил, что особой спешки нет. Проблема важная, но не срочная. В том смысле, что звонить по 911 не нужно. И я говорил правду. Если Том намеревался покончить с собой в круизе, я не мог ему помешать. Но я не думал, что он пойдет на такое, когда рядом мать и брат.

Я не собирался рассказывать Уайрману о том, что тайком рылся в сумочке дочери, этого я стыдился все больше. Но как только раскрыл рот, а начал я с **«LINK-BELT»**, остановиться уже не мог. Рассказал практически все, закончив Томом Райли, сто-

ящим на верхней ступени лестницы, ведущей в «Розовую малышку», бледным, мертвым, без одного глаза. Думаю, отчасти я не останавливался, потому что знал: Уайрман не сможет сдать меня в ближайший сумасшедший дом. Не имеет законного права. Была и другая причина: Уайрман оставался незнакомцем, пусть меня и привлекала его доброта и здоровый цинизм. Иногда (думаю, довольно часто) рассказывать истории, если ты их стесняешься, или они могут показаться безумными, куда проще, когда твой собеседник — незнакомец. Но прежде всего рассказ этот приносил мне облегчение: я словно выдавливал из себя яд после укуса змеи.

Когда Уайрман наливал зеленый чай себе, рука его заметно подрагивала. Меня это заинтересовало и встревожило. Потом он посмотрел на часы, которые носил, как медицинская сестра, на внутренней стороне запястья.

— Через полчаса или около того я должен пойти в дом и проверить, как там она. Я уверен, все у нее хорошо, но...

— А если нехорошо? — спросил я. — Если она упала или что-то в этом роде?

Он вытащил из кармана летних брюк портативную рацию, размерами не превышающую мобильник.

— Я слежу за тем, чтобы рация всегда была при ней. По всему дому есть кнопки вызова, но... — Он постучал большим пальцем по груди. — Настоящая система тревоги — здесь. Единственная, которой я доверяю.

Он посмотрел на Залив и вздохнул.

— У нее болезнь Альцгеймера. Пока в начальной стадии, но доктор Хэдлок говорит, что прогрессировать она, возможно, будет быстро, раз уж началась. Через год... — Он печально пожал плечами, потом лицо его прояснилось. — Каждый день в четыре часа мы пьем чай. И смотрим Опру. Почему бы тебе не зайти и не познакомиться с хозяйкой дома? Я даже угощу тебя куском островного лаймового пирога.

— Хорошо, — кивнул я. — Договорились. Ты думаешь, это она оставила сообщение на моем автоответчике со словами о том, что Дьюма-Ки — несчастливое место для дочерей?

— Конечно. Хотя, если ты ждешь объяснений (или ждешь, что она вспомнит о звонке), удачи тебе. Но я, возможно, могу

немного помочь. Ты вчера спрашивал о ее братьях и сестрах, а я не поправил тебя. Дело в том, у Элизабет были только сестры. В семье рождались исключительно дочери. Самая старшая — где-то в 1908 году. Элизабет появилась на свет в 1923. Миссис Истлейк умерла через два месяца. От какой-то инфекции. А может, от тромба... кто теперь скажет? Это произошло здесь, на Дьюма-Ки.

— Отец женился второй раз? — Я все еще не мог вспомнить имя.

Уайрман мне помог.

— Джон? Нет.

— Ты же не собираешься сказать мне, что он воспитывал здесь всех шестерых. Как-то это слишком готично.

— Он пытался, с помощью няни. Но его старшая дочь убежала с парнем. С мисс Истлейк произошел несчастный случай, и она чуть не умерла. А близняшки... — Уайрман покачал головой. — Они были на два года старше Элизабет. В 1927 году они исчезли. Предполагалось, что они пошли купаться, их унесло подводным течением, и они утонули в caldo grande*.

Какое-то время мы смотрели на воду (эти обманчиво кроткие волны, которые выпрыгивали на берег, как щенки) и молчали. Потом я спросил, узнал ли он все это от Элизабет.

— Частично. Не все. И она путалась в своих воспоминаниях. Я нашел информацию о том случае на сайте, посвященном истории Залива. Переписывался по электронной почте с одним библиотекарем из Тампы. — Уайрман поднял руки и пробежался пальцами по воображаемой клавиатуре. — Тесси и Лаура Истлейк. Библиотекарь прислал мне копию выпуска городской газеты за 19 апреля 1927 г. От заголовка на первой полосе пробирала дрожь. Два слова. **«ОНИ ИСЧЕЗЛИ»**.

— Господи, — выдохнул я.

— В шесть лет. Элизабет было четыре, она уже понимала, что произошло. Может, даже могла прочитать такой простой заголовок, как «ОНИ ИСЧЕЗЛИ». После смерти близняшек и бегства Адрианы, старшей дочери, в Атланту с одним из работников отца, не приходится удивляться решению Джона покинуть

* великий залив (*исп.*).

Дьюму. Он и оставшиеся дочери перебрались в Майами. Много лет спустя он вернулся, чтобы умереть здесь, и мисс Элизабет ухаживала за ним. — Уайрман пожал плечами. — Примерно так же, как я ухаживаю за ней. Поэтому... ты понимаешь, почему женщина с начавшейся болезнью Альцгеймера может считать Дьюму злополучным для дочерей местом?

— Пожалуй, но откуда эта дама преклонного возраста узнала телефонный номер нового арендатора?

Уайрман бросил на меня озорной взгляд.

— Арендатор новый, дом старый, автоматический набор всех здешних телефонов — там. — Он указал на дом за спиной. — Есть еще вопросы?

Я вытаращился на него.

— Она может позвонить мне в режиме автоматического набора?

— Не вини меня. Я появился здесь позже. Кто-то ввел телефонные номера принадлежащих ей домов в память ее телефонного аппарата. Наверное, это сделал риелтор. А может, управляющий делами мисс Истлейк. Он приезжает сюда из Сент-Питерсберга каждые шесть недель, чтобы убедиться, что она жива, и я не украл коллекционный фарфор. Когда он появится в следующий раз, я его спрошу.

— То есть она может позвонить в любой дом в северной части Дьюмы нажатием одной кнопки.

— Ну... да. Я хочу сказать, они же все принадлежат ей. — Он похлопал меня по руке. — Но знаешь что, мучачо? Я думаю, у твоей кнопки этим вечером будет нервный срыв.

— Нет, — без запинки вырвалось у меня. — Не делай этого.

— Ага. — Уайрман словно понимал мои мотивы. И кто знает, может, понимал. — В любом случае ситуация с загадочным звонком прояснилась, хотя, должен тебе сказать, объяснения на Дьюма-Ки иной раз логике не подчиняются. Пример тому — твоя история.

— Ты хочешь сказать, с тобой тоже случалось... что-то похожее?

Он пристально посмотрел на меня, его большое, загорелое лицо не выдавало никаких эмоций. На нас обрушился холодный порыв ветра, швырнул песком в наши голые лодыжки. Ветер

поднял волосы Уайрмана, открыв шрам-монетку повыше правого виска. Я задался вопросом, а может, его ударили горлышком бутылки во время драки в баре, и попытался представить себе человека, который мог разозлиться на такого, как Уайрман. Не получилось.

— Да, со мной случалось... *странное*, — ответил он и согнул по два пальца каждой руке, изображая кавычки. — Именно это превращает детей... *во взрослых*. И позволяет учителям английского языка и литературы нести всякую чушь в первый год... *обучения*. — Обе фразы попали в эти воздушные кавычки.

Я понял, что рассказывать свою историю он не собирается, во всяком случае, сейчас. Поэтому спросил, поверил ли он моей.

Уайрман закатил глаза и откинулся на спинку шезлонга.

— Не испытывай моего терпения, vato. В чем-то ты, возможно, и ошибся, но ты точно не чокнутый. У меня здесь женщина... самая милая женщина на свете, и я люблю ее, но иногда она думает, что я — ее отец, и мы в Майами тысяча девятьсот тридцать четвертого года. Иногда она кладет одного из фарфоровых человечков в жестянку из-под печенья и бросает в пруд с золотыми рыбками, который расположен за теннисным кортом. Мне приходится доставать жестянку, пока она спит, иначе она устраивает скандал. Почему она это делает, не знаю. И думаю, к лету она, возможно, будет постоянно ходить в памперсах для взрослых.

— То есть?

— То есть я знаю, какие они. Психи. Я знаю Дьюму и собираюсь получше узнать тебя. У меня нет никаких сомнений в том, что ты видел своего мертвого друга.

— Честно?

— Абсолютно. Verdad*. Вопрос в том, что ты собираешься с этим делать, при условии, что ты не горишь желанием увидеть, как твоего приятеля зарывают в землю за... или это вульгарно?.. за то, что он намазывает масло на твою бывшую краюху хлеба.

— Нет. На мгновение у меня возникло желание... даже не знаю, как описать...

* Истина (*исп.*).

— На мгновение у тебя возникло желание отрубить ему член, а потом вытащить глаза длинной такой вилкой для поджаривания хлеба на огне. Причем раскаленной. Такое у тебя возникло желание, мучачо? — Уайрман нацелил на меня пистолет, сооруженный из большого и указательного пальцев правой руки. — Я был женат на одной мексиканской крошке, поэтому знаю, что такое ревность. Это нормально. Естественная первая реакция.

— Твоя жена когда-нибудь... — Я осекся, вдруг вспомнив, что познакомился с этим мужчиной всего лишь днем раньше. Забыть об этом не составляло труда. Уайрман умел сближаться с людьми.

— Нет, амиго, насколько мне известно. Что она сделала, так это умерла. — Лицо его оставалось совершенно бесстрастным. — Давай в это не углубляться, идет?

— Конечно.

— О ревности нужно помнить одно: она приходит и она уходит. Как здесь — послеполуденные ливни в плохой сезон. Ты говоришь, что это пережил. Так оно и должно быть. Потому что ты больше не ее campesino. Вопрос в другом: что тебе делать в сложившейся ситуации? Как ты собираешься помешать ему покончить с собой? Потому что ты знаешь, что произойдет по завершении этого счастливого семейного круиза, так?

Какое-то время я молчал. Переводил его последнее испанское слово, или пытался перевести. Теперь ты не ее пахарь? Правильно? Если да, то в его словах была горькая правда.

— Мучачо? Твой следующий ход?

— Не знаю. У него есть электронная почта, но что я ему напишу? «Дорогой Том, я тревожусь из-за того, что ты намереваешься покончить с собой, пожалуйста, ответь как можно скорее?» Готов спорить, в отпуске он все равно не будет проверять свой почтовый ящик. Он разводился дважды. Последней жене еще платит алименты, но отношений ни с одной не поддерживает. У него был один ребенок, умер в младенчестве, если не ошибаюсь, спина бифида*... и... Что такое? Что?

Уайрман отвернулся, сидел, сгорбившись, смотрел на воду, где пеликаны устроили свое чаепитие. Язык его тела говорил: отвратительно.

---

* Спина бифида — врожденный дефект позвоночника.

Он повернулся ко мне.

— Хватит увиливать. Тебе чертовски хорошо известно, кто может с ним поговорить. Или ты думаешь, что тебе известно.

— Пэм? Ты про Пэм?

Он только смотрел на меня.

— Ты собираешься что-то сказать, Уайрман, или так и будешь сидеть?

— Я должен проверить мою даму. Возможно, она уже встала, а в четыре часа будет пить чай.

— Пэм подумает, что я рехнулся! Черт, да она уже думает, что я рехнулся!

— Убеди ее. — Тут он чуть смягчился. — Послушай Эдгар, если она так близка с ним, как ты думаешь, она что-то заметила. И все, что ты можешь сделать, так это попытаться. Entiendes*?

— Я не понимаю, что это значит.

— Это значит, позвони своей жене.

— Она — моя бывшая жена.

— Нет. Пока твое отношение к ней не изменится, развод — всего лишь юридическая фикция. Вот почему тебе небезразлично, что она думает о состоянии твоего рассудка. Но если тебе дорог этот парень, ты ей позвонишь и скажешь, что у него есть намерения покончить с собой.

Уайрман поднялся с шезлонга, протянул руку.

— Довольно разговоров. Пойдем знакомиться с боссом. Ты не пожалеешь. Если уж говорить о боссах, она очень даже ничего.

Я взялся за его руку и позволил ему вытащить меня из шезлонга, который, как я понял, заменил сломанный. Хватка у него была крепкая. Если что и останется у меня в памяти об Уайрмане, так это его крепкая хватка. Мостки вели к воротам в задней стене. Ширина позволяла идти по ним только одному, так что я хромал следом. Когда мы добрались до ворот (уменьшенной копии тех, что выходили на дорогу, и испанского в них было не меньше, чем в отдельных словечках Уайрмана), он повернулся ко мне, его губы разошлись в улыбке.

— Хози приходит прибираться по вторникам и четвергам, и она не возражает против того, чтобы присматривать за мисс

* Понимаешь (*исп.*).

Истлейк, пока та спит днем. То есть завтра я могу прийти и взглянуть на твои картины, скажем, около двух, если тебя это устроит.

— Как ты узнал, что я этого хочу? Я все еще собирался с духом, чтобы попросить тебя.

Уайрман пожал плечами.

— Совершенно очевидно, что тебе хочется, чтобы кто-нибудь взглянул на твои картины до того, как ты повезешь их этому парню из галереи. Помимо твоей дочери и юноши, который у тебя на побегушках.

— Встреча назначена на пятницу. Я в ужасе.

Уайрман помахал рукой, улыбнулся.

— Не волнуйся. — Пауза. — Если я решу, что твои картины — дерьмо, я тебе так и скажу.

— Меня это устроит.

Он кивнул.

— Просто хотел прояснить этот момент. — Он распахнул ворота и провел меня во двор гасиенды «Гнездо цапли», известной также как «Palacio de Asesinos».

ii

Я уже видел этот двор, когда разворачивался в открытых воротах, но в тот день я только мельком взглянул на него, потому что думал об одном: как бы поскорее довезти до «Розовой громады» и себя, и дочь с посеревшим, блестящим от пота лицом. И теннисный корт я тогда заметил, и керамические плитки, а вот пруд с золотыми рыбками — нет. Корт, тщательно подметенный, с твердым покрытием цветом чуть темнее плиток двора, ждал выхода игроков. Оставалось лишь натянуть сетку одним поворотом хромированной ручки. Корзинка с мячами на сетчатой подставке заставила меня вспомнить о рисунке, который Илзе увезла в Провиденс: «Конец игры».

— Придет день, мучачо, — Уайрман указал на корт, мимо которого мы проходили. Он замедлил шаг, так что я его догнал, — когда мы с тобой придем сюда. Я не буду ставить перед тобой

сложных задач, только отбивай и подавай, не сходя с места, но мне так хочется помахать ракеткой.

— Отбивать и подавать — та цена, которую мне придется заплатить за твою оценку моих картин?

Он улыбнулся.

— Цену я назову, но она другая. Я тебе скажу. Пошли.

iii

Уайрман провел меня через черный ход. Оставив позади темноватую кухню с большими белыми столами для готовки и огромной плитой «Вестингхауз», мы оказались непосредственно в жилых помещениях, поблескивающих темным деревом: дубом, грецким орехом, тиком, секвойей, кипарисом. Это был Palacio, построенный в старинном флоридском стиле. Мы миновали комнату, уставленную стеллажами с книгами, в углу о чем-то размышляли рыцарские доспехи. Библиотека выводила в кабинет, стены которого украшали картины, не темные портреты маслом, а яркие абстракции, даже парочка оп-артов*, от которых глаза вылезали из орбит.

Свет падал на нас сверху белым дождем, когда мы шли по главному коридору (Уайрман шел, я — хромал), и я понял, что при всем великолепии особняка мы находимся пусть и в шикарном, но обычном крытом переходе, который разделяет части старых и куда более скромных флоридских домов. У этого стиля (дома всегда строили из дерева, иногда из обрезков) даже есть название: флоридская нищета.

Вдоль стен перехода, ярко освещенного сквозь стеклянный потолок, выстроились декоративные цветочные горшки. В дальнем конце Уайрман повернул направо, и мы очутились в огромной, прохладной гостиной. Окна выходили на боковой дворик, весь в цветах. Мои дочери назвали бы половину, Пэм — все, я распознал только астры, коммелину, самбук, наперстянку. Ах

* Оп-арт — направление в искусстве, получившее распространение в 1950—1960 гг. Художники этого направления использовали особенности восприятия плоских и пространственных фигур для достижения зрительных иллюзий.

да, и рододендроны. Их было много. За цветами и кустами тянулась дорожка, выложенная синей керамической плиткой, вероятно, уходящая к главному двору, а на ней стояла цапля, задумчивая и мрачная, словно старейшина-пуританин, размышляющий, какую из ведьм сжечь следующей.

В комнате находилась женщина, с который мы с Илзе повстречались в тот день, когда отправились исследовать Дьюма-Ки-роуд. Тогда она сидела в инвалидном кресле, с синими кедами на ногах. Теперь она стояла, ухватившись за рукоятки ходунков. Босиком, и ступни у нее были большие и очень белые. Ее наряд, бежевые брюки с высокой талией и темно-коричневая шелковая блузка с невероятно широкими плечами и пышными рукавами, напомнил мне Кэтрин Хепберн в тех старых фильмах, которые иногда показывают по кабельному каналу «Классическое кино Тернера»: «Ребро Адама» или «Женщина года». Только я не помнил, чтобы Кэтрин Хепберн выглядела такой старой, даже когда состарилась.

Середину комнаты занимал длинный низкий стол, похожий на тот, что отец поставил в подвале нашего дома для своих электрических поездов. Только этот покрывала не искусственная трава, а какое-то светлое дерево, может, бамбук. Стол заполняли игрушечные дома и фарфоровые статуэтки: мужчины, женщины, дети, домашние животные, животные из зоопарка, мифические существа. И если уж говорить о мифических существах, то парочку изготовили чернолицыми, нарываясь на недовольство НАСПЦН*.

Элизабет Истлейк взглянула на Уайрмана с той нежной радостью, которую я с удовольствием бы нарисовал... хотя не уверен, что кто-нибудь воспринял бы это серьезно. Сомневаюсь, что в нашем искусстве мы верим простым и чистым эмоциям, хотя постоянно видим их вокруг нас, изо дня в день.

— Уайрман! — воскликнула женщина. — Я проснулась рано и так хорошо провела время с моими статуэтками. — Говорила она с сильным южным акцентом: «ста-а-туэтка-а-ми». — Посмотри, вся семья дома!

---

* Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения, крупнейшая негритянская общественная организация, созданная в 1909 г.

В конце стола стояла маленькая копия особняка с колоннами. Вспомните Тару из «Унесенных ветром» и не ошибетесь. Или уса-а-дьбу, если вы говорите, как Элизабет. Вокруг стояли с десяток статуэток. Словно собрались на какую-то церемонию.

— Это точно, — согласился Уайрман.

— И школа! Я поставила детей рядом со школой! Посмотри!

— Я посмотрю, но вы знаете, я не люблю, когда вы встаете без меня.

— Мне не хотелось вызывать тебя по рации. Я действительно очень хорошо себя чувствую. Пойди и посмотри. И пусть посмотрит твой новый друг. Ох, я знаю, кто вы! — Она улыбнулась и поманила меня пальцем. — Уайрман мне все о вас рассказывает. Вы поселились в «Салмон-Пойнт».

— У него свое название — «Розовая громада», — вставил Уайрман.

Она рассмеялась. Как часто случается с курильщиками, смех перешел в кашель. Уайрман поспешил к ней, поддержал. Мисс Истлейк не возражала.

— Мне нравится, — одобрила она, когда смогла говорить. — Ох, милый мой, мне очень нравится! Подойдите и посмотрите, как я поставила детей. Мистер?.. Я уверена, мне называли вашу фамилию, но не могу вспомнить, как и многое другое, мистер?..

— Фримантл, — подсказал я. — Эдгар Фримантл.

Я подошел к ее столу со статуэтками. Она протянула мне руку. Не мускулистую, но большую, как и ее ноги. Она не забыла, как здороваются, и руку пожала мне крепко. При этом с живым интересом разглядывала меня. Мне понравилось, что она так легко признается в проблемах с памятью. Что же касалось болезни Альцгеймера, была она у нее или нет, но я запинался и в разговоре, и в поиске слов куда чаще, чем мисс Истлейк.

— Приятно познакомиться с вами, Эдгар. Я видела вас раньше, но не помню, где и когда. Потом вспомню. «Розовая громада»! Это лихо!

— Мне нравится дом, мэм!

— Хорошо. Я очень рада, когда он нравится. Дом для художника, знаете ли. Вы — художник, Эдгар?

Она смотрела на меня бесхитростными синими глазами.

— Да. — Я дал самый простой, самый быстрый и, возможно, правдивый ответ. — Скорее да, чем нет.

— Разумеется, художник, дорогой, я это сразу поняла. Мне нужна одна из ваших картин. Уайрман обговорит с вами цену. Он не только прекрасный повар, но и юрист. Он вам это говорил?

— Да... нет... я хочу сказать... — Я сбился. Она постоянно переводила разговор с одного на другое. Уайрман, этот негодяй, выглядел так, будто с трудом сдерживает смех. Отчего мне тоже хотелось рассмеяться.

— Я пытаюсь собирать картины всех художников, которые останавливались в вашей «Розовой громаде». У меня есть картина Харинга, написанная там. И рисунок Дали.

Вот тут желание смеяться пропало напрочь.

— Правда?

— Я скоро вам его покажу, этого не избежать, он в телевизионной комнате, а мы всегда смотрим Опру. Верно, Уайрман?

— Да, — кивнул он и глянул на часы, закрепленные на внутренней стороне запястья.

— Но нам не обязательно смотреть эту передачу от начала и до конца, потому что у нас есть замечательное устройство, которое называется... — Она замолчала, нахмурилась, приложила палец к ямочке на пухлом подбородке. — Вито? Оно называется Вито, Уайрман?

Он улыбнулся.

— «ТиВо»*, мисс Истлейк.

Она рассмеялась.

— «ТиВо», разве не забавное слово? И разве не забавно, как формально мы обращаемся друг к другу. Он для меня Уайрман, я для него — мисс Истлейк... если только я не расстроена, а такое случается, когда я что-то забываю. Мы — как персонажи в пьесе! Счастливой пьесе, где все поют, как только начинает играть музыка! — Она рассмеялась, показывая, какая замечательная это пьеса, но в смехе чувствовался и надрыв. И впервые ее акцент заставил меня подумать о Теннесси Уильямсе, а не о Маргарет Митчелл.

* «ТиВо» — цифровое видеозаписывающее устройство (запись ведется на жесткий диск), выпускаемое одноименной компанией.

— Может, нам пора перейти в другую комнату и посмотреть Опру, — мягко, очень мягко предложил Уайрман. — И я думаю, вам нужно присесть. Вы сможете выкурить сигарету, когда будете смотреть Опру, и вы знаете, как вам это нравится.

— Через минуту, Уайрман, через минуту. У нас так редко бывают гости! — Она повернулась ко мне. — Что вы за художник, Эдгар? Вы верите в искусство ради искусства?

— Определенно, искусство ради искусства, мэм.

— Я рада. Таких художников «Салмон-Пойнт» любит больше всего. Как вы его называете?

— Мое искусство?

— Нет, дорогой... «Салмон-Пойнт».

— «Розовая громада», мэм.

— Отныне он — «Розовая громада». А я для вас — Элизабет.

Я улыбнулся, не мог не улыбнуться, потому что в ее голосе звучала скорее серьезность, чем игривость.

— Хорошо, Элизабет.

— Прекрасно. Скоро мы пойдем в телевизионную комнату, но сначала... — Она перевела взгляд на стол. — Ну, Уайрман? Ну, Эдгар? Видите, как я расставила детей?

Десяток статуэток стояли слева от здания школы, лицами к нему. Словно готовились к перекличке.

— И что вы можете об этом сказать? — спросила она. — Уайрман? Эдуард? Кто первый?

С именем она ошиблась, но я привык к ошибкам. И на этот раз она «поскользнулась» на моем имени.

— Перемена? — спросил Уайрман и пожал плечами.

— Разумеется, нет, — ответила Элизабет. — Будь это перемена, они бы играли, а не стояли толпой и не таращились на школу.

— Это или пожар, или учебная тревога, — предположил я.

Она перегнулась через ходунки (Уайрман, всегда начеку, схватил ее за плечо, чтобы она, потеряв равновесие, не упала вместе с ними) и поцеловала меня в щеку. Это меня чертовски удивило, но не вызвало отрицательных эмоций.

— Очень хорошо, Эдуард! — воскликнула она. — А теперь, скажите, учебная это тревога или пожар?

Я задумался, вопрос был не из сложных, если не воспринимать его в шутку.

— Учебная тревога.

— Да! — Синие глаза радостно блеснули. — Объясните Уайрингу почему.

— При пожаре они разбегались бы во все стороны. Вместо этого они...

— Ждут команды вернуться в школу, да. — Но тут она повернулась к Уайрману, и я увидел другую женщину, испуганную. — Я опять назвала тебя не так?

— Все нормально, мисс Истлейк, — и он поцеловал ее в висок, нежно, отчего понравился мне еще больше.

Она мне улыбнулась. Будто солнце выскользнуло из-за облака.

— Пока человек обращается к другому по фамилии, он знает... — Но она потеряла ход мысли, и улыбка начала таять. — Он знает...

— Пора смотреть Опру, — возвестил Уайрман и взял ее за руку.

Вдвоем они развернули ходунки, и она, тяжело ступая, но на удивление быстро направилась к двери в дальнем конце комнаты. Уайрман шел сзади, не спуская с нее глаз.

В телевизионной комнате главенствовал «самсунг» с большим плоским экраном. В другом конце стояла дорогая аудиосистема. Я не обратил внимания ни на телевизор, ни на звуковую систему. Я смотрел на рисунок в рамке, который висел над полками с компакт-дисками, и на несколько секунд забыл, что нужно дышать.

Рисунок был карандашный, расцвеченный лишь двумя красными линиями, вероятно, выполненными обычной шариковой ручкой, какой учителя правят в тетрадках домашние задания и выставляют отметки. Эти линии прочертили вдоль горизонта, чтобы показать закат. Их вполне хватило. Гениальному лишнего не нужно. Это был мой горизонт, тот самый, что я видел из окна «Розовой малышки». Я знал это точно так же, как знал и другое: Дали слушал, как шуршат перекатываемые водой ракушки, когда превращал чистый лист бумаги в то, что видел глаз и истолковывал мозг. По горизонту плыл корабль, возможно,

танкер. Как знать, может, тот самый, который я нарисовал в мой первый вечер, проведенный в доме 13 по Дьюма-Ки-роуд. Стиль, разумеется, не имел ничего общего с моим, но в выборе объекта на горизонте мы совпали.

Под рисунком Мастер небрежно расписался: Salv Dali.

iv

Мисс Истлейк (Элизабет) выкурила сигарету, пока Опра расспрашивала Кирсти Элли* о животрепещущей проблеме похудания. Уайрман принес сандвичи с яйцом и салатом. Их вкус я нашел божественным. Мой взгляд продолжал возвращаться к взятому в рамку рисунку Дали, и, само собой, каждый раз я повторял про себя: «Привет, Дали». Когда появился доктор Фил** и начал бранить двух толстых женщин из зрительской аудитории, которые, очевидно, добровольно вызвались на эту роль, я сказал Уайрману и Элизабет, что мне пора домой.

Элизабет воспользовалась пультом дистанционного управления, чтобы заглушить доктора Фила, потом протянула мне книгу, на которой лежал пульт. В ее глазах читались смирение и надежда.

— Уайрман говорит, что вы как-нибудь придете и почитаете мне, Эдмунд. Это правда?

Иногда приходится принимать решения мгновенно, и тогда я его принял. Решил не смотреть на Уайрмана, сидевшего слева от Элизабет. Проницательность, которую она продемонстрировала у стола с фарфоровыми статуэтками, уходила, даже я мог это заметить, но я подумал, что осталось ее еще очень и очень много. Взгляд, брошенный на Уайрмана, подсказал бы Элизабет, что для меня ее просьба — новость, и она бы огорчилась. А я не хотел ее огорчать. Отчасти потому, что она мне понравилось, а кроме того, я подозревал, что на ближайшие год-два жизнь за-

* Кирсти Элли (р. 1951) — голливудская кинозвезда. В 2005 году располнела до 200 фунтов, после чего похудела на 75, при этом активно пропагандируя борьбу с ожирением.

** Макгро Филип Калвин (р. 1950) — более известен, как доктор Фил, психолог, телеведущий, часто появляется в программе Опры Уинфри.

готовила ей достаточно огорчений. И скоро она станет забывать не только имена.

— Мы об этом говорили.

— Может, вы прочитаете мне одно стихотворение сегодня. По вашему выбору. Мне так этого недостает. Я могу обойтись без Опры, но жизнь без книг скудна, а без поэзии... — Она засмеялась. В смехе слышалась растерянность, от которой у меня защемило сердце. — Все равно что жизнь без картин, или вы так не думаете? Не думаете?

В комнате вдруг стало очень тихо. Где-то тикали часы, но более я ничего не слышал. Уайрман мог бы что-то сказать, но молчал. Элизабет временно лишила его дара речи, невинный трюк, когда дело касалось этого hijo de madre*.

— По вашему выбору, — повторила Элизабет. — Или, если вы действительно сильно задержались, Эдуард...

— Нет, — ответил я. — Нет, все нормально. Я никуда не тороплюсь.

Книга называлась просто «Хорошие стихи». Составил ее Гаррисон Кайллор, который, если бы баллотировался, возможно, стал бы губернатором в той части Америки, из которой я перебрался во Флориду. Я открыл книгу наобум и попал на стихотворение некоего Фрэнка О'Хары**. Короткое, то есть уже, по моему разумению, хорошее. Я начал читать вслух:

Ты помнишь, какими мы были тогда
Первоклассными?
И сочный день приветствовал нас яблоком,
зажатым в зубах.

Нет смысла переживать, что Время прошло.
Но тогда у нас водились тузы в рукавах,
И мы проходили крутые повороты, смеясь.

---

* маменькиного сыночка (*исп.*).

** О'Хара Фрэнк (1926—1966) — виднейший представитель нью-йоркской поэтической школы, экспериментировал в различных поэтических жанрах. Его стихи — наблюдения за повседневной жизнью людей большого города. Ниже приведено стихотворение «Животные».

Тогда мы могли питаться зеленой травой на лугу,
Не глядя на стрелку спидометра, мимолетом,
несясь в вышине.
А для вечерних коктейлей нам хватало льда и воды...

Вот тут со мной что-то произошло. Голос дрогнул, слова стали расплываться, будто слово «вода», слетевшее с губ, способствовало ее появлению в глазах.

— Извините. — Я вдруг осип. Уайрман озабоченно посмотрел на меня, но Элизабет Истлейк улыбалась мне. Словно очень хорошо меня понимала.

— Все нормально, Эдгар. Поэзия иногда действует на меня точно так же. Истинных чувств стыдиться не нужно. Мужчины не симулируют судорог.

— Не прикидываются страдальцами, — добавил я. Голос мой, похоже, принадлежал кому-то еще.

Она ослепительно улыбнулась.

— Этот человек знает Дикинсон, Уайрман!

— Похоже на то. — Уайрман пристально смотрел на меня.

— Вы закончите, Эдуард?

— Да, мэм.

И я б не хотел стать моложе или быстрее,
Если бы только вы были со мной и сейчас,
О, лучшие дни моей жизни*.

Я закрыл книгу.

— Это все.

Элизабет кивнула.

— А какой был лучшим из ваших дней, Эдгар?

— Может, эти, — ответил я. — Я надеюсь.

Она вновь кивнула.

— Тогда я тоже буду надеяться. Человеку разрешено надеяться. И вот что, Эдгар...

— Да, мэм?

— Я хочу быть для вас Элизабет. Становиться мэм в конце жизни — это не для меня. Мы понимаем друг друга?

* Перевод Ксении Егоровой.

Теперь кивнул я.

— Думаю, понимаем, Элизабет.

Она улыбнулась, и слезы, которые стояли в ее глазах, упали. Потекли по старым и испещренным морщинами щекам, но сами глаза оставались юными. Юными.

V

Десять минут спустя мы с Уайрманом вновь стояли у схода с мостков Palacio. Он оставил хозяйку дома с куском островного лаймового пирога, стаканом чая и пультом дистанционного управления. У меня в пакете лежали два уайрмановских сандвича с салатом и яйцом. Он сказал, что они испортятся, если я не возьму их с собой, и ему не пришлось долго меня уговаривать. В придачу я попросил у него две таблетки аспирина.

— Послушай, ты уж меня извини, — начал Уайрман. — Я собирался предупредить тебя об этом, честное слово.

— Расслабься, Уайрман.

Он кивнул, но по-прежнему не смотрел на меня. Не отрывал глаз от Залива.

— Я только хочу, чтобы ты знал — я ей ничего не обещал. Но она... впадает в детство. Ее предположения, как и у детей, основываются на том, что она хочет, а не на фактах.

— И она хочет, чтобы ей читали.

— Да.

— Поэзия на кассетах и компакт-дисках ее не устраивает?

— Нет. Она говорит, что разница между записанным стихотворением и прочитанным вживую такая же, как между грибами консервированными и свежими. — Он улыбнулся, но по-прежнему не смотрел на меня.

— Почему ты не читаешь ей, Уайрман?

— Потому что больше не могу, — ответил он, не отрывая глаз от воды.

— Больше не... почему?

Он задумался над моим вопросом, покачал головой.

— Не сегодня. Уайрман устал, мучачо, а ночью она проснется. Проснется и начнет спорить, ничего не соображая, в полной

уверенности, что она в Лондоне или в Сен-Тропе. Я вижу признаки того, что так и будет.

— Как-нибудь скажешь мне?

— Да. — Он вдохнул носом. — Если ты можешь рассказать о себе, пожалуй, я могу ответить тем же, хотя меня это не радует. Ты уверен, что доберешься сам?

— Абсолютно, — ответил я, хотя бедро вибрировало от боли, как большой мотор.

— Я бы отвез тебя на гольф-каре, действительно отвез, но когда она в таком состоянии (по терминологии доктора Уайрмана — на пути от здравомыслия к слабоумию)... у нее может возникнуть желание помыть окна, или вытереть пыль с полок, или пойти без ходунков. — Вот тут он содрогнулся. Как бывает, если что-то начинается с преувеличения, а заканчивается чем-то вполне реальным.

— Все пытаются усадить меня в гольф-кар, — вставил я.

— Ты позвонишь жене?

— Не вижу другого выхода.

Он кивнул.

— Хороший мальчик. Можешь рассказать мне об этом, когда я приду, чтобы посмотреть твои картины. Подойдет любое время. Я могу вызвать медсестру, Энн-Мэри Уистлер, если тебя больше устроит утро.

— Хорошо. Благодарю. Спасибо, что выслушал меня, Уайрман.

— Спасибо, что почитал боссу. Buena suerte*, амиго.

Я прошел по берегу ярдов пятьдесят, когда в голове сверкнула новая мысль. Я обернулся, думая, что Уайрман уже ушел, но он стоял на прежнем месте, сунув руки в карманы, и ветер с Залива (все более холодный) причесывал его длинные, тронутые на висках сединой, волосы.

— Уайрман?

— Что?

— Элизабет сама рисовала?

Он долго молчал. Слышался только рокот волн, сегодня более громкий, потому что ветер гнал их на берег.

* Удачи тебе (*исп.*).

— Интересный вопрос, Эдгар, — наконец ответил он. — Если ты спросишь ее, а я настоятельно рекомендую не спрашивать, она ответит «нет». Но я не думаю, что это правда.

— Почему?

— Ты лучше иди, мучачо, — донеслось до меня, — пока твое бедро не потеряло подвижность. — Он попрощался со мной взмахом руки, повернулся и зашагал по мосткам, преследуя свою удлиняющуюся тень, прежде чем я успел сообразить, что он уходит.

Я постоял секунду-другую, потом посмотрел на север, взял на прицел «Розовую громаду» и направился к ней. Путешествие выдалось долгим, прежде чем я добрался до виллы, моя невероятно вытянувшаяся тень затерялась в море униолы, но в конце концов я прибыл в пункт назначения. Волны все набирали силу, и под домом ракушки уже не шептались, а вновь спорили.

Как рисовать картину (IV)

Начните с того, что вы знаете, а потом вновь откройте для себя известное вам. Искусство — магия, спорить тут не о чем, но все искусство, каким бы странным оно ни казалось, берет начало в привычной повседневности. Поэтому не удивляйтесь экзотическим цветам, выросшим на обычной почве. Элизабет это знала. Никто ее не учил — дошла сама.

Чем больше она рисовала, тем больше видела. Чем больше видела, тем больше ей хотелось рисовать. Такой вот получался расклад. И чем больше она видела, тем больше к ней возвращалось слов: сначала четыре или пять сотен, которые она знала к моменту падения из возка, когда ударилась головой, потом к ним прибавлялись все новые и новые.

Отец изумлялся быстро возрастающей сложности ее картин. Сестры — тоже, обе Большие Злюки и близняшки (не Ади; та находилась в Европе, с тремя подругами и двумя доверенными сопровождающими, а Эмери Полсон, молодой человек, за которого она выйдет замуж, еще не появился на ее горизонте). Няня, она же домоправительница, смотрела на нее с благоговейным трепетом, называла «la petite obeah fille» *.

Лечащий врач предупреждал, что излишняя подвижность и волнения девочке противопоказаны, могут вызвать лихорадку, но к январю 1926 года она в курточке и штанишках вовсю носилась по южной части Дьюма-Ки со своим альбомом и рисовала все подряд.

Именно в ту зиму она заметила, что ее рисунки родственникам наскучили: сначала Большим Злюкам, Марии и Ханне, потом Тесси и Ло-Ло, отцу и, наконец, няне Мельде. Понимала она, что даже

* маленькая волшебная девочка (*фр.*).

гениальность приедается, если ее слишком много? Вероятно, на детском интуитивном уровне понимала.

И вот из этого, из скуки родственников, родилась решимость взглянуть на все заново, открыть им глаза на волшебство увиденного ею.

Так начался ее сюрреалистический период; сначала птицы, летящие брюшком кверху, потом животные, идущие по воде, наконец, Улыбающиеся Лошади. Они в какой-то степени вернули интерес к ее картинам. Но именно тогда что-то изменилось. Именно тогда что-то темное проскользнуло в мир, используя маленькую Либбит, как портал.

Она начала рисовать свою куклу, и вот тогда кукла заговорила.

Новин.

К тому времени Адриана вернулась из веселого Парижа, и поначалу Новин говорила пронзительным и счастливым голосом Ади, спрашивая Элизабет, может ли та хинки-динки-парле-ву, или предлагая заткнуть пасть. Случалось, Новин пела, усыпляя девочку, и в этих случаях рисунки с лицом куклы (большим, круглым и коричневым, за исключением красных губ), рассыпались по стеганому покрывалу на кровати Элизабет.

Новин поет: «Брат Жак, брат Жак, ты заснул, брат Жак? Если нет — почему, почему, почему?»

Иногда Новин рассказывала ей истории, намешанные из разных сказок, но удивительные. О Золушке в красных башмачках из страны Оз, о близнецах Боббси, заблудившихся в Волшебном лесу и нашедших домик со стенами из конфет и крышей из леденцов.*

Но потом голос Новин изменился. Перестал быть голосом Ади. Перестал быть голосом знакомых Элизабет людей. И кукла продолжала говорить, даже когда Элизабет предлагала Новин заткнуть пасть. Поначалу этот голос, возможно, ей нравился. Возможно, она воспринимала его, как забаву. Странную, но забаву.

Потом все изменилось, не правда ли? Потому что искусство — это магия, но не вся магия белая.

Даже для маленьких девочек.

---

* Близнецы Боббси — герои серии детских романов, вышедших под псевдонимом Лауры Ли Хоуп. С 1904 по 1979 гг. было опубликовано 72 романа. На русский язык эта серия не переводилась.

Глава 7
ИСКУССТВО РАДИ ИСКУССТВА

1

В баре в гостиной стояла бутылка односолодового виски. Мне хотелось выпить стаканчик, но я устоял. Возникло желание потянуть время, может, съесть на кухне один из сандвичей с яйцом и салатом, подумать, что я скажу жене, но я не стал этого делать. Иногда единственный способ довести что-то до конца — сразу этим заняться. Я взял трубку радиотелефона и прошел во «флоридскую комнату». Там было холодно, несмотря на закрытые сдвижные панели. Я подумал, что холод взбодрит меня, а вид солнца, падающего за горизонт и вычерчивающего желтую полосу на воде, успокоит. Потому что спокойствия мне очень не хватало. Сердце бухало слишком сильно, щеки горели, бедро болело ужасно, и внезапно я осознал, вот уж кошмар, так кошмар, что забыл имя жены. Всякий раз, когда пытался вспомнить, на ум приходило слово peligro — «опасность» на испанском.

И я решил, что до звонка в Миннесоту должен кое-что сделать.

Оставил трубку на диване, прохромал в спальню (теперь на костыле: до отхода ко сну разлучаться с ним не собирался) и взял Ребу. Одного взгляда в ее синие глаза хватило, чтобы вспомнить имя жены, Пэм, и сердцебиение замедлилось. С моей лучшей девочкой, зажатой между боком и культей (ее бескостные розовые ножки болтались из стороны в сторону), я вернулся во «фло-

ридскую комнату» и снова сел. Реба упала мне на колени, и я посадил ее рядом, лицом к уходящему за западный горизонт солнцу.

— Если будешь долго на него смотреть, ты ослепнешь, — предупредил я. — Разумеется, это будет весело. Брюс Спрингстин, тысяча девятьсот семьдесят третий год или около того.

Реба не ответила.

— Мне следовало быть наверху, рисовать все это. — Я обвел рукой Залив. — Заниматься гребаным искусством ради гребаного искусства.

Ответа опять не получил. Широко раскрытые глаза Ребы говорили всем и вся, что жизнь свела ее с самым противным парнишей Америки.

Я поднял трубку. Потряс перед ее лицом.

— Я могу это сделать.

Ответа не последовало, но мне показалось, что я уловил на лице Ребы сомнение. Под нами ракушки продолжали раздуваемый ветром спор: «Ты сделал, я не сделал, нет, ты сделал».

Мне хотелось продолжить дискуссию с моей воздействующей на злость куклой, но вместо этого я набрал телефонный номер дома, который когда-то был моим. Надеялся услышать автоответчик Пэм, но вместо этого в трубке раздался запыхавшийся голос самой дамы.

— Джоани, слава Богу, что ты позвонила. Я опаздываю, и надеялась, что смогу прийти к тебе не в три пятнадцать, как мы договаривались, а...

— Это не Джоани, — перебил ее я. Механически взял Ребу, вернул себе на колени. — Это Эдгар. И ты можешь отменить назначенное на три пятнадцать. Нам есть о чем поговорить, и дело важное.

— Что-нибудь случилось?

— Со мной? Ничего. Я в полном порядке.

— Эдгар, можем мы поговорить позже? Мне нужно к парикмахеру, и я опаздываю. Вернусь к шести.

— Речь пойдет о Томе Райли.

В той части Америки, где находилась Пэм, воцарилась тишина. И затянулась она секунд на десять. За это время желтая полоса на воде чуть потемнела. Элизабет Истлейк знала Эмили

Дикинсон. Я задался вопросом, знала ли она Вачела Линдсея*.

— А что насчет Тома? — наконец спросила Пэм. Осторожно, крайне осторожно. Я не сомневался, что про парикмахера она напрочь забыла.

— У меня есть основания полагать, что он, возможно, замыслил самоубийство. — Плечом я прижал трубку к уху и начал поглаживать волосы Ребы. — Ты об этом что-нибудь знаешь?

— Что я... что я могу... — У нее перехватывало дыхание. Как после удара в солнечное сплетение. — Ради Бога, откуда я могу... — Она потихоньку приходила в себя, решила изобразить негодование. Что ж, в подобной ситуации — не самый плохой вариант. — Ты звонишь мне ни с того ни с сего и думаешь, что я расскажу тебе, что творится в голове у Тома Райли? Я-то полагала, что тебе становится лучше, но, похоже...

— Ты должна что-то знать, потому что трахалась с ним. — Мои пальцы нырнули в искусственные рыжие волосы Ребы и вцепились в них, словно собирались выдрать с корнем. — Или я ошибаюсь?

— Это безумие! — Она чуть ли не кричала. — Тебе нужна помощь, Эдгар! Или позвони доктору Кеймену, или найди кого-нибудь там, у себя. И поскорее!

Злость и сопровождающая ее уверенность в том, что скоро я начну путать слова, не находя нужные, внезапно исчезли. Я отпустил волосы Ребы.

— Успокойся, Пэм. Мы говорим не о тебе. И не обо мне. О Томе. Ты замечала признаки депрессии? Должна была заметить.

Ответа не последовало. Но и трубку она не положила. Я слышал дыхание Пэм.

— Хорошо, — раздался ее голос. — Хорошо. Я знаю, откуда у тебя взялась эта идея. От маленькой мисс Королевы драмы, так? Судя по всему, Илзе рассказала тебе о Максе Стэнтоне, из Палм-Дезерт. Эдгар, ты же *знаешь*, какая она!

Ярость угрожала вернуться. Я протянул руку и схватил Ребу за мягкую середину. «Я могу это сделать, — думал я. — И Илзе

* Линдсей Вачел (1879—1931) — американский поэт. Многие его произведения посвящены Среднему Западу.

тут тоже ни при чем. А Пэм? Она всего лишь испугана, потому что все это обрушилось на нее как гром с ясного неба. Она испуганная и злая, но я могу это сделать. Я должен это сделать».

И не важно, что на протяжении нескольких мгновений я хотел ее убить. Более того, если бы она оказалась во «флоридской комнате» рядом со мной, попытался бы.

— Илзе мне ничего не говорила.

— Довольно этой дурости, я кладу трубку...

— Я не знаю только одного: кто из них уговорил тебя сделать татуировку на груди. Маленькую розу.

Она вскрикнула. Только раз, тихонько, но этого хватило. Последовала пауза. Тишина пульсировала, как черная дыра. Потом Пэм прорвало:

— Эта сука! Она увидела и рассказала тебе! Только так ты мог узнать! Это ничего не значит! Ничего не *доказывает!*

— Мы не в суде, — напомнил я.

Она не ответила, но я слышал ее тяжелое дыхание.

— У Илзе *возникли* подозрения насчет этого Макса, но насчет Тома она не имеет ни малейшего понятия. Если ты скажешь ей, у нее разобьется сердце. — Я выдержал паузу. — И это разобьет мое.

Пэм плакала.

— На хер твое сердце! И тебя тоже! Знаешь, я бы хотела, чтобы ты умер. Лживый, сующий нос в чужие дела мерзавец. Я бы хотела, чтобы ты умер.

Я такого по отношению к ней не испытывал. Слава Богу.

Полоса на воде все темнела, напоминая теперь надраенную медь. И цвет продолжал меняться, переходя в оранжевый.

— Что ты знаешь о душевном состоянии Тома?

— Ничего. Если хочешь знать, никакого романа у нас нет. А если и был, то продолжался три недели. Все кончено. Я ему ясно дала это понять, когда вернулась из Палм-Дезерт. Причин тому много, а основная состояла в том, что он очень уж... — Пэм резко оборвала фразу. — Илзе разболтала тебе. Мелинда не сказала бы, даже если б знала. — В голосе зазвучала нелепая злоба. — Ей известно, через что мне пришлось с тобой пройти.

Что удивительно, тема эта меня совершенно не интересовала. В отличие от другой.

— Он очень уж — что?

— Кто очень уж что? Господи, как я это ненавижу! Твой допрос!

Как будто мне нравилось ее допрашивать.

— Том. Ты сказала, основная причина в том, что он очень уж...

— Очень уж неуравновешенный. Настроение у него постоянно менялось. Сегодня веселый, завтра в зеленой тоске. Послезавтра — и такой, и такой, особенно если он не...

Пэм резко замолчала.

— Если он не принимал таблетки, — закончил я за нее.

— Да, да, но я не его психиатр.

Я слышал стальные нотки даже не раздражения, а нетерпимости. Боже! Женщина, которая так долго была моей женой, могла проявить твердость, когда ситуация того требовала, но я подумал, что такая вот нетерпимость — что-то новое, результат моего несчастного случая. Я подумал, что это хромота Пэм.

— Этого психиатрического дерьма я и с тобой наелась до отвала, Эдгар. И теперь я хочу встретить мужчину, настроение которого не зависит от проглоченных им таблеток. Больше говорить не могу, задай свои вопросы позже, сейчас ты очень уж меня расстроил.

Она всхлипнула мне в ухо, и я начал ждать последующего вскрика. Дождался. Плакала она, как и всегда. Не все в нас меняется.

— Пошел ты на хер, Эдгар. Испортил хороший день.

— Мне без разницы, с кем ты спишь. Мы разведены, — напомнил я. — Я хочу только одного — спасти жизнь Тому Райли.

На этот раз она закричала так громко, что мне пришлось отдернуть трубку от уха.

— Я не несу ОТВЕТСТВЕННОСТЬ за его жизнь! МЫ РАЗБЕЖАЛИСЬ! Или ты это упустил? — Потом чуть тише (но ненамного): — Его даже нет в Сент-Поле. Он в круизе с матерью и братцем-геем.

Внезапно я понял, или подумал, что понимаю. Словно взлетел над ситуацией, провел аэросъемку. Главным образом потому, что сам собирался покончить с собой, но при условии, что все будет выглядеть как несчастный случай. И заботила меня не

выплата по страховке. Не хотелось подставлять под удар дочерей. Самоубийство отца — слишком уж большое пятно...

Но ведь я получил ответ, так?

— Скажи ему, что ты знаешь. Когда он вернется, скажи ему, что ты знаешь о его намерении покончить с собой.

— А с чего он мне поверит?

— Потому что он собирается. Потому что ты его знаешь. Потому что он психически болен и, вероятно, думает, что ходит по миру с плакатом **«СОБИРАЮСЬ ПОКОНЧИТЬ С СОБОЙ»**. Скажи ему, ты знаешь, что он не принимает антидепрессанты. Ты это знаешь, так? Точно знаешь.

— Да. Но раньше мои уговоры принимать таблетки не помогали.

— Ты предупреждала его, что расскажешь, если он не начнет принимать лекарства? Расскажешь всем?

— Нет, и я не собираюсь этого делать и сейчас! — В ее голосе зазвучал ужас. — Ты думаешь, я хочу, чтобы весь Сент-Пол знал, что я спала с Томом Райли? Что у меня с ним был роман?

— А если весь Сент-Пол узнает, что тебе небезразлична судьба Тома? Так ли уж это будет ужасно?

Она молчала.

— Я хочу лишь одного. Чтобы ты встретилась с ним, когда он вернется...

— Ты хочешь! Точно! Вся твоя жизнь — череда того, что ты хочешь! И вот что я тебе скажу, Эдди. Если для тебя это так важно, ты с ним и встречайся! — В ее голосе снова появилась стальная нетерпимость, но на этот раз за ней слышался страх.

— Если отношения порвала ты, тогда ты по-прежнему можешь на него повлиять. И твоего влияния хватит, чтобы спасти ему жизнь. Я знаю, это нелегко, но ты уже влипла в эту историю.

— Как бы не так! Между нами все кончено.

— Если он наложит на себя руки, я сомневаюсь, что всю оставшуюся жизнь ты будешь мучиться угрызениями совести... но, думаю, один тяжелый год тебе гарантирован. Может, и два.

— Нет. Я буду спать, как младенец.

— Извини, Панда, я тебе не верю.

Этим ласковым именем я не называл ее много лет, и не знаю, откуда оно выплыло, но Пэм сломалась. Расплакалась. На этот раз без злости.

— Ну почему ты такой мерзавец? Почему не отстанешь от меня?

И мне хотелось именно этого. А еще принять пару болеутоляющих таблеток. И, возможно, распластаться на кровати, и поплакать самому, хотя в последнем уверенности не было.

— Скажи ему, что ты знаешь. Скажи ему, что он должен пойти к психиатру и вновь начать принимать антидепрессанты. И что самое важное, скажи ему, если он покончит с собой, ты расскажешь всем, начиная с его матери и брата. И как бы он ни старался, все узнают, что его смерть — самоубийство.

— Я не могу этого сделать! Не могу! — В ее голосе звучала беспомощность.

Я подумал и решил, что целиком и полностью вручил жизнь Тома Райли в ее руки. Просто передал по телефонному проводу. Такое перекладывание ответственности совершенно не вязалось с прежним Эдгаром Фримантлом, но, разумеется, тот Эдгар Фримантл и подумать не мог, что будет рисовать закаты. Или играть с куклами.

— Тебе решать, Панда. Все может пойти прахом, если он больше не любит тебя, но...

— Он-то любит. — Беспомощности в ее голосе еще прибавилось.

— Тогда скажи Тому, что он должен снова начать жить, нравится ему это или нет.

— Старина Эдгар, по-прежнему решающий вопросы. — В голосе Пэм слышалась усталость. — Даже из своего островного королевства. Старина Эдгар. Эдгар-Монстр.

— Мне больно это слышать.

— Вот и славно. — И она положила трубку.

Я еще посидел на диване. Закат становился ярче, а воздух во «флоридской комнате» — холоднее. Те, кто думает, что во Флориде нет зимы, сильно ошибаются. В 1977 году в Сарасоте выпал снег, и его покров толщиной достигал дюйма. Я полагаю, холодно бывает везде. Готов спорить, снег выпадает даже в аду, хотя и сомневаюсь, что он долго там лежит.

11

Уайрман позвонил сразу после полудня и спросил, остается ли в силе приглашение на просмотр моих картин. Под ложечкой, конечно, сосало, я помнил его обещание (или угрозу) высказаться честно и откровенно, но я сказал ему приходить.

Я выставил, как мне казалось, шестнадцать лучших... хотя в ясном, холодном свете того январского дня выглядели они все довольно дерьмово. Рисунок Карсона Джонса по-прежнему лежал на полке стенного шкафа в моей спальне. Я его достал, прикрепил к куску оргалита и поставил в конец ряда. Карандашные цвета выглядели неряшливо и неказисто в сравнении с красками, и, разумеется, рисунок был меньше остальных, но я все равно думал, что в нем что-то есть.

Мелькнула мысль добавить рисунок человека в красном, но делать этого я не стал. Не знаю почему. Может, потому, что от него у меня самого по коже бежали мурашки. Зато я выставил «Здрасьте» — карандашный рисунок танкера.

Уайрман прибыл в ярко-синем гольф-каре, разрисованном желтым в модном стиле «пинстрайпинг»*. Звонить ему не пришлось. Я встретил его у двери.

— Очень уж ты зажатый, мучачо. — Уайрман улыбнулся. — Расслабься. Я не доктор, и тут не врачебный кабинет.

— Ничего не могу с собой поделать. Если бы шла приемка нового дома, и ты был строительным инспектором, я бы, возможно, и расслабился, а так...

— Но ты говоришь о прошлой жизни, — указал Уайрман. — А это — твоя новая, в которой ты еще не сносил ни одной пары туфель.

— Я говорю о значимости события.

— Ты чертовски прав. Если уж разговор зашел о твоем прошлом, ты позвонил жене насчет того дела, которое мы обсуждали?

— Да. Хочешь получить подробный отчет?

— Нет. Хочу только знать, остался ли ты доволен разговором?

---

* Пинстрайпинг — рисование длинных прямых и всевозможно закрученных линий, увязанных в единый узор.

— После того как я пришел в себя в больнице, ни один разговор с Пэм удовольствия мне не доставил. Но я практически уверен, что она поговорит с Томом.

— Тогда считаем вопрос закрытым, свин. «Бейб», тысяча девятьсот девяносто пятый год. — Он уже переступил порог и с интересом оглядывался. — Мне нравится, как ты тут все устроил.

Я расхохотался. На самом деле я даже не убрал с телевизора табличку с требованием не курить.

— Джек по моей просьбе поставил наверху «беговую дорожку», и это единственная новая вещь, не считая мольберта. Как я понимаю, ты бывал здесь раньше?

Он загадочно улыбнулся.

— Мы все бывали здесь раньше, амиго... и это покруче профессионального футбола. Питер Страуб, год тысяча девятьсот восемьдесят пятый.

— Я тебя не понимаю.

— Я работаю у мисс Истлейк уже шестнадцать месяцев. Мы все время живем здесь, если не считать короткой и доставившей массу неудобств поездки в Сент-Пит, когда Флорида-Кис эвакуировали при подходе урагана «Фрэнк». В любом случае последние люди, которые арендовали «Салмон-Пойнт»... извини меня, «Розовую громаду», прожили две недели из восьми, на которые сняли дом, и отбыли. То ли дом им не понравился, то ли они не понравились дому. Уайрман вскинул руки над головой, словно призрак, и устрашающе запрыгал по светло-синему ковру гостиной. Эффект подпортила его рубашка с рисунком из тропических птиц и цветов. — После этого, что бы ни бродило по «Розовой громаде»... бродило в одиночестве!

— Ширли Джексон*, — вставил я. — Год уж не знаю какой.

— Точно. В любом случае ты понимаешь, что доказывал или пытался доказать Уайрман. «Розовая громада» ТОГДА! — Он описал руками широкие круги, как бы захватывая всю виллу. — Обставлена в популярном флоридском стиле, известном

* Джексон Ширли (1916—1965) — американская писательница, работала в жанрах фантастики, готической прозы и психологического саспенса. Уайрман практически цитирует фразу из «Призрака Хилл-Хауза» (1959): «Что бы ни бродило там, бродило в одиночестве».

как Первоклассный дом-в-аренду двадцать первого века! «Розовая громада» ТЕПЕРЬ обставлена как Первоклассный дом-в-аренду двадцать первого века плюс тренажер «беговая дорожка» корпорации «Сайбекс» наверху и... — Он сощурился. — На диване во «флоридской комнате» сидит кукла а-ля Люсиль Болл?

— Это Реба, воздействующая на злость кукла. Ее мне дал мой друг-психолог, Крамер. — Что-то тут было не так. Начала безумно зудеть правая рука. В десятитысячный раз я попытался ее почесать, но ткнулся пальцами левой во все еще заживающие ребра. — Подожди... — Я посмотрел на Ребу, которая смотрела на Залив. «Я могу это сделать, — подумал я. — Это похоже на место, куда ты кладешь деньги, если хочешь спрятать их от государства».

Уайрман терпеливо ждал.

Рука чесалась. Та, которую отрезали. Та, которая иногда хотела рисовать. Я подумал, что хочу нарисовать Уайрмана. Уайрмана и вазу с фруктами. Уайрмана и пистолет.

«Хватит думать не пойми о чем», — подумал я.

«Я могу это сделать», — подумал я.

«Ты прячешь деньги от государства в офшорных банках, — подумал я. — Нассау. Багамские острова. Большой Кайман. И, бинго, вот оно».

— Кеймен, — поправился я. — Его фамилия — Кеймен. Кеймен дал мне Ребу. Ксандер Кеймен.

— Что ж, раз с этим мы разобрались, давай взглянем на произведения искусства, — предложил Уайрман.

— Если их можно так назвать. — И я повел его к лестнице, хромая и опираясь на костыль. Уже начал подниматься, когда остановился как вкопанный. — Уайрман, — обратился я к нему, не оглядываясь, — как ты узнал, что «беговая дорожка» произведена «Сайбекс»?

Ответ услышал после короткой паузы:

— Это единственный бренд, который я знаю. Будешь подниматься сам или тебе нужно дать пинка?

«Звучит неплохо, но насквозь фальшиво, — подумал я, вновь двинувшись вверх по лестнице. — Думаю, ты лжешь, и знаешь что? Я думаю, ты знаешь, что я знаю».

iii

Свои работы я расставил вдоль северной стены «Розовой малышки», так что послеполуденное солнце в достаточной мере освещало картины. Глядя на них из-за спины Уайрмана, который медленно шел вдоль ряда, иногда останавливался, а то и возвращался назад, чтобы взглянуть на пару полотен второй раз, я думал, что света они получают даже больше, чем того заслуживают. Илзе и Джек хвалили их, но одна приходилась мне дочерью, а второй — наемным работником.

Добравшись до карандашного рисунка танкера в конце ряда, Уайрман присел на корточки и смотрел на рисунок секунд тридцать. Руки лежали на бедрах, кисти свисали между ног.

— Что... — начал я.

— Ш-ш-ш, — оборвал меня он, и мне пришлось выдержать еще тридцать секунд молчания.

Наконец он встал. Колени хрустнули. Когда повернулся ко мне, его глаза показались мне очень большими, а левый — воспаленным. Вода (не слеза) бежала из внутреннего уголка. Он вытащил носовой платок из заднего кармана джинсов и вытер ее автоматическим движением человека, который проделывает то же самое по десять раз на дню, а то и чаще.

— Святой Боже. — Он отошел к окну, на ходу засовывая платок в карман.

— Святой Боже — что? — спросил я. — Что, Святой Боже?

Он смотрел на Залив.

— Ты не знаешь, как они хороши, да? Я хочу сказать, ты действительно не знаешь.

— Они хороши? — Никогда я не чувствовал такой неуверенности в себе. — Ты серьезно?

— Ты расставил их в хронологическом порядке? — спросил он, по-прежнему глядя на Залив. Веселый, сыплющий шутками и остротами Уайрман «вышел погулять». У меня возникло ощущение, что я слушал Уайрмана, который имел дело с присяжными... при условии, что он был адвокатом по уголовным делам. — В хронологическом, так? За исключением двух последних. Эти определенно нарисованы намного раньше.

Я рисовал всего пару месяцев и не понимал, можно ли какие-то мои творения определить как «нарисованные намного раньше», но, пробежавшись взглядом по картинам, увидел, что он прав. Я не собирался расставлять их в хронологическом порядке, во всяком случае, сознательно, но именно так и расставил.

— Да, — кивнул я. — От первой до последней.

Уайрман указал на четыре картины, замыкающие ряд, я называл их «закатные композиции». В одной я поставил на горизонт раковину наутилуса, во второй — компакт-диск со словом «Memorex», напечатанным поперек (и с солнцем, светящимся красным сквозь отверстие), в третьей — дохлую чайку, которую нашел на берегу, только я увеличил ее до размеров птеродактиля. На последней был ковер из ракушек под «Розовой громадой», заснятый цифровой камерой. К ракушкам я по какой-то причине счел необходимым добавить розы. Вокруг виллы они не росли, но я получил множество фотографий от моего нового друга Гугла.

— Вот эти последние картины. Их кто-нибудь видел? — спросил Уайрман. — Твоя дочь?

— Нет. Эти четыре я нарисовал после ее отъезда.

— Парнишка, который у тебя работает?

— Нет.

— И, разумеется, ты не показывал дочери сделанный тобой рисунок ее бойфр...

— Господи, нет! Ты шутишь?

— Да, конечно же, не показывал. В нем есть особая сила, при всей очевидной торопливости. Что же касается этих картин... — Уайрман рассмеялся.

Внезапно я понял, что он очень взволнован, и вот тут заволновался сам. Но сохраняя осторожность. «Помни, что он — юрист, — сказал я себе. — Он — не искусствовед».

Наконец-то он отошел от окна. Встал передо мной. Уставился в глаза.

— Послушай. За последний год тебе крепко досталось от этого мира, и я знаю, как серьезно страдает при этом самоуважение. Но только не говори мне, что ты даже не *чувствуешь*, сколь хороши эти картины.

Я вспомнил, как мы двое приходили в себя после дикого приступа смеха, когда солнце светило сквозь порванный зонт, и полоски света бегали по столу. Уайрман тогда сказал: «Я знаю, через что тебе пришлось пройти». На что я ответил: «Я в этом сильно сомневаюсь». А вот теперь не сомневался. Он знал. За воспоминанием прошедшего дня пришло желание (выразившееся в зуде) запечатлеть Уайрмана на бумаге. В некой комбинации портрета и натюрморта: «Юрист с фруктами и пистолетом».

Он похлопал меня по щеке рукой с тупыми, короткими пальцами.

— Земля вызывает Эдгара. Эдгар, выходите на связь.

— Вас понял, Хьюстон, — услышал я свой голос. — Эдгар на связи.

— Так что скажешь, мучачо? Я прав или неправ? Чувствовал ты или нет, что они хороши, когда писал их?

— Да, — кивнул я. — Чувствовал, что мне все по плечу.

Он кивнул.

— Это простая истина искусства: художник всегда чувствует, если получается что-то хорошее. И зритель тоже, понимающий, заинтересованный зритель, который действительно смотрит...

— Это ты про себя, — кивнул я. — Ты смотрел долго.

Он не улыбнулся.

— Когда картина хороша, и зритель смотрит на нее со всей душой, происходит эмоциональный выброс. Во мне он произошел, Эдгар.

— Хорошо.

— Будь уверен. И когда этот парень из галереи «Скотто» увидит эти картины, думаю, он почувствует то же самое. Более того, я готов поспорить, что почувствует.

— В действительности они ничего особенного собой не представляют. Если на то пошло, перепевы Дали.

Он обнял меня за плечи и повел к лестнице.

— Я не собираюсь проводить какие-то параллели. И мы не будем обсуждать тот факт, что ты, вероятно, нарисовал бойфренда дочери благодаря необъяснимой телепатии отсутствующей конечности. Я бы очень хотел посмотреть на рисунок с теннисными мячами, но чего нет, того нет.

— Может, оно и к лучшему.

— Но ты должен быть очень осторожен, Эдгар. Дьюма-Ки — необычное место... для определенных людей. Этот остров усиливает способности определенных людей. Таких, как ты.

— И ты? — спросил я. Сразу он не ответил, поэтому я указал на его лицо. — У тебя опять слезится глаз.

Уайрман достал платок, вытер уголок глаза.

— Хочешь рассказать, что случилось с тобой? Почему ты не можешь читать? Почему картины привели тебя в столь сильное замешательство?

— Нет, — ответил он. — Не сейчас. И если ты хочешь нарисовать меня, пожалуйста. Вольному воля.

— Сколь глубоко ты можешь проникать в мой мозг, Уайрман?

— Не так, чтобы очень. Ты все понял правильно, мучачо.

— Ты смог бы читать мои мысли вне Дьюма-Ки? Скажем, если бы мы сидели в кофейне в Тампе?

— Что-то уловил бы. — Он улыбнулся. — Особенно проведя здесь больше года, купаясь... ты знаешь, в лучах.

— Ты поедешь со мной? В галерею «Скотто»?

— Амиго, я не пропустил бы этой поездки, даже если бы мне предложили годовой урожай китайского чая.

iv

В тот вечер с Залива дул сильный ветер, и два часа дождь лил как из ведра. Сверкали молнии, волны бились о сваи под домом. «Розовая громада» стонала, но держалась крепко. Я открыл для себя любопытную подробность: когда Залив начинал буйствовать и гнать волны на берег, ракушки замолкали. Вода поднимала их так высоко, что им было не до разговоров.

В зал на втором этаже я вошел в самый разгар феерии грохота и вспышек (чувствуя себя доктором Франкенштейном, оживляющим монстра в башне замка) и нарисовал Уайрмана, обычным черным карандашом. Лишь в самом конце воспользовался красным и оранжевым, для фруктов в вазе. На заднем фоне добавил дверной проем и стоящую в нем, наблюдающую за происходящим Ребу. Наверное, Кеймен сказал бы, что Реба —

мой представитель в мире этой картины. Может, si, может, нет. И последнее, что я сделал — засинил ее глупые глаза. На том и закончил. Родился еще один шедевр Фримантла.

Какое-то время я не вставал со стула, глядя на портрет-натюрморт, тогда как раскаты грома, удаляясь, затихали и над Заливом сверкали уже редкие молнии. Уайрман сидел за столом. Сидел, в этом я не сомневался, в самом конце своей прошлой жизни. На столе стояла ваза с фруктами и лежал пистолет, который он держал у себя то ли для стрельбы в тире (тогда на глаза он не жаловался), то ли для самозащиты, то ли для того и для другого. Я нарисовал пистолет, потом заретушировал его, и он стал более зловещим, словно раздулся. В доме, кроме Уайрмана, никого не было. Где-то тикали часы. Где-то гудел холодильник. Воздух загустел от аромата цветов. Этот запах вызывал отвращение. Звуки бесили. Тиканье гремело в ушах, словно рота солдат печатала шаг на плацу. Безжалостно гудел холодильник, замораживая воду в том мире, где более не было ни жены, ни детей. Я знал, что вскоре мужчина за столом закроет глаза, протянет руку и возьмет из вазы фрукт. Если апельсин — пойдет спать. Если яблоко — приложит пистолет к правому виску, нажмет на спусковой крючок и проветрит мозги.

Рука легла на яблоко.

V

Наутро Джек приехал во взятом напрокат мини-вэне и привез мягкую материю, чтобы завернуть мои холсты и не повредить их при транспортировке. Я сказал ему, что познакомился с мужчиной из большого дома на берегу, и он собирается поехать с нами.

— Нет проблем, — весело ответил Джек, поднимаясь по лестнице наверх и таща за собой тележку. — Места всем... Ух ты! — Он остановился на верхней ступеньке.

— Что такое?

— Это новые? Наверняка.

— Да. — Наннуцци из «Скотто» попросил показать ему не больше десяти картин, вот я и отобрал восемь, в том числе и те четыре, которые восхитили Уайрмана. — И что ты думаешь?

— Мужик, они потрясающие!

У меня не было оснований сомневаться в его искренности. Никогда раньше он не называл меня «мужик». Я поднялся еще на пару ступенек и ткнул наконечником костыля в его обтянутый джинсами зад.

— Подвинься.

Он отступил в сторону, потянув за собой тележку, и я смог пройти в «Розовую малышку». Джек все смотрел на картины.

— Джек, этот парень в «Скотто» действительно специалист? Ты уверен?

— Мама говорит, что да, и мне этого достаточно. — Из чего следовало: раз достаточно ему, хватит и мне. Я полагал, что это справедливо. — Она ничего не сказала мне о двух других владельцах галереи — думаю, их еще двое, — но она говорит, что мистер Наннуцци знает свое дело.

Джек позвонил в галерею, чтобы оказать мне услугу. Меня это тронуло.

— А если ему не понравятся эти картины, — закончил Джек, — тогда он — дятел.

— Ты так думаешь?

Он кивнул.

Снизу донесся голос Уайрмана.

— Тут-тук! Я готов отправиться на экскурсию. Планы не изменились? У кого бейдж с моей фамилией? Брать с собой ленч?

VI

Я представлял себе лысого худого профессионала со сверкающими карими глазами (эдакую итальянскую версию актера Бена Кингсли), но Дарио Наннуцци оказался вежливым толстячком сорока с небольшим лет, без малейшего намека на лысину. Я, правда, сосредоточил все внимание на его глазах. Они ничего не упускали. И я заметил, как однажды они раскрылись шире (чуть-чуть, но точно раскрылись), когда Уайрман развернул последнюю написанную мной картину «Розы, растущие из ракушек». Картины расставили вдоль дальней стены галереи, в

которой на тот момент экспонировались фотографии Стефани Шачат и картины маслом Уильяма Берры. Я подумал, что такого уровня мастерства мне не достичь и за сто лет.

Хотя не следовало забывать про раскрывшиеся чуть шире глаза мистера Наннуцци.

Он прошелся вдоль выставленных в ряд картин, от первой до последней. Потом прошелся вновь. Я понятия не имел, хорошо это или плохо. К своему стыду, признаюсь, что до этого дня никогда не бывал в художественной галерее. Повернулся к Уайрману, чтобы спросить, что он думает по этому поводу, но Уайрман отошел в сторону, о чем-то тихонько разговаривал с Джеком, и оба наблюдали за Наннуцци, разглядывающим мои картины.

Как я понял, разглядывал не только он. Конец января — горячая пора для художественных салонов западного побережья Флориды, и в достаточно просторной галерее «Скотто» околачивалось с дюжину зевак (Наннуцци позже найдет им куда более достойное определение — «потенциальные постоянные покупатели»). Они разглядывали георгины Шачат, великолепные, но знакомые всем туристам европейские виды Уильяма Берры и несколько причудливых радостно-взволнованных скульптур, которые я упустил из виду, разворачивая собственные творения. Их автором был Давид Герштейн.

Поначалу я подумал, что именно скульптуры (джазовые музыканты, веселящиеся пловцы, сценки городской жизни) привлекают внимание заглянувших в галерею людей. Действительно, некоторые смотрели на них, но большинство не удостоило и взглядом. Потому что все разглядывали мои картины.

Мужчина, как говорят флоридцы, с мичиганским загаром (под этим подразумевается или молочно-белая кожа, или обожжено-красная, как у вареного рака), похлопал меня по плечу свободной рукой. Пальцы второй руки переплелись с пальцами жены.

— Вы знаете, кто их нарисовал? — спросил он.

— Я, — сорвалось с моих губ, и я почувствовал, что краснею. Будто признался в том, что последнюю неделю или даже чуть дольше скачивал фотографии Линдсей Лохан*.

---

* Лохан Линдсей (р. 1986) — киноактриса, не стесняющая позировать как в нижнем белье, так и без оного.

— Здорово у вас получается, — тепло похвалила меня женщина. — Вы собираетесь выставляться?

Теперь они все смотрели на меня. Как могут смотреть на только что доставленную рыбу фугу, чтобы понять, подойдет ли она для sushi du jour*.

— Не знаю, собираюсь ли я проставляться. Выставляться. — Я почувствовал, что прилившей к лицу крови прибавилось. Крови стыда, что было плохо. Злой крови — еще хуже. Если бы злость выплеснулась, то злился бы я на себя, но другие люди этого знать не могли.

Я открыл рот, чтобы разразиться тирадой, закрыл. «Говорить нужно медленно», — подумал я, сожалея, что со мной нет Ребы. Эти люди восприняли бы художника с куклой как норму. В конце концов, они пережили все выходки Энди Уорхола.

«Говорить нужно медленно. Я могу это сделать».

— Я хочу сказать, что пишу картины недавно, поэтому не знаю, в чем состоит процедура.

«Прекрати обманывать себя, Эдгар. Ты знаешь, что их интересует. Не картины, а пустой рукав. Ты для них — Однорукий художник. Так чего бы тебе не прекратить треп и не послать их куда подальше?»

Нелепое умозаключение, само собой, но...

Но теперь уже все посетители галереи стояли вокруг. Те, кто ранее разглядывал цветы мисс Шачат, подтянулись из чистого любопытства. Мне такое было знакомо. Я на доброй сотне стройплощадок видел, как люди собираются, чтобы подглядывать в дырки в дощатых заботах.

— Я скажу вам, в чем состоит процедура, — заговорил другой мужчина с мичиганским загаром. С большим животом, синими прожилками на носу, выдающими пристрастие к джину, и в яркой рубашке чуть ли не до колен. Белые туфли цветом не отличались от идеально причесанных седых волос. — Она простая. Включает в себя два этапа. Этап первый — вы говорите мне, сколько хотите получить вот за эту картину. — Он указал на «Закат с чайкой». — Этап второй — я выписываю чек.

Маленькая толпа рассмеялась. Дарио Наннуцци — нет. Он подозвал меня.

---

* суши дня (*фр.*).

— Извините, — сказал я седовласому.

— Ставка только что возросла, — заметил кто-то, обращаясь к нему же, и снова все засмеялись. Седовласый тоже, но так-то невесело.

Мне казалось, что все это происходит во сне.

Наннуцци улыбнулся мне, потом повернулся к посетителям, которые все еще смотрели на мои картины.

— Дамы и господа. Мистер Фримантл приехал сюда не для того, чтобы что-нибудь продать. Он хочет услышать мнение специалиста о своем творчестве. Пожалуйста, уважайте конфиденциальность наших отношений и позвольте мне выполнить мои профессиональные обязанности. — «И что бы это значило?» — ошеломленно подумал я. — Позвольте предложить вам продолжить осмотр выставленных работ, а мы ненадолго вас покинем. Мисс Окойн, мистер Брукс и мистер Кастельяно с радостью ответят на все ваши вопросы.

— Мое мнение — ты должен заключить договор с этим человеком, — сказала строгого вида женщина с седеющими волосами, забранными в пучок на затылке, и остатками былой красоты на лице. Ее слова вызвали аплодисменты. Ощущение, что все это — сон, усилилось.

Утонченный, прямо-таки прозрачный молодой человек выплыл из двери, ведущей в служебные помещения. Вероятно, его вызвал Наннуцци, но будь я проклят, если знал как. Они коротко переговорили, и молодой человек достал из кармана рулон наклеек. Каждая — овальная, с тремя вытесненными серебром буквами «НДП» — не для продажи. Наннуцци оторвал одну наклейку, нагнулся над первой картиной, потом замялся и с упреком посмотрел на меня.

— Вы их не законсервировали.

— Э... пожалуй, что нет. — Я вновь покраснел. — Я не... не знаю, как это делается.

— Дарио, ты имеешь дело с настоящим американским примитивистом, — вновь подала голос строгого вида женщина. — Если он рисует дольше трех лет, я угощу тебя обедом в «Зории» и выставлю бутылку вина. — Она повернула увядшее, но все еще красивое лицо ко мне.

— Когда тебе будет, о чем писать, Мэри, если будет, я сам тебе позвоню, — пообещал Наннуцци.

— Это в твоих интересах, — кивнула она. — И я даже не спрашиваю, как его зовут... видишь, какая я хорошая девочка? — Она помахала мне рукой и проскользнула сквозь небольшую толпу, направившись к выходу.

— А чего тут спрашивать, — пробурчал Джек и, разумеется, был прав. Я расписался в нижнем левом углу каждой из картин, четко и аккуратно, как подписывал накладные, бланки заказов и контракты в другой жизни: *Эдгар Фримантл*.

vii

Наннуцци принялся приклеивать наклейки в правом верхнем углу картин, том самом месте, где обычно маркируют папки с документами. Потом повел меня и Уайрмана в свой кабинет. Он пригласил и Джека, но тот предпочел остаться при картинах.

В кабинете Наннуцци предложил нам кофе, от которого мы отказались, и воду, на которую мы согласились. С первым глотком я отправил в желудок и пару таблеток тайленола.

— Кто эта женщина? — спросил Уайрман.

— Мэри Айр. Заметная фигура на художественной сцене Солнечного берега. Издает независимую и агрессивную артгазету, которая называется «Бульвар». Обычно она выходит раз в месяц, а во время туристического сезона — раз в две недели. Живет в Тампе... в гробу, как утверждают злые языки. Ее страсть — новые местные художники.

— Она показалась мне очень наблюдательной, — вставил Уайрман.

— Мэри — молодец. Она помогла очень многим художникам, и, похоже, была здесь всегда. Отсюда и ее значимость для города, в котором мы живем за счет по большей части приезжих.

— Понятно, — кивнул Уайрман. Я порадовался, что хоть один из нас что-то понимает. — Она — пропагандист.

— И даже больше, — указал Наннуцци. — Она — эксперт. И мы стараемся во всем ее ублажать. Если, конечно, можем.

Уайрман кивнул.

— На западном берегу Флориды художественные галереи пользуются популярностью. Мэри Айр это понимает и содействует их процветанию. И если какая-нибудь удачливая галерея откроет для себя, что они могут продавать портреты Элвиса, выполненные макаронами на бархате, за десять тысяч долларов каждый, Мэри...

— Она вышвырнет их в воду, — прервал его Наннуцци. — В отличие от того, что говорят снобы от искусства (их обычно можно узнать по черной одежде и крошечным мобильникам), мы не продажны.

— Облегчили душу? — спросил Уайрман без тени улыбки.

— Почти. Я лишь хочу сказать, что Мэри понимает нашу ситуацию. Мы продаем хороший товар, а большинство из нас — иногда просто отличный. Мы делаем все, что в наших силах, чтобы находить и продвигать новых художников, но некоторые наши покупатели слишком богаты, себе во вред. Я говорю о таких, как мистер Костенца, который вечно размахивает чековой книжкой, и дамах, которые приходят сюда с собачками, выкрашенными под цвет их последнего пальто, — и зубы Наннуцци обнажились в улыбке, которую (на это я мог поспорить) видели его считанные богатые клиенты.

Я слушал как зачарованный. Это был другой мир.

— Мэри рецензирует каждую выставку, на которую ей удается попасть. А попадает она на большинство, и, поверьте мне, хвалебные у нее не все рецензии.

— Но большая часть? — спросил Уайрман.

— Конечно, потому что большинство выставок высокого уровня. Она скажет вам, что лишь малая доля того, что она видит — великое, потому что для регионов, где бывает много туристов, такое не характерно, но хорошего здесь хватает. Картины, которые человек может повесить дома, указать на них со словами: «Я это купил», — и потом не испытывать ни тени смущения.

Я подумал, что Наннуцци только что дал идеальное определение посредственности (видел, как этот принцип ложится в основу сотен архитектурных проектов), но вновь промолчал.

— Мэри разделяет наш интерес к новым художникам. Возможно, и вам пойдет на пользу, мистер Фримантл, если вы посидите, поговорите с ней, до того, как выставите свои работы на продажу.

— Ты бы хотел, чтобы тебе организовали такую выставку-продажу в «Скотто»? — спросил меня Уайрман.

Губы у меня пересохли. Я попытался смочить их языком, но пересох и язык. Поэтому я глотнул воды, а уж потом ответил:

— Не ставишь ли ты бумагу впереди площади? — Я замолчал. Дал себе время. Еще глотнул воды. — Извините. Телегу впереди лошади. Я же приехал, чтобы узнать ваше мнение, синьор Наннуцци. Вы эксперт.

Он вытащил пальцы из-под жилетки, наклонился вперед. Скрипнуло кресло — по мне, очень уж громко для маленькой комнаты. Но он улыбнулся, и тепло. При этом глаза его вспыхнули, и устоять перед ними не было никакой возможности. Я понял, почему он добивается успеха, продавая картины, но не думаю, что в тот момент он что-то хотел продать. Наннуцци перегнулся через стол и взял мою руку — ту, которой я рисовал, единственную, оставшуюся у меня.

— Мистер Фримантл, вы оказываете мне честь, но мой отец, Августино, — он синьор нашей семьи. С меня довольно и мистера. Что же касается ваших картин, то они хороши. Учитывая период времени, в течение которого вы занимаетесь живописью, они действительно очень хороши. Может, лучше, чем хороши.

— А почему они хороши? — спросил я. — Если они хороши, что делает их таковыми?

— Правдивость, — ответил он. — Она сверкает в каждом мазке.

— Но большинство картин — закаты! А то, что я добавлял... — Я поднял руку. Опустил. — Это всего лишь подручные средства.

Наннуцци рассмеялся.

— С чего вы это взяли? Почерпнули из раздела культуры «Нью-Йорк таймс»? Или наслушались Билли О'Райли*? Или сработали оба источника информации? — Он указал на потолок. — Лампа? Подручное средство. — Указал на свою грудь. —

* О'Райли Билл — телеведущий наиболее популярной программы кабельного телевидения «Фактор О'Райли».

Кардиостимулятор? Подручное средство. — Он вскинул руки. Счастливчик, мог вскинуть обе руки. — Выбросьте из головы эти слова, мистер Фримантл. Искусство должно стать обиталищем надежды, а не сомнений. И ваши сомнения рождены неопытностью, а этого не нужно стыдиться. Послушайте меня. Вы послушаете?

— Конечно, — кивнул я. — Для этого и приехал.

— Когда я говорю — правдивость, я подразумеваю — красота.

— Джон Китс, — вставил Уайрман. — «Ода греческой вазе». «В прекрасном — правда, в правде — красота, Земным одно лишь это надо знать». Давненько сказано, но ничуть не устарело.

Наннуцци не обратил внимания на его слова. Наклонившись над столом, он смотрел на меня.

— Для меня, мистер Фримантл...

— Эдгар.

— Для меня, Эдгар, в этом и смысл искусства, и единственный способ его оценки.

Он улыбнулся — чуть виновато, как мне показалось.

— Видите ли, я не хочу много думать об искусстве. Не хочу его критиковать. Не хочу посещать симпозиумы, слушать выступления, обсуждать их на коктейль-пати... хотя иногда мне приходится все это делать. Такая работа. А чего я хочу, так это схватиться за сердце и пасть ниц, увидев настоящую красоту.

Уайрман расхохотался и тоже вскинул обе руки.

— Именно так! Я не знаю, успел ли тот парень упасть, схватившись за сердце, но вот за чековую книжку он точно схватился.

— Я думаю, душой он упал, — ответил Наннуцци. — Думаю, они все упали.

— Если на то пошло, я тоже так думаю, — кивнул Уайрман. Он больше не улыбался.

Наннуцци по-прежнему смотрел на меня.

— Не говорите о подручных средствах. То, к чему вы стремитесь в этих картинах, совершенно очевидно: вы ищете способ по-новому взглянуть на самое популярное и банальное зрелище Флориды — тропический закат. Вы пытались по-своему обойти клише.

— Да, где-то вы правы. Вот я и копировал Дали...

Наннуцци замахал рукой.

— Ваши картины не имеют ничего общего с Дали. И я не собираюсь обсуждать с вами направления живописи, Эдгар, или использовать слова, оканчивающиеся на «изм». Вы не принадлежите ни к одной школе живописи, потому что просто не знаете об их существовании.

— Я разбираюсь в строительстве домов.

— Тогда почему вы не рисуете *дома*?

Я покачал головой. Мог бы сказать ему, что такая мысль никогда не приходила в голову, но в моих словах было бы больше правды, если б я сказал, что моя отсутствующая рука как-то до этого не додумалась.

— Мэри права. Вы американский примитивист. В этом нет ничего зазорного. Бабушка Мозес была американским примитивистом. И Джексон Поллок*. Речь о том, Эдгар, что вы талантливы.

Я открыл рот. Закрыл. Просто не знал, что сказать. На помощь пришел Уайрман.

— Поблагодари человека, Эдгар.

— Спасибо вам.

— Не за что. И если вы захотите выставляться, Эдгар, пожалуйста, в первую очередь загляните в «Скотто». Я предложу вам лучшие условия на всей Пальм-авеню. Обещаю.

— Вы шутите? Конечно, я первым делом приду к вам.

— И, разумеется, я изучу контракт. — Уайрман ослепительно улыбнулся.

Наннуцци ответил тем же.

— Я буду этому только рад. Но вы обнаружите, что изучать будет особо нечего. Наш стандартный контракт с новичком занимает полторы страницы.

— Мистер Наннуцци, — сказал я. — Просто не знаю, как мне вас благодарить.

---

* Бабушка Мозес (Робертсон Анна Мари, 1860—1961) — американская художница-самоучка. Первая выставка состоялась в канун ее восьмидесятилетия. Поллок Джексон (1912—1956) — американский художник, основатель школы абстрактного экспрессионизма.

— Вы уже отблагодарили. Я сжал сердце, то, что от него еще осталось, и пал ниц. И еще один момент, пока вы не ушли. — Он нашел на столе блокнот, что-то написал, вырвал листок, протянул мне, как врач протягивает пациенту рецепт. Написал одно слово большими, наклонными буквами, и даже выглядело оно, как слово на рецепте: **ЛИКВИН**.

— Что такое ликвин? — спросил я.

— Консервант. Предлагаю вам наносить его бумажным полотенцем на все законченные работы. Оставьте сохнуть на двадцать четыре часа. Потом нанесите второй слой. И ваши закаты останутся яркими и чистыми на века. — Он смотрел на меня так серьезно, что я почувствовал, как желудок ползет вверх. — Я не знаю, заслуживают ли они такой долгой жизни, но, может, и заслуживают. Кто знает? Может, и заслуживают.

viii

Мы пообедали в «Зории», ресторане, о котором упомянула Мэри Айр, и я позволил Уайрману до обеда угостить меня бурбоном. Впервые после несчастного случая я выпил крепкий напиток, и он так странно на меня подействовал. Все вокруг стало ярче — и свет, и цвета. Заострились все углы — дверей, окон, даже согнутые локти проходящих официантов, и эти острия, казалось, могли рвать воздух и впускать более темную, густую атмосферу, плотностью не отличимую от сиропа. Рыба-меч, которую я заказал, таяла на языке, зеленые фасолины хрустели на зубах, крем-брюле так насыщало, что доесть его не представлялось возможным (но не представлялось возможным и оставлять недоеденной такую вкуснятину). Разговор шел веселый. Мы то и дело смеялись. Но все-таки мне хотелось, чтобы трапеза закончилась. Голова по-прежнему болела, правда, пульсирующая боль сместилась к затылку. Отвлекали автомобили, которые катили по Главной улице бампер к бамперу. Каждый гудок звучал злобно и угрожающе. Я хотел вернуться на Дьюму. Мне недоставало темноты Залива и спокойного разговора ракушек подо мной. Хотелось лечь в кровать. Я — на одной подушке, Реба — на другой.

К тому времени, когда официант подошел, чтобы спросить, не хотим ли мы еще кофе, Джек практически в одиночку поддерживал разговор. Состояние гипервосприятия, в котором я пребывал, позволяло увидеть, что не только мне требуется смена обстановки. С учетом царящего в ресторане полумрака и исходного темно-бронзового цвета лица Уайрмана я не мог сказать, какую часть загара он потерял, но вроде бы немалую. И его левый глаз вновь начал слезиться.

— Только чек, — ответил официанту Уайрман, потом сподобился на улыбку. — Извините, что прерываю праздник, но я хочу вернуться к моей даме. Если вы не возражаете.

— Я только за, — ответил Джек. — Поесть забесплатно, да еще приехать домой к выпуску спортивных новостей? От такого не отказываются.

Мы с Уайрманом ждали у ворот гаража, куда Джек пошел за арендованным мини-вэном. Света на улице было побольше, но цвет лица моего нового друга мне по-прежнему совершенно не нравился. В отсвете ярких ламп гаража кожа выглядела чуть ли не желтой. Я даже спросил, как он себя чувствует.

— Уайрман прекрасно себя чувствует. У мисс Истлейк выдалась череда тяжелых, беспокойных ночей. Она звала сестер, звала отца, просила принести ей все, что только можно, за исключением разве что манны небесной. Как-то это связано с полнолунием. Логики в этом нет, но тем не менее. Зов луны слышен на определенной длине волны, и на нее может настроиться только поврежденный мозг. Но теперь луна входит в другую фазу, и мисс Элизабет снова будет спать. То есть буду спать и я. Надеюсь.

— Хорошо.

— На твоем месте, Эдгар, я не отвечал бы сразу на предложение галереи. Подумал бы, и не один день. И продолжай рисовать. Ты, конечно, трудишься как пчелка, но я сомневаюсь, что тебе хватит картин для...

Позади Уайрмана возвышалась облицованная плиткой колонна. Он привалился к ней спиной. Я не сомневаюсь, что он упал бы, не окажись там колонны. Эффект бурбона уже выветривался, но гипервосприятия еще хватало, чтобы увидеть, что произошло с его глазами, когда он потерял равновесие. Правый

посмотрел вниз, словно хотел проверить, на месте ли туфли, а левый, налитый кровью и слезящийся, закатился вверх, и от радужки осталась только маленькая дуга. Я успел подумать, что вижу невозможное, глаза не могли двигаться в диаметрально противоположных направлениях. Но, наверное, такое утверждение справедливо лишь для здоровых людей. Потом Уайрман начал заваливаться в сторону.

Я его схватил.

— Уайрман? *Уайрман!*

Он тряхнул головой. Посмотрел на меня. Обоими глазами, как и положено. Левый, налитый кровью, блестел влагой, но более ничем не отличался от правого. Уайрман достал носовой платок и вытер щеку. Рассмеялся.

— Я слышал, что скучным разговором можно загнать человека в сон, но не думал, что такое может случиться со мной. Это нелепо.

— Ты не засыпал. Ты... я не знаю, что с тобой случилось.

— Не мели чепухи.

— И с глазами твоими что-то произошло.

— Им просто захотелось спать, мучачо.

И он одарил меня фирменным взглядом Уайрмана: голова, чуть склоненная набок, брови вскинуты, уголки губ приподняты в подобие улыбки. Но я подумал, что он точно знал, о чем я говорил.

— Я должен повидаться с врачом. Пройти диспансеризацию, — сказал я. — Сделать МРТ головного мозга. Я обещал моему другу Кеймену. Как насчет того, чтобы отправиться к врачу вдвоем?

Уайрман, который все еще стоял, привалившись к колонне, выпрямился.

— А вот и Джек с мини-вэном. Это хорошо. Прибавь шагу, Эдгар, отбывает последний автобус на Дьюма-Ки.

IX

Все повторилось на обратном пути, только куда сильнее. Джек ничего не заметил, потому что не отрывал глаз от Кейси-Ки-роуд, и я практически уверен, что у Уайрмана не осталось

об этом никаких воспоминаний. По моей просьбе мы возвращались не по Тамайами-Трайл, вечно забитой транспортом Главной улице западного побережья Флориды, а по более узкой и извилистой дороге. Я сказал, что хочу посмотреть, как луна отражается на воде.

— Обретаешь свойственную художникам эксцентричность, мучачо, — прокомментировал мою просьбу Уайрман, который улегся на заднем сиденье, задрав ноги. Ремень безопасности он проигнорировал. — Еще немного, и ты уже будешь носить беррет, — так и сказал, удвоив букву «эр».

— А не пойти ли тебе на хер, Уайрман, — отозвался я.

— Я трахался на востоке и трахался на западе, — в голосе Уайрмана слышались сентиментальные нотки, — но, если уж речь зашла о траханье, лучше твоей мамочки никого нет. — И замолчал.

Я наблюдал, как луна плывет по черной воде справа от меня. Зрелище это гипнотизировало. Я задался вопросом, а можно ли нарисовать все именно так, как я видел из мини-вэна: луна в движении, серебряная пуля под самой поверхностью воды.

Я думал об этом (может, даже начал проваливаться в дрему), когда боковым зрением уловил какое-то движение повыше луны на воде. Отражение Уайрмана. В первый момент у меня возникла безумная мысль: Уайрман онанирует на заднем сиденье, потому что его колени сдвигались и раздвигались, зад поднимался и опускался. Я бросил короткий взгляд на Джека, но того полностью увлекла симфония бесконечных поворотов Кейси-Ки-роуд. Кроме того, Уайрман по большей части находился за спинкой кресла Джека, невидимый даже в зеркало заднего вида.

Я повернул голову и через левое плечо посмотрел на Уайрмана. Он не онанировал. Он не спал, и ему ничего не снилось. Уайрман бился в припадке. Возможно, в слабом, но припадке. Сомнений быть не могло. В первые десять лет существования «Фримантл компани» у меня работал чертежник-эпилептик, и я узнавал припадок, если видел его. Корпус Уайрмана поднимался и опускался на четыре или пять дюймов, ягодицы сжимались и разжимались. Руки тряслись на животе. Он чмокал губами, словно ел что-то очень вкусное. И с глазами произошло то

же самое, что и у гаража. При свете звезд было видно, что один смотрит вниз, другой закатился вверх. Жуткое, не поддающееся описанию зрелище. Слюна бежала из левого уголка рта, слезы — из налитого кровью левого глаза.

Припадок продолжался секунд двадцать. Потом прекратился. Уайрман моргнул, его глаза вернулись на положенные места. Минуту или две он лежал не шевелясь. Наконец заметил, что я смотрю на него.

— Я бы убил за стаканчик виски или шоколадный батончик с ореховым маслом, но, боюсь, о выпивке не может быть и речи?

— Похоже на то, если ты хочешь услышать ее ночной звонок. — Я надеялся, что в моем голосе не слышно тревоги.

— Впереди мост на Дьюма-Ки, — объявил Джек. — Вы почти дома.

Уайрман сел и потянулся.

— Потрясающий выдался денек, но я не буду сожалеть, увидев свою кровать. Должно быть, это и есть старость, да?

X

Хотя правая нога затекла, я нашел в себе силы вылезти из мини-вэна, и стоял рядом с Уайрманом, когда он открыл дверцу маленького железного ящика у ворот, в котором находился пульт кодового звонка.

— Спасибо, что съездил со мной, Уайрман.

— Конечно, — ответил он. — Но, если ты поблагодаришь меня еще раз, мучачо, я врежу тебе по зубам. Извини, но именно так и будет.

— Все понял, — кивнул я. — Спасибо, что предупредил.

Он рассмеялся и хлопнул меня по плечу.

— Ты мне нравишься, Эдгар. У тебя есть вкус, у тебя есть интеллект, у тебя есть губы, чтобы целовать мне зад.

— Прекрасно. Я сейчас разрыдаюсь. Послушай, Уайрман...

Я мог бы сказать о припадке. Уже собрался, но все-таки передумал. Не знал, правильное это решение или нет, но помнил,

что его могла ждать долгая бессонная ночь с Элизабет Истлейк. Опять же боль окопалась у меня в затылке. Поэтому я ограничился вопросом, согласен ли он превратить намеченную мной встречу с врачом в двойное свидание.

— Я об этом подумаю, — ответил Уайрман. — И дам тебе знать.

— Только долго не тяни, потому что...

Он поднял руку, прерывая меня, и на этот раз улыбки на его лице не появилось.

— Достаточно, Эдгар. Для одного вечера достаточно. Хорошо?

— Согласен, — кивнул я. Проводил его взглядом и вернулся к мини-вэну.

Джек прибавил звука. Из радиоприемника звучал «Отступник». Юноша протянул руку, чтобы убрать громкость, но я его остановил.

— Нет, не нужно. Пусть поют.

— Правда? — Джек развернул мини-вэн и поехал к моей вилле. — Отличная группа. Вы их раньше слышали?

— Джек, это же «Styx». Деннис Деянг? Томми Шоу? Где ты провел всю жизнь? В пещере?

Джек виновато улыбнулся.

— Я предпочитаю кантри, и вообще мне нравится более старая музыка. По правде говоря, я поклонник «Крысиной стаи»*.

Сама мысль, что Джек Кантори слушает Дино и Фрэнка, заставила меня задаться вопросом (и не первый раз за этот день), а происходит ли все это наяву? Задался я и другим вопросом: как мне удалось вспомнить, что Деннис Деянг и Томми Шоу играли в «Стикс» (и что именно Шоу написал песню, которая сейчас гремела в динамиках мини-вэна), если иногда я не мог вспомнить имя моей бывшей жены?

---

* «Крысиная стая» — в данном контексте прозвище, придуманное журналистами для группы выдающихся эстрадных певцов-исполнителей 1960-х, которые дружили и часто выступали вместе: Фрэнка Синатры, Дино Мартина, Сэмми Дэвиса-младшего, Питера Лоуфорда и Джоя Бишопа. Сами они называли совместные выходы на сцену «Встречей клана».

XI

На автоответчике, который стоял в гостиной рядом с телефонным аппаратом, мигали обе лампочки: одна сигнализировала, что получено сообщение, вторая предупреждала, что записывающая лента полностью заполнена. Но в окошечке **«ПОЛУЧЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ»** светилась цифра **«1»**. На эту цифру я смотрел с предчувствием беды, тогда как боль с затылка начала перемещаться ко лбу. Я знал только двух человек, которые могли оставить такое длинное, на всю кассету, сообщение — Пэм и Илзе, — и в обоих случаях не рассчитывал услышать хорошие новости, нажав на клавишу **«ПРОСЛУШАТЬ СООБЩЕНИЕ»**. Для того чтобы сказать: «Все в порядке. Позвони, когда будет возможность», не требовалось пятиминутного времени записи.

«Оставлю до завтра», — подумал я, а потом трусливый голос, которого ранее вроде бы и не существовало в моей голове (может, он только что появился), внес более радикальное предложение: стереть сообщение, не прослушивая его.

— И это правильно, — согласился я. — А если отправлявшая сообщение позвонит, я всегда смогу сказать ей, что бродячий пес сожрал мой автоответчик.

Я нажал на клавишу **«ПРОСЛУШАТЬ»**. И как часто случается, когда мы точно знаем, чего ожидать, я ошибся в своих предположениях. Из автоответчика донесся хрипловатый, чуть задыхающийся голос Элизабет Истлейк:

— Привет, Эдгар. Есть надежда, что вы плодотворно провели день и наслаждаетесь вечером с Уайрманом точно так же, как я наслаждаюсь вечером с мисс... ладно, забыла ее имя, но женщина она очень приятная. И есть надежда, вы заметили, что я *помню* ваше имя. Наслаждаюсь одним из своих светлых периодов. Я люблю и ценю их, но они также и нагоняют на меня грусть. Все равно что летишь на планере, и порыв ветра поднял тебя над укутывающим землю туманом. Какое-то время можно все видеть ясно и отчетливо... но при этом знаешь, что ветер стихнет, и планер вновь уйдет в туман. Вы понимаете?

Я понимал, это точно. Сейчас все у меня шло неплохо, но это был мир, в котором я очнулся, мир, где слова не имели

смысла, а мысли перемешались, как садовая мебель после урагана. Мир, в котором я пытался общаться, набрасываясь на людей, где из эмоций у меня оставались только страх и ярость. Можно выйти из этого состояния (как сказала бы Элизабет), но потом нельзя отделаться от ощущения, что эта реальность тонка и призрачна. А что за ней? Хаос. Безумие. Истинная правда, а истинная правда — красная.

— Но довольно обо мне, Эдгар. Я позвонила, чтобы задать вопрос. Вы из тех, кто творит ради денег, или верите в искусство ради искусства? Я уверена, что спрашивала вас при встрече, практически уверена, но не могу вспомнить ваш ответ. Я верю, что это искусство ради искусства, или Дьюма вас бы не позвала. Но если вы пробудете здесь достаточно долго...

В голос вкралась озабоченность.

— Эдгар, нет сомнений в том, что вы станете очень хорошим соседом, я это точно знаю, но вы должны принять меры предосторожности. Я думаю, у вас есть дочь, и мне представляется, что она вас навещала. Не так ли? Вроде бы я помню, как она махала мне рукой. Симпатичная блондинка? Я могу путать ее с моей сестрой Ханной (есть у меня такое, я знаю, что есть), но в данном случае я, вероятно, права. Если вы собираетесь здесь задержаться, Эдгар, вы не должны больше приглашать сюда дочь. Ни при каких обстоятельствах. Дьюма-Ки — небезопасное место для дочерей.

Я стоял, глядя на автоответчик. Небезопасное. Раньше она говорила — несчастливое, или по крайней мере я *помнил*, что говорила. Означали ли эти два слова одно и то же?

— И ваша живопись. Есть еще проблема с вашей живописью. — В голосе слышались извиняющиеся нотки, она уже чуть сильнее задыхалась. — Негоже говорить художнику, что делать, и однако... ох, черт... — И она зашлась в хриплом кашле многолетнего курильщика. — Прямо об этом говорить не любят... может, никто не знает, как говорить об этом прямо... но вы позволите дать вам совет, Эдгар? От того, кто только оценивает, тому, кто творит? Вы мне позволите?

Я ждал. Автоответчик молчал. Я подумал, что, возможно, закончилась пленка. У меня под ногами ракушки тихонько шеп-

тались. Словно делились секретами. «Пистолет, фрукт. Фрукт, пистолет». Потом Элизабет заговорила вновь.

— Если люди, которые управляют «Скотто» или «Авенидой», они предложат вам выставить ваши работы, и я настоятельно советую вам сказать «да». И для того, чтобы другие могли ими насладиться, но главное, чтобы как можно быстрее вывезти их с Дьюмы. — Она глубоко вдохнула, словно готовилась завершить какую-то тяжелую работу.

— *Не накапливайте их.* Вот мой совет, самый благожелательный и без всякой... всякой личной заинтересованности. Накапливать здесь произведения искусства все равно что слишком долго заряжать аккумулятор. Он может взорваться.

Я не знал, правда это или нет, но смысл уловил.

— Я не могу объяснить вам, почему так следует поступить, но так надо. — Она продолжала говорить, а меня вдруг осенило: насчет «не могу объяснить» она лжет. — И, конечно же, если вы верите в искусство ради искусства, само написание картины — это важно, не так ли? — Голос ее стал таким вкрадчивым. — Даже если вам не нужно продавать картины, чтобы заработать на хлеб насущный, разделить плоды своих трудов... показать картины миру... конечно же, художники не относятся к этому с безразличием, не правда ли? Они готовы поделиться?

Откуда я мог знать, что важно для художников? Только в этот день я узнал, что готовую картину нужно покрывать консервантом. Я был... как там меня назвали Наннуцци и Мэри Айр? Американским примитивистом.

Еще одна пауза. А потом:

— Думаю, на этом я закончу. Я сказала все, что хотела. Пожалуйста, подумайте над моими словами, если вы собираетесь остаться здесь, Эдуард. И я с нетерпением жду того дня, когда вы придете и почитаете мне. Я надеюсь, много стихотворений. Для меня это будет праздник. До свидания. Спасибо, что выслушали старуху. — Она помолчала. — Стол течет. Так и должно быть. Я очень сожалею.

Я прождал двадцать секунд, тридцать. И уже решил, что она забыла положить трубку на рычаг, и протянул руку к клавише **«СТОП»** на автоответчике, когда снова раздался голос Элизабет. Она произнесла только четыре слова, в которых смысла для

меня было не больше, чем во фразе о текущем столе, но от этих слов по коже побежали мурашки, а волосы на затылке встали дыбом:

— Мой отец был ныряльщиком.

Каждое слово прозвучало очень отчетливо, а потом раздался щелчок: трубка легла на рычаг.

«Больше сообщений нет, — раздался механический голос. — Лента записи заполнена».

Я постоял, глядя на автоответчик, подумал о том, чтобы стереть запись, потом решил сохранить и дать прослушать Уайрману. Разделся, почистил зубы и лег в кровать. Я лежал в темноте, чувствуя несильную, но гудящую боль в голове, а подо мной ракушки вновь и вновь шептали последнюю фразу Элизабет Истлейк: «Мой отец был ныряльщиком».

Глава 8
СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ

1

Темп жизни на какое-то время спал. Такое случается. Вода в кастрюле кипит, а потом, когда уже грозит выплеснуться наружу, некая сила (Бог, судьба, может, чистое совпадение) уменьшает огонь под кастрюлей. Однажды я поделился этой мыслью с Уайрманом, так он сказал, что жизнь — это пятничная серия мыльной оперы. Создается иллюзия, что все вот-вот закончится, а в понедельник начинается прежняя тягомотина.

Я думал, он поедет со мной к врачу, и мы выясним, что с ним не так. Я думал, он скажет мне, почему выстрелил себе в голову и как после такого человек может выжить. Ответ, впрочем, напрашивался: «Он становится припадочным, и у него масса проблем с чтением». Может, он даже сказал бы мне, почему его работодательница зациклилась на несовместимости острова и Илзе. И самое главное — я надеялся решить, каким будет следующий шаг в жизни Эдгара Фримантла, Великого американского примитивиста.

Ничего этого на самом деле не произошло, во всяком случае сразу. В жизни, конечно, случаются перемены, и конечные результаты иной раз сравнимы со взрывом, но, как в мыльных операх, так и в реальной жизни, к бомбе тянется длинный-предлинный бикфордов шнур.

Уайрман согласился поехать со мной к врачу и «проверить свою голову», но не раньше марта. В феврале, сказал он, и без

того много дел. В следующий уик-энд зимние арендаторы (Уайрман называл их «эти месячные», словно речь о менструальных периодах, а не о людях) начинали въезжать в дома, принадлежащие мисс Истлейк, и первыми собирались прибыть те, кого Уайрман больше всего недолюбливал. Джо и Рита Годфри из Род-Айленда, которых Уайрман (а следовательно, и я) называл Злые собаки. Они приезжали на десять недель каждую зиму и останавливались в ближайшем к гасиенде доме. Знаки, предупреждающие об их ротвейлерах и питбуле, выставлялись перед домом. Мы с Илзе их видели. Злой пес Джо, по словам Уайрмана, когда-то служил в «зеленых беретах», и его тон однозначно указывал, что этим все объясняется.

— Мистер Диризко не выходит из автомобиля, когда привозит им корреспонденцию. — Уайрман говорил о толстом и веселом сотруднике Почтового ведомства США, который обслуживал южную часть Кейси-Ки и целиком наш остров. Мы сидели на козлах для пилки дров перед домом Злых собак за день или два до приезда четы Годфри. Подъездная дорожка из дробленого ракушечника блестела влажной розовизной: Уайрман включил разбрызгиватели. — Он оставляет привезенное на земле у почтового ящика, нажимает на клаксон и катит к «Эль Паласио». И разве я его виню? «Нет, нет, Нанетт»*.

— Уайрман, насчет врача...

— В марте, мучачо, и еще до ид**. Обещаю.

— Ты просто тянешь время.

— Не тяну. У меня только один очень тяжелый месяц в году, и это февраль. В прошлый раз меня застали врасплох, но теперь такого не случится. Не может случиться, потому что в этом году мисс Истлейк будет гораздо меньше вникать в разные бытовые проблемы. По крайней мере Злые собаки здесь уже не первый раз, и я знаю, чего от них ждать. Как и от Баумгартенов. Баумгартены мне нравятся. Двое детей.

— Две девочки? — спросил я, думая об уверенности Элизабет в том, что дочерям на остров вход заказан.

---

* «Нет, нет, Нанетт» — название бродвейского мюзикла 1925 г., по которому в 1930 и 1940 гг. сняли фильмы.

** Иды — согласно римскому календарю приходятся, в зависимости от месяца, на 13-й или 15-й день (в марте — на 15-й).

— Нет, оба мальчики, которым на лбу следовало бы написать: «МЫ ЭТО СДЕЛАЛИ, НО НЕ СЕРДИТЕСЬ НА НАС». В остальные четыре дома заезжают новенькие. Я могу надеяться, что никто из них не будет крутить всю ночь рок-н-ролл, а днем устраивать пьянки, но каковы шансы, что мои надежды оправдаются?

— Не так, чтобы высокие, но ты можешь надеяться, что они оставят диски с записями «Slipknot» дома.

— Кто такие «Slipknot»? Что такое «Slipknot»?

— Уайрман, тебе лучше не знать. Особенно теперь, когда ты накручиваешь себя.

— Я не накручиваю. Уайрман просто объясняет, что такое февраль на Дьюма-Ки, мучачо. Мне придется делать все. И оказывать первую помощь одному из Баумгартенов, если его обожжет медуза, и искать вентилятор для бабушки Злой собаки Риты, которую они, наверное, опять поселят на неделю в спальне для гостей. Ты думаешь, мисс Истлейк старая? Я видел, как в День мертвых по улицам Гвадалахары носили мексиканские мумии, которые выглядели получше этой бабули. Ее лексикон состоит главным образом из двух фраз. Одна — вопросительная: «Ты принес мне печенье?» Вторая — повествовательная: «Рита, дай мне полотенце, я думаю, с пердой вылетел кусок говна».

Я расхохотался.

Уайрман мыском кроссовки начертил в ракушечнике улыбку. За нашими спинами тени ложились на Дьюма-Ки-роуд, асфальтированную, гладкую и ровную. Во всяком случае здесь. Южнее — совсем другая история.

— Решение вентиляторной проблемы, если тебя интересует, простое — «Мир вентиляторов Дэна». Отличное название, или ты не согласен? И вот что я тебе скажу: мне действительно нравится решать эти проблемы. Находить выход из этих маленьких кризисов. Людям на Дьюма-Ки я приношу гораздо больше радости, чем приносил в суде.

«Но ты не разучился уводить людей от тем, обсуждать которые тебе не хочется», — подумал я.

— Уайрман, нам нужно лишь полчаса, чтобы врач заглянул тебе в глаза и просветил твою...

— Ты ошибаешься, мучачо, — терпеливо отозвался Уайрман. — В этот период времени нужно как минимум два часа, чтобы попасть на прием к врачу в передвижном медицинском пункте, припаркованном на обочине, чтобы этот господин заглянул в твое воспалившееся горло. А если добавить час на дорогу (даже больше, потому что начался сезон перелетных птиц, и никто из них не знает, куда ехать), то мы говорим о трех часах светлого времени суток, которых у меня просто нет. Потому что нужно посмотреть, как работает кондиционер в номере 17... счетчик электричества в номере 27... привести вот туда монтажника, если он появится. — Он указал на соседний дом, номер 39. — Молодые люди из Толедо сняли его до пятнадцатого марта и платят дополнительно семьсот долларов за нечто, называемое Wi-Fi. Я даже не знаю, что это такое.

— Волна будущего. У меня это есть. Джек позаботился. Волна отценасильного, матереубийственного будущего.

— Хорошо. Арло Гатри*, тысяча девятьсот шестьдесят седьмой.

— А фильм, думаю, сняли в шестьдесят девятом.

— Чем ни был этот Wi-Fi, ура матеренасильному, лягушкоубийственному будущему! Которое не отменяет того факта, что занят я буду почище одноногого инвалида на конкурсе «Кто отвесит больше пинков». И вот что еще, Эдгар. Ты же знаешь, что речь идет не о быстром осмотре. С этого все обычно только начинается.

— Но если тебе требуется...

— Какое-то время я и так протяну.

— Конечно. Вот почему каждый день стихотворения читаю я.

— Приобщение к поэзии тебе не повредит, гребаный ты каннибал.

— Я знаю, что не повредит, и ты *знаешь*, что я говорю о другом. — Я подумал (и не в первый раз), что Уайрман — один из считанных мужчин, встреченных мною по жизни, который мог

* Гатри Арло Дейви (р. 1947) — американский фолк-певец и актер. Отценасильники и матереубийцы — из его знаменитой 18-минутной (иногда на концертах Гатри растягивал ее до сорока пяти минут) песни-речитатива «Ресторан Элис» (1966 г.). Песня легла в основу одноименного фильма (1969), в котором Гатри сыграл самого себя.

постоянно говорить мне «нет», не вызывая ответной злобы. Он был гением «нет». Иногда я думал, что дело в нем, иногда видел причину в несчастном случае, который что-то во мне изменил, а иной раз полагал, что свою лепту внесли оба фактора.

— Я могу читать, знаешь ли, — признался Уайрман. — По чуть-чуть. Достаточно для того, чтобы идти по жизни. Названия на пузырьках с лекарствами, телефонные номера, все такое. И я поеду к врачу, так что придержи свое стремление сделать мир лучше. Господи, должно быть, этим ты просто выводил жену из себя. — Он искоса глянул на меня. — Ой! Уайрман наступил на мозоль?

— Ты готов поговорить о маленьком круглом шраме у виска? *Мучачо?*

— Туше, туше. Премного извиняюсь.

— Курт Кобейн. Тысяча девятьсот девяносто третий. Или около того.

Уайрман моргнул.

— Правда? Я бы сказал, тысяча девятьсот девяносто пятый, но рок-музыка по большей части всегда обгоняла меня. Постарел Уайрман, печально, но факт. Что же касается припадка... извини, Эдгар, я в это просто не верю.

Но он верил. Я видел это в его глазах. И прежде чем я успел сказать что-то еще, Уайрман поднялся с козел и указал на север:

— Смотри! Белый микроавтобус! Думаю, прибыл передовой отряд «Кабельного телевидения».

ii

Я поверил Уайрману, когда тот, прослушав пленку с моего автоответчика, сказал, что понятия не имеет, о чем говорила Элизабет Истлейк. Он остался при своем мнении, что тревога Элизабет о моей дочери как-то связана с ее давно умершими сестрами. А уж предложение не оставлять готовые картины на острове просто поставило его в тупик. Он не знал, как на это реагировать.

Прибыли Злые собаки Джо и Рита, вместе со своим зверинцем. Прибыли также Баумгартены, и я часто проходил мимо их

мальчиков, перебрасывающихся фрисби на берегу. Они были, как и говорил Уайрман, крепкие, симпатичные и вежливые, один лет одиннадцати, второй — тринадцати, и с такими фигурами им очень скоро предстояло услышать заискивающий смех молодняка группы поддержки, если этого еще не произошло. Когда я хромал мимо, они всегда стремились завлечь меня в свою игру, чтобы и я раз-другой бросил фрисби. Старший, Джефф, обычно кричал что-то подбадривающее, вроде: «Эй, мистер Фримантл, хороший бросок!»

В соседний с «Розовой громадой» дом вселилась пара, приехавшая на спортивном автомобиле, и теперь перед обедом до меня доносился действующий на нервы, надрывный голос Тоби Кейта*. Если на то пошло, я бы предпочел «Slipknot». У четверки молодых людей из Толедо был гольф-кар, на котором они носились взад-вперед по берегу, когда не играли в волейбол и не отправлялись на рыбалку.

Уайрман был не просто занят, он вертелся как белка в колесе. К счастью, он мог рассчитывать на помощь. Как-то раз Джек помог ему прочистить засорившиеся разбрызгиватели на лужайке Злых собак. Еще через день или два уже я помогал ему вытаскивать застрявший в дюне гольф-кар гостей из Толедо: они оставили его там, чтобы сходить за пивом, и прилив грозил утащить гольф-кар в Залив. Мое бедро все еще заживало, но оставшаяся рука чувствовала себя в полном здравии.

Вне зависимости от ощущений в бедре, я отправлялся на Большие береговые прогулки. Иногда (особенно в те дни, когда ближе к вечеру густой туман сначала прятал в холодной белизне Залив, а потом брался за дома) я принимал болеутоляющие таблетки из моих тающих запасов. Но гораздо чаще я обходился без них. В тот февраль Уайрман редко появлялся на пляже, чтобы посидеть в шезлонге со стаканом зеленого чая в руке, но Элизабет Истлейк всегда была в своей гостиной, практически всегда знала, кто я, и обычно держала под рукой книгу поэзии. Не обязательно «Хорошие стихи», собранные под одной облож-

* Тоби Кейт (настоящее имя Тоби Кейт Ноувл, р. 1961) — популярный американский певец. На сцене с 1993 г. пять его альбомов и 16 песен занимали первые строчки американских чартов в разделе кантри.

кой Кайллором, хотя ей этот сборник нравился больше всего. Мне он тоже нравился. И Мервин, и Секстон, и Фрост, и все-все-все.

В феврале и марте я и сам много читал. Прочитал больше, чем за многие годы: романы, рассказы, три толстые публицистические книги о том, как мы увязли в иракской трясине (если в двух словах, то для этого требовалось второе имя, начинающееся на букву «У», и хер на месте вице-президента*). Но в основном я рисовал. Всю вторую половину дня и вечер, пока мог поднимать тяжелеющую руку. Береговые пейзажи, морские пейзажи, натюрморты и закаты, закаты, закаты.

Но этот фитиль продолжал тлеть. Огонь лишь чуть убавили. Проблема Кэнди Брауна не была первоочередной, и при этом не могла не возникнуть. Правда, не возникала она до дня святого Валентина. Если подумать, какая отвратительная ирония.

Отвратительная.

iii

ifsogirl88 to EFree19
10:19
3 февраля

Дорогой папуля!

Так приятно услышать, что твоим картинам устроили восторженный прием! Ура!

И если они ПРЕДЛОЖАТ тебе организовать выставку, я прилечу на следующем самолете и буду присутствовать на открытии в «маленьком черном платье» (оно у меня есть, поверишь ты или нет). Сейчас я сижу допоздна и не отрываюсь от учебников, потому что (это секрет) хочу удивить Карсона, когда в апреле наступят весенние каникулы. «Колибри» тогда будут выступать в Теннесси и Арканзасе (он говорит, что турне началось просто отлично). Если с зачетами и экзаменами все

* Второе имя Джорджа Буша — Уокер, а английское слово dick (дик) — не только уменьшительное имя от Ричарда (вице-президент США — Ричард (Дик) Чейни), но еще и мужской половой орган.

будет в порядке, я смогу нагнать их в Мемфисе или в Литл-Роке. Что ты думаешь насчет моей идеи?

Илзе

Мои опасения относительно баптиста-колибри нисколько не уменьшились, и я думал, что она нарывается на неприятности. Но если Илзе в нем ошибалась, возможно, ей следовало как можно раньше узнать о допущенной ошибке. Поэтому (надеясь, что сам не ошибаюсь) я отправил ей электронное письмо, в котором написал, что идея это интересная, при условии, что она не запустит учебу (я не мог заставить себя сказать любимой младшей дочери, что это хорошая идея — провести неделю в компании бойфренда, даже если бойфренд находится под присмотром высокоморальных баптистов). Я также написал, что, наверное, ей не стоит делиться своими планами с матерью. Ответ получил тут же.

ifsogirl88 to EFree19
12:02
3 февраля

Дорогой, дорогой папуля!
Ты думаешь, что я выжила из УМА???

Илли

Нет, я так не думал... но если по прибытии в Литл-Рок она поймала бы своего тенора что-то вытанцовывающим в горизонтальном положении на альт-сопрано, то стала бы очень несчастной If-So-Girl. Я не сомневался, что тогда ее мать узнала бы и о помолвке, и обо всем остальном, и у Пэм нашлось бы что сказать насчет моего здравомыслия. Я и сам задавался на этот счет не одним вопросом, и вроде бы решил, что скорее здоров, чем болен. Когда дело касается детей, время от времени ты выдвигаешь какие-то странные предположения и просто надеешься, что все как-нибудь образуется, и с предположениями, и с детьми. Родителям, как никому, удается спеть всю песню, услышав лишь несколько нот.

Еще я пообщался с Сэнди Смит, риелтором. В сообщении, записанном на моем автоответчике, Элизабет сказала, что я один из тех, кто верит в искусство ради искусства, иначе Дьюма-Ки не позвала бы меня. И от Сэнди я хотел услышать только одно: подтверждение, что позвал меня исключительно глянцевый буклет, который показывали потенциальным арендаторам с туго набитым бумажником по всем Соединенным Штатам. Может, и по всему миру.

Ответ я получил не тот, на который надеялся, но солгал бы, сказав, что меня это крайне удивило. В конце концов, тот год выдался неудачным для моей памяти. И не нужно забывать про желание верить, что события выстроены в определенной последовательности; когда дело касается прошлого, мы все склонны подтасовывать.

SmithRealty9505 to EFree19
14:17
8 февраля

Дорогой Эдгар!

Я так рада, что Вам нравится это место. Отвечая на Ваш вопрос, сообщаю, что буклет с описанием виллы «Салмон-Пойнт» был не единственным, а одним из девяти, которые я Вам посылала. Эти дома находились или тоже во Флориде, или на Ямайке. Насколько я помню, Вы проявили интерес только к «Салмон-Пойнт». Еще и сказали: «Не торгуйтесь по мелочам, сразу заключайте сделку». Надеюсь, Вам это поможет.

Сэнди

Я прочитал ее письмо дважды. Потом пробормотал:

— Просто заключи сделку и позволь сделке заключить тебя, мучача*.

Даже теперь я не мог вспомнить другие буклеты, но помнил тот, по которому выбрал «Салмон-Пойнт». Он лежал в ярко-розовой папке. В розовой громадине, если угодно, и мое вни-

* девушка (*исп.*).

мание привлекло не название, «Салмон-Пойнт», а строчка, расположенная ниже, вытисненная золотом: **«ВАШЕ ТАЙНОЕ УБЕЖИЩЕ НА БЕРЕГУ ЗАЛИВА»**. Так что, может, Дьюма-Ки меня и позвала.

Может, и позвала.

iv

KamenDoc to EFree19
13:46
10 февраля

Эдгар!

Давно тебя не слышал, как сказал глухой индеец блудному сыну (пожалуйста, простите меня; кроме плохих, никаких других анекдотов не знаю). Как Ваши успехи в живописи? Что же касается МРТ, я предлагаю Вам обратиться в Центр неврологических исследований при Мемориальной больнице Сарасоты. Телефон — 941-555-5554.

Кеймен

EFree19 to KamenDoc
14:09
10 февраля

Кеймен!

Благодарю за рекомендацию. «Центр неврологических исследований» — звучит чертовски серьезно! Но все равно я запишусь на прием и подъеду туда.

Эдгар

KamenDoc to EFree19
16:55
10 февраля

Пусть это будет действительно скоро. Раз уж у Вас нет припадков.

Кеймен

Фразу «Раз уж у Вас нет припадков» он сопроводил одним из таких удобных для электронных писем смайликов, круглой, смеющейся зубастой рожицей. Поскольку перед моим мысленным взором возник Уайрман, которого трясло на заднем сиденье, а глаза его при этом смотрели в разные стороны, мне было совершенно не смешно. Но я знал, что до пятнадцатого марта мне удастся затащить его к врачу только в цепях и трактором, если, конечно, с ним не случится настоящий эпилептический припадок. И, разумеется, Уайрман не был пациентом Ксандера Кеймена. Строго говоря, я тоже уже не был его пациентом, но меня тронула забота Кеймена. Импульсивно я кликнул по слову **«ОТВЕТИТЬ»** и написал:

EFree19 to KamenDoc
17:05
10 февраля

Кеймен!
Никаких припадков! Я в порядке. Рисую без устали. Отвез несколько моих картин в одну из галерей в Сарасоте, и ее владелец взглянул на них. Я думаю, он может предложить мне организовать выставку. Если предложит и если я соглашусь, Вы приедете? Мне будет приятно увидеть знакомое лицо из страны льда и снега.

Эдгар

Я уже собирался выключить компьютер и приготовить себе сандвич, как раздался сигнал поступления нового письма.

KamenDoc to EFree19
17:09
10 февраля

Назовите дату, и я там буду.

Я улыбался, выключая компьютер. А перед глазами все туманилось.

V

Днем позже я поехал в Нокомис с Уайрманом, чтобы купить новый фильтр для раковины по просьбе парочки из дома 17 (спортивная машина; дерьмовая кантри-музыка) и пластиковые загородки для Злых собак. Уайрман в моей помощи не нуждался и, уж конечно, не нуждался в том, чтобы я хромал следом за ним по магазину хозяйственных товаров «Истинная цена», но выдался паршивый, дождливый день, и мне хотелось уехать с острова. На ленч мы зашли в «Офелию», поговорили о рок-н-ролле, так что поездка получилась удачной. По возвращении я увидел мигающую лампочку на автоответчике. Сообщение оставила Пэм. Сказала: «Позвони». — И положила трубку.

Я позвонил, но сначала (звучит как признание, и трусливое) вышел в Интернет, нашел на сайте «Миннеаполис стар-трибьюн» сегодняшний номер, открыл «НЕКРОЛОГИ». Быстро просмотрел имена и фамилии, убедился, что Томаса Райли среди них нет, пусть это и ничего не доказывало: он мог свести счеты с жизнью уже после того, как номер ушел в печать.

Иногда после полудня моя бывшая жена ложилась спать и выключала телефон. Тогда я бы услышал короткую фразу, записанную на автоответчике. Но в этот день Пэм сняла трубку, и до меня донеслось вежливо-сдержанное:

— Алло.

— Это я, Пэм. Отзваниваюсь.

— Небось грелся на солнце. У нас идет снег. Идет снег, и воздух холодный, как пряжка ремня колодцекопателя.

На душе полегчало. Том жив. Если бы он покончил с собой, мы не говорили бы о пустяках.

— Если на то пошло, здесь холодно и дождливо.

— Хорошо. Надеюсь, ты подхватишь бронхит. Этим утром Том Райли выбежал отсюда, обозвав меня лезущей не в свои дела мандой и хряпнув вазой об пол. Наверное, я должна радоваться,

что он не швырнул ее в меня. — Пэм начала плакать. Всхлипнула, потом удивила меня, засмеявшись. Смех был горьким, но удивительно добродушным. — И когда только ты лишишься этой странной способности вышибать у меня слезу?

— Расскажи мне, что случилось, Панда.

— На этом поставим точку. Позвонишь снова — я повешу трубку. А ты можешь позвонить Тому и спросить *его*, что произошло. Может, мне следует заставить тебя это сделать. Послужит тебе хорошим уроком.

Я поднял руку и начал массировать виски: большим пальцем — левый, мизинцем и безымянным — правый. Просто удивительно, что одна кисть может охватить так много грез и боли. Не говоря уже о потенциальных возможностях по удовлетворению эротических фантазий.

— Расскажи мне, Пэм. Пожалуйста. Я тебя выслушаю и не буду злиться.

— Это ты уже можешь, да? Один момент... — Она положила трубку, вероятно, на кухонный стол. Какие-то мгновения я слышал далекое бормотание телевизора, потом оно смолкло. Пэм снова взяла трубку. — Ладно, теперь могу слышать свои мысли. — Она опять всхлипнула. Высморкалась. Заговорила уже спокойно, без намека на слезы в голосе. — Я попросила Майру позвонить мне, когда он вернется домой... Майру Деворкян, которая живет напротив Тома. Я сказала, что тревожусь из-за его психического состояния. Нет смысла держать это при себе, так?

— Так.

— В точку! Майра сказала, что она тоже тревожилась... она и Бен. Сказала, что Том пил слишком много, это во-первых, а иногда уходил на работу, не побрившись. Хотя признала, что в круиз он уезжал достаточно бодрым и веселым. Удивительно, как много видят соседи, даже если они не близкие друзья. Бен и Майра понятия не имели о... нас, разумеется, но они замечали, что Том был в депрессии.

«Это ты думаешь, что они понятия не имели», — подумал я.

— Короче, я пригласила его к себе. У него был такой взгляд, когда он явился... такой взгляд... словно он решил, что я... ты понимаешь...

— Войдешь на той же остановке, где и вышла.

— Я буду рассказывать или ты?

— Извини.

— Что ж, ты прав. Конечно, ты прав. Я собиралась пригласить его на кухню и угостить кофе, но дальше прихожей мы не продвинулись. Он хотел поцеловать меня, — последнее она произнесла демонстративно гордо. — Я ему позволила... один раз... но когда стало ясно, что он хочет большего, оттолкнула и сказала, что нам нужно поговорить. Он ответил, что ничего хорошего и не ждал, едва увидел выражение моего лица, но никто уже не сможет причинить ему большей боли, чем причинила я, когда сказала, что мы больше не будем видеться. Такие вот вы, мужчины. А еще говорите, что это мы знаем, как вызвать у человека чувство вины.

— Я подтвердила, что да, романтических отношений у нас больше не будет, но это не значит, что он мне безразличен. Добавила, что несколько человек в разговоре со мной удивлялись странностям в его поведении, он, мол, сам не свой, и тут я вспомнила, что он перестал принимать антидепрессанты, и заволновалась. Пришла к выводу, что он собирается покончить с собой.

Пэм на мгновение запнулась, потом продолжила:

— До того как он пришел, у меня и в мыслях не было говорить ему это в лоб. Но вот что забавно... едва он переступил порог, я начала думать, что скажу, а уж когда он поцеловал меня, отпали последние сомнения. Губы у него были холодные. И сухие. Я словно целовалась с трупом.

— Похоже на то. — Я попытался почесать правую руку.

— Лицо у него вдруг вытянулось, в прямом смысле этого слова. Все морщины разгладились, губы превратились в тонкую полоску. Он спросил, с чего у меня такие мысли. А потом, не успела я ответить, он заявил, что все это дерьмо. Так и сказал, а ведь таких слов в лексиконе Тома Райли никогда не было.

Я не мог с ней не согласиться. Том, которого я знал, не сказал бы «дерьмо», даже если бы набил им рот.

— Я не собиралась называть ему имена... твое точно не собиралась, он бы подумал, что я рехнулась, или Илзе, кто знает, что он мог ей наговорить, если бы...

— Я же тебе сказал, Илзе не имеет к этому никакого...

— Помолчи. Я почти закончила. Я лишь сказала, что люди, отмечающие странности в его поведении, даже не знают о таблетках, которые он принимал после второго развода, как и о том, что с мая прошлого года прекратил их принимать. Он называет их дурь-таблетки. И если он думал, что держит все под контролем, и никто ничего не замечает, то сильно ошибался. Потом предупредила, что если он что-нибудь с собой сделает, я расскажу его матери и брату, что это было самоубийство, и мои слова разобьют им сердца. Это была твоя идея, Эдгар, и она сработала. Надеюсь, ты этим гордишься. Вот тогда он кокнул вазу и обозвал меня лезущей не в свои дела мандой. Готова спорить... — Она сглотнула слюну. Звук, раздавшийся в горле, долетел до меня через все разделяющие нас мили. — Готова спорить, он уже точно знал, как он это сделает.

— Я в этом не сомневаюсь. Как думаешь, он сделает?

— Не знаю. Действительно не знаю.

— Может, мне стоит позвонить ему?

— Может, тебе не стоит ему звонить. Может, если он узнает о нашем разговоре, это и станет последней каплей. — И не без ехидства добавила: — Тогда ты будешь плохо спать по ночам.

О таком варианте я не подумал, а логика в ее словах была. В одном Том и Уайрман не отличались: оба нуждались в помощи — но я не мог тащить их на аркане туда, где им могли ее оказать. В голове мелькнула острота с бородой. Может, уместная, может — нет: «Ты можешь приобщить шлюху к культуре, но не заставишь ее думать». Оставалось надеяться, что Уайрман сможет назвать мне автора. И год.

— Так как ты узнал, что он собирается покончить с собой? — спросила Пэм. — Я хочу знать, и, клянусь Богом, ты мне все расскажешь до того, как я положу трубку. Я все сделала, и ты должен мне сказать.

Вон он, вопрос, который она еще не задавала. Слишком уж ее занимало другое: как я узнал о ней и Томе? Что ж, не только у Уайрмана были присказки на любой вкус. Их хватало и у моего отца. В том числе была и такая: если не катит ложь, говори правду.

— После несчастного случая я начал рисовать. Ты знаешь.

— И что?

Я рассказал, как нарисовал ее, с Максом и Томом Райли. О некоторых результатах моего интернет-знакомства с феноменом ампутированной конечности. О том, как увидел Тома Райли, стоящего на верхней ступени лестницы, ведущей в мою студию — так я теперь ее называл, — голого по пояс, в пижамных штанах, с одним выбитым глазом, место которого в глазнице заняли сгустки крови.

Когда я закончил, на другом конце провода повисла долгая тишина. Нарушать ее я не стал. Наконец Пэм заговорила. Другим, осторожным голосом:

— Ты действительно в это веришь, Эдгар... во что-то из этого?

— Уайрман, парень, который живет чуть дальше по берегу... — Я замолчал, внезапно захлестнутый яростью. И не потому, что не находил нужных слов. Или не совсем по этой причине. Я собирался ей сказать, что у парня, который жил чуть дальше по берегу, иногда проявлялись телепатические способности, вот почему он мне верил.

— Так что ты хотел сказать насчет этого парня, Эдгар? — Голос звучал спокойно и вкрадчиво. Я узнал этот голос. Слышал его в первый месяц или чуть дольше после несчастного случая. Таким голосом она говорила с Эдгаром — пациентом палаты номер шесть.

— Ничего, — ответил я. — Не важно.

— Тебе нужно позвонить доктору Кеймену и рассказать об этой твоей новой идее. Идее, что ты — экстрасенс. Не отправляй ему электронное письмо. Позвони. *Пожалуйста.*

— Хорошо, Пэм. — Навалилась усталость. Не говоря уже о раздражении и злобе.

— Хорошо что?

— Хорошо, я тебя слышу. Четко и ясно. Ошибки быть не может. Забудь об этом. Я хотел только одного — спасти Тома Райли.

На это ответа у нее не нашлось. Как и рационального объяснения, каким образом мне удалось узнать о планах Тома. На

том мы и расстались. Кладя трубку, я думал: «Ни одно доброе дело не остается безнаказанным».

Может, и она клала трубку с той же мыслью.

VI

Злость и разбитость не отпускали меня. Не помогала и сырая, мрачная погода. Я попытался поработать наверху, но ничего не вышло. Спустился вниз, взял один из альбомов и вдруг понял, что рисую те же загогулины, что и в прошлой жизни во время телефонных разговоров: мультяшных уродцев с большими ушами. Уже собрался в отвращении отшвырнуть альбом, когда зазвонил телефон. Уайрман.

— Ты придешь во второй половине дня? — спросил он.

— Конечно, — ответил я.

— Я подумал, может, дождь...

— Я собирался приехать на автомобиле. Здесь я ни во что не врежусь.

— Хорошо. Но о часе поэзии можешь забыть. Она сегодня не в себе.

— Плоха?

— Такой я ее никогда не видел. Разорванное мышление. Отрыв от реальности. Помрачнение сознания. — Он глубоко вдохнул и шумно выдохнул. В трубку словно ударил резкий порыв ветра. — Послушай, Эдгар, мне неудобно просить тебя об этом, но могу я ненадолго оставить ее на тебя? Минут на сорок пять, не больше. У Баумгартенов нелады с сауной... что-то там с чертовым нагревателем, к ним приедет электрик, но мне нужно показать ему, где распределительный щит. И, разумеется, расписаться на бланке заказа за выполненную работу.

— Нет проблем.

— Ты — прелесть. Я бы тебя поцеловал, если б не язвы на твоих губах.

— Пошел ты на хер, Уайрман.

— Да, все меня так любят. Это мое проклятие.

— Мне звонила Пэм. Она поговорила с моим другом Томом Райли, — учитывая, чем эта парочка занималась в мое отсутст-

вие, называть Тома моим другом было как-то странно, но, с другой стороны, почему нет? — Похоже, ее стараниями план самоубийства сдулся.

— Это хорошо. Но почему я слышу печаль в твоем голосе?

— Она захотела узнать, откуда мне стало обо всем известно.

— То есть ее уже не интересовало, как ты прознал о том, что она трахалась с этим парнем? Она спросила...

— Как я поставил ему диагноз «депрессия с суицидальным риском», находясь за полторы тысячи миль.

— Ага! И что ты ответил?

— Не имея под рукой хорошего адвоката, мне не оставалось ничего другого, как сказать правду.

— И она подумала, что ты — un poco loco*.

— Нет, Уайрман, она решила, что я — muy loco**.

— А есть разница?

— Нет. Но она будет размышлять над этим, и, поверь мне, Пэм — кандидат в олимпийскую сборную США по размышлениям, а потому, боюсь, мое доброе дело рикошетом ударит по моей же младшей дочери.

— Предполагаешь, что твоя жена будет искать виноватого.

— Предположение правильное. Я ее знаю.

— Это плохо.

— И мир Илзе содрогнется куда сильнее, чем она того заслуживает. Ведь и для нее, и для Мелинды Том был как дядя, с самого их рождения.

— Тогда тебе придется убедить жену, что ты действительно все это видел, и твоя дочь никоим образом не связана с этой историей.

— И как мне это сделать?

— К примеру, рассказать о ней что-то такое, чего ты не должен знать.

— Уайрман, что ты несешь? По своей воле я такого сделать не могу!

— Откуда ты знаешь? Я должен заканчивать разговор, амиго. Судя по звукам, ленч мисс Истлейк только что отправился на пол. Еще увидимся?

---

* немножко не в себе (*исп.*).

** совсем рехнулся (*исп.*).

— Да. — Я собрался добавить: «До скорого», но он уже положил трубку. Я последовал его примеру, гадая, куда я подевал садовые рукавицы Пэм с надписью «РУКИ ПРОЧЬ». Может, если бы я их нашел, идея Уайрмана уже не казалась бы такой безумной.

Я обыскал весь дом, безрезультатно. Возможно, я выбросил рукавицы после того, как закончил рисовать «Друзей-любовников», но сам такого не помнил. Не мог вспомнить. Знаю только, что больше никогда их не видел.

VII

Комнату, которую Уайрман и Элизабет называли Китайской гостиной, в тот день заливал грустный свет субтропической зимы. Дождь лил еще сильнее, барабанил по стенам и окнам, поднявшийся ветер шумел в кронах пальм, окружавших «Эль Паласио», швырял их тени на стены. В этот день, придя в гостиную, я впервые не увидел на столе «живых картинок»: макеты зданий и статуэтки людей и животных пребывали в полнейшем беспорядке. Единорог и чернолицый мужчина лежали бок о бок возле перевернутого здания школы. Если на столе и рассказывалась какая-то история, то я видел разве что эпизод фильма-катастрофы. Рядом с особняком в стиле «Тары» стояла жестянка из-под печенья «Суит Оуэн». Уайрман ранее объяснил мне, что нужно делать, если Элизабет попросит коробку.

Элизабет сидела в инвалидном кресле, ссутулившись, чуть заваливаясь на один бок, рассеянно оглядывая беспорядок на своем игровом столе, где обычно все стояло на положенных местах. Ее синее платье цветом практически не отличалось от огромных баскетбольных кедов «Чак Тейлор» на ее ногах. Вырез-«лодочка» платья растянулся, превратившись в перекошенный раззявленный рот, открыв одну лямку комбинации цвета слоновой кости. Я задался вопросом, одевалась ли Элизабет этим утром сама или при помощи Уайрмана.

Поначалу она вела себя здраво, правильно произнесла мое имя, справилась о моем здоровье. Попрощалась с Уайрманом, когда тот отправлялся к Баумгартенам, и попросила его надеть

шляпу и взять с собой зонт. И это было хорошо. Но когда пятнадцатью минутами позже я принес ей из кухни еду, произошло резкое ухудшение. Элизабет смотрела в угол, и я услышал, как она бормочет: «Возвращайся, Тесси, возвращайся, тебе здесь не место. И заставь уйти этого большого мальчика».

Тесси, мне было знакомо это имя. Я воспользовался своим методом поиска ассоциаций и вспомнил газетный заголовок **«ОНИ ИСЧЕЗЛИ»**. Одну из сестер-близняшек Элизабет звали Тесси. Уайрман мне это говорил. Я буквально услышал его слова: «Предполагается, что они утонули», — и холод, как нож, полоснул мне по боку.

— Принеси мне это. — Элизабет указала на жестянку, и я принес. Из кармана она достала статуэтку, завернутую в носовой платок. Сняла с жестянки крышку, посмотрела на меня — во взгляде смешивались озорство и смятение, так что захотелось отвести глаза, — и бросила статуэтку в жестянку. Послышался мягкий глухой удар. С крышкой у Элизабет поначалу не получалось, но она оттолкнула мою руку, когда я попытался помочь. Закрыла жестянку, протянула мне.

— Ты знаешь, что с ней делать? — спросила Элизабет. — Он... он... — Я видел, как она борется. Слово было близко, но за самой гранью досягаемости. Насмехалось над ней. Я мог бы подсказать его Элизабет, но помнил, какая во мне вспыхивала ярость, когда это делали другие люди, и ждал. — Он сказал тебе, что нужно с ней сделать?

— Да.

— Тогда чего ты ждешь? Забирай эту суку.

Я понес коробку к маленькому пруду рядом с теннисным кортом. Рыбки выпрыгивали из воды, дождь радовал их куда больше, чем меня. Возле скамьи горкой лежали камни, как и говорил Уайрман. Я бросил камень в пруд («Ты можешь подумать, что она не услышит, но слух у нее очень острый», — предупредил Уайрман), стараясь не попасть ни в одну из рыб. Потом отнес жестянку со статуэткой внутрь дома, но не в Китайскую гостиную, а на кухню, снял крышку и вытащил завернутую в носовой платок статуэтку. Обстоятельные инструкции Уайрмана такого не предполагали, но меня разбирало любопытство.

Я увидел фарфоровую женщину с отбитым лицом. На его месте белела неровная поверхность.

— *Кто здесь?* — взвизгнула Элизабет, и я от неожиданности аж подпрыгнул. Едва не выронил покалеченную статуэтку. Она наверняка бы разбилась, ударившись о керамические плитки пола.

— Это я, Элизабет, — откликнулся я, возвращая статуэтку на столик.

— Эдмунд? Или Эдгар, или как там вас зовут?

— Точно. — Я вернулся в гостиную.

— Вы выполнили мою просьбу?

— Да, мэм, не извольте беспокоиться.

— Я уже поела?

— Да.

— Очень хорошо. — Она вздохнула.

— Хотите чего-нибудь еще? Я, безусловно, могу...

— Нет, благодарю, дорогой. Я уверена, поезд скоро прибудет, а вы знаете, я не люблю путешествовать на полный желудок. Всегда приходится садиться на одно из задних сидений, а с набитым желудком у меня разыграется железнодорожная болезнь. Вы не видели мою жестянку, жестянку из-под «Суит Оуэн»?

— Кажется, она на кухне. Принести?

— Не в такой дождливый день. Я хотела попросить вас бросить ее в пруд, пруд бы для этого подошел, но передумала. В такой дождливый день в этом нет необходимости. Не знает милосердье принужденья, вы помните. Оно струится, как тихий дождь.

— С небес, — вставил я.

— Да, да. — Элизабет отмахнулась, словно говоря, что вот это как раз значения и не имеет.

— Почему вы не расставляете статуэтки, Элизабет? Сегодня они все перемешались.

Она бросила взгляд на стол, потом на окно, в тот самый момент, когда особенно сильный порыв ветра плеснул в него дождем.

— На хрен, — услышал я в ответ. — У меня в голове все на хрен перемешалось, — а потом добавила с неожиданной для меня злобой: — Они все умерли и оставили меня *здесь*.

Если вульгарность ее речи у кого-то и не вызывала неприятия, так это у меня. Я очень хорошо ее понимал. Возможно,

милосердие не знает принужденья, миллионы живут и умирают с этой идеей, но... но нам свойственно такое состояние, как ожидание смерти. Да, свойственно.

— Не следовало ему этого брать, но он не знал, — добавила Элизабет.

— Брать что? — спросил я.

— Этого, — доходчиво объяснила она и кивнула. — Я хочу в поезд. Хочу выбраться отсюда до того, как придет большой мальчик.

После этого мы оба замолчали. Элизабет закрыла глаза и вроде бы заснула в инвалидном кресле.

Чтобы чем-то себя занять, я поднялся со стула, который хорошо смотрелся бы в джентльменском клубе, и подошел к столу. Поднял фарфоровые фигурки мальчика и девочки, посмотрел, отставил в сторону. Рассеянно почесал руку, которой не было, продолжая разглядывать художественный беспорядок. Статуэток на полированной деревянной поверхности было точно больше сотни, а может — и двух. Я обратил внимание на фарфоровую женщину со старомодным чепцом на голове (чепец молочницы, подумалось мне), но брать не стал. Во-первых, головной убор не тот, во-вторых, женщина слишком молода. Нашел другую женщину, с длинными крашеными волосами, и вот она устроила меня в большей степени. Да, волосы чуть длиннее и чуть темнее, но...

Нет, не темнее и не длиннее, потому что Пэм ходила в салон красоты, известный так же как Фонтан юности кризиса среднего возраста.

Я держал статуэтку в руке, сожалея, что у меня нет дома, куда бы ее поселить, и книги, которую она могла бы почитать.

Попытался переложить статуэтку в правую руку (совершенно естественное желание, потому что моя правая рука была на положенном месте, я ее чувствовал), и статуэтка с громким стуком упала на стол. Не разбилась, но Элизабет открыла глаза.

— Дик! Это поезд? Уже был свисток? Объявляли посадку?

— Пока нет, — ответил я. — Поспите еще немного.

— Ты это найдешь на лестничной площадке второго этажа, — сказала она, будто я ее о чем-то спрашивал, и опять закрыла глаза. — Скажи мне, когда подойдет поезд. Меня тошнит

от этой станции. И остерегайся большого мальчика. Этот мандализ может быть где угодно.

— Будьте уверены, — ответил я. Правая рука ужасно зудела. Я потянулся к заднему карману, надеясь, что найду там блокнот. Не нашел. Я оставил его в кухне «Розовой громады». От одной кухни мысль перескочила к другой, уже в Паласио. На столике, куда я поставил жестянку из-под печенья, лежал блокнот. Я поспешил на кухню, схватил блокнот, зажал в зубах и чуть ли не бегом вернулся в Китайскую гостиную, на ходу доставая из нагрудного кармана шариковую ручку. Сел на стул с высокой спинкой и стал быстро зарисовывать фарфоровую статуэтку под дробь бьющего в окна дождя. Элизабет спала по другую сторону стола, чуть наклонившись вперед, с приоткрытым ртом. Гонимые ветром тени пальм метались по стенам, словно летучие мыши.

Много времени на это не ушло, но, рисуя, я понял: я выдавливал зуд через шарик ручки, заливал им страницу. Рисовал я фарфоровую статуэтку, но при этом и Пэм. Нарисованная женщина была моей бывшей женой, но при этом и фарфоровой статуэткой. Волосы она теперь носила длиннее, чем при нашей последней встрече, они рассыпались по плечам. И она сидела в

(ДРУГЕ, СТАРИКЕ)

кресле. В каком? В кресле-качалке. До моего отъезда в нашем доме такого не было, но теперь появилось. Что-то лежало на столе у нее под рукой. Поначалу я не знал, что это, но потом из-под шарика появилась коробка с надписью на крышке. «Суит Оуэн»? С надписью «Суит Оуэн»? Нет, с другой надписью. Нет, «Бабушкино печенье». Моя ручка нарисовала что-то рядом с коробкой. Овсяную печенюшку. Пэм обожала овсяное печенье. И пока я смотрел на печенюшку, ручка нарисовала книгу в руке Пэм. Прочитать название я не мог, книга лежала не под тем углом. Ручка уже добавляла полосы между Пэм и окном. Она говорила, что идет снег, но теперь снегопад закончился. И полосы изображали солнечные лучи.

Я подумал, что рисунок закончен, но нет, кое-чего еще не хватало. Ручка, быстрая, как молния, переместилась к левому краю странички и добавила телевизор. Новый телевизор, с плоским экраном, как у Элизабет. А под ним...

Ручка закончила работу и оторвалась от бумаги. Зуд пропал. Пальцы закостенели. По другую сторону длинного стола дремота Элизабет перешла в глубокий сон. Когда-то она могла быть юной и прекрасной. Когда-то она могла быть мечтой какого-то молодого человека. А теперь похрапывала, обратив к потолку по большей части беззубый рот. Если Бог есть, думаю, Ему следовало бы принимать побольше участия в судьбах людей.

viii

Я видел телефонный аппарат и в библиотеке и на кухне, а библиотека располагалась ближе к Китайской гостиной. Я решил, что ни Уайрман, ни Элизабет не сильно разозлятся на меня за междугородний звонок в Миннесоту. Снял трубку, замялся, держа ее на уровне груди. К стене, рядом с рыцарскими доспехами, подсвеченная несколькими лампочками, крепилась коллекция старинного оружия: заряжаемый со стороны длинного ствола мушкет, судя по всему, времен Войны за независимость, кремневый пистолет «дерринджер», который так и просился в сапог какому-нибудь картежнику с речного парохода, карабин «винчестер». А над карабином — штуковина, которая лежала у Элизабет на коленях в тот день, когда мы с Илзе впервые увидели хозяйку острова. С двух сторон штуковину, образуя букву V, обрамляли метательные снаряды. Не стрелы — слишком короткие. Скорее, гарпуны. Наконечники ярко блестели и выглядели очень острыми.

Я подумал: «Таким оружием можно причинить много вреда». Потом вспомнил: «Мой отец был ныряльщиком».

Выпихнул эти мысли и позвонил в дом, который раньше считал своим.

ix

— Привет, Пэм, это опять я.

— Я больше не хочу говорить с тобой, Эдгар. Мы сказали друг другу все, что хотели сказать.

— Не совсем. Но этот наш разговор надолго не затянется. Я присматриваю за пожилой дамой. Она сейчас спит, но я не могу надолго оставлять ее одну.

— Какой пожилой дамой? — из любопытства не могла не спросить Пэм.

— Ее зовут Элизабет Истлейк. Ей лет восемьдесят пять, у нее развивается болезнь Альцгеймера. Ее главный хранитель помогает исправить электрические неполадки в чьей-то сауне, а я присматриваю за ней.

— Хочешь, чтобы я порекомендовала тебя в кандидаты на получение золотой звезды общества «Помогая другим»?

— Нет, я позвонил, чтобы убедить тебя, что я не безумец. — Рисунок я принес с собой, а теперь плечом прижал трубку к уху, чтобы взять его.

— Зачем тебе это?

— Потому что ты уверена, что все началось с Илзе, а это не так.

— Господи, не верю своим ушам. Если бы она позвонила из Санта-Фе и сказала, что у нее порвался шнурок, ты бы тут же помчался туда, чтобы привезти ей новый.

— Мне также не хочется, чтобы ты думала, что я схожу здесь с ума, хотя этого нет и в помине. Поэтому... ты слушаешь?

Молчание на том конце провода, но и молчание меня устраивало. Она слушала.

— Ты десять или пятнадцать минут как вышла из душа. Я думаю, поэтому твои волосы не зачесаны, а свободно падают на плечи. Судя по всему, ты по-прежнему не жалуешь фены.

— Как...

— Я *не знаю* как. Когда я позвонил, ты сидела в кресле-качалке. Должно быть, купила его после развода. Ты читала книгу и ела печенье. Овсяное «Бабушкино печенье». Вышло солнце, и теперь оно светит в окна. У тебя новый телевизор, с плоским экраном. — Я помолчал. — И кошка. У тебя есть кошка. Она спит под телевизором.

На другом конце провода царила мертвая тишина. У меня дул ветер и дождь хлестал в окна. Я уже собрался спросить, слышит ли она меня, когда она заговорила безжизненным го-

лосом, так непохожим на голос Пэм. Поначалу я решил, что она делает это, чтобы причинить мне боль, но ошибся.

— Перестань шпионить за мной. Если ты когда-то меня любил — перестань шпионить за мной.

— Тогда перестань меня винить. — Голос у меня сел. Внезапно я вспомнил Илзе перед ее возвращением в университет Брауна, стоящую под ярким тропическим солнцем у терминала авиакомпании «Дельта». Она смотрела на меня и говорила: «Ты должен поправиться. Заслуживаешь этого. Хотя иногда я гадаю, веришь ли ты, что такое возможно». — Произошедшее со мной — не моя вина. Несчастный случай — не моя вина, и вот это тоже. Я ничего такого не просил.

— *Ты думаешь, я просила?* — выкрикнула Пэм.

Я закрыл глаза, моля уж не знаю кого, кого угодно, сделать так, чтобы я удержался от вспышки ярости.

— Нет, разумеется, нет.

— *Тогда оставь меня в покое! Перестань мне звонить. Перестань меня ПУГАТЬ!*

Она бросила трубку. Я по-прежнему стоял, прижимая свою к уху. Тишина, громкий щелчок, потом дребезжащее гудение Дьюма-Ки. Сегодня оно словно доносилось из-под воды. Возможно, из-за дождя. Я положил трубку на рычаг, посмотрел на рыцарские доспехи.

— Думаю, все прошло очень хорошо, сэр Ланселот, — доложил я.

Ответа не последовало — впрочем, другого я и не заслуживал.

X

Я пересек главный коридор, уставленный комнатными растениями, заглянул в Китайскую гостиную, увидел, что Элизабет спит в той же позе, склонив голову набок. Храп, казавшийся мне таким жалким, подчеркивающим ее старость, теперь успокаивал. Иначе могло показаться, что она мертва, сидит в кресле со сломанной шеей. Я подумал, не разбудить ли ее, и решил, что не стоит. Потом посмотрел направо, на широкую парадную

лестницу, вспомнил ее слова: «Ты это найдешь на лестничной площадке второго этажа».

Найду что?

Вероятно, Элизабет опять потеряла связь с реальностью, но других дел у меня не нашлось, вот я и зашагал по коридору, который в более скромном доме был бы всего лишь переходом между его частями. Здесь же дождь продолжал барабанить по стеклянному потолку. Я начал подниматься по лестнице, остановился за пять ступенек до площадки второго этажа, глаза у меня широко раскрылись, потом я медленно продолжил подъем. Элизабет связи с реальностью не утратила. Я нашел *это* — огромную черно-белую фотографию в узкой золоченой рамке. Позже я спросил Уайрмана, как удалось увеличить черно-белую фотографию 1920-х годов до таких размеров (четыре на пять футов как минимум), практически не потеряв в четкости. Он ответил, что фотографию, вероятно, сделали «Хасселбладом», лучшим за всю историю нецифровым фотоаппаратом.

Фотография запечатлела восемь человек на белом песке. Фоном служил Мексиканский залив. Высокий симпатичный мужчина лет сорока пяти стоял в черном купальном костюме, состоящем из майки с широкими лямками и обтягивающих трусов, вроде тех, которые теперь надевают баскетболисты под верхние. По обе стороны расположились пять девочек, старшая — уже девушка на выданье, младшие — совершенно одинаковые блондинки, напоминавшие близнецов Боббсли из книг моего далекого детства. Близняшки были в одинаковых платьях для купания, юбках в оборочках, и держались за руки. В свободной руке каждая сжимала куклу Рэггеди Энн*. С болтающимися ножками, в передниках, куклы заставили меня подумать о Ребе... и темные волосы над тупо улыбающимися лицами кукол-близняшек были, безусловно, *КРАСНЫМИ*. На сгибе руки мужчина (Джон Истлейк, я в этом не сомневался) держал еще одну девочку, малышку, которая со временем стала той самой старухой, что храпела сейчас на первом этаже. Позади белых стояла

* Рэггеди Энн (Raggedy Ann) — дословно Энн-из-тряпочек, персонаж, созданный детским писателем Джонни Грюллем в 1915 г. Сама кукла (действительно с ярко-рыжими, почти что красными волосами) появилась на прилавках магазинов в 1918 г.

молодая чернокожая женщина лет двадцати двух с косынкой на голове. Она держала корзинку для пикника, тяжелую, судя по напрягшимся мышцам рук. На предплечье одной руки блестели три серебряных браслета.

Элизабет улыбалась и тянулась пухлыми ручками к тому, кто сделал этот семейный портрет. Кроме нее не улыбался никто, разве что в уголках рта мужчины пряталась тень улыбки. Но усы не давали понять, так ли это. А вот молодая чернокожая няня точно выглядела мрачной.

В свободной руке Джон Истлейк держал две вещи. Маску ныряльщика и гарпунный пистолет, который сейчас крепился к стене библиотеки среди другого оружия. И меня занимал единственный вопрос: действительно ли Элизабет выскользнула из тумана, который застилал ее разум, чтобы направить меня сюда?

Но я не успел найти ответ, потому что внизу распахнулась парадная дверь.

— Я вернулся! — крикнул Уайрман. — Задание выполнено! И кто теперь хочет выпить?

Как рисовать картину (V)

Не пугайтесь экспериментов; найдите свою музу и позвольте ей вести вас. По мере того как талант Элизабет расцветал, ее музой стала Новин, чудесная, говорящая кукла. И к тому времени, когда Элизабет осознала свою ошибку (тогда и голос Новин поменялся), было уже слишком поздно. Но поначалу все, наверное, было чудесно. Встреча с музой — всегда счастье.

Взять, к примеру, тот торт.

— Заставь его упасть, — говорит Новин. — Заставь его упасть, Либбит!

И она это делает. Потому что может. Рисует торт няни Мельды на полу. Размазанным по полу! Ха! И няня Мельда над ним, уперев руки в бока, с написанным на лице огорчением.

Почувствовала ли Элизабет стыд, когда так и случилось? Стыд и страх? Думаю, да.

Знаю, *что почувствовала. Для детей обычно забавна только воображаемая злоба.*

Однако были и другие игры. Другие эксперименты. Пока, наконец, в 1927...

Во Флориде все внесезонные ураганы называют «Элис». Это такая шутка. Но тот, что налетел в марте вышеуказанного года, следовало назвать ураган «Элизабет».

Кукла нашептывала ей голосом ночного ветра в пальмах. Или шуршанием ракушек под «Розовой громадой» при отливе. Нашептывала, когда маленькая Либбит уже начинала засыпать. Убеждала, как это будет здорово, нарисовать сильный шторм. И кое-что еще.

Новин говорит: «Это клад. Спрятанные сокровища, которые откроет большой шторм. Папочке будет интересно найти их и посмотреть».

И вот это сработало. Рисовать шторм Элизабет особо не хотелось, а порадовать папочку? Перед таким искушением она устоять не смогла.

Потому что папочка очень злился в тот год. Злился на Ади, которая не пошла в колледж после возвращения из поездки в Европу. Ади не хотела встречаться с достойными людьми, не хотела ездить на балы дебютанток. Ее интересовал только Эмери... а он, с точки зрения папочки, совершенно ей не подходил.

Папочка говорит: «Он не из нашего круга, он — Целлулоидный воротник», — а Ади говорит: «Он из моего круга, и не важно, какой у него воротник», — и папочка сердится.*

Все постоянно ссорились. Папочка злился на Ади, Ади — на него. Ханни и Мария злились на Ади. Потому что она завела себе красивого бойфренда, старшего по возрасту и недостойного по статусу. Близняшек вся эта злоба пугала. Либбит — тоже. Няня Мельда заявляла вновь и вновь, что если бы не Тесси и Ло-Ло, она давно уехала бы к своим родственникам в Джексонвиль.

Элизабет все это рисовала, поэтому я видел.

«Паровой котел» в конце концов взорвался. Ади и Неподходящий ей молодой человек убежали в Атланту, где Эмери обещали работу у конкурента. Папочка пришел в ярость. Большие злюки, вернувшиеся на уик-энд из школы Брейдена, слышали, как он говорил кому-то по телефону, что прикажет привезти Эмери Полсона сюда и выпорет кнутом так, что у того не останется и клочка целой кожи. Он выпорет их обоих!

Но потом отец передумал: «Нет, клянусь Богом. Оставим все как есть. Она сама заварила кашу. Пусть теперь и расхлебывает».

После этого налетел ураган «Элис».

Либбит почувствовала его приближение. Почувствовала, как поднимается ветер и несет облака, черные, как смерть. А уж сам ураган (проливной дождь, грохочущие, как грузовой поезд, удары волн) очень напугал ее, словно она звала собаку, а прибежал волк.

Когда ветер стих, выглянуло солнце, и все стало хорошо. Даже лучше, чем хорошо, потому что после ухода «Элис» про Ади и Не-

* Целлулоидные сменные воротники мужчины носили где-то с 1880 по 1930 год. Они были лучше бумажных, но и гораздо дешевле тканевых. Таким прозвищем Джон еще раз подчеркивает, что Эмери — не пара Ади.

подходящего ей молодого человека на время забыли. Элизабет даже слышала, как папочка что-то напевал себе под нос, когда вместе с мистером Шэннингтоном очищал двор от принесенного ураганом мусора. Папочка сидел за рулем маленького трактора, а мистер Шэннингтон складывал в тележку пальмовые листья и ветки.

Кукла шептала, муза пела свою песню.

Элизабет послушала, и в тот самый день нарисовала место у Ведьминой скалы, где, по словам Новин, и находился клад, откопанный ураганом.

Либбит просит папочку пойти и взглянуть, просит его просит его просит его. Папочка говорит: «НЕТ», папочка говорит, что он очень устал, что у него болит все тело после уборки двора.

Няня Мельда говорит: «Вода поможет снять усталость, мистер Истлейк».

Няня Мельда говорит: «Я соберу корзинку для пикника и приведу девочек».

И потом няня Мельда говорит: «Вы же знаете, какая она теперь. Если говорит, что там что-то есть, возможно...»

Вот они и идут по берегу к Ведьминой скале... папуля в купальном костюме, в который с трудом влез, и Элизабет, и близняшки, и няня Мельда. Ханна и Мария уже вернулись в школу, а Ади... о ней лучше не вспоминать. Ади В НЕМИЛОСТИ. Няня Мельда несет красную корзинку для пикника. В ней ленч, шляпки от солнца для девочек, рисовальные принадлежности Элизабет, подводный пистолет папочки и несколько гарпунов.

Папочка надевает ласты, заходит в воду по колено и говорит: «Холодно! Хочется, чтобы поиски не заняли много времени, Либбит. Скажи мне, где лежит этот сказочный клад».

Либбит отвечает: «Скажу, но ты обещаешь, что я смогу взять фарфоровую куклу?»

Папочка говорит: «Любая кукла — твоя. Ты заслужила награду».

Муза увидела клад, девочка его нарисовала. Их будущее определилось.

Глава 9
КЭНДИ БРАУН

i

Спустя два вечера я впервые нарисовал этот корабль.

Сначала назвал картину «Девочка и корабль», потом — «Девочка и корабль № 1». Именно корабельный цикл, а не история с Кэнди Брауном, побудил меня выставлять свои работы. Если Наннуцци хотел организовать выставку, я уже ничего не имел против. И не потому, что гнался за, как говорил Шекспир, «дутой славой» (в этом меня просветил Уайрман). Просто признал правоту Элизабет: не следовало накапливать законченные полотна на Дьюма-Ки.

Картины с кораблем были хороши. Может, превосходны. Такое у меня возникало ощущение, когда я заканчивал каждую. Но при этом от них веяло могущественным злом. Думаю, я это знал с самой первой картины, которую написал в канун дня святого Валентина. В последнюю ночь жизни Тины Гарибальди.

ii

Кошмаром я бы этот сон называть не стал, но он был таким ярким и живым, что мне не под силу описать его словами, хотя что-то удалось перенести на холст. Не все, но что-то. Может, и многое. На небе полыхал закат. В этом сне и во всех последующих на небе полыхал закат. Красный цвет заливал западный горизонт,

поднимался до небес, где переходил в оранжевый, а потом, что странно, в зеленый. В Заливе царил полный штиль, лишь в редких местах гладь воды вспучивали маленькие волны, напоминая капельки пота. В отраженном солнечном свете Залив выглядел, как гигантская глазница, заполненная кровью.

На этом огненном фоне чернел силуэт древнего трехмачтового парусника. Прогнившие паруса корабля обвисли, красный свет прорывался сквозь дыры и разрывы. Живых на борту не было. Чтобы это понять, хватало одного взгляда. Не покидало ощущение, что корабль таит в себе угрозу, словно там поселилась какая-то болезнь, убившая команду и оставившая только гниющий труп из дерева, парусины и пеньки. Я помню, как подумал, что чайка или пеликан, если им доведется пролететь над кораблем, упадут на палубу с дымящимися перьями.

Не более сорока ярдов разделяли парусник и маленькую весельную лодку. В ней сидела девочка, спиной ко мне. С красно-рыжими волосами, но волосы были искусственными: у живой девочки таких спутанных волос быть не могло. Кто эта девочка, я мог определить по платью. В крестиках-ноликах и печатных буквах, образующих слова: **«Я ВЫИГРЫВАЮ, ТЫ ВЫИГРЫВАЕШЬ»**. Илзе носила такое платье в четыре или пять лет... примерно столько же было и близняшкам на семейном портрете, который я видел на лестничной площадке второго этажа в «El Palacio de Asesinos».

Я пытался закричать, предупредить ее, что нельзя приближаться к древнему паруснику. Не мог. Ничего не мог. В любом случае значения, похоже, это не имело. Девочка просто сидела в маленькой лодочке, которая чуть покачивалась на едва заметных красных волнах, смотрела на корабль, одетая в разрисованное крестиками-ноликами платье Илзе.

Я упал с кровати на травмированный бок. Закричал от боли и перекатился на спину, слушая доносящийся снаружи шум волн и шуршание ракушек под домом. Они подсказали, где я нахожусь, но покоя не принесли. «Я выигрываю, — говорили они. — Я выигрываю, ты выигрываешь. Ты выигрываешь. Я выигрываю. Пистолет — я выигрываю. Фрукт — ты выигрываешь. Я выигрываю, ты выигрываешь».

Мне начало жечь ампутированную руку. Выбор у меня был простой: либо прекратить это, либо рехнуться, и я знал лишь один действенный способ. Пошел наверх и следующие три часа рисовал, рисовал, рисовал. Без модели на столе, без вида за окном. Не нуждался ни в первом, ни во втором. Все уже держал в голове. И работая, я осознал, что это та самая картина, к которой меня подводили все предыдущие. Я говорю не о девочке в весельной лодке — она служила лишь дополнительной приманкой, якорем, зацепленным за реальность. Корабль — вот к чему я шел все это время. К кораблю и закату. Оглядываясь назад, я вижу всю иронию сложившейся ситуации: именно в «Здрасьте», моем первом карандашном наброске, сделанном в день приезда, я в наибольшей степени приблизился к этой подсознательной цели.

iii

Я рухнул на кровать где-то в половине четвертого и спал до девяти утра. Проснулся свежим, бодрым, освободившимся от всех забот. И погода не подкачала: выдался первый за неделю безоблачный и теплый день. Баумгартены готовились к возвращению на север, но я успел побросать фрисби с их мальчиками до того, как они уехали. Я не жаловался на настроение, боль практически ушла. И до чего это приятно — ощущать себя таким же, как все, пусть лишь на час.

У Элизабет голова тоже очистилась от тумана. Я прочитал ей несколько стихотворений, пока она расставляла фарфоровые статуэтки. Компанию нам составил и Уайрман, которого заразило всеобщее благостное настроение. В тот день, казалось, весь мир радовался жизни. И только потом до меня дошло, что Джордж «Кэнди» Браун, возможно, похищал двенадцатилетнюю Тину Гарибальди в тот самый момент, когда я читал Элизабет стихотворение Ричарда Уилбура о стирке: «Любовь зовет нас ко всему земному». Я выбрал его, потому что утром прочитал газетную заметку, где указывалось, что стихотворение это — фаворит Дня Святого Валентина. Момент похищения Тины Гарибальди зафиксировали предельно точно. Произошло это в 15.16,

согласно временной отметке на видеозаписи, и, возможно, именно в тот момент я прервался, чтобы отпить из стакана зеленого чая Уайрмана, после чего продолжил читать стихотворение Уилбура, которое распечатал из Интернета.

Разгрузочные площадки позади торгового центра «Перекресток» контролировались камерами наблюдения. Полагаю, с тем, чтобы предотвратить кражу товара. На этот раз они зафиксировали кражу жизни ребенка. Тина, стройная девочка в джинсах и с рюкзачком на спине, пересекала контролируемую камерами территорию справа налево. Вероятнее всего, она собиралась заглянуть в торговый центр по пути домой. На пленке, которую телевизионщики крутили с маниакальным упорством, он появляется из-за пандуса и хватает ее за руку. Она вскидывает голову, чтобы посмотреть ему в лицо, и вроде бы задает вопрос. Браун кивает в ответ и уводит ее. Поначалу она не сопротивляется, но потом, аккурат перед тем, как они исчезают за большим мусорным контейнером, Тина пытается вырваться. Но он по-прежнему цепко держит девочку за запястье, пока они не пропадают из поля зрения камеры. Согласно заключению судебного медика, он убил ее почти шестью часами позже, но, судя по тому, в каком виде нашли ее тело, эти часы тянулись очень долго для маленькой девочки, которая никому не причинила вреда. Должно быть, показались бесконечностью.

«За открытым окном утренний воздух полон ангелов», — пишет Ричард Уилбур в стихотворении «Любовь зовет нас ко всему земному». Но нет, Ричард. Нет.

Это были всего лишь простыни.

iv

Баумгартены уехали. Собаки Годфри обгавкали их на прощание. Команда «Веселых служанок» прибыла в дом, где останавливались Баумгартены, и провела генеральную уборку. Тело Тины Гарибальди, обнаженное ниже пояса, нашли в канаве за детским бейсбольным полем в Уилк-парк. Девочку выбросили за ненадобностью, как мешок с мусором. По «Шестому каналу» показали ее мать, кричащую и раздирающую щеки ногтями.

Кинтнеры сменили Баумгартенов. Молодежь из Толедо освободила № 39, и туда вселились три милые пожилые женщины из Мичигана. Эти пожилые женщины много смеялись и кричали: «Эй!», — когда видели меня или Уайрмана. Я понятия не имел, использовали они Wi-Fi, недавно установленный в № 39, или нет, но во время нашей первой игры в крестословицу они разделали меня под орех. Собаки Годфри без устали лаяли, когда пожилые женщины выходили на послеполуденную прогулку. Мужчина, который работал на автомойке «И-Зет джет» в Сарасоте, позвонил в полицию и сказал, что человек на видеозаписи камер наблюдения похож на одного из мойщиков, парня, которого звали Джордж Браун по прозвищу Кэнди. В День Святого Валентина Кэнди Браун ушел с работы в половине третьего и не появился там на следующий день, сославшись на недомогание. Автомойка «И-Зет джет» находилась в одном квартале от торгового центра «Перекресток». Через два дня после Святого Валентина я зашел на кухню «Паласио» и увидел, что Уайрман сидит за столом с запрокинутой головой и весь трясется. Когда тряска прекратилась, Уайрман сказал, что прекрасно себя чувствует. На мои слова, что выглядит он далеко не прекрасно, Уайрман предложил мне оставить свое мнение при себе, говорил резко, чего я прежде за ним не замечал. Я поднял руку с тремя оттопыренными пальцами и спросил, сколько пальцев он видит. Он сказал: три. Я загнул один палец, и он сказал: два. Посомневавшись, я все же решил не заострять на этом внимания. Вновь напомнил себе, что не несу ответственности за Уайрмана. Я закончил «Девочку и корабль» номер два и номер три. В «№ 2» девочка сидела в весельной лодке в синем в горошек платье Ребы, но я практически не сомневался, что это была Илзе. А в «№ 3» о сомнениях речи вообще не было. Ее волосы обрели соломенный цвет (я его помнил с тех дней), и на ней была матросская блузка с синим причудливым узором на воротнике (ее я помнил еще лучше, и не без причины: именно в этой блузке в одно из воскресений Илзе упала с яблони в нашем дворе и сломала руку). В «№ 3» корабль чуть развернулся, и я смог прочитать первые буквы его названия, написанные на носу облупившейся краской: **«ПЕР»**. Я понятия не имел, что за ними последует. На той картине впервые появился гарпунный пистолет Джона Истлейка.

Заряженный, он лежал на одной из скамей весельной лодки. Восемнадцатого февраля приехал друг Джека — помочь с каким-то мелким ремонтом. Собаки Годфри яростно лаяли, приглашая молодого человека заглянуть к ним, чтобы они могли вырвать знатные куски как из его зада, так и из хип-хоповских джинсов. Полиция спросила жену Кэнди Брауна (она тоже звала его Кэнди, все звали этого типа Кэнди, возможно, он и Тине Гарибальди предложил называть его Кэнди, прежде чем замучил и убил девочку) о местопребывании ее мужа во второй половине Дня Святого Валентина. Она сказала, что ему, возможно, нездоровилось, но дома его не было. Он пришел только в восемь вечера или чуть позже. Она сказала, что он принес ей коробку шоколадных конфет. Она сказала, что он частенько ее так баловал. Двадцать первого февраля поклонники кантри-музыки загрузились в спортивный автомобиль и отправились бороздить те северные края, из которых и прибыли. На их место никто не приехал. По словам Уайрмана, это свидетельствовало о развороте потока перелетных птичек. Он говорил, что на Дьюма-Ки этот момент всегда наступал раньше. Потому что на острове не было ни ресторанов, ни завлекаловок для туристов (не было даже паршивой крокодильей фермы!). Собаки Годфри продолжали лаять, как бы говоря, что приток зимних отдыхающих, может, и сократился, но далеко не иссяк. В тот самый день, когда мои соседи покинули Дьюму, полиция прибыла в дом Кэнди Брауна с ордером на обыск. Согласно «Шестому каналу», они взяли несколько вещей. Днем позже три пожилые женщины вновь обыграли меня в крестословицу. Я никак не мог с ними справиться, зато узнал, что есть слово армячина*. Когда вернулся домой и включил телевизор, по «Шестому каналу», который смотрел не отрываясь весь Солнечный берег, передавали экстренный выпуск новостей. Кэнди Брауна арестовали. Согласно источникам, «близким к расследованию», среди прочего из его дома изъяли двое трусов, и на одних нашли кровь. За находкой последовал бы анализ ДНК, с той же неотвратимостью, с какой за ночью следует день. Кэнди Браун ждать не стал. На следующий день газеты процитировали слова, которые он произнес в поли-

* Армячина — ткань из верблюжьей шерсти.

ции: «Я заторчал и совершил ужасное». Все это я прочитал, когда утром пил сок. Над заметкой поместили фотоснимок, уже такой же знакомый, как фото застреленного в Далласе Кеннеди. На фотоснимке Кэнди крепко держал Тину Гарибальди за запястье, а она, подняв голову, вопросительно смотрела на него. Зазвонил телефон. Я снял трубку, не отрывая глаз от фотоснимка, сказал: «Алло». Меня очень занимало случившееся с Тиной Гарибальди. Звонил Уайрман. Спросил, не могу ли я подъехать к ним и побыть какое-то время. Я ответил, конечно, нет проблем, и уже собрался положить трубку, когда осознал, что слышу что-то необычное, не в самом голосе, а как бы за ним. Спросил, что случилось.

— Похоже, я ослеп на левый глаз, мучачо. — С его губ сорвался смешок. Странный такой, полный отчаяния. — Я знал, что к этому идет, но все равно для меня это удар. Полагаю, мы все это чувствуем, когда просыпаемся и понимаем, что... — Уайрман с всхлипом вдохнул. — Ты сможешь подъехать? Я попытался связаться с Энн-Мэри, но она на вызове и... сможешь подъехать, Эдгар? Пожалуйста.

— Уже еду. Держись, Уайрман. Оставайся на месте и держись.

V

У меня последние недели никаких проблем с глазами не возникало. Несчастный случай привел к некоторой потере периферийного зрения, появилась тенденция поворачивать голову вправо, чтобы увидеть то, что прежде я отчетливо видел, глядя прямо перед собой. Но в остальном по этой части все было хорошо. И, направляясь к невзрачному арендованному «шеви», я задавался вопросом, а что бы я испытал, если бы все вокруг вновь начала застилать краснота... или если бы однажды утром я проснулся и обнаружил, что половина моего мира превратилась в черную дыру. Но тут возник новый вопрос. Как Уайрман вообще смог издать смешок? Пусть даже и такой странный.

Я уже взялся за дверную ручку «малибу», когда вспомнил его слова об Энн-Мэри Уистлер, которую он обычно просил побыть

с Элизабет, если ему требовалось отлучиться на довольно продолжительный срок. Она была на вызове, то есть... Я поспешил в дом и позвонил Джеку на мобильник, моля Бога, чтобы он откликнулся и смог приехать. Он и откликнулся и смог. Команда хозяев записала очко на свой счет.

VI

В то утро я впервые выехал с острова за рулем автомобиля, и мне пришлось попотеть, когда я влился в плотный, бампер к бамперу, поток автомобилей, движущийся на север по Тамайами-Трайл. Направлялись мы в Мемориальную больницу Сарасоты по рекомендации врача Элизабет, которому я позвонил, невзирая на слабые протесты Уайрмана. И теперь Уайрман продолжал спрашивать, как мое самочувствие, уверен ли я, что смогу доехать до нужного места, не следовало ли мне остаться с Элизабет, а с ним отправить Джека.

— Все у меня хорошо.

— Ты выглядишь испуганным до смерти. Это я как раз вижу. — Его правый глаз сместился в мою сторону. Левый попытался последовать за ним, но безуспешно. Налитый кровью, частично закатившийся под верхнее веко, он сочился слезами. — Не впадешь в прострацию, мучачо?

— Нет. А кроме того, ты слышал Элизабет. Если бы ты не поехал сам, она бы взяла швабру и выгнала тебя за дверь.

Он не хотел, чтобы мисс Элизабет узнала, что ему нехорошо, но она пришла на кухню на своих ходунках и подслушала конец нашего разговора. Опять же у нее отчасти проявлялись те же телепатические способности, что и у Уайрмана. Мы вроде бы это не признавали, но что было, то было.

— Если они захотят положить тебя... — начал я.

— Конечно, они захотят, у них это просто рефлекс, но такому не бывать. Если они смогут что-то поправить, тогда другое дело. Я еду только потому, что Хэдлок, возможно, скажет мне, что это не постоянная темнота, а временное отключение радара. — Он кисло улыбнулся.

— Уайрман, да что с тобой произошло?

— Всему свое время, мучачо. Какие ты нынче пишешь картины?

— Сейчас это не важно.

— Дорогой мой, похоже, я не единственный, кто устал от вопросов. Тебе известно, что в зимние месяцы из сорока человек, постоянно пользующихся Тамайами-Трайл, один попадает в автомобильную аварию? Это правда. А на днях в выпуске новостей сказали, что шансы столкновения Земли и астероида размером с «Астродоум»* в Хьюстоне выше, чем шанс...

Я потянулся к радиоприемнику.

— Почему бы нам не послушать музыку?

— Хорошая идея, — кивнул он. — Только не гребаное кантри.

Поначалу я не понял. Потом вспомнил моих бывших соседей. Нашел самую громкую, самую тупую рок-станцию, которая именовала себя «Кость». Группа «Nazareth» с воплями исполняла «Hair of the Dog».

— Ага, блевотный рок-н-ролл, — прокомментировал Уайрман. — Вот ты и проявил себя, mi hijo**.

vii

День выдался долгим. Если уж ты решил бросить свое тело на конвейерную ленту современной медицины (особенно в городе, где очень уж много пожилых людей, зачастую приехавших с севера и выздоравливающих после болезни) — готовься к долгому дню. Мы пробыли в больнице до шести вечера. Они действительно хотели оставить Уайрмана. Он отказался.

Большую часть этого дня я провел в чистилищных комнатах ожидания, где журналы старые, обивка стульев вытертая, а из угла вещает телевизор. Я сидел, слушая тревожные разговоры вперемешку с телевизионным квохтаньем, время от времени уходил в одно из помещений, где разрешалось пользоваться сотовыми телефонами, и с мобильника Уайрмана звонил Джеку. Как она? Отлично. Они играли в парчизи***. Потом она занима-

---

* «Астродоум» — крытая арена на 55 тысяч зрителей.

** сын мой (*исп.*).

*** Парчизи — популярная настольная игра.

лась Фарфоровым городом. В третий раз они ели сандвичи и смотрели Опру. На четвертый она спала.

— Скажите ему, что она сама ходила в туалет, — добавил Джек. — Пока.

Я сказал. Уайрмана это порадовало. А конвейерная лента медленно, но ползла.

Три комнаты ожидания, одна рядом с приемным отделением, где Уайрман отказался даже притронуться к планшету с зажимом, которым крепился статистический бланк, возможно, потому, что не мог прочитать ни слова (я заполнил все необходимые графы), вторая — рядом с отделением неврологии, где я познакомился с Джином Хэдлоком, врачом Элизабет, и Гербертом Принсайпом — по словам доктора Хэдлока, лучшим неврологом Сарасоты. Принсайп не стал этого отрицать и не сказал «чушь». Последняя комната ожидания находилась на втором этаже, где располагалось Очень Сложное оборудование. Здесь Уайрмана повели не к магниторезонансному томографу, моему хорошему знакомцу, а в рентгеновский кабинет в дальнем конце коридора. Я предположил, что в наш просвещенный век кабинет этот покрыт пылью и затянут паутиной. Уайрман оставил мне медальон с Девой Марией, и я сидел в комнате ожидания, гадая, почему лучший невролог Сарасоты прибег к столь древнему методу обследования. Просветить меня никто не удосужился.

Телевизоры во всех трех комнатах ожидания были настроены на «Шестой канал», так что мне снова и снова показывали одну и ту же «Картину»: рука Кэнди Брауна крепко держит запястье Тины Гарибальди, она смотрит на него, и взгляд Тины наводит ужас на любого, кто воспитывался в более или менее приличном доме, потому что каждому понятно, о чем говорит этот взгляд. Все объясняют детям, что нужно быть осторожными, очень осторожными, что незнакомец может означать опасность, и, возможно, дети с этим соглашаются, но дети из хороших семей воспитаны в уверенности, что безопасность положена им по праву рождения. Ее глаза говорили: «Конечно, мистер, скажите, что я должна сделать». Глаза говорили: «Вы — взрослый, я — ребенок, вот и скажите мне, чего вы хотите». Глаза говори-

ли: «Меня воспитывали в уважении к старшим». И что самое ужасное, разящее наповал, глаза говорили: «Мне никогда не причиняли боли».

Не думаю, что бесконечно повторяющееся появление этой «Картины» на телеэкране являлось определяющим фактором последующих событий, но имело ли оно отношение к случившемуся? Да.

Безусловно, имело.

viii

Уже в темноте я выехал из гаража, где оставил автомобиль на день, и по Трайл поехал на юг, к Дьюме. Поначалу я совсем не думал об Уайрмане; дорога целиком и полностью занимала мое внимание: почему-то я не сомневался, что удача вот-вот покинет меня, и поездка закончится аварией. И только когда мы миновали съезды на Сиеста-Ки, и машин стало поменьше, я начал расслабляться. Когда же мы добрались до торгового центра «Перекресток», Уайрман скомандовал:

— Сверни.

— Что-то понадобилось в «Гэпе»? Трусы? Футболки с карманами?

— Не умничай. Просто сверни. Остановись под фонарем.

Я припарковался под одним из фонарей и заглушил двигатель. Как-то мне было не по себе, хотя стоянка не была пустой, и я знал, что Кэнди Браун перехватил Тину Гарибальди с другой стороны торгового центра, где находились разгрузочные площадки.

— Думаю, я могу хоть раз все рассказать. И ты заслуживаешь того, чтобы услышать. Потому что ты всегда хорошо ко мне относился. И это правда.

— Уайрман, давай обойдемся без этого.

Руки его лежали на тонкой серой папке, которую ему дали в больнице. С его именем и фамилией на наклейке. Он поднял палец, предлагая мне замолчать, но не взглянул на меня. Смотрел прямо перед собой, на «Универмаг Биллса», который занимал этот край торгового центра.

— Я хочу рассказать все сразу и до конца. Тебя это устраивает?

— Конечно.

— Моя история похожа... — Он повернулся ко мне, внезапно оживившись. Из левого, ярко-красного глаза непрерывно текли слезы, но по крайней мере теперь он смотрел на меня, как и правый. — Мучачо, ты видел хоть один из тех радостных телерепортажей о парне, который выиграл двести или триста миллионов баксов в «Пауэрбол»*?

— Все видели.

— Его выводят на сцену, потом дают ему огромный ненастоящий картонный чек, и он что-то говорит, почти всегда бессвязное, но это и хорошо, в такой ситуации даже логично, потому что правильно угадать все номера — уже из ряда вон. Что-то невероятное. И лучшее, на что ты теперь способен, так это сказать: «Я собираюсь в гребаный «Диснейуолд». Ты следишь ходом моих мыслей?

— Скорее да, чем нет.

Уайрман вновь принялся изучать посетителей универмага, за которым Тина Гарибальди на свою беду встретилась с Кэнди Брауном.

— Я тоже выиграл в la loteria. Только разыгрывалась не крупная сумма, а самое большое несчастье. В моей прошлой жизни я занимался в Омахе юриспруденцией. Работал в фирме «Файнэм, Дулинг и Аллен». Остряки (к ним я относил и себя) иногда называли нашу контору «Найди, Трахни и Забудь». Если на то пошло, фирма была большая и честная. Работали мы хорошо, я занимал в ней достаточно высокое положение. В свои тридцать семь я оставался холостяком и думал, что в этом аспекте моя жизнь уже не переменится. Потом в город приехал цирк... Эдгар, это был настоящий цирк, с большими кошками и воздушными гимнастами. Многие артисты были из других стран, в цирках это обычное явление. Вот и воздушные гимнасты приехали из Мексики вместе с семьями. Одна из бухгалтеров цирка, Джулия Таверес, тоже была из Мексики. Она не только вела счета цирка,

* «Пауэрбол» — лотерея, которая проводится два раза в неделю. Суперприз получает указавший все шесть выпавших номеров.

но и выполняла обязанности переводчика для воздушных гимнастов.

Имя он произнес на испанский манер — Хулия.

— В цирк я не ходил. Уайрман иногда ходит на рок-концерты, но в цирк он не ходит. И вновь сработал лотерейный принцип. Каждые несколько дней административные работники цирка тянули жребий, кому ехать в магазин за едой. Ты понимаешь, чипсы-дрипсы, кофе, газировка. И в Омахе Джулия достала из шляпы бумажку с крестом. Когда она, уже с покупками, вышла из супермаркета на автостоянку и направлялась к своему мини-вэну, грузовик, въехавший на стоянку со слишком большой скоростью, ударил в составленные в ряд торговые тележки... ты знаешь, как их составляют?

— Да.

— Отлично. Ба-бах! Тележки откатились на тридцать футов, ударили Джулию, сломали ей ногу. Она в ту сторону не смотрела, так что увернуться не могла. Неподалеку оказался коп, который услышал ее крик. Он вызвал «скорую помощь». И проверил водителя грузовика на алкоголь. Тот выдул один-семь.

— Это много?

— Да, мучачо. В Небраске один-семь означает, что ты не отделаешься штрафом в двести долларов, а попадешь под статью за управление транспортным средством в нетрезвом виде. Джулия по совету врача, который принял ее в отделении неотложной помощи, пришла к нам. В «Найди, Трахни и Забудь» тогда работали тридцать пять адвокатов, и дело Джулии могло попасть к любому. Оно попало ко мне. Ты видишь, как выскакивают выигрышные номера?

— Да.

— Я не просто представлял ее интересы; я на ней женился. Она выигрывает иск и получает приличную сумму денег. Цирк уезжает из города, как случается со всеми цирками, лишившись одного бухгалтера. Должен ли я говорить тебе, что мы без памяти влюбились друг в друга?

— Нет, — ответил я. — Я слышу это всякий раз, когда ты произносишь ее имя.

— Спасибо, Эдгар. Спасибо. — Он сидел, опустив голову, положив руки на папку. Потом достал из заднего кармана пот-

репанный толстый бумажник — оставалось только удивляться, что Уайрман мог сидеть на такой горе. Пролистал многочисленные отделения с прозрачными стенками, предназначенные для фотографий и важных документов, нашел нужное и достал фото темноволосой черноглазой женщины в белой блузке без рукавов. Выглядела она лет на тридцать. Писаная красавица.

— Моя Хулия, — сказал Уайрман. Когда я попытался вернуть ему фотографию, он покачал головой — уже доставая другую. Я боялся увидеть то, что на ней изображено, но все-таки взял ее.

Я увидел Джулию Уайрман в миниатюре. Те же темные волосы обрамляли идеальное белокожее лицо. Те же черные, серьезные глаза.

— Эсмеральда, — пояснил Уайрман. — Вторая половинка моего сердца.

— Эсмеральда, — повторил я. И подумал, что глаза с этой фотографии и глаза с «Картины», которые смотрели снизу вверх на Кэнди Брауна, практически не отличались. Начала зудеть рука. Та самая, что сгорела в больничной печи. Я почесал ее, точнее, ребра. Тут ничего не изменилось.

Уайрман взял у меня фотографии, поцеловал каждую (у меня защемило сердце), разложил по соответствующим отделениям. На это ушло время, потому что руки у него тряслись. И, полагаю, видел он не так хорошо, как хотелось бы.

— По идее, тебе даже не обязательно смотреть, как выскакивают эти выигрышные номера, амиго. Если ты закроешь глаза, то услышишь, как выкатываются шары: шурш, шурш и шурш. Некоторым людям везет. Раз — и в дамки! — Он цокнул языком. Звук в кабине маленького седана прозвучал очень уж громко.

— Когда Эс исполнилось три года, Джулия начала подрабатывать в организации «Ярмарка вакансий, решения для иммигрантов», расположенной в центральной части Омахи. Она помогала испаноязычным, как с грин-картой, так и без нее, найти работу и показывала нелегальным иммигрантам, которые хотели получить гражданство, правильную дорогу. Организация была маленькая, свою деятельность особо не афишировала, но приносила куда больше практической пользы, чем все эти марши и размахивание плакатами. По скромному мнению Уайрмана.

Он прижал руки к глазам и шумно, со всхлипом, вдохнул. Потом его ладони грохнулись на папку.

— Когда это случилось, я находился в Канзас-Сити. Уехал по делам. Джулия с понедельника по четверг до обеда работала. Эс ходила в детский садик. Хороший детский садик. Я мог бы подать в суд и разорить их, мог отправить хозяйку на паперть, но я этого не сделал. Потому что даже в горе понимал: случившееся с Эсмеральдой могло случиться с любым ребенком. Это всего лишь лотерея, entiendes? Однажды наша фирма подала в суд на компанию-изготовителя жалюзи (я в этом процессе не участвовал). Младенец, лежащий в колыбельке, каким-то образом ухватился за шнур, которым эти жалюзи поднимались, сунул его в рот и задохнулся. Родители выиграли дело, и им заплатили, но ребенок умер, и, если бы не шнур, причина была бы другой. Игрушечный автомобиль, идентификационная бирка с собачьего ошейника. Стеклянный шарик. — Уайрман пожал плечами. — Как с Эсмеральдой. Играя, она засунула в рот стеклянный шарик, он попал в горло, и моя дочь задохнулась.

— Господи, Уайрман! Это ужасно!

— Она была еще жива, когда ее привезли в больницу. Женщина из детского садика позвонила на работу и мне, и Джулии. Она что-то лепетала. Как безумная. Джулия выскочила из своей «Ярмарки», прыгнула в автомобиль, помчалась как оглашенная. За три квартала до больницы столкнулась с грузовиком департамента общественных работ Омахи. Погибла мгновенно. Наша дочь умерла двадцатью минутами раньше. Медальон с Девой Марией, который я тебе давал... это медальон Джулии.

Он замолчал, и тишина окутала салон. Я не стал ее нарушать. Да и что я мог сказать, выслушав такую историю? Какое-то время спустя Уайрман продолжил:

— Это всего лишь другой вариант «Пауэрбола». Пять чисел плюс самое важное бонусное число. Тик, тик, тик, тик, тик. И наконец, *так*, для ровного счета. Думал ли я, что такое может случиться со мной? Нет, мучачо, никогда, даже в самом кошмарном сне, и Бог наказывает нас за то, что мы не можем себе представить. Мои мать с отцом умоляли меня обратиться к психотерапевту, и через какое-то время (восемь месяцев после похорон) я действительно к нему пошел. Я устал плыть по жиз-

ни, как воздушный шар, подвешенный в трех футах над моей головой.

— Мне это чувство знакомо, — вставил я.

— Я знаю, что знакомо. Мы спускались в ад в разные смены, ты и я. И, как я понимаю, поднялись обратно, хотя мои каблуки еще дымятся. Как насчет твоих?

— Да.

— Психотерапевт... милый человек, но я не смог с ним говорить. С ним я бормотал что-то нечленораздельное. С ним я начинал улыбаться во весь рот. Каждое мгновение ожидал, что роскошная деваха в купальнике вынесет мне большой картонный чек, а зрители увидят его и захлопают. И в конечном итоге чек я *действительно* получил. Когда мы поженились, я оформил совместную страховку. Когда появилась Эс, внес в полис и ее. Так что я действительно выиграл в лотерею. Особенно если добавить компенсацию, которую выплатили Джулии после инцидента на автомобильной стоянке супермаркета. И теперь мы подходим вот к этому. — Уайрман поднял тонкую серую папку. — Мысль о самоубийстве появилась и становилась все более привлекательной. Главным образом потому, что Джулия и Эсмеральда могли быть где-то там, но все-таки неподалеку, ожидая, когда я к ним присоединюсь... но они не могли ждать вечно. Я не религиозный человек, но, думаю, нельзя категорично отметать существование жизни после смерти... пусть потом мы и не останемся такими, как... ты понимаешь. Как сейчас. Но разумеется... — холодная улыбка тронула уголки его губ, — ...прежде всего сказалась депрессия. У меня в сейфе был пистолет. Калибра ноль двадцать два дюйма. Я купил его для защиты семьи после рождения Эсмеральды. Как-то вечером я сидел за обеденным столом и... я уверен, эту часть истории ты знаешь, мучачо.

Я поднял руку, неопределенно взмахнул. Как бы говоря: «Может, si, может, нет».

— Я сидел за обеденным столом в пустом доме. На столе стояла ваза с фруктами, появившаяся благодаря любезности женщины, которая прибиралась в доме и покупала продукты. Я положил пистолет на стол, потом закрыл глаза. Два или три раза повернул вазу вокруг оси. Сказал себе, что если возьму яблоко,

то поднесу пистолет к виску и покончу с собой. Если же возьму апельсин... тогда заберу лотерейные выигрыши и поеду в «Диснейуолд».

— Ты слышал холодильник, — вставил я.

— Совершенно верно, — он не удивился, — я слышал холодильник... и гудение компрессора, и щелканье морозильного агрегата. Я протянул руку и взял яблоко.

— Ты жульничал?

Уайрман улыбнулся.

— Хороший вопрос. Если ты спрашиваешь, подглядывал ли я, ответ — нет. Если тебя интересует, запомнил ли я местоположение фруктов в вазе... — Он пожал плечами. — Quien sabe*? В любом случае я взял яблоко. На всех нас грех Адама. Я не стал надкусывать его или нюхать. Определил на ощупь. Поэтому, не открывая глаз (и не давая себе возможности подумать, что творю), я поднял пистолет и поднес к виску. — Он продемонстрировал все это рукой, которой у меня больше не было, оттопырил большой палец, а указательный приставил к маленькому круглому шраму, который обычно скрывали его длинные седеющие волосы. — Последней мелькнула мысль: «По крайней мере мне больше не придется слушать холодильник или доставать из него еще один кусок картофельной запеканки». Никакого грохота я не помню. Тем не менее весь мир исчез в белом, и на том закончилась прошлая жизнь Уайрмана. А теперь... хочешь послушать о галлюцинациях?

— Да, пожалуйста.

— Охота сравнить со своими?

— Да. — И тут у меня возник вопрос. Возможно, один из самых важных: — Уайрман, у тебя были эти телепатические откровения... странные видения... как их ни назови... до того как ты приехал на Дьюма-Ки? — Я думал о собаке Моники Голдстайн, Гендальфе, о том, как вроде бы задушил его отсутствующей рукой.

— Да, два или три раза, — ответил Уайрман. — Со временем я, возможно, расскажу тебе об этом, Эдгар, но мне не хочется очень уж задерживать Джека у мисс Истлейк. Помимо всего

* Кто знает (*исп.*).

прочего, она наверняка беспокоится из-за меня. Она такая милая.

Я мог бы сказать, что Джек (тоже очень милый) скорее всего беспокоится ничуть не меньше, но лишь попросил продолжать.

— Тебя часто окружает краснота, мучачо, — вновь заговорил Уайрман. — Я не думаю, что это аура в прямом смысле, и это, наверное, не свет мыслей... но случалось и такое. В трех или четырех случаях, когда это происходило, я улавливал не только цвет, но и слово, его обозначающее. И да, однажды такое случилось вне Дьюма-Ки. В галерее «Скотто».

— Когда я не мог найти нужного слова.

— А ты не мог? Я не помню.

— Я тоже, но наверняка так оно и было. *Красное* — для меня ассоциативный символ. Пусковой механизм. Как ни странно, из песни Ребы Макинтайр. Я нашел его почти случайно. Думаю, есть и кое-что еще. Если я не могу вспомнить то, что мне нужно, то... ты понимаешь...

— Начинаешь злиться?

Я подумал о том, как схватил Пэм за шею. Как попытался задушить ее.

— Да. Можно сказать и так.

— Ясно.

— Короче, я уверен, что красное должно выплескиваться наружу и пачкать мои... ментальные одежды. Так это выглядит?

— Близко к тому. И всякий раз, чувствуя красноту вокруг тебя, в тебе, я думаю о том, как проснулся с пулей в голове и увидел, что весь мир — темно-красный. Я подумал, что попал в ад — таким ведь должен быть ад, темно-красной вечностью. — Пауза. — Потом осознал, что это всего лишь яблоко. Оно лежало передо мной, может, в дюйме от моих глаз. Лежало на полу, и я лежал на полу.

— Чтоб я сдох!

— Да, и я подумал о том же. Но я не сдох, потому что видел лежащее передо мной яблоко. «На всех нас грех Адама, — громко произнес я. Потом добавил: — Ваза с фруктами». Все, что случилось и было сказано в последующие девяносто шесть

часов, я помню с абсолютной ясностью. Каждую мелочь. — Уайрман рассмеялся. — Разумеется, чего-то из того, что я помню, не было и в помине, но я с абсолютной ясностью помню и это. И никакой перекрестный допрос не подловит меня на лжи, даже когда речь пойдет о покрытых гноем тараканах, которых я видел выползающими из глаз, рта и ноздрей старого Джека Файнэма.

У меня чертовски болела голова, но, пережив шок, вызванный лежащим у самых глаз яблоком, в остальном я чувствовал себя вполне сносно. Часы показывали четыре утра. То есть прошло шесть часов. Я лежал в луже свернувшейся крови. Она запеклась на правой щеке, как желе. Я помню, что сел и сказал: «Я — заливной денди». И еще я пытался вспомнить, считается ли желе та полупрозрачная субстанция в заливных блюдах. Я сказал: «Нет желе в вазе для фруктов». И высказывание это показалось мне очень разумным, словно благодаря ему я прошел проверку и остался среди психически здоровых. Я начал сомневаться, что пустил себе пулю в голову. Может, просто заснул за обеденным столом, лишь *думая* о самоубийстве, упал со стула, ударился головой. Вот откуда взялась кровь. И такое объяснение представлялось очень убедительным, учитывая, что я мог двигаться и говорить. Я велел себе произнести вслух что-то еще. Имя матери. Вместо этого произнес: «Зреет, зреет урожай, ты хозяина встречай».

Я кивнул, заволновавшись. После выхода из комы со мной такое случалось не единожды. Сядь в *друга*, сядь в *старика*.

— Ты злился?

— Нет, говорю честно! Я испытывал облегчение! Понимал, что удар головой мог привести к некоторой дезориентации. И только потом я увидел на полу пистолет. Взял его, понюхал дульный срез. Запах не оставлял сомнений в том, что из пистолета недавно стреляли. Резкий запах сгоревшего пороха. И все-таки я держался за версию заснул-упал-ударился-головой, пока не прошел в ванную и не увидел дыру на виске. Маленькую круглую дыру, окруженную короной точечных ожогов. — Он вновь рассмеялся, как смеется человек, вспоминая какой-то невероятный случай в своей жизни... скажем, как подал машину задним ходом в гараж, забыв поднять ворота.

— Вот тут, Эдгар, я услышал, как последний выигрышный номер занял свое место. Бонусный номер «Пауэрбола»! И я понял, что мне уже не избежать поездки в «Диснейуолд».

— Или в его копию, — вырвалось у меня. — Господи, Уайрман.

— Я попытался смыть следы пороха, но любое прикосновение отдавалось болью. Словно я надкусывал больной зуб.

Внезапно я понял, почему в больнице Уайрмана отправили на рентген, а не засунули в томограф. Пуля по-прежнему находилась в голове.

— Уайрман, можно задать вопрос?

— Валяй.

— Зрительные нервы человека... Ну, не знаю... перекрещиваются?

— Именно так.

— Тогда понятно, почему беда у тебя с левым глазом. Это похоже... — На мгновение нужные слова не приходили, и я сжал кулаки. Но они пришли. — Это похоже на противоударную травму.

— Пожалуй, что так, да. Я выстрелил в правую часть моей тупой головы, но пострадал левый глаз. Я заклеил рану пластырем. И выпил пару таблеток аспирина.

Я рассмеялся. Ничего не мог с собой поделать. Уайрман улыбнулся и кивнул.

— Потом я лег в постель и попытался уснуть. С тем же успехом можно было попытаться уснуть на концерте духового оркестра. Я не мог спать четыре дня. Мне уже казалось, что я никогда не усну. Мои мысли мчались со скоростью четырех тысяч миль в час. В таких обстоятельствах кокаин казался ксанаксом*. Я не мог даже спокойно лежать. Выдержал двадцать минут, а потом вскочил и поставил альбом с мексиканской музыкой. В половине шестого утра. Провел тридцать минут на велотренажере (впервые после смерти Джулии и Эс), принял душ и пошел на работу.

Следующие три дня я был птичкой, я был самолетом, я был суперадвокатом. Мои коллеги с тревоги за меня переключились

* Ксанакс — транквилизатор, антидепрессант.

к страху за себя (non sequiturs* слетали с моего языка все чаще, и я вдруг начинал говорить одновременно на искаженном испанском и французском, достойном Пепе ле Пю**), но не вызывало сомнений, что в те дни я перелопатил гору документов, и потом на фирму вернулась лишь малая их часть. Я проверял. Партнеры в угловых кабинетах и адвокаты в общем зале объединились в уверенности, что у меня нервный срыв, и в какой-то степени не грешили против истины. Это был *органический* нервный срыв. Несколько человек попытались отправить меня домой, но безуспешно. Дион Найтли, один из моих близких друзей, буквально умолял позволить ему отвести меня к врачу. И знаешь, что я ему сказал?

Я покачал головой.

— «Зерно убирается, сделка закрывается». Отлично помню! Потом я ушел в свой кабинет. Практически убежал. Для Уайрмана такой медленный способ передвижения, как ходьба, не годился. Я провел на работе двое суток. На третью ночь охранник, несмотря на мои протесты, выпроводил меня за дверь. Я проинформировал его, что у эрегированного пениса миллион капилляров, но ни единого угрызения совести. Я также сказал ему, что он — заливной денди, и отец его ненавидел. — Уайрман коротко глянул на папку. — Фраза насчет отца, думаю, его проняла. Даже знаю, что проняла... — Он похлопал по виску со шрамом. — Сверхъестественное радио, амиго. Сверхъестественное радио.

На следующий день меня вызвал к себе Джек Файнэм, верховный раджа нашего королевства, и приказал мне взять отпуск. Не попросил — приказал. Заявил, что я слишком быстро вышел на работу после «злополучных семейных перемен». Я сказал, что это какая-то глупость. Никаких семейных перемен у меня не было. «Скажи просто, что мои жена и ребенок съели гнилое яблоко, — предложил я ему. — Скажи это, ты, седовласый синдик, потому что эти слова наполняют смертного насекомыми», — и вот тут тараканы полезли из его глаз и носа. А два

* non sequitur — нелогичное заключение, ложный вывод, алогичность (*лат.*).

** Пепе ле Пю — скунс, персонаж мультфильмов кинокомпании «Уорнер бразерс». Действие многих происходит во Франции.

выползли из-под языка, они разбрызгивали белую пену по подбородку Джека, перебираясь через его нижнюю губу.

Я начал кричать. Я бросился на него. Если бы не кнопка тревожной сигнализации на его столе (я даже не подозревал, что она была у этого параноидального старикашки), я бы его убил. Опять же бегал он на удивление быстро. Я хочу сказать, бегал кругами по кабинету. От меня. Должно быть, сказались годы, проведенные на теннисном корте и поле для гольфа. — Уайрман на секунду задумался. — Но на моей стороны были безумие и молодость. Я схватил его в тот самый момент, когда в кабинет ворвалась подмога. Полдюжины адвокатов с трудом смогли оттащить меня от Джека, и я разорвал пополам его пиджак от Пола Стюарта. От воротника до низа... — Он медленно покачал головой. — Тебе следовало бы послушать, как кричал этот hijo de puta*. И тебе следовало бы послушать меня. Чего я только не нес, включая оскорбления (выкрикивал во весь голос) насчет его пристрастий к женскому нижнему белью. И, как в случае с отцом охранника, думаю, так оно и было на самом деле. Забавно, не правда ли? И обезумел я или нет, ценился ли как сотрудник или нет, но на том и оборвалась моя карьера в «Найди, Трахни и Забудь».

— Жаль, конечно.

— Жалеть тут не о чем, все, что ни делается, то к лучшему, — заявил он деловым тоном. — Когда адвокаты вынесли меня из его кабинета, в котором я успел много чего натворить, со мной случился припадок. Сильнейший, развернутый припадок. Если бы не медицинские навыки одного из сотрудников, я бы прямо там и умер. Но в итоге только вырубился на трое суток. И почему нет? Мне требовался сон. А теперь...

Он открыл папку и протянул мне три рентгенограммы. По качеству они сильно уступали кортикальным срезам, которые выдавал магниторезонансный томограф, но я мог полагать себя опытным специалистом, пусть и непрофессионалом, который понимает, на что смотрит.

— Перед тобой, Эдгар, объект, которого, по утверждению многих, нет в природе: мозг адвоката. У тебя есть такие картинки?

---

* сукин сын (*исп.*).

— Скажем так, если бы я хотел заполнить альбом...

Уайрман улыбнулся.

— Кому нужен альбом с такими фотографиями? Ты видишь пулю?

— Да. Ты, должно быть, держал пистолет... — Я наклонил указательный палец вниз под достаточно большим углом.

— Совершенно верно. И, вероятно, была частичная осечка. Так что пуля только пробила череп и ушла вниз, под еще более острым к вертикали углом. Вошла в мозг и остановилась. Но до остановки создала... не знаю, как это...

— Ударную волну?

Его глаза вспыхнули.

— Именно. Только серое вещество мозга по консистенции больше похоже на печень теленка, чем на воду.

— Красиво сказано.

— Я знаю. Уайрман может быть красноречив, он это признает. Пуля создала уходящую вниз ударную волну, а последняя вызвала отек и сдавила перекрест зрительных нервов. Это такое место, где правый зрительный нерв становится левым, и наоборот. Ты понимаешь, что получилось? Я выстрелил себе в висок, и не только остался в живых, но и добился того, что пуля создает проблемы для тех участков мозга, что находятся вот здесь. — Он постучал по черепу за правым ухом. — И ситуация ухудшается, потому что пуля движется. За два года она сместилась вглубь как минимум на четверть дюйма. Может, и больше. И мне не нужны Хэдлок или Принсайп, чтобы это понять. Я сам все вижу на этих снимках.

— Так пусть они сделают операцию и вытащат ее. Мы с Джеком проследим за тем, чтобы Элизабет дождалась твоего возвращения в полном...

Он покачал головой.

— Нет? Почему нет?

— Для хирургического вмешательства пуля сидит слишком глубоко, амиго. Вот почему я и не остался в больнице. А ты думал, что из-за комплекса «человека из страны Мальборо»? Ничего подобного. Мое желание умереть осталось в прошлом. Мне по-прежнему недостает жены и дочери, но теперь на моем попечении мисс Истлейк, и я полюбил этот остров. И есть еще

ты, Эдгар. Я хочу узнать, чем продолжится твоя история. Сожалею ли я о том, что сделал? Иногда — si, иногда — нет. Когда si, я напоминаю себе, что теперь я не тот человек, каким был раньше, и должен проявить снисхождение к моему прежнему «я». Тот человек понес столь большую утрату и испытывал столь сильную душевную боль, что не мог нести ответственности за свои поступки. Это моя другая жизнь, и я стараюсь смотреть на свои проблемы, как на... ну... врожденные дефекты.

— Уайрман, это так странно.

— Неужели? Подумай о собственной ситуации.

Я подумал. Я пытался задушить свою жену, а потом забыл об этом. Я спал с куклой на другой половине кровати... Нет, лучше оставить свое мнение при себе.

— Доктор Принсайп хочет положить меня в больницу, потому что я — интересный случай.

— Ты этого не знаешь.

— Но я знаю! — По голосу чувствовалось, что Уайрман едва сдерживается. — После того выстрела я имел дело как минимум с четырьмя Принсайпами. До ужаса одинаковыми: все умные, но отстраненные, напрочь лишенные сочувствия и, по существу, лишь на самую малость отличающиеся от социопатов в детективных романах Джона Д. Макдональда. В борьбе с опухолью они могут попытаться использовать радиацию. На свинцовую пулю она не подействует. Принсайп это знает, но ему интересно. И он не видит ничего плохого в том, чтобы дать мне ложную надежду, уложив на больничную койку, где можно спросить, больно ли мне, когда он делает... *это*. А позднее, когда я умру, он, вероятно, напишет обо мне статью. И сможет поехать в Канкун и пить на пляже вино, разбавленное водой и фруктовым соком.

— Это жестоко.

— Нет — по меркам тех, у кого глаза Принсайпа... вот они-то как раз и жестоки. Я взглянул в них один раз, и мне сразу захотелось бежать куда подальше, пока еще не отняли такую возможность. Что я, собственно, и сделал.

Я покачал головой и задал главный вопрос:

— Так какие у тебя перспективы?

— Почему бы тебе не уехать отсюда? Это место начинает действовать мне на нервы. Я только что осознал, что именно здесь тот выродок похитил маленькую девочку.

— Я мог бы сказать тебе об этом, когда мы свернули сюда.

— Может, и хорошо, что не сказал. — Он зевнул. — Боже, как я устал.

— Это стресс. — Я посмотрел по сторонам и вырулил на Тамайами-Трайл, все еще не веря, что сижу за рулем. Однако само действо мне уже начало нравиться.

— Прогноз далеко не радужный. Я принял достаточно доксепина и зонеграна, чтобы убить лошадь. Это противосудорожные препараты, и они неплохо помогали, но я понял, что у меня проблемы в тот вечер, когда мы обедали в «Зории». Я пытался это отрицать, но ты знаешь этот хрестоматийный пример: отрицание утопило фараона, и Моисей привел сынов Израилевых к свободе.

— Гм... я думал, там речь шла о Красном море. Есть другие препараты, которые ты можешь принимать? Более сильные?

— Принсайп, разумеется, помахал передо мной рецептами, но он хотел предложить невронтин, а к нему я даже не прикоснусь.

— Из-за своей работы.

— Именно.

— Уайрман, мисс Элизабет от тебя не будет никакого проку, если ты станешь слепым, как летучая мышь.

Он не отвечал минуту-другую. Дорога, теперь совершенно пустынная, раскручивалась под светом фар.

— Слепота вскоре станет самой мелкой из моих проблем, — наконец нарушил он тишину.

Я рискнул бросить на него короткий взгляд.

— Ты хочешь сказать, эта пуля может тебя убить?

— Да. — В голосе не слышалось драматизма, отчего звучал он крайне убедительно. — И вот что, Эдгар.

— Что?

— Прежде чем убьет и пока у меня все еще есть один зрячий глаз, я бы хотел взглянуть на твои новые картины. Мисс Истлейк тоже хочет увидеть хотя бы несколько. Она просила тебе это

передать. Ты можешь привезти их в «Эль Паласио» на автомобиле. Водишь ты его прекрасно.

Мы приближались к съезду на Дьюма-Ки. Я включил поворотник.

— Я скажу тебе, что иногда думаю, — продолжил Уайрман после короткой паузы. — Я думаю, что этот отрезок невероятного везения на моем жизненном пути когда-то должен закончиться, и после него все пойдет иначе. Нет абсолютно никаких статистических оснований, чтобы так думать, но это какая-никакая опора. Ты понимаешь?

— Да, — кивнул я. — Уайрман?

— По-прежнему на связи, мучачо.

— Ты любишь Дьюму, но при этом думаешь, что с Дьюмой что-то не так. Что не так с этим островом?

— Я не знаю, что именно, но ведь что-то есть. Или ты не согласен?

— Разумеется, согласен. Ты знаешь, что согласен. В тот день, когда мы с Илзе попытались проехать по дороге в глубь острова, нам стало дурно. Илзе скрутило сильнее, чем меня.

— Она — не единственная, кому досталось, если верить историям, которые я слышал.

— А есть истории?

— Да. На берегу все нормально, но вот в глубине острова... — Уайрман покачал головой. — Я думаю, здесь что-то странное с грунтовыми водами. По той же причине и растительность здесь прет из земли, как бешеная, хотя при таком климате без полива не должна расти даже трава на лужайке. Я не знаю, в чем дело. Но лучше туда не соваться. И особенно молодым женщинам, которые хотели бы иметь детей. Детей без врожденных дефектов.

Вот эта мысль даже не приходила мне в голову. Остаток пути я проехал молча.

IX

Из воспоминаний, относящихся к той зиме, лишь некоторые запечатлелись особенно ярко, и среди них — возвращение в «Эль Паласио» тем февральским вечером. Нас встретили приоткры-

тые ворота. Между створками в инвалидном кресле сидела Элизабет Истлейк, как и в тот день, когда мы с Илзе отправились в неудачную исследовательскую экспедицию на юг. Обошлось без гарпунного пистолета, но она вновь надела спортивный костюм (правда, на этот раз набросила сверху что-то вроде старого пиджачка от школьной формы), и ее большие кеды (в ярком свете фар «малибу» они из синих стали черными) стояли на хромированных подставках для ног. Рядом с креслом расположились ходунки Элизабет, а позади них — Джек Кантори с фонарем в руке.

Увидев приближающийся автомобиль, Элизабет начала подниматься. Джек шагнул вперед, чтобы ее остановить, но когда понял, что настроена она серьезно, положил фонарь на землю и помог встать с кресла. К тому времени я уже остановился у ворот, а Уайрман открывал дверцу. Освещенные фарами «малибу», Джек и Элизабет напоминали актеров на сцене.

— Нет, мисс Истлейк! — крикнул Уайрман. — Не пытайтесь встать! Я отвезу вас домой!

Она словно и не услышала. Джек подвел ее к ходункам (или Элизабет подвела его), и она схватилась за ручки. Затем двинулась к автомобилю. К тому времени уже я пытался вылезти с водительского сиденья, как обычно, борясь с травмированным правым бедром, которое вылезать не хотело. Я стоял у капота, когда Элизабет отпустила ходунки и протянула руки к Уайрману. Дряблые мышцы повыше локтей обвисли, кожа в свете фар стала белой как мука, но широко расставленные ноги прочно упирались в землю. Насыщенный ночными ароматами ветер отбросил волосы назад, и я не удивился, увидев на правой стороне головы шрам (очень давний), практически такой же, как и у меня.

Уайрман вышел из-за открытой дверцы со стороны пассажирского сиденья, замер на секунду-другую. Думаю, он решал, искать ли ему утешения или утешать самому. Потом он направился к ней, вразвалочку, медвежьей походкой, наклонив голову, его длинные волосы закрывали уши и колыхались у щек. Элизабет протянула руки, прижала его к своей внушительной груди. На мгновение покачнулась, и я уже испугался, что ее не удержат даже широко расставленные ноги, но тут же выпрями-

лась, и искривленными артритом руками принялась поглаживать спину Уайрмана, которая поднималась и опускалась.

Я подошел к ним, чувствуя себя несколько неуверенно, и ее взгляд переместился на меня. Я увидел совершенно ясные глаза. Эта женщина не стала бы спрашивать, когда придет поезд, не сказала бы, что в голове у нее все перепуталось. Все шарики и ролики занимали положенные им места. Во всяком случае, временно.

— Мы управимся сами, — услышал я. — Вы можете ехать домой, Эдгар.

— Но...

— Мы управимся сами, — повторила Элизабет, продолжая поглаживать спину Уайрмана шишковатыми пальцами, поглаживать с бесконечной нежностью. — Уайрман отвезет меня в дом. Через минуту. Не так ли, Уайрман?

Он кивнул на ее груди, не поднимая голову, не издав ни звука.

Я подумал и решил: пусть будет, как она хочет.

— Ладно. Спокойной ночи, Элизабет. Спокойной ночи, Уайрман. Пошли, Джек.

Джек положил фонарь на полочку ходунков, посмотрел на Уайрмана (тот все стоял, уткнувшись лицом в грудь старухи), потом пошел к открытой дверце со стороны водительского сиденья.

— Спокойной ночи, мэм.

— Спокойной ночи, молодой человек. В парчизи вам пока недостает терпения, но потенциал у вас есть. Эдгар? — Она посмотрела на меня поверх склоненной головы Уайрмана, его вздымающейся и опадающей спины. — Вода теперь бежит быстрее. Скоро появятся пороги. Вы это чувствуете?

— Да. — Я не знал, о чем конкретно она говорит. Но *понимал* смысл.

— Останьтесь. Пожалуйста, останьтесь на Дьюме, что бы ни произошло. Вы нужны нам. Вы нужны мне, вы нужны Дьюма-Ки. Не забудьте об этом, когда разум вновь покинет меня.

— Не забуду.

— Поищите корзинку для пикника няни Мельды. Она где-то на чердаке, я уверена. Она красная. Вы ее найдете. Они внутри.

— И что я в ней найду, Элизабет?

Она кивнула.

— Да. Спокойной ночи, Эдуард.

Я понял, что реальность вновь начинает ускользать от нее. Но я знал, что Уайрман отвезет ее в дом, что Уайрман позаботится о ней. А пока он не мог этого сделать, она будет заботиться о них обоих. Я оставил их на вымощенном камнем въезде во двор, между ходунками и инвалидным креслом. Она обнимала его, он вжимался лицом в ее грудь. Эта картина по сей день стоит у меня перед глазами, ясная и четкая.

Ясная и четкая.

X

Вождение автомобиля вымотало меня (думаю, сказался и день, проведенный среди множества людей после месяцев одиночества), но о том, чтобы лечь, а уж тем более заснуть, не могло быть и речи. Я проверил почтовый ящик и нашел письма от обеих дочерей. У Мелинды в Париже обнаружилась стрептококковая инфекция, и она, как всегда, воспринимала болезнь как личное оскорбление. Илзе прислала ссылку на газету «Ситизен-Таймс», которая издавалась в Эшвилле, штат Северная Каролина. Я кликнул по ссылке и нашел восторженную рецензию на выступление «Колибри». Они спели в Первой баптистской церкви, и паства кричала «аллилуйя». На фотографии Карсон Джонс и красавица-блондинка стояли перед остальной частью группы с открытыми в песне ртами, глядя друг другу в глаза. Подпись под фотоснимком гласила: «Дуэт Карсон Джонс и Бриджит Андрейссон исполняют «Как велико Твое искусство». Х-м-м-м. Моя If-So-Girl написала: «Я совсем не ревную». Два раза х-м-м-м.

Я приготовил сандвич с копченой колбасой и сыром (и после трех месяцев пребывания на Дьюма-Ки меня тянуло на копченую колбасу), затем пошел наверх. Посмотрел на картины «Девочка и корабль», которые на самом деле следовало называть «Илзе и корабль». Подумал об Уайрмане, спросившем, что я нынче рисую. Подумал о длинном сообщении, которое Элиза-

бет оставила на моем автоответчике. Об озабоченности в ее голосе. Она сказала, что я должен принять меры предосторожности.

Решение пришло спонтанно, и я как мог быстро спустился вниз.

XI

В отличие от Уайрмана я не таскал с собой старый, битком набитый бумажник «Лорд Бакстон». Обычно я засовывал в передний карман одну кредитную карточку, водительское удостоверение, пару-тройку купюр и полагал, что этого достаточно. А бумажник держал в запертом ящике письменного стола в гостиной. Я его достал, просмотрел визитные карточки, нашел нужную, с надписью **«ГАЛЕРЕЯ СКОТТО»** вытянутыми золотыми буквами. Как и ожидал, услышал автоответчик, включавшийся после окончания рабочего дня. После того как Дарио Наннуцци произнес положенную речь и прозвучал звуковой сигнал, я сказал: «Привет, мистер Наннуцци, это Эдгар Фримантл с Дьюма-Ки. Я... — Я сделал паузу, потому что хотел сказать «парень», но вовремя понял, что он меня таковым не воспринимает. — Я художник, который пишет закаты с большими раковинами, растениями и другими поставленными на них предметами. Вы говорили о возможной выставке моих работ. Если интерес до сих пор не пропал, не могли бы вы мне позвонить?» — Я продиктовал номер и положил трубку. Настроение у меня чуть поднялось. Само собой, я же *что-то* сделал.

Я достал из холодильника пиво, включил телевизор, решив, что смогу найти и посмотреть какой-нибудь приличный фильм, прежде чем лечь спать. Из-под дома доносился приятный, убаюкивающий шум: ракушки вели негромкий и неспешный разговор.

Этот разговор прервался голосом мужчины, стоявшего перед частоколом микрофонов. Я попал на «Шестой канал», и на текущий момент роль звезды досталась назначенному судом адвокату Кэнди Брауна. Должно быть, его записанная на видео пресс-конференция происходила в то самое время, когда Уайр-

ману обследовали голову. Выглядел адвокат лет на пятьдесят, волосы зачесывал назад, собрав на затылке в конский хвост, и не создавалось ощущения, что к делу он относится формально. Напротив, и внешность, и голос указывали на готовность положить все силы и опыт на защиту клиента. Он говорил репортерам, что мистер Браун просит признать его невиновным по причине безумия.

Он сказал, что мистер Браун — наркоман, шизофреник и большой любитель порно. Адвокат ничего не сообщил о пристрастиях мистера Брауна к мороженому, равно как и о его музыкальных вкусах, но лишь потому, что список присяжных еще не был сформирован. Помимо микрофона «Шестого канала», я увидел микрофоны с логотипами «NBC», «CBS», «ABS», «Fox» и «CNN». Тина Гарибальди не получила бы такую известность, если бы выиграла конкурс по орфографии или научную олимпиаду, не получила бы, даже если б спасла домашнего песика, бросившись за ним в бурную реку. А вот если тебя изнасиловали и убили, то о тебе уже говорит вся страна. И все знают, что убийца держал твои трусики в ящике комода.

— Он честно признается в своих зависимостях, — известил адвокат. — Его мать и оба отчима были наркоманами. Детство мистера Брауна напоминало сплошной кошмар. Его систематически избивали, он подвергался сексуальным домогательствам. Он лечился в психиатрических клиниках от душевных заболеваний. Его жена — добрая женщина, но и у нее с психикой далеко не все в порядке. Такого, как он, вообще не следовало выпускать на улицы.

Теперь адвокат смотрел прямо в объективы камер.

— Это преступление Сарасоты — не Джорджа Брауна. Я искренне жалею семью Гарибальди, я плачу вместе с семьей Гарибальди, — камеры не смогли уловить на его лице ни одной слезинки в подтверждение последнего, — но казнь Джорджа Брауна не вернет Тину Гарибальди и не исправит систему, при которой психически больные люди без всякого присмотра ходят по улицам. Это мое заявление, спасибо, что выслушали, а теперь, если позволите...

Он начал отходить от микрофонов, игнорируя вопросы, и все было бы в порядке (во всяком случае, могло пойти иным

путем), если бы я выключил телевизор или перешел на другой канал. Но я этого не сделал. Я смотрел и слушал говорящую голову уже в студии «Шестого канала»: «Ройал Бонниер, адвокат-крестоносец, который выиграл с полдюжины безнадежных pro bono* процессов, сказал, что сделает все возможное, чтобы исключить из материалов дела видеозапись, сделанную камерой наблюдения у разгрузочных площадок «Универмага Биллса».

И тут же начался показ этой чертовой видеозаписи. Девочка с рюкзачком за плечами пересекает контролируемую камерой зону справа налево. Браун появляется из-за пандуса и берет ее за руку. Она смотрит на него снизу вверх и вроде бы задает вопрос. И вот тут жутко зазудела моя отсутствующая рука. Будто ее атаковал пчелиный рой.

Я вскрикнул (как от изумления, так и от боли) и повалился на пол, сбросив на ковер и пульт дистанционного управления, и тарелку с сандвичем. Принялся чесать то, чего не было, до чего не мог добраться. Услышал собственный крик: «Прекрати! Пожалуйста, прекрати!» Но, разумеется, прекратить это можно было лишь одним способом. Я поднялся на колени и на четвереньках пополз к лестнице, услышал хруст — колено опустилось на пульт дистанционного управления и раздавило его. Но сначала переключился канал. С «Шестого» на «КМТ» — «Кантримюзик телевижн». Алан Джексон пел об убийстве в Музыкальном ряду. Поднимаясь по лестнице, я дважды хватался за поручень правой рукой... схватился бы, если б она у меня была. Но я буквально чувствовал скрип потной ладони по дереву, а потом рука проваливалась, как сквозь дым.

Каким-то образом мне удалось забраться по лестнице в «Розовую малышку». Не без труда я встал. Локтем включил все лампы и, пошатываясь, поспешил к мольберту. На нем стояла незаконченная картина «Девочка и корабль». Я снял ее, не удостоив и взглядом, поставил чистый холст. Я задыхался, со стоном втягивая в себя воздух. Из-под волос выступил пот. Я схватил тряпку, которой протирал кисти, и накинул на плечо, как накидывал слюнявчик, когда девочки были маленькими. Зажав одну кисть зубами, вторую сунул за ухо, потянулся к третьей, но

* безвозмездно, без гонорара (*лат.*).

вместо нее взял карандаш. И как только принялся рисовать, чудовищный зуд в руке пошел на спад. К полуночи я закончил картину, а зуд пропал. Не просто картину — так ее назвать не поворачивался язык. Я закончил Картину, с большой буквы, очень уж она была хороша, если я имел право на оценку. А я имел. Я действительно был талантливым сукиным сыном. На моей картине рука Кэнди Брауна сжимала запястье Тины Гарибальди. Тина смотрела на него снизу вверх, этими темными глазами, трагическими в своей невинности. Мне удалось идеально, с предельной точностью передать ее взгляд, и если бы родители Тины увидели картину, им захотелось бы покончить с собой. Но они никогда ее не увидят.

Да, эту — не увидят.

Моя картина практически полностью повторяла фотографию, которая с пятнадцатого февраля хотя бы раз публиковалась во всех флоридских газетах и, возможно, в большинстве газет Соединенных Штатов. Разница была лишь в одной, пусть и важной, детали. Я уверен, Дарио Наннуцци сказал бы, что это фирменный знак (Эдгар Фримантл, Американский Примитивист, боролся с клише, пытался по-новому взглянуть на Кэнди и Тину, эту парочку, которую соединил ад), но эта картина не предназначалась и для глаз Наннуцци.

Я рассовал кисти по баночкам из-под майонеза. Краска заляпала мне локоть (и левую половину лица), но мысль о том, что нужно ее смыть, даже не пришла в голову.

Слишком уж хотелось есть.

У меня был гамбургер, но замороженный. Как и свиная отбивная, которую Джек купил на прошлой неделе в «Мортоне». А остаток копченой колбасы я съел на ужин. Оставалась еще непочатая коробка «Спешл К» с фруктами и йогуртом. Я уже начал насыпать хлопья в миску для овсянки, но при моем зверском аппетите миска эта показалась мне размером с наперсток. Я отодвинул ее с такой силой, что миска ударилась о хлебницу и отскочила от нее. Потом достал из шкафчика над плитой салатную миску и высыпал в нее всю коробку. Я разбавил хлопья половиной кварты молока, насыпал семь или восемь полных, с верхом, ложек сахарного песка и принялся за еду, прервавшись только раз, чтобы добавить молока. Все съел и поплелся в спальню, с остановкой у телевизора: заглушил поющего городского

ковбоя. Рухнув поперек кровати, я оказался лицом к лицу с Ребой, а ракушки под «Розовой громадой» продолжали шептаться.

«Что ты сделал? — спросила Реба. — Что ты сделал на этот раз, паршивый парниша?»

Я попытался ответить: «Ничего», — но заснул прежде, чем слово сорвалось с губ. А кроме того... я знал, что это ложь.

XII

Меня разбудил звонок. Со второй попытки мне удалось нажать правую кнопку на телефонном аппарате и произнести что-то, отдаленно напоминающее «алло».

— Мучачо, просыпайся и приходи к завтраку! — воскликнул Уайрман. — Стейк и яйца! У нас праздник... — Он помолчал. — Во всяком случае, я праздную. Мисс Истлейк опять не в себе.

— И что мы празд... — Тут до меня дошло, я понял, что это могло быть, и резко сел, скинув Ребу на пол. — Зрение вернулось?

— Увы, радость не такая большая, но все равно радость. Праздник у всей Сарасоты. Кэнди Браун, амиго. На утреннем обходе охранники нашли его в камере мертвым.

На мгновение правая рука зазудела, а перед глазами все стало красным.

— И что они говорят? — услышал я свой голос. — Самоубийство?

— Не знаю, но в любом случае, будь то самоубийство или смерть от естественных причин, он сэкономил штату Флорида много денег и уберег родителей от судебных мерзостей. Приходи, обсудим. Что скажешь?

— Я только оденусь. И помоюсь. — Я посмотрел на левую руку, разноцветную от красок. — Я поздно лег.

— Рисовал?

— Нет, трахал Памелу Андерсон.

— Твоя воображаемая жизнь достойна сожаления, Эдгар. Я прошлой ночью трахал Венеру Милосскую. И у нее были руки. Не задерживайся. Как тебе приготовить huevos*?

* яйца (*исп.*).

— Согласен на омлет. Буду через полчаса.

— Отлично. Должен отметить, я ждал более бурной реакции на мой выпуск новостей.

— Я все еще пытаюсь проснуться. А в принципе я очень рад, что он мертв.

— Возьми номерок и займи свое место в очереди. — С этими словами он положил трубку.

XIII

Пульт дистанционного управления я сломал, поэтому пришлось включать телевизор вручную. Эти навыки остались в далеком прошлом, но я все-таки справился. На «Шестом канале» вместо «Только Тина, ничего, кроме Тины», показывали новое шоу: «Только Кэнди, ничего, кроме Кэнди». Я увеличил звук до максимума и слушал, оттирая краску.

Джордж «Кэнди» Браун вроде бы умер во сне. Охранник, которого интервьюировали, сказал: «Этот человек был самым громким храпуном. Мы шутили, что сокамерники убили бы его только за храп, если б он сидел в общей камере». Врач что-то пробормотал насчет остановки дыхания во сне и предположил, что Браун умер от возникших осложнений. Отметил, что взрослые от этого умирают редко, но тем не менее случай Брауна — не единичный.

Остановка дыхания во сне показалась мне неплохой версией, но я подумал, что осложнением стал именно я. Соскоблив с себя большую часть краски, я поднялся в «Розовую малышку», чтобы посмотреть на Картину уже при утреннем свете. Не думал, что теперь она покажется мне такой же выдающейся, что и ночью, перед тем как я спустился вниз, чтобы съесть целую коробку овсяных хлопьев... быть такого не могло, учитывая, как быстро я работал.

Но она была выдающейся. Я нарисовал Тину в джинсах и чистенькой розовой футболке, с рюкзачком за плечами. Я нарисовал Кэнди Брауна, также в джинсах, с пальцами, сомкнувшимися на запястье Тины. Ее глаза смотрели на него, и ее рот был чуть приоткрыт, словно она задавала вопрос, скорее всего:

«Чего вы хотите, мистер?» Его глаза смотрели на нее, полные черного умысла, но на остальной части лица никаких эмоций не отражалось, потому что остальной части лица не было вовсе. Я не нарисовал ни нос, ни рот. У моего Кэнди Брауна под глазами белел чистый холст.

Глава 10
ЗА СЛАВЫ МЫЛЬНЫМ ПУЗЫРЕМ*

1

Из самолета, который доставил меня во Флориду, я вышел в толстом полупальто с капюшоном, и этим утром надел его, когда похромал по берегу от «Розовой громады» к «El Palacio de Asesinos». Было холодно, ветер дул с Залива, и поверхность воды напоминала шероховатую сталь под пустынным небом. Если бы я знал, что это мой последний холодный день на Дьюма-Ки, я бы, возможно, посмаковал его... хотя вряд ли. С привычкой страдать от холода я расстался с радостью.

В любом случае я едва осознавал, где нахожусь. На плече у меня висела холщевая сумка, в которую я обычно собирал разные заинтересовавшие меня предметы (отправляясь на прогулку, уже автоматически брал ее с собой), но в это утро я не подобрал ни единой раковины или выброшенной на берег деревяшки. Просто шел, подволакивая больную ногу, забыв и думать о ней, слушал посвист ветра, в действительности не слыша его, наблюдал, как сыщики то подскакивают к прибою, то отпрыгивают от него, фактически не видя их.

Думал: «Я убил человека, точно так же, как убил собаку Моники Голдстайн. Я знаю, звучит это как чушь, но...»

Только это *не звучало* как чушь. И не было чушью.

Я остановил дыхание Кэнди Брауна.

---

* У. Шекспир, «Как вам это понравится».

ii

С южной стороны «Эль Паласио» была застекленная терраса, одна стена которой смотрела на джунгли, а другая — на металлическую синеву Залива. Элизабет сидела в инвалидном кресле, поднос для завтрака стоял на подлокотниках. Впервые за время нашего знакомства я увидел ее привязанной. Поднос с кусочками омлета и хлебными крошками выглядел, как после кормления маленького ребенка. Уайрман даже поил Элизабет соком из кружки-непроливайки. В углу работал маленький телевизор, настроенный на «Шестой канал». По-прежнему показывали «Только Кэнди, ничего, кроме Кэнди». Он умер, и «Шестой канал» кормился с его трупа. Кэнди другого и не заслуживал, но все равно было противно.

— Думаю, она поела, — сказал Уайрман, — но, может, ты посидишь с ней, пока я приготовлю омлет и сожгу тост?

— С радостью, но необходимости в этом нет. Я работал допоздна, а потом немного перекусил.

Немного. Само собой. Выходя из дома, я заметил оставленную в раковине салатную миску.

— Меня это не затруднит. Как твоя нога этим утром?

— Неплохо. — Я говорил правду. — Et tu, Brute*?

— Думаю, все нормально, — отозвался Уайрман, но выглядел он усталым, а из по-прежнему налитого кровью глаза сочились слезы. — Управлюсь за пять минут.

Разум Элизабет отправился в самоволку. Когда я поднес к ее рту кружку-непроливайку, она сделала один глоток и отвернула голову. В неумолимом зимнем свете лицо ее выглядело древним и растерянным. Я подумал, что интересное у нас подобралось трио: впадающая в старческое слабоумие женщина, бывший адвокат с пулей в мозгу и бывший строитель-ампутант. Все с боевыми шрамами на правой стороне головы. В телевизоре адвокат Кэнди Брауна (теперь уже бывший адвокат) требовал тщательного расследования. Элизабет, закрыв глаза, очевидно, выразила общее мнение всех жителей округа Сарасота на сей предмет. Навалившись на ремень (отчего внушительная грудь поднялась вверх), она заснула.

* И ты, Брут (*лат.*)

Уайрман принес омлет на двоих, и я с жадностью набросился на свою половину. Элизабет захрапела. В одном сомнений быть не могло: если бы во сне у нее случилась остановка дыхания, молодой она бы не умерла.

— Пропустил пятнышко на ухе, мучачо, — и Уайрман коснулся вилкой мочки своего уха.

— Что?

— Краска. На ухе.

— Да, — кивнул я. — Оттираться придется пару дней. Забрызгался основательно.

— И что ты рисовал глубокой ночью?

— Сейчас не хочу говорить об этом.

Он пожал плечами и кивнул.

— У художников свои причуды. Само собой.

— Давай обойдемся без этого.

— Грустно, так грустно. Я к тебе со всем уважением, а ты слышишь сарказм.

— Извини.

Он отмахнулся.

— Ешь свои huevos. Вырастешь большим и сильным, как Уайрман.

Я ел мои huevos. Элизабет храпела. Телевизор болтал. Теперь на электронную сцену вывели тетю Тины Гарибальди, молодую женщину, может, чуть старше моей Мелинды. Она говорила, что штат Флорида, по мнению Господа, проявил медлительность, вот Он и наказал «монстра». Сам. Я подумал: «По существу ты права, мучача, только наказал «монстра» не Бог».

— Выключи это безобразие, — попросил я.

Он выключил, повернулся ко мне.

— Может, ты и прав насчет причуд. Я решил выставить свои картины в «Скотто», если, конечно, этот Наннуцци еще не передумал.

Уайрман улыбнулся и зааплодировал — тихонько, чтобы не разбудить Элизабет.

— Великолепно! Эдгар гонится за славы мыльным пузырем! И почему нет? Почему, черт побери, нет?

— Не гонюсь я ни за какими пузырями! — Произнося эти слова, я задавался вопросом, а не грешу ли против истины. — Но

если они предложат мне контракт, ты сможешь вновь стать юристом и просмотреть его?

Улыбка Уайрмана поблекла.

— Я просмотрю, если буду рядом, но не знаю, сколько мне отпущено. — Выражение моего лица заставило его поднять руку, пресекая возражения. — Для меня еще рано играть похоронный марш, но спроси себя, амиго: а тот ли я человек, который может ухаживать за мисс Истлейк? В моем теперешнем состоянии?

Этой щекотливой темы мне касаться не хотелось — во всяком случае, сегодня, — поэтому я спросил Уайрмана:

— А как ты вообще здесь оказался?

— Это важно?

— Возможно.

Ведь поначалу я исходил из того, что сам попал на Дьюма-Ки по собственному выбору, но потом пришел к выводу, что скорее всего Дьюма-Ки выбрала меня. Я даже задавался вопросом (обычно лежа в кровати и под шепот ракушек), а было ли произошедшее со мной несчастным случаем? Разумеется, было, как же иначе, но не составляло труда увидеть параллели в случившемся со мной и Джулией Уайрман. На меня наехал кран, она столкнулась с грузовиком департамента общественных работ. Но, разумеется, есть люди (во многих аспектах — здравомыслящие люди), которые видят лицо Христа на маисовой лепешке.

— Если ты ждешь еще одну длинную историю, то напрасно, — ответил он. — Раскрутить меня на такую непросто, а на данный момент колодец вычерпан чуть ли не до дна. — Он задумчиво посмотрел на Элизабет. Даже с оттенком зависти. — Этой ночью я плохо спал.

— Сойдет и укороченный вариант.

Он пожал плечами. Добродушная улыбка исчезла, как пена со стакана пива. Он ссутулился, большие плечи подались вперед, отчего грудь словно провалилась.

— После того как Джек Файнэм отправил меня в «отпуск», я решил, что Тампа расположена достаточно близко от «Диснейуолда». Только, приехав туда, я заскучал.

— Понятное дело, — кивнул я.

— Я также осознавал необходимость искупить свой грех. Мне не хотелось ехать в Дарфур или в Новый Орлеан, не тянуло

и поработать pro bono, хотя такая мысль возникала. Я чувствовал, что маленькие шары с лотерейными номерами уже где-то подпрыгивают, а еще один ждет не дождется возможности выкатиться из лототрона. Последний шар.

— Да, — сказал я. Холодный палец прошелся по моей шее. Едва заметно. — Еще с одним номером. Мне это чувство знакомо.

— Si, сеньор, я знаю, что знакомо. Я ждал возможности совершить что-нибудь хорошее, в надежде выровнять баланс. Потому что чувствовал, что его нужно выровнять. И однажды увидел объявление в «Тампа трибьюн»: «Требуется компаньон для пожилой женщины и сторож-смотритель в несколько островных жилых домов. Кандидат должен представить резюме и рекомендательные письма, соответствующие отличному жалованью и соцпакету. Это многообещающая должность, которую в должной мере оценит подходящий для данной работы человек. Необходимо умение сходиться с людьми». Сходиться с людьми я умел, и само объявление мне чем-то понравилось. Я пришел на собеседование к адвокату мисс Истлейк. Он сказал мне, что ранее у нее работала семейная пара, которой пришлось срочно вернуться в Новую Англию, потому что с кем-то из их родителей произошел ужасный несчастный случай.

— И ты получил эту работу. А как насчет?.. — Я указал на правый висок.

— Я ему ничего не сказал. Он и так сомневался в моей профессиональной пригодности... гадал, с чего это юрист из Омахи захотел целый год укладывать старушку в постель и проверять замки в домах, которые пустовали большую часть года... но мисс Истлейк... — Он потянулся и погладил ее узловатые руки. — Мы приглянулись друг другу с первого взгляда, не так ли?

Элизабет только всхрапнула, но я посмотрел на выражение лица Уайрмана, и вновь почувствовал прикосновение холодного пальца, уже с нажимом. Почувствовал и понял: мы здесь втроем не просто так, а по желанию чего-то неведомого. Осознание этого основывалось не на той логике, с которой я вырос и на которой строил свой бизнес, но сомнений не было. На Дьюма-Ки приехал другой человек, поэтому единственной для меня логикой стала реакция нервных окончаний.

— Она мне очень дорога, знаешь ли. — Уайрман поднял салфетку, со вздохом, будто что-то тяжелое, и вытер глаза. — К тому времени, когда я перебрался сюда, вся эта безумная суетливость, о которой я тебе рассказывал, ушла. С меня содрали все наносное, и под синим небом и ярким солнцем остался мрачный мужчина, который мог читать газету лишь минуту-другую — если, конечно, хотел обойтись без жуткой головной боли. Мною двигала только одна мысль: за мной долг, который я должен заплатить. Должен отработать. Найти работу и сделать ее. А потом хоть трава не расти. Мисс Истлейк не наняла меня. На самом деле — не наняла. Взяла меня к себе. Когда я приехал сюда, она была не такой, Эдгар. Умной, веселой, горделивой, кокетливой, капризной, требовательной... если хотела, могла руганью или смехом вытащить меня из депрессии, и часто это делала.

— Судя по всему, она потрясающая женщина.

— Была потрясающей. Другая уже давно сдалась бы на милость инвалидного кресла. Но не она. Она взваливает свои сто восемьдесят фунтов на ходунки и бродит по этому кондиционированному музею и по двору... раньше ей нравилось стрелять по мишеням — иногда из старого отцовского ружья, чаще — из гарпунного пистолета, потому что у него отдача меньше. И потому что, по ее словам, ей нравится звук. Когда эта штуковина при ней, она действительно выглядит невестой крестного отца.

— Такой я впервые ее увидел, — вставил я.

— Я сразу к ней проникся, а потом и полюбил. Джулия называла меня mi compañero*. Я часто об этом думаю, когда нахожусь с мисс Истлейк. Она — mi compañera, mi amiga**. Она помогла мне найти мое сердце, когда я уже думал, что его больше нет.

— Я бы сказал, что тебе повезло.

— Может, si, может, нет. Вот что я тебе скажу: оставить ее очень тяжело. Что она будет делать, когда появится новый человек? Новый человек не будет знать, что она любит пить кофе по утрам у края мостков... или о гребаной жестянке, которую вроде бы нужно выбрасывать в пруд с золотыми рыбками... и

* мой компаньон (*исп.*).

** моя компаньонка, моя подруга (*исп.*).

она не сможет объяснить, потому что большую часть времени ее разум застилает густой туман.

Уайрман повернулся ко мне, на его осунувшемся лице читался испуг.

— Я все запишу, вот что я сделаю... наш распорядок, полностью. С утра и до вечера. И ты проследишь, чтобы новый человек его придерживался. Проследишь, Эдгар? Я хочу сказать, тебе она тоже нравится, так? Ты же не захочешь, чтобы у нее возникли неудобства. И Джек! Может, он тоже внесет свою лепту? Я знаю, просить об этом негоже, но...

Новая мысль пришла ему в голову. Он поднялся, посмотрел на воду. Он похудел. Кожа на скулах так натянулась, что блестела. Волосы свисали патлами, их давно следовало вымыть.

— Если я умру... и я могу, могу умереть мгновенно, как сеньор Браун... ты позаботишься об Элизабет, пока ей не найдут нового человека? Это не такой тяжелый труд, а рисовать ты сможешь и здесь. Света хватает, не так ли? Свет тут потрясающий!

Он начал меня пугать.

— Уайрман...

Он развернулся, глаза его блеснули, левый — сквозь кровавую сеть расширенных и лопнувших капилляров.

— Пообещай, Эдгар! Нам нужен план! Если у нас его не будет, они увезут ее, поселят в доме престарелых, и она умрет за месяц! За неделю! Я это знаю! Поэтому — пообещай!

Я подумал, что он скорее всего прав. И я подумал, что у него начнется новый припадок, здесь и сейчас, если я не смогу стравить часть распиравшей его тревоги. Вот я и пообещал. А потом добавил:

— Возможно, ты проживешь гораздо дольше, чем думаешь, Уайрман.

— Конечно. Но я все запишу. На всякий случай.

iii

Вновь он предложил отвезти меня к «Розовой громаде» на гольф-каре. Я ответил, что пешая прогулка доставит мне удо-

вольствие, но я не отказался бы от стакана сока, прежде чем двинуться в обратный путь.

Свежевыжатым соком из флоридских апельсинов я наслаждаюсь, как любой другой человек, но, признаюсь, в то утро попросил сок по другой причине. Уайрман оставил меня в маленькой комнатке возле той части застекленного центрального коридора «Эль Паласио», что выходила к берегу. Комнатку эту он приспособил под кабинет, хотя я не понимал, как заниматься бумагами человеку, который не мог читать дольше пяти минут кряду. Я догадался (и меня это тронуло), что ему, вероятно, помогала Элизабет, помогала много, еще до того, как ее состояние начало ухудшаться.

Направляясь на террасу завтракать, я заглянул в эту комнатку и заметил некую серую папку, которая лежала на ноутбуке. Уайрман в эти дни наверняка им не пользовался. А теперь я раскрыл папку и взял один из трех рентгеновских снимков.

— Большой стакан или маленький? — крикнул Уайрман из кухни, так меня напугав, что я едва не выронил снимок.

— Обычного хватит! — отозвался я. Засунул снимок в холщовую сумку и закрыл папку. А еще через пять минут уже плелся вдоль берега.

iv

Кража у друга радовать меня не могла... пусть даже речь шла об одном рентгеновском снимке. Не нравилось мне и еще одно: я промолчал о том, что сделал с Кэнди Брауном. Мог бы сказать, и после истории с Томом Райли Уайрман мне поверил бы. Даже без появившейся у него толики сверхъестественных способностей — поверил бы. В этом, собственно, и заключалась проблема. Ума Уайрману хватало. Если мне удалось взмахом кисти отправить Кэнди Брауна в морг округа Сарасота, тогда, возможно, я мог и другое: помочь одному бывшему адвокату с пулей в голове там, где пасовали врачи. А если не мог? Лучше не будить ложных надежд... по крайней мере за пределами собственного сердца, где они были на удивление высоки.

Когда я добрался до «Розовой громады», правое бедро выло от боли. Я повесил полупальто в стенной шкаф, принял пару

таблеток оксиконтина и тут заметил мигающую лампочку на автоответчике.

Звонил Наннуцци. Он обрадовался моему решению. Да, действительно, если и остальные мои работы под стать тем, что он уже видел, галерея «Скотто» с радостью проведет мою выставку, будет гордиться такой честью и организует все до Пасхи, когда зимние туристы разъезжаются по домам. Он спрашивал, сможет ли он с одним или двумя компаньонами подъехать и взглянуть на другие законченные работы? Они захватили бы с собой и типовой контракт.

Это были хорошие новости (потрясающие новости), но по ощущениям все это происходило на другой планете, с другим Эдгаром Фримантлом. Я сохранил сообщение и начал уже подниматься по лестнице, держа в руке украденный рентгеновский снимок, но остановился. «Розовая малышка» для моих целей не годилась, потому что не годился мольберт. Не годился и холст с масляными красками. Для этого — не годились.

Хромая, я вернулся в большую гостиную. Там на журнальном столике лежала стопка альбомов и несколько коробок цветных карандашей, но и они не годились. В ампутированной правой руке появился легкий, блуждающий зуд, и впервые я подумал, что действительно могу это сделать... если найду соответствующее для этой работы передаточное звено, медиума.

Я подумал о том, что медиум — еще и человек, канал связи с загробной жизнью, и рассмеялся. Нервно, конечно, что правда, то правда.

Поначалу не понимая, что мне нужно, я прошел в спальню. Потом взглянул на стенной шкаф и понял. Неделей раньше я попросил Джека отвезти меня за покупками. Не в торговый центр «Перекресток», а в один из магазинов мужской одежды на «Сент-Арманд-Секл». Там я купил полдюжины рубашек из тех, что застегиваются на пуговички снизу доверху. Илзе, когда была маленькой, называла их «Взрослые рубашки». Они все еще лежали в целлофановых упаковках. Упаковки я сорвал, булавки вытащил, рубашки грудой покидал в стенной шкаф. Они мне не требовались. Я пришел за картонными вставками.

Такими ярко-белыми прямоугольниками картона.

В карманчике дорожного футляра моего пауэрбука я нашел маркер «Шарпи». В прошлой жизни я ненавидел эти маркеры,

потому что они воняли чернилами и пачкались. В этой полюбил толстые линии, которые они оставляли — линии, настаивающие на том, что они реально существуют, даже если все остальное — видимость. Картонки, «Шарпи» и рентгеновский снимок мозга Уайрмана я отнес во «флоридскую комнату», залитую ярким светом.

Зуд в ампутированной руке усилился. Но теперь он меня только радовал.

У меня не было экрана с подсветкой, на каких врачи просматривают рентгеновские снимки и томографические сканы, но стеклянная стена «флоридской комнаты» прекрасно его заменила. Мне даже не понадобился скотч. Я сумел засунуть край снимка в щель между стеклом и хромированной рамкой, и теперь смотрел на объект, по мнению многих, не существующий в природе: мозг адвоката. Он плавал на фоне Залива. Какое-то время я не отрывал от него глаз (сколько — не знаю, две... четыре минуты), зачарованный видом синей воды сквозь серую сердцевину «грецкого ореха», извилины которого превращали эту воду в туман.

Пуля выглядела черным обломком, начинающимся разваливаться на части. Чем-то напоминала маленький корабль. Или весельную лодку, плывущую по морю.

Я принялся за работу. Собирался нарисовать только мозг (без пули), но этим дело не ограничилось. Я продолжил и добавил воду, потому что, вы понимаете, этого требовала картина. Или моя ампутированная рука. А может, я имел в виду одно и то же. Я нарисовал даже не Залив, а всего лишь намек на него, но он зримо присутствовал на картоне, и этого хватило, потому что я был действительно талантливым сукиным сыном. На все ушло двадцать минут, а когда я закончил, на прямоугольнике картона человеческий мозг плавал в Мексиканском заливе. И получилось, чего уж там. Получилось круто.

И при этом жутко. Я бы обошелся без этого слова, говоря о собственной работе, но деваться некуда. Сняв рентгеновский снимок со стекла и сравнив с моей картиной (пуля в произведении науки, никакой пули — в произведении искусства), я осознал то, что мне, наверное, следовало увидеть гораздо раньше. И уж точно после того, как я начал цикл «Девочка и корабль». Мои работы производили такое впечатление не потому,

что воздействовали на нервные окончания, но потому, что люди знали (и на каком-то уровне сознания или подсознания они действительно это знали): перед ними нечто такое, что пришло из дальних мест, лежащих за пределами таланта. Все эти созданные на Дьюме картины вызывали ощущение ужаса, едва удерживаемого в узде. Ужаса, грозящего вырваться из-под контроля. Прибывающего под сгнившими парусами.

V

Я опять проголодался. Приготовил сандвич и принялся за него, усевшись перед компьютером. Я знакомился с последними успехами «Колибри» (эти «птички» превратились для меня в навязчивую идею), когда зазвонил телефон. Сняв трубку, я услышал голос Уайрмана.

— У меня не болит голова, — сообщил он.

— Ты теперь всегда будешь так здороваться? — спросил я. — Или в следующий раз начнешь с «Я только что справил большую нужду»?

— Не надо обращать это в шутку. Голова у меня болела с момента, как я очнулся в столовой после того, как застрелился. Иногда в ней что-то гудело, иногда — грохотало, как в аду под Новый год, но она болела всегда. И вот уже полчаса, как *боли нет*. Я варил кофе, а она ушла. *Просто ушла*. Я не мог в это поверить. Поначалу подумал, что умер. Ходил на цыпочках, ожидая, что она вернется и врежет по мне серебряным молотком Максвелла, но она не возвращается.

— Леннон-Маккарти, — вставил я. — Тысяча девятьсот шестьдесят восьмой год*. И не говори мне, что я ошибаюсь.

Он ничего не сказал. Молчал долго. Но я слышал его дыхание. Наконец он заговорил:

— Ты что-то сделал, Эдгар? Скажи Уайрману. Скажи папочке.

Я подумал о том, чтобы сказать: «Ни хрена я не делал». Потом прикинул, что он может заглянуть в папку и обнаружить

* Песня «Серебряный молоток Максвелла» (Maxwell's Silver Hummer) выпущена в составе альбома «Эбби-роуд» (Abbey Road) в сентябре 1969 г.

пропажу одного рентгеновского снимка. Кроме того, внимания требовал и сандвич, начатый, но далеко не прикончeнный.

— А как твое зрение? — спросил я. — Есть перемены?

— Нет, левая лампа по-прежнему выключена. И, если верить Принсайпу, никогда уже не включится. Во всяком случае, в этой жизни.

Черт. Но разве в глубине души я не знал, что работа не закончена? Утренняя возня с «Шарпи» и Картонкой не шла ни в какое сравнение с полноценным оргазмом прошлой ночи. Навалилась усталость. Сегодня ничего делать не хотелось — только сидеть и смотреть на Залив. Наблюдать, как солнце опускается в caldo largo, и не рисовать этот гребаный закат. Да только оставался Уайрман. *Уайрман*, черт его дери.

— Ты еще на связи, мучачо?

— Да. Можешь сегодня вызвать Энн-Мэри Уистлер на несколько часов?

— Зачем? Для чего?

— Чтобы ты мог мне попозировать. Хочу написать твой портрет. Если твой глаз не видит, полагаю, мне нужен Уайрман собственной персоной.

— Так ты что-то сделал. — Я едва слышал его, так тихо он говорил. — Ты меня уже нарисовал? По памяти?

— Загляни в папку с рентгеновскими снимками, — ответил я. — Приходи к четырем. Я хочу немного поспать. И принеси что-нибудь поесть. Живопись разжигает мой аппетит. — Я хотел уточнить: *определенный вид живописи* — но не стал. Подумал, что и так наговорил достаточно.

VI

Я не знал, удастся ли мне поспать, но заснул. Будильник разбудил меня в три часа дня. Я поднялся в «Розовую малышку» и провел ревизию чистых холстов. Самый большой был пять футов на три, его-то я и выбрал. Выдвинул опорную стойку мольберта до предела и установил чистый холст вертикально. От вида этого белого прямоугольника, напоминающего поставленный вертикально гроб, у меня чуть затрепыхался желудок и

задрожала кисть правой руки. Я пошевелил этими пальцами. Видеть их не мог, но чувствовал, как они разгибаются и сгибаются. Чувствовал, как ногти впиваются в ладонь. Длинные ногти. Отрасли после несчастного случая, и подстричь их не было никакой возможности.

vii

Я промывал кисти, когда показался Уайрман. Он шел по берегу неуклюже, словно медведь, поднимая стайки сыщиков. Он был в джинсах и свитере, без пальто. Температура воздуха начала подниматься.

Переступив порог, он прокричал приветствие, и я отозвался из «Розовой малышки», предложив ему подняться ко мне. Он поднялся и увидел большой холст на мольберте.

— Срань господня, амиго, когда ты сказал «портрет», я решил, что все ограничится головой.

— Я тоже так думал, — ответил я. — Но, боюсь, будет недостаточно реалистично. Я уже провел кое-какую подготовительную работу. Взгляни.

Украденный рентгеновский снимок и рисунок маркером лежали на нижней полке моего рабочего стола. Я протянул их Уайрману, потом сел перед мольбертом. Холст уже не был пустым и белым. У верхнего края его пятнал прямоугольный контур. Я приложил к холсту рубашечную картонку и обвел ее черным карандашом.

Уайрман молчал почти две минуты, переводил взгляд с рентгеновского снимка на рисунок и обратно. Потом едва слышно спросил:

— О чем мы тут говорим, мучачо? О чем мы говорим?

— Мы не говорим, — ответил я. — Пока. Дай мне рубашечную картонку.

— Так вот что это такое?

— Да, и поосторожнее. Она мне нужна. Она нужна *нам*. А рентгеновский снимок уже не потребуется.

Он протянул мне рисунок на рубашечной картонке, и рука его заметно подрагивала.

— А теперь подойди к стене и посмотри на законченные картины. На крайнюю левую. В углу.

Он подошел, взглянул и тут же отпрянул.

— Срань господня! Когда ты ее написал?

— Прошлой ночью.

Уайрман поднял картину, развернул к свету, льющемуся в большое окно. Вгляделся в Тину, которая смотрела снизу вверх на безносого и безротого Кэнди Брауна.

— Нет рта, нет носа, Браун умирает, дело закрыто, — прошептал Уайрман. — Господи Иисусе, не хотелось бы мне оказаться maricon de playa*, который сыпанет тебе в лицо песком. — Он поставил картину на место, отошел... осторожно, словно боялся, что она взорвется от его резких движений. — Что на тебя нашло? Что в тебя вселилось?

— Чертовски хороший вопрос, — ответил я. — Я уж решил не показывать ее тебе, но... учитывая, чем мы собираемся заняться...

— А чем мы собираемся заняться?

— Уайрман, ты знаешь.

Он пошатнулся, словно это ему слепили ногу из кусочков. Его прошиб пот. Лицо заблестело. Левый глаз оставался красным, но, может, уже не таким красным. Разумеется, в этом дальше досужих рассуждений дело пока не продвинулось.

— Ты можешь это сделать?

— Я могу попытаться, — ответил я. — Если ты захочешь.

Он кивнул, снял свитер.

— Попытайся.

— Ты мне нужен у окна, чтобы свет падал тебе на лицо, когда солнце покатится к горизонту. На кухне есть табурет, можешь принести его и сесть. Как ты договорился с Энн-Мэри?

— Она сказала, что может побыть до восьми и пообещала покормить мисс Истлейк обедом. Я принес лазанью. Поставлю в духовку в половине шестого.

— Хорошо, — кивнул я. Подумал, что к тому времени, когда лазанья будет готова, уже стемнеет. Но я мог сфотографировать Уайрмана на цифровую камеру, прикрепить фотографии к мольберту и рисовать по ним. И хотя я привык работать быстро,

* Здесь — педиком с пляжа (*исп.*).

понимал, что это будет длительный процесс, на картину уйдет не один день.

Вернувшись в «Розовую малышку» с табуретом, Уайрман остановился как вкопанный.

— Что ты делаешь?

— А что, по-твоему, я делаю?

— Вырезаешь дыру в хорошем холсте.

— Ставлю тебе пять баллов. — Я отложил в сторону вырезанный прямоугольник, потом взял картонку с рисунком плавающего мозга, обошел мольберт сзади. — Помоги приклеить.

— Когда ты все это придумал, vato?

— Я не придумывал.

— Не придумывал?

Он смотрел на меня сквозь дыру в холсте точно так же, как в моей прошлой жизни тысячи зевак смотрели в тысячи дыр в заборах, огораживающих стройплощадки.

— Нет. Что-то подсказывает мне по ходу. Подойди к мольберту.

С помощью Уайрмана завершение подготовки заняло лишь несколько минут. Он закрыл вырезанный прямоугольник рубашечной картонкой. Я достал из нагрудного кармана тюбик «Элмерс глю» и начал приклеивать картонку к холсту. Обойдя мольберт, убедился, что все получилось идеально. Во всяком случае, на мой взгляд.

Указав на лоб Уайрмана, я сообщил:

— Это твой мозг.

Затем указал на мольберт:

— Это твой мозг в холсте.

На его лице отразилось недоумение.

— Шутка, Уайрман.

— Я ее не понял.

viii

В тот вечер мы набросились на еду, как футболисты. Я спросил Уайрмана, улучшилось ли у него зрение, но он с сожалением покачал головой.

— В левой половине моего мира по-прежнему черно, Эдгар. Хотелось бы сказать обратное, но — увы.

Я дал ему прослушать сообщение Наннуцци. Уайрман засмеялся и вскинул руки, сжав пальцы в кулаки. Меня не могла не тронуть его радость, граничащая с ликованием.

— Ты вновь поднимаешься на вершину, мучачо... уже в другой жизни. Мне не терпится увидеть тебя на обложке «Тайм». — И он поднял руки, словно очерчивая обложку.

— Меня тревожит только одно... — Я рассмеялся, едва эти слова сорвались с моих губ. На самом деле тревожило меня много чего, в том числе и тот факт, что я до сих пор понятия не имел, зачем впутался в эту авантюру. — Может приехать моя дочь. Которая уже навещала меня здесь.

— А что в этом плохого? Большинство мужчин только порадовались бы тому, что дочери могут наблюдать за их превращением в профессионалы. Ты будешь есть последний кусок лазаньи?

Мы его разделили. Мой темперамент художника привел к тому, что я взял себе большую часть.

— Я буду рад ее приезду. Но твоя леди-босс говорит, что Дьюма-Ки — не место для дочерей, и я склонен ей верить.

— У моей леди-босса болезнь Альцгеймера, которая все чаще дает о себе знать. Плохая новость: мисс Истлейк уже не может отличить локтя от задницы. Хорошая: каждый день она знакомится с новыми людьми. В том числе и со мной.

— О дочерях она говорила дважды, и оба раза в ясном уме.

— Возможно, она в этом права. А может, помешалась на этом из-за того, что здесь умерли две ее сестры, когда ей было четыре годика.

— Илзе заблевала борт моего автомобиля. Когда мы вернулись, ей было так плохо, что она едва могла идти.

— Она могла что-то съесть или перегреться на солнце. Послушай... ты не хочешь рисковать, и я тебя понимаю. И вот что тебе нужно сделать. Посели обеих дочерей в хорошем отеле с круглосуточным обслуживанием номеров, где консьерж всегда готов выполнить любую прихоть жильца. Я рекомендую «Ритц-Карлтон».

— Обеих? Мелинда не сможет...

Уайрман отправил в рот последний кусочек лазаньи.

— Ты не способен взглянуть на ситуацию объективно, мучачо, но Уайрман, этот благодарный негодяй...

— Тебе пока не за что меня благодарить.

— ...направит тебя на путь истинный. Не могу допустить, чтобы ненужные тревоги украли у тебя счастье. И, Боже милосердный, ты должен быть счастлив. Знаешь, сколько людей на западном побережье Флориды пошли бы на все ради выставки на Пальм-авеню?

— Уайрман, ты только что сказал Боже милосердный?

— Не меняй тему.

— Выставку мне еще не предложили.

— Предложат. Они привезут сюда типовой контракт не для того, чтобы в игрушки играть. Так что слушай меня. Ты слушаешь?

— Конечно.

— Как только будет объявлена дата выставки — а она будет объявлена, — тебе придется заняться тем, чего ждут от любого вновь засветившегося художника: своей раскруткой. Интервью, начиная с Мэри Айр и заканчивая всеми газетами и «Шестым каналом». Если они захотят обыграть твою ампутированную руку, это только пойдет на пользу. — Он вновь очертил руками рамку и проговорил: — Эдгар Фримантл врывается на художественную сцену Солнечного берега, как Феникс, восставший из дымящегося пепла трагедии!

— Покури вот это, амиго. — Я ухватил себя за промежность. Но не смог сдержать улыбку.

На вульгарность Уайрман внимания не обратил. Его понесло.

— Твоя ампутированная brazo станет поистине золотой.

— Уайрман, ты — циничный ублюдок.

Похоже, последнее он воспринял как комплимент. Кивнул и величественным взмахом руки отмел в сторону.

— Я стану твоим адвокатом. Ты отбираешь картины для выставки — Наннуцци консультирует. Наннуцци расставляет картины на выставке — ты консультируешь. Логично?

— Пожалуй. Если до этого дойдет.

— Будь уверен, дойдет. И, Эдгар... последнее, но не по значению... тебе придется обзвонить всех, кто тебе дорог, и пригласить на выставку.

— Но...

— Да, — он наставил на меня указательный палец, — всех. Твоего мозгоправа, твою бывшую, обеих дочерей, этого Тома Райли, женщину, которая занималась с тобой...

— Кэти Грин. — Я даже смутился. — Уайрман, Том не приедет. Ни за что. Пэм тоже. И Лин во Франции. У нее стрептококковая инфекция.

Уайрман будто и не слышал.

— Ты упоминал адвоката...

— Уильям Боузман-третий. Боузи.

— Пригласи его. И, разумеется, маму и папу. Сестер и братьев.

— Мои родители умерли, и я был единственным ребенком. Боузи... — Я кивнул. — Боузи приедет. Но только не зови его так, Уайрман. Во всяком случае, в лицо.

— Назвать другого адвоката Боузи? Ты думаешь, я кретин? — Он задумался. — Я выстрелил себе в голову и не смог отправиться на тот свет, так что на этот вопрос лучше не отвечай.

Я слушал вполуха, занятый своими мыслями. Впервые я понял, что могу устроить светский прием в моей другой жизни... и *люди, возможно, придут*. Идея завораживала и пугала одновременно.

— Они все могут приехать, знаешь ли, — продолжил Уайрман. — Твоя бывшая, твоя укатившая на край света дочь, твой суицидальный бухгалтер. Подумай об этом... толпа мичиганцев.

— Они из Миннесоты.

Он пожал плечами, всплеснул руками, показывая, что для него все одно — Мичиган или Миннесота. Для парня из Небраски выглядело слишком уж заносчиво.

— Я могу арендовать самолет, — сказал я. — «Гольфстрим». Снять целый этаж в «Ритц-Карлтоне». Устроить банкет. Почему бы и нет?

— Совершенно верно. — Он хмыкнул. — Исполни роль голодающего художника.

— Да, — согласился я. — Повешу табличку за окном: **«ГОТОВ РАБОТАТЬ ЗА ТРЮФЕЛИ»**.

И мы оба расхохотались.

IX

Поставив тарелки и стаканы в посудомоечную машину, я вновь повел его наверх, но лишь для того, чтобы сделать с десяток цифровых фотографий — больших незатейливых крупных планов. За всю жизнь мне удались только несколько хороших снимков, и все — случайно. Я ненавижу фотоаппараты, а они, похоже, отвечают взаимностью. Покончив с фотосессией, я сказал Уайрману, что он может идти домой и сменить Энн-Мэри. Уже стемнело, и я предложил отвезти его на «малибу».

— Лучше пройдусь. Свежий воздух пойдет мне на пользу. — Он указал на картину. — Можно взглянуть?

— Знаешь, я бы не хотел, — ответил я.

Я думал, что Уайрман будет протестовать, но он лишь кивнул и спустился вниз, чуть ли не вприпрыжку. Походка у него стала пружинистой, и я точно знал, что мое воображение тут ни при чем.

Он подождал меня у двери и сказал:

— Позвони утром Наннуцци. Под лежачий камень вода не течет.

— Хорошо. А ты позвони мне, если появятся какие-то изменения в твоем... — запачканной краской рукой я указал на его левый глаз.

Уайрман улыбнулся.

— Ты узнаешь первым. А пока мне достаточно головы, которая не болит. — Улыбка поблекла. — Ты уверен, что боль не вернется?

— Я ни в чем не уверен.

— Да. Да, это свойственно людям, верно? Но спасибо за старания. — И прежде чем я сообразил, что происходит, он поднял мою руку и поцеловал тыльную сторону ладони. Поцеловал мягко, несмотря на щетину над верхней губой. Потом сказал: «Adios», — и вышел в темноту, оставив за собой лишь дыхание Залива и шепот ракушек под домом. Но тут же на них наложился новый звук: зазвонил телефон.

X

Звонила Илзе — поболтать. Да, с учебой у нее полный порядок, да, чувствует она себя хорошо (если на то пошло, даже отлично), да, матери она звонит раз в неделю, а с Мелиндой поддерживает связь по электронной почте. По мнению Илзе, диагноз «стрептококковая инфекция» Лин поставила себе сама, а потому не следовало принимать его всерьез. Я сказал, что потрясен ее великодушием, и она рассмеялась.

Я сообщил ей, что мои картины, возможно, выставят в одной из галерей Сарасоты, и от радости она так громко завопила, что мне пришлось отдернуть трубку от уха.

— Папуля, это же прекрасно! Когда? Можно мне приехать?

— Конечно, если захочешь, — ответил я. — Вообще-то я собираюсь пригласить всех. — Этого решения я не принял, пока не услышал, как говорю о нем Илзе. — Мы рассчитываем на середину апреля.

— Черт! Как раз в это время я собираюсь пересечься с «Колибри». — Она помолчала. — Знаешь, я могу попасть и к тебе, и к ним. Устрою собственное турне.

— Ты думаешь, получится?

— Да, конечно. Назови число, и я приеду.

Слезы принялись покалывать веки изнутри. Я не знаю, каково это, иметь сыновей, но уверен — от дочерей положительных эмоций больше (не говоря уж о том, что ими можно просто полюбоваться).

— Я тебе очень признателен, цыпленок. Как думаешь... твоя сестра сможет приехать?

— Знаешь, что? Я думаю, она приедет. Не упустит возможности посмотреть, чем ты так заинтересовал знающих людей. О тебе напишут восторженные рецензии?

— Мой друг Уайрман считает, что да. Однорукий художник и все такое.

— Просто у тебя хорошо получается, папуля!

Я ее поблагодарил, а потом перешел к Карсону Джонсу. Спросил, знает ли она, как у него дела.

— Все отлично, — ответила она.

— Правда?

— Конечно... а что?

— Ну, не знаю. Просто показалось, что я уловил маленькое облачко в твоем голосе.

Она невесело рассмеялась.

— Ты слишком хорошо меня знаешь. Дело в том, что теперь везде, где они выступают, церкви набиты битком — слава бежит впереди. Турне намечали закончить пятнадцатого мая, потому что у четверых певцов другие обязательства, но их агент нашел трех новых. И Бриджит Андрейссон, которая стала настоящей звездой, договорилась о том, что начнет подменять пастора в одной из церквей Аризоны позже, чем намечалось. И это хорошо. — Когда она произносила последнюю фразу, из голоса ушли все эмоции. Илзе заговорила, как совершенно незнакомая мне взрослая женщина. — Поэтому, вместо того чтобы закончиться в середине мая, турне продолжится до конца июня. Они будут выступать на Среднем Западе, а заключительный концерт дадут в Коровьем дворце* в Сан-Франциско. Как большие, а? — Это была моя фраза, которую я произносил, когда Илли и Лин еще девочками устраивали в гараже «балетные супершоу», но я не мог вспомнить, чтобы в ней звучала такая грусть в сочетании с сарказмом.

— Тебя тревожат отношения твоего парня и этой Бриджит?

— Нет! — без запинки ответила Илзе. — Он говорит, что у нее отличный голос, и ему повезло с партнершей, они теперь поют вместе уже не одну, а две песни, но она — пустышка и воображала. И он не был бы против, если б она клала в рот мятную пастилку перед тем, как, ты понимаешь, делить с ним микрофон.

Я ждал.

— Ладно, — наконец выдавила из себя Илзе.

— Ладно что?

— Ладно, я тревожусь. — Пауза. — Немножко. Потому что он с ней в автобусе каждый день и на сцене каждый вечер. А я здесь... — Еще одна, более долгая пауза. — И по телефону голос у него теперь не такой. Почти такой же... но не совсем.

— Может, ты все придумываешь?

---

* Коровий дворец — крытая арена, вмещающая порядка 12 тысяч зрителей.

— Да. Возможно. В любом случае, если что-то происходит — на самом деле я уверена, что ничего, что это напрасные страхи, — но если что-то все-таки есть, пусть это будет сейчас, а не потом... понимаешь, не после того, как мы...

— Да, — отозвался я. Говорила она так по-взрослому, что у меня защемило сердце. Я вспомнил, как нашел их фотографию (они стояли у дороги, обнимая друг друга) и прикоснулся к ней ампутированной правой рукой. Потом поспешил в «Розовую малышку» с Ребой, прижатой культей к правому боку. Как же давно это было. «*Я люблю тебя, Тыквочка! Смайлик*», — прочитал я тогда на обороте, но мой рисунок, сделанный в тот день цветными карандашами «Винус» (которые тоже остались в далеком прошлом), каким-то образом насмехался над идеей вечной любви: маленькая девочка в теннисном платье, стоящая лицом к огромному Заливу. Теннисные мячи вокруг ее ног. Другие мячи в набегающих волнах.

Девочкой была Реба, но также Илзе и... кто еще? Элизабет Истлейк?

Эта идея пришла из ниоткуда, но я подумал, что не ошибаюсь.

«Вода теперь бежит быстрее, — сказала Элизабет. — Скоро появятся пороги. Вы это чувствуете?»

Я это чувствовал.

— Папуля, ты меня слышишь?

— Да, — повторил я. — Милая, живи в мире с собой, хорошо? Не накручивай себя попусту. Мой здешний друг говорит, что в конце концов мы всегда избавляемся от наших тревог. Я склонен в это верить.

— Тебе всегда удается поднять мне настроение, — услышал я. — Вот потому я и звоню. Я люблю тебя, папуля.

— Я тоже тебя люблю.

— И сколько раз?

Как давно она задавала этот вопрос? Двенадцать лет тому назад? Пятнадцать? Значения это не имело. Ответ я помнил.

— Миллион и один под подушкой.

Потом я попрощался, положил трубку и подумал, что убью Карсона Джонса, если он причинит боль моей дочке. Мысль эта заставила меня улыбнуться. Сколько отцов думали о том же и

давали такое обещание? Но из всех этих отцов, возможно, только я мог убить безответственного, обижающего дочь ухажера несколькими взмахами кисти.

xi

Дарио Наннуцци и его партнер Джимми Йошида приехали на следующий же день. Взглянув на Йошиду, я решил, что передо мной — японо-американский Дориан Грей. Одетый в линялые прямые джинсы и еще более линялую футболку с надписью «Pon de Replay»*, он выглядел лет на восемнадцать — когда вылезал из «ягуара» Наннуцци на подъездной дорожке моего дома. Пока же шел к дому, постарел на десять лет. А когда тепло и уважительно пожимал мою руку, я заметил морщинки у глаз и уголков рта и понял, что ему под пятьдесят.

— Рад познакомиться с вами, — сказал он. — В галерее только и говорят о вашем визите. Мэри приезжала к нам трижды, чтобы спросить, когда мы подпишем с вами контракт.

— Заходите. — Я отступил на шаг. — Мой друг, который живет на этом острове, Уайрман, уже два раза звонил, чтобы убедиться, что без него я ничего не подписал.

Наннуцци улыбнулся.

— Обманывать художников — не по нашей части, мистер Фримантл.

— Эдгар. Помните? Не хотите кофе?

— Сначала картины, — ответил Джимми Йошида. — Кофе — потом.

Я глубоко вздохнул.

— Отлично. Тогда прошу наверх.

xii

Я набросил простыню на портрет Уайрмана (по существу, только контур с мозгом, «плавающим» в верхней трети холста),

* «Pon de Replay» — песня барбадосской певицы Рианны (р. 1988), которая в 2005 г. принесла ей мировую известность.

а картина с Тиной Гарибальди и Кэнди Брауном попрощалась с «Розовой малышкой» и отправилась в стенной шкаф моей спальни (где составила компанию «Друзьям-любовникам» и фигуре в красном), но все остальное я оставил. Картины выстроились вдоль двух стен и части третьей. Сорок одно полотно, включая пять вариаций «Девочки и корабля».

Когда их молчание стало невыносимым, я его нарушил:

— Спасибо, что сказали мне о ликвине. Отличная штука. Как говорят мои девочки, просто бомба.

Наннуцци, казалось, меня даже не услышал. Он продвигался в одном направлении, Йошида — в другом. Ни один не задал вопроса о закрытом простыней полотне. Я догадался, что в их мире подобный вопрос считается дурным тоном. Под нами шептались ракушки. Где-то вдалеке завывал водяной мотоцикл. Правая рука зудела, но слабо и где-то в глубине, словно говорила, что рисовать хочет, но может и подождать. Рука знала — время придет. До захода солнца. Я начну рисовать, сперва сверившись с фотографиями, закрепленными на мольберте по обе стороны картины, а потом что-то изменится, ракушки заговорят громче, хромовая поверхность Залива изменит цвет на персиковый, розовый, оранжевый, наконец, на КРАСНЫЙ, и это будет хорошо, это будет хорошо, во всех смыслах это будет хорошо.

Наннуцци и Йошида вновь встретились у лестницы, ведущей на первый этаж. Обменялись несколькими фразами, подошли ко мне. Из кармана джинсов Йошида достал конверт с аккуратно напечатанными на лицевой стороне словами: **«ГАЛЕРЕЯ «СКОТТО», ТИПОВОЙ КОНТРАКТ»**.

— Вот. — Он протянул мне контракт. — Скажите мистеру Уайрману, что мы сделаем все необходимое для того, чтобы представлять ваши работы.

— Правда? — спросил я. — Вы уверены?

Йошида не улыбнулся.

— Да, Эдгар. Мы уверены.

— Спасибо вам, — ответил я. — Спасибо вам обоим. — Я посмотрел на Наннуцци, который как раз улыбался. — Дарио, я вам очень признателен.

Дарио обвел взглядом картины, рассмеялся, всплеснул руками.

— Я думаю, признательность следует выражать нам.

— На меня производит впечатление их открытость, — добавил Йошида. — И их... не знаю, но... думаю... ясность. Эти образы влекут зрителя, но не затягивают в себя. И еще меня поражает быстрота, с которой вы работает. Вы фонтанируете.

— Простите?

— Про художников, которые поздно начали, иногда говорят, что они фонтанируют, — пояснил Наннуцци. — Словно пытаются наверстать упущенное время. И однако... сорок картин за несколько месяцев... или недель, действительно...

«И вы еще не видели ту, что прикончила насильника и убийцу ребенка», — подумал я.

Дарио опять засмеялся, но без особого веселья.

— Только постарайтесь принять меры, чтобы этот дом не сгорел, хорошо?

— Да... не хотелось бы. Если мы договоримся, смогу я хранить часть моих работ в вашей галерее?

— Разумеется, — ответил Наннуцци.

— Отлично, — кивнул я, подумав, что хочу подписать контракт как можно быстрее, что бы ни сказал Уайрман, только для того, чтобы сплавить картины с Дьюмы... и тревожил меня не пожар. Возможно, фонтанировали многие художники, начинавшие поздно, но сорок одна картина на Дьюма-Ки... я как минимум на три десятка превзошел допустимый предел. И я ощущал их присутствие в этом зале, как мощный электрический заряд.

Конечно же, Дарио и Джимми тоже это чувствовали. На Дьюма-Ки картины проявляли себя в полной мере. Они *цепляли*.

XIII

Следующим утром я присоединился к Уайрману и Элизабет за кофе на мостках у «Эль Паласио». Отправляясь в путь, я уже не принимал ничего, кроме аспирина, и мои Великие береговые прогулки превратились из испытаний в удовольствие. Особенно после того, как потеплело.

Элизабет сидела в инвалидном кресле, поднос усыпали кусочки пирожного, которое она ела на завтрак. Я решил, что

Уайрману удалось влить в нее немного апельсинового сока и полчашки кофе. Элизабет смотрела на Залив, во взгляде читалось суровое осуждение, и этим утром она больше напоминала Блая*, капитана «Баунти», чем дочь дона мафии.

— Buenos dias, mi amigo**, — поздоровался Уайрман. Повернулся к Элизабет: — Это Эдгар, мисс Истлейк. Пришел сыграть в семерки***. Хотите поздороваться?

— Моча-говно-голова-крыса, — сказал она. Я так думаю. В любом случае обращалась она к Заливу, все еще темно-синему и по большей части спящему.

— Как я понимаю, она по-прежнему не в форме, — заметил я.

— Да. С ней такое случалось и раньше, а потом наступало просветление, но в такой маразм она еще никогда не впадала.

— Я никак не привезу ей какие-нибудь мои картины. Чтобы она посмотрела на них.

— Сейчас в этом смысла нет. — Уайрман протянул мне чашку черного кофе. — Держи. Подними себе настроение.

Я отдал ему конверт с типовым контрактом. Пока Уайрман вытаскивал его, я повернулся к Элизабет:

— Вы бы хотели, чтобы я почитал вам сегодня стихи?

Ответа не последовало. С окаменевшим, хмурым лицом она смотрела на Залив. Капитан Блай, который вот-вот отдаст приказ привязать кого-то к фок-мачте и отстегать кнутом.

Без всякой на то причины я спросил:

— Ваш отец был ныряльщиком, Элизабет?

Она чуть повернулась, ее повидавшие жизнь глаза сместились в мою сторону. Верхняя губа поднялась в собачьем оскале. На мгновение (короткое, но мне оно показалось долгим) я почувствовал, что на меня смотрит другой человек. А может, и не человек. Существо, которое как носок носило старое, рыхлое тело Элизабет Истлейк. Моя правая рука сжалась в кулак, и опять я ощутил, как несуществующие, слишком длинные ногти

---

* Блай Уильям (1754—1817) — морской офицер, вице-адмирал, губернатор. Во время бунта на «Баунти» команда высадила его на баркас в открытом море, но ему удалось добраться до берега.

** Добрый день, друг мой (*исп.*).

*** Семерки — карточная игра.

впились в несуществующую ладонь. Потом Элизабет вновь уставилась на Залив, одновременно ощупывая поднос, пока ее пальцы не нашли кусочек пирожного, а я называл себя идиотом, которому давно пора взять под контроль разгулявшееся воображение. Какие-то странные силы здесь, безусловно, действовали, но не следовало каждую тень считать призраком.

— Был, — рассеянно ответил мне Уайрман, раскрывая контракт. — Джон Истлейк был эдаким Рику Браунингом... ты знаешь, это тот парень, что сыграл в фильме «Тварь из Черной лагуны» в пятидесятых.

— Уайрман, ты — кладезь бесполезной информации.

— Да, я такой. Между прочим, гарпунный пистолет ее старик не в магазине купил. Мисс Истлейк говорит, что его сделали на заказ. Возможно, ему место в музее.

Но меня не интересовал гарпунный пистолет Джона Истлейка. Тогда — точно не интересовал.

— Ты *читаешь* контракт?

Он уронил контракт на поднос, посмотрел на меня, смутился.

— Я пытаюсь.

— А твой левый глаз?

— Без изменений. Слушай, нет повода для разочарования. Доктор *сказал*...

— Сделай одолжение. Прикрой левый глаз.

Он прикрыл.

— И что ты видишь?

— Тебя, Эдгар. Одного hompre mue feo*.

— Да, да. А теперь прикрой правый.

Уайрман прикрыл.

— Теперь я вижу только черное. Хотя... — Он помолчал. — Может, не совсем черное. — Уайрман опустил руку. — Точно не скажу. В последнее время я не могу отделить действительное от желаемого. — Он сильно помотал головой, волосы заметались, потом хлопнул по лбу ладонью.

— Расслабься.

— Тебе легко говорить! — Какое-то время он молчал, потом взял из руки Элизабет кусочек пирожного, начал ее кормить.

* Здесь: очень безобразного мужчину (*исп.*).

Когда кусочек благополучно исчез во рту, повернулся ко мне. — Ты присмотришь за ней, пока я кое-что принесу?

— С радостью.

Он убежал по мосткам, и я остался с Элизабет. Попытался скормить ей оставшиеся кусочки пирожного, и она ела с моей руки, неуловимо напоминая кролика, который жил у меня, когда мне было семь или восемь лет. Звали его мистер Хитченс, теперь уж и не знаю почему... память — штука забавная, не так ли? Прикосновения старушечьего беззубого рта неприятных ощущений не вызывали. Я погладил ее по голове — там, где жесткие, даже грубые волосы тянулись к пучку на затылке. У меня мелькнула мысль, что Уайрман каждое утро расчесывает эти седые волосы, а потом собирает их в пучок. Что Уайрман скорее всего одевал ее этим утром, начиная с памперса — потому что в таком состоянии обходиться без него она не могла. Я задался вопросом, думал ли он об Эсмеральде, когда надевал на Элизабет памперс и закреплял липучки. Я задался вопросом, думал ли он о Джулии, когда собирал волосы в пучок.

Я взял с подноса еще один кусочек пирожного. Она тут же открыла рот... но я замялся.

— Что лежит в красной корзине для пикника, Элизабет? Той, что на чердаке?

Она вроде бы задумалась. Попыталась вспомнить.

— Старые трубки для ныряния. — Она пожала плечами, помолчала. — Старые трубки для ныряния, которые нужны Ади. Стрелять! — И расхохоталась. Хрипло, как ведьма. Я докормил ее — один за другим отправил в рот все кусочки пирожного — и больше вопросов не задавал.

XIV

Вернулся Уайрман с диктофоном. Протянул его мне.

— Не хочется просить тебя надиктовывать контракт на пленку, но другого выхода нет. К счастью, там всего пара страниц. Мне бы хотелось получить его во второй половине дня, если это возможно.

— Возможно. И если мои картины действительно будут продаваться, ты получишь комиссию, друг мой. Пятнадцать процентов. И за юридическую помощь, и за поддержку таланта.

Он снова сел в шезлонг, смеясь и постанывая одновременно.

— Господи! Стоило мне подумать, что ниже мне уже не пасть, как я становлюсь гребаным агентом таланта! Извините, что выражаюсь при вас, мисс Истлейк.

Она и не заметила, продолжала строго смотреть на Залив, где (далеко-далеко, на пределе видимости) танкер шел на север к Тампе. Он тут же меня очаровал. Так уж на меня действовали суда в Заливе.

Потом я заставил себя повернуться к Уайрману.

— Все это твоих рук дело, так что...

— Ты несешь чушь!

— ...поэтому ты должен встать со мной плечом к плечу и, как положено мужчине, взять свою долю.

— Я согласен на десять процентов, и, возможно, это очень много. Соглашайся, мучачо, а не то мы начнем обсуждать восемь.

— Хорошо. Пусть будет десять. — Я протянул руку, и мы закрепили договоренность рукопожатием над усыпанным крошками подносом Элизабет. Диктофон я убрал в карман.

— И дай мне знать, если почувствуешь изменения в своем... — Я указал на его красный глаз. Уже не такой красный, как прежде.

— Разумеется. — Он поднял контракт. В крошках от пирожного Элизабет. Стряхнул их, отдал контракт мне, наклонился вперед, зажав руки между колен, всмотрелся в меня поверх необъятной груди Элизабет.

— Если мне сделают рентген, что покажет снимок? Что пуля уменьшилась? Что она исчезла?

— Не знаю.

— Ты все еще работаешь над моим портретом?

— Да.

— Не останавливайся, мучачо. Пожалуйста, не останавливайся.

— Я и не собираюсь. Но не слишком уж надейся, хорошо?

— Постараюсь.— Тут его осенило, и, как ни странно, он высказал примерно те же опасения, что и Дарио: — Как, по-твоему, что случится, если молния ударит в «Розовую громаду», и вилла сгорит вместе с моим портретом? Как думаешь, что тогда будет со мной?

Я покачал головой. Не хотел об этом думать. У меня возникло желание спросить Уайрмана, можно ли мне подняться на чердак «Эль Паласио» и поискать одну корзину для пикника (она была *КРАСНОЙ*), но я решил этого не делать. В том, что она там, я не сомневался. Но не было уверенности, хочу ли я знать, что в ней находится. На Дьюма-Ки творилось что-то странное, и, похоже, я мог утверждать, что доброго и хорошего в этих странностях было мало. Мне не хотелось с ними связываться. Если их не ворошить, думал я, может, и они не почтут меня своим вниманием. Ради мира и покоя на острове я намеревался отправить большую часть написанных картин на материк. Намеревался их продать — если бы нашлись люди, которые захотели купить мои картины. Окончательное расставание с ними не вызвало бы у меня никаких эмоций. Когда я работал над ними, их соединяла со мной невидимая пуповина, но после последнего мазка они значили для меня не больше мозольных полукружий, которые я иногда счищал пемзой с больших пальцев ног, чтобы ботинки не начинали жать в конце жаркого августовского дня на какой-нибудь стройплощадке.

Я предполагал оставить только цикл «Девочка и корабль», но не потому, что испытывал к этим полотнам особую любовь. Просто я еще не закончил этот цикл, вот картины и оставались моей живой плотью. Я мог бы показать их на выставке и продать позже, но пока собирался держать там, где они сейчас и находились — в «Розовой малышке».

XV

Когда я вернулся на виллу, никаких кораблей на горизонте уже не было, да и стремление рисовать на какое-то время пропало. Вот я и воспользовался диктофоном Уайрмана — «перенес» типовой контракт на магнитную ленту. Адвокатом я не был, но

за прошлую жизнь прочитал и подписал немало юридических документов и мог понять, что контракт достаточно простой.

Вечером я отнес в «Эль Паласио» и контракт, и диктофон. Уайрман готовил ужин. Элизабет сидела в Китайской гостиной. Цапля с глазами-буравчиками (она неофициально стала домашней зверушкой) стояла на дорожке, с мрачной задумчивостью смотрела в окно. Закат наполнял комнату светом, но свет этот уже не был солнечным. В Фарфоровом городе царили разруха и запустение, статуэтки людей и животных лежали на боку, здания были сдвинуты к углам бамбукового стола, особняк с колоннами — перевернут. Элизабет сидела в кресле, по-прежнему напоминая капитана Блая и как бы спрашивая, отважусь ли я поставить все на прежние места.

— Если я пытаюсь навести какое-то подобие порядка, — заговорил у меня за спиной Уайрман, и от неожиданности я чуть не подпрыгнул, — она все сметает. Несколько статуэток сбросила на пол, и они разбились.

— Статуэтки ценные?

— Некоторые — да, но речь не о том. Когда она в здравом уме, то знает каждую. Знает и любит. А если она придет в себя и спросит, где Бо-Пип* или Угольщик, и мне придется ответить, что она их разбила, то потом она будет грустить весь день.

— Если она придет в себя.

— Да. Именно.

— Пожалуй, пойду домой, Уайрман.

— Собираешься порисовать?

— Есть такое желание. — Я повернулся к хаосу на столе. — Уайрман?

— Вот он я, vato.

— Почему в таком состоянии она все разваливает?

— Думаю... потому, что ее мутит от упорядоченного.

Я начал поворачиваться, но он положил руку мне на плечо.

— Я бы предпочел, чтобы ты сейчас на меня не смотрел. — По голосу чувствовалось, что он едва сдерживает слезы. — Сейчас я не в форме. Шагай к парадной двери, а потом обойди дом по двору, если хочешь возвращаться по берегу. Ты это сделаешь?

* Бо-Пип — девочка-пастушка из детской песенки.

Я сделал. А когда вернулся, взялся за портрет. Все шло хорошо. В смысле, портрет получался. Я уже видел лицо Уайрмана, которое хотело проявиться на холсте. Начало проявляться. В этом не было ничего необычного, что вполне меня устраивало. Отсутствие необычностей — всегда наилучший вариант. Я был счастлив. Хорошо это помню. Я ощущал полную умиротворенность. Ракушки шептались. Правая рука зудела, но где-то глубоко под кожей и не так, чтобы сильно. Окно, выходящее на Залив, превратилось в прямоугольник черноты. Один раз, прервав работу, я спустился вниз, чтобы съесть сандвич. Потом включил радио и нашел «Кость»: «J. Geils» пели «Hold Your Lovin». Ничего особенного, просто великая рок-группа, подарок от богов рок-н-ролла. Я рисовал, и лицо Уайрмана проступало все отчетливее. Он уже стал призраком. Призраком, обитающим в холсте. Но это был безобидный призрак. И если бы я отвернулся от мольберта, то не увидел бы Уайрмана, стоящего там, где стоял Том Райли, а в расположенном дальше по берегу «El Palacio de Asesinos» левая половина мира для Уайрмана по-прежнему оставалась черной — это я знал наверняка. Я рисовал. Радио играло. Музыка накладывалась на шепот ракушек.

В какой-то момент я закончил рисовать, принял душ, лег в постель. Мне ничего не приснилось.

И когда мыслями я возвращаюсь к пребыванию на Дьюма-Ки, эти дни в феврале и марте, когда я работал над портретом Уайрмана, кажутся мне лучшими.

XVI

Наутро Уайрман позвонил в десять часов. Я уже стоял у мольберта.

— Не отрываю?

— Ничего страшного. Перерыв мне только на пользу, — солгал я.

— Нам недоставало тебя этим утром. — Пауза. — Понимаешь, мне недоставало. Она...

— Да, да.

— Контракт — пальчики оближешь. Исправлений — по мелочи. Там сказано, что ты делишь выручку пополам с галереей, но тут я кое-что изменю. Соотношение пятьдесят на пятьдесят останется до тех пор, пока выручка не превысит четверть миллиона. Потом поменяется на шестьдесят к сорока в твою пользу.

— Уайрман, мне никогда не продать картин на четверть миллиона долларов.

— Я надеюсь, в этом они полностью с тобой солидарны, мучачо, вот почему я хочу внести пункт об изменении соотношения на семьдесят к тридцати после того, как выручка перевалит за полмиллиона.

— Добавь еще минет в исполнении мисс Флориды, — фыркнул я. — Теперь не хватает только этого пункта.

— Добавлю. Еще один момент — эксклюзивный период на сто восемьдесят дней. А должно быть девяносто. Не вижу тут никаких проблем, но, думаю, это интересно. Они боятся, что какая-нибудь большая нью-йоркская галерея пронюхает о тебе и переманит.

— Я должен знать о контракте что-то еще?

— Нет, и я чувствую, что тебе не терпится вернуться к работе. Я свяжусь с мистером Йошидой насчет этих поправок.

— С глазом есть перемены?

— Нет, амиго. Очень хотел бы сказать, что есть. Но ты продолжай рисовать.

Я уже отнял трубку от уха, когда услышал:

— Ты смотрел утренний выпуск новостей?

— Нет, даже не включал телевизор. А что?

— Коронер округа говорит, что Кэнди Браун умер от острой сердечной недостаточности. Я подумал, что тебе это будет интересно.

XVII

Я рисовал. Получалось медленно, но процесс шел. Уайрман обретал реальные очертания вокруг прямоугольника, где его мозг плавал в Заливе. Уайрман получался моложе, чем на фотографиях, которые крепились к мольберту по бокам от холста, но

значения это не имело. Я сверялся с фотографиями все реже и реже, а на третий день просто их убрал. Мне они больше не требовались. И теперь я рисовал, как, наверное, рисуют большинство художников: словно это размеренная работа, а не вызванные каким-то наркотиком приступы безумия, которые вдруг приходят и так же внезапно прекращаются. Рисовал я под радио, теперь всегда настроенное на волну «Кости».

На четвертый день Уайрман принес мне откорректированный контракт и сказал, что я могу его подписать. Добавил, что Наннуцци хотел бы сфотографировать мои картины и сделать слайды для лекции в библиотеке Селби в Сарасоте, назначенной на середину марта — за месяц до открытия моей выставки. На лекцию предполагалось пригласить шестьдесят или семьдесят ценителей живописи из Сарасоты и Тампы. Я ответил согласием и подписал контракт.

Дарио приехал во второй половине дня. Я с нетерпением ждал окончания фотосессии, чтобы скорее вернуться к работе. Скуки ради я поинтересовался, кто выступит с лекцией в библиотеке Селби. Дарио, изогнув бровь, посмотрел на меня так, словно я изволил пошутить.

— Тот единственный в мире человек, который знаком с вашей работой, — ответил он. — Вы.

Я вытаращился на него.

— Я не могу выступать с лекцией! Я ничего не понимаю в живописи!

Дарио обвел рукой картины, которые на следующей неделе Джек и двое сотрудников галереи собирались упаковать в ящики и увезти в Сарасоту, с тем, чтобы, по моему разумению, они простояли на складе галереи до открытия выставки.

— Вот эти картины говорят о другом!

— Дарио, эти люди — знатоки! Они изучали живопись! Господи, готов спорить, у многих из них дипломы по искусствоведению! Вы хотите, чтобы я стоял перед ними и нес околесицу?

— Именно так и поступал Джексон Поллок, когда рассказывал о своей работе. Зачастую пьяный. И это сделало его богатым. — Дарио подошел ко мне, взял за культю. На меня это произвело впечатление. Очень редкие люди решались прикос-

нуться к культе, словно где-то в глубине души боялись, что ампутация заразна. — Послушайте, друг мой, они — люди влиятельные. И не только потому, что у них есть деньги. Их интересуют новые художники, и каждый знает еще трех человек с такими же интересами. После лекции... вашей лекции... начнутся разговоры — те самые разговоры, благодаря которым вроде бы рядовое событие попадает в разряд сенсационных. — Он замолчал, с минуту крутил в руке ремешок фотоаппарата и улыбался, потом продолжил: — Вам нужно будет рассказать только о том, как вы начали и как выросли в...

— Дарио, я не знаю, как я вырос!

— Так и скажите. Говорите что угодно! Господи, вы же художник!

Я закрыл тему. До грозящей бедой лекции времени оставалось еще много, и мне не терпелось попрощаться с гостем. Я хотел включить «Кость», сдернуть простыню с картины на мольберте и вернуться к работе над «Смотрящим на запад Уайрманом». Хотите услышать голую правду? Картина более не предназначалась для того, чтобы реализовать какой-то магический трюк. Теперь она сама стала магическим трюком: я уже не мыслил себя без нее, а все события, которые могли произойти в обозримом будущем (интервью с Мэри Айр, лекция, выставка), расположились вроде бы не впереди, а где-то высоко надо мной. И воспринимал я их, как, наверное, рыба воспринимает идущий над Заливом дождь.

Первая неделя марта стала для меня неделей дневного света. Не закатного, а исключительно дневного, который заполнял «Розовую малышку» и, казалось, поднимал ее к небу. И еще та неделя стала для меня неделей музыки, звучащей по радио: «Allman Brothers», «Molly Hatchet», «Foghat». Та неделя характеризовалась для меня словами Дж. Дж. Кейла, которыми тот предварял песню «Call Me the Breeze»: «Вот еще один из ваших фаворитов старого рок-н-ролла; тащится, волоча ноги, по Бродвею». Та неделя стала для меня шепотом ракушек, который я слушал, когда выключал радио и промывал кисти. На той неделе я увидел лицо призрака, принадлежащее более молодому мужчине, которому только предстояло окинуть мир взглядом с Дьюмы. Есть песня (думаю, Пола Саймона) со словами: «Я не мог бы

плакать, если б не любил». Они сказаны об этом лице. Не настоящем лице, не совсем настоящем, но я превращал его в настоящее. Оно вырастало вокруг мозга, который плавал в Заливе. Мне больше не требовались фотографии, потому что это лицо я знал и так. Оно стало воспоминанием.

XVIII

Четвертого марта с утра стояла жара, но я так и не включил кондиционер. Рисовал в трусах, и пот стекал по лицу и бокам. Телефон звонил дважды. Первый раз в трубке раздался голос Уайрмана:

— Мы давно не видели тебя в наших краях, Эдгар. Придешь на ужин?

— Боюсь, не смогу, Уайрман. Благодарю.

— Работаешь или устал от нашего дворцового общества? Или и то, и другое?

— Работаю. Почти закончил. Есть перемены по части зрения?

— Левая фара по-прежнему не светит, но я купил повязку на глаз, и с ней могу пятнадцать минут кряду читать правым. Это большой шаг вперед, и, думаю, благодарить я должен тебя.

— Не знаю, должен или нет. Картина с Кэнди Брауном и Тиной Гарибальди — совсем другое. Как и моей жены с ее... с ее друзьями. На этот раз никакого чуда. Понимаешь, что я подразумеваю под чудесами?

— Да, мучачо.

— Но если что-то должно случиться, думаю, час близок. А если не случится, ты по крайней мере получишь свой портрет, увидишь, каким ты, возможно, был лет в двадцать пять.

— Ты шутишь, амиго?

— Нет.

— Не думаю, что я помню, каким был в двадцать пять.

— Как Элизабет? Улучшений нет?

Он вздохнул.

— Вроде бы вчера утром голова у нее прояснилась, и я устроил ее в дальней гостиной... там есть стол поменьше, который

я называю Фарфоровой деревней... и она сбросила на пол коллекцию балерин Валлендорфа*. Разбила все восемь. Других таких уже не найти.

— Сожалею.

— Прошлой осенью я никогда бы не подумал, что может стать так плохо, и Бог наказывает нас за то, что мы не можем себе представить.

Второй звонок раздался через пятнадцать минут, и я в раздражении бросил кисть на рабочий стол. Звонил Джимми Йошида. Но раздражение отступило под напором его радостного волнения, временами граничащего с безудержным восторгом. Он просмотрел слайды и теперь выражал уверенность в том, что они произведут «сногсшибательное впечатление».

— Это прекрасно, — ответил я. — На лекции я им так и скажу: «А теперь отрывайте задницы от пола... и можете уходить».

Он засмеялся так, словно никогда в жизни не слышал ничего более забавного, потом сказал:

— Я позвонил, чтобы спросить, есть ли среди картин такие, к которым нужно дать пометку «НДП» — не для продажи?

Снаружи загрохотало, будто большой тяжелогруженый трейлер проезжал по дощатому мосту. Я посмотрел на Залив (где не было дощатых мостов) и осознал, что с далекого запада до меня донесся раскат грома.

— Эдгар? Вы меня слышите?

— Да, конечно, — ответил я. — При условии, что кто-то вообще захочет что-нибудь купить, вы можете продавать все, кроме цикла «Девочка и корабль».

— Понятно.

— Вы разочарованы?

— Я надеялся приобрести одну из картин этого цикла для галереи. Положил глаз на «Номер два» — и с учетом условий контракта хотел получить пятидесятипроцентную скидку.

«Недурно, малыш», — сказал бы мой отец.

— Этот цикл еще не закончен. Может, когда напишу все картины...

— И сколько их еще будет?

---

* Фарфоровая фабрика Валлендорфа — одна из первых в Тюрингии (Германия). Создана в 1764 г.

«Я буду рисовать, пока не смогу прочесть название этого гребаного корабля-призрака».

Я мог бы озвучить эти слова, если бы с запада не донесся новый раскат грома.

— Наверное, я это пойму, когда допишу последнюю. А теперь, если позволите...

— Вы работаете. Извините. Не смею мешать.

Нажав на красную кнопку трубки радиотелефона, я задался вопросом, хочется мне возвращаться к работе или нет. Но... оставалось-то совсем ничего. Если б я двинулся дальше, то, возможно, закончил бы портрет этим вечером. И мне нравилась эта идея: рисовать под надвигающуюся с Залива грозу.

Я включил радио, которое выключил, прежде чем ответить на звонок, и по ушам ударили вопли зовущего все глубже в джунгли Эксла Роуза. Я взял кисть и сунул за ухо. Взял вторую и принялся за работу.

XIX

Грозовые тучи надвигались, будто гигантские плоскодонки, черные снизу, лилово-синие посередине. То и дело в них сверкали молнии, и тогда они становились похожими на мозг, заполненный плохими идеями. Залив обесцветился, помертвел. Желтая полоса заката исчезла, едва начав переходить в оранжевую. «Розовую малышку» заполнил сумрак. При каждой вспышке молнии радиоприемник теперь трещал статическими помехами. Я терпел достаточно долго, прежде чем выключил радио, но свет зажигать не стал.

Я не могу точно вспомнить, когда работу над картиной продолжил уже не я... и до сего дня у меня нет уверенности в том, что я не перестал существовать как личность; может, si, может, нет. Знаю лишь одно: в какой-то момент я посмотрел вниз и, спасибо последним остаткам дневного света и вспышкам молний, увидел правую руку. Загорелую культю и мертвенно-белую остальную часть, с дряблыми, обвисшими мышцами. Ни шрама, ни шва, только резкая линия, очерчивающая загорелую кожу, а под ней — жуткий зуд. Потом молния сверкнула вновь, и рука

исчезла, собственно, ее и не существовало (во всяком случае, на Дьюма-Ки), но зуд остался — такой сильный, что хотелось все крушить.

Я повернулся к картине, и тут же зуд струей, словно вода из брандспойта, ударил в том направлении. Я впал в исступление. Гроза обрушилась на Дьюму-Ки, темнота сгустилась, а я думал о цирковом номере, в котором мужчина с повязкой на глазах кидает ножи в симпатичную девушку, «распятую» на вращающейся круглой деревянной плите, и, наверное, я рассмеялся, потому что *рисовал* вслепую, или почти вслепую. Время от времени вспыхивала молния, и из темноты на меня выпрыгивал Уайрман, двадцатипятилетний Уайрман, Уайрман до Джулии, до Эсмеральды, до лотереи.

Я выигрываю, ты выигрываешь.

Ярчайшая вспышка молнии залила окно лиловато-белым светом, ревущий порыв ветра, который гнал с Залива наэлектрилизованные облака, с невероятной силой шваркнул дождем по стеклу, и я подумал (той частью разума, что еще сохранила способность думать), что оно должно разлететься вдребезги. Пороховой склад взорвался прямо над головой. А под ногами шепот ракушек превратился в оживленный разговор мертвяков. Костяными голосами они делились своими секретами. Как я мог не слышать их раньше? Мертвяки, да! Корабль прибывал сюда. Корабль мертвых со сгнившими парусами. Сгрузил здесь неумершие трупы. Они находились под домом, и гроза их оживила. Я мог видеть, как они прорывают дыры в ракушечном ковре, вылезают наружу, с желеобразными телами, зелеными волосами и немигающими глазами, переползают друг через друга в темноте и говорят, говорят, говорят. Да! Им многое нужно обсудить, ведь кто знает, когда разразится следующая гроза и оживит их?

Я все еще рисовал. В ужасе и темноте. Моя рука так быстро перемещалась вверх-вниз и из стороны в сторону, что казалось, будто я дирижирую грозой. Я не мог остановиться. Но наступило мгновение, и я закончил «Смотрящего на запад Уайрмана». Правая рука сообщила мне об этом. Я быстро начертал в нижнем левом углу свои инициалы ЭФ и обеими руками переломил кисть надвое. Обломки бросил на пол. Отшатнулся от мольберта, кри-

ча, уж не знаю кому, что надо остановиться. И все остановилось, само собой; на картину уже лег последний мазок, и все, конечно же, остановилось.

Я подошел к лестнице, посмотрел вниз, и внизу стояли две маленькие фигурки, с которых капала вода. Я подумал: «Яблоко, апельсин». Я подумал: «Я выигрываю, ты выигрываешь». Потом вспыхнула молния, и я увидел девочек лет шести — несомненно, близняшек, несомненно, утонувших сестер Элизабет. Разорванные платья облепляли тела. Волосы облепляли щеки. Белесые лица ужасали.

Я знал, откуда они появились. Они выползли из-под ракушек.

Взявшись за руки, они начали подниматься по лестнице. Гром прогремел в миле над моей головой. Я попытался закричать. Не смог. Я подумал: «Я их не вижу». Я подумал: «Вижу».

— Я могу это сделать, — сказала одна из девочек. Голосом ракушек.

— Оно было красным, — откликнулась вторая. Голосом ракушек.

Они преодолели половину лестницы. Головы их более всего напоминали черепа, облепленные с боков волосами.

— Сядь и *умри*, — хором сказали они, словно скандировали считалку... но голосом ракушек. — Сядь и *сгори*.

И потянулись ко мне жуткими пальцами цвета рыбьего брюха.

Я лишился чувств.

XX

Звонил телефон. Эту зиму следовало назвать телефонной.

Я открыл глаза, попытался рукой нащупать лампу на прикроватном столике. Мне очень хотелось как можно скорее включить свет: только что я увидел самый кошмарный сон в моей жизни. Вместо того чтобы найти лампу, пальцы наткнулись на стену. И в тот же момент я понял, что голова моя под каким-то странным и неудобным углом приткнулась к той же самой стене. Прогремел гром (слабо, приглушенно — уходящий гром), и

этого хватило, чтобы вспомнить все. С пугающей ясностью. Я не лежал в кровати. Я был в «Розовой малышке». Я потерял сознание, потому что...

Я распахнул глаза. Мой зад находился на лестничной площадке, а ноги вытянулись вдоль лестницы. Я вспомнил двух утонувших девочек (нет, вспомнил не только их, вспомнил все, целиком и полностью) и вскочил на ноги, напрочь забыв о больном бедре. Я сосредоточился на поиске трех выключателей у входа в «Розовую малышку», но даже когда мои пальцы нащупали их, я подумал: «Свет не зажжется. Электричество вырубилось из-за грозы».

Однако лампы вспыхнули, изгнав темноту из студии и с лестницы. Мне стало дурно, когда я заметил у подножия лестницы воду и песок, но света хватило, чтобы разглядеть распахнутую ветром дверь.

Конечно же, ее распахнуло ветром.

Телефон в гостиной перестал трезвонить, и включился автоответчик. Мой записанный на пленку голос предложил оставить сообщение после звукового сигнала. Звонил Уайрман.

— Эдгар, где ты? — Я еще плохо соображал и не мог сказать, что слышится в его голосе — радость, страх или ужас. — Перезвони мне, ты должен немедленно мне перезвонить! — Щелчок подвел черту под сообщением.

Я спустился вниз, очень осторожно, задерживаясь на каждой ступеньке, как восьмидесятилетний старик, и прежде всего озаботился светом: включил его в гостиной, на кухне, в обеих спальнях, во «флоридской комнате». Включил даже в ванных. Для этого мне пришлось сунуться в темноту. Я зажимал волю в кулак, готовясь к тому, что меня коснется что-то холодное, мокрое, одетое в водоросли. Не коснулось. Когда уже везде горел свет, я сумел расслабиться и вдруг понял, что опять голоден. Умираю от голода. Такое случилось со мной впервые за время работы над портретом Уайрмана... но, разумеется, последняя сессия не шла ни в какое сравнение с предыдущими.

Я наклонился, чтобы посмотреть на то, что нанесло ветром через открытую дверь. Вода и песок. И вода уже собиралась в капельки на восковой мастике, которую моя домоправительница использовала, чтобы сохранить блеск кипарисового паркета.

Ковровая дорожка на нижних ступенях лестницы была влажной, но только влажностью все и ограничивалось.

Даже себе я бы не признался, что искал следы.

Я прошел на кухню, сделал сандвич с курицей и принялся за него прямо у разделочного столика. Достал из холодильника бутылку пива, глотнул, чтобы быстрее доставить сандвич в желудок. Покончив с сандвичем, съел плавающие в майонезе остатки вчерашнего салата. Только потом я вернулся в гостиную, чтобы позвонить Уайрману. Он снял трубку после первого гудка. Я уже собрался сказать, что выходил из дома, чтобы посмотреть, не нанесла ли гроза какой урон дому, но причина моего отсутствия, похоже, Уайрмана совершенно не интересовала. Он плакал и смеялся.

— Я вижу! Так же хорошо, как и прежде! Левый глаз чистый, как стекло. Не могу в это поверить, но...

— Притормози, Уайрман. Я едва тебя понимаю.

Он не притормозил. Наверное, не мог.

— В разгар грозы мой плохой глаз пронзила боль... такая сильная, что ты не поверишь... словно раскаленная проволока... Я подумал, что в меня ударила молния, и да поможет мне Бог... Я сорвал повязку... и глаз стал зрячим! Понимаешь, что я тебе говорю? *Я вижу!*

— Да, — ответил я. — Понимаю. Это прекрасно.

— Это ты? Твоя работа, так?

— Возможно, — ответил я. — Вероятно. Твой портрет закончен. Я привезу его завтра. — Я замялся. — Я бы позаботился о нем. Думаю, не очень важно, если с ним что-то произойдет после завершения работы, но точно так же я думал, что Керри победит Буша.

Уайрман расхохотался.

— Ох, verdad, слышал я эту историю. Как ты там?

Прежде чем я успел ответить, в голову пришла новая мысль.

— А как Элизабет? Гроза подействовала на нее?

— Не то слово. Грозы всегда ее пугают, но эта... Элизабет билась в истерике. Кричала, звала сестер. Тесси и Ло-Ло — тех, что утонули в тысяча девятьсот двадцатых. На какое-то время я словно перенесся туда... но теперь все закончилось. Как ты? Тебе досталось?

Я смотрел на песок, разбросанный по полу между входной дверью и лестницей на второй этаж. Никаких следов. Если я и думал, что вижу следы, винить следовало лишь мое гребаное *разыгравшееся воображение*.

— Не без этого. Но теперь все закончилось.

Я надеялся, что так оно и будет.

XXI

Мы поговорили еще минут пять... точнее, говорил Уайрман. Если на то пошло, тараторил. Напоследок сказал, что боится ложиться спать. Боится проснуться ночью и обнаружить, что левый глаз снова ослеп. Я ответил, что тревожиться из-за этого, как мне кажется, не нужно, пожелал спокойной ночи и положил трубку. Сам я тревожился о другом: вдруг проснусь ночью и обнаружу, что Тесси и Лаура (Ло-Ло, как называла ее Элизабет) сидят по обе стороны кровати.

Одна из них, возможно, с Ребой на мокрых коленях.

Я достал из холодильника еще одну бутылку пива и поднялся в «Розовую малышку». К мольберту я подходил, наклонив голову, глядя себе под ноги, потом резко вскинул глаза, будто хотел застать портрет врасплох. Какая-та моя часть (рациональная часть) ожидала увидеть загубленную картину, напрочь забрызганную краской. Уайрмана, местами скрытого от глаз разноцветными наростами и кляксами, которыми я заляпал портрет во время грозы, когда «Розовую малышку» освещали лишь вспышки молний. Но оставшаяся моя часть рассуждала иначе. Оставшаяся моя часть знала, что я рисовал при другом свете (как у циркачей, кидающих ножи с завязанными глазами, руки управляются другим чувством). Эта часть знала, что «Смотрящий на запад Уайрман» предстанет предо мной во всей красе. И она не ошиблась.

В каком-то смысле это была лучшая картина из написанных мной на Дьюме, прежде всего потому, что она была самой правильной (помните, практически до самого конца я работал над ней при дневном свете). И писал ее человек в здравом уме. Призрак, который обитал в моем холсте, превратился в симпатич-

ного мужчину, молодого, спокойного и ранимого. С прекрасными черными, без признаков седины, волосами, легкой улыбкой, которая пряталась в уголках рта и зеленых глазах. Густые ровные брови. Над ними — высокий лоб, открытое окно, через которое этот человек направлял мысли к Мексиканскому заливу. И никакой пули в выставленном напоказ мозге не было. Я с той же легкостью мог бы убрать аневризму или злокачественную опухоль. За финишный рывок мне пришлось заплатить высокую цену, но потратился я не зря.

От грозы остались редкие погромыхивания где-то над Флоридой. Я подумал, что могу поспать, могу, если оставлю включенной лампу на прикроватном столике. Реба никому бы не сказала. Я мог бы поспать, положив куклу между культей и боком. Такое уже случалось. И к Уайрману полностью вернулось зрение. Хотя в данный момент главным было не это. Главным было другое: я наконец-то создал что-то великое.

И принадлежало это великое мне.

Я полагал, что с такой мыслью сумею заснуть.

Как рисовать картину (VI)

Умейте сосредоточиться. Есть разница между хорошей картиной и еще одной поделкой, отображающей мир, в котором их и так полным полно.

Элизабет Истлейк не знала себе равных, когда дело доходило до умения сосредотачиваться; помните, она в прямом смысле этого слова врисовала себя в этот мир. И когда голос, вселившийся в Новин, рассказал ей о сокровищах, она сосредоточилась и нарисовала их разбросанными по песчаному дну Залива. А как только шторм вытащил их из песка, эта восхитительная россыпь оказалась на столь малой глубине, что в середине дня солнечные лучи могли отражаться от драгоценных вещичек и посылать зайчики к поверхности воды.

Она хотела порадовать папочку. А ей самой требовалась только фарфоровая кукла.

Папочка говорит: «Любая кукла — твоя, это законное вознаграждение», — и да поможет ему за это Бог.

Она до пухлых коленок вошла вместе ним в воду, указывая, говоря: «Они там. Плыви, пока я не скажу: стоп».

Она осталась на месте, а он двинулся дальше и спиной плюхнулся в воду. Ей показалось, что ласты у него размером с маленькую весельную лодку. Позже она их такими и нарисовала. Он плюнул в маску. Прополоскал ее, надел. Вставил в рот загубник дыхательной трубки. Поплыл в залитую солнцем синеву, лицом вниз, его тело сливалось с движущимися бликами, которые превращали зеркальные волны в золото.

Я все это знаю. Что-то нарисовала Элизабет, что-то — я.

Я выигрываю, ты выигрываешь.

Она стояла по колено в воде, с зажатой под мышкой Новин, наблюдая, а потом няня Мельда, тревожась, как бы волны не сшибли девочку с ног, криками вернула ее на Тенистый берег, так они называли это место. Они постояли рядом. Элизабет крикнула Джону: «Стоп!» Они увидели, как ласты поднялись над водой, и он нырнул в первый раз. Находился под водой секунд сорок, появился в фонтане брызг, выплюнул загубник.

Он говорит: «Будь я проклят, если там что-то не лежит».

А вернувшись к маленькой Либбит, он обнимает ее обнимает ее обнимает ее.

Я это знал. Я это рисовал. Вместе с красной корзиной для пикника на одеяле, которое лежало неподалеку, и гарпунным пистолетом на крышке корзины.

Он снова ушел в воду и на этот раз вернулся с грудой старинных вещей, которые прижимал к груди. Потом он воспользуется корзиной, с которой няня Мельда ездила на рынок. Со свинцовым грузом на дне, корзина легче уходила под воду. Еще позднее появился газетный фотоснимок: добытые из-под воды вещи («сокровище»), лежащие перед улыбающимся Джоном Истлейком и его талантливой, умеющей яростно сосредотачиваться дочерью. Но фарфоровой куклы на этом фотоснимке нет.

Потому что фарфоровая кукла — нечто особенное. Она принадлежала Либбит. Ее законное вознаграждение.

Именно эта кукла-тварь довела Тесси и Ло-Ло до смерти? Она создала большого мальчика? В какой степени Элизабет приложила к этому руку? Кто был художником, а кто — чистым холстом?

На некоторые вопросы убедительных ответов я так и не нашел, но сам рисовал и знаю, когда дело касается живописи, вполне уместно перефразировать Ницше: если очень уж сосредоточиться, сосредоточение поглотит тебя.

Иной раз и навсегда.

Глава 11
ВЗГЛЯД С ДЬЮМЫ

1

Ранним утром следующего дня мы с Уайрманом стояли в Заливе. Вода (такая холодная, что поначалу глаза полезли на лоб) поднималась до середины голени. Уайрман вошел в воду первый, я — за ним, без единого вопроса. Без единого слова. Оба с чашечками кофе. Уайрман был в шортах; мне пришлось задержаться, чтобы закатать брюки до колен. Позади нас, у края мостков, Элизабет сутулилась в инвалидном кресле. Она мрачно смотрела на горизонт, а по подбородку текла слюна. Большая часть ее завтрака лежала на подносе. Что-то она съела, остальное рассыпала. Ее волосы висели свободно, их подхватывал теплый бриз, дующий с юга.

Вода вокруг нас пребывала в постоянном движении. Как только я привык к этим ласковым прикосновениям, они мне понравились. Сначала набегающая волна создавала ощущение, что ты каким-то чудом сбросил фунтов двенадцать. Затем отходящий поток маленькими щекочущими водоворотами вытаскивал песок между пальцев. В семидесяти или восьмидесяти ярдах от нас два жирных пеликана прочертили линию поперек утра. Потом сложили крылья и упали, как камни. Один поднялся с пустым мешком, второй — с завтраком в клюве. Едва пеликан оторвался от воды, маленькая рыбка исчезла в его глотке. Все это напоминало танец, повторяющийся с древних времен, но по-прежнему радующий глаз. Где-то южнее, в глубине ост-

рова, там, где росли зеленые джунгли, кричала другая птица: «О-ох! О-ох!». Снова и снова.

Уайрман повернулся ко мне. Не двадцатипятилетний, конечно, но за время нашего знакомства он никогда не выглядел так молодо. Из левого глаза полностью исчезла краснота, и уже не было ощущения, что он никак не связан с правым и смотрит сам по себе. Я не сомневался в том, что этот глаз меня видит; видит меня очень хорошо.

— Сделаю для тебя что угодно, — заговорил Уайрман. — В любой момент. Пока я жив. Ты зовешь — я прихожу. Ты просишь — я делаю. Это подписанный чек без проставленной суммы. Тебе понятно?

— Да, — отозвался я. Мне было понятно и кое-что еще: если кто-то предлагает тебе чек без проставленной суммы, ты никогда, никогда не должен его обналичивать. Над этим мне даже не было необходимости размышлять. Иногда осознание обходит мозг стороной, и ответ ты получаешь прямо от сердца.

— Вот и хорошо, — кивнул он. — Это все, что я хотел тебе сказать.

Я услышал храп. Оглянулся и увидел, что подбородок Элизабет упал на грудь. Одна рука сжимала кусок тоста. Ветер кружил волосы.

— Она вроде бы похудела, — заметил я.

— Потеряла двадцать фунтов с Нового года. Раз в день я подсовываю ей эти белковые высококалорийные коктейли, «Иншуэ», так они называются, но она не всегда их пьет. А что с тобой? Ты так выглядишь только потому, что слишком много работаешь?

— Как выгляжу?

— Будто собака Баскервилей отхватила кусок твоей левой ягодицы. Если причина в том, что ты слишком много времени проводишь за мольбертом, может, тебе стоит сбавить темп и немного развеяться. — Он пожал плечами. — «Это наше мнение, мы будем рады услышать ваше», — как говорят на «Шестом канале».

Я стоял на прежнем месте, чувствуя, как вода поднимается и опускается, думал о том, что мне сказать Уайрману. Как мно-

го я могу сказать Уайрману. Ответ долго искать не пришлось: все или ничего.

— Пожалуй, мне лучше рассказать тебе о том, что произошло прошлой ночью. Но ты должен пообещать, что не вызовешь людей в белых халатах.

— Хорошо.

И я рассказал, как закончил портрет практически в темноте. Как увидел правую руку и кисть. Как потом увидел двух мертвых девочек на лестнице и потерял сознание. К тому времени, когда рассказал все, мы уже вышли из воды и направились к мосткам, где храпела Элизабет. Уайрман начал очищать ее поднос, скидывая все в пластиковый мешок, который достал из пакета, что висел на ручке шезлонга.

— Что-нибудь еще? — полюбопытствовал он.

— Этого недостаточно?

— Просто спрашиваю.

— Больше ничего. Спал как младенец до шести утра. Потом загрузил тебя... твой портрет на заднее сиденье автомобиля и приехал сюда. Между прочим, когда ты наконец посмотришь его?

— Всему свое время. Загадай число между одним и десятью.

— Что?

— Доставь мне удовольствие, мучачо.

Я загадал.

— Готово.

Какое-то время он молчал, глядя на Залив, потом спросил:

— Девять?

— Нет. Семь.

Он кивнул.

— Семь, — побарабанил пальцами по груди, потом опустил руку на колено.

— Вчера я мог бы сказать тебе. Сегодня — нет. Моя телепатия, ее зачатки, исчезли. Это более чем справедливая сделка. Уайрман теперь такой, каким был, и Уайрман говорит: muchas gracias.

— И каковы твои выводы? Если ты их сделал.

— Сделал. Выводы таковы: ты не безумец, если ты этого боишься. Похоже, на Дьюма-Ки люди увечные обретают что-то особенное, а когда расстаются с увечьем, это особенное у них

изымается. Я вот излечился. Ты по-прежнему увечный, а потому особенный.

— Я не очень понимаю, к чему ты клонишь.

— Потому что ты пытаешься усложнить простое. Посмотри перед собой, мучачо. Что ты видишь?

— Залив. Ты называешь его caldo largo.

— И на что уходит у тебя большая часть времени, отданная рисованию?

— На Залив. Закаты над Заливом.

— И что есть рисование?

— Полагаю, рисование — это видение.

— Без «полагаю» мог бы и обойтись. И какое видение на Дьюма-Ки?

Чувствуя себя ребенком, не уверенным в правильности ответа на заданный вопрос, я сказал:

— Особое видение?

— Да. Так что ты думаешь, Эдгар? Были мертвые девочки прошлой ночью в твоем доме или нет?

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Вероятно, были.

— И я так думаю. Думаю, ты видел призраков ее сестер.

— Я их испугался, — прошептал я.

— Эдгар... Сомневаюсь, что призраки могут причинить вред людям.

— Если речь идет об обычных людях в обычных местах.

Он кивнул с неохотой.

— Ладно. И что ты собираешься делать?

— Чего я не собираюсь, так это уезжать. Я еще не закончил здесь свои дела.

Думал я не о выставке... не о мыльном пузыре славы. На кону стояло большее. Я просто не знал, что именно. Пока не знал. Если б попытался облечь свои мысли в слова, получилась бы какая-нибудь глупость, вроде записки в печенье с сюрпризом. Что-то со словом «*судьба*».

— Хочешь переехать в «Паласио»? Пожить с нами?

— Нет. — Я опасался, что этим могу только все усугубить. И потом, мне нравилось жить в «Розовой громаде». Я в нее влюбился. — Но, Уайрман, попробуешь что-нибудь выяснить о семье

Истлейков вообще и об этих двух девочках в частности? Если ты теперь можешь читать, пороешься в Интернете...

Он сжал мою руку.

— Пороюсь, будь уверен. Возможно, и ты сможешь внести свою лепту. Мэри Айр собирается взять у тебя интервью, так?

— Да. Через неделю после моей так называемой лекции.

— Спроси ее об Истлейках. Может, сорвешь банк. В свое время мисс Истлейк немало сделала для художников.

— Хорошо.

Он взялся за ручки инвалидного кресла, в котором спала Элизабет, развернул его к дому с оранжевой крышей.

— А теперь пойдем и посмотрим на мой портрет. Хочу увидеть, как я выглядел, когда еще думал, что Джерри Гарсия* может спасти мир.

ii

Я припарковался во дворе рядом с серебристым «мерседес-бенцем» эпохи вьетнамской войны, принадлежащим Элизабет Истлейк. Вытащил портрет из моего куда более скромного «шевроле», поставил вертикально, придержал, чтобы Уайрман мог на него взглянуть. И пока он молча разглядывал свой портрет, мне в голову пришла странная мысль: я словно портной, стоящий у зеркала в примерочной ателье мужской одежды. И скоро заказчик или скажет мне, что сшитый мной костюм ему нравится, или, с сожалением покачав головой, откажется от него.

С юга, из джунглей Дьюмы, как я называл эту часть острова, вновь донеслось птичье предупреждение: «О-ох!»

Наконец я не выдержал:

— Скажи что-нибудь, Уайрман. Скажи что-нибудь.

— Не могу. Нет слов.

— У тебя? Быть не может.

Но когда он оторвал взгляд от портрета, я понял, что это правда. Уайрман выглядел как человек, которого только что

* Гарсия Джерри (настоящее имя Джером Джон Гарсия, 1942—1995) — музыкант, гитарист, основоположник психоделического рока на Западном побережье США.

огрели обухом по голове. Я, конечно, уже понимал, что мои картины воздействовали на людей, но реакция Уайрмана в то мартовское утро была уникальной.

В себя его привел только резкий стук. Элизабет проснулась и забарабанила по подносу.

— Сигарету! — выкрикнула она. — Сигарету! *Сигарету!*

Некоторым привычкам, похоже, нипочем и туман болезни Альцгеймера. Часть ее мозга, которая жаждала никотина, так и не угасла. Элизабет курила до самого конца.

Уайрман достал из кармана пачку «Американ спиритс», вытряхнул сигарету, сунул в рот, раскурил, протянул Элизабет.

— Если я отдам вам сигарету, вы себя не подожжете, мисс Истлейк?

— *Сигарету!*

— Не очень убедительный ответ, дорогая.

Но сигарету он ей отдал, и Элизабет взялась за нее, как профессионал — никаких следов болезни Альцгеймера, — глубоко затянулась и выпустила дым через ноздри. Потом откинулась на спинку кресла, напоминая уже не капитана Блая на полуюте, а президента Франклина Рузвельта на трибуне. Не хватало лишь зажатого в зубах мундштука. И самих зубов, конечно.

Уайрман вновь перевел взгляд на портрет.

— Ты же не собираешься просто так его отдать? Это несерьезно. Нельзя этого делать. Это же потрясающая работа!

— Портрет твой. Говорить тут не о чем.

— Ты должен показать его на выставке.

— Не уверен, что это хорошая идея...

— Ты сам говорил, что как только картина закончена, она, вероятно, больше не может повлиять...

— Да, *вероятно*.

— Мне этого достаточно, и «Скотто» — более безопасное место, чем этот дом. Эдгар, портрет заслуживает того, чтобы его увидели. Черт, он нуждается в том, чтобы его увидели.

— Это ты, Уайрман? — спросил я с искренним любопытством.

— Да. Нет. — Он еще несколько секунд смотрел на портрет, потом повернулся ко мне: — Я хотел быть таким. Может, и был —

несколько лучших дней в самом лучшем году моей жизни. — И неохотно добавил: — В моем самом идеалистическом году.

Какое-то время мы молча смотрели на портрет, а Элизабет дымила, как паровоз. Как старый поезд Чу-чу.

Первым заговорил Уайрман.

— Мне многое непонятно, Эдгар. Со времени моего приезда на Дьюма-Ки вопросов у меня больше, чем у четырехлетнего мальчика, когда ему пора спать. Но вот с одним у меня полная ясность. Я точно знаю, почему ты хочешь остаться здесь. Если бы я мог создавать такое, то остался бы здесь навсегда.

— Годом раньше я рисовал только завитушки в блокнотах во время телефонных разговоров.

— Это ты уже говорил. Скажи мне вот что, мучачо. Глядя на этот портрет... и думая об остальных картинах, которые написал... ты согласился бы избежать несчастного случая, лишившего тебя руки? Изменил бы прошлое, если б мог?

Я подумал, как рисовал в «Розовой малышке» под гремящий рок-н-ролл. Подумал о Великих береговых прогулках. Подумал даже о старшем ребенке Баумгартенов, кричащем: «Эй, мистер Фримантл, хороший бросок!» — после того, как я возвращал ему фрисби. Потом подумал о том, как очнулся на больничной койке, как мне было ужасно жарко, как разбегались и путались мысли, как иногда я не мог вспомнить даже свое имя. Подумал о распирающей меня злости. Об осознании (оно пришло во время телевизионного шоу Джерри Спрингера), что я лишился части моего тела. Тогда я начал плакать и долго не мог остановиться.

— Будь такая возможность, я бы тут же все переменил.

— Понятно, — кивнул он. — Я спрашивал из любопытства. — Уайрман повернулся к Элизабет, чтобы забрать окурок.

Она вытянула руки, как младенец, у которого отняли игрушку:

— Сигарету! *Сигарету! СИГАРЕТУ!*

Уайрман затушил окурок о каблук сандалии, а через мгновение Элизабет успокоилась, забыла о сигарете, поскольку организм насытился никотином.

— Побудешь с ней, пока я отнесу картину в холл? — спросил Уайрман.

— Конечно. Уайрман, я только хотел сказать...

— Я знаю. Твоя рука. Боль. Жена. Я задал глупый вопрос. Это ясно. А сейчас позволь мне убрать эту картину в безопасное место. Когда Джек приедет в следующий раз, пришли его сюда, хорошо? Мы аккуратно завернем портрет, и Джек сможет отвезти его в «Скотто». Но я собираюсь везде написать «НДП», прежде чем портрет отправится в Сарасоту. Если ты отдаешь его мне, он — *мой*. Только так, и не иначе.

В джунглях на юге птица вновь подняла тревожный крик: «О-ох! О-ох! О-ох!»

Я хотел сказать ему что-то еще, объяснить, но он уже уносил портрет в дом. А кроме того, оставался его вопрос. Его глупый вопрос.

iii

На следующий день Джек Кантори отвез «Смотрящего на запад Уайрмана» в «Скотто», и Дарио позвонил мне, едва портрет достали из упаковочного картона. Заявил, что никогда не видел ничего подобного, и высказал пожелание сделать портрет и цикл «Девочка и корабль» главным элементом, на котором будет строиться вся экспозиция. Сам факт, что эти картины не продаются, только разжигал интерес. В этом у него не было никаких разногласий с Джимми. Я с ним тоже спорить не собирался. Он спросил, готовлюсь ли я к лекции, и я ответил, что размышляю над этим. Он меня похвалил, добавил, что это событие уже вызывает «необычайный интерес», хотя никакой рекламы еще не было.

— Плюс, разумеется, по электронной почте мы разошлем фотографии картин всем нашим клиентам.

— Великолепно, — ответил я, но ничего великолепного не чувствовал. В первую декаду марта я ощущал непонятную апатию. На работу она не влияла. Я нарисовал еще один закат и еще одну картину из цикла «Девочка и корабль». Каждое утро я прогуливался у воды с холщовой сумкой на плече, собирая раковины и другой интересный мусор, который могли вынести на берег волны. Я нашел большое количество банок из-под пива и

газировки (обычно выглаженных водой и белых, как беспамятство), несколько презервативов, детский пластиковый бластер, трусики от бикини. Ни одного теннисного мяча. Мы с Уайрманом пили зеленый чай под полосатым зонтом. Я уговаривал Элизабет съесть салат с тунцом и салат с макаронами, обильно политые майонезом; убеждал ее пить через соломинку молочные коктейли «Иншуэ». Один раз сел на мостки рядом с ее инвалидным креслом и принялся стачивать загадочные кольца желтых мозолей с ее больших старых ступней.

Чего я не делал, так это не готовил тезисов к моей «художественной лекции», и когда Дарио позвонил, чтобы сказать, что она перенесена в лекционный зал библиотеки, вмещающий двести человек, я похвалил себя за пренебрежительный тон своего ответа, скрывающий застывшую в жилах кровь.

Две сотни человек означали четыреста глаз, нацеленных на меня.

И еще я не писал приглашения, не бронировал номера в сарасотском «Ритц-Карлтоне» на пятнадцатое и шестнадцатое апреля и не фрахтовал «Гольфстрим», чтобы привезти толпу друзей и родственников из Миннесоты.

Сама идея, что у кого-то из них может возникнуть желание посмотреть на мою мазню, начала казаться абсурдной.

А идея, что Эдгар Фримантл, годом раньше до хрипоты споривший с сент-полским комитетом строительства о разведочном бурении скального основания, будет читать лекцию настоящим ценителям живописи, представлялась уже абсолютно безумной.

Нет, реальность картин не ставилась под сомнение, а работа... Господи, какое же я получал от нее наслаждение. Стоя на закате перед мольбертом в «Розовой малышке», раздевшись до трусов, слушая «Кость» и наблюдая, как «Девочка и корабль № 7» появлялись из белого с пугающей скоростью (словно вырастали из тумана), я испытывал невероятный прилив жизненных сил, ощущал себя человеком, который находится в нужном месте и в нужное время, идеально подогнанным шарниром. Корабль-призрак развернулся еще больше, букв в названии прибавилось: теперь я видел «Персе». Любопытства ради я вписал это слово в поисковую строку Гугла, получил только одну

ссылку... наверное, установил мировой рекорд. Так называлась частная школа в Англии, выпускники которой именовали себя старыми персейцами. О школьном корабле не было ни единого упоминания — ни о трехмачтовом, ни о каком-то другом.

На этой последней картине в веселой лодке сидела девочка в зеленом платье, лямки которого пересекались на ее голой спине, а вокруг лодки, практически в стоячей воде, плавали розы. Картина будоражила.

Я чувствовал себя счастливым, когда гулял по берегу, ел ленч, пил пиво — один или с Уайрманом. Я чувствовал себя счастливым, когда рисовал. Более чем счастливым. Когда я рисовал, мне казалось, что до приезда на Дьюма-Ки я и не осознавал, какой полноценной и многогранной может быть жизнь. Но когда я думал о предстоящей выставке в «Скотто», и обо всем необходимом для того, чтобы эта выставка прошла успешно, мой разум впадал в ступор. Я не просто боялся — паниковал.

Я забывал о самых простых вещах, скажем, не открывал электронные письма от Дарио, Джимми и Элис Окойн из «Скотто». Если Джек спрашивал, греет ли меня мысль о том, что выступать я буду в аудитории Гелдбарта, я говорил ему: «да-да», — потом просил съездить в Оспри, чтобы заправить «шеви» бензином, и забывал о его вопросе. Когда Уайрман спрашивал, говорил ли я с Элис Окойн о том, как группировать картины, я предлагал побросать теннисный мяч, потому что Элизабет нравилось наблюдать за его полетом.

Наконец, примерно за неделю до назначенной лекции, Уайрман сказал, что хочет показать мне одну свою поделку.

— Хочу услышать твое мнение. Как художника.

На столике, в тени полосатого зонта (мы с Джеком отремонтировали его с помощью изоленты) лежала черная папка. Я открыл ее и достал глянцевую брошюру.

Лицевую сторону украшала одна из моих ранних картин, «Закат с сафорой», и я подивился тому, как профессионально выглядела обложка. Под репродукцией было написано:

Дорогая Линни!

Вот чем я занимаюсь во Флориде. И хотя знаю, что ты крайне занята...

* * *

Под «крайне занята» была нарисована стрелка. Я вскинул глаза на Уайрмана, который бесстрастно наблюдал за мной. Позади него Элизабет смотрела на Залив. Не знаю, разозлился ли я на него за такое вот вторжение в мою личную жизнь или почувствовал облегчение. По правде говоря, ощущал и то, и другое. И я не мог вспомнить, чтобы называл при нем мою старшую дочь Линни.

— Шрифт ты можешь выбрать любой, — заметил он. — Этот, на мой взгляд, излишне девчачий, но моему соавтору нравится. И имя в первой строке всегда можно поменять. Приглашения получатся индивидуальные. Это же просто удовольствие, делать их на компьютере!

Я молча раскрыл брошюру. Слева увидел «Закат с пыреем», справа — «Девочку и корабль № 1». Ниже шел текст:

...надеюсь, ты составишь мне компанию на открытии выставки моих работ, которое пройдет 15 апреля в художественной галерее «Скотто» в г. Сарасота, штат Флорида, с семи до десяти вечера. На твое имя заказан билет первого класса на рейс 22 «Эйр Франс». Вылет из Парижа 15-го в 8:25 утра, прибытие в Нью-Йорк в 10:15 утра. Тебе также заказан билет на рейс 496 «Дельты». Время вылета из аэропорта им. Кеннеди в 13:20, прибытие в Сарасоту в 16:30. Лимузин будет ждать тебя в аэропорту и доставит в отель «Ритц-Карлтон», где за тобой зарезервирован номер с 15 по 17 апреля.

Под последней строчкой была еще одна стрелка. Я озадаченно посмотрел на Уайрмана. Его лицо по-прежнему не выражало никаких эмоций, но я заметил пульсирующую на правом виске жилку. Позже я услышал от него: «Я знал, что ставлю на кон нашу дружбу, но кто-то должен был что-то сделать, и к тому моменту мне стало ясно, что ты не собираешься ударить пальцем о палец».

Я перевернул страницу брошюры. Еще две репродукции. «Закат с раковиной» слева и рисунок моего почтового ящика, без названия, справа. Очень ранний рисунок, сделанный цвет-

ными карандашами «Винус», но мне понравился цветок, растущий около деревянного столба (ярко-желтый, с черным «глазом» по центру), и вообще на репродукции рисунок выглядел очень неплохо, словно его нарисовал человек, который знал это дело. Или собирался узнать.

Текст под рисунком был коротким:

Если ты не сможешь приехать, я, безусловно, пойму (Париж — не ближний свет), но очень надеюсь, что ты приедешь.

Я сердился, но дураком-то не был. Выставка требовала подготовки. Вероятно, Уайрман решил, что это его работа.

«Илзе, — подумал я. — В этом ему наверняка помогала Илзе».

Я ожидал увидеть еще одну репродукцию на задней стороне обложки, но ошибся. Увидел другое, и сердце защемило от удивления и любви. Отношения с Мелиндой давались мне с трудом, отнимали много сил, но любил я ее ничуть не меньше Илзе, и мои чувства предельно ясно иллюстрировала черно-белая фотография, с линией сгиба посередине и двумя обтрепанными углами. И фотография имела право выглядеть старой, потому что Мелинде, которая стояла рядом со мной, было годика четыре. То есть сфотографировали нас восемнадцатью годами раньше. Она была в джинсах, ковбойских сапожках, рубашке с длинными рукавами и соломенной шляпе. Мы только что вернулись из «Плизант-Хилл-фармс» в Техасе, где она иногда каталась на пони которого звали... Сахарок? Я подумал, что да. В любом случае, мы стояли на дорожке у нашего первого маленького дома в Бруклин-парк, я — в линялых джинсах, белой футболке с короткими, закатанными на плечи рукавами, с зачесанными назад волосами, бутылкой пива «Грейн белт» в руке и улыбкой на лице. Линни одну руку сунула в карман джинсов, снизу вверх смотрела на меня, и от читавшейся на ее лице любви (такой сильной любви!) у меня сжалось горло. Я улыбнулся, как улыбаются в отчаянной попытке сдержать слезы. Под фотографией было написано:

Если ты хочешь узнать, кто еще приедет, можешь позвонить мне — 941-555-6166, или Джерому Уайрману — 941-555-8191,

или маме. Она, между прочим, прилетит вместе с моими миннесотскими гостями и встретит тебя в отеле.

Надеюсь, ты приедешь... в любом случае люблю тебя, моя маленькая Пони...

Папуля.

Я закрыл брошюру, которая была и письмом, и приглашением на выставку, какое-то время молча смотрел на нее. Боялся заговорить.

— Разумеется, это всего лишь макет... — Голос Уайрмана звучал неуверенно. Другими словами, говорил он в несвойственной ему манере. — Если ты против, я его выброшу и начну снова. Никаких проблем.

— Ты получил эту фотографию не от Илзе. — Я решился опробовать голосовые связки.

— Нет, мучачо. Пэм нашла ее в одном из старых фотоальбомов.

И сразу все стало ясно.

— И сколько раз ты с ней беседовал, *Джером?*

Уайрман поморщился.

— Неприятно, конечно, но, пожалуй, ты имеешь право. Думаю, раз шесть. Начал с рассказа, что ты попал здесь в сложную ситуацию, завязал на себя многих людей...

— *Какого хера!* — обиженно воскликнул я.

— Людей, которые возлагают на тебя большие надежды, доверяют тебе, не говоря уже о деньгах...

— Я без труда возмещу галерее «Скотто» все деньги, потраченные на...

— Заткнись, — оборвал меня Уайрман, и никогда еще он не говорил со мной таким неприветливым тоном. Да и такого ледяного взгляда у него я никогда не видел. — Ты же не говнюк, мучачо, вот и веди себя соответственно. Ты можешь оплатить их доверие? Можешь оплатить потерю репутации, если великий новый художник, которого они обещали представить потенциальным покупателям, не появится ни на лекции, ни на выставке?

— Знаешь, Уайрман, на выставку я могу прийти, а вот эта чертова лекция...

— *Они* этого не знают! — прокричал он. Чего там, взревел. И голос у него был для этого подходящий — голос, от которого в зале судебных заседаний зазвенело бы в ушах. Элизабет этого не заметила, но сыщики серой лентой поднялись с кромки воды. — У них уже появилась забавная такая мысль, что, возможно, пятнадцатого апреля никакой выставки и не будет, что ты заберешь свои картины, и они останутся с пустыми залами в самый прибыльный период туристического сезона, на который у них обычно приходится треть годовой выручки.

— У них нет оснований так думать, — пролепетал я, но мое лицо горело, как раскаленный кирпич.

— Нет? А как бы ты воспринял подобное поведение в своей прошлой жизни, амиго? К каким бы пришел выводам, если бы поставщик, у которого ты заказал цемент, не привез бы его вовремя? Или субподрядчик, ведающий установкой сантехники в новом банковском здании, не приступил к работе в оговоренный контрактом день? Ты бы чувствовал себя уверенно, имея дело с такими людьми? Ты бы поверил их оправданиям?

Я молчал.

— Дарио посылает тебе электронные письма с конкретными вопросами, касающимися организации выставки, но ответов не получает. Он и другие звонят по телефону и слышат квелое: «Я об этом подумаю». Они бы занервничали, даже если бы имели дело с Джейми Уайетом или Дейлом Чихули*, но ты — не первый и не второй. Если на то пошло, ты — человек с улицы. Поэтому они звонят мне, и я делаю все, что могу... в конце концов, я — твой гребаный агент... но я же не художник, как по большому счету и они. Мы — таксисты, которые пытаются принять роды.

— Я понимаю.

— А я — нет! — Он вздохнул. Тяжело вздохнул. — Ты говоришь, что с лекцией у тебя всего лишь сценический мандраж, и ты собираешься прийти на выставку. Я знаю, отчасти ты в это

* Уайет Джеймс Браунинг (р. 1946) — известный американский художник-реалист. Чихули Дейл Патрик (р. 1941) — знаменитый американский скульптор по стеклу.

веришь, но, амиго, должен сказать, есть в тебе и другая часть, которая не имеет ни малейшего желания появляться в галерее «Скотто» пятнадцатого апреля.

— Уайрман, это полнейшая...

— Чушь? Ты это хотел сказать? Я звоню в «Ритц-Карлтон» и спрашиваю, забронировал ли мистер Фримантл номера на середину апреля, и мне отвечают: «Нет, нет, Нанетт». После этого я собираюсь с духом и связываюсь с твоей бывшей. В телефонном справочнике ее номер больше не значится, но твоя риелтор сообщает мне его, когда я говорю, что ситуация в каком-то смысле чрезвычайная. И я сразу узнаю, что Пэм ты по-прежнему небезразличен. Она даже хочет позвонить тебе и сказать об этом, но боится, что ты пошлешь ее ко всем чертям.

Я вытаращился на него.

— И после того как мы заочно знакомимся, я узнаю, что Пэм Фримантл понятия не имеет о большой художественной выставке живописных полотен ее мужа, которая должна состояться через пять недель. Это во-первых. А во-вторых... тут все проясняется после телефонного звонка Пэм... Уайрман в это время решает кроссворд, спасибо восстановившемуся зрению... ее бывший не зафрахтовал самолет, во всяком случае, в той авиакомпании, услугами которой раньше пользовался. Так не стоит ли нам обсудить такой вариант: не принял ли Эдгар Фримантл глубоко в душе судьбоносного решения, не собирается ли, когда до выставки останется совсем ничего, послать всех на хер и свалить, как говорили во времена моей растраченной попусту юности?

— Нет, ты ошибаешься, — пробубнил я. Прозвучало неубедительно. — Просто вся эта организационная тягомотина сводит меня с ума, вот я... понимаешь, откладывал все на потом.

Но Уайрман не знал жалости. И если бы я давал свидетельские показания, он бы уже превратил меня в маленькую лужицу топленого сала и слёз. Судье пришлось бы объявить перерыв, чтобы пристав смог вытереть пол.

— Пэм говорит, что Сент-Пол будет выглядеть, как Де-Мойн тысяча девятьсот семьдесят второго года, если с линии горизонта убрать силуэты всех зданий, построенных «Фримантл компани».

— Пэм преувеличивает.

Он пропустил мои слова мимо ушей.

— Мне предлагается поверить, что человек, который руководил такими стройками, не может справиться с бронированием билетов на самолет и номеров отеля? Учитывая, что нужно всего лишь снять телефонную трубку. Потому что на другом конце провода он найдет полное взаимопонимание.

— Они не... я не... они не могут просто так...

— Ты злишься?

— Нет. — Но я злился. Прежняя злость вернулась и хотела возвысить голос, завопить, как Эксл Роуз на волне «Кости». Я коснулся пальцами лба над правым глазом, в том месте, где начала собираться боль. Сегодня о живописи не могло идти и речи, и вина лежала на Уайрмане. Он лишил меня возможности встать к мольберту. Вот тут я и пожелал ему ослепнуть. Не наполовину, а вообще. Внезапно до меня дошло: а ведь я могу нарисовать его таким. И мгновенно от злости не осталось и следа.

Уайрман увидел, как моя рука поднялась к голове, и чуть сбавил напор.

— Послушай, большинство из тех, с кем она поговорила, разумеется, не давая никаких гарантий, уже ответили: «Конечно же, да, с удовольствием». Твой бывший прораб, Анжел Слоботник сказал Пэм, что привезет тебе банку маринованных огурцов. Она говорит, что он был в восторге.

— Маринованных яиц — не огурцов, — поправил я его, и широкое, плоское, улыбающееся лицо Большого Эйнджи возникло так близко, что я мог до него дотронуться. Анжел проработал со мной двадцать лет, пока обширный инфаркт не отправил его на покой. Анжел, который на любое задание, каким бы сложным оно ни казалось, реагировал одинаково: «Будет сделано, босс».

— Насчет прилета мы с Пэм все устроили, — продолжил Уайрман. — Не только из Миннеаполиса-Сент-Пола, но и из других мест. — Он постучал пальцем по брошюре. — Рейсы «Эйр Франс» и «Дельты» — те самые, и Мелинде забронированы на них места. Она в курсе событий. Как и Илзе. Они только ждут официального приглашения. Илзе хотела тебе позвонить, но

Пэм попросила ее подождать. Она говорит, что отмашку должен дать ты, и если по ходу вашей семейной жизни она и допускала ошибки, то в этом, мучачо, она абсолютно права.

— Ясно, — кивнул я. — Я тебя слышу.

— Хорошо. А теперь я хочу поговорить с тобой о лекции.

Я застонал.

— Если ты сделаешь ноги с лекции, то тебе будет в два раза труднее прийти на открытие выставки...

Мои глаза широко раскрылись.

— Что? — фыркнул он. — Ты не согласен?

— Сделаешь ноги? — переспросил я. — Сделаешь ноги? О чем ты?

— Сбежишь, — ответил он, и в голосе послышалась настороженность. — Английский сленг. Загляни, к примеру, в Ивлина Во. «Офицеры и джентльмены», тысяча девятьсот пятьдесят второй год.

— Да пошел ты в жопу, — огрызнулся я. — Эдгар Фримантл, нынешний день.

Он показал мне палец, и с того момента мы вновь поладили.

— Ты отправил Пэм фотографии, так? По электронной почте?

— Да.

— Как она отреагировала?

— Они сразили ее наповал.

Я сидел, пытаясь представить себе сраженную наповал Пэм. В принципе получалось, но я видел, как изумление и восторг освещают более молодое лицо. Прошло немало лет с тех пор, как мне в последний раз удалось добиться такого эффекта.

Элизабет спала, но ее волосы скользили по щекам, и она махала рукой, как женщина, которой досаждают мухи и комары. Я поднялся, достал резинку из пакета, который висел на подлокотнике (резинок там было много, всех цветов), собрал волосы в конский хвост. Воспоминания о том, как я проделывал то же самое для Мелинды, были сладки и ужасны.

— Спасибо Эдгар. Спасибо, mi amigo.

— Так как мне это сделать? — спросил я, держа руки на голове Элизабет, ощущая мягкость ее волос, как часто ощущал мягкость вымытых шампунем волос дочерей; когда память очень

старается, наши тела становятся призраками, повторяют жесты, свойственные нам в далеком прошлом. — Как мне рассказать о сверхъестественном?

Вот. Вырвалось. Самое главное.

Но лицо Уайрмана оставалось спокойным.

— Эдгар! — воскликнул он.

— Что, Эдгар?

Этот сукин сын расхохотался.

— Если ты им об этом скажешь... *они тебе поверят*.

Я уже открыл рот, чтобы возразить. Но подумал о работах Дали. Подумал о «Звездной ночи», удивительной картине Ван Гога. Подумал о некоторых полотнах Эндрю Уайета*... не о «Мире Кристины», а о его интерьерах: просторных комнатах, где свет кажется нормальным и необыкновенным, словно идет одновременно из двух источников. Закрыл рот.

— Я не могу сказать тебе, о чем говорить, но могу дать что-то вроде этого. — Он поднял брошюру-приглашение. — Я могу дать тебе примерный план.

— Этим ты мне очень поможешь.

— Правда? Тогда слушай.

Я слушал.

iv

— Алло?

Я сидел на диване во «флоридской комнате». Сердце гулко билось. Это был один из тех звонков (каждому в жизни выпадает таких хоть несколько), когда ты надеешься, что трубку снимут, чтобы с этим наконец-то покончить, и надеешься, что не снимут, и у тебя появится возможность оттянуть этот трудный и, возможно, болезненный разговор.

Выпал вариант номер один: Пэм ответила после первого гудка. И мне оставалось лишь уповать на то, что на этот раз все пройдет лучше, чем в прошлый. И в позапрошлый тоже.

* Уайет Эндрю Ньюэлл (р. 1917) — знаменитый американский художник, отец упомянутого выше Джеймса Уайета. «Мир Кристины» (1948) — его наиболее известное полотно.

— Пэм, это Эдгар.

— Привет, Эдгар, — осторожно поздоровалась она. — Как ты?

— Я... нормально. Хорошо. Я тут поговорил с моим другом Уайрманом. Он показал мне приглашение, к которому вы приложили руку.

«К которому вы приложили руку». Прозвучало неприязненно. С намеком на заговор. Но как иначе я мог выразиться?

— Да? — Ее голос не выдавал никаких чувств.

Я глубоко вдохнул и бросился в омут. «Бог ненавидит труса», — говорит Уайрман. Среди прочего.

— Я звоню, чтобы поблагодарить. Я вел себя, как болван. Вы так вовремя пришли на помощь.

Молчание затягивалось, и я успел подумать, а не положила ли она в какой-то момент трубку. Потом услышал:

— Я все еще здесь, Эдди... просто пытаюсь прийти в себя. Не могу вспомнить, когда ты в последний раз извинялся передо мной.

Я *извинился*? Ну... не важно. Может, почти что.

— Тогда я извиняюсь и за это.

— Я сама должна перед тобой извиниться. Так что, считай, мы квиты.

— Ты? За что ты должна извиниться?

— Звонил Том Райли. Позавчера. Он вновь принимает лекарства. И собирается, цитирую, «снова кое с кем увидеться»... насколько я понимаю, речь шла о психотерапевте. Он звонил, чтобы поблагодарить меня за то, что я спасла ему жизнь. Тебе кто-нибудь звонил по такому поводу?

— Нет. — Хотя недавно мне позвонили, чтобы поблагодарить за спасение зрения, так что я в какой-то степени понимал, о чем она говорит.

— Это было нечто. «Если бы не ты, я бы уже умер». Его слова. И я не могла сказать ему, кого он должен благодарить, потому что это прозвучало бы дико.

У меня создалось ощущение, будто внезапно расстегнулся тугой ремень. Иногда все разрешается как нельзя лучше. Иногда именно так и выходит.

— Это хорошо, Пэм.

— Я разговаривала с Илзе насчет твоей выставки.

— Да, я...

— И с Илли, и с Лин, но когда беседовала с Илзе, я перевела разговор на Тома, и могу точно сказать, она ничего не знает о том, что произошло между нами. В этом я тоже ошиблась. Да еще показала не лучшую свою сторону.

Тут я осознал, что она плачет.

— Пэм, послушай...

— После того как ты оставил меня, я показала *несколько* не лучших своих сторон нескольким людям.

«Я тебя не оставлял! — едва не выкрикнул я. Почти что выкрикнул. На лбу выступил пот — столько сил ушло на то, чтобы сдержаться. — Я тебя не оставлял. Это ты потребовала развод, плешивая рвань!»

Сказал другое:

— Пэм, хватит об этом.

— Мне было трудно поверить тебе, даже после того, как ты упомянул о новом телевизоре и о Пушистике.

Я уже собирался спросить, кто такой Пушистик, потом вспомнил: кот.

— У меня все налаживается, — продолжала Пэм. — Снова начала ходить в церковь. Можешь себе такое представить? И к психотерапевту. Вижусь с ней раз в неделю. — Пэм помолчала, потом ее прорвало: — Она хороший специалист. Говорит, что человек не может закрыть дверь в прошлое, ему по силам лишь внести кое-какие поправки и жить дальше. Я это понимаю, но не знаю, как мне начать вносить поправки в наши с тобой отношения, Эдди.

— Пэм, ты мне ничего не...

— По словам моего психотерапевта, дело не в том, что *ты* думаешь. Главное, что думаю *я*.

— Понимаю.

Говорила она прямо-таки как прежняя Пэм, так что, наверное, действительно нашла хорошего психотерапевта.

— А потом позвонил твой друг Уайрман и сказал, что тебе нужна помощь... и прислал мне эти снимки. Мне не терпится увидеть их вживую. Конечно, я знала, что у тебя есть талант,

потому что ты рисовал те маленькие книжки в картинках для Лин, в тот год, когда она так тяжело болела...

— Я рисовал? — Я помнил тот год, когда одна болезнь следовала у Лин за другой, пока все не вылилось в жуткий понос, вызванный, возможно, передозировкой антибиотиков. Тогда ее даже пришлось на неделю отправить в больницу. Той весной Лин похудела на десять фунтов. И если бы не летние каникулы (и ее блестящий ум), она бы осталась на второй год во втором классе. Но я не мог вспомнить, чтобы рисовал какие-то книжки-картинки.

— Рыбка Фредди? Краб Карла? Дональд Пугливый Олень?

На Дональда Пугливого Оленя память вроде бы отреагировала, в ее глубинах что-то шевельнулось, но не более того.

— Не помню, — ответил я.

— Анжел еще говорил, что тебе стоит попытаться их опубликовать, ты разве не помнишь? Но *эти картины*... Господи. Ты знал, что способен на такое?

— Нет. Я начал подумывать, что, возможно, стоит заняться живописью, когда жил в нашем коттедже на озере Фален, но не представлял себе, как далеко все может зайти. — Я вспомнил «Смотрящего на запад Уайрмана», Кэнди Брауна без носа и рта, и подумал, что только что сделал признание века.

— Эдди, ты позволишь мне сделать остальные приглашения по тому же образцу, что и первое? Они получатся индивидуальными и довольно симпатичными.

— Па... — Опять чуть не вырвалось: «Панда». — Пэм, я не могу просить тебя об этом.

— Я хочу.

— Да? Тогда ладно.

— Я сделаю макеты и по электронной почте отправлю мистеру Уайрману. Ты сможешь их просмотреть, прежде чем он начнет печатать. Он — прелесть, твой мистер Уайрман.

— Да. Точно. Вы двое действительно спелись за моей спиной.

— Спелись, не правда ли? — В голосе слышалась радость. — Ради тебя. Только ты должен кое-что сделать.

— Что?

— Ты должен позвонить девочкам, они просто с ума сходят. Особенно Илзе. Хорошо?

— Хорошо. И вот что, Пэм...

— Что, дорогой? — Я уверен, что последнее слово она произнесла автоматически, не думая, как оно будет воспринято. Хотя... пожалуй, она испытала то же самое, когда ласкательное имя прилетело к ней из Флориды, и ласки в нем с каждой милей становилось все меньше.

— Спасибо.

— Всегда рада помочь.

Мы попрощались и закончили разговор без четверти одиннадцать. В ту зиму время бежало особенно быстро вечерами, которые я проводил в «Розовой малышке» (стоя у мольберта, удивляясь, с какой скоростью блекнут на западе закатные цвета), а медленнее всего — в это утро, когда я не стал более откладывать на потом и другие телефонные звонки. Я набирал номера один за другим, будто глотал прописанные таблетки.

Взглянув на лежащую на коленях трубку радиотелефона, я пробурчал: «Черт бы тебя побрал», — и начал набирать следующий номер.

V

— Галерея «Скотто», это Элис.

Веселый голос, к которому я уже привык за последние десять дней.

— Привет, Элис. Эдгар Фримантл.

— Да, Эдгар? — Веселость сменилась осторожностью. Слышались ли нотки осторожности в ее голосе раньше? Я их игнорировал?

— Если у вас есть пара минут, я бы хотел поговорить о том, в каком порядке мы будем показывать слайды на лекции.

— Да, Эдгар, давайте поговорим. — Я буквально услышал вздох облегчения. И почувствовал себя героем. Разумеется, почувствовал и мерзавцем.

— Блокнот у вас под рукой?

— Будьте уверены.

— Хорошо. В принципе хотелось бы показывать их в хронологическом порядке...

— Но я *не знаю* хронологии. Я пыталась сказать вам...

— Понимаю, и сейчас хочу продиктовать вам весь список. Но, Элис, первый слайд выбьется из хронологического ряда. Начнем мы с «Роз, растущих из ракушек». Записали?

— «Розы, растущие из ракушек», записала. — Второй раз после нашей встречи я слышал в голосе Элис неподдельную радость.

— Теперь карандашные рисунки...

Мы проговорили следующие полчаса.

vi

— Oui, allo*?

Я молчал. Французский сбил меня с мысли. Тот факт, что трубку снял молодой мужчина, потряс еще сильнее.

— Allo, allo? — Нотки нетерпения. — Qui est a l'appareil?**

— М-м-м, может, я ошибся номером. — Я чувствовал себя не просто говнюком, но моноязычным американским говнюком. — Я хотел поговорить с Мелиндой Фримантл.

— D'accord***, вы набрали правильный номер, — потом, уже не в трубку: — Мелинда! C'est ton papa, je crois, cherie****.

Трубка со стуком куда-то легла. Перед моим мысленным взором тут же возник образ (очень четкий, очень политически некорректный и скорее всего навеянный упоминанием Пэм книжек-картинок, которые я когда-то рисовал для маленькой больной девочки): большой говорящий скунс в берете, мсье Пепе ле Пю, расхаживает по pension (если именно этим словом обозначается маленькая однокомнатная квартира в Париже) моей дочери, а над его белополосой спиной поднимаются волнистые линии свойственного ему аромата.

Потом трубку взяла Мелинда, похоже, необычайно взволнованная, чего с ней никогда не случалось.

— Папа? Папуля? У тебя все в порядке?

---

* Да, алло (*фр.*).

** Кто у аппарата? (*фр.*)

*** Да, да (*фр.*).

**** Дорогая, я думаю, это твой отец (*фр.*).

— Все отлично, — ответил я. — Это твой сосед по комнате? — Я шутил, но по не свойственному ей молчанию понял, что, сам того не желая, попал в десятку. — Впрочем, не важно, Линни. Я просто...

— ...подтруниваешь надо мной, так? — Я не мог сказать, то ли ей весело, то ли она начинает злиться. Связь, конечно, была хорошая, но не настолько, чтобы улавливать все интонации. — Если на то пошло, да.

Подтекст сомнений не вызывал, прозвучал ясно и четко: «Собираешься закатить мне скандал?»

Но у меня и в мыслях такого не было.

— Я рад, что у тебя появился друг. У него есть берет?

К моему безмерному облегчению, Линни рассмеялась. С ней я никогда не знал наперед, какая шутка сработает: чувство юмора у нее было таким же непредсказуемым, как и вторая половина апрельского дня.

— Рик! — позвала она. — Mon papa... — дальше я не разобрал, потом услышал: — ...si tu portes un beret*?

До меня донесся далекий мужской смех. «Ох, Эдгар, — подумал я. — Даже из-за океана ты уже ведешь их под венец, pere fou**».

— Папуля, у тебя все хорошо?

— Отлично. Как твоя стрептококковая инфекция?

— Думаю, я иду на поправку.

— Я только что говорил по телефону с твоей матерью. Ты получишь официальное приглашение на эту выставку. Она говорит, что ты приедешь, и я страшно волнуюсь.

— *Ты волнуешься?* Мама прислала мне несколько фотографий, и я жду не дождусь этой выставки. Где ты научился так рисовать?

Сегодня это был самый популярный вопрос.

— Здесь.

— Картины потрясающие. Остальные такие же хорошие?

— Приезжай, и все увидишь сама.

— Рик может приехать?

— У него есть паспорт?

---

* Ты носишь берет (*фр.*).

** Сумасшедший отец (*фр.*).

— Да...

— Он даст обещание не смеяться над твоим отцом?

— К старшим он относится очень уважительно.

— Тогда, разумеется, он может приехать, при условии, что на авиарейсы проданы не все билеты, и вы согласны спать в одном номере... но, полагаю, это как раз не проблема.

Она завизжала так громко, что заболело ухо, но трубку я отдергивать не стал. Давно уже я не слышал, чтобы Линни Фримантл так реагировала на мои слова или дела.

— Спасибо, папуля... это здорово!

— Буду рад познакомиться с Риком. Может, конфискую у него берет. В конце концов, я же теперь художник.

— Я передам ему твои слова. — Ее тон переменился. — Ты уже говорил с Илзе?

— Нет, а что?

— Когда будешь говорить, не упоминай о приезде Рика, хорошо? Я скажу ей сама.

— Я и не собирался.

— Потому что у нее с Карсоном... насколько я знаю, она тебе о нем рассказывала...

— Рассказывала.

— Я уверена, там возникли проблемы. Илли говорит, что «все обдумывает». Это ее слова. Рик не удивлен, он считает, что нельзя доверять человеку, который молится на людях. И мне кажется, что моя сестра заметно повзрослела.

«То же самое можно сказать и о тебе, Лин», — подумалось мне. Я вдруг увидел ее семилетней, такой больной. Тогда мы с Пэм боялись, что она может умереть у нас на руках, хотя никогда не говорили об этом вслух. Огромные черные глаза, бледные щечки, жидкие волосы. Однажды я, глядя на нее, даже подумал: «Череп на палочке», — и возненавидел себя за эту мысль. А еще больше ненавидел себя за другое: раз уж одна из дочерей так тяжело болела, в глубине сердца я радовался, что это была Лин. Я всегда пытался убедить себя, что одинаково люблю своих детей, но лгал себе. Возможно, некоторые родители действительно могли такое сказать (думаю, Пэм — могла), но не я. Мелинда знала об этом?

Разумеется, знала.

— Ты уж следи за своим здоровьем.

— Я стараюсь, папуля. — Я буквально увидел, как она закатила глаза.

— Вот и хорошо. Жду тебя.

— Папуля? — Пауза. — Я тебя люблю.

Я улыбнулся.

— Сколько раз?

— Миллион и один под подушкой, — ответила она, словно старалась рассмешить ребенка. И все сделала правильно.

Какое-то время я посидел, глядя на Залив и рассеянно потирая глаза, а потом набрал еще один номер, в надежде, что на сегодня этот звонок — последний.

vii

Часы показывали начало первого, и, честно говоря, я не ожидал застать ее дома; думал, что она отправилась с друзьями на ленч. Но, как и Пэм, она сняла трубку после первого же гудка. Ее «алло» прозвучало крайне осторожно, и до меня вдруг дошло: она думала, что я — Карсон Джонс, который звонит с просьбой дать ему еще один шанс или чтобы все объяснить. Объяснить в очередной раз. Эту догадку я ничем не мог подтвердить, но подтверждения и не требовалось. Иногда ты просто знаешь, что угадал.

— Эй, If-So-Girl, как поживаешь?

Ее голос тут же расцвел.

— Папуля!

— Как ты, цыпленок?

— У меня все отлично, папуля, но не так отлично, как у тебя. Помнишь, я говорила, что они хороши? *Говорила* я тебе или нет?

— Говорила. — Мои губы сами растянулись в улыбке. Для Лин, возможно, голос сестры звучал слишком по-взрослому, но я после первого осторожного «алло» слышал прежнюю Илли, искрящуюся, как налитая в стакан газировка.

— Мама говорила, что ты тянешь резину, но она собирается скооперироваться с твоим тамошним другом и разогнать тебя как следует. Мне это понравилось! И голос у нее был, как в пре-

жние дни! — Она замолчала, чтобы глубоко вдохнуть, а потом чуть сбавила темп: — Не совсем, конечно, но близко к тому.

— Я понимаю, о чем ты, конфетка моя.

— Папуля, ты молодец. Это не просто возвращение, но еще и шаг вперед.

— И во сколько мне обойдется вся эта лесть?

— *В миллион*. — Она рассмеялась.

— Все еще собираешься пересечься с «Колибри»? — Я надеялся, что в моем голосе слышится чистое любопытство. И никакого интереса к любовной жизни моей почти двадцатилетней дочери.

— Нет, — ответила она. — Думаю, с этим покончено. — Всего пять слов, не таких уж и длинных, но в них я услышал другую, повзрослевшую Илзе, для которой не в столь уж отдаленном будущем второй кожей станет деловой костюм, колготки и туфли с практичным каблуком в три четверти дюйма. В рабочие дни она, возможно, будет собирать волосы в хвост, а из здания аэропорта будет выходить с кожаным брифкейсом вместо рюкзачка на спине. Уже не «If-So-Girl». Из такой «картинки» «if» я мог смело вычеркивать. Как и «girl».

— Совсем или...

— Это еще вопрос.

— Я не собираюсь совать нос в твои дела. Просто любознательные папаши...

— ...хотят знать, что к чему. Естественно, хотят, но на этот раз помочь тебе ничем не могу. На сегодня я точно знаю, что все еще люблю его... во всяком случае, думаю, что люблю... и мне его недостает, но выбор должен сделать он.

Вот тут Пэм спросила бы: «Между тобой и девушкой, с которой он поет?» — я же задал другой вопрос:

— Ты не забываешь про еду?

Она залилась радостным смехом.

— Отвечай на вопрос, Илли.

— Трескаю, как чертова свинья!

— Тогда почему ты сейчас не на ленче?

— Мы собираемся пойти на пикник в парк, вот почему! Берем с собой лекции по антропологии и фрисби. Мне велено принести сыр и французский батон. И я уже опаздываю.

— Понятно. Главное, чтобы ты ела и не грустила в своем шатре.

— Ем хорошо, грущу в меру. — Голос вновь изменился, стал взрослым. Столь резкие переходы меня расстраивали. — Иногда я лежу без сна, потом думаю о тебе, как ты там? Ты тоже лежишь без сна?

— Случается. Но теперь редко.

— Папуля, женитьба на маме — твоя ошибка? Или ее? Или так уж вышло?

— Не так уж вышло и не ошибка. Двадцать четыре счастливых года, две дочери, и мы до сих пор нормально общаемся. Никакой ошибки, Илли.

— Ты хотел бы все изменить?

Мне постоянно задавали этот вопрос.

— Нет.

— Если бы ты мог вернуться в прошлое и пойти другой дорогой... ты бы вернулся?

Я ответил не сразу, но паузу не затянул. Иной раз нет времени решать, какой ответ лучший. Иной раз ты можешь сказать только правду.

— Нет, милая.

— Понятно. Я скучаю по тебе, папа.

— Я тоже.

— Иногда я скучаю и о прошлом. Когда все было проще. — Она замолчала. Я мог бы что-то сказать (хотел), но не открыл рта. Бывает, молчание — золото. — Папа, люди хоть изредка получают второй шанс?

Я подумал о моем втором шансе. О том, как выжил после несчастного случая, хотя вроде бы не мог не отправиться в мир иной. И я не просто существовал — жил. Волна благодарности накатила на меня.

— Постоянно.

— Спасибо, папуля. Мне не терпится тебя увидеть.

— Мне тоже. Скоро получишь официальное приглашение.

— Хорошо. Я правда должна бежать. Люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

После того как она повесила трубку, я посидел с телефоном возле уха, вслушиваясь в ничто.

— Живи днем и позволь жить дню, — сказал я себе.

Потом в трубке появился длинный гудок, и я решил, что должен позвонить еще в одно место.

viii

На этот раз я услышал более живой и куда менее осторожный голос Элис Окойн. Решил, что это хорошая перемена.

— Элис, мы еще не обсудили название выставки.

— Я подумала, что вы хотите назвать ее «Розы, растущие из ракушек». Хорошее название. Очень красноречивое.

— Согласен. — Из «флоридской комнаты» я оглядел Залив. Поверхность воды сверкала, как полированная сине-белая пластина. Мне приходилось щуриться, чтобы смотреть на нее. — Но не совсем правильное.

— Как я понимаю, вам больше нравится другое?

— Да, думаю, что да. Я хочу назвать выставку «Взгляд с Дьюмы». Что скажете?

Ответила Элис без запинки:

— Я думаю, это звучит!

Я тоже так думал.

ix

Моя футболка с надписью на груди **«ПОТЕРЯЛ ЕЕ НА ВИРГИНСКИХ ОСТРОВАХ»** промокла от пота, хотя система кондиционирования «Розовой громады» работала отлично, но я вымотался больше, чем после прогулки быстрым шагом (в последние дни я только так и ходил) до «Эль Паласио» и обратно. Ухо, к которому я прижимал трубку, горело и пульсировало. Илзе меня тревожила (родители всегда тревожатся из-за проблем детей, когда те становятся достаточно взрослыми и их уже не позовешь домой, едва начинает темнеть и ванны наполняют водой), но при этом результаты моих трудов вызывали чувство удовлетворенности, какое я обычно испытывал после целого дня, с толком проведенного на строительной площадке.

Особого голода я не ощущал, но заставил себя съесть несколько столовых ложек салата с тунцом, которые запил стаканом молока — цельного молока, вредного для сердца и полезного для костей. «Считай, мы квиты», — как сказала бы Пэм. Я включил телевизор на кухне и узнал, что жена Кэнди Брауна подает в суд на город Сарасоту, обвиняя власти в ненадлежащем отношении к своим обязанностям, что и привело к смерти ее мужа. «Попутного тебе ветра, дорогая», — подумал я. Местный метеоролог сообщил, что сезон ураганов в этом году может начаться раньше. А низкооплачиваемым «Морским дьяволам» в показательной предсезонной игре «Ред сокс» надрали задницу: добро пожаловать в бейсбольные реалии, парни.

Я подумал о десерте (пудинге «Джелло», который иногда называют «последним прибежищем холостяка»). Потом поставил тарелку в раковину и похромал в спальню, чтобы поспать. Хотел завести будильник, но не стал. Решил, что скорее всего только подремлю. А если бы и заснул, то яркий свет разбудил бы меня через час или около того, когда солнце опустилось бы достаточно низко, чтобы заглянуть в выходящее на запад окно спальни.

С такими мыслями я лег и проспал до шести вечера.

X

Об ужине не могло быть и речи. Какой ужин? Подо мной ракушки шептали: «Рисовать, рисовать».

Словно под гипнозом, я в одних трусах поднялся в «Розовую малышку». Включил «Кость», снял с мольберта «Девочку и корабль № 7», отнес к стене, поставил на мольберт чистый холст, поменьше использованного для «Смотрящего на запад Уайрмана», но достаточно большой. Ампутированная рука зудела, но теперь меня это особо не волновало. По правде говоря, этого зуда я уже ждал с нетерпением.

По радио музыкальный дуэт «Shark Puppy» исполнял песню «Dig». Великолепную песню. С великолепными словами: «Жизнь не только любовь и услада».

Я помню совершенно отчетливо: весь мир, казалось, ждал, когда же я начну. И под грохот гитар и шуршание ракушек я ощущал, как меня переполняет энергия невероятной мощи.

«Я бросаюсь на поиски клада».

Клада, да. Сокровищ.

Я рисовал, пока не зашло солнце. Рисовал, когда луна залила поверхность Залива белым светом. И когда она зашла.

И следующим вечером.

И следующим.

И следующим.

«Девочка и корабль № 8».

«Ты в игре, если ставишь монету на кон».

Я фонтанировал.

XI

Один только вид Дарио в костюме и при галстуке, с аккуратно зачесанными назад волосами, испугал меня гораздо больше, чем гул собравшихся в аудитории Гелдбарта, где лампы горели вполнакала, за исключением прожектора, нацеленного на лекционную кафедру, которую установили по центру сцены. А еще сильнее напугал меня тот факт, что Дарио тоже нервничал: подходя к кафедре, он едва не выронил карточки с тезисами своего выступления.

— Добрый вечер, меня зовут Дарио Наннуцци, — представился он. — Я один из кураторов и главный закупщик галереи «Скотто» на Пальм-авеню. Что еще более важно, я уже тридцать лет участвую в жизни художественного сообщества Сарасоты, и, надеюсь, вы простите меня за небольшой экскурс в, так сказать, Боббиттсторию, если я заявлю, что лучшего художественного сообщества в Америке нет.

Его слова вызвали бурные аплодисменты, хотя, как заметил потом Уайрман, собравшиеся в зале люди могли знать, что Моне — это не Мане, но, вероятно, не отличили бы Джорджа

Бэббитта от Джона Боббитта*. Стоя за кулисами, охваченный волнением, я пребывал в чистилище, куда попадают все ораторы, пока их неспешно представляют аудитории. Так что слова Дарио доносились до меня из далекого далека.

Дарио переместил верхнюю карточку в самый низ, и вновь едва не уронил на пол всю стопку. Удержав карточки в руках, он посмотрел в зал.

— Я даже не знаю, с чего начать, но, к счастью, мне не нужно быть многословным, потому что новый талант, если уж вспыхивает, говорит сам за себя.

Однако этими словами он не закончил, а представлял меня еще добрых десять минут. Я же стоял за кулисами, сжимая в руке один-единственный листок с планом лекции. До меня долетали все новые и новые имена. Некоторые, вроде Эдуарда Хоппера и Сальвадора Дали, я знал. Другие, как Ив Танги и Кей Сейдж** — нет. Каждое новое неизвестное имя усиливало ощущение, что я — самозванец. Страх, который я испытывал, захватив мою душу, распространился и на тело. У меня раздуло живот, хотелось «пустить голубка», но я боялся наложить в штаны. И этим дело не ограничивалось. Все выступление вылетело из головы, за исключением первого предложения, да и оно казалось очень уж банальным: «Меня зовут Эдгар Фримантл, и я понятия не имею, как сюда попал». Я рассчитывал, что такое начало вызовет смех, а теперь знал, что не вызовет, но по крайней мере это была чистая правда.

И пока Дарио продолжал бубнить (Хуан Миро — то, «Манифест сюрреализма» Бретона*** — это), охваченный ужасом

* Джордж Бэббитт — главный герой романа Синклера Льюиса «Бэббитт» (1922). Джон Боббитт — скандально известный участник судебного процесса 1994 г., из потерпевшего превратившийся в обвиняемого. По утверждению жены Боббитта, Лорены, пьяный муж изнасиловал ее, за что она кухонным ножом отрезала ему член. Присяжные признали Лорену Боббитт невиновной.

** Хоппер Эдуард (1882—1967) — американский художник-реалист, произведения которого в настоящее время стремительно растут в цене. Танги Ив (1900—1955) — французский художник-сюрреалист. Любимая тема — пейзаж-галлюцинация. Сейдж Кей (1898—1963) — американская художница-сюрреалистка, жена Ива Танги.

*** Миро Хуан (1893—1983) — испанский художник-сюрреалист. Бретон,

бывший глава большой строительной компании стоял за кулисами, сжимая жалкий листок бумаги в холодном кулаке. Мой язык превратился в дохлого слизня, который мог издавать только хрипы. Какая уж там лекция, особенно перед двумя сотнями знатоков живописи, многие из которых защитили дипломы по искусствоведению, а некоторые были гребаными *профессорами*. Но хуже всего дело обстояло с головой. Она превратилась в высохший резервуар, который с минуты на минуту грозила заполнить бессмысленная, бурлящая злость: слова могли так и не прийти, но ярость наверняка выплеснулась бы наружу.

— Итак! — радостно воскликнул Дарио, добавив ужаса в мое гулко бьющееся сердце, а живот прихватило еще сильнее. Ужас — наверху, рвущееся наружу дерьмо — внизу. Сочетание, какого и врагу не пожелаешь. — Минуло пятнадцать лет с тех пор, как галерея «Скотто» последний раз вносила в плотный весенний календарь выставку нового, никому не известного художника, и прежде нам не доводилось выставлять работы, вызывающие столь живой интерес. Я думаю, слайды, которые вы сейчас увидите, и лекция, которая сейчас будет прочитана, объяснят наш восторг и радостное волнение.

Он выдержал театральную паузу. Я же почувствовал, как пот предательской росой выступил на лбу, и стер его тыльной стороной ладони. Рука, когда я ее поднимал, весила фунтов пятьдесят.

— Дамы и господа, мистер Эдгар Фримантл, ранее проживавший в Миннеаполисе-Сент-Поле, а теперь — на Дьюма-Ки.

Они зааплодировали. Будто начался артиллерийский обстрел. Я приказал себе бежать со всех ног. Я приказал себе грохнуться в обморок. Не сделал ни первого, ни второго. Как во сне (в дурном сне), я вышел на сцену. Время вдруг замедлилось. Я видел, что все места заняты, но при этом все места и свободны, потому что зрители вскочили — они аплодировали мне стоя. Надо мной, по купольному потолку зала летали ангелы, не обращая внимания на земные дела, и мне захотелось стать одним из них. Дарио стоял рядом с лекционной кафедрой, вытянув руку. Не ту руку. От волнения он вытянул правую, и рукопожатие

Андре (1896—1966) — французский писатель и поэт, основоположник сюрреализма. «Манифест сюрреализма» опубликован в 1924 г.

получилось неуклюжим и вывернутым. Листок с тезисами смялся между ладонями и надорвался. «Посмотри, что ты наделал, говнюк», — подумал я и на какое мгновение жутко перепугался: неужели произнес эти слова вслух, и микрофон озвучил их для всего зала? А потом Дарио оставил меня на насесте одного. Я видел микрофон на гибкой хромированной стойке, и более всего он напоминал кобру, поднимающуюся из корзины заклинателя змей. Я видел, как яркий свет отражается от хрома стойки, от ободка стакана, от горлышка бутылки с минеральной водой «Эвиан». Слышал, как начал стихать гром аплодисментов — некоторые уже садились. Я знал, что скоро аплодисменты сменятся выжидательной тишиной. Все будут ждать моих слов. А что я могу им сказать? Даже первое предложение вылетело из головы. Они будут ждать. Молчание затянется. Потом кто-то начнет нервно откашливаться, поднимется гул. Потому что все они говнюки. Толпа говнюков-зевак с резиновыми шеями, которые сейчас вытянулись до предела, чтобы получше меня рассмотреть. И если мне удастся разлепить губы, с них сорвется лишь поток ругательств, как при вспышке ярости у человека, страдающего синдромом Туретта*.

Я могу попросить вывести на экран первый слайд. Может, с этого следует начать, а потом картины скажут все за меня. Надеюсь, что скажут.

Взглянув на листок, я увидел, что он не просто надорван и смят. От пота буквы так расползлись, и я не мог разобрать ни единого слова. Не знаю, что следовало винить — стресс или расползшиеся буквы, — но канал информации от глаз к мозгу заблокировало. А какой слайд я собирался показать первым? Рисунок почтового ящика? «Закат с софорой»? Я практически не сомневался, что какой-то другой.

Все уже заняли свои места. Аплодисменты полностью стихли. Американскому примитивисту пришла пора раскрыть рот и

* Синдром Туретта — наследственное расстройство в виде сочетания тикообразных подергиваний мышц лица, шеи и плечевого пояса, непроизвольных движений губ и языка с частым покашливанием и сплевыванием. Зачастую возможны вокальные тики с ругательными словами, а также неприличные жесты. Болезнь впервые описана в 1885 г. Жоржем Жилем де ла Туреттом.

взвыть. В третьем ряду, у прохода, сидела эта шумливая сумка, Мэри Айр — как мне показалось, со стенографическим блокнотом на коленях. Я поискал глазами Уайрмана. Он втянул меня в это дело, но зла я на него не держал, просто хотел взглядом извиниться за происходящее.

«Я буду в первом ряду, — говорил он мне. — По центру».

И точно. Слева от него я увидел Джека, мою домоправительницу Хуаниту, Джимми Йошиду и Элис Окойн. А справа, у самого прохода...

Мужчина в кресле у прохода мог быть только галлюцинацией. Я моргнул, однако он остался на прежнем месте. Широкое лицо, чернокожее и спокойное. Большущее тело, втиснутое в плюш кресла так крепко, что вытащить его могли только с помощью монтажного лома. Ксандер Кеймен смотрел на меня сквозь огромные очки в роговой оправе, и еще больше напоминал божка. Толстенный живот нависал над коленями, а на нем балансировала перевязанная лентой подарочная коробка примерно три фута длиной. Он заметил изумление, отразившееся на моем лице (даже, наверное, шок), и шевельнул рукой. Не помахал, нет, как-то по-доброму отсалютовал, прикоснувшись кончиками пальцев к массивному лбу, к губам, потом протянул руку ко мне, растопырив пальцы. Я даже разглядел бледность ладони. Он улыбнулся мне, словно его присутствие в первом ряду аудитории Гелдбарта, рядом с Уайрманом, следовало воспринимать как что-то само собой разумеющееся. Толстые губы Кеймена беззвучно произнесли четыре слова, одно за другим: «Ты можешь это сделать».

И, возможно, я мог. Если бы подумал о чем-то еще. Если бы отвлекся.

Я подумал об Уайрмане (если точнее, о «Смотрящем на запад Уайрмане») и вспомнил первое предложение.

Кивнул Кеймену, он кивнул мне. Потом я обвел взглядом аудиторию и увидел, что передо мной сидят люди. Все ангелы, что находились над нашими головами, теперь плавали в темноте. Что же касается демонов, большинство скорее всего обитали в моей голове.

— Привет... — начал я и отшатнулся от микрофона — слишком уж громко прозвучало это слово. В зале засмеялись, но смех

этот не разозлил меня, как могло быть минутой раньше. Это ведь был всего лишь смех, да еще и добродушный.

«Я могу это сделать».

— Привет, — повторил я. — Меня зовут Эдгар Фримантл, и, возможно, мне не удастся прочитать хорошую лекцию. В прошлой жизни я занимался строительством. Я знаю, что получалось у меня неплохо. Потому что я получал заказы. В теперешней жизни я пишу картины. Но никто ничего не говорил насчет публичных выступлений.

На этот раз смех прозвучал громче, аудитория расслабилась.

— Я собирался начать с фразы, что понятия не имею, как я здесь оказался, но, если на то пошло, об этом мне есть что рассказать. Оно и к лучшему, потому что это все, о чем я могу говорить. Видите ли, я ничего не знаю об истории живописи, теории живописи или оценке живописи. Некоторые из вас наверняка знакомы с Мэри Айр.

В зале вновь захихикали, словно я сказал: «Некоторые из вас слышали об Энди Уорхоле». Дама огляделась с гордым видом. Сидела она с прямой спиной, словно шомпол проглотила.

— Когда я впервые привез некоторые из моих картин в галерею «Скотто», мисс Айр увидела их и назвала меня американским примитивистом*. Мне это не понравилось, потому что я каждое утро меняю нижнее белье и чищу зубы перед тем, как лечь спать.

Еще взрыв смеха. Мои ноги снова стали ногами, а не цементными глыбами. Я чувствовал, что уже могу убежать. Но пропало как желание, так и необходимость. Они, возможно, возненавидели бы мои картины, но я к ним ненависти не испытывал. Пусть они немного посмеются, пусть немного посвистят и пошикают, пусть выкажут неудовольствие (или позевают), если им того захочется; но по завершении лекции я смогу вернуться домой и вновь начать рисовать.

А если картины им понравятся? Результат будет тем же.

— Но если она хотела сказать, что я человек, который делает что-то такое, чего не понимает, не может выразить словами,

* Среди значений английского слова primitive — художник-самоучка и дикарь.

потому что никто не учил его правильным терминам, тогда она совершенно права.

Кеймен кивал и выглядел очень довольным. И точно так же, клянусь Богом, выглядела Мэри Айр.

— Поэтому у меня остается лишь рассказ о том, как я здесь появился... мост, по которому прошел, чтобы из прошлой жизни попасть в ту, что веду сейчас.

Кеймен беззвучно сводил и разводил пухлые ладони. Меня это приободрило. Само его присутствие приободрило меня. Я не знаю, что бы произошло, не окажись он в зале, но, думаю, не исключался вариант, который Уайрман охарактеризовал бы как mucho feo — крайне отвратительный.

— Я не буду вдаваться в подробности, раз уж мой друг Уайрман говорит, что мы склонны все подтасовывать, когда дело касается прошлого, и я уверен, что так оно и есть. Когда рассказываешь слишком много и... ну, не знаю, получается рассказ о прошлом, которого тебе хотелось бы?

Я посмотрел вниз и увидел, что Уайрман кивает.

— Да, думаю так, которого тебе хотелось бы. Поэтому, если без подробностей, со мной произошел несчастный случай на строительной площадке. Несчастный случай с тяжелыми последствиями. Подъемный кран раздавил пикап, в котором я сидел, а заодно раздавил и меня. Я потерял правую руку и почти что расстался с жизнью. Я был женат, но жена от меня ушла. Я не представлял себе, что делать. Теперь я это вижу достаточно ясно; тогда я только знал, что мне очень, очень плохо. Другой мой друг, Ксандер Кеймен, как-то спросил, может ли что-нибудь сделать меня счастливым. Есть ли что-нибудь...

Я замолчал. Кеймен пристально смотрел на меня с первого ряда, длинная подарочная коробка балансировала на его животе, прикрывшем колени. Я помнил его в тот день на озере Фален: потрепанный портфель, диагональные полосы холодного осеннего солнечного света на полу гостиной. Я помнил мысли о самоубийстве и мириады дорог, ведущих во тьму: автострады, шоссе и всеми забытые узкие бугристые местные дороги.

Пауза затягивалась, но я теперь не боялся тишины. И слушатели не возражали. Я имел полное право уйти в себя. Они же имели дело с художником.

— Об идее счастья, по крайней мере применительно к самому себе, я давно уже не думал. Думал о том, как обеспечить семью всем необходимым, а потом, когда основал собственную компанию — о том, как не подвести людей, которые работали у меня. Я также думал, как добиться успеха, и работал ради этого, главным образом потому, что очень многие ожидали моей неудачи. Потом произошел несчастный случай. Все изменилось. Я обнаружил, что...

Я потянулся к слову, которое мне требовалось, ища его обеими руками, хотя мои слушатели видели только одну. И, возможно, подергивание культи внутри заправленного за пояс рукава.

— Опереться мне было не на что. А что касается счастья... — Я пожал плечами. — Я сказал моему другу Кеймену, что раньше рисовал, но давно уже этим не занимался. Он предложил попробовать вновь, а когда я спросил зачем, он ответил, что мне нужно отгородиться от ночи. Я не понимал, о чем он говорит, потому что мысли путались, соображал я плохо, и боль не отпускала ни на минуту. Теперь я начал понимать. Принято считать, что ночь обычно опускается, но здесь она поднимается. Поднимается из Залива, после захода солнца. Меня это изумляет.

И еще меня изумляло собственное незапланированное красноречие. И правая рука вела себя спокойно. Превратилась в обычную культю в заправленном за пояс рукаве.

— Нельзя ли погасить все лампы? Включая и ту, что освещает меня?

Элис сама управляла пультом и отреагировала мгновенно. Аудитория погрузилась в сумрак. Направленный на меня прожектор медленно угасал.

— И вот что я открыл, перейдя мост между двух моих жизней: иногда красота вырастает, когда ее совсем не ждешь. Но это не самая оригинальная мысль, верно? В действительности это такой же штамп, как флоридский закат. Тем не менее иногда это правда, а правда заслуживает того, чтобы ее высказали... если вы можете высказать ее по-новому. Я пытался высказать правду в картинах. Элис, пожалуйста, можем мы показать первый слайд?

Справа от меня на большом экране, шириной девять и высотой семь футов, высветился слайд: три гигантские пышные

розы, поднимающиеся из ковра темно-розовых ракушек. Розы темные, потому что находились они под домом, в его тени. Слушатели разом вздохнули, звук этот напоминал короткий, но громкий порыв ветра. Я его услышал, и мне стало ясно, что Уайрман и сотрудники галереи «Скотто» не одиноки. Не только они видели что-то в моих картинах. Все мои слушатели ахнули, как бывает с людьми, которые потрясены чем-то совершенно для них неожиданным.

Они захлопали. Это продолжалось не меньше минуты. Я стоял, вцепившись в левую стенку трибуны, вслушиваясь в аплодисменты, ошеломленный.

Презентация слайдов продолжалась еще двадцать пять минут, но я мало что запомнил. Проводил я ее словно во сне. И каждое мгновение боялся проснуться на больничной койке, в жару, корчась от боли и требуя морфий.

XII

Ощущение, что я сплю, не пропало и на приеме, который прошел после лекции в галерее «Скотто». Едва я успел выпить первый фужер шампанского (размером чуть больше наперстка), как мне дали второй. Я чокался с людьми, которых не знал. Раздавались одобрительные крики, а кто-то даже воскликнул: «Маэстро!» Я оглядывался в поисках моих новых друзей, но не находил их.

Впрочем, времени оглядываться не было. Поздравления так и сыпались, меня хвалили и за лекцию, и за слайды. Но, слава Богу, мне не пришлось выслушивать развернутых оценок моей техники. Потому что сами картины (плюс несколько карандашных рисунков, которые составляли им компанию) находились в двух больших подсобках, запертых на крепкие замки. И я раскрыл важный секрет того, как однорукому человеку выжить на приеме, устроенном в его честь. Для этого требовалось лишь одно — не выпускать из пальцев завернутую в бекон креветку.

Подошла Мэри Айр, спросила, в силе ли наша договоренность об интервью.

— Конечно, — ответил я. — Хотя я и не знаю, что еще смогу вам сказать. Думаю, этим вечером я выложил все.

— Мы что-нибудь придумаем, — заверила она, и, будь я проклят, если не подмигнула из-за очков «кошачий глаз» (мода на которые вернулась из тысяча девятьсот пятидесятых годов), одновременно протягивая пустой фужер проходящему мимо официанту. — Послезавтра. A bientot, monsieur*.

— Будьте уверены, — и я едва сдержался, чтобы не сказать, что с переходом на французский ей следует повременить, пока я не надену берет а-ля Мане.

Она отошла, поцеловала Дарио в щеку и покинула галерею, растворившись в благоухающей цветами мартовской ночи.

Подошел Джек, прихватив два фужера с шампанским. Его сопровождала Хуанита, моя домоправительница, стройная и изящная в розовом костюме. Поджаренную на шампуре креветку она взяла, от шампанского отказалась. Тогда Джек протянул фужер мне, подождал, пока я доем свою креветку и возьму фужер. Чокнулся со мной.

— Поздравляю, босс... вы их потрясли.

— Спасибо, Джек. Такого критика я действительно могу понять. — Я глотнул шампанского (в каждом фужере его и было на один глоток) и повернулся к Хуаните.

— Вы сегодня писаная красавица.

— Gracias, мистер Эдгар, — она огляделась, — это хорошие картины, но ваши гораздо лучше.

— Спасибо.

Джек спросил у Хуаниты, протягивая ей еще одну креветку:

— Мы отойдем на минутку?

— Конечно, — ответила она.

Джек потянул меня за одну из эффектных скульптур Герштейна.

— Мистер Кеймен спросил Уайрмана, могут ли они немного задержаться в библиотеке после того, как все разойдутся.

— Спросил? — Я чуть встревожился. — А почему?

— Он добирался сюда чуть ли не целый день, сказал, что они с самолетом не слишком ладят. — Джек улыбнулся. — Он сказал

* До скорого, мсье (*фр.*).

Уайрману, что весь день кое на чем сидел, и теперь ему хочется облегчиться в спокойной обстановке.

Я расхохотался. И в то же время почувствовал, что тронут. Для человека таких габаритов путешествие на общественном транспорте выливалось в нелегкое испытание... и теперь, задумавшись над этим, я вдруг понял, что Кеймен не смог бы сесть на унитаз в этих крошечных самолетных туалетах. Отлить стоя? Возможно. На пределе. Но сесть? Он бы не втиснулся в тот узкий проем.

— В любом случае Уайрман решил, что мистер Кеймен заслужил право на передышку. Сказал, что вы поймете.

— Понимаю, — кивнул я и подозвал Хуаниту. Она выглядела очень уж одинокой, сиротливо стояла в своем, вероятно, лучшем наряде, а вокруг роились эти стервятники от культуры. Я ее обнял, она мне улыбнулась. И только я убедил ее взять фужер с шампанским (вместо «маленький» сказал «pequeno*», и Хуанита рассмеялась — должно быть, это слово обозначало что-то другое), как в галерею вошли Уайрман и Кеймен (последний все с той же подарочной коробкой). Кеймен просиял, увидев меня, чему я обрадовался больше, чем аплодисментам, даже когда аплодировали стоя.

Я взял фужер шампанского с подноса, который нес официант, сквозь толпу поспешил к Кеймену, вручил ему. Потом, насколько мог, обхватил одной рукой необъятное тело доктора и прижал к себе. Он же обнял меня так сильно, что все еще дающие о себе знать ребра завопили от боли.

— Эдгар, вы потрясающе выглядите. Бог добр, друг мой. Бог добр.

— Вы тоже. Как вы оказались в Сарасоте? Стараниями Уайрмана? — Я повернулся к моему compadre** по полосатому зонту. — Твоя работа? Ты позвонил Кеймену и попросил его стать Таинственным гостем на моей лекции?

Уайрман покачал головой.

— Я позвонил Пэм. Запаниковал, мучачо, видя, как у тебя трясутся поджилки с приближением этого мероприятия. Она

---

* малолетний, юный (*исп.*).

** другу (*исп.*).

сказала, что после несчастного случая ты если к кому и прислушивался, так это к доктору Кеймену. Вот она и позвонила ему. Я и подумать не мог, что он сумеет собраться за такой короткий срок и прилететь, но... он здесь.

— Я не только здесь, но и привез подарок от дочерей. — Кеймен протянул мне коробку. — Хотя вам придется довольствоваться тем, что у меня было, потому что ни в какие магазины я не успевал. Боюсь, вы будете разочарованы.

Внезапно я понял, что это за подарок, и во рту у меня пересохло. Тем не менее я зажал коробку под культей, сдернул ленту, разорвал бумагу. Даже не поблагодарил Хуаниту, которая взяла ее у меня. Под бумагой оказалась картонная коробка, которая выглядела, как детский гробик. Конечно же. Как еще она могла выглядеть? На крышке я прочитал: **«СДЕЛАНО В ДОМИНИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ»**.

— Классно, док, — прокомментировал Уайрман.

— Боюсь, у меня просто не было времени для чего-нибудь получше, — ответил Кеймен.

Их голоса доносились до меня издалека. Хуанита сняла крышку. Вроде бы передала Джеку. А потом из коробки на меня посмотрела Реба, на этот раз в красном платье, а не в синем, но все в тот же белый горошек. И туфли были такими же — «Мэри Джейнс», черные и блестящие, и синтетические рыжие волосы, и синие глаза, которые говорили: «Ах, ты, противный парниша! Я полежала здесь столько времени!»

Издалека до меня доносился голос Кеймена:

— Это Илзе позвонила и предложила привезти в подарок куклу, после того, как поговорила по телефону с сестрой.

«Разумеется, Илзе, — подумал я. Меня окружал гул разговоров в галерее, очень уж похожий на шуршание ракушек под «Розовой громадой». Улыбка «Господи, как мило» не сползала с моего лица, но, если бы кто-нибудь дотронулся до моей спины, я бы закричал. — Именно Илзе побывала на Дьюма-Ки. И кто, как не она, углубилась в джунгли, которые начинались за «Эль Паласио»?»

При всей проницательности доктора Кеймена, не думаю, что он почувствовал, что что-то идет не так. Само собой, он

провел день в дороге и был не в лучшей форме. А вот Уайрман смотрел на меня, чуть склонив голову, и хмурился. Конечно, он ведь теперь знал меня лучше, чем доктор Кеймен в период нашего более тесного общения.

— Она не забыла, что у вас уже есть кукла, — продолжал доктор Кеймен. — Но подумала, что пара будет напоминать вам об обеих дочерях. И Мелинда ее поддержала. А у меня были только Люси...

— Люси? — переспросил Уайрман, беря куклу. Ее набитые тряпками ножки болтались. Пустые глаза смотрели прямо перед собой.

— Они похожи на Люсиль Болл, или вы со мной не согласны? Я даю их некоторым пациентам, и, разумеется, они придумывают им имена. Как вы назвали свою, Эдгар?

На мгновение мороз сковал мозг и я подумал: «Ронда Робин Ракель сядь на приятеля сядь на друга сядь на гребаного СТАРИКА». Потом я подумал: «Оно было красным».

— Реба, — ответил я. — Как ту кантри-певицу.

— И она все еще у вас? — спросил Кеймен. — Илзе говорит, вы ее сохранили.

— Да, — ответил я и вспомнил, как Уайрман рассказывал о лотерее «Пауэрбол»: ты закрываешь глаза и слышишь, как выпадают выигрышные номера. Я подумал, что как раз сейчас могу их услышать. В тот вечер, когда я закончил «Смотрящего на запад Уайрмана», в «Розовую громаду» пожаловали гости, две маленькие девочки, которые хотели укрыться от грозы — утонувшие сестры-близняшки Элизабет, Тесси и Лаура Истлейк. Теперь в «Розовой громаде» вновь появятся близняшки, и почему?

Потому что нечто дало о себе знать, вот почему. Это нечто дотянулось до моей дочери и подсунуло ей такую идею. Еще один шарик с выигрышным номером выкатился из лототрона.

— Эдгар? — спросил Уайрман. — Тебе нехорошо, мучачо?

— Все в порядке. — Я растянул губы в улыбке. Мир вернулся, наплыл на меня, светлый и яркий. Я заставил себя взять куклу у Хуаниты, которая с недоумением разглядывала ее. Пришлось зажать волю в кулак, но я справился. — Спасибо вам, доктор Кеймен. Ксандер.

Он пожал плечами, раскинул руки.

— Благодарите ваших девочек, особенно Илзе.

— Поблагодарю. Кто еще хочет шампанского?

Захотели все. Я вернул куклу в коробку, дав себе два зарока. Во-первых, ни одна из моих дочерей никогда не узнает, сколь сильно напугала меня эта чертова кукла. Во-вторых, эти две сестры (живые сестры) никогда не окажутся на Дьюма-Ки одновременно. Более того, я постараюсь, чтобы они вообще никогда больше там не появились.

Второй зарок я выполнил.

Глава 12
ДРУГАЯ ФЛОРИДА

1

— Хорошо, Эдгар. Думаю, мы практически закончили.

Наверное, Мэри что-то заметила в моем лице, потому что рассмеялась.

— Это было так ужасно?

— Нет, — ответил я, и действительно, если и возникали какие-то проблемы, так это с ее вопросами, касающимися моей техники. Сошлись на том, что я сначала что-то видел, а потом быстро рисовал. Другой техники я не знал. Влияние? Что я мог на это ответить? Свет. В итоге все сводилось к свету, как на картинах, на которые мне нравилось смотреть, так и на картинах, которые я рисовал. Меня завораживало то, как свет играл с внешностью людей... как старался выявить, что находится внутри, вырваться наружу. Но это звучало не по-научному; на мой взгляд, это звучало просто глупо.

— Ладно, и, наконец, последнее. Сколько еще будет на выставке картин?

Мы сидели в пентхаусе Мэри в Дэвис-Айлендс, фешенебельном районе Тампы, который мне казался чуть ли не мировой столицей ар-деко. Огромная гостиная была практически пустой. Диван у одной стены, два складных стула — у противоположной. Больше ничего. Ни книг, ни телевизора. На обращенной к востоку стене (на нее падал утренний свет) висела большая картина Дэвида Хокни*. Мэри и я сидели по краям дивана. У нее на

* Хокни Дэвид (р. 1937) — известный английский художник, график, фотограф.

коленях лежал блокнот для стенографирования. Рядом, на подлокотнике, стояла пепельница. А между нами расположился большой серебристый магнитофон «Волленсек». Его изготовили лет пятьдесят тому назад, но бобины вращались бесшумно. Немецкое качество, беби.

Мэри обошлась без макияжа, только намазала губы бесцветным блеском. Волосы завязала в небрежный, распадающийся узел, который выглядел и элегантным, и неряшливым одновременно. Она курила английские сигареты «Овал» и пила, как мне показалось, чистый виски из высокого хрустального уотерфордского стакана (предложила виски и мне, и на ее лице отразилось разочарование, когда я попросил бутылку воды). Мэри была одета в слаксы, которые, похоже, шили на заказ. Ее лицо выглядело старым, изношенным, но сексуальным. Лучшие его дни пришлись на то время, когда «Бонни и Клайда» показывали в кинотеатрах, но от глаз по-прежнему перехватывало дыхание, даже с морщинами в уголках, прожилками на веках и безо всякой косметики, пытающейся как-то подчеркнуть их достоинства. Это были глаза Софи Лорен.

— В библиотеке Селби вы показали двадцать два слайда. Девять — рисунки карандашом. Очень интересные, но маленькие. И слайды одиннадцати картин. «Смотрящий на запад Уайрман» был представлен тремя слайдами — два крупных плана и один общий. Сколько всего у вас картин? Сколько вы покажете в «Скотто» в следующем месяце?

— Точно сказать не могу, потому что я все время работаю, но, думаю, сейчас у меня готовых... еще двадцать.

— Двадцать, — мягко, без эмоций повторила Мэри. — Еще двадцать.

От ее взгляда мне стало как-то не по себе. Я заерзал. Диван скрипнул.

— Думаю, если точно, то двадцать одна. — Разумеется, некоторые картины я не считал. К примеру, «Друзей-любовников». Или ту, что иногда называл для себя «Перехват дыхания Кэнди Брауна». И рисунок с фигурой в красном одеянии.

— Ясно. То есть всего больше тридцати.

Я сложил в уме пару чисел, вновь заерзал.

— Похоже на то.

— И вы понятия не имеете, что это потрясающе. Я по вашему лицу вижу, что не имеете. — Она поднялась, вытряхнула пепельницу в корзинку для мусора, которая стояла за диваном, помолчала, глядя на Хокни, сунув руки в карманы дорогих слаксов. Картина изображала дом-куб и синий плавательный бассейн. Рядом с бассейном стояла соблазнительная девушка-подросток в черном закрытом купальнике. Аппетитная грудь, длинные, загорелые ноги, черные волосы. Темные очки и крохотное солнце, сверкающее в каждом стекле.

— Это оригинал? — спросил я.

— Да, конечно, — ответила она. — И девушка в купальнике — тоже оригинал. Мэри Айр, год тысяча девятьсот шестьдесят второй. Смазливая девчушка из Тампы. — Она повернулась ко мне, ее лицо стало злым. — Выключите магнитофон. Интервью закончено.

Я выключил.

— Я хочу, чтобы вы выслушали меня. Выслушаете?

— Разумеется.

— Есть художники, которые месяцами трудятся над одной картиной, которая по уровню и наполовину недотягивает до ваших. Разумеется, многие все утро приходят в себя после вечерних излишеств. Но *вы*... вы штампуете эти картины, словно человек, работающий на конвейере. Как иллюстратор журнала или... ну, не знаю... художник комиксов.

— Меня с детства приучали к трудолюбию. Если что-то делаешь, выкладываться нужно полностью. Думаю, причина только в этом. Когда у меня была компания, я всегда задерживался на работе допоздна, потому что нет у человека более сурового босса, чем он сам.

Мэри кивнула.

— Подходит не для всех, но если подходит — чистая правда. Я знаю.

— Я просто перенес эту... эту норму... на то, чем теперь занимаюсь. И я чувствую, что это правильно. Черт, даже лучше, чем просто правильно. Я включаю радио... словно впадаю в транс... и я рисую... — Я покраснел. — Не думаю о мировом рекорде скорости или о чем-то в этом роде...

— Я это *знаю*, — изрекла она. — Скажите, вы ставите блок?

— Ставлю блок? — Вроде бы этот термин имел отношение к волейболу, но к живописи... — Что это?

— Не важно. В «Смотрящем на запад Уайрмане» — потрясающая картина, между прочим, особенно мозг... — как вы рисовали лицо?

— Я сделал несколько фотографий.

— Я уверена, что сделали, дорогой, но когда вы поняли, что готовы написать портрет, как вы рисовали лицо?

— Я... ну... я...

— Вы использовали правило третьего глаза?

— Правило третьего глаза? Никогда не слышал о правиле третьего глаза.

Она мне улыбнулась по-доброму.

— Для того чтобы правильно разместить глаза, художники часто представляют себе и даже вчерне набрасывают третий глаз между двумя настоящими. А как насчет рта? Вы центрировали его, отталкиваясь от ушей?

— Нет... я не понимаю, о чем вы говорите. — Теперь, судя по ощущениям, у меня покраснело все тело.

— Расслабьтесь. Я не предлагаю вам следовать всем этим чертовым правилам живописи после того, как вы столь блистательно их нарушили. Просто... — она покачала головой, — тридцать картин с прошлого ноября? Нет, отсчет нужно вести с более позднего срока, потому что вы не сразу начали рисовать.

— Разумеется, нет. Сначала пришлось купить все необходимое...

Мэри расхохоталась, да так, что смех перешел в кашель, и ей пришлось глотнуть виски.

— Если результатом несчастного случая с едва ли не смертельным исходом становятся тридцать картин за три месяца, может, мне тоже следует найти себе такой кран, — сказала она, когда вновь смогла говорить.

— Удовольствия вы не получите, — ответил я. — Можете мне поверить. — Я встал. Подошел к окну, посмотрел на Адалия-стрит. — Красивое тут местечко.

Она присоединилась ко мне. Теперь мы вместе смотрели в окно. Придорожное кафе по ту сторону улицы словно перенесли сюда из Нового Орлеана. Или из Парижа. Женщина шагала

по тротуару, вроде бы ела багет, подол ее красной юбки танцевал на ветру. Где-то кто-то играл блюз на двенадцатиструнной гитаре, каждая нота звенела в воздухе.

— Скажите мне, Эдгар, когда вы смотрите из этого окна, увиденное интересует вас, как художника или как строителя, которым вы раньше были?

— И так, и эдак.

Она рассмеялась.

— Логично. Острова Дэвиса — искусственные, тут все построено человеком. Плод воображения Дейва Дэвиса. Он был флоридским Джеем Гэтсби*. Слышали о нем?

Я покачал головой.

— Еще один пример того, что слава мимолетна. В ревущие двадцатые на Солнечном берегу Дэвиса почитали за бога.

Она обвела рукой лабиринт улиц; браслеты на ее костлявом запястье звякнули; где-то, не так уж далеко, церковный колокол отбил два часа дня.

— Он построил все это на болоте в устье реки Хиллсборо. Уговорил городской совет Тампы перенести сюда больницу и радиостанцию — в те времена радио стояло даже выше здравоохранения. Он строил странные и прекрасные жилые комплексы, когда еще не существовало такого понятия, как жилой комплекс. Он строил отели и открывал ночные клубы. Швырялся деньгами, женился на победительнице конкурса красоты, развелся с ней, женился снова. Он стоил миллионы долларов, когда один миллион равнялся двенадцати нынешним. И один из его лучших друзей жил на Дьюма-Ки. Джон Истлейк. Это имя вам знакомо?

— Конечно. Я знаком с его дочерью. Мой друг Уайрман заботится о ней.

Мэри закурила очередную сигарету.

— Так вот, Дейв и Джон были богаты, как крезы. Дейву приносили деньги операции с землей и строительство, Джону — его заводы. Но Дейв был павлином, а Истлейк — серебряным воробышком. Оно и к лучшему, вы же знаете, что случается с павлинами?

---

* Джей Гэтсби — главный герой романа «Великий Гэтсби» (1922) американского писателя Скотта Фицджеральда.

— У них из хвоста выдергивают перья?

Мэри затянулась, потом наставила на меня пальцы, сжимающие сигарету, выпустила дым через ноздри.

— Совершенно верно, сэр. В тысяча девятьсот двадцать пятом году флоридский земельный бум лопнул, как мыльный пузырь, на который упал кирпич. Дейв Дэвис инвестировал практически все свои деньги в то, что вы видите вокруг. — Она вновь обвела рукой улицы-зигзаги и розовые дома. — В тысяча девятьсот двадцать шестом году Дэвису принадлежало порядка четырех миллионов в различных успешных проектах, а собрал он порядка тридцати тысяч.

Я давно уже не скакал на тигре (так мой отец называл ситуацию, когда денежные проблемы заставляли жонглировать кредитами и химичить с бухгалтерскими книгами), но так далеко не заходил ни разу, даже в первые годы существования «Фримантл компани», хотя приходилось отчаянно бороться за выживание. И я сочувствовал Дейву Дэвису, пусть он давно уже умер.

— Он мог частично покрыть долги из собственных средств? Хотя бы чуть-чуть?

— Поначалу он справлялся. В других частях страны бум продолжался.

— Вы так много об этом знаете.

— Искусство Солнечного берега — моя страсть, Эдгар. История Солнечного берега — хобби.

— Понятно. Значит, крах земельного бума Дэвис пережил.

— На какое-то время. Как я понимаю, он продал все свои акции биржевым маклерам, играющим на повышение, и поначалу мог расплачиваться с долгами. И друзья ему помогали.

— Истлейк?

— Джон Истлейк был главным ангелом, не считая того, что, возможно, время от времени Дэвис складировал на Дьюма-Ки контрабандный виски.

— Они занимались контрабандой?

— Я сказала, *возможно*. Другое время, другая Флорида. Когда поживешь здесь достаточно долго, наслушаешься всяких разных историй о сухом законе. Продавал Дэвис виски или нет, он бы разорился к Пасхе тысяча девятьсот двадцать шестого

года, если бы не Джон Истлейк. Джон не был плейбоем, не ходил по ночным клубам и публичным домам, как Дэвис и некоторые другие его друзья, но он овдовел в 1923 году, и, думаю, старина Дейв иногда помогал Джону с девочкой, когда тот мучился от одиночества. К лету двадцать шестого долги Дейва выросли настолько, что даже старые друзья не могли его спасти.

— Вот он и исчез под покровом ночи.

— Он исчез, но не темной ночью. У Дэвиса был другой стиль. В октябре тысяча девятьсот двадцать шестого года, менее чем через месяц после того, как ураган «Эстер» основательно потрепал построенные им дома, он отплыл в Европу с телохранителем и новой подружкой, кстати, одной из пляжных моделей Мака Сеннетта*. Подружка и телохранитель добрались до Парижа, Дейв Дэвис — нет. Бесследно исчез в океане.

— Это реальная история?

Она подняла руку в бойскаутском салюте (образ слегка смазала сигарета, дымящаяся между указательным и средним пальцами).

— Истинная правда. В ноябре двадцать шестого вот там состоялась поминальная служба. — Она указала на просвет между двумя розовыми зданиями ар-деко, в котором сверкал Залив. — Пришли как минимум четыреста человек — по большей части, насколько я понимаю, женщины, питавшие слабость к страусиным перьям. Среди выступавших был и Джон Истлейк. Он бросил в воду венок из тропических цветов.

Она вздохнула, до моих ноздрей долетело ее дыхание. Я не сомневался, что Мэри пить умела; я также не сомневался, что в этот день она, если не остановится, напьется в стельку.

— Истлейк, несомненно, печалился из-за смерти друга, — продолжила Мэри, — но, готова спорить, он поздравлял себя с тем, что пережил «Эстер». Готова спорить, они все поздравляли себя. И он даже думать не мог, что менее чем через шесть месяцев вновь будет бросать в воду венки. Скорбя не по одной, а сразу по двум дочерям. Полагаю, трем, если считать старшую. Она убежала в Атланту. С начальником цеха одного из заводов

* Сеннетт Мак (1880—1960) — известный продюсер эпохи немого кино (на его студии в начале своей карьеры снимался Чарли Чаплин). Известен также коллекцией фотографий девушек в купальниках.

папочки, если мне не изменяет память. Хотя это, конечно, не смерть двух малюток в Заливе. Господи, как это было ужасно.

— «ОНИ ИСЧЕЗЛИ», — вспомнил я газетный заголовок, процитированный Уайрманом.

Она пронзительно глянула на меня.

— То есть вы кое-что накопали.

— Не я — Уайрман. Его заинтересовало прошлое женщины, у которой он работает. Но не думаю, что ему известно о ниточке, тянувшейся к Дейву Дэвису.

Глаза Мэри затуманились.

— Любопытно, сколь много помнит Элизабет?

— Теперь она не помнит даже собственного имени.

Мэри одарила меня еще одним взглядом, отошла от окна, взяла пепельницу, затушила окурок.

— Альцгеймер? Я что-то слышала.

— Да.

— Чертовски жаль. Она мне столько рассказывала о Дэвисе, знаете ли. В ее лучшие дни. Мы с ней постоянно встречались. И я брала интервью у всех художников, которые останавливались в «Салмон-Пойнт». Только вы называете эту виллу иначе, да?

— «Розовая громада».

Она улыбнулась.

— Я знала, что ваше название мне понравится.

— И многие художники там останавливались?

— Очень многие. Они приезжали, чтобы выступить с лекцией в Сарасоте или в Венисе и, возможно, немного порисовать... хотя те, кто останавливался в «Салмон-Пойнт», себя не утруждали. Для большинства гостей Элизабет пребывание на Дьюма-Ки было бесплатным отпуском.

— То есть денег она с художников не брала?

— Нет, конечно. — Мэри иронично улыбнулась. — Художественный совет Сарасоты оплачивал лекции, а Элизабет обычно предоставляла жилье — «Розовую громаду», она же «Салмон-Пойнт». Но вы там на других условиях, верно? Может, в следующий раз. Учитывая, что вы действительно работаете. Я могу назвать с полдюжины художников, которые жили в вашем доме и даже не смочили кисть. — Мэри прошагала к дивану, взяла стакан, отпила. Вернее, глотнула как следует.

— У Элизабет есть рисунок Дали, сделанный в «Розовой громаде», — заметил я. — Я его видел.

Глаза Мэри блеснули.

— Ах да, Дали. Дали там понравилось, но даже он не остался надолго... хотя, перед тем как уехать, этот сукин сын ущипнул меня за зад. Знаете, что рассказала мне Элизабет после его отъезда?

Я покачал головой. Естественно, не знал, но хотел услышать.

— Он, видите ли, заявил, что там «слишком ярко». Вы понимаете, о чем речь, Эдгар?

Я улыбнулся.

— Почему вы предполагаете, что Элизабет превратила «Розовую громаду» в прибежище для художников? Она всегда покровительствовала искусству?

На лице Мэри отразилось удивление.

— Ваш друг вам не рассказывал? Возможно, он не знает. Согласно местной легенде, когда-то Элизабет сама была известной художницей.

— Что значит — согласно местной легенде?

— Говорят, а может, это миф, что Элизабет была вундеркиндом. Рисовала прекрасно, когда была маленькой, а потом — раз, и перестала.

— Вы ее спрашивали?

— Конечно, глупыш. Спрашивать людей — это моя работа. — Она уже покачивалась, а глаза Софи Лорен заметно налились кровью.

— И что она ответила?

— Все отрицала. Сказала: «Тот, кто может — рисует. А кто не может, *поддерживает* тех, кто может. Как мы, Мэри».

— Звучит неплохо.

— Мне тоже так показалось. — Мэри вновь отпила из хрустального стакана. — Проблема с этим одна: я Элизабет не поверила.

— Почему?

— Не знаю, просто не поверила. У меня есть давняя знакомая, Эгги Уинтерборн, она раньше вела колонку «Советы влюбленным» в «Тампа трибьюн», и я как-то упомянула ей об этой

истории. Случилось это примерно в то время, когда Дали почтил Солнечный берег своим присутствием, где-то в 1980 году. Мы сидели в каком-то баре... тогда мы постоянно сидели в каких-то барах... и заговорили о том, как создаются легенды. Вот я и ввернула, в качестве примера, что, по слухам, Элизабет в детстве тянула на Рембрандта, а Эгги... она уже давно умерла, упокой Господь ее душу... ответила, что не считает эту историю легендой, она уверена, что это правда. Потому что она читала об этом в газетах.

— Вы проверили? — спросил я.

— Разумеется, проверила. Я использую в моих статьях не все, что знаю... — Она подмигнула мне. — Но хочу знать *все*.

— И что вы выяснили?

— Ничего. Ни в «Трибьюн», ни в других газетах Сарасоты и Вениса. Поэтому, возможно, это всего лишь выдумка. Черт, может, как и история о том, что ее отец прятал на Дьюма-Ки контрабандный виски Дейва Дэвиса. Но... я готова поставить любые деньги на твердую память Эгги Уинтерборн. Плюс выражение лица Элизабет, когда я задала ей этот вопрос.

— И какое выражение?

— «Я тебе не скажу». Но произошло все это давным-давно, с тех пор столько выпито, и уже невозможно спросить ее об этом. Если она так плоха, как вы говорите.

— Сейчас плоха, но есть надежда на просветление. Уайрман уверяет меня, что такое с ней случалось.

— Будем надеяться, — кивнула Мэри. — Она уникум, знаете ли. Во Флориде полным-полно стариков — не зря ее называют приемной Господа, — но мало кто из них здесь вырос. Солнечный берег, который помнит Элизабет... помнила... совсем другая Флорида. Не беспорядочно растущая, с огромными закрытыми стадионами и автострадами, и не та, в которой выросла я. Мою Флориду описывал Джон Макдональд. Тогда в Сарасоте соседи знали друг друга, а Тамайами-Трайл немногим отличался от поселка. Тогда люди иной раз приходили из церкви и обнаруживали, что крокодилы плавают в бассейне, а рыси роются в помойке.

Я осознавал, что она очень пьяна... но от этого общение с ней не становилось менее интересным.

— Флорида, в которой выросла Элизабет и ее сестры, осталась после ухода индейцев, а мистер Белый человек еще не полностью взял ситкон... ситуацию под контроль. Ваш маленький остров выглядел тогда совсем иначе. Я видела фотографии. Капустные пальмы в объятиях фикусов-душителей, мексиканская лаванда, карибская сосна вдали от берега, виргинский дуб и мангровое дерево в тех немногих местах, где хватало влаги. Софора и фитолакка на земле, но никаких джунглей, которые заполонили остров. Только сам берег остался прежним, с полосой униолы, разумеется... как оборка на юбке. Разводной мост на северной оконечности был и тогда, но на острове стоял лишь один дом.

— А что вызвало появление джунглей? — спросил я. — Есть какая-нибудь идея? Они же занимают три четверти острова.

Мэри, возможно, и не услышала.

— Только один дом, — повторила она. — Построенный на небольшом возвышении ближе к южной оконечности, он не очень-то отличался от тех домов, что можно увидеть на экскурсии по старинным особнякам Чарлстона или Мобайла. Колонны и усыпанная дробленым гравием подъездная дорожка. С роскошным видом на Залив на западе. С роскошным видом на побережье Флориды на востоке. Смотреть там, правда, тогда было не на что. Только на Венис. Маленький, сонный городок. — Мэри словно услышала себя и спохватилась: — Извините, Эдгар, пожалуйста. Такое со мной случается не каждый день. Действительно, вы должны воспринимать... мое волнение... как комплимент.

— Я так и воспринимаю.

— Двадцатью годами раньше я бы попыталась уложить вас в постель, вместо того, чтобы так глупо напиваться. Может, даже десятью. А теперь мне остается лишь надеяться, что я не очень вас напугала.

— Совсем не напугали.

Она рассмеялась — как закаркала — и сухо, и весело.

— Тогда я надеюсь, что вы еще придете ко мне в гости. Я приготовлю острый суп из окры. Но теперь... — Она обняла меня и повела к двери. Тело под одеждой было худощавым, горячим

и твердым как камень. И походке сильно недоставало устойчивости. — Теперь я думаю, что вам пора уйти и позволить мне прилечь. Сожалею, но без этого я обойтись не могу.

Я вышел в коридор и повернулся к ней.

— Мэри, Элизабет что-нибудь говорила вам о смерти своих сестер-близняшек? Ей тогда было четыре или пять лет. Она вполне могла что-то помнить о такой трагедии.

— Никогда, — ответила Мэри. — Ни слова.

11

У входной двери, в узкой, но уютной полоске тени, падающей на тротуар в четверть третьего пополудни, стоял десяток стульев. Шесть стариков сидели на них, наблюдая за автомобилями, проезжающими по Адалия-стрит. Тут же был и Джек, но он не смотрел на автомобили и не восхищался проходящими мимо женщинами. Привалившись к розовой колонне, он читал «Науку похорон для чайников»*. Едва увидев меня, Джек заложил страницу, закрыл книгу и поднялся.

— Удачный выбор для этого штата. — Я указал на книгу. Обложку украшало фирменное для этой серии изображение «ботаника» с вытаращенными глазами.

— Я должен думать о карьере, — ответил он. — А судя по тому, как у вас идут дела, боюсь, эта моя работа скоро закончится.

— Не торопи меня. — Я пощупал карман, чтобы убедиться, что пузырек с таблетками аспирина при мне. Убедился.

— Если честно, именно это я и собираюсь сделать.

— Тебе нужно быть в другом месте? — Я, прихрамывая, вышел за Джеком на солнце. Разом навалилась жара. Весна уже пришла на западное побережье Флориды, но здесь она задерживается только на чашечку кофе, прежде чем отправиться на север, где ее ждет основная работа.

— Нет, но вас в четыре часа ждет доктор Хэдлок в Сарасоте. Думаю, мы успеем, если не застрянем в пробке.

* В США науку похорон можно изучать и профессионально, например, в «Колледже похоронных наук» в г. Цинциннати, штат Огайо, существующем с 1882 г.

Я взял Джека за плечо.

— Врач Элизабет? О чем ты говоришь?

— Вам нужно пройти диспансеризацию. Прошел слух, что вы с ней затянули, босс.

— Это работа Уайрмана, — пробормотал я, прошелся рукой по волосам. — Уайрмана, который ненавидит врачей. Я никогда не пойду у него на поводу. Ты — мой свидетель, Джек. Я никогда...

— Он ни при чем. И предупредил, что именно это я от вас и услышу. — Джек потянул меня за собой. — Пойдемте, пойдемте, если мы хотим приехать вовремя, нельзя терять ни минуты.

— Кто? Если Уайрман не договаривался о приеме у врача, то кто?

— Ваш другой друг. Здоровенный и черный. Он мне понравился, абсолютно клевый мужик.

Мы уже добрались до «малибу», и Джек открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья, но какие-то мгновения я стоял и смотрел на него, будто громом пораженный.

— *Кеймен?*

— Он самый. Они с доктором Хэдлоком беседовали на приеме после вашей лекции, и доктор Кеймен выразил свою озабоченность тем, что вы не прошли диспансеризацию, хотя и обещали. Доктор Хэдлок тут же предложил свои услуги.

— Предложил, — повторил я.

Джек кивнул, улыбаясь яркому флоридскому солнечному свету. Потрясающе юный, с зажатой под мышкой «Наукой похорон для чайников» в канареечно-желтой обложке.

— Хэдлок и Кеймен, они не могут допустить, чтобы что-то произошло с таким замечательным, только что открытым талантом. И, если на то пошло, я полностью с ними согласен.

— Джек, благодарности у меня полные штаны.

Он рассмеялся.

— С вами не соскучишься, Эдгар.

— Из этого следует, что я тоже клевый?

— Не то слово. Садитесь, и давайте проскочим мост, пока еще есть такая возможность.

iii

Так уж получилось, но мы прибыли в приемную доктора Хэдлока на Бинева-роуд минута в минуту. Теорема Фримантла «Ожидание под дверьми» гласит: «фактическое время начала приема равняется назначенному плюс тридцать минут», но на этот раз я был приятно удивлен. Секретарь-регистратор назвала мою фамилию уже в десять минут пятого и проводила в веселенький кабинет, где по левую руку я увидел плакат с сердцем, утопающем в жиру, а справа — с почерневшими легкими курильщика. Лишь таблица проверки зрения прямо по курсу не вызывала неприятных эмоций, хотя я мог разглядеть только шесть верхних строчек.

Вошла медсестра, сунула мне термометр под язык, посчитала пульс, надела на руку манжету тонометра, надула, посмотрела на результат. Когда я спросил медсестру, буду ли жить, она сухо улыбнулась и ответила: «Все в норме». Потом взяла у меня кровь и отправила в туалет с пластиковым стаканчиком. Поминая Кеймена недобрыми словами, я расстегнул ширинку. Однорукий мужчина может сдать мочу на анализ, но вероятность малоприятного инцидента сильно увеличивается.

Когда я вернулся в смотровую, медсестры уже не было, а на столе лежала папка с моей фамилией. Рядом — красная ручка. Культю пронзила резкая боль. Не отдавая себе отчета в том, что делаю, я взял ручку и сунул в карман брюк. В нагрудном кармане у меня была синяя ручка «Бик». Я достал ее и положил на место красной.

«И что ты собираешься сказать, когда она вернется? — спросил я себя. — Что прилетала Фея ручек и решила одну заменить другой?»

Но прежде чем я успел ответить на этот вопрос (и решить для себя, а с чего это я украл красную ручку?), вошел доктор Хэдлок и протянул руку. Левую... то есть ту, которая в моем случае становилась правой. И я почувствовал, что теперь, после расставания с доктором Принсайпом, бородатым неврологом, он нравится мне гораздо больше. Лет шестидесяти, полноватый, с щеточкой седых усов и приятными манерами. Он велел мне

раздеться до трусов, осмотрел правую ногу и бок, понажимал в нескольких местах, спрашивая о болевых ощущениях. Полюбопытствовал, принимаю ли я болеутоляющие, удивился, узнав, что я обхожусь аспирином.

— Я хочу осмотреть вашу культю, — продолжил он. — Не возражаете?

— Пожалуйста. Только осторожно.

— Не беспокойтесь.

Я сидел, положив левую руку на голое левое бедро, тогда как доктор Хэдлок одной рукой взялся за мое правое плечо, а пальцами второй обхватил культю. Седьмая строчка таблицы для проверки зрения гласила: «БОГСКОЗАЛ». Я задался вопросом, что же такое сказал Бог?»

Откуда-то издалека я ощутил легкое сдавливание.

— Больно?

— Нет.

— Ладно. Вниз, пожалуйста, не смотрите, только прямо перед собой. Вы чувствуете мою руку?

— Не очень. Слабо. Нажатие, — отозвался я. Боль действительно отсутствовала. Почему бы и нет? Рука, которой больше не было, заполучила свое (ручка уже лежала в моем кармане) и снова уснула.

— А теперь, Эдгар? Можно мне называть вас Эдгаром?

— Хоть горшком назовите, только в печку не ставьте. То же самое. Нажатие. Легкое.

— Теперь можете посмотреть.

Я посмотрел. Одна рука доктора лежала на моем плече, но вторая была в стороне. Не касалась культи.

— Ой!

— Ничего особенного. Фантомные ощущения — обычное дело. Я удивлен скоростью заживания. И отсутствием боли. Культю я сжимал достаточно сильно. Это хорошо. — Он вновь охватил рукой культю и поднял вверх.

— Так больно?

Я почувствовал едва заметную тянущую боль.

— Есть немного.

— Если бы не было, я бы встревожился. — Он отпустил культю. — Пожалуйста, смотрите опять перед собой, хорошо?

Я подчинился и увидел, что сверхважная седьмая строка на офтальмологической таблице — «БОТСНОЭАП». Простой набор букв, ничего особенного.

— Сколькими пальцами я прикасаюсь к вам, Эдгар?

— Не знаю. — Вроде бы он совсем ко мне не прикасался.

— Теперь?

— Не знаю.

— А теперь?

— Тремя. — Он почти добрался до ключицы. И у меня возникла мысль (может, и безумная, но не вызывающая сомнений), что я почувствовал бы его пальцы, прикасающиеся к культе, если бы рисовал, как заведенный. Почувствовал бы его пальцы и ниже. В воздухе. И, думаю, он тоже смог бы почувствовать мою руку... после чего этот добрый доктор, вне всякого сомнения, с криком выбежал бы вон.

Он продолжал осмотр — нога, голова. Послушал сердце, заглянул в глаза, сделал еще много всего, принятого у врачей. Когда иссяк, велел мне одеться и пройти в конец коридора.

Там меня ждал уютный, изрядно захламленный кабинет. Хэдлок сидел за столом, откинувшись на спинку стула. На одной стене висели фотографии. Как я догадался, жены, детей и внуков доктора, но не только. На некоторых он пожимал руку Джорджу Бушу-первому и Мори Повичу* (по мне, интеллектуально равным друг другу), а одна запечатлела его с бодрой и красивой Элизабет Истлейк. Они держали в руках теннисные ракетки. Корт я узнал. Их сфотографировали в «Эль Паласио».

— Полагаю, вам хочется вернуться на Дьюму и прилечь, разгрузить бедро? — спросил Хэдлок. — Уверен, к этому часу оно должно болеть, и готов спорить, оно жутко донимает вас в сырую погоду. Если вам нужен рецепт на перкоцет или викодин...

— Нет, мне хватает аспирина, — ответил я. Сумев отказаться от сильных обезболивающих, я не собирался к ним возвращаться, болело бедро или нет.

— Просто удивительно, что вы сумели восстановиться до такой степени. Думаю, мне нет нужды говорить, как вам повез-

* Пович Мори (р. 1939) — журналист, известный телеведущий.

ло. Вы могли до конца жизни просидеть в инвалидном кресле и скорее всего дули бы в соломинку, чтобы привести его в движение.

— Мне повезло в том, что я вообще остался жив, — уточнил я. — Если я правильно понимаю, ничего ужасного вы не нашли.

— У меня еще нет анализов крови и мочи, но пока могу сказать, что вы в полном порядке. Я могу назначить вам рентген правой стороны тела и головы, если вас тревожат какие-то симптомы, но...

— Меня ничего не тревожит. — Кое-что меня все-таки тревожило, но эти симптомы рентген бы не выявил. Как и причины, их вызывающие.

Хэдлок кивнул.

— Я так тщательно осматривал вашу культю, потому что вы не пользуетесь протезом. Подумал, может, у вас повышенная чувствительность. Или воспален шов. Но все хорошо.

— Я просто еще не созрел для протеза.

— Вот и отлично. Даже лучше, чем отлично. Учитывая, какие у вас успехи. Как говорится, не чини то, что не сломано. Ваши картины... они потрясающие. С нетерпением жду выставки в «Скотто». Я возьму с собой жену. Она уже в предвкушении.

— Это здорово. Спасибо вам. — Прозвучало банально даже для моих ушей, но я еще не знал, как реагировать на такие комплименты.

— И так уж вышло, что именно вы платите за пребывание в «Салмон-Пойнт». Грустно и смешно. Долгие годы — вы должны это знать — Элизабет приберегала этот дом для художников. Потом заболела и позволила сдавать, как и любой другой, хотя настояла на минимальном сроке аренды в три месяца. Больше — пожалуйста. Не хотела, чтобы в этом доме устраивали вечеринки весенние туристы. Доме, в котором жили легендарные Сальвадор Дали и Джеймс Бама*.

— Не могу поставить ей это в вину. Место особенное.

— Да, но мало кто из знаменитых художников создал там что-то выдающееся. А потом появляется скромный, обычный

* Бама Джеймс (р. 1926) — американский художник-реалист.

арендатор, строитель из Миннесоты, восстанавливающийся после несчастного случая, и... Элизабет, должно быть, очень довольна.

— Как говорят в строительном бизнесе, это вы хватили через край, мистер Хэдлок.

— Джин, — поправил он меня. — И люди, которые слушали вашу лекцию, так не думают. Вы выступили прекрасно. Я только сожалею, что Элизабет при этом не присутствовала. Она бы гордилась собой.

— Может, ей удастся приехать на открытие выставки?

Джин Хэдлок покачал головой, очень медленно.

— Я в этом сомневаюсь. Она боролась с Альцгеймером изо всех сил, но наступает момент, когда болезнь просто берет верх. Не потому что пациент слаб, просто таково его физическое состояние. Это как рассеянный склероз. Или рак. Едва проявляются первые симптомы — обычно это потеря краткосрочной памяти, — часы начинают отсчет. Похоже, время Элизабет на исходе, о чем я очень сожалею. И я понимаю, как и большинство ваших слушателей, что вся эта суета вам не по нутру...

— Будьте уверены.

— ...но если бы Элизабет попала на выставку, она бы так радовалась за вас! Я знаю ее большую часть своей жизни и могу сказать, что она взяла бы под контроль все, включая развешивание картин.

— Хотелось бы мне встретиться с ней в те годы.

— Удивительная женщина. Ей было сорок пять, а мне двадцать, когда мы выиграли микст на любительском теннисном турнире в клубе «Колония» на Лонгбоут-Ки. Я как раз приехал на каникулы из колледжа. Кубок все еще у меня. Думаю, и она где-нибудь хранит свой.

Его слова напомнили мне фразу: «Вы ее найдете, я уверена». Но прежде чем я успел подумать, откуда она взялась, в голову пришла другая мысль. Связанная с тем, о чем шла речь сегодня.

— Доктор Хэдлок... Джин... Элизабет писала красками? Или рисовала карандашом?

— Элизабет? Никогда, — и он улыбнулся.

— Вы в этом так уверены.

— Это точно. Я спросил ее однажды и хорошо помню тот случай. В город с лекцией приехал Норман Рокуэлл. Он не остановился в вашем доме, предпочел «Ритц». Норман Рокуэлл — трубка и все такое! — Джин Хэдлок покачал головой, теперь он широко улыбался. — Господи, какой поднялся шум, какие были крики, когда Художественный совет объявил о приезде мистера «Сэтедэй ивнинг пост»*. Идея принадлежала Элизабет, и ей нравился весь этот ажиотаж. Говорили, что желающих послушать лекцию хватит, чтобы заполнить стадион Гриффина на Бен-Хилл... — Он заметил недоумение на моем лице. — Флоридский университет. Болото, откуда живыми выползают только «Аллигаторы».

— Если вы говорите о футболе, то мой интерес начинается «Викингами» и заканчивается «Упаковщиками»**.

— Дело в том, что я спросил Элизабет о ее способностях как художника по ходу всей этой шумихи. И нужно сказать, на Рокуэлла народ пришел, причем не в аудиторию Гелдбарта, а в Городской центр. Элизабет рассмеялась и ответила, что она едва сможет нарисовать человечка из палочек и кружочков. Она еще воспользовалась спортивной метафорой, вот почему я, вероятно, подумал об «Аллигаторах». Сказала, что она такая же, как и многие богатые выпускники колледжа, только ее интересует живопись, а не футбол. Она сказала: «Если не можешь быть спортсменом, дорогой, тогда поддерживай спорт. И если не можешь быть художником, корми их, заботься о них, обеспечь место, где они могли бы укрыться от дождя». Но талант к живописи? Нет, нет и нет.

Я хотел рассказать ему об Эгги Уинтерборн, подруге Мэри Айр. Потом прикоснулся к красной ручке в моем кармане и решил, что не стоит. Решил, что хочу совсем другого: вернуться на Дьюма-Ки и рисовать. Картина «Девочка и корабль № 8» была самой грандиозной и смелой из всего цикла, самой большой и самой сложной, и я ее уже практически закончил.

---

* На счету Нормана Рокуэлла 322 обложки этого еженедельника.

** «Флоридские аллигаторы» — футбольная команда университета Флориды, одна из лучших в студенческой лиге. «Миннесотские викинги» и «Упаковщики из Грин-Бей» (Грин-Бей расположен в соседнем с Миннесотой штате Висконсин) — профессиональные футбольные команды.

Я встал и протянул руку.

— Спасибо вам за все.

— Пустяки. Если вы передумаете, и вам потребуются болеутоляющие посильнее...

iv

Разводной мост на Дьюма-Ки подняли, чтобы пропустить в сторону Залива дорогую игрушку какого-то богача. Сидя за рулем «малибу», Джек восхищенно смотрел на девушку в зеленом бикини, которая загорала на палубе. Радиоприемник был настроен на волну «Кости». Закончилось рекламное объявление салона, торгующего мотоциклами (на «Кости» обычно рекламировали продажу мотоциклов и услуги по ипотеке), группа «Who» заиграла «Magic Bus». Культя зачесалась, начала зудеть. Зуд медленно усиливался и распространялся вниз. Я чуть прибавил звука. Потом сунул руку в карман и достал ручку. Не синюю, не черную; она была красной. Повертел ее в лучах заходящего солнца. Открыл крышку бардачка, порылся внутри.

— Помочь что-то найти, босс?

— Нет. Поглядывай вон на ту крошку. Я справлюсь сам.

Я вытащил купон на бесплатный «Чекерс НАСКАР бургер» («Ты должен есть!» — гласила надпись на купоне). Перевернул. На обратной стороне текста не было. Я работал быстро, не думая. Закончил еще по ходу песни. Под маленькой картинкой написал пять печатных букв. Сама картинка напоминала те завитушки, которые я рисовал в другой жизни, разговаривая (обычно с каким-нибудь кретином) по телефону. Пять букв: **«ПЕРСЕ»** — название моего загадочного корабля. Только я не был уверен, как именно нужно произносить это слово. Я бы поставил ударение на втором слоге, но тогда слово звучало бы почти как «Персей», а я считал, что следовало ограничиться «персе».

— Что это? — спросил Джек, глянув на рисунок, а потом сам же и ответил: — Маленькая красная корзина для пикника. Симпатично. А почему Персей?

— Надо говорить — персе.

— Как скажете, босс.

Шлагбаум у въезда на мост поднялся, и Джек покатил на Дьюма-Ки.

Я смотрел на маленькую красную корзину для пикника (только думал, что ее следует называть плетенкой, раз уж изготовили ее из сплетенных ивовых прутьев) и гадал, почему она кажется мне такой знакомой. Потом до меня дошло, что знакома мне не сама корзина, а *фраза* о ней. В ту ночь, когда я привез Уайрмана из Мемориальной больницы Сарасоты, Элизабет сказала: «Поищите корзинку для пикника няни *Такой-то*». Это было в последний вечер, когда я видел Элизабет в compos mentis*, теперь я это осознавал. «Она на чердаке. Она красная». И: «Вы ее найдете, я уверена». И: «Они внутри». Только когда я спросил, о чем она говорит, она мне ответить уже не смогла. Здравый ум ее покинул.

«Она на чердаке. Она красная».

— Само собой, — сказал я. — Все у нас красное.

— Что, Эдгар?

— Ничего. — Я смотрел на украденную ручку. — Просто размышляю вслух.

V

Картину «Девочка и корабль № 8» (последнюю из цикла, я в этом практически не сомневался) я закончил, но все-таки стоял перед ней, разглядывая в лучах заходящего солнца. Рубашку я снял. «Кость» транслировала «Copperhead Road». Над этой картиной я работал дольше, чем над любой другой (начал осознавать, что в ней слились все предыдущие), и она нервировала. Поэтому всякий раз, прервав работу, я занавешивал картину простыней. Теперь, окидывая ее, как я надеялся, беспристрастным взглядом, я осознал: нервировала — не то слово; эта картина просто ужасала. Ты словно всматривался в обезумевший разум.

И, возможно, я ее еще не доделал. Конечно, на ней нашлось бы место для красной корзинки для пикника. Я мог повесить ее на бушприт «Персе». Действительно. Почему бы нет? На этой

* в здравом уме (*лат.*).

чертовой картине хватало фигур и вещей. Всегда нашлось бы место еще для одной.

Я протянул кисть, окунул ее в краску (подошла бы и кровь), и тут зазвонил телефон. Я мог бы не реагировать (не отреагировал бы, если б находился в рисовальном трансе), но решил, что это не тот случай. Корзина для пикника была лишь мелким нюансом, одним из многих. Поэтому я положил кисть и взял трубку. Звонил Уайрман, очень взволнованный.

— Сегодня она пришла в себя, Эдгар! После полудня! Возможно, это ничего не значит, я пытаюсь не тешить себя ложными надеждами, но раньше такое уже случалось: сначала один ясный период, потом второй, третий, они сливаются, и она становится сама собой, хотя бы на время.

— Она знает, кто она? Где находится?

— Сейчас нет, но полчаса назад, где-то в половине шестого, знала и кто она, и кто я. Послушай, мучачо... она сама прикурила свою чертову сигарету!

— Я обязательно сообщу об этом министру здравоохранения США, — ответил я, но подумал, что в половине шестого мы с Джеком как раз стояли у разведенного моста. Примерно в то время, когда я почувствовал необходимость рисовать.

— Кроме сигареты ей чего-то хотелось?

— Она попросила поесть. А перед этим — подкатить ее к Фарфоровой деревне. Хотела заняться статуэтками, Эдгар! Ты помнишь, когда такое случалось в последний раз?

Я помнил. И радовался тому, что у моего друга такой счастливый взволнованный голос.

— Когда мы прибыли туда, ей уже стало хуже. Она огляделась и спросила, где Перси? Сказала, что ей нужна Перси, что Перси пора отправляться в жестянку.

Я посмотрел на мою картину. На мой корабль. Теперь он был моим, все так. Моим «Персе». Я облизнул губы, которые вдруг загрубели. Такими они были, когда я впервые пришел в себя после несчастного случая. Когда мне даже не удавалось вспомнить, кто я. Вы знаете, как это странно? Вспоминать о том, как забывал — все равно что смотреть в бесконечный коридор с зеркалами.

— Которая из них Перси?

— Если б я знал! Когда она хочет, чтобы я бросил жестянку в пруд, она всегда кладет туда статуэтку-женщину. Обычно пастушку с отбитым лицом.

— Она сказала что-нибудь еще?

— Попросила принести еду, я же тебе говорил. Томатного супа. И персиков. К тому времени она уже перестала смотреть на статуэтки, в голове у нее все спуталось.

У нее все спуталось в голове, потому что она не увидела Перси? Или «Персе»? Может... но если у нее когда-то и был фарфоровый корабль, я его никогда не видел. Я подумал (и не в первый раз), что Персе — подозрительное слово. Не вызывающее доверия. Постоянно меняющееся.

— В какой-то момент она сказала мне, что стол течет.

— Он действительно потек?

Короткая пауза. Затем он сказал, совсем невесело:

— Мы хотим посмеяться за счет Уайрмана, дорогой амиго?

— Нет, мне любопытно. Что она сказала? Только точно.

— Я тебе уже говорил. «Стол течет». Но ее статуэтки, если ты вдруг не заметил, стоят на деревянном столе, а не на водяном матрасе.

— Успокойся. Не растеряй хорошие мысли.

— Я пытаюсь, но должен сказать, ты излишне увлекся этой разговорной игрой, Эдстер.

— Не называй меня Эдстер, звучит, как коллекционный «форд». Ты принес ей суп, и она... что? Опять потеряла связь с реальностью?

— В значительной степени — да. Сбросила пару статуэток на пол. Лошадь и девушку-ковбоя. Они разбились. — Уайрман тяжело вздохнул.

— Она сказала «Стол течет» до того, как попросила принести еду, или после?

— До, после, какое это имеет значение?

— Не знаю, — честно признался я. — Так когда?

— Думаю, до. Да, до. Потом она ко всему потеряла интерес, даже забыла, что жестянку нужно в несчетный раз бросить в пруд. Я принес суп в ее любимой кружке, но Элизабет оттолкнула кружку так резко, что выплеснула суп на свою бедную руку. По-моему, она этого даже не почувствовала. Эдгар, почему ты

задаешь все эти вопросы? Ты что-то знаешь?— Он кружил по комнате с прижатым к уху сотовым телефоном. Я буквально видел это.

— Ничего. Шарю в темноте, ничего больше.

— Да? И какой рукой?

Я запнулся, но мы прошли вместе долгий путь и столько пережили, что лгать я не мог, пусть правда и тянула на безумие.

— Правой.

— Хорошо. Хорошо, Эдгар. Мне бы хотелось знать, что происходит, вот и все. А *что-то* происходит, это точно.

— Может, ты и прав. Как она теперь?

— Спит. А я тебе помешал. Ты работаешь.

— Нет. — Я отбросил кисть. — Думаю, картина закончена, и, пожалуй, на какое-то время с живописью я завязываю. Отныне и до выставки я буду только гулять и собирать ракушки.

— Похвальные мысли, но не думаю, что у тебя получится. Ты же трудоголик.

— Ты ошибаешься.

— Ладно, ошибаюсь. Мне не впервой. Собираешься завтра к нам заглянуть? Вдруг она придет в себя? Хотелось бы, чтобы это произошло при тебе.

— Обязательно приду. Может, покидаем теннисные мячи.

— Я с удовольствием.

— Уайрман, вот что еще. Элизабет когда-нибудь рисовала?

Уайрман рассмеялся.

— Кто знает? Я спросил ее однажды, и она ответила, что едва сможет нарисовать человечков из палочек и кружочков. Сказала, что ее интерес к живописи такой же, как у некоторых богатых выпускников колледжа к футболу или баскетболу. Еще пошутила об этом...

— «Если не можешь быть спортсменом, дорогой, тогда поддерживай спорт».

— Точно. Откуда ты знаешь?

— Старая присказка, — ответил я. — До завтра.

Я положил трубку, постоял, наблюдая, как вечерний свет поджигает закат над Заливом. Закат, рисовать который у меня не было ни малейшего желания. То же самое она сказала Джину Хэдлоку. И я не сомневался, спроси я других, не раз и не два

услышал бы: «Она ответила, что едва сможет нарисовать человечка из палочек и кружочков. Сказала, если не можешь быть спортсменом, тогда поддерживай спорт». Почему? Потому что честный человек иной раз может попасть впросак, тогда как опытный лгун никогда не меняет своей версии.

Я не спросил Уайрмана о красной корзинке для пикника, но решил, что ничего страшного. Если она на чердаке «Эль Паласио», то будет там и завтра, и послезавтра. Я сказал себе, что время еще есть. Разумеется, мы всегда так себе говорим. Представить не можем, что время истекает, и Бог наказывает нас за то, что мы не можем себе этого представить.

С нарастающей неприязнью я посмотрел на «Девочку и корабль № 8» и набросил на картину простыню. Красная корзинка для пикника на бушприте так и не появилась. Я больше не прикоснулся кистью к этой картине, последнему безумному потомку моего первого рисунка, сделанного в «Розовой громаде», который я назвал «Здрасьте». «№ 8», возможно, стала лучшим моим творением, но, так уж сложилось, об этой картине я практически забыл. До самой выставки. Зато потом уже не забывал никогда.

VI

Корзинка для пикника.

Чертова красная корзинка для пикника, заполненная ее рисунками.

Она просто преследует меня.

Даже теперь, четыре года спустя, я продолжаю игру «что-если», гадая, в какой степени все изменилось бы, если б я отложил в сторону все остальное и сосредоточился на поисках корзинки. Она нашлась (ее отыскал Джек Кантори), но было уже слишком поздно.

А может (полной уверенности у меня нет), ничего бы не изменилось, потому что некая сила уже пришла в движение, и на Дьюма-Ки, и в голове Эдгара Фримантла. Могу я сказать, что эта сила привела меня на Дьюма-Ки? Нет. Могу сказать, что не приводила? Нет, этого я тоже сказать не могу. Но когда март

сменился апрелем, сила эта набрала ход и украдкой начала расширять зону воздействия.

Эта корзинка.

Проклятая корзинка для пикника.

Она была *красной!*

vii

Надежды Уайрмана, что Элизабет начнет восстанавливать связь с реальностью, не оправдались. Она сидела в инвалидном кресле, что-то бормоча себе под нос, время от времени требовала сигарету надтреснутым криком стареющего попугая. Уайрман нанял Энн-Мэри Уистлер, из «Частного центра ухода за больными», и теперь она приходила и помогала ему четыре дня в неделю. Энн-Мэри сняла с плеч Уайрмана немалую часть забот, но легче ему не стало: сердце щемило по-прежнему.

Но я если это и замечал, то лишь краем глаза. Один апрельский день сменялся другим, таким же солнечным и жарким. И под жарой я подразумевал не только температуру воздуха.

После публикации интервью Мэри Айр я стал местной знаменитостью. В Сарасоте всегда был спрос на художника. Особенно на художника, который раньше строил банки, а теперь повернулся спиной к мамоне. А уж однорукому художнику ярчайшего таланта цены просто не было. Дарио и Джимми организовали еще несколько интервью, включая съемку на «Шестом канале». Из их сарасотской студии я вышел с жуткой головной болью и подаренной мне наклейкой на бампер **«ШЕСТОЙ КАНАЛ — ПОГОДА СОЛНЕЧНОГО БЕРЕГА»**. Я прилепил ее на козлы, рядом с надписью **«ЗЛЫЕ СОБАКИ»**. Не спрашивайте меня почему.

Еще я занимался организационными вопросами встречи и расселения гостей. Уайрман к тому времени был слишком занят, пытаясь убедить Элизабет глотать что-нибудь более существенное, чем сигаретный дым. С Пэм я говорил каждые два-три дня, сверяя список гостей из Миннесоты и маршруты тех, кто прилетал из других мест. Илзе звонила дважды. Веселье в ее голосе показалось мне натужным, но я мог и ошибаться. Мои попытки

выяснить что-либо о ее любовной жизни вежливо, но твердо пресекались. Звонила Мелинда — спросить, какая у меня окружность головы. Когда я полюбопытствовал, зачем ей это нужно, она ушла от ответа. Пятнадцатью минутами позже, когда дочь положила трубку, я все понял: она и ее французский бойфренд действительно собирались купить мне этот чертов берет. Я расхохотался.

Репортер «АП» из Тампы приехал в Сарасоту. Хотел приехать на Дьюму, но мне претила даже мысль о том, что какой-то репортер будет бродить по «Розовой громаде» и слушать разговоры ракушек, которые я уже привык считать своими. Так что интервью он взял у меня в галерее «Скотто», а приехавший с ним фотограф сделал фотографии трех специально отобранных для этой цели полотен: «Розы, вырастающие из ракушек», «Закат с софорой» и «Дьюма-роуд». Я был в футболке с надписью на груди «Рыбный ресторан «Кейси-Ки», и эту мою фотографию (с культей в рукаве и повернутой козырьком назад бейсболкой на голове) увидела вся страна. После этого телефон взорвался. Анжел позвонил и говорил двадцать минут. В какой-то момент он заявил, что всегда знал: это во мне есть. «Что?» — спросил я. «Дерьмо, босс», — и мы хохотали как безумцы. Позвонила Кэти Грин. Я услышал все о ее новом бойфренде (тот еще тип!) и о новом комплексе лечебной гимнастики, который пациент может выполнять самостоятельно (это потрясающе!). Я рассказал ей о том, как Кеймен внезапно появился на лекции и спас меня от позора. К концу нашего разговора она плакала и говорила, что у нее никогда не было такого мужественного, вернувшегося практически с того света пациента. Потом сказала, что при встрече заставит меня улечься на пол и сделать пятьдесят подъемов. В довершение всего доктор Тодд Джеймисон, стараниями которого я не превратился на всю оставшуюся жизнь в человекобрюкву, прислал мне бутылку шампанского и открытку с надписью: «*Мне не терпится увидеть Вашу выставку*».

Если бы Уайрман предложил мне пари и поставил на то, что я заскучаю и возьму в руки кисть, он бы проиграл. Когда я не готовился к знаменательному событию моей жизни, то гулял, читал или спал. Я сказал ему об этом в один из тех редких апрельских дней, когда после полудня мы сидели вместе под по-

лосатым зонтом у края мостков «Эль Паласио» и пили зеленый чай. До выставки оставалось меньше недели.

— Я рад, — прокомментировал он. — Тебе требовался отдых.

— А что можно сказать о тебе, Уайрман? Как ты?

— Не очень, но я буду жить... Глория Гейнор*, тысяча девятьсот семьдесят восьмой год. Грустно, в этом все дело. — Он вздохнул. — Я ее потеряю. Я обманываю себя, говорю, что ей станет лучше, но... я ее потеряю. Это не Джулия и Эсмеральда, слава Богу, но все равно тяжело.

— Сожалею, что все так вышло. — Я накрыл его руку своей. — И с ней, и с тобой.

— Спасибо. — Он посмотрел на волны. — Иногда я думаю, что она никогда не умрет.

— Никогда?

— Вот именно. Я думаю, что за ней придут Морж и Плотник. Просто уведут ее с собой, как увели доверчивых Устриц. Уведут по берегу. Ты помнишь, что говорит Морж?

Я покачал головой.

— «Мой друг, их заставлять спешить отнюдь мы не должны. Проделав столь тяжелый путь, они утомлены». — Он провел рукой по лицу. — Посмотри на меня, мучачо. Я плачу, как Морж. Ну разве не глупость?

— Нет, — ответил я.

— Мне ненавистна сама мысль, что на этот раз она ушла навсегда, что лучшая ее часть уже ушла по берегу с Моржом и Плотником, и остался только жирный, старый кусок плоти, который еще не забыл, как дышать.

Я промолчал. Он вновь вытер глаза и шумно, со всхлипами, вдохнул.

— Я попытался что-нибудь найти по Джону Истлейку, выяснить, как утонули две его дочери, что произошло потом... помнишь, ты просил меня об этом?

Я просил, но так давно, что на тот момент просьба моя потеряла всякую актуальность. И вот что теперь я думаю: что-то *хотело* от меня именно такого отношения.

---

* Гейнор Глория (р. 1949) — известная американская певица. В 1978 г. попала в серьезную автокатастрофу, выжила и исполнила песню «Я буду жить» (I will survive), одну из самых популярных диско-песен столетия.

— Я порылся в Интернете и нашел достаточно много. Статьи из старых газет, несколько воспоминаний очевидцев, которые они сочли необходимым вывесить в Сети. Один текст озаглавлен — и не думай, что я фантазирую, мучачо, — «Лодочные прогулки и пчелиный воск; девичество в Нокомисе». Автор — Стефани Уайдер Грейвел-Миллер.

— Похоже, она совершила долгое путешествие по волне памяти.

— Это точно. Она пишет о счастливых неграх, собирающих апельсины и мелодичными голосами поющих простые песни, восхваляющие Господа.

— Насколько я понимаю, случилось это до появления Джей-Зета*.

— И тут ты прав. Но это еще не все. Я поговорил с Крисом Шэннингтоном, он живет на Кейси-Ки, ты наверняка его видел. Колоритный такой старичок, ходит везде с сучковатой тростью из древовидного вереска и в большой соломенной шляпе. Его отец, Эллис Шэннингтон, работал садовником у Джона Истлейка. По словам Криса, именно Эллис отвез Марию и Ханну, старших сестер Элизабет, в школу Брейдена дней через десять после того, как утонули близняшки. Он сказал: «У этих деток сердце кровью обливалось из-за-а своих ма-а-леньких сестричек».

Южный выговор старика Уайрман скопировал очень неплохо, и я почему-то вновь подумал о Морже и Плотнике, шагающих по берегу с маленькими Устрицами. Сам я четко помнил лишь ту часть стихотворения, где Плотник говорит им, что они отлично прогулялись, но, разумеется, Устрицы ответить не могли, потому что их съели, всех до одной.

— Хочешь послушать, что я раскопал? — спросил Уайрман.

— А у тебя есть время?

— Конечно. Энн-Мэри на посту до семи часов, хотя, из практических соображений, мы с ней ухаживаем за Элизабет на пару. Почему бы нам не пойти в дом? У меня все собрано в папку. Не так чтобы много, но по крайней мере есть одна фотография, на которую стоит взглянуть. Крис Шэннингтон держал ее

* Джей-Зет (настоящее имя Шон Кори Картер, р. 1969) — известный американский чернокожий исполнитель хип-хопа.

в коробке с бумагами отца. Я прогулялся с ним в публичную библиотеку Кейси-Ки и скопировал ее. — Он помолчал. — Это фотография «Гнезда цапли».

— Ты хочешь сказать, каким этот дом был тогда?

Мы уже шагали по мосткам, но тут Уайрман остановился.

— Нет, амиго, ты не понял. Я говорю о первом «Гнезде цапли». «Эль Паласио» — второе «Гнездо». Построенное через двадцать пять лет после того, как утонули маленькие девочки. К тому времени состояние Джона Истлейка с десяти или двадцати миллионов увеличилось до ста пятидесяти. А то и больше. Война — доходный бизнес. Инвестируй своего сына.

— Лозунг Движения против войны во Вьетнаме. Тысяча девятьсот шестьдесят девятый год. Часто использовался в паре с другим лозунгом: «Мужчина нужен женщине, как рыбе — велосипед».

— Молодец, амиго! — Уайрман махнул рукой в сторону буйной растительности, которая покрывала остров к югу от нас. — Первое «Гнездо цапли» находилось там. Мир еще был молод, и ласты шлепали по воде: пуп-уп-дуп.

Я подумал о Мэри Айр, не выпившей, а уже крепко набравшейся, о ее словах: «Только один дом. Построенный на небольшом возвышении ближе к южной оконечности, он не очень-то отличался от тех домов, которые можно увидеть на экскурсии по старинным особнякам Чарлстона или Мобайла».

— И что с ним сталось? — спросил я.

— Насколько мне известно, ничего, — ответил Уайрман. — Его оставили во власти времени, которое несет с собой упадок. Когда Джон Истлейк потерял надежду найти тела близняшек, он распрощался с Дьюма-Ки. Расплатился со своими работниками, собрал вещи, усадил трех оставшихся дочерей в «роллс-ройс» — у него действительно был «роллс-ройс» — и уехал. «Роман, не написанный Скоттом Фицджеральдом», — вот что сказал Крис Шэннингтон. Он также сказал, что Истлейку не было покоя, пока Элизабет вновь не привезла его сюда.

— Ты думаешь, Шэннингтон действительно что-то знает, или это история, которую он рассказывал столько раз, что сам в нее поверил?

— Quien sabe? — Уайрман вновь остановился, указал на южную часть Дьюма-Ки. — Никаких джунглей там не было. Из первого дома ты мог видеть материк, с материка — дом. Насколько я знаю, амиго, дом по-прежнему там. Или то, что от него осталось. Стоит и гниет. — Он протянул руку к двери на кухню и посмотрел на меня без тени улыбки. — Вот что надо бы нарисовать, не так ли? Корабль-призрак на суше.

— Возможно, — согласился я. — Возможно, надо.

viii

Он повел меня в библиотеку, с рыцарскими доспехами в углу и музейной коллекцией оружия на стене. Рядом с телефонным аппаратом лежала папка с надписью **«ДЖОН ИСТЛЕЙК, «ГНЕЗДО ЦАПЛИ»** на лицевой стороне. Уайрман открыл папку, достал фотографию. Изображенный на ней дом, конечно же, напоминал тот, в котором мы сейчас находились. В архитектуре безошибочно угадывалось сходство, свойственное, скажем, двоюродным братьям. Но в одном эти здания кардинально отличались, и потому похожесть (дома явно строились по одному проекту, с одинаковой крышей из ярко-оранжевой желобчатой черепицы) эту разницу только выпячивала.

Нынешний «Дворец» скрывался от мира за высокой стеной, которая лишь в одном месте прерывалась воротами — не было даже служебного въезда. Прекрасный внутренний двор видели лишь считанные люди, помимо Уайрмана, Энн-Мэри, девушки, чистившей бассейн, и садовника, приезжавшего дважды в неделю. Двор этот напоминал тело красотки, скрытое бесформенной одеждой.

Первое «Гнездо цапли» было другим. Как и фарфоровый особняк Элизабет, этот мог похвастаться шестью колоннами и просторной, приглашающей подняться на нее верандой. К особняку вела широкая дугообразная подъездная дорожка, прорезающая два акра лужайки. Усыпанная не гравием, как сказала Мэри, а дробленными розовыми ракушками. Первый дом Истлейков говорил миру: «Добро пожаловать». Его наследник — «Эль Паласио» — не пускал на порог. Илзе заметила это сразу,

как и я, но в тот день мы увидели особняк с дороги. С тех пор мнение мое изменилось, и по веской причине: я привык к тому, чтобы смотреть на гасиенду с берега. Подходя к ней с незащищенной стороны.

Первое «Гнездо цапли» было также выше, три этажа по фронтону, четыре — в задней части, поэтому (если особняк действительно стоял на небольшом холме, как говорила Мэри), с верхнего этажа люди могли любоваться захватывающей дух круговой панорамой: Залив, материк, Кейси-Ки и Дон-Педро-Айленд. Не самый плохой вариант. Но лужайка выглядела неухоженной, неопрятной. По обе стороны дома в ряду пальм, сгибающихся под ветром, как гавайские танцовщицы, зияли прорехи. Я присмотрелся и увидел, что некоторые окна на верхних этажах заколочены. И крыша выглядела как-то странно. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять почему. Над восточной частью крыши высилась труба. Над западной — отсутствовала, хотя ей полагалось там быть.

— Дом сфотографировали после их отъезда? — спросил я.

Уайрман покачал головой.

— По словам Шэннингтона, фотографию сделали в марте 1927 года, до того, как утонули девочки, когда все были счастливы и здоровы. Ты видишь не обветшание — это разрушения, нанесенные ураганом. «Элис».

— Которой из них?

— Официально сезон ураганов начинается здесь пятнадцатого июня и длится около пяти месяцев. Внесезонные ураганы с тропическими ливнями и сильным ветром... для старожилов все они — «Элис». Как «Ураган «Элис»*. Это такая шутка.

— Ты выдумываешь.

— Отнюдь. «Эстер» — сильнейший ураган двадцать шестого года — обошел Дьюму стороной, а вот «Элис» двадцать седьмого прошелся по острову. Потом ударил по материку и затопил Глейдс. Урон, который ты видишь на фотографии, — следствие урагана. Если на то пошло, урон незначительный. Несколько пальм вырваны из земли, вскопана лужайка, кое-где выбиты окна. Но, с другой стороны, последствия урагана ощущаются и

* «Ураган «Элис» — телевизионный сериал (2003).

теперь. Потому что не вызывает сомнений, что именно «Элис» привела и к смерти близняшек, Тесси и Лауры, и ко всему остальному. Включая и наше с тобой появление на Дьюме.

— Объясни.

— Вот это помнишь?

Уайрман достал из папки вторую фотографию, и, конечно же, я ее помнил. Ее увеличенная копия висела на лестничной площадке второго этажа. Эта, в силу размеров, была более резкой. Семья Истлейк в сборе, во главе с Джоном Истлейком, одетым в черный купальный костюм. Выглядел он, как голливудский актер второго разряда, обычно снимающийся в детективах и приключенческих фильмах. Элизабет пухлой попкой сидела на одной его руке. Во второй Джон держал гарпунный пистолет, маску и трубку для дыхания.

— Если судить по Элизабет, я бы сказал, что фотографию сделали году в двадцать пятом, — заметил Уайрман. — Выглядит она годика на два с небольшим. Адриане... — он постучал пальцем по старшей дочери, — ...может быть от семнадцати до тридцати четырех. Ты согласен?

Действительно, семнадцатилетняя, и со всеми присущими женщине округлостями; это видно сразу, пусть на ней купальник-который-скрывает-практически-все.

— У нее уже надуто-капризное лицо, на котором написано: я-хочу-быть-где-нибудь-еще, — продолжил Уайрман. — Даже интересно, так ли удивился ее отец, когда она сбежала с каким-то его менеджером. И не обрадовался ли он в глубине души ее побегу? — Он вновь скопировал выговор Криса Шэннингтона: — Убежа-ать в А-атла-анту с ма-альчиком в га-алстуке и светоза-ащитном козырьке, — и тут же заговорил обычным голосом. Похоже, Уайрмана действительно печалила смерть девочек, пусть и случилось это более восьмидесяти лет тому назад. — Она и ее новоиспеченный муж вернулись, но к тому времени оставалось только разыскивать тела.

Я коснулся пальцем сурового лица чернокожей няни.

— А это кто?

— Мельда или Тильда, а может, прости Господи, Гекуба, если послушать Криса Шэннингтона. Его отец знал ее имя, а Крис уже не помнит.

— Красивые браслеты.

Уайрман без особого интереса посмотрел на фотографию.

— Я тебе верю.

— Может, Джон Истлейк спал с ней, — предположил я. — Может, браслеты — маленький подарок.

— Quien sabe? Богатый вдовец, молодая женщина... такое случается.

Я постучал пальцем по корзинке для пикника, которую молодая чернокожая женщина держала обеими руками, словно корзина весила немало. Возникало ощущение, что там не только сандвичи... может, и целая курица, а еще — несколько бутылок пива для старого господина... чтобы утолить жажду после целого для, проведенного на воде и под водой.

— Какого цвета корзина? Темно-коричневая? Или красная?

Уайрман как-то странно на меня посмотрел.

— Фотография черно-белая, трудно сказать.

— Расскажи мне, как ураган привел к смерти девочек?

Он вновь открыл папку и протянул мне давнюю газетную заметку.

С сопровождающим ее фотоснимком.

— Из «Венис гондольер», номер от 28 марта 1927 года. Саму информацию я нашел в Сети. Джек Кантори позвонил в редакцию, уговорил кого-то сделать ксерокопию и прислать мне по факсу. Между прочим, Джек — просто чудо.

— Кто ж с этим спорит? — Я всмотрелся в фотоснимок. — Кто эти девочки? Нет... не говори. Слева от него — Мария. По правую руку — Ханна.

— Ставлю тебе пять с плюсом. Ханна — которая с грудью. В двадцать седьмом ей исполнилось четырнадцать.

Мы несколько секунд молча смотрели на факс. Распечатка файла, полученного по электронной почте, выглядела бы получше. Черные вертикальные полосы раздражали, некоторые буквы расплывались, но заголовок выглядел достаточно четким: **«ШТОРМ ОТКРЫВАЕТ СОКРОВИЩА НЫРЯЛЬЩИКУ-ЛЮБИТЕЛЮ»**. И на фотоснимке я мог многое разглядеть. Линия волос на лбу Джона поднялась выше. В качестве компенсации увеличилась длина усов, тут Истлейк мог соперничать с моржом. И хотя черный купальный костюм остался прежним, он трещал

по всем швам... и лопнул под одной рукой, как мне показалось, хотя в этом я мог и ошибиться: четкости все-таки не хватало. Джон Истлейк определенно набрал жирка между 1925 и 1927 годами (будь он актером, ему пришлось бы отказаться от десертов и чаще бывать в тренажерном зале, чтобы и дальше получать роли). В девочках, что стояли рядом с ним, сексуальность проступала не так явно, как в их старшей сестре (одного взгляда на Адриану хватало, чтобы в голову полезли мысли о том, как неплохо поваляться с ней на сеновале, а у этих двух хотелось спросить, сделали они домашнее задание или нет), но они были симпатичными, пусть еще и не расцвели полностью, и на их лицах читалось радостное волнение. Это точно.

Потому что на песке перед ними лежали сокровища.

— Я не могу разглядеть, что это, — пожаловался я. — Очень уж нечеткий факс.

— На столе лежит лупа, но я сэкономлю тебе время. — Уайрман взял ручку, воспользовался ею как указкой. — Это медицинский пузырек, а это — мушкетная пуля... так сказал Истлейк репортеру. Мария положила руку на сапог... или то, что осталось от сапога. Рядом с сапогом...

— Очки, — вставил я. — И... цепочка на шею.

— Согласно заметке, это браслет. Точно не знаю. Могу поклясться, что это металлическая петля, покрытая толстым налетом то ли ржавчины, то ли грязи. Но старшая девочка определенно держит сережку в вытянутой руке.

Я пробежал взглядом заметку. Помимо сфотографированных вещей, Истлейк нашел различную столовую утварь... четыре чашки, по его словам, «в итальянском стиле»... таган... ящик с шестеренками (чем бы это ни было)... и множество гвоздей. Он также нашел половину фарфорового человечка. На фотографии его не было, во всяком случае, я не увидел. В заметке говорилось, что Истлейк пятнадцать лет плавал под водой среди разрушающихся рифов к западу от Дьюмы. Иногда охотился, а чаще — просто отдыхал, любуясь подводным миром. Он сказал, что мусора на дне попадалось много, но интереса ничто не вызывало. Он сказал, что «Элис» подняла очень уж сильные волны, которые сдвинули массу песка между рифами и островом и обнажили, по его словам, «захоронение».

— Кораблекрушение он не упомянул, — сказал я.

— Нет, — кивнул Уайрман. — Никакого корабля не было. Его не нашел ни он, ни десятки людей, которые помогали ему в поиске тел девочек. Только мусор. Они нашли бы корабль, если б он был. К юго-западу от Дьюмы глубина не превышает двадцати пяти футов на всем участке от острова до рифа Китта. Вода и сейчас достаточно чистая, а тогда была как бирюзовое стекло.

— Высказывались какие-нибудь версии насчет появления подводной свалки?

— Конечно. Наиболее распространенная говорит о том, что некое судно, невесть как попавшее сюда сто, двести или триста лет тому назад, взорвалось, вывалив на дно содержимое трюма. А может, команда выбрасывала за борт все, что попадалось под руку, чтобы корабль остался на плаву. После шторма они подлатали свою посудину и поплыли дальше. Этим можно объяснить тот факт, что Истлейк нашел множество вещей, но ничего ценного. Сокровища, должно быть, остались на корабле.

— И риф не отломил бы киль корабля, который заплыл сюда в восемнадцатом веке? Или в семнадцатом?

Уайрман пожал плечами.

— Крис Шэннингтон говорит, что никто не знает, каким был риф Китта даже сто пятьдесят лет тому назад.

Я посмотрел на лежащую на песке добычу. На улыбающихся девочек. На улыбающегося папочку, которому в скором времени предстояло купить себе новый купальный костюм. И внезапно я решил, что с няней он не спал. Нет. Даже любовница сказала бы ему, что нельзя фотографироваться для газеты в таком старье. Она бы нашла тактичную причину: реальную я видел перед собой, даже после стольких лет, даже с учетом того, что зрение в моем правом глазу восстановилось не полностью. Он слишком разжирел. Только сам он этого не замечал. И дочери не замечали. Любящие глаза не замечают.

Слишком разжирел. И было что-то еще, не так ли? Некое А, которое требовало обязательного Б.

— Я удивлен, что он вообще рассказал о своей находке, — озвучил я эту мысль. — Если б найти такое сегодня и рассказать по «Шестому каналу», половина населения Флориды слетелась бы сюда на своих катерах и принялась бы шарить по дну металлоискателями в поисках дублонов и золотых песо.

— Да, но тогда была другая Флорида, — ответил Уайрман, и я вспомнил, что те же слова слышал от Мэри Айр. — Джон Истлейк был богатым человеком, Дьюма-Ки — его частным заповедником. А кроме того, не нашлось ни дублонов, ни песо, только старинные вещи, которые мало кого могли заинтересовать, вырытые из песка ураганом, случившимся в неурочное время года. Многие недели он нырял за всем этим добром, разбросанным по дну Залива. Очень неглубоко, по словам Шэннингтона. При отливе мог практически дотянуться до всех этих вещей с поверхности. И, конечно же, он рассчитывал найти что-нибудь ценное. Не думаю, что богатство — это прививка от желания найти клад.

— Нет, — согласился я. — Точно не прививка.

— Няня, должно быть, была с ним, когда он обследовал дно в поисках сокровищ. И три девочки, которые находились в доме: близняшки и Элизабет. Мария и Ханна вернулись в школу Брейдена, старшая сестра сбежала в Атланту. Истлейк и его маленькие дочурки, вероятно, устраивали там пикники.

— Как часто? — Я уже понимал, чем все закончится.

— Часто. Может, каждый день, пока добыча была самой богатой. Они протоптали тропу от дома к тому месту, которое называлось Тенистый берег. В полумиле от дома.

— Тропу, по которой две жаждущие приключений маленькие девочки могли пойти вдвоем.

— И однажды они пошли. К всеобщей печали. — Уайрман убрал фотографии в папку. — Здесь есть история, мучачо, и, предполагаю, она более захватывающая, чем история о том, как маленькая девочка проглотила стеклянный шарик, но трагедия — всегда трагедия, а если копнуть до самого дна — все трагедии глупы. Будь моя воля, я бы поставил «Сон в летнюю ночь» выше «Гамлета». Любому дураку, у которого не трясутся руки и хорошие легкие, по силам построить карточный домик и одним дуновением разрушить его, но только гений может заставить людей смеяться.

Он помолчал, погрузившись в раздумья.

— Вот что, вероятно, случилось. В один из апрельских дней 1927 года, когда Тесси и Лауре полагалось спать, они решили встать, тайком пройти по тропе и поохотиться за сокровищами на Тенистом берегу. Вероятно, они хотели войти в воду только

по колено, как им и разрешалось — в одной из газетных заметок цитируется Джон Истлейк, он так и сказал, и Адриана его в этом поддержала.

— Замужняя дочь, которая вернулась.

— Точно. Они с мужем приехали за день или два до официального завершения поисков. Так сказал Шэннингтон. Как бы там ни было, одна из девочек, вероятно, увидела на дне что-то блестящее, чуть дальше от берега, начала барахтаться. Потом...

— Потом вторая сестра попыталась ее спасти. — Да, я мог это видеть. Однажды такое случилось с Лин и Илзе, когда они были маленькими. Не близняшки, но три или четыре года золотого детства они практически не разлучались.

Уайрман кивнул.

— И поток их подхватил. По-другому и быть не могло, амиго. Вот почему тела так и не нашли. Вода унесла их далеко-далеко в caldo largo.

Я уже открыл было рот, чтобы спросить, какой поток, когда вспомнил картину Уинслоу Хомера*, романтическую, но наполненную мощью: «Подводное течение».

Мы оба подпрыгнули, когда внезапно зажужжал аппарат внутренней связи. Уайрман неловко повернулся, сбросил папку на пол, ксерокопии и факсы разлетелись во все стороны.

— Мистер Уайрман! — раздался голос Энн-Мэри Уистлер. — Мистер Уайрман, вы в доме?

— Да, — ответил он.

— Мистер Уайрман? — Медсестра была явно взволнована. Произнесла, словно про себя: — Господи, да где же вы?

— Гребаная кнопка, — пробормотал Уайрман, направился к настенному интеркому, чуть ли не бегом. Нажал на кнопку. — Я здесь. Что не так? Что случилось? Она упала?

— Нет! — воскликнула Энн-Мэри. — Она проснулась! Проснулась и пришла в себя! Спрашивает о вас! Вы придете?

— Тотчас же. — Он повернулся ко мне, улыбаясь во весь рот. — Ты слышал, Эдгар? Пошли! — Он запнулся. — Куда ты смотришь?

---

* Хомер Уинслоу (1836—1910) — известный американский художник-реалист. На многих картинах запечатлена Новая Англия и Флорида. Картина «Подводное течение» написана в 1886 г.

— Сюда. — Я показал ему две фотографии Джона Истлейка в купальном костюме: на одной его окружали все дочери, на второй, сделанной двумя годами позже, по бокам стояли Мария и Ханна.

— Сейчас не до них... ты ее слышал? Мисс Истлейк вернулась! — Он двинулся к двери. Я положил папку на стол и последовал за ним. Мне удалось связать друг с другом эти фотографии — но только потому, что последние месяцы я совершенствовал умение видеть. Только этим и занимался.

— Уайрман! — позвал я. Он уже миновал главный коридор и половину лестницы. Я хромал как мог быстро, но расстояние между нами только увеличивалось. Он подождал меня, хотя ему явно не терпелось продолжить путь. — Кто сказал ему о «захоронении»?

— Истлейку? Полагаю, он наткнулся на него. Подводное плавание было его хобби.

— Я так не думаю... он давно уже не надевал этот купальный костюм. В начале двадцатых он, возможно, и увлекался подводным плаванием, но где-то с середины тысяча девятьсот двадцать пятого года хобби у него появилось другое — сытные обеды. Так кто ему сказал?

Энн-Мэри вышла из двери в конце коридора второго этажа. И такая улыбка озаряла ее лицо (она явно не верила своим глазам), что выглядела медсестра не на сорок, а на двадцать лет.

— Заходите. Это прекрасно...

— Она...

— Да, — донесся до нас надтреснутый, безошибочно узнаваемый голос Элизабет. — Заходи, Уайрман, и позволь мне увидеть твое лицо, пока я еще могу его узнать.

IX

Я остался в коридоре с Энн-Мэри, не зная, как вести себя в такой ситуации. Смотрел на безделушки и на большое старое полотно Фредерика Ремингтона* в дальнем конце коридора,

* Ремингтон Фредерик (1861—1909) — известный американский художник, скульптор, график.

изображающее конных индейцев. Потом меня позвал Уайрман. Нетерпеливо, дрожащим от эмоций голосом.

В комнате с задернутыми шторами царил сумрак. Тихонько шипел кондиционер: воздух поступал через решетку на потолке. На столике у кровати горела лампа под абажуром из зеленого стекла. Кровать напоминала больничную, половину с изголовьем подняли так, что Элизабет практически сидела. Лампа мягко освещала ее, седые волосы падали на розовую ночную рубашку. Уайрман устроился рядом, держа Элизабет за руки. Над кроватью висела единственная в комнате картина: отличная репродукция «Одиннадцати утра» Эдуарда Хоппера, квинтэссенция одиночества у окна, терпеливо ожидающего перемен, любых перемен.

Где-то тикали часы.

Элизабет посмотрела на меня, улыбнулась, и ее лицо вызвало у меня три мысли. Они ударили меня, как камни, каждый следующий — тяжелее предыдущего. Первая — как сильно она исхудала. Вторая — какой выглядела усталой. Третья — жить ей осталось недолго.

— Эдуард, — обратилась она ко мне.

— Нет... — начал я, но она подняла руку (плоть повыше локтя висела дряблым снежно-белым мешком), и я тут же замолчал. Потому что пришла четвертая мысль, и она ударила сильнее всего, словно на меня обрушился не камень, а целый валун. Я смотрел на самого себя. Именно таким видели меня люди, когда я очнулся после несчастного случая, пытаясь собрать воедино разбросанные во все стороны осколки памяти... сокровище, которое в таком нелицеприятном виде тянуло разве что на грязь. Я подумал о том, как забыл имя своей куклы, и уже знал, что последует.

— Я могу это сделать, — сказала она.

— Я знаю, что можете.

— Вы привезли Уайрмана из больницы.

— Да.

— Я так боялась, что они положат его. Я осталась бы одна.

Я промолчал.

— Вы Эдмунд? — смиренно спросила она.

— Мисс Истлейк, не утруждайте себя, — мягко вмешался Уайрман. — Это...

— Помолчи, Уайрман, — оборвал я его. — Она может это сделать.

— Вы рисуете.

— Да.

— Вы уже нарисовали корабль?

Что-то странное произошло с моим желудком. Он вроде бы не опустился, а просто исчез, оставив пустоту между сердцем и остальными внутренностями. Колени попытались подогнуться. Металл в бедре вдруг раскалился. Зато по спине пробежал холодок. И начала зудеть ампутированная рука.

— Да, — кивнул я. — И не один раз.

— Вы — Эдгар.

— Да, Элизабет. Я — Эдгар. Рад за вас, милая.

Она улыбнулась. Должно быть, ее давно не называли милой.

— Мой разум — скатерть с прожженной в ней огромной дырой. — Она повернулась к Уайрману. — Muy divertido, si*?

— Вам нужно отдохнуть, — ответил он. — Если на то пошло, вам нужно dormir como un tronco**.

Она чуть улыбнулась.

— Как бревно. Да. И думаю, когда проснусь, я все еще буду здесь. Какое-то время. — Она поднесла его руки к своим губам, поцеловала. — Я люблю тебя, Уайрман.

— И я люблю вас, мисс Истлейк, — искренне ответил он.

— Эдгар?.. Вы — Эдгар?

— А как вы думаете, Элизабет?

— Да, конечно. У вас должна пройти выставка? Об этом мы говорили до того, как я... — Она опустила веки, будто уснула.

— Да, в галерее «Скотто». Вам нужно отдохнуть.

— Она скоро? Ваша выставка?

— Менее чем через неделю.

— Ваши картины... картины с кораблем... они на материке?

Мы с Уайрманом переглянулись. Он пожал плечами.

— Да, — ответил я.

---

* Очень забавно, да (*исп.*).

** заснуть и спать, как бревно (*исп.*).

— Хорошо. — Элизабет улыбнулась. — Тогда я отдохну. Все остальное может подождать... пока не пройдет выставка. Ваш миг славы. Вы их продаете? Картины с кораблем?

Мы с Уайрманом опять переглянулись. Его взгляд говорил: не расстраивай ее.

— Они помечены «НДП». Это значит...

— Я знаю, что это значит, Эдгар. Я вчера не падала с апельсинового дерева. — Ее глаза сверкнули, окруженные сетью глубоких морщинок, на лице, помеченном печатью смерти. — Продайте их. Сколько бы их ни было, *вы должны продать все*. И как бы трудно вам это ни далось. Продайте их разным людям. Раскидайте по свету. Вы меня понимаете?

— Да.

— Вы это сделаете?

Я не знал, сделаю или нет, но уловил признаки нарастающего возбуждения, свойственного мне самому в не столь уж далеком прошлом.

— Да. — В тот момент я мог пообещать запрыгнуть на Луну в семимильных сапогах, если бы это ее успокоило.

— Даже раскиданные по свету они могут оставаться опасными, — прошептала Элизабет, и ее голос переполнял ужас.

— Достаточно. — Я погладил ее по руке. — Больше не думайте об этом.

— Хорошо. Мы поговорим об этом после вашей выставки. Втроем. У меня прибавится сил... в голове прояснится... и вам, Эдгар, придется учесть мои слова. У вас есть дочери? Я вроде бы помню, что есть.

— Да, и они останутся на материке со своей матерью. В «Ритце». Все уже устроено.

Она улыбнулась, но уголки губ тут же опустились. Словно ее рот начал таять.

— Уложи меня, Уайрман. Я угодила в трясину... провела там сорок дней и сорок ночей... такие у меня ощущения... я так устала.

Он опустил изголовье кровати, и Энн-Мэри принесла на подносе стакан с каким-то лекарством. Но Элизабет не выпила ни капли: уже отключилась. Над ее головой сидела в кресле и вечно смотрела в окно самая одинокая девушка на свете, с лицом

упрятанным за занавес волос, в одних только туфельках на босу ногу.

X

А вот ко мне сон в ту ночь долго не шел — сморил меня только после полуночи. Вода отошла, так что ракушки перестали шептаться. В отличие от голосов в моей голове.

«Другая Флорида, — шептала Мэри Айр. — Тогда была другая Флорида».

«Продайте их. Сколько бы их ни было, *вы должны их продать*», — Элизабет, разумеется.

Взрослая Элизабет. Я слышал и другую Элизабет, но, поскольку мне пришлось выдумать ее голос, я слышал голос Илзе, каким она говорила в далеком детстве.

«Это сокровище, папочка, — прошептал голос. — Ты сможешь достать его, если наденешь маску и трубку. Я могу показать, где его искать».

«Я нарисовала картину».

XI

Поднялся я с зарей. Думал, что снова смогу заснуть, но не получилось. Заснул лишь после того, как принял таблетку оксиконтина, одну из считанных, которые оставались у меня, и позвонил в одно место. Проглотил таблетку, набрал номер «Скотто», услышал, понятное дело, голос автоответчика. В такое время в галерее никого и быть не могло. Люди искусства не жаворонки.

Я нажал 11, внутренний номер Дарио Наннуцци, и после звукового сигнала сказал: «Дарио, это Эдгар. Насчет цикла «Девочка и корабль» я передумал. Все-таки я хочу продать все эти картины. Условие лишь одно — они должны уйти разным людям, если возможно. Спасибо».

Я положил трубку и вернулся в постель. Полежал минут пятнадцать, наблюдая за лениво вращающимися лопастями

потолочного вентилятора и слушая шепот ракушек. Таблетка действовала, но я не засыпал. И знал почему.

Точно знал почему.

Я снова поднялся, прослушал приветственную запись на автоответчике, вновь набрал внутренний номер Дарио. Его голос предложил оставить сообщение после звукового сигнала. «Кроме номера восемь, — добавил я. — Номер восемь по-прежнему НДП».

И *почему* он НДП?

Не потому, что картина была гениальной, хотя именно так я и думал. И не потому, что, глядя на нее, я словно слушал историю, которую рассказывала самая черная часть моего сердца. Причина была в другом: я чувствовал, что-то сохранило мне жизнь, чтобы я нарисовал эту картину, и продать ее — все равно что отречься от моей жизни, забыть всю боль, которую мне пришлось выдержать ради нее.

Да, вот почему.

«Эта картина — моя, Дарио».

Я улегся в кровать и на этот раз уснул.

Как рисовать картину (VII)

Помните, выражение «видеть — значит верить» ставит телегу впереди лошади. Произведение искусства — конкретный артефакт веры и ожидания, воплощение мира, который в противном случае являл бы собой пленку бессмысленного сознания, растянутую над бездной загадочности. А кроме того, если вы не верите тому, что видите, кто поверит вашим творениям?

Проблемы, возникшие после обнаружения сокровища, имели прямое отношение к вере. Элизабет, при всем ее невероятном таланте, была ребенком, а дети воспринимают веру как данность. Она — часть стандартного набора. И дети, в том числе талантливые дети (особенно талантливые дети), далеко не в полной мере владеют своими способностями. Их разум все еще спит, а сон разума рождает чудовищ.

Вот картина, которую я так и не нарисовал:

Неотличимые друг от друга девочки-близняшки, в одинаковых джемперах, только один — красный, с буквой «Л» на груди, а второй — синий, с «Т». Девочки, держась за руки, бегут по тропе, ведущей к Тенистому берегу. Так они называют это место, потому что большую часть дня оно находится в тени Ведьминой скалы. На их пухлых щечках следы слез, но они скоро исчезнут: теперь девочки слишком напуганы, чтобы плакать.

Если вы можете поверить в это, тогда вам удастся увидеть и остальное.

Гигантская ворона медленно пролетает над ними, вверх лапами, с распростертыми крыльями. Обращается к ним голосом папочки.

Ло-Ло падает, ранит колени о ракушки. Тесси поднимает ее на ноги. Они бегут. Их пугает не говорящая ворона, которая ле-

тает лапами вверх. И не небо, которое из синего вдруг становится закатно-красным — а потом вновь синим. Они боятся преследующей их твари.

Большого мальчика.

Даже с зубами он по-прежнему напоминает забавных лягушек, которых раньше рисовала Либбит, но эта гораздо больше и достаточно реальна, чтобы отбрасывать тень. Достаточно реальна, чтобы вонять и всякий раз сотрясать землю, приземляясь после прыжка. Их много чего пугало после того, как папочка нашел сокровище, и Либбит говорит, чтобы они не выходили ночью из своей комнаты и даже не выглядывали в окно, но сейчас день, и тварь позади них слишком уж настоящая, чтобы не верить в нее, и она приближается.

В следующий раз падает Тесси, и Ло-Ло поднимает сестру, бросив испуганный взгляд на преследующую их тварь. Тварь окружают танцующие в воздухе насекомые, и иногда она на ходу сжирает кого-то из них. Ло-Ло может видеть Тесси в одном выпученном немигающем глазу. Себя она видит во втором.

Они выскакивают на пляж, жадно хватая ртом воздух, дыхание у них перехватывает, и дальше бежать некуда, кроме как в воду. Но, может, это и есть путь к спасению, потому что в воде корабль — тот самый, который они видели достаточно часто в последние несколько недель. Либбит говорит, что корабль — совсем не то, что видится, но теперь он — белая мечта спасения. Да и все равно ведь выбора нет. Большой мальчик совсем рядом.

Он вылез из плавательного бассейна, буквально сразу после того, как они закончили играть в свадьбу Ади в Рэмпопо, в детском домике на боковой лужайке (сегодня Ади играла Ло-Ло). Иногда Либбит может заставить этих тварей уйти, что-то нацарапав в своем альбоме, но сейчас Либбит спит: у нее выдалось много тревожных ночей.

Большой мальчик выпрыгивает с тропы на пляж, песок летит во все стороны. Его выпученные глаза смотрят на них. Белое брюхо, набитое зловонными внутренностями, выпирает. Шея пульсирует.

Две девочки (взявшись за руки, они стоят в бурлящей воде, которую папочка называет низким приливом) переглядываются. Потом смотрят на корабль, который покачивается на якоре, со

свернутыми, сверкающими на солнце парусами. Вроде бы он уже и ближе, словно двинулся им на помощь.

Ло-Ло говорит: «Мы должны».

Тесси говорит: «Но я не умею плавать».

«Ты можешь плавать по-собачьи!»

Большой мальчик прыгает. Они слышат, как брюхо шлепает при приземлении. Словно чем-то мокрым ударили по воде. Синева уходит с неба, оно расцвечивается красным. Потом — медленно — вновь становится синим. Такой вот выдался день. И разве они не знали, что такой день грядет? Разве они не видели этого в затравленных глазах Либбит? Няня Мельда знает; даже папочка знает, но он проводит здесь не все время. Сегодня он в Тампе, и, глядя на зеленовато-белый ужас, который почти их настиг, они знают, что Тампа с тем же успехом может быть на обратной стороне луны. Они могут надеяться только на себя.

Тесси сжимает плечо Ло-Ло холодными пальцами: «А как же течение?»

Но Ло-Ло качает головой: «Течение — это хорошо. Течение поможет нам добраться до корабля».

На разговоры времени больше нет. Лягушкообразная тварь вновь изготавливается к прыжку. И девочки понимают: пусть тварь не может быть настоящей, каким-то образом она — настоящая. Она может их убить. Лучше попытать счастья в воде. Они поворачиваются, по-прежнему держась за руки, и бросаются в воду. Они смотрят на белый корабль, покачивающийся на якоре так близко от них. Конечно же, их поднимут на борт, а потом кто-нибудь воспользуется радио, чтобы связаться с «Гнездом». «Мы выловили парочку русалок, — скажут они. — Может, вы знаете, кто их потерял?»

Течение разделяет их руки. Оно не знает жалости, и Ло-Ло тонет первой, потому что яростнее с ним сражается. Тесси слышит, как сестра выкрикивает два слова. Сначала призыв о помощи, потом, смирившись с неизбежным, ее имя.

Тем временем течение тащит Тесси к кораблю и одновременно поддерживает ее на плаву. Несколько чудесных мгновений создается ощущение, что она плывет на маленьком плоту, а собачье бултыхание придает ей скорости. А потом, перед тем как более холодная вода поднимается из глубины и охватывает ее лодыжки, она видит, что корабль превращается в...

Вот картина, которую я рисовал не один раз, а снова, снова и снова:

Белизна корпуса не исчезает; она всасывается внутрь, как кровь, отливающая от щек перепуганного человека. Корабль теперь совсем другой: канаты обтрепаны, краски выцвели, стекла в окнах кормовой каюты разбиты. На палубе мусор перекатывается с кормы на нос и обратно. И так было всегда. Просто Тесси ничего этого не видела. Теперь видит.

Теперь верит.

Кто-то появляется на палубе. Подползает к поручню, смотрит сверху на девочку. Сутулящаяся фигура в красном одеянии с капюшоном. Волосы (возможно, и не волосы) влажными патлами обрамляют сливающееся с капюшоном лицо. Желтые руки хватаются за растрескавшееся гниющее дерево. Фигура медленно поднимается.

И машет рукой девочке, которая скоро ИСЧЕЗНЕТ.

Потом фигура говорит: «Иди ко мне, дитя».

И утопающая Тесси Истлейк думает: «Это ЖЕНЩИНА».

Она уходит под воду. Чувствует ли она, как еще теплые руки, руки только что умершей сестры, хватают ее за ноги и тащат вниз?

Да, разумеется. Разумеется, она чувствует.

Верить — также и чувствовать.

Вам это скажет любой художник.

Глава 13
ВЫСТАВКА

1

Если ваша жизнь будет достаточно долгой, и ваша думающая машинка в голове не зависнет, наступит время, когда вы будете жить исключительно ради воспоминания о последнем счастливом событии. Это не пессимизм, это логика. Я надеюсь, что под моим списком счастливых событий черта еще не подведена (если бы я придерживался иного мнения, жить не имело бы смысла), но промежуток между последним имевшим место быть и следующим затягивается. Последнее я помню отлично. Произошло оно более четырех лет назад, вечером пятнадцатого апреля, в галерее «Скотто». Между семью сорока пятью и восемью часами, когда в тенях на Пальм-авеню только начали появляться первые мазки синего. Время я знаю точно, потому что постоянно поглядывал на часы. В галерее уже собрался народ (залы были набиты битком и даже чуть больше), но моя семья еще не прибыла. Ранее я повидался с Пэм и Илзе, и Уайрман заверил меня, что самолет Мелинды приземлился в назначенное время, но до галереи они еще не добрались. И не позвонили.

В нише по левую руку от меня, где бар и восемь картин «Закат с...» собрали толпу, музыкальное трио из местной консерватории бренькало похоронную версию джазовой композиции «My Funny Valentine». Мэри Айр (с бокалом шампанского в руке, но еще трезвая) разглагольствовала о чем-то художественном перед группой внимательных слушателей. Справа от меня на-

ходился зал побольше, где устроили шведский стол. На одной стене висели картины «Розы, растущие из ракушек» и «Я вижу луну», на другой — три вида Дьюма-роуд. Я заметил, что некоторые люди фотографируют их камерами, встроенными в мобильники, хотя при входе на треножнике стояла табличка, на которой четко и ясно большими буквами указывалось, что фотосъемка запрещена.

Я обратил на это внимание проходившего мимо Джимми Йошиды, он кивнул, но не рассердился, не выказал ни малейшего раздражения, скорее, выглядел ошеломленным.

— Здесь так много людей, которых я никак не связываю с миром искусства и даже просто не знаю. На моей памяти впервые выставка собирает столько народу.

— Это плохо?

— Господи, нет! Но после стольких лет, ушедших на то, чтобы удержаться на плаву, такой успех очень уж непривычен.

Центральный зал галереи «Скотто» был достаточно большим, что в этот вечер пришлось очень кстати. Хотя еда, выпивка и музыка находились в залах поменьше, именно здесь, в центральном зале, собрались гости. Картины цикла «Девочка и корабль», подвешенные на почти невидимых шнурах, занимали середину зала. «Смотрящего на запад Уайрмана» определили на дальнюю стену. На всей выставке только эту картину да «Девочку и корабль № 8» я пометил наклейками «НДП». «Уайрмана» — потому что картина принадлежала ему, «№ 8» — потому что просто не мог заставить себя ее продать.

— Что, вздремнуть так и не удалось? — раздался слева от меня голос Анжела Слоботника, как и всегда, игнорировавшего тычки локтем в бок от собственной жены.

— Нет, я бодрый как никогда, просто...

Мужчина в костюме стоимостью не меньше двух тысяч баксов протянул мне руку.

— Генри Вестик, Первый сарасотский банк. Частные вклады. Ваши картины — удивительные, мистер Фримантл. Я поражен. Потрясен.

— Благодарю, — ответил я и подумал, что он забыл сказать: «ВЫ НЕ ДОЛЖНЫ ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ НА ДОСТИГНУТОМ». — Вы очень добры.

Между его пальцев появилась визитная карточка. Как в трюке уличного фокусника. С тем лишь отличием, что уличные фокусники не носят костюмы «от Армани».

— Если я смогу что-нибудь сделать для вас... На обороте я написал мои телефоны — домашний, сотовый, рабочий.

— Вы очень добры, — повторил я. Другие слова в голову не лезли. Да и что, по мнению мистера Вестика, я мог еще сделать? Позвонить ему домой и опять поблагодарить? Попросить ссуду и предложить в залог картину?

— Вы позволите подойти с женой и представить ее вам? — спросил он, и выражение его глаз показалось мне знакомым. Он смотрел на меня хоть и не совсем так, как Уайрман, осознавший, что я перекрыл кислород Кэнди Брауну, но близко к тому. Словно немного меня боялся.

— Разумеется, — кивнул я, и Вестик отошел.

— Ты строил отделения банков для таких парней, как этот, а потом тебе приходилось ругаться с ними потому, что они не хотели оплачивать непредвиденные расходы, — заметил Анджел. Он был в синем костюме, который провисел в шкафу не один год и теперь буквально лопался на нем, как на Невероятном Халке*. — Тогда он принял бы тебя за какого-нибудь зануду, который пытается испортить ему день. А теперь смотрит так, словно ты срешь золотыми пряжками для ремня.

— Анжел, прекрати! — воскликнула Элен Слоботник, одновременно тыча супруга локтем и пытаясь добраться до его бокала с шампанским. Анжел отвел бокал за пределы ее досягаемости.

— Скажи ей, что это правда, босс.

— Скорее да, чем нет, — согласился с ним я.

И так на меня смотрел не только банкир. Еще и женщины... да, да. Когда наши взгляды встречались, я улавливал некую томность, раздумья на предмет, смогу ли я обнимать их только одной рукой. Бред, конечно, но...

Кто-то схватил меня сзади, чуть не швырнул на пол. Я бы расплескал все шампанское из бокала, если бы Анжел ловко не выхватил его из моей руки. Обернувшись, я увидел улыбающу-

* Невероятный Халк (The Incredible Hulk) — супергерой комиксов, мультфильмов, телефильмов, фильмов.

юся Кэти Грин. Наряд физкультурницы-гестаповки она, вероятно, оставила в Миннесоте и на выставку пришла в коротком, поблескивающем зеленом платье, которое плотно облегало ее ладную фигуру, и на таких высоких каблуках, что макушкой доставала мне до лба. Позади нее возвышался Кеймен. Его огромные глаза доброжелательно оглядывали зал сквозь очки в роговой оправе.

— Господи, Кэти! — воскликнул я. — А если б я шлепнулся на пол, что б тогда?

— Тогда бы я заставила тебя сделать пятьдесят поднятий торса из положения лежа. — Она улыбнулась еще шире. Ее глаза наполнились слезами. — Как и обещала по телефону. Какой загар, симпатичный ты наш! — Она заплакала и обняла меня.

Я обнял ее в ответ, потом пожал руку Кеймену. Моя кисть полностью исчезла в его ладони.

— Ваш самолет идеально подходит для людей моих габаритов, — пророкотал доктор. Люди начали поворачиваться на его голос. Бас у него был, как у Джеймса Эрла Джонса*. Озвученное таким голосом рекламное объявление в супермаркете воспринимается как Глас Божий. — Я получил огромное удовольствие, Эдгар.

— Это не мой самолет, но я рад. Хотите...

— Мистер Фримантл?

Ко мне обратилась очаровательная рыжеволосая девушка, груди которой — щедро обсыпанные веснушками — грозили вывалиться из декольте крошечного розового платья. Она смотрела на меня большущими зелеными глазами. На вид ей было не больше лет, чем моей дочери Мелинде. Прежде чем я успел вымолвить хоть слово, девушка протянула руку, мягко сжала мои пальцы.

— Я просто хотела прикоснуться к руке, которая нарисовала все эти картины, — продолжила она. — Эти прекрасные, пугающие картины. Господи, вы потрясающий художник! — Она подняла мою руку, поцеловала ее. Потом приложила к одной

* Джонс Джеймс Эрл (р. 1931) — американский актер театра и кино, лауреат многочисленных премий. Знаменит своим зычным басом. В частности, в роли Дарта Вадера в «Звездных войнах» его узнают только по голосу.

груди. Сквозь тонкий шифон я почувствовал твердую вишенку соска. И рыженькая растворилась в толпе.

— И часто такое случается? — спросил Кеймен, а Кэти одновременно с ним поинтересовалась: — Так вот, значит, какие плоды развода ты пожинаешь, Эдгар? — Они переглянулись и мгновением позже расхохотались.

Я понял, над чем они смеются (Эдгар на месте Элвиса), но мне все это казалось странным. Залы галереи вдруг начали напоминать подводный грот, и я понял, что могу нарисовать их такими: пещеру с картинами на стенах, картинами, на которые смотрит косяк рыболюдей, тогда как «Трио Нептуна» пускает пузыри в ритме какой-нибудь веселой песенки.

Странно, так странно. Мне недоставало Уайрмана и Джека (они пока не появились), но еще больше — моих ближайших родственников. Особенно Илли. Если б они находились рядом, я, возможно, ощутил бы, что все происходит наяву. Я глянул на дверь.

— Если вы высматриваете Пэм и девочек, думаю, они вот-вот будут, — сказал Кеймен. — У Мелинды что-то случилось с платьем, и она пошла переодеться.

«У Мелинды, — подумал я. — Конечно, задержаться они могли только из-за Мел...»

И вот тут я увидел их, прокладывающих путь сквозь толпу арт-зевак. На общем загорелом фоне северная белизна лиц сразу выдавала в них чужаков. Том Райли и Уильям Боузман-третий (незабвенный Боузи), оба в темных костюмах, шагали следом. Они остановились, чтобы взглянуть на три моих ранних рисунка, которые Дарио поместил у двери, объединив в триптих. Первой меня заметила Илзе.

— Папуля! — воскликнула она и прорезала толпу, как буксир, таща за собой баржи — мать и сестру. За Лин следовал высокий молодой человек. Пэм на ходу помахала мне рукой.

Я оставил Кеймена, Кэти и Слоботников (Анжел по-прежнему держал мой бокал). Кто-то обратился ко мне: «Мистер Фримантл, вас не затруднит ответить на...» — но я даже не посмотрел в его сторону. В этот момент я видел только сияющее лицо Илзе и ее счастливые глаза.

Мы встретились перед плакатом: **«ГАЛЕРЕЯ «СКОТТО» ПРЕДСТАВЛЯЕТ «ВЗГЛЯД С ДЬЮМЫ» — КАРТИНЫ И РИСУНКИ ЭДГАРА ФРИМАНТЛА».** Я обратил внимание, что на Илзе новое бирюзовое платье, которого не видел раньше, а забранные наверх волосы открывают лебединую шею, отчего моя младшая дочь казалась на удивление взрослой. Я ощущал невероятную, сокрушающую любовь к ней и благодарность за то, что точно такую же любовь она испытывает ко мне — это было в ее глазах. Потом я обнял дочь.

Через мгновение Мелинда оказалась рядом, ее молодой человек возвышался позади нее (и над ней — словно длинный, высокий вертолет). Одной рукой я не мог обнять обеих дочерей, но у Мелинды руки были свободны: она обняла меня и поцеловала в щеку:

— Bonsoir, папа! Поздравляю!

А передо мной уже возникла Пэм, женщина, которую не так уж и давно я назвал бросающей меня сумкой. Она пришла на выставку в темно-синем брючном костюме, светло-синей шелковой блузке, с ниткой жемчуга на шее. В скромных сережках. В скромных, но из хорошей кожи туфлях на низком каблуке. Миннесота во всей красе. Пэм, несомненно, пугали все эти люди и необычная обстановка, но с ее лица все равно не сходила оптимистичная улыбка. За время нашей совместной жизни Пэм проявляла себя по-разному, но никогда не впадала в отчаяние.

— Эдгар? — нерешительно спросила она. — Мы по-прежнему друзья?

— Будь уверена. — Я легонько поцеловал ее, но обнял крепко — насколько это возможно для однорукого мужчины. Илзе держалась с одной стороны, Мелинда — с другой, прижимаясь ко мне так сильно, что болели ребра, но я не обращал на это внимания. Откуда-то издалека донеслись аплодисменты.

— Ты хорошо выглядишь, — прошептала мне на ухо Пэм. — Нет, выглядишь ты прекрасно. Я могла бы не узнать тебя на улице.

Я отступил на шаг, окинул ее взглядом с головы до ног.

— Да и ты дивно хороша.

Она рассмеялась, покраснела — незнакомка, с которой я столько лет делил постель.

— Макияж прикрывает множество пороков.

— Папочка, это Рик Дуссо.

— Bonsoir и мои поздравления, monsieur Фримантл. — Рик держал в руках плоскую белую коробку, а теперь протянул ее мне: — От Линни и меня. Un cadeau. Подарок?

Что означает un cadeau, я, разумеется, знал, но истинным откровением для меня стало экзотическое звучание уменьшительного имени моей дочери, которое придавал ему французский выговор. Вот тогда-то я и понял, что Мелинда теперь скорее его девочка, нежели моя.

У меня создалось впечатление, что почти все гости галереи собрались вокруг, чтобы посмотреть, как я буду открывать коробку с подарком. Том Райли навис над плечом Пэм. Боузи стоял рядом с ним. Маргарет Боузман, оказавшаяся позади своего мужа, послала мне воздушный поцелуй. Я видел Тодда Джеймисона, врача, который спас мне жизнь... двух дядьев и двух тетушек... Руди Радник, моего секретаря в прошлой жизни... Кеймена, само собой, — такого поневоле заметишь... и Кэти. Пришли все, за исключением Уайрмана и Джека, и я начал беспокоиться: вдруг что-то случилось и задержало их. Но на мгновение тревоги эти отступили на второй план. Я подумал о том, как пришел в себя на больничной койке, ничего не соображающий, отрезанный от мира безжалостной болью; потом посмотрел на гостей и удивился: неужто все может так кардинально перемениться? Все эти люди на один вечер вернулись в мою жизнь. Я не хотел плакать, но практически не сомневался в том, что слез не избежать; чувствовал, что расползаюсь, как папиросная бумага под ливнем.

— Открой ее, папочка! — воскликнула Илзе. Я чувствовал аромат ее духов, сладкую свежесть.

— Откройте! Откройте! — благожелательно поддержали ее из толпы.

Я открыл коробку. Поднял тонкую бумагу, увидел то, что и ожидал... только я ожидал что-то шутливое, а подарок на шутку не тянул. Мелинда и Рик купили мне берет из темно-красного бархата, на ощупь гладкого, как шелк. Не какую-то дешевку.

— Он слишком хорош, — пробормотал я.

— Нет, папочка, — возразила Мелинда. — Не слишком. Мы надеемся, что он будет тебе впору.

Я достал берет из коробки, поднял его над головой. Одобрительное «А-а-ах!» пронеслось над толпой. Мелинда и Рик радостно переглянулись, а Пэм (которая всегда — и, вероятно, небезосновательно — подозревала, что Лин не получала от меня положенной ей доли любви и одобрения), сияя, посмотрела на меня. Я надел берет, и он идеально мне подошел. Мелинда слегка его поправила, отступила на шаг и протянула ко мне руки, воскликнув: «Voici mon pere, ce magnifique artiste!»* Вокруг захлопали, закричали «Браво!» Илзе поцеловала меня. Она плакала и смеялась. Я помню белоснежную ранимость ее шеи и ощущения от прикосновения губ чуть повыше моего рта.

Я был королем бала, и меня окружала моя семья. Ярко горели люстры, искрилось шампанское, играла музыка. Произошло все это четырьмя годами раньше, пятнадцатого апреля, между семью сорока пятью и восемью часами, когда в тенях на Пальм-авеню только начали появляться первые мазки синего. Я дорожу этим воспоминанием.

ii

Я водил их по галерее — Тома, Боузи и остальных гостей из Миннесоты. Возможно, многие посетители попали сюда впервые, но люди вежливо расступались, чтобы пропустить нас.

Мелинда целую минуту простояла перед «Закатом с сафорой», потом повернулась ко мне, и в ее голосе зазвучали чуть ли не обвиняющие нотки:

— Если ты всегда мог это делать, папа, почему, скажи на милость, ты потратил тридцать лет жизни на строительство всех этих сараев?

— Мелинда Джин! — одернула ее Пэм, но как-то рассеянно. Смотрела она на висящие в центре зала картины цикла «Девочка и корабль».

— Но это же правда, — не успокаивалась Мелинда. — Скажи, папа!

* Это мой отец, он замечательный художник! (*фр.*)

— Милая, я не знаю.

— Как ты мог носить в себе такой талант и не знать об этом? — продолжила она допрос.

Ответа у меня не было, но мне на помощь пришла Элис Окойн:

— Эдгар, Дарио спрашивает, не могли бы вы на несколько минут заглянуть в кабинет Джимми? Я с радостью проведу ваших родственников в центральный зал, и вы к ним там присоединитесь.

— Хорошо... что-то стряслось?

— Не волнуйтесь, они улыбаются, — ответила Элис и улыбнулась сама.

— Иди, Эдгар, — кивнула Пэм и повернулась к Элис: — Я привыкла к тому, что его вечно куда-то вызывают. Когда мы были женаты, это происходило постоянно.

— Папа, а что означает красный кружок на раме? — спросила Илзе.

— Он указывает на то, что картина продана, дорогая, — ответила Элис.

Я повернулся к «Закату с сафорой» и... все так — в верхнем правом углу рамы краснел маленький кружок. Мне он понравился (приятно осознавать, что здесь не только зеваки, привлеченные на выставку увечьем мазилы), но сердце все равно защемило, и я задался вопросом, нормально это или нет. Ответа на него у меня не нашлось. Других художников я не знал, так что спросить было не у кого.

iii

В кабинете, кроме Дарио и Джимми, я увидел мужчину, которого раньше не встречал. Дарио представил его как Джейкоба Розенблатта, бухгалтера, который вел счета галереи «Скотто». Мое сердце екнуло, когда я пожимал его руку. Мою пришлось вывернуть, потому что он подал правую, как поступало большинство. Что делать, это мир правшей.

— Дарио, у нас какие-то проблемы? — спросил я.

Дарио поставил серебряное ведерко на стол Джимми. В нем, усыпанная кусочками льда, чуть под наклоном стояла бутылка шампанского «Перрье-Жуэ». В галерее подавали хорошее шампанское, но не настолько хорошее. Пробку вытащили недавно, из зеленого горлышка шел легкой парок.

— Это похоже на проблемы? — спросил Дарио. — Я бы попросил Элис привести вашу семью, но кабинет слишком маленький. Кто тут должен быть, так это Уайрман и Джек Кантори. Где они, черт бы их побрал? Я думал, они приедут вместе.

— Я тоже. Вы звонили в дом Элизабет Истлейк? В «Гнездо цапли»?

— Конечно, — кивнул Дарио. — Пообщался с автоответчиком.

— Медсестра Элизабет не взяла трубку? Энн-Мэри?

Он покачал головой.

— Только автоответчик.

Перед моим мысленным взором возникла сарасотская Мемориальная больница.

— Мне это не нравится.

— Может, они втроем едут сюда, — предположил Розенблатт.

— Думаю, это маловероятно. Элизабет слишком ослабла, она задыхается. И больше не может пользоваться ходунками.

— Я уверен, что скоро все прояснится, — вмешался Джимми. — А пока нам следует поднять фужеры.

— Вы тоже должны поднять фужер, Эдгар, — добавил Дарио.

— Спасибо, вы очень добры, я бы с радостью с вами выпил, но за дверью моя семья, и мне хочется показать им остальные картины, если вы не возражаете.

— Мы понимаем, — сказал Джимми, — но...

Его прервал Дарио, голос его звучал предельно спокойно:

— Эдгар, выставка продана.

Я посмотрел на него.

— Простите?

— У вас не было возможности пройтись по галерее и заметить все красные метки. — Джимми улыбался, лицо его пылало. — Все картины и рисунки, выставленные на продажу, куплены.

— Но... — Мои губы онемели. Я наблюдал, как Дарио поворачивается и берет с полки над столом поднос с фужерами (с таким же цветочным рисунком, что и на бутылке «Перрье-Жуэ»). — Но за «Девочку и корабль номер семь» вы запросили сорок тысяч долларов!

Из кармана простого черного костюма Розенблатт достал свернувшуюся в рулон бумажную ленту, определенно из счетной машинки.

— Картины проданы за четыреста восемьдесят семь тысяч долларов, рисунки — за девятнадцать. Итого — чуть больше полумиллиона. Это самая крупная сумма, которую когда-либо зарабатывала галерея «Скотто», выставляя лишь одного художника. Потрясающий результат. Поздравляю.

— Все проданы? — Я едва услышал собственный голос и перевел взгляд на Дарио. Тот кивнул и протянул мне фужер.

— Если вы примете решение продать «Девочку и корабль номер восемь», я уверен, что эта картина принесет сто тысяч долларов.

— Двести, — поправил его Джимми.

— За Эдгара Фримантла, на старте блестящей карьеры! — произнес тост Розенблатт и поднял фужер. Мы последовали его примеру и выпили, не зная, что моя блестящая карьера, с чисто практической точки зрения, уже закончилась.

Тут мы прокололись, мучачо.

iv

Когда я, лавируя в толпе, направлялся к своей семье, пытаясь на ходу улыбаться и обрывая все попытки других гостей завязать со мной беседу, меня окликнул Том Райли:

— Босс, они невероятно хороши, но немного страшноваты.

— Как я понимаю, это комплимент? — По правде говоря, мне страшноватым представлялся разговор с Томом, с учетом того, что я для него сделал.

— Безусловно, комплимент. Послушай, ты идешь к своим. Я, пожалуй, пройдусь по залам. — Он уже начал отходить, но я схватил его за локоть.

— Останься со мной. Вместе мы преодолеем все преграды. А в одиночку я, возможно, не доберусь до Пэм с девочками и к девяти часам.

Он рассмеялся. Старина Томми выглядел хорошо. Набрал несколько фунтов после того дня на озере Фален, но я где-то читал, что это побочное действие антидепрессантов, особенно для мужчин. Прибавка в весе пошла ему только на пользу: лицо уже не было осунувшимся.

— Как тебе жилось, Том?

— Ну... по правде говоря... мучила депрессия. — Он поднял руку, чтобы отмахнуться от сочувствия, которого я не предложил. — Причина в биохимическом сдвиге и гребаной зависимости от таблеток. Поначалу они туманят мозги... мне, во всяком случае, туманили. Я даже на какое-то время перестал их принимать, но теперь снова начал, и жизнь опять выглядит не такой мрачной. То ли действуют искусственные эндорфины, то ли дает о себе знать весна в Стране миллиона озер.

— А «Фримантл компани»?

— Работает с прибылью, но не так хорошо, как раньше. Я летел сюда с мыслью, что надо бы уговорить тебя вернуться, но посмотрел на картины и понял, что твои дни в строительном бизнесе уже в прошлом.

— Да, я тоже так думаю.

Он указал на полотна в центральном зале.

— Что они означают? В смысле, на самом деле. Знаешь — я могу сказать такое далеко не всем, — мне они напоминают то, что творилось у меня в голове, когда я не принимал таблетки.

— Это всего лишь выдумка, — ответил я. — Тени.

— Я кое-что знаю о тенях, — кивнул Том. — Главное тут — проявлять осторожность, чтобы они не отрастили зубы. Потому что они это могут. А потом, когда ты протягиваешь руку к выключателю, чтобы свет заставил их уйти, выясняется, что электричество вырубилось.

— Но теперь-то тебе лучше?

— Да. Пэм мне в этом здорово помогла. Могу я сказать о ней то, что ты, возможно, и так знаешь?

— Конечно. — Я только надеялся, что речь пойдет не о ее привычке смеяться во время оргазма.

— У твоей бывшей сильная интуиция, а вот доброты мало. Это странное и жестокое сочетание.

Я молчал... и не потому, что не соглашался с ним.

— Не так уж и давно она поговорила со мной о том, что я должен заботиться о себе, и ее слова возымели действие.

— Да?

— Да. И судя по ее лицу, она хочет что-то сказать и тебе, Эдгар. Я думаю, мне лучше найти твоего друга Кеймена и обменяться впечатлениями. Извини.

Девочки и Рик стояли около «Смотрящего на запад Уайрмана» и о чем-то весело болтали. Пэм, однако, застыла перед картинами «Девочка и корабль», которые висели, как постеры кинофильмов, и на ее лице отражалась тревога. Не злость, а именно тревога. Замешательство. Она подозвала меня и, как только я подошел, не стала терять времени.

— Маленькая девочка на этих картинах — Илзе? — Она указала на «№ 1». — Я подумала сначала, что вот эта, с рыжими волосами, — кукла, которую доктор Кеймен подарил тебе после несчастного случая, но у Илзе в детстве было точно такое платье с крестиками-ноликами. Я покупала его в «Ромперсе» А вот это... — Теперь она указывала на «№ 3». — Могу поклясться, в этом платье она пошла в первый класс. Была в нем, когда сломала руку, вечером после автомобильных гонок.

Приехали. Я помнил, что Илзе сломала руку после возвращения из церкви, но это был всего лишь маленький водоворот в плавном потоке памяти. Потому что речь шла о более важном. Пэм находилась в уникальном положении, она могла видеть сквозь пускаемую в глаза пыль, которую критикам нравится называть искусством — по крайней мере в моем случае могла. В этом аспекте, как и во многих других, она оставалась моей женой. Судя по всему, только время может узаконить развод. Да и то, такой развод будет лишь отчасти отражать реальность.

Я развернул Пэм к себе. За нами наблюдало множество людей, и, полагаю, им казалось, будто мы обнимаемся. В какой-то степени так оно и было. Я заметил ее широко раскрытые, удивленные глаза, а потом зашептал на ухо:

— Да, девочка на лодке — Илзе. Я нарисовал ее неосознанно. Потому что все, что есть на этих картинах, появилось неосоз-

нанно. Я даже не понимал, что именно буду рисовать, пока не начал. И поскольку на картине она сидит спиной, никто об этом не узнает, если только ты или я никому не скажем. Я не скажу. Но... — Я отпрянул. Глаза моей бывшей жены оставались широко раскрытыми, губы приоткрылись, как для поцелуя. — Пэм, что тебе сказала *Илзе*?

— Нечто очень странное. — Она взяла меня за рукав и подвела к «№ 7» и «№ 8». На этих картинах девочка была в зеленом платье, бретельки которого пересекались на спине. — Она сказала, что ты, должно быть, читаешь ее мысли, поскольку этой весной она заказала точно такое же платье в интернет-магазине «Ньюпорт-Ньюс».

Пэм вновь посмотрела на картины. Я молча стоял рядом, не мешая ей.

— Мне они не нравятся, Эдгар. Они отличаются от остальных, и мне они не нравятся.

Я подумал о недавней фразе Тома Райли: «У твоей бывшей сильная интуиция, а вот доброты мало».

Пэм понизила голос:

— Ты не знаешь об Илли чего-то такого, чего тебе знать не положено? Как ты знал о...

— Нет, — ответил я, но цикл «Девочка и корабль» теперь тревожил меня даже больше, чем раньше. Отчасти потому, что я впервые увидел все картины, вывешенные рядом. При соединении вместе их воздействие обретало кумулятивный эффект.

«Продайте их, — безапелляционно требовала Элизабет. — Сколько бы их ни было, вы должны продать все».

И я мог понять, почему она так сказала. Мне самому не нравилось, что моя дочь — пусть даже в образе ребенка, каким она давно уже не была — находится в столь опасной близости от этой гниющей посудины. И если на то пошло, меня удивило, что Пэм испытывала только замешательство и беспокойство. Но, разумеется, картины еще не успели по-настоящему воздействовать на нее.

И потом их же вывезли с Дьюма-Ки.

Молодежь присоединилась к нам. Рик и Мелинда обнимали друг друга за талию.

— Папочка, ты — гений! — воскликнула Мелинда. — Рик тоже так думает, не правда ли, Рик?

— Безусловно! Я пришел, рассчитывая похвалить ваши работы... из вежливости. А теперь подбираю слова, чтобы сказать, что я потрясен.

— Вы очень добры, — ответил я. — Mercì.

— Я так горжусь тобой, папа! — Илзе прижалась ко мне.

Пэм закатила глаза, и в этот момент я бы с радостью дал ей пинка. Вместо этого я обнял Илзе и поцеловал в маковку. И тут же от входной двери галереи «Скотто» донесся прокуренный голос Мэри Айр, изумленной до крайности: «Либби Истлейк! Я не верю своим чертовым глазам!»

А я не поверил своим ушам, но от входной двери, где собрались истинные ценители, чтобы обменяться впечатлениями и вдохнуть свежего вечернего воздуха, донеслись аплодисменты, и я понял, почему задержались Джек и Уайрман.

V

— Что такое? — спросила Пэм. — Кто это?

Я взял ее за руку и направился к двери. Илли шла рядом с матерью, а Линни и Рик последовали за нами. Аплодисменты усилились. Люди поворачивались и вытягивали шеи.

— Кто это, Эдгар? — повторила Пэм.

— Мои лучшие друзья с острова, — я повернулся к Илзе, — одна из них — та женщина на дороге, помнишь? Она оказалась не невестой, а дочерью крестного отца. Ее зовут Элизабет Истлейк, и она очень милая.

Глаза Илзе весело заблестели.

— Та старушка в больших синих кедах?

Толпа (многие аплодировали) раздалась, пропуская нас, и рядом с входной дверью (по сторонам стояли столы, на каждом — по чаше пунша) я наконец увидел всю троицу. Глаза защипало, в горле возник комок. Джек по столь торжественному поводу надел синевато-серый костюм и пригладил обычно непокорные волосы, так что выглядел он теперь, как молодой сотрудник «Бэнк оф Америка» — или как необычайно высокий

семиклассник, пришедший в университет на День открытых дверей. Уайрман, который катил кресло Элизабет, прибыл в выцветших джинсах без ремня и белой льняной рубашке с круглым воротником, подчеркивающей его загар. Волосы он зачесал назад, и впервые я осознал, какой он красавец. Ничуть не уступает пятидесятилетнему Харрисону Форду.

Но, разумеется, все взгляды приковала к себе Элизабет. Именно ей адресовались эти аплодисменты — даже от новичков, которые понятия не имели, кого видят перед собой. На ней был черный брючный костюм из грубой хлопчатобумажной ткани, теперь великоватый для нее, но элегантный. Забранные наверх волосы накрывала тоненькая сетка, сверкающая, как бриллианты, под светом потолочных ламп. На шее на золотой цепочке висел резной кулон из слоновой кости, а на ногах были не синие франкенштейновские кеды, но изящные темно-алые лакированные туфельки. Между указательным и средним узловатыми пальцами левой руки торчал золотой мундштук с нераскуренной сигаретой.

Элизабет поворачивала голову то вправо, то влево и улыбалась. Когда Мэри подошла к креслу, Уайрман остановился, давая возможность более молодой женщине поцеловать Элизабет в щеку и что-то шепнуть на ухо. Элизабет выслушала, кивнула. Потом что-то прошептала в ответ. Мэри хрипло рассмеялась, погладила Элизабет по руке.

Кто-то протиснулся мимо меня. Джейкоб Розенблатт, бухгалтер, со слезами на глазах и покрасневшим носом. За ним следовали Дарио и Джимми. Розенблатт опустился на колени у ее кресла, суставы хрустнули, как выстрелы из стартового пистолета.

— Мисс Истлейк! Мисс Истлейк, как давно мы вас не видели, а теперь... какой чудесный сюрприз!

— И я рада видеть тебя, Джейк. — Она прижала его лысую голову к своей груди, словно положила на нее очень большое яйцо. — Красивый, как Богарт! — Тут Элизабет увидела меня... и подмигнула. Я подмигнул в ответ, но удерживать счастливую маску на лице удавалось с трудом. Несмотря на улыбку, выглядела Элизабет изможденной, смертельно уставшей.

Я поднял глаза на Уайрмана, и он едва заметно пожал плечами. «Она настояла», — означал тот жест. Я перевел взгляд на Джека, и тот отреагировал точно так же.

Розенблатт тем временем лихорадочно рылся в карманах. Наконец вытащил книжицу спичек, такую потрепанную, что, должно быть, она попала в Соединенные Штаты без паспорта через Эллис-Айленд*. Раскрыл, оторвал одну спичку.

— Я думала, что курение в общественных зданиях запрещено, — заметила Элизабет.

Розенблатт пожал плечами. Шея его покраснела. Я даже испугался, что голова у него сейчас взорвется. Наконец он воскликнул:

— На хер правила, мисс Истлейк!

— *БРАВИССИМО!* — прокричала Мэри, засмеялась и вскинула руки к потолку, вызвав очередной взрыв аплодисментов. Еще громче захлопали, когда Розенблатту наконец-то удалось зажечь древнюю картонную спичку и поднести огонек к сигарете: Элизабет уже зажала губами кончик мундштука.

— Кто она, папочка? — спросила Илзе. — Помимо того, что живет по соседству?

— Если верить газетам, одно время она играла активную роль в культурной жизни Сарасоты.

— Не понимаю, почему это дает ей право отравлять наши легкие сигаретным дымом? — фыркнула Линни. Вертикальная складка вновь появилась меж ее бровей.

Рик улыбнулся.

— Cherie, после всех баров, в которых мы побывали...

— Здесь таких баров нет! — Вертикальная складка углубилась, и я подумал: «Рик, ты, конечно, француз, но тебе предстоит еще многое узнать об этой американской женщине».

Элис Окойн что-то шепнула Дарио, и тот достал из кармана жестяную коробочку с мятными пастилками. Высыпал их себе на ладонь, коробочку протянул Элис. Она передала коробочку Элизабет, которая поблагодарила девушку и стряхнула сигаретный пепел в жестянку.

---

* Эллис-Айленд — небольшой остров к югу от Манхэттена. В 1892—1943 гг. — главный центр по приему иммигрантов.

Пэм какое-то время как зачарованная наблюдала за Элизабет, потом повернулась ко мне.

— И что она думает о твоих картинах?

— Не знаю, — ответил я. — Она их еще не видела.

Элизабет взмахом руки предложила мне подойти.

— Вы познакомите меня со своей семьей?

Я познакомил: начал с Пэм и закончил Риком. Джек и Уайрман также обменялись рукопожатиями с Пэм и девочками.

— После всех наших телефонных разговоров очень приятно наконец-то увидеть вас вживую, — улыбнулся Уайрман Пэм.

— Взаимно. — Пэм оглядела его с головы до ног. Должно быть, увиденное ей понравилось. Потому что ее лицо осветила искренняя улыбка. — Мы сделали все, чтобы выставка состоялась, не так ли? Он нам жизнь не облегчал, но мы своего добились.

— В искусстве легких путей нет, девушка, — прокомментировала Элизабет.

Пэм посмотрела на нее, по-прежнему сияя искренней улыбкой — той самой, в которую я когда-то влюбился.

— Знаете, меня уже давно никто не называл девушкой.

— Для меня вы юная и прекрасная, — ответила Элизабет. Сейчас она ничуть не напоминала ту женщину, что неделей раньше сидела в этом самом инвалидном кресле, ссутулившись, наклонившись вперед, бормоча под нос что-то нечленораздельное. Пусть выглядела Элизабет крайне изможденной, передо мной был совершенно другой человек. — Но не такая юная и прекрасная, как ваши дочери. Девочки, ваш отец — очень талантливый человек.

— Мы им гордимся, — ответила Мелинда, теребя пальцами ожерелье.

Элизабет ей улыбнулась, посмотрела на меня.

— Я хочу увидеть картины и составить собственное впечатление. Вы не откажете мне в этом удовольствии, Эдгар?

— Буду счастлив, — ответил я, но чертовски занервничал. Какая-то моя часть боялась услышать ее оценку. Боялась, что Элизабет может покачать головой и вынести вердикт с прямотой, на которую давал право ее возраст: «Изящно... ярко... экспрессивно... но, пожалуй, ничего особенного. Если по большому счету».

Уайрман уже собрался взяться за ручки кресла, но Элизабет покачала головой.

— Нет, позволь Эдгару, Уайрман. Пусть он устроит мне экскурсию. — Она вытащила из мундштука наполовину выкуренную сигарету — узловатые пальцы двигались на удивление проворно — и загасила в жестянке. — Юная леди права... думаю, мы все надышались этой гадостью.

Мелинде хватило такта покраснеть. Элизабет протянула коробочку Розенблатту, который взял ее с улыбкой и кивком. Потом я не раз задавался вопросом (знаю, это ужасно, но — да, задавался): сделала бы она еще несколько затяжек, если бы знала, что эта сигарета для нее последняя?

VI

Даже те, кто понятия не имел о существовании единственной оставшейся дочери Джона Истлейка, почувствовали, что она — Личность, и человеческая волна, которая хлынула к дверям после громкого вскрика Мэри Айр, двинулась в противоположном направлении, когда я покатил кресло с Элизабет в нишу, где висели «Закаты с...». Уайрман и Пэм шли слева от меня; Илзе и Джек — справа. Илзе иногда бралась за правую рукоять, выправляя курс кресла. Мелинда и Рик держались позади, Кеймен, Том Райли и Боузи — за ними. А уж за этой троицей следовали остальные гости.

Я не знал, удастся ли мне втиснуть кресло в зазор между стеной и импровизированным баром, но у меня получилось, и теперь я толкал его по узкому проходу, довольный тем, что все остались позади. В какой-то момент Элизабет воскликнула:

— Стоп!

Я тут же остановился.

— Элизабет, вам нехорошо?

— Одну минутку, дорогой... подождите.

Я стоял, она сидела, глядя на картины. Через какое-то время вздохнула.

— Уайрман, у тебя есть бумажная салфетка? — спросила она.

Он достал из кармана платок, развернул, передал Элизабет.

— Обойдите кресло, Эдгар, — попросила она. — Встаньте так, чтобы я могла вас видеть.

Бочком я протиснулся между креслом и одним из столов, составляющих стойку бара. Бармен со своей стороны придерживал стол, чтобы я его не перевернул.

— Вы можете встать на колени, чтобы наши лица оказались на одном уровне?

Я смог. Мои Великие береговые прогулки дали результат. Она сжимала в одной руке мундштук (дурацкий и при этом великолепный), в другой — платок Уайрмана. Смотрела на меня повлажневшими глазами.

— Вы читали мне стихи. Потому что Уайрман не мог. Вы это помните?

— Да, мэм.

Разумеется, я помнил. Это было приятное времяпрепровождение.

— Если бы я сказала вам: «Память, говори»*, вы бы подумали о человеке — не могу вспомнить его фамилию, — который написал «Лолиту», не так ли?

Я понятия не имел, о ком она говорит, но кивнул.

— Но есть еще и стихотворение. Я не помню, кто его написал, но начинается оно словами: «Пообещай мне, память, не забыть ни аромата роз, ни шороха струящегося пепла; Пообещай, что я еще прильну к зеленой чаше моря, хоть один последний раз...» Эти строки трогают вам душу? Я вижу, что трогают.

Пальцы, державшие мундштук, разошлись, рука потянулась ко мне, погладила по волосам. И у меня возникала мысль (со временем я в ней только укрепился), что вся моя борьба за жизнь и стремление вновь стать самим собой окупились прикосновением руки этой старой женщины. С гладкостью потрескавшейся ладони. С пальцами, которые не могли полностью разогнуться.

— Живопись — это память, Эдгар. Проще не скажешь. Чем яснее память, тем лучше живопись. Чище. Эти картины... они разбивают мне сердце, а потом оживляют его. Мне так приятно знать, что созданы они в «Салмон-Пойнт». Несмотря ни на

* «Память, говори» — мемуары Владимира Набокова.

что. — Она подняла руку, которой прежде погладила меня. — Скажите, как вы назвали эту картину?

— «Закат с сафорой».

— А эти... как? Наверное, «Закат с раковиной», и дали им номера с первого по четвертый?

Я улыбнулся.

— Вообще-то их шестнадцать, начиная с рисунков цветными карандашами. Здесь висят самые лучшие. Они сюрреалистичны, я знаю, но...

— Нет в них ничего сюрреалистичного, они классические. Любой дурак это увидит. Они включают в себя все элементы: землю... воздух... воду... огонь.

Я увидел, как губы Уайрмана беззвучно прошептали: «Не утомляй ее!»

— Почему бы нам быстренько не посмотреть все остальные картины, а потом я принесу вам чего-нибудь прохладительного? — спросил я ее, и Уайрман одобрительно кивнул, поднял руку с соединенными в кольцо большим и указательным пальцами. — Тут жарко, даже с включенными на полную мощность кондиционерами.

— Согласна, — ответила она. — Я уже немного устала. Но, Эдгар...

— Что?

— Приберегите картины с кораблем напоследок. После них мне точно потребуется что-нибудь выпить. Может, в кабинете. Один стаканчик, но с чем-то покрепче кока-колы.

— Вы его получите. — И я вновь протиснулся к ручкам кресла.

— Десять минут, — прошептал Уайрман мне на ухо. — Не больше. Если возможно, я бы хотел увезти ее отсюда до появления доктора Хэдлока. Увидев ее, он жутко разозлится. И я знаю на кого.

— Десять. — Я кивнул и покатил Элизабет в зал, где находился шведский стол. Толпа по-прежнему следовала за нами. Мэри Айр принялась что-то записывать. Илзе взяла меня под руку, улыбнулась мне. Я улыбнулся ей. Вновь появилось ощущение, что я во сне. И сон этот в любой момент может покатиться под уклон, чтобы обернуться кошмаром.

Элизабет радостно вскрикивала, глядя на «Я вижу луну» и цикл «Дьюма-роуд», но вот когда потянулась руками к «Розам, вырастающим из ракушек» — будто собиралась их обнять, — у меня по коже побежали мурашки. Она опустила руки, посмотрела на меня поверх плеча.

— Это сущность. Сущность всего этого. Сущность Дьюмы. Вот почему те, кто живет здесь, не могут покинуть остров. Даже если их головы уносят их тела, сердца остаются. — Элизабет вновь взглянула на картину, кивнула. — «Розы, вырастающие из ракушек». Это правильно.

— Спасибо, Элизабет.

— Нет, Эдгар... спасибо вам.

Я поискал Уайрмана и увидел, что он разговаривает с другим юристом, из моей прошлой жизни. И вроде бы они сразу нашли общий язык. Я лишь надеялся, что Уайрман не допустит ошибки, не назовет его Боузи. Когда я перевел взгляд на Элизабет, она по-прежнему смотрела на «Розы, вырастающие из ракушек» и вытирала глаза.

— Я влюбилась в эту картину, но мы должны двигаться дальше.

После того как она посмотрела остальные работы в этом зале, вновь послышался ее голос. И говорила она, возможно, сама с собой:

— Разумеется, я знала, что кто-то должен прийти. Но я и представить себе не могла, что этот кто-то создаст картины такой мощи и новизны.

Джек похлопал меня по плечу, наклонился, чтобы прошептать на ухо:

— Прибыл доктор Хэдлок. Уайрман хочет, чтобы вы как можно скорее закончили экскурсию.

Центральный зал находился на пути к административной части, и Элизабет могла покинуть галерею (предварительно осушив, как и собиралась, стаканчик) через служебный выход. Да и кресло вывезти через него было проще, потому что он использовался для разгрузочных работ. Хэдлок мог сопровождать ее, если б у него возникло такое желание. Но я боялся везти Элизабет мимо картин с девочкой и кораблем, и уже не потому, что она могла их раскритиковать.

— Поехали, — распорядилась Элизабет, стукнув аметистовым перстнем по ручке инвалидного кресла. — Давайте взглянем на них. Нечего тянуть резину.

— Вас понял, — отозвался я и толкнул кресло к центральному залу.

— Тебе нехорошо, Эдди? — тихим голосом спросила Пэм.

— Все отлично.

— Я же вижу. Что не так?

Я только покачал головой. Мы уже шли по центральному залу. Картины висели на высоте шесть футов. Других экспонатов не было. Стены задрапировали какой-то грубой коричневой тканью вроде брезента. Компанию циклу «Девочка и корабль» составлял только «Смотрящий на запад Уайрман». Мы медленно приближались к нему. Колеса кресла бесшумно катились по светло-синему ковру. Шум идущей позади толпы то ли смолк, то ли мои уши блокировали его. Я словно видел картины впервые, и они выглядели отдельными кадрами, вырезанными из кинофильма. При переходе от картины к картине изображение проступало чуть яснее, становилось чуть четче, но оставалось тем же самым — кораблем, который я увидел во сне. И везде фон кораблю составлял закат. Гигантская раскаленная докрасна наковальня заливала светом западный горизонт, расплескивала кровь по воде и воспаляла небо. Корабль — трехмачтовый труп, приплывший из чумного барака смерти. Паруса висели лохмотьями. На палубе — ни души. Что-то ужасное проступало в каждой линии, и хотя не было никакой возможности указать причину, возникал страх за маленькую одинокую девочку в лодке, маленькую девочку, которую на первой картине я нарисовал в платье с крестиками-ноликами, маленькую девочку посреди Залива цвета красного вина.

На первой картине угол зрения не позволял увидеть название корабля смерти. В «Девочке и корабле № 2» корабль немного разворачивался, но маленькая девочка (все с теми же искусственными рыжими волосами, но теперь уже в платье в горошек, как у Ребы) закрывала собой все, кроме буквы «П». В «№ 3» вместо одной буквы появились три: «ПЕР», а Реба точно стала Илзе — это было заметно даже со спины. И в лодке лежал гарпунный пистолет Джона Истлейка.

Если все это и не укрылось от глаз Элизабет, то виду она не подала. Я толкал ее кресло, а корабль увеличивался в размерах и приближался, его черные мачты торчали, как пальцы, паруса провисали, словно мертвая плоть. Огненное небо злобно сверкало сквозь дыры в парусине. Теперь название на транце читалось как «ПЕРСЕ». Возможно, не полное название, место для последующих букв было, но если и так, они прятались в тени. В картине «Девочка и корабль № 6» (корабль уже нависал над веселой лодкой) девочка сидела в синем закрытом купальнике с единственной желтой полоской по вороту. Волосы вроде бы отливали оранжевым. Единственная девочка в лодке, чья личность вызывала у меня сомнения. Может, это и была Илзе, раз уж на других картинах присутствовала именно она... но полной уверенности не было. В этой картине на воде появились первые лепестки роз (плюс один-единственный теннисный мяч с буквами DUNL), а на палубе — странный набор вещей: высокое зеркало (отражающее закатный свет и, соответственно, словно залитое кровью), детский конь-качалка, большой невысокий квадратный чемодан, груда обуви. Те же самые предметы остались на «№ 7» и «№ 8», где к ним присоединились другие: девчачий велосипед, прислоненный к фок-мачте, уложенные друг на друга автомобильные покрышки на корме и большие песочные часы посреди палубы. Стекло часов тоже отражало солнце, так что вместо песка их наполняла кровь. В картине «Девочка и корабль № 8» много больше розовых лепестков плавало между веселой лодкой и «Персе». И теннисных мячей прибавилось — стало как минимум полдюжины. Венок из гниющих цветов висел на шее коня-качалки. Я буквально ощущал их вонь в застывшем воздухе.

— Святый Боже, — прошептала Элизабет. — Она набрала такую силу! — Кровь отхлынула от ее лица. Выглядела Элизабет не на восемьдесят пять — на двести лет.

«Кто?» — попытался спросить я, но с губ не сорвалось ни звука.

— Мэм... мисс Истлейк... вам нельзя так напрягаться, — подала голос Пэм.

Я предложил:

— Принести вам стакан воды?

— Я принесу, папа, — вызвалась Илли.

Элизабет все смотрела на «Девочку и корабль № 8».

— Как много из этих... этих souvenirs... вы узнаете? — спросила она.

— Я не узнаю... это мое воображение... — Я замолчал. Потому что знал: девочка в веселькой лодке на картине «№ 8» не souvenir — Илзе. Зеленое платье с пересекающимися бретельками, оголяющее спину, выглядело непристойно сексуальным на маленькой девочке, но теперь я знал, откуда оно взялось: это платье Илзе купила недавно, заказав по каталогу в интернет-магазине, и Илзе больше не была маленькой девочкой. С другой стороны, теннисные мячи оставались для меня загадкой, зеркало ничего не значило, как и штабель автомобильных покрышек. И я не знал наверняка, что велосипед, прислоненный к фокмачте, принадлежал Тине Гарибальди, но боялся, что это он... и мое сердце почему-то в этом не сомневалось.

Мертвенно-холодная рука Элизабет коснулась моего запястья.

— На раме этой картины нет пули.

— Я не знаю, о чем вы...

Теперь она сжала мне руку.

— Вы *знаете*. Вы точно знаете, о чем я. Выставка продана целиком, Эдгар. Вы же не думаете, что я слепая? Пули есть на рамах всех картин, которые мы посмотрели, даже на «Номере шесть» — той, где в лодке сидит моя сестра Ади — но не на этой.

Я повернул голову к «№ 6», где у девочки в лодке были рыжие волосы.

— Так это ваша *сестра*?

Она не отреагировала на вопрос. Может, и не услышала. Элизабет полностью сосредоточилась на «Девочке и корабле № 8».

— Что вы собираетесь сделать? Забрать картину? *Забрать ее обратно на «Дьюму»?* — Ее голос звенел в тишине галереи.

— Мэм... мисс Истлейк... вам действительно нельзя так волноваться, — заговорила Пэм.

Глаза Элизабет блеснули на морщинистом лице. Ногти вонзились в кожу моего запястья.

— И что? Поставите ее рядом с еще одной, к которой уже приступили?

— Я не приступал...

Или приступил? Память опять подводила меня, как часто случалось при стрессах. Если бы в этот момент кто-нибудь спросил меня, как зовут французского бойфренда моей старшей дочери, я бы сказал — Рене. Как Магритта*. Сон покатился под уклон, все так; ему осталось только обернуться кошмаром.

— *Ту, где весельная лодка пустая?*

Прежде чем я успел ответить, сквозь толпу протолкался Джин Хэдлок, за ним Уайрман, следом — Илзе со стаканом воды.

— Элизабет, нам пора. — Доктор Хэдлок положил руку ей на плечо. Элизабет смахнула ее. Более того, по инерции задела стакан с водой, вышибла из руки Илзе. Стакан ударился о стену и разбился. Кто-то вскрикнул. Какая-то женщина (это ж надо!) рассмеялась.

— Вы видите этого коня-качалку? — Элизабет протянула трясущуюся руку к картине. — Он принадлежал моим сестрам Тесси и Лауре. Они его любили. Повсюду таскали с собой. Коня нашли рядом с Рэмпопо — детским домиком на боковой лужайке — после того как они обе утонули. Мой отец не мог смотреть на него без слез. Бросил в воду во время службы. Вместе с венком, разумеется. Тем, что сейчас на шее коня.

Тишину разрывало только хриплое дыхание Элизабет. Мэри Айр смотрела на нее большими глазами, забыв о привычке все записывать, опустив руку с блокнотом. Другую руку она поднесла ко рту. Уайрман указал на дверь в стене, искусно задрапированную коричневой материей. Хэдлок кивнул. Внезапно рядом появился Джек и взял инициативу на себя:

— Сейчас я увезу вас отсюда, мисс Истлейк. Никаких проблем. — Он схватился за кучки инвалидного кресла.

— *Посмотрите на кильватерную струю корабля!* — прокричала мне Элизабет, завершая свое последнее появление на публике. — *Господи, разве вы не видите, что нарисовали?*

Я посмотрел. Как и моя семья.

— Там ничего нет. — Мелинда недоверчиво перевела взгляд на дверь, которая закрылась за Джеком и Элизабет. — Она что, чокнутая?

---

* Магритт Рене Франсуа Гислен (1898—1967) — бельгийский художник-сюрреалист.

Илли стояла на цыпочках, чуть наклонившись вперед.

— Папочка, это лица? — неуверенно спросила она. — Лица в воде?

— Нет. — Меня удивила твердость собственного голоса. — Это всего лишь плод твоего воображения, взбудораженного ее словами. Я отлучусь на минутку?

— Конечно, — ответила Пэм.

— Могу я помочь, Эдгар? — рокочущим басом спросил Кеймен.

Я улыбнулся, удивляясь тому, с какой легкостью далась мне эта улыбка. У шока, похоже, есть свои плюсы.

— Спасибо, не нужно. Лечащий врач при ней.

Я поспешил к двери кабинета, подавив желание обернуться. Мелинда ничего не увидела в отличие от Илзе... Наверное, немногие смогли бы это увидеть, даже уткнувшись носом в картину... а большинство увидевших списало бы сей факт на совпадение или причуду художника.

Эти лица.

Эти кричащие тонущие лица в залитой закатным светом кильватерной струе корабля.

Лица Тесси и Лауры — это точно, но еще и другие, под лицами близняшек, там, где красное переходило в зеленое, а зеленое — в черное.

Одно могло принадлежать девушке с волосами цвета моркови, одетой в старомодный трикотажный купальник: старшей сестре Элизабет, Адриане.

vii

Уайрман маленькими глоточками поил Элизабет чем-то очень напоминающим шампанское, Розенблатт суетился рядом, чуть ли не хватая Уайрмана за руки. Кабинет был битком набит людьми, и здесь было невыносимо душно.

— Попрошу всех выйти! — крикнул Хэдлок. — Всех, кроме Уайрмана! Сейчас же! Немедленно!

Элизабет ладонью оттолкнула стакан.

— Эдгар, — просипела она. — Эдгар остается.

— Нет, Эдгар уходит, — возразил Хэдлок. — Вы уже достаточно поволновались...

Его рука оказалась перед ней. Элизабет схватила ее и сжала. Должно быть, с неожиданной силой, потому что глаза Хэдлока широко раскрылись.

— *Остается*, — повторила она хоть и шепотом, но не допускающим возражений.

Люди потянулись к выходу. Я услышал, как Дарио говорит собравшейся толпе, что беспокоиться не о чем, мисс Истлейк почувствовала легкое недомогание, но лечащий врач делает все необходимое, и ей уже лучше. Когда Джек выходил за дверь, Элизабет окликнула его:

— Молодой человек! — Он повернулся к ней. — Не забудьте!

Джек коротко улыбнулся и отсалютовал ей в ответ.

— Не забуду, мэм. Будьте уверены.

— Мне следовало сразу попросить вас об этом, — сказала она, и Джек скрылся за дверью. — Он хороший мальчик, — добавила Элизабет очень тихим голосом, словно ее силы окончательно иссякли.

— Попросить о чем? — поинтересовался Уайрман.

— Найти на чердаке одну корзинку. На фотографии, что висит на лестничной площадке, няня Мельда держит ее в руках. — Элизабет с упреком посмотрела на меня.

— Извините, — ответил я. — Я помню, вы мне об этом говорили, но я... я рисовал и...

— Я вас не виню. Мне следовало знать. Это ее сила. Та сила, что завлекла вас сюда. — Она посмотрела на Уайрмана. — И тебя тоже.

— Элизабет, достаточно, — вмешался Хэдлок. — Я хочу отвезти вас в больницу и сделать кое-какие анализы. Поставить капельницу. Вам нужно отдохнуть...

— Очень скоро меня ждет вечный отдых. — Она улыбнулась, продемонстрировав вставные челюсти. Ее взгляд вернулся ко мне. — Эники-бэники ели вареники. Для нее это все игра. Все наши печали. И она вновь проснулась. — Рука Элизабет, очень холодная, легла на мое предплечье. — Эдгар, она *бодрствует!*

— Кто? Элизабет, кто? Персе?

Элизабет забилась в кресле. Словно через нее пропустили электрический ток. Рука на моем предплечье напряглась. Коралловые ногти впились в кожу, оставив пять красных полукружий. Рот открылся, вновь показались зубы, только уже не в улыбке, а в оскале. Голова запрокинулась, и я услышал, как что-то хрустнуло.

— Придержите кресло, а не то оно перевернется! — проревел Уайрман, но я не мог. У меня была только одна рука, и Элизабет вцепилась в нее мертвой хваткой.

Хэдлок схватился за одну из ручек, и кресло завалилось не назад, а вбок, ударилось о стол Джимми Йошиды. Припадок набирал обороты, мисс Истлейк трясло, бросало взад-вперед, как марионетку. Сеточка для волос сползла и теперь елозила по ним из стороны в сторону, сверкая под флуоресцентными лампами. Ноги дергались, одна из красных туфелек свалилась. «Ангелы хотят носить мои красные туфли»*, — подумал я, и, словно в ответ на мои слова, кровь хлынула из носа и рта Элизабет.

— Держите ее! — крикнул Хэдлок, и Уайрман бросился на ручки кресла, чтобы удержать в нем Элизабет.

«Это сделала она, — хладнокровно подумал я. — Персе. Кем бы они ни была».

— Я ее держу! — отозвался Уайрман. — Ради Бога, вызовите «скорую»!

Хэдлок обежал стол, снял трубку, набрал номер.

— Твою мать! Длинный гудок!

Я выхватил у него трубку.

— Нужно набирать девятку для выхода в город, — сказал я и принялся сам нажимать кнопки, придерживая плечом трубку возле уха. Когда спокойный женский голос на другом конце провода спросил, что случилось, я смог все объяснить. Но вот адрес не вспомнил. Забыл даже название галереи.

Я передал трубку Хэдлоку и вокруг стола направился к Уайрману.

---

* «Ангелы хотят носить мои красные туфли» (The angels want to wear my read shoes) — название песни (1977) известного английского рок-музыканта, певца и композитора, Элвиса Костелло (настоящее имя Диклен Патрик Макманус, р. 1954).

— Господи Иисусе, — прошептал он. — Я *знал*, что нельзя нам привозить ее сюда. Я *знал*... но она так *настаивала*.

— Она без сознания? — Я вглядывался в Элизабет, привалившуюся к спинке кресла. Ее открытые глаза невидяще смотрели в какую-то точку в дальнем углу. — Элизабет? — Ответа не последовало.

— Это был инсульт? — спросил Уайрман. — Никогда не слышал, чтобы он вызывал *такие* судороги.

— Никакого инсульта, — ответил я. — Что-то заткнуло ей рот. Поезжай с ней в больницу...

— Разумеется, я...

— И если она скажет что-нибудь, *слушай внимательно*.

Подошел Хэдлок.

— В больнице ее ждут. «Скорая» подъедет с минуты на минуту. — Он сурово глянул на Уайрмана, потом его взгляд смягчился. — Ох, да ладно.

— Что «ладно»? — переспросил Уайрман. — Что значит это ваше «ох, да ладно»?

— Если что-то подобное должно было случиться, где, по-вашему, она бы хотела, чтоб это произошло? Дома в постели или в одной из галерей, где она провела столько счастливых дней и ночей?

Уайрман шумно вздохнул, кивнул и, опустившись на колени рядом с Элизабет, начал поправлять ей волосы. Ее лицо пошло красными пятнами, а горло раздулось, будто что-то вызвало сильнейшую аллергическую реакцию.

Хэдлок запрокинул голову Элизабет назад, пытаясь облегчить ее дыхание. А вскоре мы услышали быстро приближающуюся сирену «скорой помощи».

viii

Выставка тянулась и тянулась, и я оставался ее главным действующим лицом. Отчасти из-за усилий, затраченных Дарио, Джимми и Элис, а главным образом — ради Элизабет. Я думал, она бы этого хотела. Мой миг славы — так она называла эту выставку.

Но на праздничный обед я не пошел. Извинился и отправил вместо себя Пэм и девочек заодно с Кейменом, Кэти и несколькими другими гостями из Миннесоты. Наблюдая за их отъездом, я вдруг вспомнил, что никого не попросил довезти меня до больницы. Я стоял перед зданием галереи, теша себя надеждой, что Элис Окойн еще не уехала, когда рядом остановился старенький «мерседес». Стекло передней дверцы опустилось.

— Садитесь, — донесся из салона голос Мэри Айр. — Если вы собрались в Мемориальную больницу, я вас подвезу. — Заметив, что я колеблюсь, она криво улыбнулась: — Мэри сегодня практически не пила, уверяю вас, и в любом случае после десяти вечера улицы Сарасоты пусты. Старики глотают прозак и запивают его виски, устраиваясь поудобнее, чтобы смотреть Билла О'Райли по ТиВо.

Я сел. Дверца лязгнула, закрываясь, и в какой-то момент мне показалось, что мой зад вот-вот коснется асфальта Пальмавеню. Но проседание все-таки прекратилось.

— Послушайте, Эдгар... — Мэри замялась. — Я все еще могу называть вас Эдгаром?

— Естественно.

Она кивнула.

— Прекрасно. Я не очень-то помню, как мы расстались. Иногда, когда я сильно напиваюсь... — Она пожала костлявыми плечами.

— Мы расстались лучшими друзьями.

— Это хорошо. Что же касается Элизабет... хорошего тут мало. Верно?

Я кивнул, не решаясь произнести хоть слово. Машин на улицах практически не было, как и обещала Мэри. Тротуары просто вымерли.

— У нее и Джейка Розенблатта какое-то время был роман. Очень серьезный.

— И что произошло?

Мэри покачала головой.

— Точно не знаю. Если бы вы заставили меня поделиться своим мнением, я бы сказала, что она слишком привыкла быть себе хозяйкой, чтобы принадлежать кому-то еще. На время — да, но не более того. А Джейк так и не смог ее забыть.

Я помнил, как он сказал: «На хер правила, мисс Истлейк», — и задался вопросом, а как он называл ее в постели? Определенно не мисс Истлейк. Но размышления такого рода были грустны и бесполезны.

— Может, оно и к лучшему, — продолжила Мэри. — Она теряла форму. Если б вы знали ее в расцвете лет, то понимали бы, что она не хотела запомниться людям такой.

— Мне бы очень хотелось знать ее в те годы.

— Могу я что-нибудь сделать для вашей семьи?

— Нет, — ответил я. — Они обедают с Дарио, Джимми и всем штатом Миннесота. Я присоединюсь к ним позже, если смогу. Может, к десерту... И я снял номер в «Ритце», где проведу ночь. Если не получится вечером, увижусь с ними утром.

— Это хорошо. Они милые люди. И понимающие.

Пэм, похоже, теперь действительно понимала меня лучше, чем до развода. Разумеется, ведь теперь я был художником из Флориды, а не супругом-психопатом из Миннесоты. Или, того хуже, супругом-убийцей.

— Я собираюсь расхвалить вашу выставку до небес, Эдгар. Сомневаюсь, что этим вечером мои слова что-то значат для вас, но, думаю, потом мои похвалы принесут плоды. Ваши картины удивительные.

— Спасибо, Мэри.

Впереди в темноте засверкали огни больницы. По соседству располагалась придорожная забегаловка. Возможно, многие тамошние посетители со временем становились пациентами кардиологического отделения.

— Вы передадите Либби мои наилучшие пожелания, если ее состояние позволит ей вас выслушать?

— Обязательно.

— И у меня есть кое-что для вас. В бардачке. Конверт из плотной бумаги. Я собиралась использовать этот материал, чтобы заманить вас на интервью после выставки, ну да хрен с ним.

Я не сразу справился с кнопкой, открывающей бардачок, но в конце концов маленькая дверка откинулась, как челюсть покойника. В бардачке лежал не только нужный мне конверт (археолог обнаружил бы там вещи, датируемые, возможно, 1965 годом), но его я сразу заметил — как и напечатанное на нем мое имя.

Мэри припарковалась перед больницей в зоне с указателем: **«ПЯТЬ МИНУТ НА ВЫСАДКУ И ПОСАДКУ»**.

— Вас ждет сюрприз. Во всяком случае, я была поражена. Моя давняя подруга, редактор, раскопала это специально для меня. Она старше Либби, но по-прежнему в здравом уме.

Я открыл конверт и достал два листа: ксерокопии древней газетной заметки.

— Из «Эха недели», что издавалась в Порт-Шарлотт. Июнь тысяча девятьсот двадцать пятого года, — пояснила Мэри. — Должно быть, та самая заметка, которую видела другая моя приятельница, Эгги, и сама я не добралась до этих материалов лишь по одной причине: Порт-Шарлотт слишком уж далеко на юге. Да и газета приказала долго жить еще в тысяча девятьсот тридцать первом году.

Свет уличного фонаря, под которым остановилась Мэри, не позволял разобрать мелкий текст, но я прочитал заголовок и разглядел фотоснимок. Долго смотрел на него.

— Для вас это что-то значит, не правда ли? — спросила Мэри.

— Да. Просто не знаю что.

— Если выясните, скажете мне?

— Обязательно. Возможно, вы мне даже поверите. Но, Мэри... это будет история, которую вы не сможете опубликовать. Спасибо, что подвезли. И спасибо, что пришли на мою выставку.

— И первое, и второе я сделала с удовольствием. Не забудьте передать Либби мои наилучшие пожелания.

— Передам.

Но я не передал. Потому что поговорить с Элизабет Истлейк мне больше не довелось.

IX

Дежурная медсестра в отделении интенсивной терапии сказала мне, что Элизабет в операционной. Когда я спросил о диагнозе, она точно ответить не смогла. Я огляделся в поисках комнаты ожидания.

— Если вы ищете мистера Уайрмана, он, кажется, пошел в кафетерий. На четвертом этаже.

— Благодарю. — Я уже повернулся, чтобы направиться к лифту, но решил задать еще один вопрос: — Доктор Хэдлок входит в бригаду врачей?

— Думаю, что нет, — ответила медсестра, — но он тоже в операционной.

Я вновь ее поблагодарил и отправился на поиски Уайрмана. Нашел его в дальнем углу кафетерия, сидящим перед бумажным стаканом размерами с минометный снаряд времен Второй мировой войны. Если не считать нескольких медсестер, интернов да одной напряженно молчащей семейной пары, в кафетерии было пусто. Большинство стульев перевернутыми лежали на столах, а усталая женщина в красном халате из вискозного полотна и с ай-подом на шее орудовала шваброй.

— Привет, парень. — Уайрман печально улыбнулся. Его волосы, ранее аккуратно зачесанные назад, теперь падали на уши, под глазами темнели мешки. — Почему бы тебе не взять кофе? По вкусу — машинное масло, но уснуть не дает.

— Нет, благодарю. Мне хватит и глотка из твоего стакана. — В кармане у меня лежали три таблетки аспирина. Я выудил их, бросил в рот, запил глотком кофе.

Уайрман поморщился.

— Ты держал их с мелочью, которая кишит микробами. Это отвратительно.

— У меня сильная иммунная система. Как Элизабет?

— Не очень. — Он уныло посмотрел на меня.

— Она приходила в себя в «скорой помощи»? Что-нибудь говорила?

— Да.

— Что?

Из кармана льняной рубашки Уайрман достал приглашение на мою выставку, со словами **«ВЗГЛЯД С ДЬЮМЫ»**, напечатанными на лицевой стороне. На оборотной он нацарапал три строчки. Буквы прыгали вверх-вниз (вероятно, «скорую» сильно трясло на ходу), но я смог разобрать слова:

«Стол течет».

«Ты захочешь, но нельзя».

«Утопите ее, пусть снова заснет».

Все фразы пугали, но от последней кожа на руках пошла мурашками.

— Что-нибудь еще? — Я вернул приглашение.

— Она пару раз произнесла мое имя. Узнала меня. И произнесла твое, Эдгар.

— Взгляни вот на это. — Я пододвинул к Уайрману конверт из плотной бумаги.

Уайрман спросил, где я его взял, и я ответил. Он сказал, что как-то странно все совпало, на что я только пожал плечами. Потому что помнил слова Элизабет: «Вода теперь бежит быстрее. Скоро появятся пороги». Вот они и появились. И меня не отпускало предчувствие, что это были только цветочки.

Моему бедру заметно полегчало, его ночные стенания перешли в обычные всхлипывания. Согласно народной мудрости, собака — лучший друг человека, но я бы проголосовал за аспирин. Передвинув стул, я сел рядом с Уайрманом и смог прочитать заголовок: **«МАЛЫШКА С ДЬЮМА-КИ ПОТРЯСАЕТ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ! ОНА — ВУНДЕРКИНД?»** С фотоснимка под заголовком на меня смотрел мужчина, которого я уже не раз видел одетым в купальный костюм: Джон Истлейк того периода, когда еще не набрал лишний вес. Он улыбался, поднимая улыбающуюся маленькую девочку. Элизабет выглядела точно так же, как и на семейном портрете «Папуля и его дочки», только теперь держала обеими руками рисунок, который протягивала к объективу фотокамеры, а голова ее была забинтована. Фотограф запечатлел и другую девочку, уже подростка (старшую сестру, Адриану, и да — волосы у нее могли быть цвета моркови), но поначалу ни Уайрман, ни я не обратили на нее внимания. Как и на Джона Истлейка. Как и на малышку с повязкой на голове.

— Святый Боже! — выдохнул Уайрман.

Рисунок изображал лошадь, которая смотрела поверх изгороди. Лошадь широко (не по-лошадиному) улыбалась. На переднем плане, спиной к нам, маленькая девочка в золотых кудряшках протягивала улыбающейся лошади морковку размером с ружье. С обеих сторон, словно театральный занавес, росли пальмы. Над головой плыли пухлые облака, и огромное солнце выстреливало веселые лучи.

Это был детский рисунок, но талант его создательницы сомнений не вызывал. В лошади ощущалась такая joie de vivre*, что улыбка казалась кульминацией какой-то очень удачной шутки. Можно собрать десяток студентов, обучающихся живописи, дать им задание — нарисовать счастливую лошадь, и я могу поспорить, что никому из них не удастся и близко подойти к такому вот рисунку. Даже морковка-переросток выглядела не ошибкой, а элементом смеха, его усилителем, живописным стероидом.

— Это не шутка, — пробормотал я, наклоняясь ближе... да только пользы это не принесло. Четыре фактора одновременно ухудшали восприятие деталей: сама фотография, ее газетная копия, ксерокс газетной копии и... время. Восемьдесят лет, если я еще помнил правила математики.

— Что «не шутка»? — переспросил Уайрман.

— Утрирование в изображении лошади. И морковки. И даже солнечных лучей. Это крик ликования ребенка, Уайрман!

— Надувательство — вот что это такое. Наверняка. Ей тут только два годика! Двухлетний ребенок не способен нарисовать даже фигурки из черточек и кружочков и назвать их папой и мамой. Или я ошибаюсь?

— Случившееся с Кэнди Брауном — надувательство? Или с пулей, сидевшей в твоем мозгу? Которой теперь нет?

Он молчал.

Я постучал пальцем по слову **«ВУНДЕРКИНД»**.

— Посмотри, они даже нашли правильный термин. Как думаешь, если б она была бедной и черной, они бы назвали ее «МАЛЕНЬКИМ ВЫРОДКОМ» и определили в какое-нибудь «Шоу уродов»? Я вот думаю, что да.

— Будь она бедной и черной, то никогда бы не добралась до бумаги. И не упала бы с запряженного пони возка.

— Так вот что слу... — Я оборвал фразу на полуслове и вновь уставился на мутный фотоснимок. Только теперь я смотрел на старшую сестру. На Адриану.

— Что? — спросил Уайрман, и в его голосе звучал вопрос: «Что теперь?»

— Ее купальник. Тебе он не кажется знакомым?

---

* радость жизни (*фр.*).

— Целиком его не видно, только верхнюю часть. Остальное закрывает рисунок, который держит Элизабет.

— А что ты можешь сказать насчет той части, которая видна?

Он долго смотрел на ксерокопию.

— Мне бы не помешало увеличительное стекло.

— От него больше вреда, чем проку.

— Ладно, мучачо, купальник выглядит знакомым... но, может, таким его сделали твои слова?

— Если взять все картины «Девочка и корабль», только одна девочка в лодке вызывала у меня сомнения — с «Номера шесть». Рыжие волосы, синий купальник с желтой полосой по вороту. — Я постучал пальцем по изображению Адрианы на ксерокопии, полученной от Мэри Айр. — Вот та девочка. Вот тот купальник. Я в этом уверен. Как и Элизабет.

— И что все это значит? — спросил Уайрман. Он просматривал текст, потирая пальцами виски. Я спросил, не беспокоит ли его глаз.

— Нет. Просто... хрен знает что... — Он взглянул на меня круглыми глазами, по-прежнему растирая виски. — Она упала с этого чертова возка и ударилась головой о камень, так здесь написано. Пришла в себя в кабинете семейного доктора, когда они уже собирались везти ее в больницу в Сент-Пит. Потом начались припадки. Тут написано: «Припадки у маленькой Элизабет иногда бывают и сейчас — пусть не очень сильные и вроде бы не приносящие вреда». И она начала рисовать!

— Должно быть, несчастный случай произошел вскоре после того, как они сфотографировались на том семейном портрете, потому что выглядит она точно так же, а в таком возрасте дети меняются быстро, — заметил я.

Уайрман вроде бы меня и не услышал.

— Мы все в одной лодке, — изрек он.

Я уж хотел спросить, о чем это он, а потом понял, что нужды в вопросе нет.

— Si, senor.

— Она ударилась головой. Я выстрелил в себе голову. Тебе раздавил голову автопогрузчик.

— Кран.

Он махнул рукой, давая понять, что разницы никакой. Потом сжал мое единственное запястье. Холодными пальцами.

— У меня есть вопросы, мучачо. Почему она перестала рисовать? И почему я не начал?

— Почему она перестала, я точно сказать не могу. Может, забыла, что рисовала — поставила психологический блок, — может, сознательно лгала. Что же касается тебя, то твой талант — сочувствие. А на Дьюма-Ки сочувствие переросло в телепатию.

— Это все чушь... — Он замолчал.

Я ждал.

— Нет. Не чушь. Но теперь это ушло. Знаешь, что я тебе скажу, амиго?

— Что?

Он указал на семейную пару в противоположном углу кафетерия. Они нарушили молчание. Мужчина отчитывал свою жену. Или это была его сестра?

— Пару месяцев назад я знал бы, с чего весь этот сыр-бор. Теперь могу только догадываться.

— Источник и того и другого, вероятно, в одном месте. Хотел бы махнуться? Зрение на случайное чтение мыслей?

— Господи, нет! — Он оглядел кафетерий, его губы изогнулись в ироничной, кривой, безнадежной улыбке.

— Не могу поверить, что мы ведем такие разговоры, знаешь ли. Частенько думаю о том, что проснусь, и все будет как прежде: рядовой Уайрман, встаньте в строй.

Я встретился с ним взглядом.

— Такого не будет.

X

Согласно «Эху недели», малышка Элизабет (так ее называли в заметке) принялась рисовать в самый первый день после возвращения домой. Быстро прогрессировала, по словам отца, «набиралась опыта и прибавляла в мастерстве с каждым часом». Начала с цветных карандашей («И кого это нам напоминает?» — спросил Уайрман), прежде чем перейти к акварельным

краскам, коробку которых ошеломленный Джон Истлейк привез из Вениса.

В последующие три месяца, проведенные по большей части в постели, Элизабет нарисовала сотни акварелей, выдавая их со скоростью, которую Джон Истлейк с дочерьми находили пугающей (если у няни Мельды и было свое мнение, в печать оно не попало). Истлейк пытался притормозить Элизабет (ссылаясь на требования доктора), но это приводило к обратным результатам. Вызывало раздражительность, приступы слез, бессонницу. У девочки даже поднималась температура. Малышка Элизабет говорила, что, когда ей не дают рисовать, «у нее болит голова». Ее отец отмечал, что если дочь берется за карандаш, «она ест, как те лошади, которых так любит рисовать». Автору заметки, некоему М. Рикетту, эта фраза очень понравилась. Я находил такое состояние очень даже знакомым, вспоминая собственные приступы дикого голода.

Я уже собрался в третий раз прочитать эту заметку с расплывчатыми словами и буквами (Уайрман сидел рядом со мной, там, где была бы моя правая рука, если б ее не ампутировали), когда открылась дверь, и в кафетерий вошел Джин Хэдлок. В черном галстуке и ярко-розовой рубашке, в которых был на выставке, только узел галстука он распустил, а верхнюю пуговицу рубашки расстегнул. В зеленых штанах от хирургического костюма и зеленых бахилах на туфлях. Он поднял голову, и я увидел, что лицо у него грустное и вытянутое, как у старой ищейки.

— В двадцать три девятнадцать, — сказал он. — Шансов не было.

Уайрман закрыл лицо руками.

XI

До «Ритца» я добрался без четверти час, хромая от усталости, жалея, что придется ночевать здесь. Мне хотелось перенестись в мою спальню в «Розовой громаде». Хотелось улечься на середину кровати, сбросить странную новую куклу на пол, как когда-то я поступил с декоративными подушками, прижать к себе Ребу. Хотелось лежать и смотреть на вращающиеся лопасти

вентилятора. А более всего хотелось, засыпая, слушать приглушенный разговор ракушек под домом.

Вместо этого приходилось иметь дело с фойе отеля: слишком уж разукрашенным, слишком набитым людьми и шумным (даже в такой час бренчало пианино), слишком ярко освещенным. Однако моя семья остановилась здесь. Я пропустил праздничный обед. И не мог пропустить праздничный завтрак.

На регистрационной стойке клерк протянул мне пластиковый ключ и целую кипу сообщений. Я принялся их просматривать. В основном поздравления. Одно отличалось — от Илзе: «Ты в порядке? Если не увижу тебя до восьми утра, пойду на поиски. Честно предупреждаю».

Самым нижним оказался конверт, подписанный Пэм. Сообщение оказалось коротким: «Я знаю — она умерла». Обо всем остальном говорил вложенный в конверт магнитный ключ.

XII

Пять минут спустя с ключом в руке я стоял у номера 847. Сперва поднес руку к замку, потом выше — к кнопке звонка. Посмотрел в сторону лифта. Простоял бы тут до утра — слишком вымотанный, чтобы принять решение, — если бы не открылись двери лифта, после чего до меня донесся веселый, пьяный смех. Я испугался, что сейчас появится кто-нибудь из знакомых: Том и Боузи или Большой Эйнджи со своей женой. Может, даже Лин и Рик. Для моих гостей был арендован не весь этаж, но большая его часть.

Я вставил ключ в замок, зажглась зеленая лампочка, и, когда смех приблизился, я переступил порог номера.

Для Пэм был заказан «люкс», и размеры гостиной впечатляли. Похоже, перед выставкой здесь устроили небольшую вечеринку, потому что я увидел два столика на колесах, множество тарелок с остатками канапе плюс два — нет, три ведерка для шампанского. Над двумя торчали донышки бутылок: эти солдаты свое отслужили. Третья находилась при последнем издыхании.

Я вновь подумал об Элизабет. Увидел ее рядом с Фарфоровым городом, так похожую на Кэтрин Хепберн в «Женщине года», услышал ее голос: «Видите, как я расставила детей около здания школы? Подойдите и посмотрите!»

Боль — величайшая сила любви. Так говорит Уайрман.

Я двинулся дальше, лавируя между стульями, на которых минувшим вечером сидели самые близкие мне люди, разговаривали, смеялись и (я в этом уверен) произносили тосты и пили шампанское за мое трудолюбие и удачу. Достав последнюю бутылку шампанского из воды, в которую превратился лед, я поднял ее, глядя на панорамное, во всю стену, окно, выходящее на Сарасотскую бухту, и произнес тост:

— За вас, Элизабет. Hasta la vista, mi amada*.

— Что означает amada?

Я повернулся. Пэм стояла в дверях спальни. В синей ночной рубашке, которую я не помнил. Волосы касались плеч. Такими длинными она их носила, когда Илзе только перешла в среднюю школу.

— Дорогая, — ответил я. — Это слово я узнал от Уайрмана. Его жена была мексиканкой.

— Была?

— Она умерла. Кто сказал тебе об Элизабет?

— Молодой человек, который работает у тебя. Я попросила его позвонить, если будут новости. Мне очень жаль.

Я улыбнулся. Попытался поставить бутылку обратно, но промахнулся мимо ведерка. Черт, промахнулся мимо стола. Бутылка ударилась о ковер и покатилась. Когда-то дочь крестного отца была маленькой девочкой, тянущей ручки с рисунком улыбающейся лошади к фотокамере и фотографу — скорее всего кричаще одетому мужчине в соломенной шляпе и резинками на рукавах. Потом Элизабет стала древней старухой, вытрясающей из себя остатки жизни в инвалидном кресле под ярким светом флуоресцентных ламп в кабинете одной художественной галереи, и ее сетка для волос сползла и болталась из стороны в сторону, держась на шпильке. А время между этими событиями? Оно, вероятно, сжалось в мгновения, необходимые для того,

* До встречи, дорогая моя (*исп.*).

чтобы кивнуть или помахать рукой чистому синему небу. В конце мы все разбиваемся об пол.

Пэм протянула ко мне руки. Полная луна висела за большим окном, и в ее свете я увидел розу, вытатуированную на груди Пэм. Нечто новое, незнакомое мне... а вот грудь не изменилась. Я очень хорошо ее знал.

— Иди сюда, — позвала Пэм.

Я подошел. Задел больным бедром столик на колесах, сдавленно вскрикнул. Спотыкаясь, преодолел два последних шага, думая: какое прекрасное воссоединение, мы сейчас окажемся на полу, я — поверх нее. Может, мне даже удастся сломать ей пару ребер. Почему нет? На Дьюма-Ки я набрал двадцать фунтов.

Но Пэм всегда была сильной. Я совсем об этом забыл. Она смогла удержать мой вес, правда, сперва привалилась к дверному косяку, потом выпрямилась, обняв меня обеими руками. Я обнял ее своей, улегся щекой на плечо, вдыхая такой знакомый запах.

«Уайрман! Я проснулась рано и так хорошо провела время с моими статуэтками!»

— Пойдем, Эдди, ты устал. Пойдем в постель.

Она повела меня в спальню. Окно здесь было меньше, луч лунного света — тоньше, но через приоткрытую раму я слышал постоянные вздохи воды.

— Ты уверена...

— Молчи.

«Я уверена, мне называли вашу фамилию, но не могу ее вспомнить, как и многое другое».

— Я никогда не хотел причинить тебе боль. Очень сожалею...

Она приложила два пальца к моим губам.

— Мне не нужны мне твои сожаления.

Бок о бок мы сели на кровать. Лунный свет на нее не падал.

— А что тебе нужно?

Она ответила поцелуем. Дыхание было теплым, пахло шампанским. И на какое-то время я забыл про Элизабет и Уайрмана, корзинку для пикника и Дьюма-Ки. На какое-то время остались только она и я — как прежде, когда у меня были еще обе руки. Потом я немного поспал, пока в окно не прокрался свет зари. Потеря памяти — не всегда проблема. Иногда (может, даже часто) — это выход.

Как рисовать картину (VIII)

Проявляйте храбрость. Не бойтесь рисовать тайное. Никто не говорил, что искусство — это ласкающий ветерок; иногда оно — ураган. Даже тогда вы не должны колебаться или менять курс. Потому что, если твердить себе самую большую ложь плохого искусства (что все у вас под контролем), вы упустите шанс запечатлеть правду. Правда не всегда красива. Случается, правда — большой мальчик.

Маленькие сестры говорят: «Это лягушка Либбит. Лягушка с жубами».

А иногда это что-то еще более страшное. Что-то вроде Чарли в его ярко-синих бриджах.

Или ОНА.

Вот рисунок с маленькой Либбит, ее пальчик прижат к губам. Она говорит: «Тс-с-с-с». Она говорит: «Если вы подадите голос, она вас услышит, поэтому — тс-с-с-с». Она говорит: «Плохое может случиться, и летящие вверх лапками говорящие птицы — первое, но не последнее из череды плохого, поэтому — тс-с-с-с. Если вы попытаетесь убежать, что-то ужасное выйдет из-за кипариса или мексиканской лаванды и схватит вас на дороге. И еще более страшные твари живут в воде у Тенистого берега, страшнее большого мальчика, страшнее Чарли, который такой быстрый. Они таятся в воде, ждут, чтобы утопить вас. Но и утонуть — это еще не конец, совсем не конец. Поэтому — тс-с-с-с».

Но для настоящего художника правда превыше всего. Либбит Истлейк может закрыть рот, но остановить краски и карандаши она не в силах.

Есть только один человек, с которым она решается говорить, и только одно место, где она может это делать — единственное место в «Гнезде цапли», где ЕЕ хватка вроде бы ослабевает. Она уговаривает няню Мельду пойти туда с ней. И пытается объяснить, как такое произошло, как талант потребовал правды, а правда вырвалась из-под ее контроля. Она пытается объяснить, как рисунки начали управлять ее жизнью, и как она возненавидела маленькую фарфоровую куклу, которую папуля нашел среди остальных сокровищ: маленькую фарфоровую женщину, законное вознаграждение Либбит, положенное за находку клада. Она пытается объяснить свой самый сокровенный страх: если они ничего не сделают, смерть настигнет не только близняшек — просто они умерли первыми. *И теперь за ними последуют другие.*

Она собирает воедино всю свою храбрость (и для ребенка, почти младенца, храбрости этой требовалось ой как много) и рассказывает правду, какой бы безумной она ни казалась. Сначала о том, как сделала ураган, но идея принадлежала не ей — это была ЕЕ идея.

Я думаю, няня Мельда верит. Потому что она видела большого мальчика? Потому что она видела Чарли?

Я думаю, она видела обоих.

Правда должна выйти наружу, это основа искусства. Но это не значит, что весь мир должен ее видеть.

Няня Мельда спрашивает: «Где теперь твоя новая кукла? Фарфоровая кукла?»

Либбит отвечает: «В моей особой сокровищнице. В коробке-сердце».

Няня Мельда спрашивает: «Как ее зовут?»

Либбит отвечает: «Ее зовут Персе».

Няня Мельда говорит: «Перси — мальчишеское имя».

И Либбит отвечает: «Ничего тут не поделаешь. Ее зовут Персе. Это правда». И Либбит говорит: «У Персе есть корабль. Он выглядит красивым, но он не красивый. Он плохой. Что нам делать, няня?»

Няня Мельда думает об этом, пока они стоят в единственном безопасном месте. И я уверен, она знала, что нужно делать. Возможно, она не была художественным критиком (не Мэри Айр), но,

думаю, она знала. Храбрость — в поступке, а не в его изображении. Правду можно снова спрятать, если она слишком ужасна, чтобы явить ее миру. И такое случается. Я уверен, такое случается сплошь и рядом.

Я думаю, у любого художника, который хоть что-то собой представляет, найдется красная корзинка для пикника.

Глава 14
КРАСНАЯ КОРЗИНКА

1

— Позволите воспользоваться вашим бассейном, мистер?

Илзе, в зеленых шортиках и таком же топике. Босоногая, без косметики, с припухшим со сна лицом, с завязанными в конский хвост волосами. Так она завязывала их в одиннадцать лет и, если бы не округлости грудей, могла бы сойти за одиннадцатилетнюю.

— Будьте любезны, — ответил я.

Она села рядом со мной на выложенный кафелем бортик. Мы были ровно посередине длинной стороны бассейна. Мой зад накрывал цифру **«5»**, ее — слово **«Футов»**.

— Ты что-то рано, — добавил я, хотя меня ее появление не удивило. Илли всегда была жаворонком.

— Я тревожилась за тебя. Особенно после того, как мистер Уайрман позвонил Джеку и сообщил, что эта милая старушка умерла. Джек сказал нам. Мы были еще на обеде.

— Знаю.

— Мне так жаль. — Она положила голову мне на плечо. — И в такой знаменательный для тебя вечер.

Я обнял ее.

— В общем, я поспала пару часов. Потом встала, потому что уже рассвело. А выглянув в окно, увидела, что у бассейна сидит мой отец, один-одинешенек.

— Не мог больше спать. Надеюсь только, что не разбудил твою ма... — Я замолчал, заметив, как округлились глаза Илзе. —

Давай обойдемся без фантазий, мисс Булочка. Утешение, ничего больше.

Утешением дело не ограничилось, но я не собирался обсуждать подробности с дочерью. Если уж на то пошло — вообще ни с кем не собирался.

Она ссутулилась, потом распрямила спину, склонила голову набок, посмотрела на меня, в уголках рта проклюнулась улыбка.

— Если ты лелеешь надежду, это твое право, — продолжил я. — Могу только посоветовать проявлять сдержанность. Я всегда буду заботиться о ней, но иногда люди уходят так далеко вперед, что пути назад уже нет. Думаю... я уверен, что у нас тот самый случай.

Она вновь смотрела на ровную поверхность воды в бассейне, улыбка в уголках рта умерла. Не могу сказать, что обрадовался, но, возможно, это был наилучший вариант.

— Что ж, ладно.

Теперь я мог обсудить с ней другие вопросы. Не испытывал особого восторга от такой перспективы, но что поделаешь, я оставался ее отцом, а она во многом по-прежнему была ребенком. То есть как бы я ни скорбел в то утро об Элизабет Истлейк, какой бы сложной ни была ситуация, в которой я оказался, родительские обязанности никто с меня не снимал.

— Должен кое-что у тебя спросить, Илли.

— Слушаю.

— Ты без кольца потому, что не хочешь, чтобы твоя мать увидела его и взорвалась... тут я тебя очень хорошо понимаю... или потому, что у вас с Карсоном...

— Я вернула ему кольцо, — ровным, бесстрастным голосом ответила она. Потом засмеялась, и у меня как гора с плеч упала. — Но я отослала его через «Ю-пи-эс» и застраховала.

— Значит... все кончено?

— Ну... никогда не говори никогда. — Она побултыхала ногами в воде. — Карсон не хочет разрыва, так он говорит. Я тоже не уверена, что хочу. По крайней мере не увидевшись с ним. Телефон и электронная почта для такого разговора не годятся. Плюс я хочу увидеть, тянет ли меня к нему, и если да, то как сильно. — Она искоса взглянула на меня, с легкой озабоченностью.

— Тебе это не кажется непристойным?

— Нет, милая.

— Могу я задать тебе вопрос?

— Конечно.

— Сколько вторых шансов ты давал маме?

Я улыбнулся.

— За годы нашей семейной жизни? Пару сотен.

— А она тебе?

— Примерно столько же.

— Ты когда-нибудь... — Она запнулась. — Я не могу это спрашивать.

Я смотрел на бассейн, чувствуя, что мои щеки заливает румянец стеснительности, столь характерной представителям среднего класса.

— Раз уж мы ведем эту дискуссию в шесть утра, когда здесь нет даже обслуги, и поскольку я вроде бы знаю, какая у тебя проблема с Карсоном Джонсом, ты можешь спросить. Ответ — нет. Ни разу. Но, если уж быть предельно честным, должен сказать, что причина тому — стечение обстоятельств, а не твердокаменная праведность. Случалось, что я подходил к этому очень близко, однажды избежал этого лишь благодаря удаче, судьбе или вмешательству провидения. Я не думаю, что наша семейная жизнь оборвалась бы, если бы... этот инцидент произошел — ведь партнеру можно нанести и более жестокий удар, но не зря это называют изменой. Один промах можно оправдать правом человека на ошибку. Два промаха можно списать на человеческую слабость. Больше... — Я пожал плечами.

— Он говорит, что это случилось только раз. — Голос Илзе стих до шепота, ноги уже едва двигались в воде. — Он сказал, что она приставала к нему. И в конце концов... ты понимаешь.

Конечно. Такое случается сплошь и рядом. По крайней мере в книгах и фильмах. Может, иногда и в реальной жизни. Пусть это и звучит как самоутешительная ложь, но всякое бывает.

— Девушка, с которой он поет?

Илзе кивнула.

— Бриджит Андрейссон.

— У нее же плохо пахло изо рта.

Кислая улыбка.

— Илзе, помнится, не так давно ты говорила мне, что он должен сделать выбор.

Долгая пауза.

— Это так сложно, — наконец услышал я.

Конечно, сложно. Спросите любого пьяницу в баре, которого жена выгнала из дома. Я молчал.

— Он сказал ей, что больше не хочет ее видеть. И дуэта больше не будет. Я это точно знаю, потому что просматривала последние рецензии в Интернете. — Илзе чуть покраснела, хотя я совершенно ее не винил. Я и сам бы заглянул в Интернет. — Когда мистер Фредерик, директор турне, пригрозил отравить его домой, Карсон сказал, пусть отправляет, если хочет, но он больше не будет петь с этой набожной блондинистой сукой.

— Так и сказал?

Илзе ослепительно улыбнулась.

— Папуля, он же баптист. Я перевожу. В любом случае Карсон стоял на своем, и мистер Фредерик сдался. Для меня это очко в его пользу.

«Да, — подумал я, — но он все равно изменщик, который называет себя Смайликом».

Я взял Илзе за руку.

— И каков твой следующий шаг?

Она вздохнула. Пусть с этим конским хвостиком выглядела она на одиннадцать лет, вздох разом ее состарил до сорока.

— Не знаю. Понятия не имею.

— Тогда позволь мне дать тебе совет. Разрешаешь?

— Хорошо.

— Какое-то время держись от него подальше. — Едва мои слова сорвались с губ, я вдруг понял, что именно этого хочу всем сердцем. Но не только этого. Когда я думал о картинах «Девочка и корабль» (особенно о девочке в веселой лодке), мне хотелось сказать Илзе: «Не разговаривай с незнакомцами, не включай фен при наполненной ванне, бегай трусцой только по дорожке на территории кампуса. Никогда не пересекай Роджер-Уильямс-парк в сумерках».

Она вопросительно смотрела на меня, и мне удалось собраться с мыслями, не отвлечься от главного.

— Сразу возвращайся в колледж...

— Я хотела поговорить об этом...

Я кивнул, но сжал ее руку. Показывая, что еще не все сказал.

— Закончи семестр. Получи оценки. Позволь Карсону закончить турне. Попытайся объективно оценить ситуацию и лишь потом встречайся с ним... понимаешь, что я говорю?

— Да... — Она понимала, но по голосу не чувствовалось, что я ее убедил.

— Когда вы встретитесь, пусть это будет нейтральная территория. Я не хочу тебя смущать, но мы по-прежнему вдвоем, рядом никого нет, поэтому я тебе это скажу. Постель нейтральной территорией не является.

Она смотрела на погруженные в воду ступни. Я протянул руку. Повернул ее лицом к себе.

— Когда есть нерешенные проблемы, постель — поле боя. Я не стал бы даже обедать с человеком, не уяснив для себя, в каких мы отношениях. Встретьтесь... ну, не знаю... в Бостоне. Посидите на скамейке в парке и все обговорите. Постарайся все прояснить для себя и убедись, что у него тоже не осталось вопросов. Потом пообедайте. Сходите на игру «Ред сокс». Или прыгните в постель, если ты сочтешь это правильным. Я не хочу думать о твоей половой жизни, но это не значит, что, по моему разумению, ты не должна ее иметь.

Она рассмеялась, и мне сразу полегчало. На смех подошел полусонный официант, спросил, не хотим ли мы кофе. Мы хотели. Когда он отбыл, Илзе вновь повернулась ко мне.

— Хорошо, папуля. Твоя позиция мне понятна. Я все равно собиралась сказать, что во второй половине дня возвращаюсь в колледж. В конце недели у меня зачет по антропологии, и мы организовали небольшую учебную группу. Называется «Клуб выживших». — Она озабоченно всмотрелась в меня. — Это ничего? Я знаю, ты рассчитывал на пару дней, но теперь, после случившегося с твоей хорошей знакомой...

— Не волнуйся, милая. Все нормально. — Я чмокнул ее в кончик носа, надеясь, что с такой близи она не увидит как я доволен: и тем, что она побывала на выставке, и тем, что часть этого утра мы провели вместе, но больше всего меня радовал тот факт, что до захода солнца она будет в тысяче миль к северу от

Дьюма-Ки. При условии, что сможет купить билет на самолет. — А как насчет Карсона?

Она молчала с минуту, болтая ногами в воде. Потом встала, взяла меня за руку, помогая подняться.

— Думаю, ты прав. Я скажу ему, что если он всерьез воспринимает наши отношения, то должен взять паузу до Четвертого июля.

Теперь, когда она приняла решение, ее глаза вновь засияли.

— У меня будет время до конца семестра плюс месяц летних каникул. Он завершит турне, отыграет концерт в Коровьем дворце и на досуге сумеет подумать, действительно ли порвал с Блондинкой, как сам сейчас считает. Тебя это устроит, дорогой отец?

— Более чем.

— А вот и наш кофе. Следующий вопрос: как долго нам придется ждать завтрак?

ii

На позднем завтраке Уайрман не появился, но зарезервировал ресторанный зал в «Ритце» с восьми до десяти часов. Я, понятное дело, сидел во главе стола. Собралось больше двух десятков человек, в основном друзья и родственники из Миннесоты. Такие события запоминаются надолго, участники говорят о них десятилетиями, отчасти потому, что видят так много знакомых лиц в экзотической обстановке, отчасти из-за высокого эмоционального накала.

С одной стороны, не вызывал сомнений успех парня-из-нашего-города. Они почувствовали это еще на выставке, и их ощущения подтвердили утренние газеты. Рецензии в «Сарасота геральд трибьюн» и «Венис гондольер» были доброжелательными, хотя и короткими. Статья Мэри Айр в «Тампа трибьюн», наоборот, занимала чуть ли не целую страницу и была очень лиричной. Большую часть Мэри наверняка написала заранее. Она назвала меня «великим новым американским талантом». Моя мама (она всегда любила поворчать), сказала бы: «Добавь еще десятицентовик — и можешь с чистой совестью подтереть

жопу». Разумеется, с тех пор прошло сорок лет, и тогда купить на десятицентовик можно было куда больше, чем сейчас.

С другой стороны, все помнили об Элизабет. Некрологи еще не появились, но в «Тампа трибьюн» на одной странице с рецензией Мэри Айр разместили в черной рамке крошечную, из двух абзацев, заметку под заголовком: «С ИЗВЕСТНОЙ ПОКРОВИТЕЛЬНИЦЕЙ ИСКУССТВ СЛУЧИЛСЯ УДАР НА ВЫСТАВКЕ ФРИМАНТЛА». Далее перечислялись только факты: у Элизабет Истлейк, многие годы игравшей важную роль в культурной жизни Сарасоты и проживавшей на Дьюма-Ки, вскоре после прибытия в галерею «Скотто» начался судорожный припадок, и старушку отвезли в Мемориальную больницу. К моменту подписания номера в печать сведений о ее состоянии в редакции не было.

Миннесотские гости знали, что в ночь моего триумфа умер дорогой мне человек. Поэтому за добродушными шутками и взрывами смеха обычно следовали взгляды в мою сторону: вдруг я осуждаю чрезмерное веселье. К половине десятого съеденная яичница свинцовой чушкой лежала в моем желудке, и у меня разболелась голова — впервые чуть ли не за месяц.

Извинившись, я поднялся наверх. В моем номере, пусть я там и не ночевал, оставалась сумка, которую я взял с собой, уезжая из «Розовой громады». В мешочке с бритвенными принадлежностями лежали несколько пакетиков с зомигом, лекарством от мигрени. Зомиг не приносил мне пользы, если голова уже раскалывалась, но обычно помогал, когда головная боль только набирала обороты. Я высыпал в рот содержимое пакетика, запил колой из бара-холодильника и уже направился к двери, когда увидел мигающую лампочку на автоответчике. Решил не обращать внимания, но тут до меня дошло, что сообщение мог оставить Уайрман.

Как выяснилось, сообщений набралось полдюжины. Первые четыре оказались поздравительными, и они падали на мою больную голову, как градины на жестяную крышу. Поэтому, когда зазвучало сообщение Джимми (четвертым по счету), я нажал нужную кнопку, чтобы поскорее перейти к следующему. При таком самочувствии хотелось обойтись без восхвалений.

Пятое сообщение действительно оставил Джером Уайрман. Голос звучал устало и ошарашенно: «Эдгар, я знаю, что ты вы-

делил два дня на семью и друзей, и мне ужасно не хочется просить тебя об этом, но не могли бы мы встретиться в твоем доме во второй половине дня? Нам нужно поговорить. Действительно нужно. Джек ночевал здесь, в «Эль Паласио» — не хотел оставлять меня одного. Он потрясающе хороший парень. Мы встали рано, отправились на поиски красной корзинки, о которой она говорила, и... что ж, мы ее нашли. Лучше поздно, чем никогда, верно? Она хотела, чтобы корзинка досталась тебе, поэтому Джек повез ее в «Розовую громаду». А там обнаружил, что дверь не заперта, и, послушай, Эдгар... в доме кто-то побывал».

Тишина на линии, но я слышал его дыхание. А потом:

«Джек сильно испугался, но и ты готовься к шоку, мучачо. Хотя, возможно, ты уже представляешь себе...»

Послышался звуковой сигнал, потом пошло шестое сообщение. От того же Уайрмана, только теперь разозленного — и голос у него стал более привычным.

«И какой гад придумал ограничивать сообщения по времени! Chinche pedorra*! Эдгар, мы с Джеком едем в «Эббот-Уэкслер». Это... — пауза, — ...похоронное бюро, которое она выбрала. Я вернусь к часу. Ты обязательно должен подождать нас, прежде чем входить в дом. Там ничего не украдено, ничего не разгромлено, но я хочу быть с тобой, когда ты заглянешь в эту корзинку и когда увидишь, что оставлено в студии наверху. Мне не нравится напускать туман загадочности, но Уайрман не будет наговаривать такое на пленку, которую может прослушать, кто угодно. И вот что еще. Позвонил один из ее адвокатов. Оставил сообщение на автоответчике. Мы с Джеком в это время были на гребаном чердаке. Он сказал, что я — единственный наследник. — Пауза. — La loteria. — Пауза. — Я получаю все. — Пауза. — Что б я сдох».

Сообщение закончилось.

iii

Я нажал кнопку с нулем, чтобы соединиться с телефонисткой отеля. После короткого ожидания получил от нее номер «Похо-

* Клоп вонючий (*исп.*).

ронного бюро Эббота-Уэкслера». Позвонил. Ответивший робот предложил на удивление широкий спектр похоронных услуг («Если вам нужен выставочный зал гробов, нажмите цифру пять...»). Я ждал (в наши дни возможность поговорить с реальным человеком всегда предоставляется последней — это награда для тех баранов, которые не владеют технологиями двадцать первого века) и думал о сообщении Уайрмана. Незапертая дверь? Неужели? «Розовая громада» мне не принадлежала, но я с юных лет привык к тому, что к чужой собственности следует относиться с особым почтением. То есть практически не сомневался, что, уходя, запер дверь. И если внутри кто-то побывал, почему ее не взломали?

На мгновение я подумал о двух девочках в мокрых платьях (маленьких девочках с разложившимися лицами, которые говорили скрипучим голосом ракушек под домом) и, содрогнувшись, выпихнул этот образ из головы. Это лишь плод воображения, галлюцинация, вызванная перенапряжением. И даже если они не были галлюцинацией... призраки не отпирают двери, так? Они просто проходят сквозь них или просачиваются в помещение через щели в полу.

«...нажмите ноль, если вам нужна помощь оператора».

Господи, я едва избежал шанса прослушать эту записанную на пленку муть второй раз. Нажал на кнопку «0», в трубке зазвучала музыка (мелодия отдаленно напоминала «Пребудь со мной»*), после чего профессионально успокаивающий голос спросил, чем его обладатель может мне помочь. Я едва подавил очень сильное желание прокричать: «Моя рука! Ее так и не похоронили должным образом!» — и бросить трубку. Вместо этого, зажав плечом трубку возле уха и потирая лоб над правой бровью, спросил, ушел ли уже Джером Уайрман или нет.

— Позвольте спросить, кого из усопших он представляет?

Жуткий образ возник перед моим мысленным взором: безмолвный зал суда для покойников и Уайрман, говорящий: «Ваша честь, я протестую».

— Элизабет Истлейк, — ответил я.

* «Пребудь со мной» (Abide with me) — гимн, написанный английским священником и поэтом Генри Френсисом Лайтом (1793—1847) за три недели до смерти. Часто исполняется на христианских похоронах.

— Да, конечно. — Голос потеплел, стал более человечным. — Он и его молодой друг только что отбыли... кажется, они собирались заняться некрологом мисс Истлейк. Возможно, у меня для вас есть сообщение. Подождете?

Я ждал. В трубке вновь звучала мелодия «Пребудь со мной». Похоронных дел мастер вернулся.

— Мистер Уайрман спрашивает, сможете ли вы встретиться с ним и... э... мистером Кэндури, около вашего дома на Дьюма-Ки в два часа пополудни. В записке указано: «Если приедете раньше, пожалуйста, подождите снаружи». Вы все поняли?

— Да. Вы не знаете, когда он вернется?

— Нет, об этом он ничего не сказал.

Я поблагодарил его и положил трубку. Уайрман редко брал с собой мобильник, да и номера я не знал, но у Джека телефон всегда был при себе. Я нашел в бумажнике его номер, набрал. Вместо гудка механический голос сообщил мне, что абонент временно недоступен. Это означало, что Джек или не зарядил аккумулятор, или не оплатил счет. И оба варианта были равновероятными.

«Джек сильно испугался, но и ты готовься к шоку».

«Я хочу быть с тобой, когда ты заглянешь в эту корзинку».

Но я уже представлял себе, что будет в корзинке, и сомневался, что Уайрмана очень уж удивило ее содержимое.

Едва ли.

iv

Миннесотская мафия молча восседала за длинным столом в зале ресторана, и даже до того, как Пэм встала, я понял, что в мое отсутствие они не только говорили обо мне. Они провели совещание.

— Мы возвращаемся обратно, — объявила Пэм. — Во всяком случае, большинство из нас. Слоботники собираются заглянуть в «Диснейуолд», раз уж они здесь, Джеймисоны отправляются в Майами...

— И мы собираемся поехать с ними, папуля, — подала голос Мелинда. Она держала Рика за руку. — Оттуда мы вылетим в

Орли, и билеты стоят дешевле, чем на тот рейс, который ты нам забронировал.

— Думаю, мы можем позволить себе такие расходы, — ответил я, пытаясь улыбнуться. Я ощущал странную смесь облегчения, разочарования и страха. Одновременно почувствовал, как обручи, стягивающие голову, разжались и начали падать вниз. Мигрень как рукой сняло. Возможно, благодарить следовало зомиг, но обычно препарат этот так быстро не действовал, даже если запивать его напитком с большим количество кофеина.

— Ваш друг Уайрман связывался с вами этим утром? — пророкотал Кеймен.

— Да, он оставил сообщение на автоответчике.

— И как он?

Что ж, это была длинная история.

— Справляется, занимается похоронами... и Джек ему помогает... но он потрясен.

— Поезжай и тоже помоги ему, — сказал Том Райли. — Это твоя работа на сегодня.

— Да, конечно, — поддержал его Боузи. — Ты тоже скорбишь, Эдгар. И тебе нет необходимости и дальше оставаться в роли хозяина, принимающего гостей.

— Я позвонила в аэропорт. — Пэм говорила так, словно я запротестовал, чего не было и в помине. — «Гольфстрим» к вылету готов. И консьерж уже помогает нам с отъездом. Как бы то ни было, утро в нашем распоряжении. Вопрос в том, чем нам заняться?

В результате мы провели утро в полном соответствии с намеченным мною планом: посетили Художественный музей Джона и Мэбл Ринглинг.

И я был в берете.

V

А потом я стоял в зале вылета «Долфин эвиэшн» и прощался со своими друзьями, целовался, обнимался, жал руки. Мелинда, Рик и Джеймисоны нас уже покинули.

Кэти Грин, королева лечебной физкультуры, поцеловала меня с присущей ей энергичностью.

— Заботься о себе, Эдгар. Я люблю твои картины, но гораздо больше горжусь тем, как ты двигаешься. Потрясающий прогресс. Хотела бы я показать тебя моей последней группе нытиков.

— Очень уж ты строгая, Кэти.

— Совсем и не строгая. — Она вытерла глаза. — По правде говоря, внутри я мягкая — настоящая размазня.

Потом надо мной навис Кеймен.

— Если вам понадобится помощь, незамедлительно связывайтесь со мной.

— Будет исполнено. Тотчас же напишу по известному мне электронному адресу.

Кеймен улыбнулся. Приятно, знаете ли, видеть улыбку Бога.

— Я не думаю, что вы уже пришли в норму, Эдгар. Могу только надеяться, что все у вас будет хорошо. Никто не заслуживает этого больше, чем вы.

Я его обнял. Одной рукой. И он меня — двумя.

К самолету я шел рядом с Пэм. Мы постояли у трапа, пока другие поднимались в салон. Она взялась за мою руку, внимательно посмотрела мне в глаза.

— Я собираюсь поцеловать тебя в щеку, Эдгар. Илли смотрит, и я не хочу, чтобы она неправильно все истолковала.

Поцеловала, потом добавила:

— Я тревожусь о тебе. Взгляд у тебя какой-то затравленный.

— Элизабет...

Она покачала головой.

— Он был таким и вчера вечером, до того, как она появилась в галерее. Даже когда тебя все радовало. Этот взгляд... Не знаю... В прошлом я видела его лишь однажды, в девяносто втором, когда казалось, что ты не сможешь погасить кредит и потеряешь свою компанию.

Двигатели выли, горячий ветер трепал ее волосы, превращая аккуратно уложенные локоны во что-то более молодое и естественное.

— Могу я кое о чем тебя спросить, Эдди?

— Конечно.

— Ты можешь рисовать где угодно? Или только здесь?

— Думаю, где угодно. Но в других местах и картины будут другими.

Она пристально смотрела на меня. Почти что с мольбой.

— Все равно перемена может пойти на пользу. Тебе нужно избавиться от этого взгляда. Я не говорю о возвращении в Миннесоту, нужно просто... уехать куда-нибудь еще. Ты об этом подумаешь?

— Да. — «Но лишь после того, как загляну в красную корзинку для пикника, — добавил про себя я. — И после того, как хотя бы раз побываю на южной оконечности Дьюмы». Я думал, что мне это удастся. Потому что плохо стало Илзе — не мне. Я-то отделался окрашенными красным воспоминаниями о несчастном случае. И фантомным зудом.

— Будь здоров, Эдгар. Я точно не знаю, каким ты стал, но прежнего Эдгара осталось достаточно много, чтобы любить тебя. — Она поднялась на цыпочки в белых сандалиях (несомненно, купленных специально для этой поездки) и вновь поцеловала меня в щетинистую щеку.

— Спасибо, — ответил я. — Спасибо за прошлую ночь.

— Благодарить незачем. Все было прекрасно.

Она пожала мне руку. Потом поднялась по трапу и скрылась в самолете.

VI

Я вновь оказался в зале вылета терминала «Дельты». На этот раз без Джека.

— Только ты и я, мисс Булочка. Такое ощущение, что мы засиделись дольше всех.

Тут я заметил, что она плачет, и обнял ее.

— Папуля, я так хочу остаться с тобой!

— Возвращайся в колледж, милая. Подготовься к зачету и сдай на отлично. Скоро мы с тобой увидимся.

Она отпрянула. Озабоченно посмотрела на меня.

— У тебя все будет хорошо?

— Да. И у тебя все должно быть хорошо.

— Я постараюсь. Постараюсь.

Я вновь обнял ее.

— Иди. Зарегистрируйся. Купи журналы. Посмотри Си-эн-эн. Счастливого тебе полета.

— Хорошо, папуля. Все было замечательно.

— Ты у меня замечательная.

Она от души чмокнула меня в губы (вероятно, компенсировала тот поцелуй, что придержала ее мать) и прошла через раздвижные двери. Один раз обернулась и помахала мне рукой — к тому времени став уже силуэтом за поляризованным стеклом. И как же я жалею, что не разглядел ее тогда получше — ведь я видел ее в последний раз.

vii

Из Художественного музея Ринглингов я позвонил в два места — в похоронное бюро и на автоответчик «Эль Паласио», а после оставил сообщение для Уайрмана: пообещал вернуться к трем часам и попросил встретить меня у моего дома. И еще попросил передать Джеку, что тот достаточно взрослый (раз уж имеет право голосовать и ходит на вечеринки с второкурсницами Флоридского университета), чтобы держать мобильник в рабочем состоянии.

Я вернулся на Дьюма-Ки около половины четвертого, но и автомобиль Джека, и коллекционный серебристый «бенц» Элизабет уже стояли на квадрате потрескавшегося бетона справа от «Розовой громады». Джек и Уайрман сидели на ступеньках и пили чай со льдом. Джек — в том же сером костюме, но уже с привычно растрепанными волосами и в футболке «Морских дьяволов» под пиджаком. Уайрман — в черных джинсах, белой рубашке с расстегнутым воротником и в сдвинутой на затылок бейсболке.

Я припарковался, вылез из автомобиля и потянулся, чтобы размять больную ногу. Они поднялись, подошли ко мне, ни один не улыбался..

— Все уехали, амиго? — спросил Уайрман.

— Все, кроме моей тети Джин и дяди Бена, — ответил я. — Они — бывалые халявщики, и возьмут все, что им пообещали.

Джек улыбнулся, но как-то невесело.

— Такие есть в каждой семье, — заметил он.

— Как ты? — спросил я Уайрмана.

— Если ты насчет Элизабет, то нормально. Хэдлок говорит, что, возможно, это наилучший вариант, и я готов признать его правоту. А вот ее решение оставить мне сто шестьдесят миллионов долларов деньгами, активами и собственностью... — Он покачал головой. — Это уже другое. Может, со временем мне удастся с этим свыкнуться, но сейчас...

— Сейчас что-то происходит.

— Si, senor. И очень странное.

— Что ты рассказал Джеку?

Уайрман замялся.

— Вот что я тебе скажу, амиго. Раз начав, трудно определить ту черту, перед которой следует остановиться.

— Он рассказал мне все, — вмешался Джек. — Во всяком случае, по его мнению. И о том, что вы сделали с его зрением, и о Кэнди Брауне. — Он помолчал. — И о двух девочках, которых вы видели.

— И что ты можешь сказать насчет Кэнди Брауна?

— Будь моя воля, я бы наградил вас медалью. А жители Сарасоты, вероятно, выделили бы вам персональную платформу во время парада в День памяти погибших в войнах. — Джек сунул руки в карманы. — Но если бы прошлой осенью вы сказали мне, что такое может случиться не только в кинофильмах, но и в реальной жизни, я бы рассмеялся.

— А на прошлой неделе? — спросил я.

Джек задумался. С той стороны «Розовой громады» волны мерно накатывали на берег. Под гостиной и спальней шептались ракушки.

— Нет, — наконец ответил Джек. — Вероятно, смеяться бы не стал. Я с самого начала понял, что вы какой-то особенный, Эдгар. Вы приехали сюда и... — Он сложил ладони, переплел пальцы. И я подумал, что он прав. Так оно и было. Как переплетенные пальцы обеих рук. И тот факт, что у меня была одна рука, не имел ровно никакого значения.

Во всяком случае, в данном конкретном случае.

— О чем ты говоришь, hermano*?

Джек пожал плечами.

— Эдгар и Дьюма. Дьюма и Эдгар. Они словно ждали друг друга. — На его лице читалось смущение, но в своих словах он определенно не сомневался.

Я махнул рукой в сторону двери.

— Тогда пошли.

— Сначала расскажи ему, как ты нашел корзинку, — попросил Уайрман Джека.

Тот пожал плечами.

— Потеть не пришлось; не заняло и двадцати минут. Она стояла на каком-то старом комоде в дальнем конце чердака. На нее падал свет из вентиляционной трубы. Словно она хотела, чтобы ее нашли. — Джек посмотрел на Уайрмана, который согласно кивнул. — Потом мы отнесли корзинку вниз и заглянули в нее. Она была чертовски тяжелая.

Слова Джека о тяжести корзинки заставили меня подумать о том, как Мельда, домоправительница, держит корзинку на семейном портрете: мышцы на руках напряглись. Вероятно, корзинка и тогда была тяжелой.

— Уайрман попросил отвезти корзинку сюда и оставить для вас, поскольку у меня был ключ... да только ключ мне не потребовался. Дверь была не заперта.

— То есть ты нашел ее распахнутой?

— Нет. Я вставил ключ в скважину и повернул, а получилось — закрыл замок. Ну я удивился...

— Пошли. — Уайрман двинулся к двери. — Пора не только говорить, но и смотреть.

На деревянном полу прихожей я увидел многое из того, что обычно встречалось на берегу: песок, мелкие ракушки, пару стручков софоры, несколько пучков сухой меч-травы. А также следы. Отпечатки подошв кроссовок Джека. И другие, от одного вида которых по коже побежали мурашки. Я насчитал три цепочки следов. Одна — больших, две — маленьких. Маленькие следы определенно оставили дети. Вся троица обошлась без обуви.

---

* брат (*исп.*).

— Вы видите, что они ведут наверх, становясь все менее заметными? — спросил Джек.

— Да. — Даже мне показалось, что мой голос долетел издалека.

— Я шел рядом, потому что не хотел их затереть, — продолжил Джек. — Если бы я знал все то, что рассказал мне Уайрман, пока мы ждали вас, не думаю, что я решился бы подняться по лестнице.

— Не стал бы тебя винить, — кивнул я.

— Но наверху никого не было. Только... вы сами все увидите. Смотрите. — Он подвел меня к лестнице. Девятая ступенька находилась на уровне глаз, свет падал на нее сбоку. Я увидел едва заметные детские следы, ведущие в обратном направлении.

— С этим мне все ясно. Дети поднялись в вашу студию, потом спустились вниз. Взрослый оставался у двери, вероятно, стоял на стреме... хотя, если произошло это глубокой ночью, едва ли стоило кого-то опасаться. Вы включали охранную сигнализацию?

— Нет. — Я не решался встретиться с ним взглядом. — Не могу запомнить код. Он записан на листочке, который лежит у меня в бумажнике, но каждый раз, когда я вхожу в дверь, начинается гонка: я должен набрать код, пока пикает этот гребаный звуковой сигнал...

— Все нормально. — Уайрман сжал мое плечо. — Эти грабители ничего не взяли. Напротив — оставили.

— Вы же не верите, что мертвые сестры мисс Истлейк вновь навестили вас? — спросил Джек.

— Если на то пошло, я считаю, что так оно и было. — Я подумал, что мой ответ прозвучал глупо под ярким светом второй половины апрельского дня, когда солнечные лучи обрушивались на Залив и отражались от него, но ошибся.

— В «Скуби-Ду» оказалось бы, что это проделки безумного библиотекаря, — заметил Джек. — Понимаете, чтоб вы испугались и покинули остров, а он смог бы сохранить сокровище для себя.

— У нас не мультфильм, — вздохнул я.

— Допустим, маленькие следы оставлены Тесси и Лаурой Истлейк. Тогда кому принадлежат большие? — спросил Уайрман.

Никто из нас не ответил.

— Пойдемте наверх, — предложил я. — Я хочу заглянуть в корзинку.

Мы поднялись по лестнице (избегая следов: не для того, чтобы их сохранить — просто не хотели на них наступать). Корзинка для пикника, которая выглядела точно так же, как и та, что я нарисовал ручкой, украденной в кабинете доктора Джина Хэдлока, стояла на ковре, но сперва мой взгляд упал на мольберт.

— Можете мне поверить, я удрал, едва это увидел, — признался Джек.

Я мог ему поверить, но желания ретироваться вниз не испытывал. Наоборот, меня тянуло к мольберту, совсем как железо — к магниту. На мольберте стоял чистый холст, и под покровом темноты (то ли когда умирала Элизабет, то ли когда я в последний раз занимался сексом с женой, то ли когда спал после секса рядом с ней) кто-то окунул палец в мою краску. Кто именно? Не знаю. В какую краску? Это очевидно — в красную. Буквы качались из стороны в сторону, поднимались и опускались относительно друг друга. Красные буквы. Обвиняющие. Они буквально кричали.

ГДЕ НАША СЕСТРА

viii

— Произведение искусства. — Я едва узнал собственный голос, вдруг ставший сухим и дребезжащим.

— Так это называется? — спросил Уайрман.

— Разумеется. — Буквы начали расплываться, и я вытер глаза. — Граффити. В «Скотто» пришли бы в восторг.

— Возможно, но меня это дерьмо пугает, — сказал Джек. — Я его ненавижу.

Я тоже ненавидел. Это была моя студия, черт побери, *моя*! Я заплатил за ее аренду! Я сдернул холст с мольберта, и в это мгно-

вение возникло предчувствие, что он вспыхнет у меня в руках. Не вспыхнул. Да и не с чего — обычный холст, я сам его и натягивал. Я прислонил холст лицевой стороной к стене.

— Так лучше?

— В общем, да, — ответил Джек, и Уайрман кивнул. — Эдгар... если эти девочки побывали здесь... могут ли призраки рисовать на холсте?

— Если они могут двигать круги с буквами и цифрами на спиритической доске и писать на покрытом изморозью стекле, полагаю, им под силу и рисовать на холсте. — Я помолчал и с неохотой добавил: — Но я не могу представить себе призрака, открывающего мою входную дверь. Или ставящего холст на мольберт.

— То есть холста здесь не было?

— Уверен, что нет. Чистые холсты — на стойке в углу.

— А что за сестра? — поинтересовался Джек. — Кто та сестра, о которой они спрашивают?

— Должно быть, Элизабет, — ответил я. — Она единственная оставшаяся сестра.

— Чушь, — покачал головой Уайрман. — Если Тесси и Лаура попали в пользующийся популярностью во все времена загробный мир, проблем с поиском Элизабет у них не возникло бы: более пятидесяти пяти лет Элизабет прожила здесь, на Дьюма-Ки, а больше они и нигде не бывали.

— А как насчет других сестер Элизабет? — спросил я.

— Мария и Ханна умерли, — ответил Уайрман. — Ханна — в семидесятых, в штате Нью-Йорк, по-моему, в Оссининге, а Мария — в начале восьмидесятых, где-то на западе. Обе выходили замуж, Мария даже дважды. Я узнал об этом от Криса Шэннингтона, не от мисс Истлейк. Она иногда говорила об отце, но о сестрах не упоминала ни разу. Она оборвала все связи с семьей после того, как вместе с Джоном вернулась сюда в тысяча девятьсот пятьдесят первом.

«где наша сестра?»

— А Адриана? Что известно о ней?

Уайрман пожал плечами.

— Quien sabe? История сокрыла ее в своих глубинах. Шэннингтон думает, что она и ее новый муж вернулись в Атланту

после завершения поисков близняшек. Они не присутствовали на поминальной службе.

— Она могла обвинить отца в том, что произошло, — вставил Джек.

Уайрман кивнул.

— А может, просто не могла оставаться на Дьюме.

Я вспомнили надутое личико (я-хочу-быть-где-то-еще) Адрианы на семейном портрете и подумал, что в словах Уайрмана что-то есть.

— В любом случае, — продолжил Уайрман, — она наверняка мертва. Если б еще жила, то готовилась бы отметить столетний юбилей. Вероятность этого крайне мала.

«где наша сестра?»

Уайрман сжал мою руку, развернул меня к себе. Его лицо осунулось, постарело.

— Мучачо, если что-то сверхъестественное убило мисс Истлейк с тем, чтобы заткнуть ей рот, может, нам следует понять намек и удрать с Дьюма-Ки?

— Я думаю, уже поздно, — ответил я.

— Почему?

— Потому что она снова проснулась. Так сказала Элизабет перед смертью.

— Кто проснулся?

— Персе, — ответил я.

— Кто это?

— Не знаю. — Я пожал плечами. — Но, думаю, нам предстоит утопить ее, чтобы она снова заснула.

IX

При покупке корзинка для пикника была алой и лишь немного выцвела за свою долгую жизнь, возможно, потому, что большую часть времени простояла на чердаке. Я приподнял ее за одну ручку. Действительно, весила корзинка немало — по моим прикидкам, фунтов двадцать. Прутья на дне, хоть и были прежде плотно сплетенными, слегка продавились. Я поставил корзинку на ковер, развел деревянные ручки в стороны, откинул

крышку. Петли едва слышно скрипнули.

Сверху лежали цветные карандаши, от большинства остались короткие огрызки. А под ними — рисунки, сделанные вундеркиндом более восьмидесяти лет тому назад. Маленькой девочкой, которая в возрасте двух лет упала с запряженного пони возка, ударилась головой и очнулась с припадками и магической способностью рисовать. Я это знал, пусть даже рисунок на первом листе и не был рисунком в полном смысле этого слова. Действительно, ну какой это рисунок:

Я поднял листок. Под ним увидел вот это:

А дальше рисунки стали рисунками, прибавляя в сложности и мастерстве с невероятной быстротой. Поверить, что такое возможно, мог разве что Эдгар Фримантл, который рисовал лишь завитушки до того, как несчастный случай на стройплощадке лишил его руки, размозжил голову и едва не отправил на тот свет.

Она рисовала поля. Пальмы. Берег. Огромное черное лицо, круглое, как баскетбольный мяч, с улыбающимся красным ртом (вероятно, лицо Мельды — домоправительницы), хотя эта Мельда больше напоминала ребенока-переростка на снимке, сделанном с очень близкого расстояния. Потом пошли животные: еноты, черепаха, олень, рысь — нормальных пропорций, но идущие по Заливу или летающие по воздуху. Я нашел цаплю, нарисованную с мельчайшими подробностями, которая стояла на ограждении балкона дома, где выросла девочка. Под этим рисунком лежала акварель той же птицы, только теперь цапля летела над плавательным бассейном вверх ногами. И глаза-буравчики, которые смотрели с рисунка, были того же цвета, что и сам бассейн. «Она делала то же, что и я, — мелькнула мысль,

и по коже опять побежали мурашки. — Пыталась заново открыть ординарное, сделать его новым, превратить в грезу».

Дарио, Джимми и Элис кончили бы в штаны, если б увидели эти картины? Думаю, сомнений в этом нет и быть не может.

Она нарисовала двух девочек (конечно же, Тесси и Лауру), с широченными улыбками, старательно растянутыми, уходящими за пределы лица.

Она нарисовала папулю — выше дома, рядом с которым он стоял (наверняка первым «Гнездом цапли»), с сигарой размером с ракету. И дым окольцовывал луну над его головой.

Она нарисовала двух девочек в темно-зеленых свитерах на проселочной дороге. На головах они несли книги, как африканские девушки носят кувшины с водой. Несомненно, Марию и Ханну. Позади них шли лягушки. Отрицая законы перспективы, с удалением от девочек они увеличивались, а не уменьшались.

Потом в творчестве Элизабет начался период «Улыбающихся Лошадей». Этих рисунков набралось более десятка. Я быстро их пролистал, потом вернулся к одному, постучал по нему пальцем.

— Тот самый рисунок из газетной статьи.

— Копни глубже, — откликнулся Уайрман. — Ты еще ничего не видел.

Снова лошади... члены семьи, нарисованные карандашами, углем или веселенькими акварельными красками, всегда держащие друг друга за руки, как вырезанные из бумаги куклы... потом ураган, вода — волнами выплескивающаяся из бассейна, кроны пальм, которые рвал ветер.

Всего рисунков было далеко за сотню. Хоть Элизабет и была ребенком, но она фонтанировала. Еще два или три рисунка урагана... может, той «Элис», что отрыл сокровища, может, урагана вообще, точно не скажешь... Залив... еще Залив, на этот раз с летающими рыбами размером с дельфинов... Залив с пеликанами — и радуга в каждом раскрытом клюве... Залив на закате дня... и...

Я замер, горло перехватило.

В сравнении со многими другими рисунками, просмотренными мной, этот поражал простотой: силуэт корабля на фоне умирающего света, пойманный в тот самый момент, когда день сменяется ночью, но эта простота наполняла рисунок могущест-

вом. И, конечно же, я так и подумал, когда нарисовал то же самое в мой первый вечер, проведенный в «Розовой громаде». Здесь был тот же трос, натянутый между носом корабля и, как, возможно, говорили в те далекие времена, башней Маркони*, создающий ярко-оранжевый треугольник. И свет, поднимаясь над водой, менялся точно так же: от оранжевого к синему. Я увидел даже наложение цветов, отчего корабль (поменьше, чем у меня) выглядел как далекий призрак, ползущий на север.

— Я это рисовал, — выдохнул я.

— Знаю, — кивнул Уайрман. — Я видел. Ты назвал этот рисунок «Здрасьте».

Я зарылся глубже, доставая акварели и карандашные рисунки, зная, что в конце концов найду. И — да, у самого дна я добрался до картины, на которой Элизабет первый раз изобразила «Персе». Только она нарисовала корабль новехоньким — изящную трехмачтовую красоту с убранными парусами на сине-зеленой воде Залива под фирменным солнцем Элизабет Истлейк, выстреливающим длинными, счастливыми лучами. Это была прекрасная работа, на которую следовало смотреть под мелодию калипсо.

Но в отличие от других картин Элизабет в этой чувствовалась фальшь.

— Смотри дальше, мучачо.

Корабль... корабль... семья — не вся, только четверо, стоят на берегу, держась за руки, как бумажные куклы, все со счастливыми элизабетовскими улыбками... корабль... дом, перед ним — стоящий на голове черный парковый жокей**... корабль — белоснежное великолепие... Джон Истлейк...

Джон Истлейк *кричит*... кровь хлещет из носа и одного глаза...

Я, как зачарованный, уставился на эту картину. Акварель ребенка, выполненную с дьявольским мастерством. Изображенный на ней мужчина обезумел от ужаса, горя, или от того и другого.

---

* Башня Маркони — радиомачта.

** Черный парковый жокей — статуя, которой украшали лужайки или дворы. Во времена, предшествующие политкорректности, — негр с гипертрофированными чертами лица (выпученные глаза, толстые губы, плоский нос) в одежде жокея. Ныне жокей стал белым.

— Господи, — выдохнул я.

— Еще одна картина, мучачо, — услышал я Уайрмана. — Только одна.

Я поднял картину с кричащим мужчиной. Лист с высохшими акварельными красками затрещал, как кости. Под кричащим отцом лежал корабль, и это был мой корабль. Мой «Персе». Элизабет нарисовала его в ночи, и не кисточкой — я видел отпечатки детских пальчиков в разводах серого и черного. На этот раз ее взгляд пробил маскировочную завесу «Персе». Доски потрескались, паруса провисли и зияли дырами. Вокруг корабля, синие в свете луны, которая не улыбалась и не выстреливала счастливые лучи, из воды торчали сотни рук скелетов. И руки эти, с которых капала вода, салютовали стоящему на юте бесформенному бледному существу — вроде бы женщине, одетой в какую-то рванину, то ли широкий плащ, то ли саван... то ли мантию. И это была красная мантия, моя красная мантия, но нарисованная спереди. Три пустых глазницы зияли в голове, ухмылка растянулась шире лица в безумном смешении губ и зубов. Этот рисунок был куда страшнее моих картин «Девочка и корабль», потому что Элизабет разом докопалась до самой сути, не дожидаясь, пока разум осмыслит увиденное. «Это и есть жуть, — говорил рисунок. — Это и есть жуть, которую мы боимся найти затаившейся в ночи. Смотрите, как она ухмыляется под светом луны. Смотрите, как утопшие приветствуют ее».

— Господи, — повторил я и повернулся к Уайрману. — Как думаешь, когда? После того, как ее сестры?..

— Наверняка. Наверняка таким способом она пыталась справиться с трагедией, или ты не согласен?

— Не знаю. — Какая-то моя часть пыталась подумать об Илзе и Мелинде, другая, наоборот, старалась о них не думать. — Не знаю, как ребенок... любой ребенок... мог такое создать.

— Память рода, — ответил Уайрман. — Так бы сказали юнгианцы.

— А как я нарисовал этот же самый гребаный корабль? Может даже, и это самое *существо*, но только со спины? Есть у юнгианцев какие-то теории на этот счет?

— Элизабет не назвала свой корабль «Персе», — заметил Джек.

— Ей же было всего четыре года. Сомневаюсь, чтобы название что-то для нее значило. — Я подумал о ее более ранних картинах, на которых кораблю удавалось прятаться за белой красотой. — Особенно когда она наконец-то увидела, какой он на самом деле.

— Ты говоришь так, словно корабль реальный, — заметил Уайрман.

Во рту у меня пересохло. Я пошел в ванную, набрал стакан воды, выпил.

— Не знаю, верю я в это или нет, но у меня есть главное житейское правило, Уайрман. Если один человек что-то видит, это, возможно, галлюцинация. Если видят двое, то шансы на то, что это реальность, возрастают многократно. Элизабет видела «Персе», и я его тоже видел.

— В вашем *воображении*, — напомнил Уайрман. — Вы видели его в вашем *воображении*.

Я наставил палец на лицо Уайрмана.

— Ты знаешь, на что способно мое воображение.

Он не ответил — только кивнул. И сильно побледнел.

Вмешался Джек:

— Вы сказали: «Однажды она увидела, какой он на самом деле». Если корабль на этой картине реальный, тогда что он такое?

— Думаю, ты знаешь, — ответил ему Уайрман. — Думаю, мы все знаем; этого чертовски трудно не понять. Просто боимся сказать вслух. Давай, Джек. Бог ненавидит труса.

— Ладно, это корабль мертвых, — бесстрастно прозвучал голос Джека в моей чистой, ярко освещенной студии. Он поднял руки, медленно прошелся пальцами по волосам, отчего они взъерошились еще сильнее. — Но вот что я вам скажу. Если именно это приплывет за мной в конце жизни, я бы предпочел вообще не рождаться.

X

Толстую стопку рисунков и акварелей я отодвинул в сторону, довольный тем, что более не вижу двух последних. Потом посмотрел на то, что тяжелым грузом лежало под рисунками.

Боезапас пистолета для подводной охоты. Я достал один из гарпунов. Длиной около пятнадцати дюймов, довольно тяжелый. С древком из стали, не алюминия (я не знаю, использовался ли алюминий в начале двадцатого века). На рабочем конце к острию сходились три лезвия — потускневших, но выглядевших острыми. Я коснулся одного пальцем, и на коже тут же появилась крошечная капелька крови.

— Вам нужно его продезинфицировать, — встревожился Джек.

— Да, конечно, — ответил я. Поднял гарпун, повернулся к послеполуденному солнцу. Блики забегали по стенам. Короткий гарпун обладал устрашающей красотой. Такое определение приберегают исключительно для эффективного оружия. — В воде он далеко не полетит. Слишком тяжелый.

— Как бы не так, — возразил Уайрман. — Гарпун выстреливается пружиной и сжатым углекислым газом из баллончика. Так что начальная скорость приличная. И в те времена дальность не требовалась. Залив кишел рыбой, даже вблизи берега. Когда Истлейк хотел кого-нибудь подстрелить, он обычно это делал в упор.

— Меня удивляют эти наконечники.

— Меня тоже, — кивнул Уайрман. — В «Эль Паласио» с десяток гарпунов, считая те четыре, что на стене в библиотеке, но таких там нет.

Джек вернулся из ванной, принес пузырек перекиси водорода. Взял гарпун, который я держал в руке, присмотрелся к наконечнику с тремя лезвиями.

— Что это? Серебро?

Уайрман соорудил из большого и указательного пальца пистолет и направил на Джека.

— Карты можешь не показывать, но Уайрман думает, что ты сорвал банк.

— А вы этого не поняли? — спросил Джек.

Мы с Уайрманом переглянулись, вновь повернулись к Джеку.

— Вы, похоже, смотрите не те фильмы, — пояснил он. — Серебряными пулями пользуются, когда нужно убить оборотня. Я не знаю, эффективно ли серебро против вампиров, но, очевид-

но, кто-то думал, что да. Или надеялся, что окажется эффективным.

— Если ты предполагаешь, что Тесси и Лаура Истлейк — вампиры, — заметил Уайрман, — то жажда мучила их с тысяча девятьсот двадцать седьмого года, так что теперь им чертовски хочется пить. — И он посмотрел на меня, рассчитывая на поддержку.

— Думаю, в словах Джека что-то есть. — Я взял пузырек с перекисью, заткнул горлышко пораненной подушечкой пальца, несколько раз встряхнул пузырек.

— Мужской закон*, — поморщился Джек.

— Нет, если, конечно, ты не собираешься это пить, — ответил я, и через мгновение мы с Джеком расхохотались.

— Что? — спросил Уайрман. — Я не понял.

— Не важно. — Джек все улыбался. Потом лицо его стало серьезным. — Но ведь вампиров не существует, Эдгар. Могут быть призраки, с этим я соглашусь — думаю, большинство верит, что призраки могут быть — но не вампиры! — Тут он просиял, словно в голову пришла блестящая мысль. — Кроме того, только вампир может сделать человека вампиром. А близняшки Истлейк утонули.

Я вновь поднял короткий гарпун, покрутил в руке, блики от потускневшего наконечника расцветили стену.

— И все-таки он наводит на размышления.

— Действительно, — согласился Джек.

— Как и незапертая дверь, которую ты обнаружил, когда принес корзинку для пикника, — добавил я. — Следы. Холст, который сняли со стойки и поставили на мольберт.

— Ты говоришь, что без безумного библиотекаря все-таки не обошлось, амиго?

— Нет. Просто... — Мой голос дрогнул, сорвался. И я смог продолжить лишь после еще одного глотка воды: — Возможно,

* «Мужские законы» — рекламные ролики пива «Миллер лайт». Законы — ответы на вопросы. Джек подразумевает вопрос: «Если друг приносит тебе из бара бутылку пива «Миллер лайт», может ли он сунуть палец в горлышко, чтобы принести сразу несколько бутылок?» Ответ: «Нет. Если ты сунул палец в горлышко — это только твоя бутылка».

вампиры — не единственные, кто может вернуться из мира мертвых.

— О ком вы говорите? — спросил Джек. — О зомби?

Я подумал о «Персе» и гниющих парусах.

— Скажем так — о дезертирах.

XI

— Эдгар, ты уверен, что этим вечером хочешь остаться здесь один? — спросил Уайрман. — Потому что, по моему разумению, эта идея не из лучших. Особенно если компанию тебе составят все эти рисунки. — Он вздохнул. — Ты сумел напугать Уайрмана по полной программе.

Мы сидели во «флоридской комнате», наблюдая, как солнце начинает долгий, пологий спуск к горизонту. Я принес сыр и крекеры.

— Я уверен, что иначе ничего не получится. Воспринимай меня как снайпера, разящего кистью или карандашом. Я рисую в одиночку, дружище.

Джек смотрел на меня поверх стакана с чаем.

— И что вы собираетесь нарисовать?

— Ну... набросок. Я знаю, как это делается. — И, вернувшись мыслями к одной паре садовых рукавиц (с надписью **«РУКИ»** на одной и **«ПРОЧЬ»** — на другой), я подумал, что наброска вполне хватит, особенно если сделать его цветными карандашами Элизабет Истлейк.

Я развернулся к Уайрману:

— Вечером у тебя снят зал в похоронном бюро?

Уайрман посмотрел на часы, тяжело вздохнул.

— Совершенно верно. С шести и до восьми. И завтра с ней будут прощаться с двенадцати до двух. Родственники приедут издалека, чтобы точить зубы на наглого узурпатора. То есть на меня. Потом завершающий аккорд, послезавтра. Похоронная служба в Унитарианской вселенской церкви в Оспри. В десять утра. Далее кремация в «Эббот-Уэкслер». Гори, гори ясно, чтобы не погасло.

У Джека перекосило лицо.

— Это без меня.

Уайрман кивнул.

— Смерть ужасна, сынок. Помнишь, как мы пели в детстве? «Червь заползает, червь выползает, гной вытекает, как мыльная пена».

— Класс, — вставил я.

— Это точно, — согласился Уайрман. Взял крекер, пристально его осмотрел, потом так сильно бросил на поднос, что крекер, отскочив, упал на пол. — Безумие какое-то. Вся эта история.

Джек поднял крекер, уже собрался съесть, потом все-таки отложил в сторону. Возможно, решил, что есть крекеры, поднятые с пола «флоридской комнаты», — нарушение другого мужского закона. Возможно, так оно и было. Мужских законов хватало.

— Когда этим вечером будешь возвращаться из похоронного бюро, загляни сюда и проверь, как я, хорошо? — попросил я Уайрмана.

— Да.

— Если я скажу тебе, что все в порядке, ты просто поедешь домой.

— Чтобы не мешать тебе общаться с твоей музой. Или с духами.

Я кивнул, потому что он не очень-то грешил против истины. Потом я повернулся к Джеку:

— И ты останешься в «Эль Паласио», пока Уайрман будет в похоронном бюро, так?

— Конечно, раз уж вы этого хотите. — Джеку наше предложение не нравилось, и я его понимал. Это был большой дом, Элизабет жила там долго, и память о ней никуда оттуда не делась. Я бы тоже нервничал, если бы не знал наверняка, что на Дьюма-Ки призраки обитают совсем в другом месте.

— Если я позвоню, ты тут же примчишься.

— Обязательно. Позвоните или по телефону в доме, или на мой мобильник.

— Ты уверен, что он работает?

Он смутился.

— Аккумулятор сел, только и всего. Я зарядил его в автомобиле.

— Мне бы хотелось получше понять, почему ты лезешь во все это, Эдгар, — сказал Уайрман.

— Потому что точка не поставлена. Долгие годы она стояла. Долгие годы Элизабет жила здесь очень спокойно — сначала с отцом, потом одна. Занималась благотворительностью, общалась с друзьями, играла в теннис, играла в бридж — так говорила мне Мэри Айр, — но прежде всего активно участвовала в художественной жизни Солнечного берега. Это была спокойная, достойная жизнь для пожилой женщины, у которой много денег и практически нет плохих привычек, за исключением курения. Потом ситуация начала меняться. La loteria. Твои слова, Уайрман.

— Ты действительно думаешь, что за этими изменениями что-то стоит? — В его голосе недоверия не слышалось, скорее, благоговейный трепет.

— Ты сам в это веришь, — ответил я.

— Иногда — да. Но я не хочу в это верить. Это что-то может дотянуться так далеко... и зрение у него достаточно острое, чтобы разглядеть тебя... меня... еще бог знает кого или что...

— Мне тоже не нравится это что-то, — но тут я лгал. Это что-то я ненавидел. — Мне не нравится версия, будто что-то действительно вылезло из своего тайного убежища и убило Элизабет — может, испугало до смерти, чтобы заставить ее замолчать.

— И ты надеешься с помощью этих рисунков выяснить, что происходит?

— В какой-то степени — да. Как много, сказать не могу, пока не попытаюсь.

— А потом?

— Поживем — увидим. Но наверняка придется побывать на южной оконечности Дьюмы. Есть там одно незаконченное дельце.

Джек поставил стакан из-под чая.

— Какое незаконченное дельце?

Я покачал головой.

— Не знаю. Возможно, эти рисунки мне подскажут.

— Надеюсь, ты не собираешься зайти слишком далеко и обнаружить, что не можешь вернуться на берег? — спросил Уайр-

ман. — Именно такое случилось с теми двумя маленькими девочками.

— Я об этом помню.

Джек нацелил на меня палец.

— Берегите себя. Мужской закон.

Я кивнул, повторил его жест.

— Мужской закон.

Глава 15
НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ

1

Двадцатью минутами позже я сидел в «Розовой малышке» с альбомом на коленях. Красная корзинка для пикника стояла рядом. Прямо передо мной, заполняя светом выходящее на запад окно, лежал Залив. Снизу, издалека, доносился шепот ракушек. Мольберт я отодвинул в сторону, накрыл простыней заляпанный красками рабочий стол. На простыню положил только что заточенные огрызки цветных карандашей Элизабет. От них осталось совсем немного — коротенькие, и толстые, наверняка они были настоящим антиквариатом, — но я полагал, что их мне вполне хватит. Я чувствовал, что готов приступить.

— Черта с два я готов, — пробормотал я. К такому подготовиться нельзя, и какая-то часть меня надеялась, что ничего и не произойдет. Но я чувствовал, что-то должно произойти, потому-то Элизабет и хотела, чтобы я нашел рисунки. Помнила ли она о содержимом красной корзинки, и если помнила, сколь много? Мне представлялось, Элизабет забыла практически все, связанное с ее детством, и случилось это до того, как болезнь Альцгеймера усугубила ситуацию. Потому что забывчивость не всегда непреднамеренна. Иногда это *волевое решение*.

Кому хочется помнить некий кошмар, заставивший твоего отца кричать, пока кровь не хлынула из ушей и носа? Лучше вообще перестать рисовать. Раз и навсегда — как отрезать. Лучше говорить людям, что ты не можешь нарисовать даже чело-

вечка из палочек и кружков, а когда дело касается искусства, ты ничем не отличаешься от богатых выпускников колледжа, которые поддерживают спортивные команды материально: если ты не спортсмен, будь спонсором спорта. Лучше полностью забыть о своем увлечении, а с возрастом старческий маразм сделает все остальное.

Да, что-то от прежнего дара может остаться (скажем, как рубец на твердой оболочке мозга после детской травмы, вызванной падением с запряженного пони возка), но тогда ты находишь иные способы выплескивать остатки дара — точно так же, как отводят гной из незаживающей раны. К примеру, можно интересоваться живописью других. Покровительствовать художникам. Этого мало? Тогда можно начать коллекционировать фарфор: людей, животных, здания. Строить Фарфоровый город. Никто не назовет такое увлечение искусством, но создание Города, несомненно, процесс творческий, и такие регулярные тренировки воображения (его визуального аспекта в особенности) могут принести избавление.

Избавление от чего?

Разумеется, от зуда.

Этого чертова зуда.

Я почесал правую руку, пальцы левой прошли сквозь нее, в десятитысячный раз уперлись в ребра. Затем откинул обложку альбома и открыл первый лист.

«Начните с чистой поверхности».

Она притягивала меня, как — я в этом не сомневался — чистые поверхности когда-то притягивали ее.

«Заполни меня. Потому что белое — отсутствие памяти, цвет забытья. Создавай. Показывай. Рисуй. И когда ты будешь это делать, зуд уйдет. И на какое-то время путаница отступит».

«Пожалуйста, останьтесь на Дьюме, — сказала Элизабет. — Что бы ни произошло. Вы нужны нам».

Я подумал, что она говорила правду.

Рисовал я быстро. Всего несколько штрихов. Получилось что-то похожее на телегу. Или возок, который стоял и ждал, когда в него запрягут пони.

— Они жили здесь вполне счастливо, — сообщил я пустой студии. — Отец и дочери. Потом Элизабет упала с возка и нача-

ла рисовать, ураган, налетевший вне сезона, вскрыл на дне старую свалку, маленькие девочки утонули. Живые перебрались в Майами, и все беды прекратились. А когда почти двадцать пять лет спустя они вернулись...

Под возком я написал печатными буквами: **«ОТЛИЧНО»**. Остановился. Потом перед первым словом добавил второе: **«ОПЯТЬ». «ОПЯТЬ ОТЛИЧНО».**

«Отлично, — шептали ракушки далеко внизу. — Опять отлично».

Да, все у них было хорошо. У Джона и Элизабет все было хорошо. И после смерти Джона все у Элизабет было хорошо. И с художественными выставками. И с фарфором. Потом по какой-то причине ситуация вновь начала меняться. Я не знал, была ли гибель жены и дочери Уайрмана частью этих изменений, но думал, что могла быть. А вот насчет нашего с ним приезда на Дьюма-Ки у меня не возникало ни малейших сомнений. Никаких логических доводов я бы привести не смог, но точно знал: именно эти изменения привели нас сюда.

Все на Дьюма-Ки шло хорошо... потом непонятно... снова, и достаточно долго, хорошо. А сейчас...

«Она проснулась».

«Стол течет».

Если я хотел знать, что происходит сейчас, мне не оставалось ничего другого, как выяснить, что произошло тогда. Грозило это опасностью или нет, ничего другого не оставалось.

ii

Я взял первый рисунок Элизабет: одна лишь неровная линия в середине листа. Взял его левой рукой, потом представил себе, как прикасаюсь к нему правой, что уже проделывал с садовыми рукавицами Пэм «**РУКИ ПРОЧЬ**». Попытался увидеть пальцы правой руки, отслеживающие эту линию. Мне это удалось (в каком-то смысле), и я ощутил отчаяние. Я собирался поступить так же со всеми рисунками? Их было полторы сотни, по самым скромным подсчетам. Кроме того, поток информации что-то не торопился обрушиться на меня с листа бумаги.

«Расслабься. Рим не за один час строился».

Я решил, что музыка радиостанции «Кость» не повредит, даже поможет. Встал, держа древний лист бумаги правой рукой, и, разумеется, он упал на пол, потому что правой руки у меня не было. Я наклонился, чтобы его поднять, и подумал, что неверно вспомнил пословицу: «Рим не за один день строился».

«Но Мельда говорит — час».

Я замер, держа лист в руке. В левой руке, до которой не смог добраться кран. Это действительно воспоминание, какие-то образы, всплывшие с рисунка, или моя выдумка? Просто воображение, пытающееся оказать услугу?

— Это не картина. — Я смотрел на извилистую линию.

«Нет, это попытка нарисовать картину».

Мой зад со стуком опустился на стул. Я сел не потому, что хотел; скорее, колени подогнулись и больше не держали меня. Я все смотрел на линию, потом глянул в окно. С Залива вновь перевел взгляд на линию. С линии — на Залив.

Она пыталась нарисовать горизонт. Это был ее первый рисунок.

«Да».

Я положил на колени альбом, схватил один из ее карандашей. Какой — значения не имело, лишь бы принадлежал ей. Непривычный для моих пальцев, слишком толстый. И при этом чувствовалось, что только он годится для такой работы. Я начал рисовать.

На Дьюма-Ки именно это получалось у меня лучше всего.

iii

Я нарисовал ребенка, сидящего на детском стульчике. С перевязанной головой. Со стаканом в одной руке. Другая рука обвивала шею отца. Он был в нижней рубашке, с мыльной пеной на щеках. В отдалении — просто тень — стояла домоправительница. На этом наброске она без браслетов, потому что браслеты носила не всегда, но с платком на голове, с узлом впереди. Няня Мельда, которую Либбит воспринимала почти как мать.

Либбит?

— Да, так они ее звали. Так она называла себя. Либбит, маленькая Либбит.

— Самая маленькая, — пробормотал я и перевернул первый лист альбома. Карандаш (слишком короткий, слишком толстый, пролежавший без дела три четверти века) был идеальным инструментом, идеальным каналом связи. Он вновь начал рисовать.

Нарисовал эту маленькую девочку в комнате. На стене за ее спиной появились книжные стеллажи, и это был кабинет. Кабинет папочки. Девочка сидела за столом. С забинтованной головой. В домашнем платьице. В руке держала

(тан-даш)

карандаш. Один из цветных карандашей? Вероятно, нет (тогда — нет, еще нет), но значения это не имело. Она нашла свое призвание, свою цель, свою métier*. И какой же у нее от этого появился аппетит! Как же ей хотелось есть!

Она думает: «Мне нужна еще бумага, пожалуйста».

Она думает: «Я — ЭЛИЗАБЕТ».

— Она буквально врисовала себя в этот мир, — сказал я, и тело покрылось гусиной кожей от макушки до пяток, потому что... разве я не сделал то же самое? Разве я не сделал то же самое здесь, на Дьюма-Ки?

Работу я еще не закончил. Подумал, что меня ждет долгий и изматывающий вечер, но чувствовал — я на пороге великих открытий, и испытывал при этом не страх (нет, тогда страха не было), а волнение, оставляющее во рту медный привкус.

Я наклонился и взял третий рисунок Элизабет. Четвертый. Пятый. Шестой. Двигался вперед все с большей и большей скоростью. Иногда останавливался, чтобы рисовать, но в основном такой необходимости не было. Картины возникали у меня в голове, и причина, по которой я не переносил их на бумагу, не составляла тайны: Элизабет уже сделала это, давным-давно, когда пришла в себя после несчастного случая, едва не оборвавшего ее жизнь.

В счастливые дни, до того, как Новин заговорила.

---

* ремесло, профессия (*фр.*).

iv

Во время моего интервью Мэри Айр спросила: «Открыть для себя в среднем возрасте способность рисовать на уровне лучших художников — все равно что получить в подарок ключи от скоростного автомобиля?» Я ответил: «Да, что-то вроде этого». Потом она сравнила обретение таланта с получением ключей от полностью обставленного дома. Даже особняка. Я с ней согласился. А если бы она продолжила? Вместо особняка предложила бы получение по наследству миллиона акций компании «Майкрософт» или статус правителя какого-нибудь богатого нефтью (и мирного) эмирата на Ближнем Востоке? Я бы опять ответил: да, конечно, именно так — чтобы успокоить Мэри. Потому что вопросы эти касались прежде всего ее самой. Я видел жгучее желание в ее глазах, когда она их задавала. Это были глаза маленькой девочки, знающей, что максимум, который она может выжать из мечты о трапеции под куполом цирка, — это попасть на дневное воскресное представление. Мэри была художественным критиком, а многие критики, лишенные призвания делать то, о чем пишут, в своем разочаровании становятся желчными, завистливыми и злобными. В этом я Мэри упрекнуть не мог. Мэри любила и художников, и созданные ими произведения искусства. Она пила виски большими стаканами и хотела знать, каково это, когда Динь-Динь, появившаяся из ниоткуда, хлопает тебя по плечу, и ты обнаруживаешь в себе (хотя тебе уже за пятьдесят) способность полетать на фоне луны. Эти ощущения не шли ни в какое сравнение с обретением скоростного автомобиля или полностью обставленного дома, но я сказал Мэри, что это одно и то же. По одной причине: невозможно объяснить кому-либо, каково это на самом деле. Ты можешь только говорить об этом, пока тебя не устанут слушать, и не придет время ложиться спать.

Но Элизабет знала каково.

На это указывали ее рисунки, ее картины.

Все равно что немому дать язык. И даже больше. Лучше. Все равно что получить назад память, а для человека, если на то пошло, память — это все. Память — это индивидуальность. Память — это *ты*. С первой же линии (невероятно смелой первой

линии — места встречи Залива и неба) Элизабет поняла, что видение и память неразрывно связаны, и принялась излечивать себя.

Персе в этом не участвовала. Во всяком случае, поначалу.

Я в этом уверен.

V

Следующие четыре часа я то соскальзывал в мир Либбит, то выходил из него. Удивительный мир, но и пугающий. Иногда я писал фразы: «Ее дар был ненасытным. Начните с того, что вы знаете», — но главным образом рисовал. Картины были тем языком, который мы разделяли.

Я понимал быстрый переход ее семьи от изумления к равнодушию, а затем — к скуке. Произошло это отчасти из-за невероятной работоспособности девочки, но в основном, вероятно, потому, что она была членом семьи, их маленькой Либбит... А может ли быть что доброе из Назарета*, не правда ли? Но безразличие только разжигало ненасытность ее дара. Она искала новые способы потрясти их, новые пути видения.

И нашла, помоги ей Господь.

Я рисовал птиц, летящих вверх лапками, я рисовал животных, идущих по воде бассейна.

Я нарисовал лошадь, с огромной, шире морды, улыбкой. Я подумал, что где-то в это время и появилась Персе. Только...

— Только Либбит не знала, что это Персе, — сообщил я «Розовой малышке». — Она думала...

Я начал вновь просматривать ее рисунки, вернулся чуть ли не к самому началу, к круглой черной физиономии с улыбающимся ртом. Ранее я решил, что это нарисованный Элизабет портрет няни Мельды, но теперь понимал, что ошибся: на меня смотрело лицо ребенка — не женщины. Лицо *куклы*. Внезапно моя рука написала **«НОВИН»** рядом с рисунком, и с таким нажимом, что канареечно-желтый карандаш с треском сломался,

* «...из Назарета может ли быть что доброе?» — Евангелие от Иоанна, 1:46.

когда я заканчивал вторую «Н». Я бросил его на пол и схватил другой.

Именно через Новин поначалу говорила Персе, чтобы не испугать маленького гения. И что могло быть менее страшным, чем чернокожая девочка-кукла, которая улыбалась и носила красный платок на голове, совсем как любимая няня Мельда?

Элизабет изумилась или испугалась, когда кукла заговорила? Я так не думаю. Она могла обладать потрясающим талантом в узкой области, но в остальном оставалась трехлетним ребенком.

Новин говорила, что именно нужно рисовать, а Элизабет...

Я вновь взялся за альбом. Нарисовал торт, лежащий на полу. *Размазанный* по полу. Маленькая Либбит думала, что идея этой проказы принадлежала Новин, но за ней стояла Персе, проверяющая силу Элизабет. Персе экспериментировала, как экспериментировал я, она пыталась понять, насколько мощным может стать ее новое оружие.

Потом пришел черед «Элис».

Потому что — нашептала кукла — есть сокровище, и ураган может его отрыть.

Только урагана «Элис» не было. Как не было и урагана «Элизабет». Ее еще не называли Элизабет, ни семья, ни она сама. В тысяча девятьсот двадцать седьмом году на Дьюма-Ки обрушился ураган «Либбит».

Потому что папочка хотел бы найти сокровище. И потому что папочке следовало переключиться на что-то еще, а не только...

— Она сама заварила кашу, — произнес я грубым голосом, так не похожим на мой собственный. — Пусть теперь и расхлебывает.

...не только злиться на Ади, убежавшую с Эмери, этим Целлулоидным воротником.

Да, именно так обстояли дела на южной оконечности Дьюма-Ки в далеком 1927-м.

Я нарисовал Джона Истлейка: получились только его ласты на фоне неба, кончик трубки для дыхания да тень под водой. Джон Истлейк нырял за сокровищем.

Нырял за новой куклой своей младшей дочери, хотя, возможно, сам в это и не верил.

Рядом с одной из ласт я написал: **«ЗАКОННОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ».**

Образы возникали в моем сознании, становились четче и четче, словно долгие годы ждали освобождения, и я спросил себя, а вдруг все картины (и инструменты, которые при этом использовались) — от наскальных рисунков в пещерах Центральной Азии до «Моны Лизы» — хранят в себе память о своем создании и создателях, вдруг она остается в мазках, как ДНК?

«Плыви, пока я не скажу: стоп».

Я добавил Элизабет на картину с ныряющим папочкой, стоящую в воде по пухлые коленки, с Новин под мышкой. Либбит могла быть той девочкой-куклой с рисунка, который забрала Илзе. Я назвал его «Конец игры».

«И, увидев все это, он обнимает меня обнимает меня обнимает меня».

Я торопливо изобразил эту сцену: Джон Истлейк обнимает маленькую Либбит, подняв маску на волосы. Корзинка для пикника рядом, на одеяле, и на ней — гарпунный пистолет.

«Он обнимает меня обнимает меня обнимает меня».

«Нарисуй ее, — прошептал голос. — Нарисуй законное вознаграждение Элизабет. Нарисуй Персе».

Но я не стал. Испугался того, что могу увидеть. И того, что этот рисунок мог сделать со мной.

А как насчет папочки? Как насчет Джона? Сколь много он знал?

Я пролистывал ее картины, пока не добрался до кричащего Джона Истлейка, с кровью, бегущей из носа и одного глаза. Он знал многое. Возможно, узнал слишком поздно — но узнал.

И что в действительности случилось с Тесси и Ло-Ло?

И с Персе, раз уж она молчала все эти годы?

И что она собой представляла? Точно не куклу, в этом сомнений быть не могло.

Я мог бы продолжать (картина Тесси и Ло-Ло, бегущих по тропе, какой-то тропе, взявшись за руки, уже просилась на бумагу), но начал выходить из полутранса, испуганный до смерти. Кроме того, я думал, что знаю достаточно, чтобы действовать; а Уайрман поможет домыслить остальное — тут у меня сомнений не было. Я закрыл альбом. Положил на стол коричневый каран-

даш (от него почти ничего не осталось) давно ушедшей маленькой девочки... и осознал, что голоден. Если на то пошло, страшно голоден. Но такое состояние после рисовальной вакханалии меня давно уже не удивляло, да и еды в холодильнике было достаточно.

vi

Я медленно спустился вниз — голова кружилась от образов (летящая вверх ногами цапля с синими глазами-буравчиками, ласты размером с лодку на ногах папочки) — и свет в гостиной зажигать не стал. Нужды в этом не было: к апрелю я уже мог пройти от лестницы на кухню в кромешной тьме, ни на что не наткнувшись. За прошедшие месяцы этот уединенный дом, вознесенный над водой, стал для меня родным, и, несмотря ни на что, я представить себе не мог, что покину его. Посередине гостиной я остановился, посмотрел на Залив через «флоридскую комнату».

И там, не более чем в сотне ярдов от берега, под светом четвертушки луны и миллиона звезд, покачивался на волнах бросивший якорь «Персе». Со свернутыми парусами. Такелаж паутиной висел на древних мачтах. «Саваны, — подумал я. — Это мачтовые саваны». Парусник покачивался вверх-вниз, как сгнившая игрушка давно умершего ребенка. Насколько я мог видеть, палубы пустовали (ни людей, ни вещей), но кто мог знать, что таилось в трюме?

Я почувствовал, что сейчас грохнусь в обморок. И одновременно понял почему: я перестал дышать. Приказал себе сделать вдох, но в течение одной жуткой секунды ничего не происходило. Мои легкие оставались плоскими, как лист закрытой книги. Когда же грудь наконец-то поднялась, я услышал хрип. Потом понял, что сам издал этот звук, пытаясь не лишиться чувств. Я выдохнул воздух, который сумел набрать в легкие, и вдохнул вновь, уже не столь шумно. В сумраке гостиной перед глазами появились черные точки, потом исчезли. Я ожидал, что корабль последует их примеру (чем он мог быть, как не галлюцинацией?),

но он остался — длиной сто двадцать футов и максимальной шириной примерно шестьдесят. Покачивался на волнах, чуть переваливаясь с борта на борт. Бушприт, напоминающий грозящий палец, как бы говорил мне: «О-о-о-х, паршивый парниша, ты сам на это напро...»

Я отвесил себе оплеуху, достаточно сильную, чтобы выбить слезу из левого глаза, но корабль никуда не делся. Тут до меня дошло: если корабль встал на якорь у «Розовой громады» (если это реальный корабль), то Джек сможет увидеть его с мостков у «Эль Паласио». Телефонный аппарат был у дальней стены гостиной, но с того места, где я застыл как памятник, я мог быстрее добраться до телефона в кухне. Стоял он на столике, аккурат под выключателями. И мне очень хотелось включить свет, особенно на кухне, под потолком которой крепились яркие флуоресцентные лампы. Я попятился из гостиной, не отрывая глаз от корабля, и, добравшись до кухни, тыльной стороной ладони поднял все три рычажка выключателей. Вспыхнул свет, «Персе» исчез (как и все за стеклянными стенами «флоридской комнаты») в ослепляющей белизне. Я развернулся, протянул руку к телефону, но за трубку так и не взялся.

Потому что увидел на моей кухне мужчину. Он стоял около холодильника. В мокрых лохмотьях, которые когда-то были синими джинсами и рубашкой без воротника, с вырезом-лодочкой. Что-то похожее на мох росло на его шее, щеках, лбу, предплечьях. Правая сторона черепа была размозжена. Осколки костей торчали сквозь черные волосы. Правый глаз вытек. Осталась глазница, заполненная чем-то губчатым. Другой глаз, в котором не было ничего человеческого, сверкал чужеродным, пугающим серебряным блеском. Босые ступни раздулись, полиловели, на лодыжках кожа лопнула, обнажая кости.

Утопленник улыбнулся, его губы разошлись, открыв два ряда желтых зубов, торчащих из черных десен. Он поднял правую руку, и я увидел, вероятно, еще одну реликвию, принесенную с «Персе». Наручники. Одно ржавое и старое кольцо обжимало запястье утопленника. Раскрытые половинки второго напоминали раззявленные челюсти.

Второе кольцо предназначалось мне.

Он зашипел — возможно, других звуков разложившиеся голосовые связки издавать не могли — и двинулся вперед под ярким светом таких реальных флуоресцентных ламп. Оставляя мокрые следы на деревянных половицах. Отбрасывая тень. Я даже уловил едва слышное поскрипывание, увидел, что талию утопленника перетягивает намокший кожаный ремень... сгнивший, конечно, но не расползшийся.

Меня словно парализовало. Я оставался в сознании, но не мог бежать, хотя и прекрасно понимал, что означает раскрытое кольцо наручников и кого я вижу перед собой: отряд вербовщиков в составе одного утопленника. Он намеревался защелкнуть «браслет» на моем запястье и увести на борт фрегата, шхуны, бригантины или как там оно называлось. Где мне предстояло стать членом команды. И если на «Персе» не было юнг-мальчиков, то были как минимум две юнги-девочки: одну звали Тесси, а вторую — Ло-Ло.

«Ты должен бежать. Как минимум швырнуть в это чудище телефон».

Но я не мог. Я напоминал птичку, загипнотизированную змеей. Единственное, что мне удалось, — отступить в гостиную на шаг... потом на второй... на третий. Теперь я вновь оказался в темноте. Утопленник добрался до дверного проема. Белый флуоресцентный свет падал на его мокрое, разложившееся лицо, отбрасывал его тень на ковер гостиной. Утопленник по-прежнему ухмылялся. Я подумал о том, чтобы закрыть глаза и пожелать: «Сгинь!» — но это бы не сработало. До моих ноздрей долетал его запах... вонь мусорного контейнера, стоящего в проулке у дверей кухни рыбного ресторана. И...

— Пора идти, Эдгар.

...он все-таки мог говорить! Слова звучали невнятно, но их смысл я понимал.

Утопленник шагнул в гостиную. Я отступил еще на шаг, сердцем понимая, что толку от этого никакого, что мне от него не уйти, и, когда ему наскучит эта игра, он мгновенно преодолеет разделяющее нас расстояние, защелкнет «браслет» на моем запястье, утащит меня, кричащего, в воду, в caldo largo, и последним звуком, который я услышу в мире живых, будет разговор ракушек под домом. А потом уши зальет вода.

Я отступил еще на шаг, без уверенности, что приближаюсь к двери, только надеясь... Еще шаг... и тут рука легла на мое плечо.

Я закричал.

vii

— А это еще что за тварь? — прошептал мне в ухо Уайрман.

— Не знаю, — ответил я, и из моей груди вырвалось рыдание. Я рыдал от страха. — Нет, знаю. Я знаю. Посмотри на Залив, Уайрман.

— Не могу. Боюсь оторвать от него взгляд.

Утопленник заметил наконец Уайрмана (тот, прибывший, будто кавалерия в вестерне с Джоном Уэйном, по-видимому, вошел через открытую входную дверь, как прежде и сам утопленник) и остановился в трех шагах от кухни, чуть наклонив голову, наручник болтался взад-вперед на вытянутой руке.

— Господи, — выдохнул Уайрман. — Корабль! Такой же, как на картинах!

— Уйди, — сказал утопленник. — Ты нам не нужен. Уйди, и останешься в живых.

— Он лжет, — заявил я.

— Скажи мне что-нибудь такое, чего я не знаю, — ответил Уайрман и возвысил голос. Он стоял за моей спиной, так что от его крика у меня едва не лопнули барабанные перепонки. — Проваливай! Ты нарушаешь право владения!

Утонувший молодой человек не ответил, но, как я и опасался, он обладал невероятной скоростью. Только что стоял в трех шагах от двери в кухню, а в следующее мгновение уже подскочил ко мне, и я даже не уследил, как он преодолел разделявшее нас расстояние. Идущая от утопленника вонь (гниль, водоросли и дохлая рыба, сваренные в суп жарким солнцем) усилилась, просто валила с ног. Я почувствовал, как его пальцы, холодные будто лед, сомкнулись на моем предплечье, и закричал от шока и ужаса. Меня потряс не идущий от них холод, а их мягкость. Их сырость. Единственный серебряный глаз уставился на меня, взгляд, казалось, пробил дыру в черепе, проник в мозг, и появи-

лось ощущение, что мой разум заливает чернильная чернота. Потом «браслет» захлопнулся на моем запястье с тоскливым, сильным щелчком.

— *Уайрман!* — прокричал я, но Уайрман исчез. Он со всех ног убегал через гостиную.

Цепь сковала воедино нас с утопленником. Он потащил меня к двери.

viii

Уайрман вернулся до того, как мы миновали порог. В руке он держал какой-то предмет, напоминающий тупой кинжал. На мгновение я подумал, что это один из серебряных гарпунов, но об этом можно было только мечтать: серебряные гарпуны находились наверху, в красной корзинке для пикника.

— Эй! — взревел Уайрман. — Эй, ты! Да, я тебе говорю. Cojudo de puta madre*!

Голова утопленника повернулась невероятно быстро, как голова змеи, изготовившейся к атаке. Но и Уайрман практически не уступал мертвецу в скорости — держа тупой предмет обеими руками, он вогнал конец в лицо твари, чуть выше правой глазницы. Тварь завопила, вопль этот вонзился мне в мозг осколками стекла. Я увидел, как Уайрман скорчил гримасу, качнулся назад; увидел, как он пытается удержать в руках оружие, но потом все-таки роняет его на засыпанный песком пол прихожей. Мертвец, который только что был таким реальным, в мгновение ока перестал существовать. Исчез вместе с одеждой. Я почувствовал, как теряет прочность «браслет». Еще мгновение видел его, а потом он каплями воды упал на ковер и мои кроссовки. А на том месте, где только что стоял утопленник, образовалась большая лужа.

Я почувствовал теплую липкость на лице и стер кровь с верхней губы. Уайрман запнулся за пуфик и упал. Я помог ему встать. Увидел, что его нос тоже кровоточит. Кровь тонкой струйкой сбегала по шее из левого уха. Сама шея раздувалась и сдувалась в такт быстрым ударам его сердца.

* Дебильное отродье (*исп.*).

— Господи, этот *крик*, — сказал Уайрман. — Глаза слезятся, а в ушах звенит. Ты меня слышишь, Эдгар?

— Да, — кивнул я. — Как ты?

— Нормально, если не считать, что только что видел мертвяка, который исчез у меня на глазах! Пожалуй, нормально. — Он наклонился, поднял с пола тупой цилиндр, поцеловал. — Восславим Господа за пестроту вещей*, — с губ сорвался лающий смех. — Даже если они не пестрые.

Это был подсвечник. И тот конец, куда полагалось вставлять свечу, потемнел, словно коснулся чего-то очень горячего, а не мокрого и холодного.

— Во всех домах, которые сдавала в аренду мисс Истлейк, имеются свечи, потому что электричество отключают постоянно, — объяснил Уайрман. — Большой дом оборудован генератором, остальные — нет, даже этот. Но в отличие от домов поменьше здесь есть подсвечники из «Эль Паласио», и они, так уж вышло, серебряные.

— И ты это вспомнил? — изумленно отозвался я.

Уайрман пожал плечами, потом посмотрел на Залив. Я тоже. Увидел лишь отражающийся в воде свет луны и звезд. На тот момент, больше ничего.

И тут Уайрман схватил меня за руку. Пальцы сжались на запястье, как «браслет», и сердце чуть не выпрыгнуло из моей груди.

— Что? — Мне не понравился страх, отразившийся на его лице.

— Джек! Джек один в «Эль Паласио».

Мы поехали в автомобиле Уайрмана. Парализованный ужасом, я не услышал, как он подъезжал к моему дому.

IX

Мы нашли Джека в полном здравии. Он сообщил, что ответил на несколько звонков от давних друзей и подруг Элизабет, но последний был без четверти девять — за полтора часа до того

* Первая строка стихотворения «Пестрая красота» английского священника и поэта Джеральда Мэнли Хопкинса (1844—1889).

момента, как мы ворвались в дом, окровавленные, с выпученными глазами, а Уайрман все еще размахивая подсвечником — что «Эль Паласио» незваные гости не посещали, и сам он не видел корабля, какое-то время простоявшего на якоре у «Розовой громады». Что он приготовил себе попкорн в микроволновке и смотрел «Полицейского из Беверли-Хиллз» на старой видеокассете.

Нашу историю Джек выслушал с нарастающим удивлением, но без недоверия, потому что принадлежал к поколению (мне пришлось напомнить себе об этом), выросшему на телесериалах «Секретные материалы» и «Остаться в живых». И кроме того, наша история не противоречила услышанному им ранее. Когда мы закончили рассказ, он взял подсвечник у Уайрмана и внимательно осмотрел торец, который цветом напоминал нить накаливания в перегоревшей лампочке.

— А почему этот мертвяк не пришел ко мне? — спросил он. — Я сидел один, он бы застал меня врасплох.

— Не хочу принижать твою самооценку, — ответил я, — но не думаю, что ты — главная цель у того, кто руководит этим шоу.

Джек уже смотрел на узкую красную отметину на моем запястье.

— Эдгар, это след...

Я кивнул.

— Твою мать, — выдохнул Джек.

— Ты осознаешь, что происходит? — повернулся ко мне Уайрман. — Если она послала к тебе эту тварь, значит, пришла к выводу, что ты все понял или вот-вот сообразишь, что к чему.

— Я не думаю, что кто-нибудь узнает об этой истории все, — ответил я, — но мне известно, кем был этот утопленник при жизни.

— И кем? — Джек смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Мы стояли на кухне, и Джек держал в руке подсвечник, но теперь поставил его на столик.

— Это Эмери Полсон. Муж Адрианы Истлейк. Они вернулись из Атланты, чтобы помочь в поисках пропавших Тесси и Лауры, все так, но они не покинули Дьюма-Ки. Персе об этом позаботилась.

X

Мы прошли в гостиную, в которой я познакомился с Элизабет Истлейк. Длинный низкий стол стоял на привычном месте, но пустой. Его полированную поверхность я воспринял идеальной насмешкой над жизнью.

— Где они? — спросил я Уайрмана. — Где фарфор? Где Город?

— Я все убрал в коробки и поставил в летнюю кухню, — ответил он, неопределенно махнув рукой. — Без особой на то причины, просто не мог... просто не мог... мучачо, хочешь зеленого чая? Или пива?

Я попросил воды. Джек сказал, что выпьет пива, если никто не будет возражать. Уайрман пошел на кухню. Заплакал он только в коридоре. Рыдания были шумные, громкие, каких не подавить, как ни пытайся.

Мы с Джеком переглянулись, потом отвели глаза. Помолчали.

XI

Он пробыл на кухне дольше, чем обычно требуется для того, чтобы принести две банки пива и стакан воды, но полностью взял себя в руки.

— Извините. Обычно на одной неделе мне не приходится терять любимого человека и вонзать подсвечник в глаз вампиру. Ранее случалось либо одно, либо другое. — Уайрман пожал плечами, дабы продемонстрировать безразличие. Получилось не очень, но я оценил саму попытку.

— Они — не вампиры, — заметил я.

— Тогда кто же? — спросил Уайрман. — Просвети.

— Я могу сказать вам только то, что узнал по ее картинам. И вы должны помнить, что при всем ее таланте она была всего лишь ребенком. — Я запнулся, покачал головой. — Даже не ребенком. Совсем малышкой. А Персе... полагаю, можно сказать, что Персе была ее духовным наставником.

Уайрман открыл свою банку, глотнул пива, наклонился вперед.

— А как насчет тебя? Персе и твой духовный наставник? Она приложила руку к тому, что ты делаешь?

— Безусловно. Она проверяла пределы моих возможностей и расширяла их. Я уверен, отсюда и эта история с Кэнди Брауном. И она копалась в моей голове. Вот так получились картины «Девочка и корабль».

— А остальное?

— Думаю, по большей части все мое. Но некоторые... — Я замолчал, потому что внезапно в голову пришла жуткая мысль. Я поставил стакан, чуть не перевернув его. — Господи!

— Что? — спросил Уайрман. — Ради Бога, что?

— Тебе нужно принести эту маленькую красную книжицу с телефонными номерами. Немедленно.

Он пошел, принес, протянул мне радиотелефон. Я посидел, глядя на лежащую на коленях трубку, не зная, кому позвонить первому. Потом понял. Но есть один закон современной жизни, еще более нерушимый, чем тот, что гласит: когда тебе нужен коп, его никогда нет. И закон этот следующий: когда тебе действительно нужно поговорить с человеком, ты услышишь автоответчик.

Именно его я и услышал, позвонив домой Дарио Наннуцци, Джимми Йошиде и Элис Окойн.

— Черт знает что! — в сердцах воскликнул я, нажимая кнопку отключения связи после того, как записанный на пленку голос Элис начал: «К сожалению, я не могу поговорить с вами прямо сейчас, но...»

— Они, должно быть, еще празднуют, — заметил Уайрман. — Дай им время, амиго, и все уляжется.

— Нет у меня времени! — вскричал я. — Черт! Дерьмо! Черт!

Он накрыл мою руку своей, спросил успокаивающим тоном:

— В чем дело, Эдгар? Что не так?

— Картины опасны! Может, не все, но некоторые — точно!

Уайрман обдумал мои слова, кивнул.

— Хорошо. Давай разбираться. Самые опасные, вероятно, из цикла «Девочка и корабль», так?

— Да. Насчет этих я совершенно уверен.

— Они практически наверняка еще в галерее. Ждут, пока их упакуют и отправят владельцам.

Отправят владельцам. Господи, отправят владельцам!

— Я не могу этого допустить.

— Мучачо, чего ты не можешь, так это размениваться по пустякам.

Он не понимал, что это вовсе не пустяки. Персе могла погнать сильную волну, если бы захотела.

Но ей требовалась помощь.

Я нашел телефон галереи «Скотто», набрал его. Подумал, что там, возможно, кто-то есть, пусть часы и показывали четверть одиннадцатого. Все-таки прошлым вечером народ разошелся гораздо позже. Но упомянутый выше закон так и остался нерушимым, и я услышал записанный на пленку голос. Нетерпеливо подождал, потом нажал на кнопку «9» и оставил сообщение: «Послушайте, это Эдгар. Я хочу, чтобы вы не отправляли картины и рисунки владельцам, пока я не дам отмашку, хорошо? *Ничего не отправляйте*. Задержите их на несколько дней. Найдите любой предлог, но не отправляйте. Пожалуйста. Это очень важно».

Я оборвал связь и посмотрел на Уайрмана.

— Они это сделают?

— Учитывая продемонстрированную тобой способность зарабатывать деньги? Будь уверен. И ты только что избавил себя от долгих подробных объяснений. Теперь мы можем вернуться к...

— Еще нет! — Моя семья и друзья оставались наиболее уязвимыми, и тот факт, что они разъехались в разные стороны, совершенно меня не успокаивал. Персе уже показала, что может дотянуться очень и очень далеко. И я определенно начал вмешиваться в ее дела. Наверняка она злится на меня. Или боится. А может, и то и другое.

Я уже собирался набрать номер Пэм, но вспомнил слова Уайрмана о том, что я избежал долгих подробных объяснений. Вместо записной книжки Уайрмана я сверился со своей ненадежной памятью... и на этот раз, пусть и пришлось на нее надавить, она меня не подвела.

«Я услышу автоответчик», — подумал я. И услышал, но сначала этого не понял.

— Здравствуй, Эдгар. — Голос Тома Райли, но не его голос. Начисто лишенный эмоций. «Это таблетки, которые он принимает», — подумал я... хотя в «Скотто» отсутствия эмоций не было заметно.

— Том, слушай и ничего не гово...

Но голос продолжал говорить. Этот мертвый голос.

— Она тебя убьет, знаешь ли. Тебя и твоих друзей. Как убила меня. Только я еще жив.

Я вскочил, покачнулся.

— *Эдгар!* — резко бросил Уайрман. — Эдгар, что случилось?

— Помолчи, — ответил я. — Я слушаю.

Сообщение вроде бы закончилось, но я слышал его дыхание. Медленное, поверхностное дыхание, доносящееся из Миннесоты. Наконец он заговорил.

— Быть мертвым лучше. А теперь я должен поехать и убить Пэм.

— Том! — прокричал я записанному голосу. — Том, *очнись*!

— Умерев, мы поженимся. Свадебная церемония пройдет на борту корабля. Она обещала.

— Том! — Уайрман и Джек уже подскочили ко мне. Один сжимал мою руку, второй — культю. Я едва обратил на это внимание.

Услышал: «Оставьте сообщение после звукового сигнала».

Раздался звуковой сигнал, и в трубке повисла тишина.

Я не положил телефон на колени — выронил его и повернулся к Уайрману.

— Том Райли собирается убить мою жену. — А потом добавил, хотя вроде бы говорил и не я: — Возможно, он уже это сделал.

XII

Уайрман не стал вдаваться в подробности, просто предложил позвонить Пэм. Я смотрел на телефон, но никак не мог вспомнить номер. Уайрман продиктовал его мне, но теперь я не мог нажать на нужные кнопки: впервые за многие недели перед глазами стояла красная пелена.

Набрал номер Джек.

Я представил, как в Мендота-Хайтс звонит телефон, и приготовился услышать бодрый, безликий голос Пэм, записанный на автоответчик (сообщение о том, что она во Флориде, но перезвонит, как только вернется). Пэм уже покинула Флориду, но могла лежать мертвой на полу кухни рядом с мертвым Томом Райли. И видение это было таким четким, что я разглядел кровь на дверцах шкафчиков и на ноже, который сжимала окостеневшая рука Тома.

Один гудок... второй... третий... на следующем включится автоответчик...

— Алло? — Пэм. Запыхавшаяся.

— Пэм! — прокричал я. — Господи Иисусе, это действительно ты? Ответь мне?

— Эдгар? Кто тебе сказал? — В голосе слышалось крайнее недоумение. Она никак не могла отдышаться. А может, и нет. Это был голос Пэм, который я знал: с легкой хрипотцой, как бывало после простуды или когда она...

— Пэм, ты плачешь? — и наконец запоздало: — Сказал мне что?

— О Томе Райли, — ответила она. — Я подумала, что звонит его брат. Или... не дай бог... его мать.

— А что с Томом?

— На обратном пути он был в прекрасном настроении, смеялся, хвастался купленным рисунком, играл в карты с Кейменом и кем-то еще в хвостовой части салона... — Вот тут она совсем расклеилась, и слова прорывались только между рыданиями. Сами же рыдания ужасали, но при этом и радовали. Потому что сотрясали живого человека. — Он отлично себя чувствовал. А потом, этим вечером, покончил с собой. В газетах, вероятно, напишут, что это несчастный случай, но он покончил с собой. Так говорит Боузи. У Боузи есть друг в полиции, который позвонил и сказал ему, а потом Боузи дал знать мне. Том направил автомобиль в стену ограждения на скорости семьдесят миль в час, а то и больше. На асфальте никаких следов заноса. Случилось это на шоссе двадцать три, то есть он ехал сюда.

Я сразу все понял, фантомная рука могла ничего мне не говорить. Персе чего-то хотела, потому что злилась на меня.

Злилась? Я *разъярил* ее. Только к Тому на мгновение вернулся рассудок (вернулось мужество), и он направил автомобиль в бетонную стену.

Уайрман махал руками перед моим лицом, требуя объяснить, что происходит. Я от него отвернулся.

— Панда, он спасал тебе жизнь.

— *Что?*

— Я знаю, что говорю, знаю. Рисунок, который он показывал в самолете... это мой рисунок, так?

— Да... он им очень гордился... Эдгар, *что ты такое...*

— У него было название? У рисунка было название? Ты его знаешь?

— Он назывался «Здрасьте». Том еще говорил: «Совсем не похоже на Миннесоту»... — вставлял эти юперовские* словечки... — Долгая пауза, которую я не прерывал, использовал время, чтобы подумать. — Это твой особый способ все узнавать, так?

«Здрасьте», — думал я. Да, конечно. Первый мой рисунок, сделанный в «Розовой громаде», по воздействию один из самых сильных. И его купил Том.

Чертов «Здрасьте».

Уайрман отобрал у меня телефонную трубку, мягко, но решительно.

— Пэм? Это Уайрман. Том Райли?.. — Он слушал, кивал. Голос звучал очень уверенно, очень успокаивающе. Таким голосом (я слышал) он говорил с Элизабет. — Хорошо... да... да, Эдгар в порядке, я тоже, все у нас хорошо. Разумеется, сожалеем о мистере Райли. Только вы должны кое-что для нас сделать, и это крайне важно. Я сейчас включу громкую связь. — Он нажал на кнопку, которую я раньше не замечал. — Слышите меня?

— Да... — Тихо, но отчетливо. Пэм брала себя в руки.

— Кто из родственников и друзей Эдгара купил картины?

Пэм задумалась.

— Из родственников *картин* никто не покупал, я в этом уверена.

---

* Юпер — диалект английского языка, на котором говорят жители Верхнего полуострова Мичигана. В нем много финских, скандинавских и немецких слов, что обусловлено национальным составом первых поселенцев.

Я облегченно выдохнул.

— Думаю, они надеялись... может, ожидали услышать... что в свое время... на юбилей... или на Рождество...

— Понимаю. То есть они ничего не приобрели.

— Я этого не говорила. Бойфренд Мелинды купил один рисунок. А что такое? *Что не так с этими картинами?*

Рик. Сердце подпрыгнуло.

— Пэм, это Эдгар. Мелинда и Рик взяли рисунок с собой?

— Со всеми этими перелетами, включая трансатлантические? Он попросил, чтобы рисунок вставили в рамку и отправили во Францию. Не думаю, что Мелинда знает. Это цветы, нарисованные цветными карандашами.

— То есть рисунок по-прежнему в «Скотто»?

— Да.

— И ты уверена, что никто из родственников больше ничего не покупал?

Она раздумывала секунд десять. Я не находил себе места.

— Да, уверена, — наконец ответила она («Хорошо бы тебе не ошибиться, Панда», — подумал я). — Один купили Анжел и Элен Слоботник. «Почтовый ящик и цветы». Так он, кажется, назывался.

Я знал, о каком рисунке она говорит. На самом деле он назывался «Почтовый ящик с ромашками». И я думал, что он совершенно безвредный, я думал, он, вероятно, полностью мой, но тем не менее...

— Они его с собой не взяли, так?

— Нет. Потому что сначала отправились в Орландо, чтобы домой вернуться уже оттуда. Тоже попросили вставить в рамку и отправить по их домашнему адресу. — Вопросов больше не было — только ответы. И голос помолодел (стал таким же, как у Пэм, на которой я женился, которая вела мою бухгалтерию до появления Тома). — Твой хирург... не могу вспомнить его фамилию...

— Тодд Джеймисон, — автоматически ответил я. Если б задумался — вспомнить бы не смог.

— Да, точно. Он тоже купил картину и договорился о доставке. Хотел взять одну из этих пугающих, «Девочка и корабль», но

их уже разобрали. Он остановился на раковине, плавающей по воде.

Эта могла принести беду. Все сюрреалистическое могло принести беду.

— Боузи купил два рисунка, Кеймен — один. Кэти Грин тоже хотела купить, но сказала, что не может себе такого позволить. — Пауза. — Я подумала, что ее муж — козел.

«Я бы ей подарил, если б она попросила», — мелькнула у меня мысль.

Снова заговорил Уайрман:

— Теперь послушайте меня, Пэм. Вы должны кое-что сделать.

— Хорошо. — Колебания в голосе почти не слышалось. Разве что самая малость.

— Вы должны позвонить Боузману и Кеймену. Немедленно.

— Хорошо.

— Скажите им, что эти рисунки нужно сжечь.

Пауза, потом:

— Поняла, рисунки нужно сжечь.

— Как только мы закончим этот разговор, — вставил я.

— Я сказала, что поняла, Эдди. — Чуть раздраженно.

— Скажи им, что я компенсирую заплаченные деньги вдвойне или дам им другие рисунки, как они пожелают, но эти рисунки небезопасны. Они *небезопасны*. Ты это поняла?

— Да. Я немедленно им позвоню. — И наконец-то она задала вопрос. Точнее, Вопрос с большой буквы:

— Эдди, Тома убил рисунок «Здрасьте»?

— Да. И я хочу, чтобы ты мне потом перезвонила.

Я продиктовал ей телефонный номер. По голосу Пэм чувствовалось, что она снова плачет, но номер смогла повторить правильно.

— Пэм, спасибо вам, — поблагодарил ее Уайрман.

— Да, — внес свою лепту Джек, — спасибо вам, миссис Фримантл.

Я подумал, что Пэм спросит, кто говорит, но она не спросила.

— Эдгар, ты обещаешь, что с девочками все будет в порядке?

— Если они не брали с собой мои картины, то все у них будет хорошо.

— Да, твои чертовы картины. Я перезвоню.

И положила трубку не попрощавшись.

— Лучше? — спросил Уайрман, когда я выключил телефон.

— Не знаю, — ответил я. — Надеюсь, что да. — Я прижал ладонь сначала к левому глазу, потом к правому. — Но по ощущениям не лучше. Нет ощущения, что все закончено.

XIII

С минуту мы молчали.

— Ты думаешь, падение Элизабет с возка — несчастный случай? — нарушил паузу Уайрман. — Как, по-твоему?

Я попытался сосредоточиться. Уайрман задал важный вопрос.

— Мне представляется, несчастный случай. Очнувшись, она страдала от амнезии, афазии и еще бог знает от чего, вызванного повреждениями мозга, которые в тысяча девятьсот двадцать пятом году определить не могли. Рисование стало для Элизабет чем-то большим, чем лечение, у нее открылся невероятный талант, и поначалу она сама создавала свои шедевры. Домоправительница... няня Мельда... была шокирована. Об этом написали в газете, и, вероятно, заметка потрясла всех, кто прочитал ее за завтраком... но вы знаете, какие они, люди...

— Потрясающее за завтраком забывается к ленчу, — кивнул Уайрман.

— Господи, — вырвалось у Джека, — если к старости я стану таким же циничным, как вы оба, думаю, мне лучше прыгнуть с моста.

— На все воля Божья, сынок, — сказал Уайрман и рассмеялся. Искренне. Смех этот меня, как громом поразил. В такой-то момент! Но на душе полегчало.

— Интерес к ее картинам начал таять, — продолжил я. — Возможно, это касалось и самой Элизабет. Я хочу сказать, кому рутина надоедает быстрее, чем трехлетним детям?

— Только щенкам и попугайчикам, — ответил Уайрман.

— Жажда творчества в три года... — Джек ошеломленно покачал головой. — Чертовски захватывающая идея.

— Вот она и начала... — Я замолчал, не в силах продолжить.

— Эдгар? — ровным голосом спросил Уайрман. — Все хорошо?

Такого я сказать про себя не мог, но расклеиваться не имел права. Если бы расклеился, Том стал бы только первым.

— Просто в галерее он выглядел совсем выздоровевшим. Выздоровевшим, понимаешь? Словно вновь установил полный контакт с реальностью. И если бы не она...

— Знаю, — кивнул Уайрман. — Выпей воды, мучачо.

Я выпил и заставил себя продолжить:

— Элизабет начала экспериментировать. Перешла от карандашей к краскам для рисования пальцами и акварельным краскам. Думаю, этот переход занял лишь несколько недель. Плюс некоторые из картин, найденных в корзинке для пикника, сделаны перьевой ручкой, а другие — масляной краской для стен. Я и сам хотел поработать с ней. Высыхая, она...

— Вот это оставь для студентов, которых ты будешь учить, мучачо, — прервал меня Уайрман.

— Да. Да. — Я выпил еще воды. Постарался собраться с мыслями. — Она начала экспериментировать и с другими форматами. Если это правильное слово. Я думаю, да. Рисовала мелом на кирпиче, палкой — на песке. Однажды нарисовала лицо Тесси растаявшим мороженым на кухонном столе.

Джек наклонился вперед, зажав руки между мускулистых бедер, хмурясь.

— Эдгар... это не просто выдумки? Вы это *видели*?

— В каком-то смысле. Иногда видел сам рисунок. Иногда — что-то вроде волн, идущих от ее рисунков, от прикосновения к ее карандашам.

— Но вы знаете, что это — правда.

— Знаю.

— Ее не заботило, сохранятся картины или нет? — спросил Уайрман.

— Нет. Гораздо больше значил сам процесс. Она экспериментировала с форматами, и она начала экспериментировать с

реальностью. Изменять ее. И вот тут, думаю, Персе почувствовала Элизабет. Когда та начала менять реальность. Почувствовала и проснулась. Проснулась и начала звать.

— Персе была среди того мусора, что нашел Истлейк, не так ли? — спросил Уайрман.

— Элизабет думала, что это кукла. Самая лучшая кукла. Но они не могли соединиться, пока она не набрала достаточной силы.

— Она — это кто? — спросил Джек. — Персе или маленькая девочка?

— Вероятно, обе. Элизабет была всего лишь ребенком. А Персе... Персе очень долго спала. Спала под песком, на дне морском.

— Поэтично, — кивнул Джек, — но я не очень-то понимаю, о ком вы говорите.

— Я тоже, — признался я. — Потому что *ее* я не вижу. Если Элизабет и нарисовала Персе, эти картины она уничтожила. Могу предположить, что Персе — из фарфора, вот почему в солидном возрасте Элизабет начала коллекционировать фарфоровые статуэтки, но, возможно, это совпадение. Наверняка я знаю следующее: Персе наладила канал связи с маленькой девочкой, сначала через ее рисунки, потом через самую любимую на тот момент куклу, Новин. И Персе запустила что-то вроде... обучающей программы. Даже не знаю, как еще это можно назвать. Она убеждала Элизабет что-то нарисовать, а потом это что-то случалось в реальном мире.

— Она затеяла ту же игру и с вами, — указал Джек. — Кэнди Браун.

— И мой глаз, — добавил Уайрман. — Не забудь про «починку» моего глаза.

— Мне бы хотелось думать, что все это — моя заслуга, — ответил я... но мог ли я считать ее своей? — Было и кое-что еще. По большей части мелочи... использование моих картин в роли хрустального шара... — Я замолчал. Не хотел продолжать, потому что эта дорожка опять выводила на Тома. Тома, которого мне следовало вылечить.

— Расскажи, что еще ты узнал из картин Элизабет, — попросил Уайрман.

— Хорошо. Начну с внесезонного урагана. Его вызвала Элизабет, возможно, с помощью Персе.

— Вы, должно быть, смеетесь надо мной, — воскликнул Джек.

— Персе сказала Элизабет, где находится эта свалка, а Элизабет сказала отцу. Среди мусора... скажем так, среди мусора лежала фарфоровая статуэтка, может, длиной в фут. Статуэтка прекрасной женщины. — Да, это я мог видеть. Не детали, но просто фигурку. И пустые, без зрачков, глаза-жемчужины. — Это был приз Элизабет, ее законное вознаграждение, и как только статуэтку вытащили из воды, Персе взяла быка за рога.

— А откуда вообще могла появиться эта вещица, Эдгар? — вкрадчиво спросил Джек.

С моих губ едва не сорвалась фраза (где услышал или прочитал — не помню, но точно не моя): «В те дни жили более древние боги: и были они властелинами и властительницами». Я не озвучил эту фразу. Не хотел слышать ее, даже в ярко освещенной комнате, и лишь покачал головой.

— Не знаю. И понятия не имею, под каким флагом ходил корабль, который потерпел здесь крушение, а может, пробил днище о риф Китта и вывалил на дно содержимое трюма. Я мало что знаю наверняка... но, думаю, когда-то у Персе был свой корабль, и, выбравшись из воды и накрепко сцепившись с могучим юным мозгом Элизабет Истлейк, она сумела вызвать его.

— Корабль мертвых. — На лице Уайрмана так по-детски отражались страх и благоговение... Снаружи ветер шумел кронами растущих во дворе деревьев, гнул рододендроны, и мы слышали равномерные, усыпляющие удары волн о берег. Я полюбил этот звук с самого приезда на Дьюма-Ки, но сейчас он меня пугал. — Корабль назывался... «Персефона»*?

— Если тебе нравится это название. Мне, конечно, приходила в голову мысль, что под Персе Элизабет подразумевала именно ее. Но значения это не имеет. Мы говорим не о греческой мифологии. Мы говорим о чем-то более древнем, более чудовищном. И голодном. Вот этим наше чудовище не отличается от вампиров. Только жаждет оно душ, а не крови. По край-

* Персефона — в древнегреческой мифологии богиня, дочь Зевса и Деметры, жена Аида, правительница царства мертвых.

ней мере я так думаю. Новая «кукла» пробыла у Элизабет не больше месяца, и одному только Богу известно, как изменилась жизнь в первом «Гнезде цапли» за это время, но изменилась она точно не к лучшему.

— И вот тогда Истлейк заказал серебряные гарпуны? — спросил Уайрман.

— Этого сказать не могу. Я же многого не знаю, потому что вся информация идет от Элизабет, а она тогда едва вышла из младенческого возраста. И я понятия не имею, что произошло в ее другой жизни, потому что к тому времени она перестала рисовать. А если она и помнила время, когда рисовала...

— Она прилагала все силы, чтобы его забыть, — вставил Джек.

Уайрман помрачнел.

— В конце жизни она шла к тому, чтобы вообще все забыть.

— Помните картины, на которых все широко улыбались, словно принявшие дозу наркоманы? — спросил я. — На них Элизабет пыталась воссоздать мир, который она помнила. Каким он был до появления Персе. Более счастливый мир. В дни, предшествующие гибели сестер, она была очень напугана, но боялась что-то сказать, потому что чувствовала: все пошло не так исключительно по ее вине.

— Что именно пошло не так? — поинтересовался Джек.

— Точно сказать не могу, но на одной картине изображен стародавний чернокожий парковый жокей, стоящий на голове, и я думаю, что эта картина все объясняет. Я думаю, для Элизабет, в эти последние перед гибелью сестер дни, *все* перевернулось с ног на голову. И с парковым жокеем связано что-то еще, в этом я практически уверен, но не знаю, что именно, а выяснять времени нет. Думаю, что в дни, предшествующие гибели Тесси и Лауры, и сразу после их гибели, «Гнездо цапли» могло быть для семьи тюрьмой.

— И только Элизабет знала почему? — спросил Уайрман.

— Без понятия. — Я пожал плечами. — Няня Мельда могла что-то знать. *Вероятно*, что-то знала.

— А кто жил в доме в промежутке между находкой сокровища и гибелью близняшек? — спросил Джек.

Я задумался.

— Полагаю, Мария и Ханна могли приезжать из школы на уик-энд или два, и сам Истлейк уезжал по делам в марте и апреле. Постоянно находились в доме Элизабет, Тесси, Лаура и няня Мельда. Элизабет попыталась через рисование вычеркнуть свою новую «подругу» из своего мира. — Я облизнул губы. Они совсем пересохли. — Она сделала это цветными карандашами, которые лежали в корзинке. Аккурат перед тем, как утонули Тесси и Лаура. Возможно, накануне вечером. Потому что их гибель стала наказанием, так? Как убийство Пэм стало бы моим наказанием за то, что я полез, куда не следовало. Вы понимаете?

— Святый Боже, — прошептал Джек.

Уайрман побелел как полотно.

— До этого скорее всего Элизабет ничего не понимала. — Я задумался над тем, что произнес, пожал плечами. — Черт, не могу даже представить, много ли я понимал в четыре года. Но до падения с возка — и я готов спорить, об этом она ничего не помнила — худшей вещью, которая могла с ней случиться, было оказаться наказанной. Папочка мог положить ее на колено и отшлепать, или ей могли дать по рукам, если она потянулась бы к плюшкам няни Мельды до того, как те остыли. Что она знала о природе зла? Она знала, что Персе — плохая кукла, непослушная, что она делает плохие вещи и заставляет делать плохие вещи, поэтому от нее надо избавиться. В итоге Либбит села с карандашами и листом бумаги, сказала себе: «Я могу это сделать. Если не буду торопиться и приложу максимум старания, я это сделаю». — Я замолчал, провел рукой по глазам. — Я думаю, так оно и было, но вы должны принимать мою версию с долей сомнения. История Элизабет могла смешаться с тем, что случилось со мной. Моя память может выкинуть что угодно. Любой глупый фортель.

— Расслабься, мучачо, — посоветовал мне Уайрман. — Сбавь темп. Маленькая Либбит попыталась вычеркнуть Персе из своего мира. И как это делается?

— Нарисовать и стереть.

— Персе ей не позволила?

— Персе не знала — я уверен в этом, если не на сто, то на девяносто восемь процентов. Потому что Элизабет умела хра-

нить в тайне свои намерения. Если вы спросите меня как, я ответить не смогу. Если спросите, была ли это ее собственная мысль... могла ли она придумать такое в четыре годика...

— Вполне возможно, — ответил Уайрман. — Между прочим, соответствует логике четырехлетних.

— Я не понимаю, как она могла сохранить свой замысел в тайне от Персе. — Джек покачал головой. — Я хочу сказать... маленькая девочка?

— Этого я тоже не знаю.

— В любом случае план Элизабет не сработал? — спросил Уайрман.

— Да, не сработал. Думаю, она нарисовала Персе, и я уверен, что нарисовала карандашами, а когда закончила, все стерла. Возможно, человека это бы убило, как я убил Кэнди Брауна, но Персе не была человеком. Это ее только разозлило. Она отплатила Элизабет, забрав близняшек, которых девочка боготворила. Тесси и Лаура оказались на тропе, ведущей к Тенистому берегу, не по своей воле. Они не собирались искать сокровища. Их кто-то погнал на этой тропе. Им не оставалось ничего другого, как войти в воду, спасаясь от кого-то, и они исчезли.

— Только не навсегда, — вставил Уайрман, и я знал, что он думает о маленьких следах. Не говоря уже об утопленнике в моей гостиной.

— Да, — согласился я, — не навсегда.

Вновь задул ветер, на этот раз с такой силой, что чем-то швырнул в стену дома, выходящую на Залив. Мы аж подпрыгнули.

— А как Персе добралась до Эмери Полсона? — спросил Джек.

— Не знаю, — ответил я.

— А Адриана? — спросил Уайрман. — Адриана тоже попала к Персе?

— Не знаю, — ответил я. — Возможно. — И с неохотой добавил: — Вероятно.

— Мы не видели Адриану, — напомнил Уайрман. — Вот в чем дело.

— Пока не видели, — уточнил я.

— Но маленькие девочки утонули... — Джек, похоже, не хотел, чтобы оставались какие-то неясности. — Эта Персе заманила их в воду. Или что-то.

— Да, — кивнул я. — Или что-то.

— Но потом начались поиски? Появились посторонние?

— Да, Джек. Не могли не появиться, — ответил Уайрман. — Люди знали, что девочки пропали. Например, Шэннингтон.

— Это мне понятно. Об этом я и говорю. Получается, Элизабет, ее отец и няня никому ничего не сказали?

— А у них был выбор? — спросил я. — Разве мог Джон Истлейк сказать сорока или пятидесяти добровольцам: «Фарфоровая ведьма забрала моих дочерей, ищите фарфоровую ведьму»? Он мог даже этого и не знать. Хотя в какой-то момент наверняка выяснил. — Я подумал о картине Элизабет, на которой Джон кричал. Кричал и истекал кровью.

— Согласен, выбора у него не было, — кивнул Уайрман. — Но я хочу знать, что произошло после завершения поисков. Перед тем как умереть, мисс Истлейк говорила о том, что ее нужно утопить, чтобы она снова заснула. Она говорила о Персе? Если да, как это может сработать?

Я покачал головой.

— Не знаю.

— А почему ты не знаешь?

— Потому что остальные ответы — на южной оконечности острова, — отозвался я. — В первом «Гнезде цапли». И я думаю, что Персе тоже там.

— Понятно, — кивнул Уайрман. — То есть если мы не намерены спасаться с Дьюмы бегством, нам не остается ничего другого, как отправиться туда.

— Учитывая произошедшее с Томом, выбора у нас нет, — согласился я. — Я продал много картин, и в «Скотто» не смогут держать их до скончания века.

— Выкупите их, — предложил Джейк. Как будто я сам уже не подумал об этом.

Уайрман усмехнулся.

— Многие владельцы не захотят их продавать даже за двойную цену. Их не убедит и такая история.

С этим спорить никто не стал.

— Но она не так сильна днем, — нарушил я паузу. — Предлагаю выехать в девять утра.

— Меня устраивает. — Джек встал. — Приеду без четверти девять. А сейчас собираюсь перемахнуть мост и вернуться в Сарасоту.

Мост. У меня возникла идея.

— Ты можешь остаться здесь, — предложил Уайрман.

— После такого разговора? — Джек вскинул брови. — При всем уважении к вам, ни за что. Но завтра я приеду.

— Форма одежды — брюки и высокие ботинки, — предупредил Уайрман. — Там все заросло, и могут быть змеи. — Он почесал щеку. — Боюсь, мне придется пропустить завтрашнее мероприятие в «Эббот-Уэкслер». Родственникам мисс Истлейк придется точить зубы друг на друга. Какая жалость... эй, Джек.

Джек уже направлялся к двери. Теперь обернулся.

— У тебя, часом, нет творений Эдгара?

— М-м-м... ну...

— Выкладывай. Чистосердечное признание облегчает душу, compañero.

— Один рисунок. — Джек переминался с ноги на ногу и, как мне показалось, покраснел. — Ручкой, чернилами. На обратной стороне конверта. Пальма. Я... э... как-то вытащил его из мусорной корзинки. Извините, Эдгар. Поступил нехорошо.

— Все нормально, но сожги его. Может, я дам тебе другой. После того, как все закончится.

«Если закончится», — подумал я, но добавлять не стал.

Джек кивнул.

— Ладно. Подбросить вас до «Розовой громады»?

— Я останусь с Уайрманом, — ответил я, — но сначала мне надо вернуться в «Розовую громаду».

— Можете не говорить, — улыбнулся Джек. — Пижама и зубная щетка.

— Нет, — покачал я головой. — Корзинка для пикника и эти серебряные гар...

Зазвонил телефон, мы переглянулись. Думаю, я сразу понял, что новости плохие. Почувствовал, как засосало под ложечкой. Раздался второй звонок. Я посмотрел на Уайрмана, но Уайрман смотрел на меня. Он тоже все понял. Я взял трубку.

— Это я. — Голос Пэм, мрачный и печальный. — Крепись, Эдгар.

Когда кто-то произносит такие слова, всегда хочется застегнуть воображаемый ремень безопасности. Но толку от этого мало. Редко у кого есть такой ремень.

— Выкладывай.

— Боузи я застала дома и передала все, что сказал мне ты. Он начал задавать вопросы, что неудивительно, но я сказала, что тороплюсь, да и ответов у меня нет. Короче, он согласился выполнить твою просьбу. Со словами: «Ради старой дружбы».

Под ложечкой засосало сильнее.

— Потом я позвонила Илзе. Не знала, смогу ли застать ее, но она только что вошла. Голос звучал устало, но она вернулась домой в полном здравии. Завтра я позвоню Линни, когда...

— *Пэм*...

— Уже подхожу. После Илли я позвонила Кеймену. Кто-то ответил после второго или третьего гудка, и я начала все излагать. Думала, что говорю с ним... — Пауза. — Но трубку снял его брат. Сказал, что Кеймен по пути из аэропорта заехал в «Старбакс», чтобы выпить чашку кофе с молоком. Когда стоял в очереди, у него случился сердечный приступ. «Скорая» отвезла его в больницу, но это была лишь формальность. Брат сказал, что Кеймен умер на месте. Он спросил, почему я звоню, а я ответила, что теперь это не имеет значения. Правильно?

— Да. — Я не сомневался, что рисунок, купленный Кеймеком, не окажет дурного влияния ни на его брата, ни на кого-то еще. Свою задачу он уже выполнил.

— Если это может утешить, возможно, смерть Кеймена — всего лишь совпадение... Он был очень милым человеком, но набрал слишком уж много лишних фунтов. Чтобы это понять, хватало одного взгляда.

— Возможно, ты права. — Я не стал спорить, хотя и знал, что она ошибается. — Я тебе еще позвоню.

— Хорошо. — Она замялась. — Береги себя, Эдди.

— Ты тоже. Вечером запри двери и включи охранную сигнализацию.

— Я всегда включаю.

Она разорвала связь. За окнами прибой о чем-то спорил с ночью. Зачесалась правая рука. Я подумал: «Если бы мог доб-

раться до тебя, отрезал бы снова. Отчасти — чтобы ты больше не приносила вреда, в основном — чтобы заткнулась».

Но, разумеется, проблема заключалась не в моей ампутированной руке и не в кисти, которой она когда-то оканчивалась. Все дело было в неком существе в образе женщины, облаченной в красную мантию, которое использовало меня как гребаную спиритическую доску.

— Что? — спросил Уайрман. — Не держи нас в неведении, мучачо, что?

— Кеймен, — ответил я. — Сердечный приступ. Он мертв.

Я подумал обо всех картинах, находящихся в «Скотто». Проданных картинах. Там они опасности не представляли, но, как известно, деньги свое берут. Это даже не мужской закон, это гребаный американский образ жизни.

— Пойдемте, Эдгар. — Джек шагнул к двери. — Я подброшу вас до дома, а потом привезу обратно.

XIV

Не могу сказать, что наше путешествие в «Розовую малышку» было безмятежным (пока мы там находились, я не выпускал из руки серебряный подсвечник), но и особенным я бы его не назвал. Кроме возбужденных голосов ракушек под домом, мы ничего не услышали. И не увидели. Я сложил рисунки в корзинку для пикника. Джек взялся за ручки и отнес ее вниз. Я всю дорогу прикрывал ему спину, а когда мы вышли из «Розовой громады», запер дверь на ключ. Как будто это что-то меняло.

По пути в «Эль Паласио» мне в голову пришла мысль... или вернулась. Но я оставил цифровой «Никон» в «Розовой громаде», разворачиваться не хотелось, так что...

— Джек, у тебя есть «полароид»?

— Конечно. «Уан-шот». Как говорит мой отец, «старый, но исправный».

— Завтра, когда будешь возвращаться, остановись, пожалуйста, у разводного моста со стороны Кейси-Ки. Сделай несколько снимков птичек и яхт, хорошо?

— Хорошо...

— И пару раз сними сам мост, прежде всего — подъемные механизмы.

— Зачем? Для чего вам понадобились эти снимки?

— Собираюсь нарисовать мост без подъемных механизмов, — ответил я. — И сделать это, когда услышу гудок, означающий, что мост развели, чтобы пропустить какое-то судно. Я не думаю, что двигатель и гидравлические цилиндры действительно исчезнут, но, может, мне удастся что-нибудь сломать, так что на какое-то время сюда никто приехать не сможет. Во всяком случае, на автомобиле.

— Вы серьезно? Вы действительно думаете, что сможете вывести мост из строя?

— Учитывая, как часто подъемные механизмы ломаются сами по себе, труда это не составит. — Я посмотрел на темную воду и подумал о Томе Райли, которого мне следовало вылечить. И которого, черт побери, убили. — А сейчас мне очень хочется нарисовать себе крепкий сон.

Как рисовать картину (IX)

Ищите картину в картине. Увидеть ее иной раз не просто, но она есть всегда. И если вы ее не замечаете, то можете проглядеть целый мир. Мне это известно лучше, чем кому бы то ни было, и не без причины: глядя на фотографию Карсона Джонса и моей дочери (Смайлика и Тыквочки), я думал, что знаю, куда смотрю, и упустил истину. Все потому, что я ему не доверял? Да, и это где-то даже забавно. По существу, я не испытывал бы доверия к любому мужчине, который попытался заявить права на мою дорогую девочку, мою самую любимую, мою Илзе.

Сначала я нашел фотографию его одного, прежде чем докопался до той, где они стояли вдвоем, но сказал себе, что фотография-соло мне не нужна, толку от нее нет. Если я хочу знать о его намерениях в отношении моей дочери, то должен прикоснуться своей магической рукой к ним обоим, в паре.

Я уже делал предположения. Ожидал худшего.

Если бы я коснулся первой фотографии, действительно ее исследовал (Карсон Джонс в рубашке «Близнецов», Карсон в одиночестве), все могло перемениться. Я смог бы почувствовать, что от него не исходит абсолютно никакой угрозы для Илзе. Наверняка бы почувствовал. Но я проигнорировал эту фотографию. И так и не спросил себя почему, если он представлял собой опасность, я нарисовал Илзе одну, разглядывающую все эти плавающие теннисные мячи.

Маленькой девочкой в теннисном платье была, разумеется, она. Как и практически всеми девочками, которых я нарисовал на Дьюма-Ки — даже теми, кто маскировался под Ребу, Либбит или (в одном случае) Адриану.

За единственным исключением: особы женского пола в красной мантии.

Персе.

Прикоснувшись к фотографии Илзе и ее бойфренда, я ощутил смерть: в тот момент не признался в этом даже себе, но ощутил. Моя ампутированная рука почувствовала смерть, повисшую, как дождь в облаках.

Я предположил, что угроза для моей дочери исходит от Карсона Джонса, вот почему так хотел, чтобы она держалась от него подальше. Но он был ни при чем. Персе стремилась остановить меня (думаю, предпринимала отчаянные усилия для того, чтобы я не нашел давние рисунки Либбит и ее карандаши), но Карсон Джонс никогда не был орудием Персе. Даже бедный Том Райли был всего лишь подручным средством, использованным за неимением лучшего.

Я смотрел на картину, но сделал неправильный вывод, упустил истину: смерть, которую я почувствовал, исходила не от него. Она кружила над Илзе.

И какая-то часть меня знала, что я не увидел истины.

Иначе почему я нарисовал все эти проклятые теннисные мячи?

Глава 16
КОНЕЦ ИГРЫ

1

Уайрман предложил таблетку лунесты, которая помогла бы мне заснуть. Искушение было велико, но я отказался. Однако взял с собой один из серебряных гарпунов, и Уайрман последовал моему примеру. С волосатым животом, чуть нависающим над синими трусами, с гарпуном Джона Истлейка в правой руке, он являл собой эдакого Купидона в расцвете лет. Ветер набрал еще большую силу. Ревел за стенами, завывал в дымоходах.

— Двери в спальни оставляем открытыми? — спросил Уайрман.

— Само собой.

— А если ночью что-то произойдет, ори как резаный.

— Вас понял, Хьюстон. И ты тоже.

— С Джеком все будет хорошо, Эдгар?

— Если он сожжет рисунок, безусловно.

— Ты держишься, несмотря на случившееся с твоими друзьями?

Кеймен — он научил меня вспоминать забытые слова по ассоциациям. Том — он посоветовал мне не отдавать преимущество своего поля. Держался ли я, несмотря на случившееся с моими друзьями?

Что ж, и да, и нет. Я печалился, но — не буду лгать — испытывал и подспудное облегчение; люди иной раз показывают себя абсолютными подонками. Облегчение — потому что Кеймен и

Том, пусть и достаточно близкие мне люди, не входили в круг тех, кто действительно многое для меня значил. До них Персе еще не успела дотянуться. И при условии, что мы будем действовать быстро, Кеймен и Том могли остаться единственными жертвами.

— Мучачо?

— Да? — Мне казалось, что его голос доносится издалека. — Да, я держусь. Позови меня, если я тебе понадоблюсь, Уайрман, не стесняйся. На крепкий сон я не рассчитываю.

ii

Я лежал, глядя в потолок. Гарпун с серебряным наконечником находился под рукой, на прикроватном столике. Я слушал рев ветра и шум прибоя. Помню, как подумал: «Ночь будет долгой». А потом заснул.

Снились мне сестры Либбит. Не Большие Злюки — близняшки.

Они бежали.

Большой мальчик гнался за ними.

У него были *ЖУБЫ!*

iii

Проснулся я на полу. Лишь одна нога, левая, лежала на кровати и крепко спала. Снаружи продолжали бушевать ветер и прибой. Внутри сердце било в ребра почти с той же силой, что волны — о берег. Я видел, как Тесси уходила под воду — тонула, а эти мягкие и безжалостные руки сжимали ее икры. Эта четкая, дьявольская картина стояла перед моим мысленным взором.

Но не сон о маленьких девочках, убегающих от лягушкоподобного чудовища, вызвал такое жуткое сердцебиение, не этот сон заставил меня проснуться на полу с натянутыми как струны нервами и с привкусом меди во рту. Я проснулся, как просыпаются от кошмара, осознавая, что забыто что-то важное: к примеру, не выключена плита, и теперь дом заполняется газом.

Я сдвинул с кровати ногу, она ударилась об пол и в нее словно вонзились тысячи иголок. Морщась, я принялся ее растирать. Поначалу она ничем не отличалась от бревна, но онемение быстро уходило. А вот ощущение, что забыто что-то жизненно важное — нет.

Но что? Я надеялся, что наша экспедиция на южную оконечность Дьюмы, возможно, положит конец этой отвратительной истории, очистит этот мерзкий гнойник. Самым большим препятствием, в конце концов, была вера в себя, и если бы завтра под ярким флоридским солнцем мы бы выдержали, не сломались, то могли добиться своего. Возможно, увидели бы птиц, летящих лапками вверх, или нам попыталась бы преградить дорогу гигантская прыгающая лягушка, вроде той, что я видел во сне, но я почему-то был уверен, что эти страшилки годились только для шестилетних девочек и не произвели бы впечатления на взрослых мужчин — особенно вооруженных гарпунами с серебряными наконечниками.

И, разумеется, я собирался взять с собой альбом и карандаши.

Я подумал, что теперь Персе боится меня и моего вновь обретенного таланта. Одинокий, не пришедший в себя после столь близкого контакта со смертью (еще раздумывающий о самоубийстве) — я мог бы стать ценным активом, а не проблемой. Потому что, несмотря на все громкие заявления, у того Эдгара Фримантла никакой другой жизни и не было. Тот Эдгар был инвалидом, он лишь сменил сосны на пальмы. Но как только я вновь обрел друзей... увидел, что происходит вокруг меня, и начал активно вмешиваться...

Вот тогда я стал опасным. Я не знаю, что она задумала (помимо того, чтобы остаться в этом мире), но, должно быть, сообразила, что по части генерирования зла потенциал у однорукого талантливого художника огромный. Господи, да я же мог рассылать смертоносные картины по всему миру! Но теперь я вывернулся из ее рук, точно так же, как и Либбит. Теперь меня требовалось остановить, а потом — уничтожить.

— С этим ты припозднилась, сука, — прошептал я.

Тогда почему не отпускала тревога?

Картины (особенно самые опасные, из цикла «Девочка и корабль») оставались в галерее под замком, где никому не могли причинить вреда — за пределами острова, как и хотела Элизабет. По словам Пэм, из друзей и родственников рисунки приобрели только Боузи, Том и Ксандер Кеймен. Тому и Кеймену я уже помочь не мог, хотя многое бы отдал, чтобы их спасти, но Боузи пообещал сжечь свои рисунки, то есть за него я мог не волноваться. Даже Джеку ничего не грозило, потому что он признался в этой мелкой краже. «Уайрман проявил отменную проницательность, догадавшись спросить его об этом, — подумал я. — Странно только, что он не спросил меня, а не подарил ли я Джеку что-нибудь из своих творений...»

Воздух в горле превратился в стекло, застыл. Теперь я знал, *что* забыл. Теперь, глубокой ночью, под рев ветра за стенами. Я до такой степени зациклился на этой чертовой выставке, что совершенно упустил из виду те свои работы, которые мог подарить *до* выставки.

«Могу я его взять?»

Моя память, по большей части несговорчивая, иногда удивляла меня, мгновенно предоставляя яркую, в многоцветном великолепии, информацию. Я увидел Илзе в «Розовой малышке», босиком, в шортах и топике. Она стояла перед моим мольбертом. Я попросил ее отойти в сторону, чтобы посмотреть, от какого рисунка она не могла оторвать глаз. Рисунка, которого я даже не помнил.

«Могу я его взять?»

Когда Илзе отошла, я увидел маленькую девочку в теннисном платье. Она стояла спиной, но была центральным элементом рисунка. Рыжие волосы говорили о том, что это Реба, моя маленькая любовь, подруга из прошлой жизни. Однако девочка эта еще была и Илзе (Илзе из весельной лодки), и старшей сестрой Элизабет, Адрианой. Потому что именно Ади носила такое теннисное платье, украшенное по подолу тремя синими лентами (я не мог этого знать, но знал; почерпнул эти сведения с картин Элизабет... которые она нарисовала, когда ее все называли Либбит).

«Могу я его взять? Я хочу этот».

Или что-то хотело, чтобы у нее возникло такое желание?

«Я позвонила Илзе, — сказала Пэм. — Не знала, смогу ли застать ее, но она только что вошла».

Вокруг куклы-девочки лежали теннисные мячи. Другие покачивались на волнах у самого берега.

«Голос звучал устало, но она вернулась домой в полном здравии».

В полном здравии? Правда? Я дал ей этот чертов рисунок. Она была моей мисс Булочкой, и я ни в чем не мог ей отказать. По ее просьбе я даже дал рисунку название: она сказала, что художники должны называть свои творения. «Конец игры», — так я его назвал, и теперь слова эти колоколом ударили у меня в голове.

iv

Телефона в спальне для гостей не было, поэтому я прокрался в коридор, сжимая в руке серебряный гарпун. Несмотря на стремление как можно быстрее связаться с Илзе, на мгновение я остановился, чтобы заглянуть в открытую дверь спальни по ту сторону коридора. Уайрман спал на спине, как выбросившийся на берег кит, и мирно храпел. Его серебряный гарпун лежал на прикроватном столике, рядом со стаканом воды.

Я прошел мимо семейного портрета, спустился по лестнице, направился на кухню. Здесь рев ветра и шум прибоя слышались громче, чем наверху. Я поднес трубку к уху и услышал... пустоту.

«Естественно. Или ты думаешь, что Персе забыла про телефоны?»

Потом я посмотрел на трубку и увидел кнопки для двух линий. То есть на кухне, чтобы позвонить, требовалось не просто взять трубку в руку. Я возблагодарил Господа короткой молитвой, нажал на кнопку с надписью **«ЛИНИЯ 1»** и услышал длинный гудок. Убрал большой палец с кнопки, и тут до меня дошло, что я не помню номер Илзе. Моя записная книжка осталась в «Розовой громаде», а телефонный номер дочери начисто стерся из памяти.

V

Трубка завыла сиреной. Маленькая (я положил ее на столик микрофоном вниз), но очень уж громкая в темной кухне, и гудок этот заставил меня подумать о плохом. О патрульных автомобилях, мчащихся к месту преступления. О «скорых», спешащих к месту аварии.

Я нажал кнопку отключения связи, прислонился лбом к ледяной стальной дверце большого холодильника «Эль Паласио». Перед глазами оказался магнит с надписью: **«БЫЛ ТОЛСТЫЙ — СТАЛ ХУДОЙ»**. Точно, а кто был мертвый — стал живой. Рядом, на другом магните, висел блокнот с огрызком карандаша на шнурке.

Я снова нажал кнопку **«ЛИНИЯ 1»**, набрал 411. Механический голос поблагодарил меня за решение воспользоваться услугами справочной службы компании «Верайсон» и спросил, какие мне нужны штат и город. Я ответил: «Провиденс, Род-Айленд». Произнес название четко, как на сцене. Все шло хорошо, но робот споткнулся на Илзе, и, как я ни старался, он меня так и не понял, а потому переключил на телефонистку, которая сообщила мне то, о чем я уже догадался: номер Илзе в открытом справочнике не значится. Я объяснил телефонистке, что звоню своей дочери и по очень важному делу. Она ответила, что мне следует поговорить с начальником, который, возможно, согласится узнать у Илзе, желает ли она разговаривать со мной, но сделает это он не раньше восьми утра по восточному времени. Я посмотрел на часы в микроволновке. Четыре минуты третьего.

Я отключил связь и закрыл глаза. Я мог разбудить Уайрмана, спросить, нет ли телефонного номера Илзе в его маленькой красной книжице, но интуиция подсказывала, что время поджимает.

— Я могу это сделать, — сказал я себе, но без особой надежды.

«Разумеется, вы можете, — согласился со мной Кеймен. — Какой у вас вес?»

Я весил сто семьдесят четыре фунта — немного потолстел по сравнению с обычными ста пятьюдесятью фунтами. Эти цифры возникли перед моим мысленным взором: **174150**. По-

началу все красные. Потом пять стали зелеными, одна за другой. Не открывая глаз, я схватил огрызок карандаша и записал их в блокнот: 40175.

«И какой номер вашей карточки социального страхования?» — спросил Кеймен.

Номер возник из темноты, ярко-красные цифры. Четыре стали зелеными, и я добавил их к уже нацарапанным в блокноте. Когда открыл глаза, увидел, что записал: 401759082 — криво, косо, цифры пьяно сползали вниз.

Все было верно, номер я узнал, но одной цифры не хватало.

«Не имеет значения, — сказал Кеймен у меня в голове. — Кнопочные телефоны — роскошный подарок забывчивым. Если абстрагироваться от всего и набрать первые девять цифр, то десятую вы наберете правильно без всяких проблем. Это мышечная память».

Надеясь, что он прав, я вновь включил **«ЛИНИЮ 1»**, набрал код Род-Айленда, потом 759-082. Мой палец никаких сомнений не испытывал. Нажал на последнюю цифру и где-то в Провиденсе зазвонил телефон.

VI

— Ал-ло?.. Это... хто?

На мгновение я подумал, что все-таки ошибся с номером. Голос в трубке раздался женский, но его обладательница была старше моей дочери. Намного. И определенно находилась под действием снотворного. Но я подавил желание пробормотать: «Извините, неправильно набрал номер», — и закончить разговор нажатием соответствующей кнопки. «Голос звучал устало», — сказала Пэм, но, если я сейчас говорил с Илзе, голос звучал не просто устало — моя дочь вымоталась донельзя.

— Илзе?

Не отвечали мне долго. Я уже подумал, что в Провиденсе кто-то бестелесный отключил связь. Вдруг осознал, что потею, да так сильно, что ощущал запах собственного пота, как сидящая на дереве мартышка. Потом до меня донеслись те же слова:

— Ал-ло?.. Это... хто?

— Илзе!

Тишина. Я почувствовал, что она собирается положить трубку. Снаружи ревел ветер и грохотал прибой.

— Мисс Булочка! — завопил я. — Мисс Булочка, не смей класть трубку!

Вот это ее проняло.

— Пап... уля? — В разорванном надвое слове слышалось дикое изумление.

— Да, милая... он самый.

— Если ты действительно папуля... — Долгая пауза. Я мог видеть, что она стоит на кухне, босиком (как и в тот день в «Розовой малышке», когда смотрела на рисунок куклы и плавающих мячей), опустив голову, с падающими на лицо волосами. Сбитая с толку, на грани помешательства. И вот тут я начал ненавидеть Персе даже больше, чем бояться.

— Илзе... мисс Булочка... я хочу, чтобы ты выслушала меня...

— Скажи мне мой ник. — В голосе звучала шокирующая хитрость. — Если ты мой настоящий папуля, скажи мне мой ник.

И я осознал, что если не скажу, она положит трубку. Потому что на нее что-то воздействовало. Пудрило ей мозги, давило, опутывало сетями. Только не что-то. *Она*.

Ник Илзе.

В тот момент я не мог вспомнить и его.

«Вы можете это сделать, Эдгар», — заверил меня Кеймен, но Кеймен умер.

— Ты не... мой папуля, — произнесла совсем запутавшаяся девушка на другом конце провода и вновь собралась положить трубку.

«Воспользуйтесь ассоциациями», — спокойно посоветовал Кеймен.

«Разве так, — подумал я, сам не зная почему. — Разве что, если что, если так, раз...»

— Ты не мой папуля, ты — *она*. — Голос звучал натужно, Илзе словно накачали наркотиками, у нее никогда не было такого голоса. — Мой папуля мертв. Я видела это во сне. Прощ...

— Раз так! If so! — прокричал я, не тревожась о том, что могу разбудить Уайрмана. Начисто забыв про Уайрмана. — Твой ник — If-So-Girl!

Долгая пауза на другом конце провода.

— А дальше?

Я подумал: «Музыка, скрипичный ключ, клавиши, клавиши пианино...»

— Восемьдесят восемь. Твой ник — If-So-Girl88.

Вновь пауза, долгая-долгая. Казалось, она тянулась целую вечность. Потом Илзе заплакала.

vii

— Папуля, она сказала, что ты мертв. И я поверила. Не только из-за сна. Потому что позвонила мама и сказала, что Том погиб. Мне приснилось, что тебе стало совсем грустно, и ты вошел в Залив. Мне приснилось, что подводное течение подхватило тебя, и ты утонул.

— Я не утонул, Илзе. Все у меня хорошо, уверяю тебя.

Она начала рассказывать, фрагментами, частями, прерываясь на слезы и отступления. Я понимал, что мой голос подбодрил ее, но не излечил. Она оторвалась от реальности, потеряла связь со временем; о выставке в «Скотто» Илзе говорила так, будто это случилось неделю назад, однажды прервалась, чтобы заговорить о подруге, которую арестовали за «подрезание». Произнеся это слово, она дико расхохоталась, словно пьяная или обкуренная. Когда я спросил Илзе, что такое подрезание, она ответила, что это не имеет значения. Сказала, что, возможно, увидела это во сне. Теперь речь ее стала более трезвой. Более трезвой... но по-прежнему ненормальной. По словам Илзе, женский голос звучал у нее в голове, но также доносился из сливных отверстий и из унитаза.

В какой-то момент подошел Уайрман, включил на кухне свет, сел за стол, положил гарпун перед собой. Не произнес ни слова, только слушал, что говорю я.

Илзе сказала, что начала чувствовать себя как-то странно («жутковато-страшновато» — так она в действительности сказала), как только вошла в квартиру. Поначалу это было только ощущение одурманенности, но скоро к нему присоединилась тошнота... как и в тот день, когда мы попытались исследовать

единственную дорогу, уходящую в глубь Дьюма-Ки. Илзе становилось все хуже и хуже. Женщина обратилась к ней из раковины, сказала, что ее отец умер. Тогда Илзе вышла на улицу, чтобы прочистить мозги, но чуть ли не сразу решила вернуться.

— Должно быть, так на меня подействовали рассказы Лавкрафта, которые я прочитала для курсовой работы по американской литературе. Мне постоянно казалось, что кто-то идет следом за мной. Эта женщина.

Вернувшись в квартиру, она начала готовить овсянку, в надежде, что каша успокоит желудок, но, как только каша начала густеть, тошнота усилилась. Всякий раз, помешивая кашу, Илзе видела в ней что-то страшное. Черепа. Лица кричащих детей. Потом появилось лицо женщины. У женщины было слишком много глаз, сказала Илзе. Женщина-из-овсянки сообщила моей дочери, что я умер, а мама об этом еще не знает, но когда до нее дойдет эта новость, она устроит вечеринку.

— Я пошла и легла, — продолжила Илзе с детской интонацией, — и тогда мне приснилось, что женщина права, и ты умер, папуля.

Я подумал, не спросить ли, когда именно позвонила ее мать, но сомневался, что она вспомнит, да и значения это не имело. Святый Боже, неужели Пэм не уловила ничего, кроме усталости — особенно после моего звонка? Она оглохла? Не мог же только я слышать это замешательство в голосе Илзе, это изнеможение? Но, возможно, когда звонила Пэм, Илзе была еще в порядке. Персе, при всем ее могуществе, требовалось время, чтобы окончательно подчинить себе человека. Особенно если человек находился достаточно далеко.

— Илзе, у тебя сохранился рисунок, который я тебе дал? С маленькой девочкой и теннисными мячами? Я его назвал «Конец игры».

— Еще одна странная вещь. — Я чувствовал, что Илзе пытается говорить связно, точно так же, как пьяный водитель, остановленный дорожным копом, всеми силами пытается показать, что он трезвый. — Я хотела вставить его в рамку, но руки до этого не дошли, поэтому прикрепила его канцелярской кнопкой к стене в большой комнате. Ты помнишь, гостиная-кухня. Там я угощала тебя чаем.

— Конечно. — Я никогда не был в ее квартире в Провиденсе.

— Где я могла смотреть на него... смотреть на... но потом, когда я вернулась... он...

— Ты собираешься заснуть? Не вздумай заснуть, разговаривая со мной, мисс Булочка.

— Не заснуть... — но голос ее слабел.

— Илзе! Проснись! Проснись, твою мать!

— Папа?! — Илзе явно была потрясена. Но сон как рукой сняло.

— Что случилось с рисунком? Что изменилось после твоего возвращения?

— Он оказался в спальне. Вероятно, я сама перевесила его туда... он был прикреплен к стене той же кнопкой с красной головкой... но я не помню, как это делала. Наверное, я просто хотела, чтобы он был ближе ко мне. Разве это не забавно?

Нет, вот это я забавным не находил.

— Если бы ты умер, папуля, я не хотела бы жить. Я бы тоже хотела умереть. Стать мертвой, как... как... как стеклянный шарик! — и она рассмеялась. Я подумал о дочери Уайрмана и не поддержал ее.

— Слушай меня внимательно, Илзе. Ты должна сделать все, что я скажу. Это очень важно. Сделаешь?

— Да, папуля. Если только это не займет много времени. Я... — послышался зевок, — ...устала. Могу и поспать, раз уж теперь точно знаю, что с тобой все в порядке.

Да, она могла поспать. Аккурат под рисунком «Конец игры», закрепленным на стене кнопкой с красной головкой. И проснуться, думая, что разговор этот ей приснился, а на самом деле ее отец покончил с собой на Дьюма-Ки.

Все это сделала Персе. Эта старая карга. Эта *сука*.

Ярость вернулась в мгновение ока. Словно никуда и не уходила. Но я не собирался позволить ей помешать моим планам, не собирался даже позволить отразиться на голосе, чтобы Илзе не подумала, что я злюсь на нее. Я зажал трубку между ухом и плечом. Протянул руку и схватился за тонкое хромированное основание водопроводного крана.

— Много времени это не займет, цыпленок. Но ты должна это сделать. А потом пойдешь спать.

Уайрман сидел за столом, наблюдая за мной. Снаружи грохотал прибой.

— Какая у тебя духовка, мисс Булочка?

— Газовая. Газовая духовка, — и она снова рассмеялась.

— Хорошо. Возьми рисунок и брось в духовку. Потом закрой дверцу и включи газ. На максимальный режим. Сожги его.

— Нет, папуля! — Теперь она окончательно проснулась, шокированная моими словами, как и в прошлый раз, когда я сказал «твою мать», если не больше. — Я *люблю* этот рисунок.

— Я знаю, милая, но именно из-за этого рисунка у тебя такое необычное состояние. — Я собирался добавить что-то еще, но остановился. Если причиной был рисунок (а я в этом нисколько не сомневался), новые аргументы пользы бы не принесли. Она и так уже все поняла. Вместо того чтобы говорить, я взад-вперед дергал кран, сожалея всем сердцем, что мои пальцы сжимают не горло этой суки-карги.

— Папуля! Ты действительно думаешь...

— Я не думаю — знаю. Иди за рисунком, Илзе. Я подожду у телефона. Принеси, сунь в духовку и сожги. Немедленно!

— Я... хорошо. Подожди.

Со стуком трубка легла на столик.

— Она это сделает? — спросил Уайрман.

Прежде чем я успел ответить, раздался металлический хруст, и тут же холодная вода обдала мне руку до локтя. Я посмотрел на кран в моем кулаке, перевел взгляд на обломок трубы. Бросил кран в раковину. Из зазубренного обломка хлестала вода.

— Думаю, да, — ответил я. — Извини.

— De nada*. — Уайрман опустился на колени, открыл шкафчик под раковиной, сунул руку за мусорное ведро и стопку мешков для мусора. Что-то повернул, и струя из сломанного крана сбавила напор. — Ты не знаешь своей силы, мучачо. А может, знаешь.

— Извини, — повторил я. Не сильно раскаиваясь. На ладони кровоточил неглубокий порез, но настроение у меня улучшилось. И в голове прояснилось. Я даже подумал, что в свое время таким вот краном могла стать шея моей жены. Не стоило удивляться, что она со мной развелась.

* Пустяки (*исп.*).

Мы сидели на кухне и ждали. Секундная стрелка на часах над плитой медленно обогнула циферблат, пошла на второй круг. Поток из трубы превратился в узенькую струйку. Потом издалека донесся голос Илзе:

— Я вернулась... с ним... Я... — Тут она вскрикнула. Я не мог сказать, от удивления, боли или от того и другого.

— Илзе! — завопил я. — *Илзе!*

Уайрман вскочил, ударился бедром о край раковины. Протянул ко мне руки. Я покачал головой, мол, не знаю. Я чувствовал, как по щекам течет пот, хотя на кухне было прохладно.

Я уже думал о том, что делать и кому звонить, когда Илзе взяла трубку. В голосе слышалась дикая усталость. Но при этом и облегчение. И говорила она, как всегда. Наконец-то.

— Господи Иисусе.

— Что случилось? — Я едва сдержался, чтобы не сорваться на крик. — Илзе, *что случилось?*

— Его нет. Он вспыхнул и сгорел. Я смотрела через окошко. От него остался пепел. Папуля, мне нужно залепить пластырем руку. Ты был прав. Нехороший он, очень нехороший. — Она нервно рассмеялась. — Этот чертов рисунок не хотел лезть в духовку. Изогнулся и... — Вновь нервный смех. — Можно сказать, что я порезалась о край листа, но это не выглядит порезом, и ощущения другие. Больше похоже на укус. Я думаю, рисунок меня укусил.

viii

В сложившихся обстоятельствах больше всего меня радовало, что с Илзе все в порядке. Она же больше всего радовалась тому, что все в порядке со мной. И все у нас было хорошо. Так, во всяком случае, думал глупый художник. Я сказал дочери, что позвоню завтра.

— Илзе? Еще одна просьба.

— Да, папа. — Голос звучал бодро, она полностью пришла в себя.

— Подойди к плите. В твоей духовке есть подсветка?

— Да.

— Включи ее. Скажи, что ты видишь.

— Тебе придется подождать... радиотелефон у меня в спальне. — Пауза, короткая. Потом Илзе вновь взяла трубку: — Пепел.

— Здорово.

— Папуля, а остальные твои картины? Они такие же, как этот рисунок?

— Я как раз с этим разбираюсь, милая. Это история для другого дня.

— Хорошо. Спасибо тебе, папуля. Ты по-прежнему мой герой. Я тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю.

То был наш последний разговор, но мы этого не знали. Этого никогда не знаешь заранее, верно? По крайней мере закончили мы его признаниями в любви друг другу. Хотя бы. Не так, чтобы много, но все-таки. У других бывает хуже. Я говорю себе это долгими ночами, когда не могу заснуть.

У других бывает хуже.

IX

Я рухнул на стул напротив Уайрмана, подпер голову рукой.

— Потею, как свинья.

— Должно быть, с этим как-то связано насилие над раковиной мисс Истлейк.

— Изви...

— Повтори еще раз, и я тебе врежу. Ты все сделал правильно. Не каждому мужчине удается спасти жизнь дочери. Поверь, когда я это говорю, то завидую тебе. Хочешь пива?

— Боюсь, я заблюю им весь стол. Молоко у тебя есть?

Он заглянул в холодильник.

— Чистого нет, только наполовину со сливками.

— Дай глоточек.

— Ты совсем плох, Эдгар. — Он налил мне молока со сливками в стакан для сока, я выпил. Потом мы пошли наверх, медленным шагом, как стареющие воины джунглей, сжимая в руках короткие гарпуны с серебряными наконечниками.

Я вернулся в спальню для гостей, лег и вновь уставился в потолок. Ладонь болела, но я не жаловался. Она поранила руку, я поранил. Вроде бы одно сходилось с другим.

«Стол течет», — подумал я.

«Утопите ее, чтобы заснула», — подумал я.

И что-то еще. Элизабет сказала что-то еще. Прежде чем в голову пришла третья фраза Элизабет, я вспомнил кое-что более важное: Илзе сожгла рисунок «Конец игры» в духовке и отделалась лишь порезом руки. А может, укусом.

«Следовало сказать ей, что порез нужно продезинфицировать, — подумал я. — И мой тоже нужно».

Я спал. И на этот раз гигантская лягушка не явилась во сне, не предупредила меня.

X

На рассвете меня разбудил глухой удар. Ветер, дувший с прежней силой (может, разошелся еще сильнее), швырнул в стену дома один из шезлонгов Уайрмана. Или веселенький зонт, под которым мы впервые когда-то разделили зеленый чай со льдом, так хорошо утоляющий жажду.

Надев джинсы, я вышел из спальни. Все остальные вещи я оставил на полу, включая и гарпун с серебряным наконечником — сомневался, что Эмери Полсон навестит меня при свете дня. Потом заглянул в спальню Уайрмана, хотя мог без этого обойтись: его храп был слышен издалека. Уайрман вновь лежал на спине, широко раскинув руки.

Я спустился на кухню и покачал головой, увидев сломанный кран и стакан с белым налетом на стенках. Нашел себе чистый стакан, наполнил его апельсиновым соком. Со стаканом в руке вышел на заднее крыльцо. Сильный, но теплый ветер с Залива отбросил мои потные волосы со лба и висков. Ощущения мне понравились, они успокаивали. Я решил спуститься к берегу и выпить сок там.

Остановился, когда три четверти мостков остались позади, отпил сока. Стакан наклонил чуть сильнее, чем следовало, и плеснул соком на голую ногу. Почти не обратил на это внимания.

Из Залива, на одной из больших, гонимых ветром волн, к берегу плыл ярко-зеленый теннисный мяч.

«Это ничего не значит», — сказал я себе, но прозвучало очень уж неубедительно. Мяч значил не просто многое, а все, и я это понял, как только заметил его. Я зашвырнул стакан в униолу и, кренясь на один бок, сорвался с места: в том году Эдгар Фримантл иначе бегать не мог.

Мне потребовалось пятнадцать секунд, чтобы добраться до края мостков, может, меньше, но к тому времени я увидел в приливе еще три теннисных мяча. Потом шесть, восемь. По большей части — справа от меня, на севере.

Под ноги я не смотрел, поэтому сорвался с края мостков, размахивая рукой и культей. Коснулся песка, попытался бежать дальше и, возможно, даже удержался бы, если б приземлился на левую ступню, но не сложилось. Зигзаг боли пронзил правую ногу от щиколотки через колено до бедра, и я распластался на песке. В шести дюймах от моего носа лежал один из этих чертовых теннисных мячей, мокрые ворсинки не стояли дыбом, а прижимались к поверхности. На ядовито-зеленом боку черными, как проклятие, буквами было написано название фирмы-изготовителя: **«DUNLOP»**.

Я с трудом поднялся, диким взглядом окинул Залив. Лишь несколько мячей плавали перед «Эль Паласио», зато севернее, ближе к **«Розовой громаде»**, я увидел зеленую флотилию — штук сто, если не больше.

«Это ничего не значит. Она в безопасности. Она сожгла рисунок и теперь спит в своей квартире в тысяче миль отсюда, здоровая и невредимая».

— Это ничего не значит, — заявил я, но теперь волосы со лба сдувал не теплый, а ледяной ветер. Я захромал к «Розовой громаде» по влажному, утрамбованному, блестящему песку. Сыщики облаками взлетали передо мной. Волны то и дело бросали к моим ногам теннисные мячи. Теперь их было огромное количество, разбросанных по полосе влажного песка. Я подошел к разорванной коробке с надписью **«Теннисные мячи «Dunlop». ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ БРАК, БЕЗ УПАКОВКИ»**. В непосредственной близости от нее теннисных мячей в воде было особенно много.

Я побежал.

XI

Открыв дверь, я оставил ключи в замке. Поспешил к телефону, увидел мигающую лампочку: получено сообщение. Нажал на клавишу «PLAY». Бесстрастный механический голос проинформировал меня, что сообщение получено в 6:48, то есть я разминулся с ним менее чем на полчаса. Потом из динамика заговорила Пэм. Я наклонил голову, как наклоняют ее, когда хотят уберечься от зазубренных стеклянных осколков, летящих в лицо.

— Эдгар, мне звонили из полиции и сказали, что Илли мертва! Они говорят, что женщина, которую зовут Мэри Айр, пришла к ней в квартиру и убила ее! Это твоя подруга! Эдгар, ты слышишь, одна из твоих флоридских подруг убила нашу дочь! — Пэм разразилась жуткими, хриплыми рыданиями... потом расхохоталась. Рыдания, за ними — смех. Я почувствовал, как один из летящих стеклянных осколков вонзился мне в лицо. — Позвони мне, негодяй! Позвони и объяснись. *Ты говорил, что она в БЕЗОПАСНОСТИ!*

Опять рыдания. Их оборвал щелчок. Затем я услышал гудение свободной линии.

Я протянул руку, заглушил гудение, выключив автоответчик.

Прошел во «флоридскую комнату», посмотрел на теннисные мячи, покачивающиеся на волнах. Я будто раздвоился, ощущал себя человеком, наблюдающим за самим собой.

Мертвые близняшки оставили послание в моей студии: «Где наша сестра?» Под сестрой они подразумевали Илли?

Я буквально слышал, как смеется эта карга, видел, как кивает.

— Ты здесь, Персе? — спросил я.

Ветер рвался сквозь стеклянные стены. Волны бились о берег с регулярностью метронома. Птицы летали над водой, кричали. На берегу я увидел еще одну разорванную коробку с мячами, уже наполовину засыпанную песком. Сокровище из моря; законное вознаграждение из caldo. Она наблюдала, все так. Хотела увидеть, как я сломаюсь. Я в этом не сомневался. Ее... кто?.. охранники?.. может, и спали днем, но она бодрствовала.

— Я выигрываю, ты выигрываешь, — сорвалось с моих губ. — Но ты думаешь, что всегда и все будет по-твоему, не правда ли? Умная Персе.

Разумеется, умная. В эту игру она играла с давних пор. Я подозревал, что она была уже старухой, когда сыны израильские копали землю в садах Египта. Иногда она спала, но сейчас бодрствовала.

И могла дотянуться далеко.

Зазвонил телефон. Я вернулся в гостиную, по-прежнему ощущая себя раздвоенным. Один Эдгар шел по полу, второй парил над головой первого. Звонил Дарио. Судя по голосу, расстроенный.

— Эдгар. Почему вы решили задержать картины...

— Не сейчас, Дарио. Мне не до того.

Я разорвал связь и позвонил Пэм. Теперь, когда я об этом не думал, с набором номера проблем не возникло: пальцы сами нажимали нужные кнопки, замечательная механическая память все взяла на себя. И вот о чем я подумал: людям только пошло бы на пользу отсутствие любой другой памяти.

Пэм чуть успокоилась. Не знаю, что она приняла, но средство сработало. Мы проговорили двадцать минут. Большую часть этого времени она плакала, то и дело обвиняла меня, но я не пытался оправдываться, поэтому ее злость перешла в горе и недоумение. Я узнал все самое главное, или, во всяком случае, думал, что узнал. Потому что одно очень важное обстоятельство прошло мимо нас незамеченным, а как сказал один мудрец: «Кого не видишь, того не ударишь». Полицейский, который звонил Пэм, не удосужился сообщить ей, что именно Мэри Айр принесла в квартиру нашей дочери в Провиденсе.

Помимо пистолета. «Беретты».

— Полиция говорит, что она ехала на машине практически без остановок, — безжизненным голосом рассказывала Пэм. — Она никогда не смогла бы пронести этот пистолет на борт самолета. Почему она это сделала? Сработала еще одна гребаная *картина*?

— Все так, — подтвердил я. — Она купила одну. А я об этом не подумал. Я вообще о ней не думал. Ни разу. Я тревожился исключительно из-за бойфренда Илли.

Очень спокойно моя бывшая жена (теперь уже точно бывшая) вынесла приговор:

— Это сделал ты.

Да, я. Мне следовало сообразить, что Мэри купит как минимум одну картину, и почти наверняка что-нибудь из цикла «Девочка и корабль» — то есть из наиболее опасных. И, конечно же, не оставит картину в «Скотто». Зачем оставлять, если можно взять ее с собой, отправляясь в Тампу? Должно быть, картина лежала в багажнике старенького «мерседеса», когда она подвозила меня до больницы. А оттуда Мэри поехала домой в Дэвис-Айлендс, чтобы взять автоматический пистолет, купленный для самозащиты.

Черт, из Сарасоты дорога на север вела аккурат через Тампу.

Вот это я как раз мог предугадать. В конце концов, я с ней встречался, знал, что она думала о моем творчестве.

— Пэм, на этом острове случилось что-то ужасное. Я...

— Ты думаешь, меня это волнует, Эдгар? Или меня волнует причина, по которой эта женщина так поступила? Из-за тебя погибла наша дочь, и я больше не хочу говорить с тобой, я больше не хочу тебя видеть, и я скорее вырву себе глаза, чем взгляну еще на одну твою картину. Лучше б ты умер, когда на тебя наехал кран. — В голосе звучало какое-то запредельное глубокомыслие. — И это был бы счастливый конец.

Последовала короткая пауза, за которой послышалось гудение свободной телефонной линии. Я подумал о том, чтобы швырнуть трубку в стену, но плавающий над головой Эдгар наложил вето. Плавающий над головой Эдгар сказал, что не стоит доставлять Персе такое удовольствие. Поэтому я тихонько положил трубку на базу, с минуту постоял, покачиваясь — живой, тогда так моя девятнадцатилетняя дочь умерла. Ее не застрелила, но утопила в собственной ванне обезумевшая арткритикесса.

Медленным шагом я вышел из дома. Дверь оставил открытой. Запирать ее теперь не имело смысла. На глаза попалась прислоненная к стене метла, которой сметали песок с дорожки, и у меня начала зудеть правая рука. Я поднял ладонь перед собой, посмотрел. Вроде бы ничего не видел, но чувствовал, как сжимаются и разжимаются пальцы. Чувствовал, как пара длинных

ногтей впивается в ладонь. Остальные были короткими и неровными. Должно быть, обломились. Где-то (возможно, наверху, на ковре в «Розовой малышке») осталась парочка призрачных обломков.

— Уйди, — сказал я ей. — Ты мне больше не нужна. Уйди и умри.

Она не ушла. Не могла уйти. Как и предплечье, с которым она соединялась, кисть зудела, пульсировала болью, отказывалась покинуть меня.

— Тогда разыщи мою дочь. — Из глаз полились слезы. — Приведи ее назад, почему бы тебе этим не заняться? Приведи ее ко мне. Я нарисую все, что ты захочешь, только приведи ее ко мне.

Никакой реакции. Я оставался однорукий мужчиной, которого мучили фантомные боли. И единственным призраком был мой собственный, зависший над моей головой и все это наблюдающий.

Зуд усиливался. Я взял метлу, плача не только от горя, но и от этого невыносимого зуда, потом осознал, что не смогу осуществить задуманное: однорукому не переломить черенок метлы об колено. Я снова прислонил ее к стене, под большим углом, ударил по черенку сверху здоровой ногой. Он с треском переломился, помело отлетело в сторону. Подняв зазубренный конец обломившегося черенка на уровень глаз, из которых катились слезы, я кивнул: сгодится.

Огибая угол дома, я направился на берег; какая-то часть моего сознания фиксировала громкий разговор ракушек под «Розовой громадой», когда волны врывались в темноту под виллой, а потом откатывались обратно.

Когда я добрался до мокрой и блестящей полосы укатанного волнами песка, усеянного теннисными мячами, в голове мелькнула третья фраза, произнесенная Элизабет в «скорой» и записанная Уайрманом: «Ты захочешь, но нельзя».

— Слишком поздно, — вырвалось у меня, а потом нить, державшая Эдгара над моей головой, оборвалась. Его унес ветер, и на какое-то время память как отрезало.

Глава 17
ЮЖНАЯ ОКОНЕЧНОСТЬ

1

Я помню, что вернулся в этот мир, когда подошел Уайрман и поднял меня на ноги. Помню, как прошел несколько шагов, а после меня ударило, будто хлыстом: *Илзе мертва* — и я упал на колени. И что самое постыдное (пусть у меня разрывалось сердце), мне очень хотелось есть. Донимал волчий голод. Я помню, как Уайрман помог мне войти в открытую дверь, говоря, что это всего лишь плохой сон. Убеждал, что мне приснился кошмар, а когда я возразил, мол, все правда, это сделала Мэри Айр, Мэри Айр утопила Илзе в ее собственной ванне, он рассмеялся и ответил, что теперь у него отпали последние сомнения, и он точно знает, что мне это приснилось. На какое-то мгновение я даже поверил ему.

Потом я указал на автоответчик и пошел на кухню. Волоча ноги, поплелся на кухню. Когда заговорила Пэм («Эдгар, мне звонили из полиции и сказали, что Илли мертва!») — я уже горстями, прямо из коробки, ел глазированные пшеничные хлопья. У меня возникло ощущение, будто я — препарат на предметном стекле. И очень скоро меня положат под микроскоп и начнут изучать. Автоответчик в гостиной замолк. Уайрман чертыхнулся и начал слушать сообщение второй раз. Я продолжал есть хлопья. Время, которое я провел на берегу до прихода Уайрмана, полностью выпало из памяти. Точно так же, как и время, проведенное мною на больничной койке сразу после несчастного случая.

Я достал из коробки последнюю горсть хлопьев, затолкал в рот. Проглотил. Хлопья застряли в горле, и это было хорошо. Просто отлично. Я надеялся, что они меня задушат. Я *заслуживал* того, чтобы задохнуться. Но потом комок соскользнул вниз. Волоча ноги и прихрамывая, я вернулся в гостиную. Уайрман смотрел на автоответчик округлившимися глазами.

— Эдгар... *мучачо*... во имя Бога?..

— Одна из картин.

Я по-прежнему волочил ноги, но теперь набил желудок, и мне хотелось забыться. Хотя бы на время. Не просто хотелось — не мог без этого обойтись. Я сломал черенок... потом пришел Уайрман. А что произошло в промежутке? Я не знал.

Решил, что не хочу знать.

— Одна из картин?..

— Мэри Айр купила картину. Я уверен, из цикла «Девочка и корабль». Она взяла ее с собой. Нам следовало догадаться. Мне следовало догадаться. Уайрман, мне нужно прилечь. Я должен прилечь. Два часа, хорошо? Потом разбуди меня, и мы поедем на южную оконечность.

— Эдгар, ты не можешь... После того, что случилось...

Я остановился, чтобы взглянуть на него. Голова весила сотню фунтов, но мне это удалось.

— Она тоже от меня этого не ожидает, но мы должны поставить точку сегодня. Два часа.

Входная дверь «Розовой громады» открывалась на восток, так что солнечные лучи били ему в лицо, высвечивая столь сильное сострадание, что я едва мог его выносить.

— Хорошо, мучачо. Два часа.

— А пока постарайся держать всех подальше.

Я не знал, услышал ли он меня, потому что говорил, уже повернувшись лицом к спальне и себе под нос. Я упал на кровать, и там была Реба. Хотелось швырнуть ее с размаху в стену, как чуть раньше хотелось швырнуть телефон, но я подтянул куклу к себе, уткнулся лицом в бескостное тело и заплакал. Все еще плакал, когда заснул.

ii

— Просыпайся! — Кто-то тряс меня. — Просыпайся, Эдгар. Если мы хотим это сделать, нам надо пошевеливаться.

— Я бы его не трогал... едва ли он очухается. — Голос принадлежал Джеку.

— Эдгар! — Уайрман шлепнул меня по одной щеке, потом по другой. Не так, чтобы нежно. Яркий свет проник в закрытые глаза, окрашивая мир красным. Я попытался отвернуться от всего этого (знал, что по другую сторону век меня ждет только плохое), но Уайрман мне не позволил. — Мучачо! Просыпайся! Уже десять минут двенадцатого!

Вот это меня проняло. Я сел и посмотрел на него. Он держал перед моим лицом зажженную настольную лампу, и я чувствовал идущий от нее жар. Джек стоял позади Уайрмана. Осознание, что Илзе мертва (моя Илли), пронзило сердце, но я отпихнул эти мысли.

— Двенадцатого! Я же сказал тебе — два часа! А если бы кто-то из родственников Элизабет захотел бы...

— Расслабься, мучачо. Я позвонил в похоронное бюро и сказал, что их нужно держать подальше от Дьюмы, поскольку мы все слегли с краснухой. Болезнь очень заразная. Я также позвонил Дарио и рассказал про твою дочь. Все картины на складе галереи, во всяком случае, пока. Я сомневаюсь, что для тебя это вопрос первостепенной важности, но...

— Разумеется, первостепенной. — Я встал, потер рукой лицо. — Больше Персе никому вреда не причинит.

— Я сожалею, Эдгар, — подал голос Джек. — Примите мои соболезнования. Я понимаю, горю этим не поможешь, но...

— Поможешь, — ответил я, и, возможно, со временем действительно бы помогло. Если бы я продолжал так говорить, если бы старался так думать. Вот этому несчастный случай точно меня научил: единственный способ жить — это жить. Говорить себе: «Я могу это сделать», — даже зная, что не можешь.

Я увидел, что они принесли из «Эль Паласио» мою одежду, но сегодня мне требовались высокие ботинки, которые стояли в стенном шкафу, а не кроссовки, поставленные у изножья кро-

вати. Джек был в высоких ботинках и рубашке с длинным рукавом, то есть оделся правильно.

— Уайрман, ты сваришь кофе? — спросил я.

— А время у нас есть?

— Нам придется выделить для этого время. Мне нужно кое-что сделать, но прежде всего я должен проснуться. Да и вам, парни, возможно, не помешает взбодриться. Джек, помоги мне с ботинками, ладно?

Уайрман ушел на кухню. Джек достал из стенного шкафа ботинки, расслабил шнуровку, а когда я всунул в них ноги, зашнуровал.

— Что тебе известно? — спросил я.

— Больше, чем мне хотелось бы знать. Но я ничего не понимаю. Я говорил с этой женщиной — Мэри Айр? — на вашей выставке. Мне она *понравилась*.

— Мне тоже.

— Уайрман позвонил вашей жене, пока вы спали. Долго она говорить с ним не стала, поэтому он позвонил какому-то парню, с которым познакомился на вашей выставке... мистеру Боузману?

— Расскажи мне.

— Эдгар, вы уверены...

— Рассказывай.

Фрагментарная, бессвязная версия Пэм уже во многом забылась: подробности заслонил образ волос Илзе, плавающих по поверхности переполненной ванны. Возможно, ничего такого и не было, но образ этот, дьявольски яркий, дьявольски четкий, заслонял собой едва ли не все остальное.

— Мистер Боузман сказал, что полиция не нашла следов взлома, и они думают, что ваша дочь сама открыла дверь, пусть даже произошло это глубокой ночью...

— Или Мэри нажимала на все кнопки домофона, пока кто-то не впустил ее в подъезд. — Моя ампутированная рука зудела. В глубине. Сонно. Даже мечтательно. — Потом она подошла к квартире Илзе и позвонила в дверь. Предположим, назвалась кем-то еще.

— Эдгар, вы гадаете или...

— Предположим, сказала, что она из певческой группы, именуемой «Колибри», предположим, сказала, что с Карсоном Джонсом произошло несчастье.

— Кто...

— Только она называет его Смайликом, и вот это убеждает мою дочь.

Уайрман вернулся. Как и плавающий в воздухе Эдгар. Находящийся-на-земле-Эдгар видел повседневность залитого флоридским солнцем утра на Дьюма-Ки. Парящий-над-головой-Эдгар видел больше. Не все, но слишком уж многое.

— Что произошло потом, Эдгар? — спросил Уайрман. Очень мягко. — Как по-твоему?

— Предположим, Илзе открывает дверь и, когда она это делает, видит перед собой женщину, которая нацелила на нее пистолет. Откуда-то она знает эту женщину, но в ту ночь она уже пережила страшные мгновения, она дезориентирована, не может понять, где видела ее прежде — память отказала. Может, оно и к лучшему. Мэри приказывает Илзе повернуться к ней спиной, а когда Илзе это делает... когда она это делает... — Я опять заплакал.

— Эдгар, не надо. — Джек и сам был на грани слез. — Это всего лишь догадки.

— Не догадки, — возразил Уайрман. — Пусть говорит.

— Но зачем нам знать...

— Джек... мучачо... мы сами не знаем, что нам нужно знать. Так что пусть говорит.

Я их слышал, но издалека.

— Предположим, Мэри ударила Илзе по затылку, когда та повернулась к ней спиной. — Я вытер слезы. — Предположим, ударила несколько раз, четыре или пять. В кино тебя бьют один раз, и ты отключаешься. В реальной жизни, подозреваю, этого мало.

— Скорее всего, — пробормотал Уайрман, и, разумеется, мои предположения подтвердились. Череп моей If-So-Girl раздробили в трех местах последовательными ударами рукоятки пистолета, и Илзе потеряла много крови.

Мэри тащила ее по полу до ванной комнаты в конце короткого коридора между спальней и закутком, который служил

Илли комнатой для занятий. Кровавый след протянулся через гостиную-кухню (где, вероятно, еще стоял запах сожженного рисунка) и коридор. Потом Мэри наполнила ванну водой и утопила мою потерявшую сознание дочь, как котенка. Покончив с этим, вернулась в гостиную, села на диван и выстрелила себе в рот. Пуля вышла через макушку, выплеснув на стену все идеи об искусстве вместе с немалым количеством волос. Произошло это в четыре утра. Внизу жил мужчина, страдающий бессонницей. Он знал, как звучит пистолетный выстрел, и позвонил в полицию.

— Зачем ее было топить? — спросил Уайрман. — Я этого не понимаю.

«Потому что у Персе такая манера», — подумал я.

— Больше мы не будем это обсуждать, — подвел я итог. — Хорошо?

Он сжал мою оставшуюся руку.

— Хорошо, Эдгар.

«А если мы закончим это дело, может, нам уже и не придется», — подумал я.

Но я нарисовал мою дочь. В этом я не сомневался. Я нарисовал ее на берегу.

Мою мертвую дочь. Мою утопленную дочь. Нарисовал на песке, чтобы ее забрали волны.

«Ты захочешь, но нельзя», — сказала Элизабет.

Ох, Элизабет.

Иногда у нас нет выбора.

iii

Мы глотали крепкий кофе в залитой солнцем кухне «Розовой громады», пока пот не выступил на щеках. Я принял три таблетки аспирина, запил все тем же кофе, отправил Джека за двумя «мастерскими» альбомами. И попросил заточить все цветные карандаши, которые он сможет найти наверху.

Уайрман наполнил большой пластиковый пакет продуктами из холодильника: упаковками с нарезанной кружочками морковкой, ломтиками огурца, одной «курицей-астронавтом» Дже-

ка, по-прежнему в герметичном «скафандре». Добавил шесть банок пепси и три большие бутылки с водой «Эвиан».

— Удивительно, что ты можешь думать о еде. — В голосе Уайрмана слышался легкий упрек.

— Еда меня нисколько не интересует, — ответил я, — но, возможно, мне придется рисовать. Даже больше, *я уверен*, что мне придется рисовать. А процесс этот жжет калории с невероятной скоростью.

Вернулся Джек с альбомами и карандашами. Я просмотрел его добычу, отправил назад за ластиками. Подозревал, что мне может понадобиться что-то еще (а разве бывает иначе?), но на тот момент не мог сказать, что именно. Глянул на часы. Без десяти двенадцать.

— Ты сфотографировал разводной мост? — спросил я вновь спустившегося на кухню Джека. — Пожалуйста, скажи «да».

— Да, но я подумал... эта история с краснухой...

— Покажи фотографии.

Джек сунул руку в задний карман и достал несколько полароидных снимков. Перетасовал их и протянул мне четыре, которые я выложил на кухонный стол, как карты в пасьянсе. Схватил один из альбомов и начал быстро перерисовывать фотографию, на которой шестерни и цепи под поднятой половиной моста (маленького, узкого, в одну полосу движения) запечатлелись наиболее четко. Моя правая рука продолжала зудеть, где-то внутри и несильно.

— Краснуха — гениальная находка. — Я рисовал и говорил. — Благодаря ей практически все будут держаться от острова подальше. Но для нас «почти» — недостаточно. Мэри пошла бы к моей дочери, даже если бы ей сказали, что у Илзе — ветряная ос... *Твою мать!* — Перед глазами все расплылось, и линия ушла в сторону.

— Успокойся, Эдгар, — сказал Уайрман.

Я посмотрел на часы. 11:58. Разводной мост поднимется в полдень. Всегда поднимался. Я моргнул, стряхивая слезы, и продолжил рисовать. Подъемный механизм соскальзывал в этот мир с кончика черного карандаша, и даже теперь, после смерти Илзе, процесс меня зачаровывал: что-то реальное появлялось

из ничего, будто выплывало из густого тумана. Почему бы и нет? Оно же все к лучшему. Отвлекает от скорбных мыслей.

— Если она призовет кого-то еще, чтобы напасть на нас, а мост будет выведен из строя, она пошлет их на Дон-Педро-Айленд, где есть пешеходный мост, — заметил Уайрман.

Я ответил, не отвлекаясь от рисунка:

— Может, и нет. Многие не знают о «Солнечной дорожке», и я уверен, что Персе тоже не знает.

— Почему?

— Потому что этот пешеходный мост построили в пятидесятых годах, ты мне сам рассказывал, а она тогда спала.

Он помолчал немного, потом спросил:

— Ты думаешь, над ней можно взять верх, так?

— Да, думаю. Если и не убить, то хотя бы отправить спать.

— Ты знаешь как?

«Найти течь в столе и заделать ее», — чуть не сказал я... но фраза получалась бессмысленной.

— Пока не знаю. В том доме, на южной оконечности острова, должны быть другие рисунки Либбит. Они подскажут нам, где искать Персе, и подскажут мне, что делать.

— Откуда ты знаешь, что есть другие рисунки?

«Потому что они должны там быть», — едва не сорвалось с моих губ, но тут раздался полуденный гудок. В четверти мили от «Розовой громады» начали расходиться половинки моста — единственной ниточки, связывающей северную оконечность Дьюма-Ки с Кейси-Ки. Я сосчитал до двадцати, вставляя «Миссисипи» перед каждым следующим числом, как делал ребенком. Потом стер самую большую шестерню. И когда стирал, возникло ощущение (и в ампутированной руке, и в голове — чуть повыше глаз), будто я занят каким-то ювелирным трудом.

— Готово, — кивнул я.

— Теперь мы можем ехать? — спросил Уайрман.

— Еще нет, — ответил я.

Он посмотрел на часы, на меня.

— Вроде бы ты куда-то спешил, амиго. И учитывая, что нам довелось увидеть здесь прошлой ночью, я бы тоже предпочел поторопиться. Так что нас задерживает?

— Я должен нарисовать вас, — ответил я.

iv

— Меня только радует, что вы хотите сделать мой портрет, Эдгар, — сказал Джек, — и я уверен, моя мама будет в восторге, но, думаю, Уайрман прав. Мы должны ехать.

— Тебе доводилось бывать на южной оконечности Дьюмы, Джек?

— Э... нет.

В этом я, собственно, и не сомневался. Но, вырывая из альбома рисунок подъемного механизма моста, смотрел я на Уайрмана. И невзирая на свинцовую тяжесть, что лежала на сердце и придавливала все чувства, я понял, что именно это мне как раз очень хочется знать.

— Как насчет тебя? Ты бывал в первом «Гнезде цапли»? Не разведывал, что там и как?

— Если на то пошло, нет. — Уайрман подошел к окну, выглянул. — Разводной мост по-прежнему поднят... я вижу западную половину на фоне неба. Пока все хорошо.

— А почему нет? — Я не собирался закрывать тему.

— Мисс Истлейк мне не советовала. — Он по-прежнему смотрел в окно. — Она сказала, что там неблагоприятная окружающая среда. Грунтовые воды, растительность, даже воздух. Сказала, что во время Второй мировой войны военные летчики проводили на южной оконечности Дьюмы какие-то эксперименты, все там отравили, и, возможно, в этом причина появления этих джунглей. Она сказала, что ядовитый дуб здесь, возможно, опаснее, чем во всей Америке. Хуже сифилиса до изобретения пенициллина, так она сказала. Если он прикасается к коже, образуются язвы, от которых долго нельзя избавиться. Вроде бы они исчезают. Потом снова появляются. И этот ядовитый дуб там везде. Так она сказала.

Рассказ этот вызывал определенный интерес, но Уайрман так и не ответил на мой вопрос. Поэтому я его повторил.

— Она еще говорила, что там полно змей, — сказал Уайрман, наконец-то поворачиваясь к нам. — Я до смерти боюсь змей. Боюсь с тех пор, как в детстве пошел с родителями в поход, а утром, проснувшись, обнаружил, что делю спальный мешок с

молочной змеей. Она даже забралась мне под майку. Обрызгала меня мускусом. Я думал, что меня отравили. Ты доволен?

— Да. Ты рассказал ей эту историю до или после того, как она предупредила тебя о полчищах змей в южной части острова?

— Не помню, — ответил он после паузы. Потом вздохнул. — Вероятно, до. Я вижу, к чему ты клонишь... она хотела, чтобы я держался подальше.

«Я этого не говорил и тебя за язык не тянул», — подумал я. Сказал другое:

— В основном я тревожусь из-за Джека. Но лучше подстраховаться.

— Из-за меня? — удивился Джек. — Змей я не боюсь. И я знаю, как выглядят ядовитый дуб и ядовитый плющ. Я был бойскаутом.

— В этом доверься мне.

Я начал его рисовать. Работал быстро, подавляя желание вдаваться в детали... как хотела какая-то часть меня. И пока работал, со стороны Кейси-Ки послышался первый раздраженный автомобильный гудок.

— Такое ощущение, что разводной мост снова сломался, — заметил Джек.

— Похоже на то, — согласился я, не отрываясь от рисунка.

V

Уайрмана я рисовал еще быстрее, но вновь обнаружил, что приходится подавлять желание с головой уйти в работу... потому что, когда я работал, боль и горе отступали. Рисование служило лекарством. Но световой день продлевать никто не собирался, и я жаждал встречи с Эмери не больше, чем Уайрман. Мне хотелось, чтобы к тому времени, когда закатные цвета начнут подниматься из Залива, мы трое уже закончили бы все дела и покинули остров... находились бы как можно дальше от острова.

— Ладно, — сказал я, когда рисунки были готовы. Джека я нарисовал синим карандашом, Уайрмана — ярко-оранжевым. До идеала в обоих случаях было далеко, но, думаю, главное я на бумагу перенес. — Остается только одно.

— *Эдгар!* — простонал Уайрман.

— Рисовать больше ничего не нужно. — Я захлопнул альбом с двумя рисунками. — Просто улыбнись художнику, Уайрман. Но прежде чем улыбаться, подумай о чем-то действительно очень радостном для тебя.

— Ты серьезно?

— Более чем.

Он нахмурился, потом морщины на лбу разгладились. Он улыбнулся. И, как всегда, улыбка осветила его лицо, превратила в другого человека.

Я повернулся к Джеку:

— Теперь ты.

И поскольку я чувствовал, что именно его улыбку мне следует хорошенько запомнить, то и всматривался более внимательно, когда он выполнил мою просьбу.

VI

Внедорожника у нас не было, но нам представлялось, что «мерседес» Элизабет — достойная замена: прочностью и надежностью он не уступал танку. До «Эль Паласио» мы доехали на автомобиле Джека и припарковались во дворе. Мы с Джеком перенесли припасы в «SEL 500». Уайрману поручили красную корзинку для пикника.

— Раз уж мы здесь, надо взять кое-что еще, если есть такая возможность, — сказал я. — Средство от насекомых и хороший, мощный фонарь. Такой найдется?

Уайрман кивнул.

— На восемь батареек. Лежит в сарае для садовых инструментов. Светит далеко и ярко.

— Отлично. И, Уайрман?

Он опять одарил меня взглядом *«ну что еще»* (когда раздражение проявляется главным образом во вскинутых бровях), но ничего не сказал.

— Гарпунный пистолет?

Вот тут он даже просиял.

— Si, senor. Para fijaciono*.

Он ушел за пистолетом, а я привалился к «мерседесу», глядя на теннисный корт. Калитку в дальнем конце оставили открытой. Возле сетки на одной ноге стояла наполовину прирученная Элизабет цапля, смотрела на меня обвиняющими синими глазами.

— Эдгар? — Джек коснулся моего локтя. — Все хорошо?

Мне как раз было нехорошо, и я знал, что будет нехорошо еще очень долго. Но...

«Я могу это сделать, — подумал я. — Я могу это сделать. Она не победит».

— Отлично.

— Мне не нравится, что вы так побледнели. Выглядите, как в тот день, когда приехали сюда, — на последних словах голос Джека задрожал.

— Я в порядке, — ответил я и на мгновение сзади обхватил шею Джека ладонью. Потом понял, что это первый и единственный раз, если не считать рукопожатий, когда я прикасался к нему.

Вернулся Уайрман, обеими руками держа за ручки корзинку для пикника. С тремя бейсболками с длинными козырьками на голове. Гарпунный пистолет Джона Истлейка он зажал под мышкой.

— Фонарь в корзинке, — доложил Уайрман. — Вместе со спреем от насекомых и тремя парами садовых рукавиц, которые я нашел в сарае.

— Великолепно! — похвалил его я.

— Si. Но уже четверть первого, Эдгар. Если мы собираемся ехать туда, давай поедем.

Я вновь глянул на цаплю на теннисном корте. Она по-прежнему стояла возле сетки, застывшая, как стрелка сломанных часов, и смотрела на меня без всякой жалости. Удивляться не следовало: мир, в котором мы живем, по большей части не знает жалости.

— Да, — откликнулся я. — Поехали.

---

* Да, сеньор. Будет исполнено (*исп.*).

vii

После несчастного случая память ко мне вернулась. Не столь идеальная, как прежде, и нынче я иногда путаюсь с именами и последовательностью событий, но каждый момент нашей экспедиции к дому на южной оконечности Дьюма-Ки запечатлен в моей памяти ясно и четко, как первый фильм, который потряс меня, или первое полотно, от которого перехватило дыхание («Гроза» Томаса Харта Бентона*). И однако, поначалу я ощущал полную отстраненность от всего этого, вел себя, как слегка пресытившийся ценитель живописи, разглядывающий экспозицию второсортного музея. И лишь после того, как Джек нашел куклу под ступенькой лестницы, ведущей в никуда, до меня дошло, что я — часть этой картины, а не просто зритель. И что никому из нас не жить, если мы не сможем остановить Персе. Я знал, что она сильна. Если она могла дотянуться до Омахи и Миннеаполиса, чтобы получить желаемое, а потом до Провиденса, чтобы удержать свое, разумеется, силы ей хватало. И все-таки я ее недооценивал. До того момента, как мы попали в дом на южной оконечности Дьюма-Ки, я не осознавал, насколько сильна Персе.

viii

Я хотел, чтобы Джек сел за руль, а Уайрман — на заднее сиденье. Когда Уайрман спросил почему, я ответил, что на то есть причины и скоро они проявят себя.

— А если не проявят, — добавил я, — то меня это порадует больше всех.

Джек задним ходом выкатил «мерседес» на дорогу и повернул на юг. Скорее из любопытства, чем руководствуясь чем-то еще, я включил радиоприемник и услышал Билли Рэя Сайруса**, ревущего о своем разбитом сердце. Джек застонал и протянул руку, возможно, чтобы найти «Кость». Но до того как он успел

* Бентон Томас Харт (1889—1975) — известный американский художник. Картина «Гроза» написана в 1940 г.

** Сайрус Билли Рэй (р. 1961) — американский певец, киноактер.

сменить настройку, голос Билли Рэя поглотил оглушающий треск атмосферных помех.

— Господи, выключи немедленно! — взвыл Уайрман.

Я уменьшил звук, однако треск не стих, пожалуй, даже усилился. Я почувствовал, как завибрировали пломбы в моих зубах, и выключил приемник — прежде, чем начали кровоточить барабанные перепонки.

— Что это было? — спросил Джек. Автомобиль он остановил. Глаза округлились.

— Считай, что причина — в загрязнении окружающей среды, — ответил я. — Почему бы и нет? Последствия экспериментов, которые проводили здесь военные летчики шестьдесят лет тому назад.

— Очень забавно, — донеслось с заднего сиденья.

Джек смотрел на радиоприемник.

— Я хочу попробовать еще раз.

— Имеешь право. — Я пожал плечами и закрыл рукой левое ухо.

Джек включил радиоприемник. Статические помехи с ревом вырвались из всех четырех динамиков «мерседеса», на этот раз громкостью не уступая реактивному двигателю истребителя. Даже с заткнутым ухом треск грозил разорвать голову. Мне показалось, что на заднем сиденье вскрикнул Уайрман, но ручаться за это я не мог.

Джек выключил радиоприемник, и дьявольский шум смолк.

— Думаю, придется обойтись без музыки.

— Уайрман? Все нормально? — Собственный голос доносился до меня издалека, прорываясь сквозь ровный низкий звон.

— Жить буду, — ответил он.

IX

Джек, возможно, продержался чуть дольше Илзе; а может, и нет. Когда растительность окружила нас плотными стенами, с определением расстояний возникли серьезные трудности. Дорога превратилась в узкую полосу, корни то и дело вспучивали покрытие. Ветви над дорогой переплетались, блокируя боль-

шую часть неба. Мы словно двигались в живом тоннеле. Ехали с поднятыми стеклами, но салон все равно наполнял зеленый и ядреный запах джунглей.

Джек испытал подвеску «мерседеса» на прочность на особенно большой рытвине, перебрался через нее, потом нажал на педаль тормоза, поставил ручку переключения скоростей в нейтральное положение.

— Извините... — Губы у него дергались, глаза округлились. — Меня сейчас...

Я прекрасно знал, что с ним сейчас произойдет.

Джек открыл дверцу, высунулся из машины, его вырвало. Я думал, что воздух в салоне пропитался запахом джунглей (такое случалось, стоило отъехать на милю от «Эль-Паласио»), но с открытой дверцей запах этот усилился десятикратно — зеленый и яростно живой. Однако я не услышал ни единой птахи, поющей в густой листве. Тишину нарушал только вылетающий из Джека ленч.

За ленчем последовал завтрак. Наконец Джек откинулся на спинку сиденья. И этот парень когда-то сказал, что я напоминаю ему «перелетную птицу», человека, приехавшего с севера, чтобы провести зиму во Флориде? Смех да и только. Потому что в тот солнечный флоридский день в середине апреля Джек Кантори был бледен, как март в Миннесоте. И выглядел не на двадцать один год, а на сорок пять. Илзе во всем винила салат с тунцом, но тунец не имел к этому ни малейшего отношения. Причина действительно появилась из моря, только звали ее иначе.

— Извините, — проговорил Джек. — Не знаю, что со мной. Запах, наверное... этот запах гниения... — Грудь Джека поднялась, в горле булькнуло, он опять высунулся из салона. На этот раз правая рука разминулась с рулевым колесом, и, если бы я не схватил его за воротник и не дернул на себя, он бы плюхнулся физиономией в собственную блевотину.

Джек опять откинулся на спинку, с закрытыми глазами, мокрым от пота лицом, учащенно дыша.

— Нам лучше отвезти его в «Эль Паласио», — подал голос Уайрман. — Я не хочу терять время... черт, но я не хочу потерять и его... и все это очень уж нехорошо.

— А вот с точки зрения Персе как раз хорошо, — возразил я. Теперь моя больная нога зудела, как и ампутированная рука. Ее

словно пронзали электрическими разрядами. — Это ее ядовитый защитный рубеж. А как ты, Уайрман? Желудок не беспокоит?

— Нормально, но мой слепой глаз... тот, что был слепым... чертовски чешется, и гудит голова. Вероятно, от этого гребаного радио.

— Это не радио. А не рвет нас, в отличие от Джека, только потому, что мы... ну... скажем так, вакцинированы. Ирония судьбы, верно?

Сидящий за рулем Джек застонал.

— Чем ты можешь ему помочь, мучачо? Можешь что-нибудь сделать?

— Думаю, да. Надеюсь на это.

Альбомы лежали у меня на коленях, карандаши и ластики — в поясной сумке. Я открыл карандашный портрет Джека, нашел в сумке ластик. Стер Джеку рот и нижние дуги глаз, до самых уголков. Зуд в правой руке усилился, и я уже не сомневался, что задуманное мною сработает. Я вызвал из памяти улыбку Джека на кухне (когда я попросил его улыбнуться, думая о чем-то особенно радостном), и быстро зарисовал ее синим карандашом. На это ушло не более тридцати секунд (когда дело касается улыбок, ключевой элемент — глаза, так было и есть), но эти несколько линий кардинально изменили лицо Джека.

И я получил не только то, что ожидал. Когда рисовал, увидел Джека, целующего девушку в бикини. Больше, чем увидел. Ощутил гладкость ее кожи, даже несколько песчинок, прилипших к пояснице. Почувствовал запах ее шампуня и легкий привкус соли на губах. Узнал, что имя девушки — Кейтлин, а Джек называл ее Кейт.

Я вернул карандаш в поясную сумку, закрыл ее на молнию.

— Джек? — позвал я ровным, спокойным голосом. Он не открыл глаз, пот по-прежнему блестел на щеках и лбу, но дыхание стало ровнее. — Как ты? Тебе получше?

— Да, — ответил он все еще с закрытыми глазами. — Что вы сделали?

— Раз уж мы тут одни, могу сказать, что это и есть та самая магия. Перебил одно заклинание другим.

Уайрман перегнулся через мое плечо, взял блокнот, всмотрелся в портрет, кивнул.

— Я начинаю верить, что ей следовало оставить тебя в покое, мучачо.

— Ей следовало оставить в покое мою дочь, — ответил я.

X

Мы простояли еще пять минут, чтобы Джек привык к открывшемуся у него второму дыханию. Наконец он сказал, что можно ехать дальше. Бледность с лица сошла. Я задался вопросом: а столкнулись бы мы с той же проблемой, если бы попытались добраться до южной оконечности по воде?

— Уайрман, ты видел когда-нибудь рыбацкие лодки, стоящие на якоре у южной оконечности Дьюмы?

Он задумался.

— Между прочим, нет. Они обычно держатся ближе к Сан-Педро. Странно, не правда ли?

— Не просто странно — чертовски зловеще, — буркнул Джек. — Как эта дорога.

Дорога окончательно превратилась в тропу. Морской виноград и ветви баньянов противно скреблись о борта медленно продвигающегося вперед «мерседеса». Дорога, вспученная корнями, где-то разбитая до щебенки, где-то в рытвинах, продолжала заворачивать в глубь острова, но теперь еще и начала подниматься.

Мы ползли, оставляя позади милю за милей, листья и ветки лупили по окнам «мерседеса». Я ожидал, что дорога разрушится окончательно, но этого как раз и не произошло, потому что густая листва над головой в какой-то степени защищала твердое покрытие от природных стихий. Баньяны уступили место впечатляющим зарослям бразильского перца, и вот тут мы увидели первое животное: здоровенная рысь застыла на разбитой дороге, зашипела на нас, прижав уши к голове, потом скрылась в кустарнике. Чуть позже с десяток толстых черных гусениц упали на ветровое стекло, лопнули и измазали его своими внутренностями. Дворники и омывающая жидкость не смогли справиться с этой липучей слизью, лобовое стекло превратилось в глаз с катарактой.

Я велел Джеку остановить «мерседес», вылез из машины, нашел в багажнике чистые тряпки. Воспользовался одной, чтобы протереть дворники и стекло, предварительно надев садовую рукавицу (из принесенных Уайрманом), а волосы закрыв бейсболкой. Как выяснилось, гусеницы были самыми что ни на есть обычными: пачкающие, но не сверхъестественные.

— Неплохо, — сказал Джек в приоткрытую водительскую дверцу. — Я открою капот, чтобы мы смогли посмотреть... — Он замолчал, глядя мне за спину.

Я повернулся. Увидел взломанный асфальт, переплетенные лианы, а чуть дальше, в тридцати ярдах от меня, дорогу гуськом пересекали пять лягушек размером со щенка кокер-спаниеля. Первые три — ярко-зеленые, какие, наверное, и не встречаются в природе, четвертая — синяя, пятая — блекло-оранжевая (возможно, была красной, пока не выцвела). Все они улыбались, но в улыбках этих чувствовалась неестественность и усталость. Прыгали они медленно, словно лапки отказывались им служить. Как и рысь, добравшись до кустарника, лягушки исчезли в нем.

— И что это было? — спросил Джек.

— Призраки, — ответил я. — Остатки могучего воображения маленькой девочки. И, судя по их виду, долго они не протянут. — Я вернулся на пассажирское сиденье. — Поехали, Джек. Пока еще можно ехать.

«Мерседес» пополз дальше. Я спросил Уайрмана, который час.

— Начало третьего.

Мы смогли доехать до ворот первого «Гнезда цапли». Я бы никогда не стал на это спорить, но — смогли. Джунгли на последнем участке просто перекрыли дорогу — ветви баньянов и виргинской сосны, со свисающими серыми бородами испанского лишайника, — но Джек взломал эту растительную стену «мерседесом», и мы выехали под чистое небо. Вот здесь природа полностью расправилась с твердым покрытием, так что этот участок дороги превратился в проселок, но «мерседес» справился, пусть его и немилосердно трясло по пути к двум каменным столбам, что стояли выше по склону. Громадная неровная зеленая изгородь, высотой добрых восемнадцать футов и бог знает какой ширины, уходила в обе стороны от столбов и уже начала выбрасывать зеленые щупальца вниз, к джунглям. Сохранились

и ворота, ржавые и приоткрытые, но я не думал, что «мерседес» сможет протиснуться в просвет.

Конец дороги у самых ворот охраняли высоченные казуарины. Я огляделся в поисках птиц, летящих лапками вверх, но ни одной не увидел. Не заметил, правда, и таких, кто летел бы, как положено, а вот жужжание насекомых я слышал.

Джек остановился у ворот, сконфуженно посмотрел на меня.

— Наша старушка туда не пролезет.

Мы вышли из автомобиля. Уайрман остановился, чтобы получше разглядеть древние таблички, закрепленные на каменных столбах. На левой была гравировка: **«ГНЕЗДО ЦАПЛИ»**. На правой — **«ИСТЛЕЙК»**, а ниже кто-то нацарапал целую фразу, похоже, острием ножа. Изначально она наверняка была почти незаметна, но с годами царапины заполнил лишайник, так что фраза стала выпуклой: **«Abyssus abyssum invocat»**.

— Представляешь себе, что это означает? — спросил я Уайрмана.

— Представляю. Эти слова часто слышат молодые адвокаты, только-только сдавшие экзамены. Вольный перевод: «Одна ошибка ведет к другой». Дословный: «Бездна бездну призывает»*. — Он мрачно посмотрел на меня. — Подозреваю, это итог, который подвел Джон Истлейк, навсегда покидая первое «Гнездо цапли».

Джек протянул руку, собираясь коснуться нацарапанной фразы, но в последний момент передумал.

Это сделал за него Уайрман.

— Вердикт, господа... и вынесен языком закона. Пошли. Закат в девятнадцать пятнадцать, плюс-минус несколько минут, а дневной свет мимолетен. Корзинку для пикника будем нести по очереди. Она чертовски тяжелая.

XI

Но прежде чем куда-то пойти, мы остановились у ворот, чтобы внимательно рассмотреть первый дом Элизабет на Дьюма-Ки. У меня вид этого дома в первую очередь вызвал страх.

* Псалом 41:8.

Где-то в глубине сознания уже сложился четкий план действий: мы входим в дом, поднимаемся наверх, находим комнату Элизабет, где она спала в те далекие дни, когда все звали ее Либбит. А потом моя ампутированная рука, в узких кругах известная как магический экстрасенсорный компас Эдгара Фримантла, приведет меня к оставленному в доме сундуку (а может, к более неприметному фанерному ящику). Внутри будут рисунки, *недостающие* рисунки, которые подскажут, где находится Персе, и откроют тайну текущего стола. И все до заката солнца.

И все бы с этим планом было хорошо, да только возникла одна проблема: верхних этажей «Гнезда цапли» больше не существовало. Дом стоял на открытом всем ветрам холме, вот их и снес какой-то давнишний ураган. Первый этаж остался, но стены полностью исчезли под серо-зелеными лианами, которые обвивали даже колонны перед парадным входом. Испанский мох свешивался с карнизов, превратив веранду в пещеру. Вокруг дома кольцом лежали куски оранжевой черепицы — все, что осталось от крыши. Они торчали, словно гигантские зубы, среди моря сорняков, в которое превратилась лужайка. Последние двадцать пять ярдов усыпанной дробленым ракушечником подъездной дорожки захватил фикус-душитель. То же произошло с теннисным кортом и детским домиком. Лианы вскарабкались по стенам похожей на амбар постройки за кортом и цеплялись за уцелевшие кровельные плитки детского домика.

— Что это? — Джек указывал в проем между особняком и теннисным кортом. Там под лучами послеполуденного солнца блестел прямоугольник зловещей черной жижи. Оттуда по большей части и доносилось гудение насекомых.

— Сейчас? — спросил Уайрман. — Думаю, дегтярный колодец. А вот в Ревущих двадцатых*, полагаю, семья Истлейков называла это место бассейном.

— Представляю себе купание в нем. — Джека передернуло.

Бассейн окружали ивы. Далее виднелись заросли бразильского перца и...

— Уайрман, это банановые деревья? — спросил я.

— Да, — кивнул он. — И, наверное, там полно змей. Бр-р-р. Посмотри на запад, Эдгар.

* Уайрман использует название фильма с Хэмпфри Богартом (1939).

С той стороны «Гнезда цапли», что выходила на Залив, сорняки, лианы и другие ползучие растения, захватившие лужайку Джона Истлейка, уступали место униоле. Сильный ветер и открывающийся прекрасный вид навели меня на мысль, что во Флориде не так уж много мест, возвышающихся над уровнем моря. А здесь мы стояли достаточно высоко, чтобы весь Мексиканский залив лежал у наших ног. Дон-Педро-Айленд расположился слева от нас, справа Кейси-Ки окутывала серо-голубая дымка.

— Раздвижной мост по-прежнему поднят. — В голосе Джека слышалось веселое изумление. — На этот раз у них серьезные проблемы.

— Уайрман, посмотри вниз. — Я вытянул руку. — Вдоль старой тропы. Видишь?

Он проследил за моим указательным пальцем.

— Скальный выступ. Конечно, вижу. Не коралловый, я так не думаю, хотя надо бы подойти поближе... а что такое?

— Перестань корчить из себя геолога и просто посмотри. Что ты видишь?

Он посмотрел. Они оба посмотрели. Джек разглядел первым:

— Профиль? — Потом повторил, уже увереннее: — Профиль.

Я кивнул.

— Отсюда видны только лоб, глазница и переносица, но наверняка спустившись на берег, мы увидим и рот. Или что-то, его напоминающее. Это Ведьмина скала. И справа от нее Тенистый берег — могу поспорить на что угодно. С него Джон Истлейк отправлялся на охоту за сокровищами.

— И там утонули близняшки, — добавил Уайрман. — Значит, это тропа, по которой они ходили туда. Только...

Он замолчал. Ветер трепал наши волосы. Мы смотрели на тропу, все еще видимую, несмотря на прошедшие годы. Маленькие ножки девочек, идущих поплавать, такую бы не протоптали. Прогулочная тропка между «Гнездом цапли» и Тенистым берегом исчезла бы за пять лет, может, и за два года.

— Это не тропа. — Джек будто читал мои мысли. — Тут была *дорога*. Не мощеная, но дорога. Зачем кому-то могла понадо-

биться дорога между этим домом и берегом, если идти туда десять минут?

Уайрман покачал головой.

— Не знаю.

— Эдгар?

— Понятия не имею.

— Может, он нашел на дне нечто большее, чем несколько побрякушек, — предположил Джек.

— Может, но... — Я уловил движение краем глаза (что-то черное) и повернулся к дому. Ничего не увидел.

— Что такое? — спросил Уайрман.

— Наверное, нервы, — ответил я.

Ветер, который до этого дул с Залива, чуть переменился, став южным. Принес собой запах гнили.

Джек отпрянул, поморщился.

— Это еще что?

— Готов предположить, аромат бассейна, — ответил Уайрман. — Джек, мне нравится вдыхать запах этой жижи по утрам.

— Да, но сейчас вторая половина дня.

Уайрман смерил его пренебрежительным взглядом и повернулся ко мне:

— Что скажешь, мучачо? Идем дальше?

Я провел быструю инвентаризацию. Красная корзинка у Уайрмана; пакет с продуктами у Джека; рисовальные принадлежности у меня. Я не знал, что нам делать, если остальные рисунки Элизабет разметал ураган, сорвавший крышу с высившихся перед нами руин (если рисунки вообще были), но мы прошли долгий путь, так что не могли и дальше стоять столбом. Илзе настаивала на действии, взывала из моих костей и сердца.

— Да. Идем.

XII

Мы подошли к тому месту, где разросшийся фикус-душитель начал подминать под себя подъездную дорожку, когда я увидел что-то черное, мелькнувшее в сорняках справа от дома. На этот раз движение заметил и Джек.

— Там кто-то есть.

— Я никого не видел. — Уайрман поставил корзинку на землю, смахнул пот со лба. — Давай поменяемся, Джек. Ты бери корзинку, а я — еду. Ты молодой и сильный. Уайрман — старый и выдохшийся. Он скоро умр... *срань господня, это еще что?*

Он отпрянул от корзинки и упал бы, если б я не успел рукой обхватить его талию. Джек вскрикнул от удивления и ужаса.

Мужчина выскочил из кустов впереди и слева от нас. Он никак не мог там оказаться (мы с Джеком только что заметили его в пятидесяти ярдах), но тем не менее оказался. Черный мужчина, однако не человек. Мы сразу поняли, что перед нами — не человек. Во-первых, его ноги, согнутые и в синих бриджах, не шелохнулись, когда он проскочил перед нами. Не шелохнулась и подстилка фикуса-душителя, по которой он «пробежал». Однако губы его улыбались, вращающиеся глаза светились злобным весельем. Он был в кепке с козырьком и пуговицей на макушке, и почему-то это было самым ужасным.

Я подумал, что кепка сведет меня с ума, если я буду достаточно долго смотреть на нее.

Нежить исчезла в траве справа. Это был черный мужчина в синих бриджах, ростом пять с половиной футов. Трава же высотой не превышала пяти футов, и очень простые арифметические действия однозначно говорили о том, что исчезнуть в траве этот черный мужчина не мог — однако исчез.

А мгновением позже он возник на крыльце, как давний слуга семьи, и тут же, без паузы, оказался у лестницы, снова метнулся в сорняки, все это время широко нам улыбаясь.

Улыбаясь из-под козырька кепки.

Его кепка была *КРАСНАЯ*.

Джек повернулся, собравшись бежать. На его лице отражалась всепоглощающая паника. Я отпустил Уайрмана, чтобы перехватить Джека, а если бы побежал и Уайрман, думаю, наша экспедиция на том бы и закончилась. В конце концов, у меня была только одна рука, и я не мог остановить их обоих. И не смог бы остановить и одного, если бы они действительно собрались дать деру.

Сам я, пусть и в ужасе, бежать не собирался. И Уайрман, благослови его Бог, не сдвинулся с места, с отвисшей челюстью

наблюдая, как черный мужчина вновь появился уже из банановой рощи между бассейном и похожей на амбар постройкой.

Я поймал Джека за ремень и дернул на себя. Не мог отвесить ему оплеуху (не было необходимой для этого руки), поэтому пришлось ограничиться криком:

— *Он не настоящий! Это ее кошмар!*

— Ее... кошмар? — Что-то похожее на понимание мелькнуло в глазах Джека. А может, блеснуло сознание. Я бы поставил на второе.

— Ее кошмар, ее Бука, которого она боялась, когда гасили свет. Это всего лишь еще один призрак, Джек.

— Откуда вы знаете?

— Во-первых, он мерцает. Как старый фильм, — ответил Уайрман. — Посмотри сам.

Черный мужчина исчез, вновь появился — на этот раз перед ржавой лестницей вышки у бассейна. Улыбался нам из-под красной кепки. Я заметил, что рубашка у него такая же синяя, как и бриджи. Он перескакивал с места на место, всегда с одинаково согнутыми ногами, как фигурка в тире. Опять исчез, материализовался на крыльце. Через мгновение возник на подъездной дорожке, чуть ли не перед нами. От того, что я смотрел на него, заболела голова, и он по-прежнему меня пугал... но только потому, что боялась она. Либбит.

Теперь он показался на заросшей тропе к Тенистому берегу, и на этот раз сквозь его рубашку и бриджи мы увидели сияющий Залив. Черный мужчина исчез, и в тот же момент Уайрман дико расхохотался.

— Что такое? — Джек повернулся к нему. Чуть ли не навалился на него. — Что?

— *Это же гребаный парковый жокей!* — Уайрман засмеялся еще громче. — Он из тех черных парковых жокеев, которые сейчас неполиткорректны. Только увеличен в три или в четыре раза! Бука Элизабет — стоящий на лужайке парковый жокей!

Уайрман попытался сказать что-то еще, но не смог. Согнулся пополам, смеялся так сильно, что ему пришлось упереться ладонями в колени. Я понимал шутку, но не мог ее разделить... и не только потому, что мою дочь убили в Род-Айленде. Уайрман смеялся сейчас, потому что чуть раньше перепугался, как мы с

Джеком и как, должно быть, боялась Либбит. А почему она боялась? Потому что кто-то — вполне вероятно, случайно — подбросил ложную идею в ее головку с таким богатым воображением. Я бы поставил на няню Мельду... и, наверное, на сказку перед сном, предназначенную для того, чтобы успокоить ребенка, который еще не оправился от черепно-мозговой травмы. Может, даже страдал бессонницей. Ох, не туда, не туда попала это сказочка и отрастила ЖУБЫ.

Мистер Синие бриджи отличался от лягушек, которых мы видели на дороге. Тех полностью придумала Элизабет, и в них не было ни грана злобы. А вот парковый жокей... скорее всего первоначально он появился из разбитой головы Элизабет, но я подозревал, что потом Персе приспособила его для своих целей. Если кто-нибудь слишком уж приближался к первому дому Элизабет, жокея хватало, чтобы отпугнуть незваного гостя. Может, и отправить в ближайшую психушку.

А значит, здесь все-таки есть что искать.

Джек нервно смотрел туда, где утоптанная тропа (достаточно широкая, чтобы по ней проехала телега, а то и грузовик) уходила вниз и терялась из виду.

— Он вернется?

— Это не имеет значения, мучачо, — ответил Уайрман. — Он — не настоящий. А вот корзинку для пикника нужно нести. Так что бери. И в путь.

— Когда я смотрел на него, возникало такое ощущение, будто я схожу с ума. Вы понимаете, в чем тут дело, Эдгар?

— Конечно. Тогда у Либбит было невероятно сильное воображение.

— И что с ним случилось?

— Элизабет забыла, как им пользоваться.

— Господи, — выдохнул Джек. — Это ужасно.

— Да. Причем я думаю, что такая забывчивость крайне проста в исполнении. И вот это еще ужаснее.

Джек наклонился, поднял корзинку, посмотрел на Уайрмана.

— Что в ней? Золотые слитки?

Уайрман взялся за пакет с едой и широко улыбнулся.

— Я положил туда кое-что еще.

Мы двинулись дальше по заросшей подъездной дорожке, поглядывая по сторонам в ожидании нового появления парко-

вого жокея. Он не появился. Когда мы поднялись на крыльцо, Джек со вздохом облегчения поставил корзинку на землю. У нас за спинами захлопали крылья.

Мы дружно обернулись и увидели цаплю, спускающуюся к подъездной дорожке. Возможно, ту же самую, что холодно смотрела на меня с теннисного корта «Эль Паласио». Взгляд определенно не изменился: синий, пристальный, начисто лишенный жалости.

— Она настоящая? — спросил Уайрман. — Как думаешь, Эдгар?

— Настоящая, — ответил я.

— Откуда ты знаешь?

Я мог бы указать, что цапля отбрасывает тень, но не сомневался в том, что тень отбрасывал и парковый жокей, просто мы не обратили на это внимание.

— Знаю. Ладно, идем в дом. Стучать не обязательно. Мы не в гости пришли.

XIII

— Похоже, у нас проблема, — заметил Джек.

«Портьеры» из испанского мха погрузили веранду в глубокий сумрак, но, едва наши глаза привыкли к нему, мы смогли разглядеть толстую ржавую цепь, которая полукружиями висела перед двойной дверью. С цепи свисали не один, а два замка. И протянули ее через кольца на штырях, вбитых в дверные косяки.

Уайрман подошел ближе, пригляделся.

— Думаю, мы Джеком без труда вытащим штыри. Они знавали лучшие дни.

— Лучшие годы, — поправил его Джек.

— Возможно, — кивнул я, — но двери наверняка заперты, а если вы будете греметь цепями, то разбудите соседей.

— Соседей? — переспросил Уайрман.

Я указал наверх. Джек и Уайрман подняли головы, увидели то же, что и я: целую колонию коричневых летучих мышей, спящих, как казалось, в свисающем облаке паутины. Я посмот-

рел вниз: толстый слой гуано устилал пол. И я очень порадовался тому, что голову прикрывала бейсболка.

Когда же оторвал взгляд от пола, Джек Кантори уже сбегал со ступенек вниз.

— Никогда. Называйте меня трусом, называйте маменькиным сынком, называйте как угодно, но я туда не пойду. Если бзик Уайрмана — змеи, то мой — летучие мыши. Однажды... — Он хотел сказать что-то еще, возможно, много чего, только не знал как. Вместо этого отступил еще на шаг. У меня было мгновение, чтобы поразмыслить над особенностями страха. С тем, что не удалось сверхъестественному жокею (почти удалось, но почти считается только в игре в «подковки»), справилась колония спящих летучих мышей. Если говорить о Джеке.

— Они могут переносить бешенство, мучачо... ты это знаешь? — спросил Уайрман.

Я кивнул.

— Думаю, нам нужно поискать черный ход.

XIV

Мы медленно шли вдоль боковой стены дома. Джек — первым, с красной корзинкой для пикника. Рубашка на его спине потемнела от пота, но тошнота больше не беспокоила. А могла бы. И не только его. Наплывающая с бассейна вонь едва не валила с ног. Доходившая до бедер трава шуршала, терлась о брючины, твердые, сухие стебли лиродревесника кололи лодыжки. Окна в доме были, но высоко. Джек мог бы до них достать, лишь встав на плечи Уайрмана.

— Который час? — Джек тяжело дышал.

— Для тебя самое время идти чуть быстрее, амиго, — ответил Уайрман. — Хочешь, чтобы я освободил тебя от корзинки?

— Конечно. — Впервые после нашей встречи в аэропорту я уловил раздражение в голосе Джека. — А потом у вас случится сердечный приступ, и мне с боссом придется демонстрировать, по силам ли нам сделать искусственное дыхание.

— Ты намекаешь, что я не в форме?

— В форме, конечно, но, думаю, фунтов пятьдесят у вас лишних.

— Прекратите. — Я попытался их остановить. — Вы оба.

— Поставь ее на землю, сынок, — не унимался Уайрман. — Поставь на землю эту cesto de puta madre*, и я буду нести ее остаток пути.

— Нет. И хватит об этом.

Краем глаза я уловил, как шевельнулось что-то черное. Поначалу не стал поворачивать голову. Подумал, что опять появился парковый жокей, на этот раз на краю бассейна. А может, и на заполняющей его вонючей жиже. Слава Богу, что я все-таки решил посмотреть.

Уайрман тем временем, сверкая глазами, сверлил взглядом Джека. Тот уязвил его мужское достоинство.

— Я хочу освободить тебя от корзинки.

Часть набухшей поверхности бассейна ожила. Отделилась от черноты и вылезла на потрескавшийся, в сорняках, бетонный бортик, расплескивая вокруг себя кляксы жижи.

— Нет, Уайрман, ее понесу я.

Мерзость с глазами.

— Джек, говорю тебе в последний раз.

Тут я увидел хвост и понял, на что смотрю.

— А я говорю вам...

— Уайрман. — Я схватил его за плечо.

— Нет, Эдгар, я могу это сделать.

«Я могу это сделать». Слова эти лязгнули у меня в голове, и я заставил себя говорить медленно, громко, решительно.

— Уайрман, заткнись. Тут аллигатор. Только что вылез из бассейна.

Уайрман боялся змей, Джек боялся летучих мышей. Я понятия не имел, что боюсь аллигаторов, пока не увидел, как этот шмат доисторической черноты отделился от навозной жижи, которая теперь заполняла бассейн, и направился к нам — сначала по бетонной полосе (отбросив последний перевернутый садовый стул), потом сквозь сорняки и лианы, свисающие с кустов бразильского перца. На мгновение я увидел бугристую морду аллигатора, один черный закрытый глаз, словно зверюга подмигивала мне, а потом в зоне видимости осталась лишь

* паршивую корзину (*исп.*).

черная спина, продвигающаяся по зелени подобно субмарине, три четверти которой находились под водой. Аллигатор направлялся к нам, и, обратив на него внимание Уайрмана, я больше не мог произнести ни слова. Мир расплылся и посерел. Я привалился спиной к старым, теплым на ощупь, потрескавшимся доскам «Гнезда цапли». Привалился к ним и ждал, пока меня сожрет двенадцатифутовый ужас, обитавший в старом бассейне Джона Истлейка.

Уайрман не терял ни секунды — вырвал корзинку из рук Джека, уронил на землю, упал на колени рядом с ней, одновременно откидывая крышку. Сунул в корзину руку и достал самый большой пистолет, который мне только доводилось видеть не на экране, а в реальной жизни. Стоя на коленях в высокой траве перед открытой корзинкой, Уайрман держал пистолет двумя руками. Я видел его лицо, и подумал тогда (думаю и теперь), что выглядел он совершенно спокойным... особенно для человека, у которого змеи вызывают панический ужас. Он ждал.

— *Стреляйте!* — заорал Джек.

Уайрман ждал. А я увидел в небе цаплю. Она летала над длинной, заросшей лианами постройкой, что стояла за теннисным кортом. Летала ногами вверх.

— Уайрман! — позвал я. — Предохранитель.

— Сагау*, — пробормотал он и что-то сдвинул большим пальцем. Красная точка в верхней части рукоятки пистолета исчезла. Он не отрывал глаз от высокой травы, которая уже зашевелилась. Потом стебли раздвинулись, и появившийся аллигатор молниеносно ринулся на Уайрмана. Я видел этих тварей на канале «Дискавери» и в специальных выпусках «Нэшнл джеографик», но и представить себе не мог, что они способны так быстро передвигаться на лапах-обрубках. Трава стерла практически всю грязь с морды аллигатора, и теперь я видел его широченную ухмылку.

— Пора! — заорал Джек.

Уайрман выстрелил. Раздался оглушительный грохот, и раскаты выстрела покатились, словно что-то каменное по железу. Результат оказался впечатляющим. Верхняя половина головы

* Черт побери (*исп.*).

аллигатора взлетела облаком грязи, крови и плоти. Но зверюга не остановилась; наоборот, коротенькие ножки прибавили в скорости, пробегая последние тридцать футов. Я уже слышал, как трется трава о чешуйчатые бока аллигатора.

Ствол пистолета после выстрела подпрыгнул. Уайрман даже не пытался его удержать. Никогда я не видел моего друга таким спокойным, и до сих пор поражаюсь его самообладанию. Когда пистолет опустился под собственным весом, Уайрман снова взял аллигатора на мушку — расстояние между ними не превышало каких-то пятнадцати футов. Уайрман выстрелил, и вторая пуля подбросила переднюю часть твари к небу, выставив на обозрение зеленовато-белый живот. Зверюга словно танцевала на хвосте, как веселые крокодильчики в мультфильмах Диснея.

— Получай, мерзкий урод! — прокричал Джек. — Мать твою так! Вместе с бабкой!

После второго выстрела пистолет вновь подскочил вверх. И опять Уайрман ему не мешал. Аллигатор, демонстрируя брюхо, упал на бок, лапы-обрубки трепыхались, хвост метался, вырывал траву, разбрасывал комья земли. Кода ствол пистолета опустился, Уайрман в третий раз нажал на спусковой крючок, и в середине живота твари образовалась круглая, с неровными краями дыра, из которой на примятую зеленую траву тут же выплеснулось красное.

Я огляделся в поисках цапли. Она исчезла.

Уайрман поднялся, и я увидел, что его трясет. Он подошел к аллигатору (следя за тем, чтобы не попасть под все еще хлещущий по земле хвост), выпустил в тварь две пули. Хвост в последний раз ударил по земле, тело дернулось и застыло.

Уайрман повернулся к Джеку, поднял дрожащую руку, сжимающую пистолет.

— Израильский «Дезерт игл» калибра ноль триста пятьдесят семь, — пояснил он. — «Большой надежный пистолет задиристых евреев». Джеймс Макмертри*, две тысячи шестой год. Корзина такая тяжелая из-за патронов. Я взял все запасные обоймы. Больше десятка.

Джек подошел к Уайрману, обнял, поцеловал в обе щеки.

---

* Макмертри Джеймс (р. 1962) — американский фолк-певец, актер. Уайрман цитирует слова из его песни «Choctaw Bingo».

— Если понадобится, я буду нести эту корзину до самого Кливленда и не скажу ни слова.

— По крайней мере тебе больше не придется нести пистолет, — ответил Уайрман. — Отныне эта славная малютка будет у меня за поясом. — С этими словами он засунул пистолет под ремень, предварительно поставив на предохранитель, что удалось ему лишь со второй попытки — так тряслись руки.

Я подошел к Уайрману и тоже поцеловал его в обе щеки.

— Господи, — выдохнул он. — Уайрман более не чувствует себя испанцем. Уайрман определенно начинает чувствовать себя французом.

— Как у тебя вообще оказался пистолет? — спросил я.

— Идея возникла у мисс Истлейк после последней стычки торговцев кокаином в Тампе и Сент-Пите. — Он повернулся к Джеку: — Ты помнишь, не так ли?

— Да. Четверо убитых.

— Вот мисс Истлейк и предложила приобрести пистолет для самозащиты. Я купил самый большой. Мы стреляли по мишеням. — Он улыбнулся. — У нее был зоркий глаз, грохот ей не мешал, а вот отдачу она терпеть не могла. — Он посмотрел на аллигатора. — Полагаю, пистолет я брал не зря. Что теперь, мучачо?

— Обходим дом сзади... кто-нибудь из вас видел цаплю?

Джек покачал головой. Уайрман тоже, на его лице отразилось недоумение.

— Я видел, — продолжил я. — И если увижу снова... или если кто-то из вас увидит... я хочу, чтобы ты подстрелил ее, Джером.

Уайрман вскинул брови, но промолчал. И мы вновь двинулись вдоль восточной стены брошенного особняка.

XV

Как выяснилось, войти в дом через черный ход труда не составило: эта часть дома перестала существовать, за исключением восточного угла. Вероятно, ее уничтожил тот самый ураган, что снес верхние этажи. Глядя на заросшие руины бывшей кухни и кладовой, я осознал, что от «Гнезда цапли» остался разве что покрытый мхом фасад.

— Мы можем залезть здесь, — в голосе Джека слышалось сомнение, — но я не уверен в прочности пола. Что думаете, Эдгар?

— Не знаю, — ответил я. Навалилась усталость. Может, из-за потери адреналина, растраченного на встречу с аллигатором, может, из-за чего-то еще. Я почти смирился с поражением. Минуло столько лет, над островом пронеслось столько ураганов... А рисунки маленькой девочки с самого начала были такими недолговечными.

— Который час, Уайрман? Если можно, без шуточек.

Он посмотрел на часы.

— Два тридцать. Что скажешь, мучачо? Заходим?

— Не знаю, — повторил я.

— А я знаю, — заявил он. — Я убил гребаного аллигатора, чтобы попасть сюда, и не уйду, не осмотрев старый дом. Пол кладовой выглядит прочным, и находится не так уж высоко. Давайте поищем какой-нибудь хлам, на который можно встать. Джек, ты залезешь первым, потом поможешь мне. А вдвоем мы поднимем Эдгара.

Так и сделали. Перепачкавшись, тяжело дыша, сначала забрались в кладовую, а потом уже прошли в сам дом, удивленно оглядываясь, ощущая себя путешественниками во времени, туристами в мире, который приказал долго жить восьмьюдесятью годами раньше.

Глава 18
НОВИН

i

В доме пахло гниющим деревом, старой штукатуркой, заплесневелой тканью. И, разумеется, сыростью. Часть мебели осталась (пусть развалилась от времени и просела от влаги), обои в гостиной висели клочьями, а на потолке переднего холла мы увидели огромное осиное гнездо, древнее и брошенное. Под ним на покоробившихся половицах из кипариса лежали дохлые осы, горкой высотой в фут. Где-то (в руинах верхних этажей) размеренно капала вода.

— Кипариса и красного дерева в этом доме хватило бы, чтобы заработать приличные деньги, если бы кто-нибудь сподобился прийти сюда до того, как дом развалился. — Джек наклонился, схватил торчащую доску за край, потянул вверх. Доска подалась, согнулась, словно ириска, потом сломалась, не с резким треском, а с вялым хрустом. Из образовавшейся прямоугольной дыры выползли несколько мокриц, пахнуло затхлостью.

— Ни грабителей, ни вандалов, ни любителей повеселиться, — заметил Уайрман. — Никаких тебе использованных презервативов или кучек говна, ни одной надписи **«ДЖО ЛЮБИТ ДЕББИ»** краской из баллончика на стене. Не думаю, чтобы кто-нибудь побывал здесь с того самого дня, когда Джон повесил на парадную дверь цепь и окончательно уехал отсюда. Я знаю, в это трудно поверить...

— Нет, не трудно, — возразил я. — «Гнездо цапли» на этой оконечности Дьюмы с тысяча девятьсот двадцать седьмого года принадлежало Персе. Джон это знал и составил завещания так, чтобы ничего не менялось. Элизабет поступила так же. Но это не храм. — Я заглянул в комнату, которая находилась напротив гостиной. Возможно, кабинет. В луже вонючей воды стоял письменный стол с выдвижной крышкой. Книжные полки у стен пустовали. — Это могила.

— Так где нам искать эти рисунки? — спросил Джек.

— Понятия не имею, — ответил я. — Я даже не уверен... — Кусок штукатурки лежал в дверном проеме, и я пнул его. Хотел, чтобы он отлетел, но штукатурка была слишком старой и влажной. Кусок просто развалился. — Не думаю, чтобы тут были рисунки. Теперь не думаю, когда увидел это место.

Я огляделся, вдыхая влажную затхлость.

— Возможно, ты и прав, но на слово я тебе не поверю, — покачал головой Уайрман. — Потому что, мучачо, ты скорбишь. А скорбь человека выматывает. Ты слушаешь голос опыта.

Джек вошел в кабинет, осторожно ступая по влажным доскам, добрался до письменного стола. Капля воды упала на козырек его бейсболки, и он поднял голову.

— Потолок дырявый, — поделился он своими наблюдениями. — Наверху одна ванная комната, может — две, и, наверное, цистерна, в которую с крыши собиралась дождевая вода. Я вижу трубу. Со временем все это провалится вниз, и от стола ничего не останется.

— Смотри, чтоб этого не произошло сейчас, — сказал Уайрман, — а то ничего не останется от тебя.

— Меня больше волнует пол. Проседает под ногами, как мох на болоте.

— Тогда возвращайся, — предложил я.

— Одну минуту. Сначала проверю стол.

И Джек начал выдвигать ящики, один за другим.

— Ничего, — докладывал он. — Ничего... опять ничего... ничего... — Пауза. — Кое-что есть. Записка. Написана от руки.

— Давай поглядим, — откликнулся Уайрман.

Джек принес записку ему, ступая очень осторожно, пока не миновал залитый водой участок пола. Я читал поверх плеча Уайрмана. Простая белая бумага. Крупный мужской почерк.

19 августа 1926.

Джонни!

Ты хотел — ты получил. Это последняя партия хорошего товара, и только для тебя, мой друг. «Шампунь» у меня бывал и получше, но ничего не поделаешь. Односолодовый — нормальный. СС — для «простого народа» (хе-хе). 5 Кен в кеге. И, как ты просил, Стол X 2, в сеча. Себя не хвалю, просто повезло, но это действительно последняя партия. Спасибо за все. Увидимся, когда вернусь с той стороны лужи.*

DD.

Уайрман прикоснулся к «Стол X 2».

— Стол течет. Остальное что-нибудь тебе говорит, Эдгар?

Что-то говорило, но на какое-то мгновение моя чертова больная память не желала выдавать, что именно. «Я могу это сделать», — подумал я, а потом, как обычно, двинулся окольным путем. Сначала к фразе Илзе: «Позволите воспользоваться вашим бассейном, мистер?» Сердце защемило, но деваться было некуда. За фразой последовало воспоминание о другой девушке, собравшейся поплавать в другом бассейне. Девушке с впечатляющей грудью и длинными ногами, в черном закрытом купальнике. Мэри Айр, запечатленной для истории Хокни («Смазливая девчушка из Тампы» — так она назвала себя). А уж потом я добрался до нужного. Я шумно выдохнул, не подозревая, что какое-то время не дышал.

— Две буквы «Д» — это Дейв Дэвис. В Ревущие двадцатые он был магнатом Солнечного берега.

— Откуда ты знаешь?

— От Мэри Айр, — ответил я, и хладнокровная моя часть, которой, вероятно, уже никогда не согреться, смогла оценить иронию; жизнь — колесо, и если ждешь достаточно долго, она обязательно возвращается в ту точку, откуда тронулась с места. — Дэвис дружил с Джоном Истлейком и, вероятно, снабжал Истлейка качественной выпивкой.

— «Шампунь», — воскликнул Джек. — Должно быть, шампанское.

* Кег — бочонок.

— Молодец, Джек, — похвалил его Уайрман, — но я хочу знать, что такое «Стол»? И «сега».

— Это испанское слово, — указал Джек. — Вы должны его знать.

Уайрман изогнул бровь.

— Ты думаешь, это sera? Которое начинается с «s». Как в «Que sera, sera»*?

— Дорис Дэй, тысяча девятьсот пятьдесят шестой, — сказал я. — «И в будущее нам не заглянуть» («И это тоже хорошо», — подумал я). — В одном я уверен наверняка. Дэвис не ошибся, говоря, что это последняя партия. — Я постучал по дате: 19 августа. — Этот парень отплыл в Европу в октябре тысяча девятьсот двадцать шестого и не вернулся. Исчез в океане. Так, во всяком случае, сказала мне Мэри Айр.

— А «сега»? — спросил Уайрман.

— Давай пока это оставим. Но странно, что мы вообще наткнулись на этот листок.

— Немного странно, но не так, чтобы совсем, — не согласился со мной Уайрман. — Если ты вдовец и у тебя юные дочери, захотел бы ты брать в новую жизнь последнюю расписку своего бутлегера?

Я подумал и решил, что какая-то логика в его словах есть.

— Нет... но я, скорее, уничтожил бы ее, вместе с порнографическими открытками.

Уайрман пожал плечами.

— Мы никогда не узнаем, сколь много инкриминирующих его бумаг он уничтожил... или сколь мало. Если не считать редких выпивок с друзьями, законов он, возможно, не нарушал. Но, мучачо... — Он положил руку мне на плечо. — Эта бумага настоящая. Мы ее нашли. И если что-то там пытается нас уничтожить, может, что-то другое помогает нам... немного. Или такое невозможно?

— Мечтать не вредно. Давай посмотрим, вдруг тут есть что-то еще.

---

* «Que sera, sera» — что будет, пусть будет (*исп.*). Песня Джея Ливингстона и Рэя Эванса, впервые прозвучавшая в фильме Альфреда Хичкока «Человек, который знал слишком много» (1956) в исполнении Дорис Дэй.

11

Поначалу казалось, что поиски наши напрасны. Мы обследовали комнаты первого этажа и не нашли ничего, разве что один раз едва не нарвались на серьезные неприятности, когда моя нога провалилась сквозь пол в бывшей столовой. Уайрман и Джек тут же подскочили ко мне, и, к счастью, провалилась моя больная нога: здоровая помогла сохранить равновесие.

Возможности обследовать верхние этажи не было. Сохранился один лестничный пролет, а за площадкой и небольшим участком перил синело небо и раскачивалась крона высокой капустной пальмы. От второго этажа еще что-то оставалось, третьего — как не бывало.

Мы тронулись в обратный путь к кухне и импровизированной ступеньке, с которой поднялись в дом. И отчитаться о проделанной работе мы могли лишь одним листком, в котором сообщалось о доставленной партии спиртного. Я предполагал, что могло означать слово «сега», но пользы от этой догадки не было никакой, потому что мы не знали, где находится Персе.

А она была здесь.

И близко.

Иначе почему еще дорога сюда далась нам с таким трудом?

Уайрман — он шел первым — так резко остановился, что я влетел в него. А Джек — в меня, стукнув по заду корзинкой для пикника.

— Нам нужно проверить ступени, — заявил Уайрман тоном человека, который просто не верит, что показал себя таким тупицей.

— О чем ты? — спросил я.

— Мы должны проверить, нет ли в ступенях «ха-ха». Мне следовало сразу об этом подумать. Должно быть, с головой у меня совсем плохо.

— А что такое «ха-ха»?

Уайрман уже двинулся к лестнице.

— Тайник. В «Эль Паласио» он находится на главной лестнице, под четвертой ступенькой снизу. Мисс Истлейк говорила, что идея принадлежала ее отцу — он разместил тайник как можно ближе к входной двери, на случай пожара. В тайнике стоит

денежный ящик, а в нем лежат несколько старых вещей и фотографий, но раньше она держала там завещание и лучшие драгоценности. Правда, мисс Истлейк сделала большую ошибку — рассказала об этом своему адвокату, а тот настоял, чтобы она отправила все в банковскую ячейку в Сарасоте.

Мы уже стояли у подножия лестницы, рядом с холмом дохлых ос. Вонь дома накатывала густыми волнами со всех сторон. Уайрман повернулся ко мне, его глаза блестели.

— Мучачо, она держала в том ящике несколько наиболее ценных фарфоровых статуэток. — Он оглядел лестничный пролет, ведущий в синее небо. — Как ты считаешь... если Персе — нечто вроде фарфоровой статуэтки, которую Джон выловил со дна Залива... может ли она быть спрятана именно здесь, под одной из ступенек?

— Я думаю, все возможно. Будь осторожен. Очень.

— Готов спорить на что угодно, тайник тут есть, — уверенно заявил Уайрман. — Мы всегда копируем выученное в детстве.

Он откинул ботинком валявшихся на полу перед лестницей дохлых ос (они зашуршали, как бумага), опустился на колени. Присмотрелся к первой ступеньке, второй, третьей. Когда добрался до четвертой, попросил:

— Джек, дай мне фонарь.

iii

Я говорил себе, что Персе в тайнике под ступенькой нет (слишком легким и простым представлялся такой вариант), но помнил о фарфоровых статуэтках, которые Элизабет клала в жестянку из-под печенья «Суит Оуэн». Так что сердце у меня учащенно забилось, когда Джек, порывшись в корзинке для пикника, достал здоровенный фонарь с ручкой из нержавеющей стали. Вложил в протянутую руку Уайрмана, как медсестра передает инструмент оперирующему хирургу.

Когда Уайрман направил луч на лестницу, я заметил, что блеснуло золото: маленькие петли в глубине под ступенькой.

— Уайрман, один момент, — вырвалось у меня.

Он повернулся ко мне.

— Сначала понюхай.

— Что сделать?

— Понюхай. Скажи мне, нет ли запаха влаги.

Он понюхал ступеньку, которая поднималась на петлях, опять повернулся ко мне.

— Немного влажная, но, возможно, весь дом так пахнет. Может, уточнишь?

— Поднимай ее медленно, хорошо? Джек, свети внутрь. Ищите влагу, вы оба.

— Почему, Эдгар? — спросил Джек.

— Потому что «Стол течет», как сказала Элизабет. Если увидите керамический контейнер — бутылку, кувшин, кег — это она. И почти наверняка посудина будет с трещиной, а может, и разбита.

Уайрман глубоко вздохнул.

— Как говорил математик, когда делил на ноль: «А вот и ничто».

Он попытался поднять ступеньку, но не вышло.

— Она на замке. Я вижу крошечную скважину... и вставлялся туда чертовски маленький ключ...

— У меня есть швейцарский армейский нож, — предложил Джек.

— Минутку... — Уайрман кончиками пальцев ухватил край ступеньки снизу. Я увидел, как сжались его губы, а на виске выступила вена.

— Уайрман, — начал я, — осторож...

Прежде чем я закончил, замок (старый, маленький и, несомненно, проржавевший) сломался. Ступенька взлетела вверх и сорвалась с петель. Уайрмана качнуло назад. Джек его поймал, а потом я неуклюже, одной рукой, поймал Джека. Большой фонарь упал на пол, но не разбился. Яркий луч покатился, освещая холм из дохлых ос.

— Срань господня! — Уайрман поднялся. — Ларри, Курли и Мо*.

---

* «Ларри, Курли и Мо» — трио американских комиков, Мо Говарда (Гарри Мозес Говард), Ларри Файна (Луи Файнберг) и Курли Говарда (Джерри Лестер Говард), получившее широкую известность в середине двадцатого века.

Джек поднял фонарь, направил в тайник под ступенькой.

— Что? — спросил я. — Есть что-нибудь? Ничего? Говори!

— Что-то есть, но не керамическая бутыль, — ответил он. — Металлическая коробка. Похожа на жестянку из-под сладостей, только больше. — Он наклонился.

— Может, лучше не трогать, — подал голос Уайрман.

Но опоздал. Рука Джека по локоть ушла в тайник, и в первое мгновение я не сомневался, что сейчас его лицо вытянется в крике, когда что-то ухватится за руку и потащит вниз. А потом он выпрямился, держа в руке жестяную коробку в форме сердца. Протянул ее нам. На крышке сквозь ржавчину едва проглядывал розовощекий ангел. Под ним тянулись две строчки, написанные старомодным шрифтом:

ЭЛИЗАБЕТ
ЕЕ ВЕЩИ

Джек вопросительно посмотрел на нас.

— Валяй. — Теперь я не сомневался, что Персе в коробке нет. Испытывал разочарование и облегчение одновременно. — Ты нашел, тебе и открывать.

— Там рисунки, — добавил Уайрман. — Должны быть.

Я тоже так думал. Но вышла промашка. Когда Джек снял ржавую крышку, в коробке-сердце обнаружилась кукла Либбит, и, глянув на Новин, я словно вернулся домой.

«О-о-о-ох, — казалось, говорили эти черные глаза и алый улыбающийся рот. — Я так долго здесь пролежала, противный парниша!»

iv

Когда я увидел, как куклу достают из коробки, словно выкопанный из могилы труп, жуткий, всепроникающий ужас охватил меня, взяв начало в сердце и распространившись по всему телу, грозя сначала расслабить, а потом парализовать все мышцы.

— Эдгар? — резко спросил Уайрман. — Что с тобой?

Я приложил все силы для того, чтобы взять себя в руки. Более всего на меня подействовала беззубая улыбка. Как и кепка жокея, она была *красной*. И, как в случае с кепкой, я чувствовал, что рехнусь, если буду слишком долго на нее смотреть. Улыбка, казалось, утверждала, что происходящее со мной в новой жизни — всего лишь сон, который я вижу, лежа на койке в отделении реанимации, тогда как машины поддерживают жизнь в моем изувеченном теле... и, может, меня это устраивало, лучше просто быть не могло, потому что случившееся во сне не могло причинить Илзе вреда.

— Эдгар? — Джек шагнул ко мне, и кукла в его руке наклонилась вперед, выражая насмешливое сочувствие. — Вы же не грохнитесь в обморок?

— Нет, — ответил я. — Дай на нее взглянуть. — А когда он попытался передать куклу мне, покачал головой: — Я не хочу ее брать. Просто подними.

Он выполнил мою просьбу, и я понял, откуда взялось ощущение мгновенного узнавания, чувство возвращения домой. Не из-за Ребы или ее недавней близняшки, хотя все три куклы были тряпичными, то есть похожими. Нет, причина заключалась в том, что я уже видел ее на нескольких рисунках Элизабет. Только я решил, что на них изображена няня Мельда. В этом ошибся, но...

— Куклу подарила ей няня Мельда, — сказал я.

— Точно, — согласился Уайрман. — И она стала ее любимой, потому что Либбит рисовала только эту куклу. Вопрос в том, почему она оставила ее здесь, когда семья уезжала из «Гнезда цапли». Почему заперла в тайнике?

— Иногда куклы впадают в немилость. — Я смотрел на этот красный, улыбающийся рот. По-прежнему красный, пусть и прошло столько лет. Красный, как то место, куда уходят прятаться воспоминания, когда они ранены, и человек не может нормально соображать. — Иногда куклы начинают пугать.

— Ее рисунки говорили с тобой, Эдгар. — Уайрман покрутил куклу в руке, вернул Джеку. — Как насчет куклы? Она скажет тебе, что мы хотим знать?

— Новин, — сказал я. — Ее зовут Новин. И мне бы хотелось сказать — «да», но со мной говорят только карандаши и рисунки Элизабет.

— Откуда ты знаешь?

Хороший вопрос. *Откуда я это знал?*

— Просто знаю. Готов спорить, она могла бы поговорить с тобой, Уайрман. До того, как я выправил тебе мозги. Когда у тебя еще было шестое чувство.

— Этот поезд уже ушел. — Уайрман порылся в пакете с продуктами, нашел упаковку с ломтиками огурца, съел пару. — И что нам делать? Возвращаться? Потому что я чувствую, если мы отправимся в обратный путь, мучачо, то уже больше никогда не соберемся с духом, чтобы прийти сюда еще раз.

Я придерживался того же мнения. А вторая половина дня катилась к вечеру.

Джек присел на лестницу, устроился на две или три ступени выше тайника. Куклу держал на колене. Солнечный свет, цепляясь за остатки верхних этажей, окутывал их желтой дымкой. Вид этот будоражил чувства, так и просился на холст. Могла получиться потрясающая картина: «Молодой человек и кукла». И его манера вот так держать Новин что-то мне напоминала, но я никак не мог понять, что именно. Черные глаза-пуговицы куклы, казалось, смотрели на меня, смотрели самодовольно. «Я многое видела, паршивый парниша. А здесь я видела все. Я знаю все. И очень плохо, что я — не рисунок, которого ты можешь коснуться своей призрачной рукой, не так ли?»

Да. Именно так.

— В свое время я мог бы заставить ее говорить, — нарушил долгую паузу Джек.

На лице Уайрмана отразилось удивление, но в голове у меня раздался легкий щелчок, как происходит, когда тебе наконец-то удается поймать ранее ускользавшую от тебя мысль. Теперь я знал, почему мне показалась столь знакомой его манера держать куклу.

— Увлекался чревовещанием, не так ли? — Я надеялся, что в голосе не слышится надрыва, но сердце замолотило по ребрам. Я подозревал, что на южной оконечности Дьюма-Ки возможно многое. Даже ясным днем.

— Да. — В улыбке Джека смешивались смущение и приятные воспоминания. — В восемь лет я купил книжку о чревовещании и увлекся им, главным образом потому, что отец покупку не одобрил. Сказал, что я попросту выбросил деньги на ветер и

скоро оставлю это занятие. — Он пожал плечами, и Новин качнулась на его ноге, будто тоже хотела пожать плечами. — Больших успехов я не достиг, но в шестом классе выиграл конкурс талантов. Отец повесил медаль в своем кабинете. Для меня это многое значило.

— Да, — кивнул Уайрман. — Для мальчика это большое дело — похвала сомневающегося отца.

Джек вновь улыбнулся, уже широко, и улыбка эта, как всегда, осветила его лицо. Чуть сдвинулся, и Новин сдвинулась вместе с ним.

— Лучше не бывает. Я был застенчивым мальчиком, и чревовещание немного облегчило для меня общение с людьми. Мне стало проще говорить с ними. Я всегда мог прикинуться, что я — Мортон. Мой двойник, знаете ли. Мортон-остряк, который способен сказать что угодно кому угодно.

— Они все остряки, — кивнул я. — Думаю, так принято.

— Потом я перешел в среднюю школу, а там чревовещание не котировалось, в сравнении, скажем, с умением кататься на скейтборде, вот я его и забросил. Даже не знаю, что случилось с книгой. Называлась она «Отдай свой голос».

Мы молчали. Дом дышал сыростью. Совсем недавно Уайрман убил атаковавшего нас аллигатора. Теперь я едва мог в это поверить, хотя в ушах еще отдавался грохот выстрелов.

Первым нарушил тишину Уайрман:

— Я хочу услышать, как ты это делаешь. Заставь ее сказать: «Buenos dias, amigos, mi nombre es Noveen*, и la mesa** течет».

Джек рассмеялся.

— Да ладно вам.

— Нет... я серьезно.

— Я не могу. Если какое-то время этим не заниматься, забываешь, как это делается.

По собственному опыту я знал, что он, возможно, прав. Когда речь идет о приобретенных навыках, память похожа на дорожную развилку. По одному ответвлению — навыки, которые сродни езде на велосипеде; если ты им обучился, они остаются с тобой навсегда. Но творческие, пребывающие в постоянном

---

* Добрый день, друзья, меня зовут Новин (*исп.*).

** стол (*исп.*).

изменении навыки, за которые ответственны лобные доли, нужно практиковать регулярно, чуть ли не ежедневно, и они легко забываются, а то и теряются полностью. Джек говорил, что чревовещание — один из таких навыков. И хотя у меня не было причин сомневаться в его выводе (чревовещание подразумевало создание новой личности, не говоря уже об отказе от собственного голоса), я сказал:

— Попробуй.

— Что? — Джек посмотрел на меня. Улыбающийся. В недоумении.

— Не тяни, попробуй.

— Я же сказал вам, я не могу...

— И все равно попробуй.

— Эдгар, я понятия не имею, как будет звучать ее голос, даже если мне удастся *отдать ей свой*.

— Да, но ты уже посадил ее на колено, и кроме нас двоих тут никого нет, так что — давай.

— Ну... черт. — Он смахнул волосы со лба. — И что вы хотите от нее услышать?

Уайрман тихо, но не допускающим возражений тоном произнес:

— Почему бы просто не посмотреть, что из этого выйдет?

V

Джек еще какие-то мгновения посидел с Новин на колене, их головы освещало солнце, пылинки со ступеней и древнего напольного ковра кружили около лиц. Потом Джек взял куклу иначе — так, что пальцы легли на шею и тряпичные плечи. Голова Новин поднялась.

— Привет, малыши, — поздоровался Джек, только он старался не шевелить чуть приоткрытыми губами, так что получилось: «ривет, ыши».

Он покачал головой, заметались потревоженные пылинки.

— Подождите минутку. Это ужасно.

— Времени у тебя сколько хочешь, — заверил его я. Думаю, я произнес эти слова ровным голосом, хотя сердце забухало

сильнее. Отчасти потому, что я боялся за Джека. Если бы идея сработала, он мог оказаться в опасности.

Джек вытянул шею, помассировал адамово яблоко. Выглядел, как тенор, готовящийся к исполнению арии. «Или птичка», — подумал я. Может, один из «Колибри». Потом он сказал: «Привет, малыши». Получилось лучше, но...

— Нет. Дерьмо на палочке. Звучит, как та блондинка из старых фильмов, Мей Уэст. Подождите.

Он опять помассировал горло. При этом смотрел в яркую синеву над головой, и одновременно (у меня нет уверенности, что Джек это знал) двигалась и вторая его рука, та, что держала куклу. Новин посмотрела сначала на меня, потом на Уайрмана, снова на меня. Черные глаза-пуговицы. Черные волосы, обрамляющие лицо цвета шоколадного печенья. Красное «О» рта. Произносящего: «О-о-о-ох, какой противный парниша».

Мою руку сжала рука Уайрмана. Холодная.

— Привет, малыши, — поздоровалась Новин, и, хотя кадык Джека ходил вверх-вниз, губы на «м» едва шевельнулись. — Эй, как вам?

— Хорошо, — ответил Уайрман со спокойствием, которого я не чувствовал. — Пусть она скажет что-нибудь еще.

— Мне заплатят за это премию, не так ли, босс?

— Конечно, — ответил я. — Время и уси...

— Разве ты ничего не соираешься рисовать? — спросила Новин, глядя на меня круглыми, черными глазами. И я уже практически не сомневался, что это пуговицы.

— Мне нечего рисовать, — ответил я. И добавил: — Новин.

— Я скажу тебе, что ты можешь нарисовать. Где твой альбом? — Джек смотрел куда-то в сторону, на тени, ведущие в разрушенную гостиную, с написанным на лице удивлением, с пустыми глазами. Он утратил контроль над собой и не впал в транс — пребывал где-то посередине.

Уайрман отпустил мою руку, потянулся к пакету с едой, в который я ранее сунул оба «мастерских» альбома. Протянул один мне. Рука Джека чуть согнулась, и Новин вроде бы наклонила голову, чтобы понаблюдать, как я открываю альбом, расстегиваю молнию поясной сумки, в которой лежали карандаши, достаю один.

— Нет, нет. Возьми ее.

Я вновь порылся в сумке, достал светло-зеленый карандаш Либбит. Единственный достаточно длинный, чтобы как следует ухватиться за него. Должно быть, этот цвет не относился к ее любимым. А может, на Дьюме зеленые оттенки были более насыщенными.

— Хорошо, что теперь?

— Нарисуй меня на кухне. Прислони меня к хлевнице, так сойдет.

— На столике, верно?

— Думаешь, я говорю про пол?

— Боже, — вырвалось у Уайрмана. Голос от фразы к фразе менялся; теперь в нем ничего не осталось от голоса Джека. И чьим он стал, учитывая тот факт, что в лучшие годы кукла произносила только слова, которые рождались в воображении маленькой девочки? Я подумал, что тогда это был голос няни Мельды, то есть теперь мы его же и слышали, пусть и с какими-то вариациями.

Как только я начал рисовать, зуд спустился вниз по моей ампутированной руке, очертил ее, превратил в реально существующую. Я нарисовал куклу сидящей у старинной хлебницы, с ногами, свешивающимися через край столика. Без паузы или колебания (что-то глубоко внутри, там, где рождались образы, говорило: колебаться — верный способ разрушить заклинание, когда оно только формируется, когда оно все еще хрупкое) продолжил и нарисовал у столика маленькую девочку. Она стояла, подняв голову. Маленькая четырехлетняя девочка в детском переднике. Я не мог бы сказать вам, что такое детский передник, пока не нарисовал его поверх платья маленькой Либбит, когда она стояла на кухне рядом со своей куклой, стояла...

Тс-с-с-с...

...приложив палец к губам.

После этого, прибавив скорости — карандаш просто летал, — я нарисовал няню Мельду, первый раз увидев ее вне фотографии, на которой она держала в руках красную корзинку для пикника. Няня Мельда наклонялась над девочкой, с лицом строгим и злым.

Нет, не злым...

vi

Испуганным.

Вот какой выглядит няня Мельда, испуганной чуть ли не до смерти. Она знает, что-то происходит, Либбит знает, что-то происходит, и близняшки тоже знают: Тесси и Ло-Ло испуганы, как и она. Даже этот дурак Шэннингтон знает, что-то происходит. Вот почему он старается бывать здесь как можно реже, предпочитая работу на материковой ферме приездам на Дьюму.

А Хозяин? Когда Хозяин здесь, он слишком зол из-за Ади, которая сбежала в Атланту, чтобы видеть происходящее у него перед глазами.

Поначалу няня Мельда думала, что происходящее у нее перед глазами — плод ее воображения, разыгравшегося от детских игр; конечно же, не могла она видеть цапель или пеликанов, летящих лапками вверх; или улыбающихся лошадей, когда Шэннингтон приехал на двуконной пролетке из Нокомиса, чтобы покатать девочек. И она предполагала, что знает, почему маленькие боялись Чарли. На Дьюме теперь появились какие-то загадки, но вот это к ним не относилось. Тут вина лежала на ней. Хотя она хотела, как лучше...

vii

— Чарли! — воскликнул я. — Его зовут Чарли!

Новин каркающим смехом подтвердила мою догадку.

Я достал из пакета с едой второй альбом (просто рванул на себя) и так резко отбросил обложку, что оторвал половину. Порылся в поясной сумке, нашел огрызок черного карандаша Либбит. Для этого рисунка мне требовался черный цвет, и длины огрызка хватило, чтобы я смог зажать его большим и указательным пальцами.

— Эдгар, — позвал Уайрман. — На мгновение мне показалось, что я увидел... создалось ощущение, что...

— Заткнись! — крикнула Новин. — Не оращай внимания на магическую руку! Ты хочешь увидеть совсем другое, готова спорить!

Я рисовал быстро, и жокей появлялся из белого, как фигура — из густого тумана. Линии ложились небрежные, торопливые, но главное я передал: проницательные глаза, широкие губы, растянутые в улыбке, которая могла быть и веселой, и злорадной. Я не успевал закрасить рубашку и бриджи, но достал красный карандаш (уже мой), провел полоску-пояс по животу, добавил эту ужасную кепку, затушевал ее. И как только появилась кепка, я сразу понял, что в действительности означала улыбка жокея: ночной кошмар.

— Покажи мне! — потребовала Новин. — Я хочу знать, правильно ли ты все ухатил!

Я показал рисунок кукле, которая теперь, выпрямившись, сидела на колене Джека, тогда как сам Джек, привалившись к стене у лестницы, смотрел в гостиную.

— Да. Тот самый пидор, что пугал девочек Мельды. Точно он.

— Что?.. — начал Уайрман, покачал головой. — Я в ауте.

— Мельда видела и лягушку, — продолжала Новин. — Которую дети называли большим мальчиком. Ту — с жубами. Именно тогда Мельда наконец-то приперла Либбит к стене. Потребовала объяснений.

— Сначала Мельда думала, что этими историями о Чарли дети просто пугают друг друга, верно?

Вновь раздался каркающий смех Новин, но вот в ее глазах-пуговицах, похоже, застыл ужас. Конечно, в таких глазах можно увидеть все что угодно, не так ли?

— Совершенно верно, милок. Но когда она увидела Большого мальчика, который в конце лужайки пересек подъездную дорожку и скрылся за деревьями...

Рука Джека шевельнулась. Голова Новин медленно закачалась из стороны в сторону, показывая, что няня Мельда сильно испугалась.

Я подсунул альбом с Чарли-жокеем под первый альбом и вернулся к нарисованной кухне: няня Мельда смотрела сверху вниз на Либбит, маленькая девочка прижимала палец к губам («Тс-с-с-с!»), а кукла молчаливо взирала на происходящее, сидя на столике у хлебницы.

— Ты это видишь? — спросил я Уайрмана. — Понимаешь?

— В каком-то смысле...

— Веселье закончилось, как только ее достали из воды, — пояснила Новин. — И вот к чему это привело.

— Может, сначала Мельда думала, что это Шэннингтон шутки ради переставлял паркового жокея... он знал, что три маленькие девочки жокея боятся.

— А почему, скажи на милость, они боялись? — спросил Уайрман.

Новин не ответила, но я провел магической рукой над нарисованной Новин (Новин, прислоненной к хлебнице), и тут заговорила та, что сидела на колене Джека. И я уже знал, что она скажет:

— Няня не хотела ничего плохого. Она знала, что они боятся Чарли — боялись еще до того, как началось плохое, — вот она и рассказала им сказку на ночь, пытаясь все как-то исправить. Но только сильнее напугала, как иной раз случается с маленькими детьми. Потом пришла плохая женщина — плохая белая женщина из моря — и эта сука сделала все еще хуже. Она заставила Либбит нарисовать Чарли живым, в шутку. У нее были и другие шутки.

Я перевернул страницу, на которой Либбит говорила: «Тс-с-с-с!» — достал из поясной сумки темно-коричневый карандаш (теперь уже не имело значения, чьим карандашом я пользовался) и вновь нарисовал кухню.

Новин, лежащая на столе, на боку, с рукой, поднятой к голове, будто в мольбе. Либбит, теперь в сарафане, с выражением ужаса на лице, которое я «схватил» полудюжиной быстрых штрихов. И няня Мельда, пятящаяся от открытой хлебницы и кричащая, потому что внутри...

— Это крыса? — спросил Уайрман.

— Большой старый слепой суслик, — ответила Новин. — В действительности то же самое, что и Чарли. Она заставила нарисовать его в хлевнице, и он оказался в хлевнице. Шутка. Либби огорчилась, а эта плохая вода-женщина? Ничуть. Она *никогда* не огорчалась.

— И Элизабет... Либбит... не могла не рисовать, — сказал я. — Так?

— Ты же это знаешь, — ответила Новин. — Не правда ли?

Я знал. Потому что дар ненасытен.

viii

Много лет тому назад случилось так, что маленькая девочка упала и повредила голову, но при этом обрела новые возможности. И возможности эти позволили чему-то (чему-то женскому) дотянуться до девочки и установить с ней контакт. Удивительные рисунки, которые за этим последовали, играли роль приманки, служили морковкой, болтающейся на конце палки. И улыбающиеся лошади, и лягушки всех цветов радуги. Но как только Персе вытащили из воды (так сказала Новин?), веселье закончилось. Талант Либбит Истлейк превратил ее руку в нож. Только теперь это была не ее рука. Отец Либбит не знал. Ади сбежала. Мария и Ханна находились в школе Брейдена. Близняшки ничего понять не могли. Но няня Мельда начала подозревать и...

Я открыл страницу и посмотрел на маленькую девочку, прижимающую палец к губам.

Она слушает, поэтому — тс-с-с-с. Если ты говоришь, она слышит, поэтому — тс-с-с-с. Плохое может случиться, и еще худшее ждет впереди. Ужасные страшилища в Заливе, которые ждут, чтобы утопить тебя и отвезти на корабль, где ты будешь жить, только это не жизнь. А если я попытаюсь сказать? Тогда плохое может случиться со всеми нами, со всеми нами сразу.

Уайрман застыл рядом со мной. Двигались только его глаза. Иногда он смотрел на Новин, иногда на бледную руку, которая то появлялась, то исчезала из виду с правой стороны моего тела.

— Но было безопасное место, не так ли? — спросил я. — Место, где она могла говорить. Где?

— Ты знаешь, — ответила Новин.

— Нет, я...

— Да, да, ты знаешь. Ты только на какое-то время забыл. Нарисуй его, и ты увидишь.

Она все говорила правильно. Рисованием я воссоздал себя. В этом смысле Либбит

(*где наша сестра*)

была моей кровной родственницей. Через рисование мы оба вспомнили, как не забывать.

Я открыл чистую страницу.

— Мне взять один из ее карандашей? — спросил я.

— Нет, не обязательно. Сойдет любой.

Я порылся в поясной сумке, нашел синий, принялся за работу. Без малейшего колебания нарисовал бассейн Истлейка: точно так же, как отключал мысли и позволял мышечной памяти набирать телефонный номер. Нарисовал таким, каким он был раньше — сверкающим, новым, наполненным чистой водой. Бассейн, где по какой-то причине хватка Персе слабела и слух ухудшался.

Я нарисовал няню Мельду, стоящую по голени в воде, и Либбит, в воде по пояс, с фартучком, плавающим на поверхности. А потом из-под моего карандаша начали появляться слова.

«Где теперь твоя новая кукла? Фарфоровая кукла?»

«В моей главной сокровищнице. В моей коробке-сердце».

Значит, она там лежала какое-то время.

«И как ее зовут?»

«Ее имя — Персе».

«Перси — мальчишеское имя».

И Либбит, твердо и уверенно: *«Ничего тут не поделаешь. Ее имя — Персе».*

«Понятно. И ты говоришь, здесь она нас не услышит?»

«Думаю, нет...»

«Это хорошо. Ты говоришь, что нарисованное тобой случается. Но послушай меня, дитя...»

IX

— Господи, — выдохнул я. — Идея исходила не от Элизабет. Нам следовало это понять.

Я оторвал взгляд от рисунка няни Мельды и Элизабет, стоящих в бассейне. И тут до меня дошло, что ужасно хочется есть.

— О чем ты говоришь, Эдгар? — спросил Уайрман.

— Идея избавиться от Персе принадлежала Мельде. — Я повернулся к Новин, по-прежнему сидевшей на колене Джека: — Я прав, не так ли?

Новин не ответила, и я провел правой рукой над фигурками на рисунке с бассейном. На мгновение увидел эту руку, длинные ногти и все такое.

— Няня не могла придумать ничего лучшего, — мгновением позже ответила Новин с колена Джека. — И Либбит доверяла няне.

— Естественно, доверяла, — кивнул Уайрман. — Мельда заменила девочке мать.

Я думал, что Элизабет рисовала и стирала в своей комнате, но теперь понимал, что ошибался. Все это происходило у бассейна. А может, и в самом бассейне. Потому что бассейн по какой-то причине был безопасным местом. Во всяком случае, так считала маленькая Либбит.

— Этим избавиться от Персе не удалось, но попытка Либбит не осталась незамеченной. Я думаю, она отрясла эту суку. — Голос звучал устало, хрипло, адамово яблоко Джека ходило вверх-вниз. — Я *надеюсь*, что отрясла.

— Да, — согласился я. — Вероятно, потрясла. И... что произошло потом?

Но я знал. Не в деталях, конечно, но знал. Логика неумолима и бесспорна.

— Персе выместила злобу на близняшках. И Элизабет, и няня Мельда знали. Они знали, что сделали. Няня Мельда знала, что *она* сделала.

— Она знала, — согласилась Новин. Голос оставался женским, но неотвратимо приближался к голосу Джека. Каким бы ни было заклинание, оно медленно, но верно сходило на нет. — Она держала все в себе, пока Хозяин не нашел их следы на Тенистом берегу... следы, уходящие в воду... но после этого молчать уже не могла. Она чувствовала, что своими руками убила малышек.

— Она видела корабль? — спросил я.

— Видела в ту ночь. Нельзя увидеть этот корабль ночью и не поверить.

Я подумал о моих картинах «Девочка и корабль». Новин говорила правду.

— Но еще до того как Хозяин позвонил шерифу и сказал, что близняшки исчезли и, возможно, утонули, Персе поговори-

ла с Либбит. Объяснила ей что к чему. И Либбит поговорила с няней.

Кукла наклонилась. Глаза на круглом, как печенье лице, принялись изучать коробку-сердце, из которой ее извлекли.

— Что она ей объяснила, Новин? — спросил Уайрман. — Я не понимаю.

Новин молчала. Джек, как мне показалось, выглядел вымотанным донельзя, хотя и не сходил с места.

Я ответил за Новин:

— Персе сказала: «Попытайся еще раз избавиться от меня, и близняшки станут только началом. Попытайся еще раз, и я заберу всю твою семью, одного за другим, а тебя оставлю напоследок». Так?

Пальцы Джека шевельнулись. Тряпичная голова Новин кивнула, поднявшись и наклонившись.

Уайрман облизал губы.

— Эта кукла. Чей в ней призрак?

— Здесь нет призраков, Уайрман, — ответил я.

Джек застонал.

— Я не знаю, что он делал и как, амиго, но он спекся, — заметил Уайрман.

— Он — да, но мы — нет.

И я потянулся к кукле, той самой, с которой не расставалась маленькая художница. И когда я это сделал, Новин заговорила со мной в последний раз, ее голос перемешивался с голосом Джека, словно оба пытались сказать одно и то же одновременно.

— Не-е-ет, не этой рукой... эта рука нужна для рисования.

Я потянулся другой рукой, которой шестью месяцами раньше задушил на улице собачку Моники Голдстайн, в другой жизни и в другой вселенной. Я использовал эту руку, чтобы схватить куклу Элизабет Истлейк и снять ее с колена Джека.

— Эдгар? — Джек выпрямился. — Эдгар, каким чертом вы вернули...

«...вторую руку?» — полагаю, закончил он фразу так, но полной уверенности у меня нет, последних слов я не слышал. Что я видел, так это черные глаза и черную дыру рта, обрамленную красным. Новин. Все эти годы она пролежала в двойной темноте (под ступенькой и в жестянке), ожидая возможности выбол-

тать свои секреты, и помада осталась свежей и яркой, будто она только что накрасила губы.

«Ты сосредоточился? — прошептала она в моей голове, и голос этот принадлежал не Новин, не няне Мельде (я в этом не сомневался), даже не Элизабет; говорила со мной Реба. — Ты сосредоточился и готов рисовать, противный парниша? Ты готов увидеть остальное? Ты готов увидеть все?»

Я не был готов... но мне не оставалось ничего другого.

Ради Илзе.

— Покажи мне свои картины, — прошептал я, и красный рот заглотил меня целиком.

Как рисовать картину (X)

Готовьтесь к тому, что увидеть придется все. Если вы хотите творить (Бог поможет вам, если хотите, Бог поможет вам, если рискнете), постарайтесь избежать извечной ошибки: не оставайтесь на поверхности. Уходите в глубину и берите свое законное вознаграждение. Сделайте это, как бы больно вам ни было.

Вы можете нарисовать двух девочек (близняшек), но такое под силу кому угодно. Не останавливайтесь на этом только потому, что остальное — кошмар. Обязательно учтите и еще один момент: девочки стоят по бедра в воде там, где она должна накрывать их с головой. Свидетель (к примеру, Эмери Полсон) мог бы это заметить, если бы смотрел, но столько людей не готовы увидеть то, что находится у них перед глазами.

А потом, разумеется, уже поздно.

Он пришел на берег выкурить сигару. Мог бы сделать это на веранде или на заднем крыльце, но внезапно у него возникло сильное желание пройти по изрытой колеями дороге, которую Ади называет Бульвар пьяницы, и по крутой песчаной тропе спуститься на пляж. Какой-то голос шепнул, что там сигара доставит ему гораздо больше удовольствия. Он сможет посидеть на бревне, которое волны выбросили на берег, и полюбоваться последними всполохами заката, когда оранжевое исчезает и появляются звезды. «В таком свете Залив выглядит изумительно, — вещал голос, — даже если Залив поступил нехорошо, отметив начало твоей семейной жизни тем, что проглотил маленьких сестричек новобрачной».

Но, как выясняется, там есть на что посмотреть и помимо заката. Потому что неподалеку от берега стоит корабль. Старинный корабль, красивый, с плавными обводами корпуса, тремя

мачтами и свернутыми парусами. Вместо того чтобы сесть на бревно, Эмери подходит к тому месту, где сухой песок становится влажным, твердым, укатанным... Эмери восхищается летящим силуэтом на фоне догорающего заката. Благодаря какому-то атмосферному феномену возникает ощущение, что завершающая краснота дня просвечивает сквозь корпус.

Он как раз думает об этом, когда до него доносится первый крик, звенит в голове, словно серебряный колокольчик: «Эмери!»

И тут же раздается другой: «Эмери, помоги! Подводное течение! Сильное течение!»

В этот самый момент он видит девочек, и его сердце срывается с места. Подпрыгивает до самого горла, прежде чем вернуться, куда положено, а уж там начинает стучать с удвоенной частотой и силой. Нераскуренная сигара выпадает из его пальцев.

Две маленькие девочки, и такие похожие. Они вроде бы в одинаковых джемперах, и хотя при таком умирающем свете Эмери не может различать цвета, он различает: один — красный, с буквой «Л» на груди, а второй — синий, с «Т».

«Сильное течение!» — кричит девочка с «Т» на груди и в доказательство своих слов поднимает ручонки.

«Подводное!» — кричит девочка с «Л».

Ни одной девочке опасность утонуть вроде бы и не грозит, но Эмери не колеблется. Радость не позволяет ему колебаться, а еще — нарастающая уверенность в том, что ему представился уникальный шанс: когда он вернется с близняшками, его ранее столь суровый тесть в мгновение ока изменит отношение к нему. И серебряные колокольчики детских голосов звенят в его голове, зовут к себе. Он бросается спасать сестер Ади, с тем, чтобы вынести их на берег, чтобы не дать течению утащить их.

«Эмери!» — это Тесси, ее глаза темнеют на фарфорово-белом лице... но губы у нее красные.

«Эмери, поторопись!» — это Лаура, ее белокожие ручонки, с которых капает вода, тянутся к нему, мокрые кудряшки прилипли к белым щекам.

Он кричит: «Я иду, девочки! Держитесь!»

В фонтанах брызг он спешит к ним, заходит в воду по голень, по колено.

Он кричит: «Боритесь с течением!» — как будто они что-то

делают, кроме как стоят по бедра в воде, хотя вода уже дошла и до его бедер, а роста в нем шесть футов и два дюйма.

Вода Залива (в середине апреля еще холодная) ему уже по грудь, когда он наконец-то добирается до них и когда они хватают его руками, которые гораздо сильнее рук любой маленькой девочки. Расстояние между ними уже так мало, что он может разглядеть серебристый блеск их остекленевших глаз, вдохнуть солоноватый запах дохлой рыбы, идущий от их гниющих волос, но уже слишком поздно. Он сопротивляется, его радостные крики и призывы бороться с течением сменяются сначала криками протеста, а потом ужаса, но к тому времени уже слишком, слишком поздно. Да и в любом случае крики длятся недолго. Маленькие девичьи ручонки становятся холодными когтями, которые все глубже впиваются в его плоть. Его утаскивают на глубину, вода заполняет рот, топит крики. Он видит корабль на фоне последних отсветов заката и (как же он не заметил этого раньше?.. как мог не понять?) понимает, что это остов корабля, зачумленный корабль, корабль мертвых. И что-то ждет его на корабле, что-то в саване, и он бы закричал, если бы мог, но теперь вода заливает ему глаза, а другие руки — уже без плоти, только кости — хватают его за щиколотки. Коготь сдирает с него туфлю, потом его дергают за палец... словно с ним собираются поиграть в «Этот поросеночек на ярмарку пошел», пока он тонет.

Пока Эмери Полсон тонет.

Глава 19
АПРЕЛЬ 1927 г.

1

Кто-то кричал в темноте. «Заставь его замолчать!» Потом послышался звук крепкой оплеухи, темнота осветилась красным, сначала с одной стороны. Потом — сзади. Краснота покатилась вперед, как облако крови в воде.

— Вы ударили его слишком сильно, — сказал кто-то. Джек?

— Босс? Эй, босс! — Кто-то меня тряс, то есть тело у меня оставалось. Вероятно, это было хорошо. Меня тряс Джек. Джек... кто? Я мог вспомнить его фамилию, но идти пришлось бы окольным путем. Фамилия у него была, как у одного парня с Метеоканала...

Меня снова тряхнули. Грубее.

— Мучачо! Ты здесь?

Моя голова обо что-то стукнулась, и я открыл глаза. Джек Кантори стоял на коленях слева от меня с напряженным, испуганным лицом. Уайрман, наклонившись, тряс меня, как грушу. Кукла лицом вниз лежала на моем животе. Я скинул ее, скривившись от отвращения (действительно, противный парниша). Новин приземлилась на груду дохлых ос, которые зашуршали, как бумага.

Внезапно начали возвращаться те места, где я с ней побывал — устроенная ею экскурсия по аду. Дорога к Тенистому берегу, которую Адриана Истлейк называла (вызывая у отца ярость) Бульваром пьяницы. Сам Тенистый берег. Случившиеся там ужасы. Бассейн. Цистерна.

— У него открыты глаза, — воскликнул Джек. — Слава Богу! Эдгар, вы меня слышите?

— Да. — От крика я осип. Хотелось есть, но сперва — смочить саднящее горло. — Пить... может кто-нибудь помочь страждущему?

Уайрман протянул мне одну из больших бутылок с водой «Эвиан». Я покачал головой.

— Пепси.

— Ты уверен, мучачо? Вода, возможно...

— Пепси. Кофеин. — Не единственная причина, но я полагал, что хватит и этой.

Уайрман отставил «Эвиан» и дал мне пепси. Газировка была теплой, но я ополовинил банку, рыгнул и сделал еще глоток. Оглянулся и увидел только моих друзей и грязный коридор. Не нашел в этом ничего хорошего. Наоборот, пришел в ужас. Моя рука (вновь она осталась у меня одна) одеревенела и тряслась, словно я работал ею не меньше двух часов, но тогда куда подевались рисунки? Я боялся, что без рисунков все увиденное растает, как сон. И ради этой информации я рисковал даже большим, чем жизнь. Я мог лишиться рассудка.

Я попытался подняться. Боль пронзила голову в том месте, где я ударился о стену.

— Где рисунки? Пожалуйста, скажите мне, где рисунки?

— Расслабься, мучачо, вот они. — Уайрман отступил в сторону и показал мне неровную стопку листов, вырванных из альбомов. — Ты рисовал, как одержимый, закончив рисунок, вырывал его и продолжал. Я их собрал и сложил.

— Хорошо. Отлично. Мне нужно поесть. Я умираю от голода. — И судя по ощущениям, я говорил чистую правду.

Джек огляделся. Чувствовалось, что ему не по себе. Послеполуденный свет, который падал на лестницу и холл перед ней, когда я взял Новин с колена Джека и отошел в коридор, заметно померк. Еще не стемнело (нет, подняв голову, я увидел, что небо синее), но не вызывало сомнений, что вторая половина дня либо заканчивается, либо уже плавно перетекла в вечер.

— Который час? — спросил я.

— Четверть шестого, — ответил Уайрман, даже не посмотрев на часы, и я понял, что сверялся он с ними постоянно. — Заход

солнца через пару часов. Плюс-минус. Поэтому если они выходят только ночью...

— Думаю, что да. Времени хватит, и мне все равно нужно поесть. Из этих развалин мы можем выбираться. В доме делать больше нечего. Хотя нам, возможно, понадобится лестница.

Уайрман вскинул брови, но вопроса не задал.

— Если мы где ее и найдем, так только в амбаре. Отсюда следует, что время нас все-таки поджимает.

— А что делать с куклой? — спросил Джек. — С Новин?

— Положи ее в коробку-сердце и возьми с собой, — ответил я. — Она заслуживает того, чтобы мы отвезли ее в «Эль Паласио» к другим вещам Элизабет.

— Где наша следующая остановка, Эдгар? — полюбопытствовал Уайрман.

— Я вам покажу, но сначала о другом. — Я указал на пистолет под ремнем Уайрмана: — Эта штуковина заряжена, верно?

— Абсолютно. Новая обойма.

— Если цапля вернется, я хочу, чтобы ты ее пристрелил. Первым делом.

— Почему?

— Потому что это ее цапля. Персе использует птицу, чтобы следить за нами.

ii

Мы покинули дом тем же путем, каким и вошли в него, и попали в ранний флоридский вечер, полный ясного света. Над головой синело безоблачное небо. Под солнцем Залив сиял серебром. Через час или около того сияние начнет тускнеть, превращаться в золото, но пока до этого не дошло.

Мы поплелись по бывшему Бульвару пьяницы, Джек нес корзинку для пикника, Уайрман — пакет с едой и альбомы «Мастер», я — мои рисунки. Униола что-то шептала нашим ногам. Тени тянулись за спинами к развалинам особняка. Далеко впереди пеликан заметил рыбу, сложил крылья и спикировал, как штурмовик. Цапли нигде не было видно, да и Чарли-жокей исчез. Но когда мы добрались до гребня, после которого тропа

раньше полого спускалась, лавируя между дюнами (теперь эрозия превратила пологий участок в крутой обрыв), мы увидели кое-что еще.

Мы увидели «Персе».

Корабль стоял на якоре в трехстах ярдах от берега. Со свернутыми новенькими парусами. Покачивался с борта на борт, словно маятник часов. С того места, где мы вышли к берегу, нам не составляло труда прочитать название корабля, выведенное в носовой части по правому борту: «Персефона». Парусник казался покинутым, и я полагал, что так оно и было: в дневное время мертвецы оставались мертвецами. Но Персе мертвой не была. В этом нам крепко не повезло.

— Господи, он словно выплыл с ваших картин, — ахнул Джек. Справа от тропы была каменная скамья, едва видимая среди кустов, которые выросли вокруг. Сиденье оплели лианы. Джек плюхнулся на нее, таращась на парусник.

— Нет. — Я покачал головой. — Я рисовал настоящий корабль, а ты видишь маску, которую он натягивает в дневное время.

Уайрман стоял рядом с Джеком, прикрыв глаза ладонью. Потом повернулся ко мне:

— Они видят его с Сан-Педро? Не видят, правда?

— Может, некоторые и видят, — ответил я. — Смертельно больные, люди с психическими отклонениями, временно не принимающие свои лекарства... — Тут я подумал о Томе. — Но он приплыл за нами — не за ними. Этой ночью мы должны покинуть на нем Дьюма-Ки. Дорога закроется для нас, как только зайдет солнце. Живые мертвецы, возможно, находятся на «Персефоне», но в джунглях хватает других тварей. Некоторых... как паркового жокея, создала в детстве Элизабет. Другие появились после того, как Персе вновь проснулась... — Я запнулся. Не хотел говорить, но сказал. Считал, что должен: — Вероятно, каких-то нарисовал я. Свои Буки есть у каждого.

А подумал я о скелетах, которые тянулись руками к лунному свету.

— То есть по ее плану мы должны покинуть остров на корабле, так? — спросил Уайрман.

— Да.

— Отряд вербовщиков во флот? Как в доброй старой Англии?

— Очень похоже.

— Я не могу, — покачал головой Джек. — У меня морская болезнь.

Я улыбнулся и сел рядом с ним.

— Морские вояжи в наш план не входят.

— Это хорошо.

— Ты можешь вскрыть курицу и оторвать ножку?

Он выполнил мою просьбу, и они наблюдали, как я сожрал сначала одну ножку, потом вторую. Я спросил, не хочет ли кто грудку, а когда оба отказались, принялся за нее. Съев половину, подумал о моей дочери, которая, бледная и мертвая, лежала в Род-Айленде. Продолжил есть, периодически вытирая жирную ладонь о джинсы. Илзе меня бы поняла. Пэм — нет, Лин, вероятно, тоже нет, но Илли? Да. Я боялся того, что ждало впереди, но знал, что Персе тоже боится. Если бы не боялась, не прилагала бы столько усилий, чтобы не пускать нас сюда. Наоборот, приняла бы с распростертыми объятиями.

— Время идет, мучачо, — напомнил Уайрман. — День на исходе.

— Знаю, — ответил я. — И моя дочь умерла навсегда. Я все равно голоден. Есть что-нибудь сладкое? Торт? Печенье? Гребаные леденцы?

Ничего не было. Я удовлетворился еще одной банкой пепси и несколькими ломтиками огурца в соусе «ранч», хотя по виду и по вкусу он мне всегда напоминал чуть подслащенную соплю. Но по крайней мере от головной боли избавиться удалось. Образы, что пришли ко мне в темноте (те самые, что столько лет хранились в набитой тряпками голове Новин), таяли, но я без труда мог восстановить их по рисункам. Я в последний раз вытер руку о джинсы и положил на колени стопку вырванных из альбома и смятых листов: семейный альбом из ада.

— Высматривай цаплю, — предупредил я Уайрмана.

Он огляделся, бросил взгляд на корабль, покачивающийся на волнах, потом посмотрел на меня.

— А может, для Большой птицы больше подойдет гарпунный пистолет? Заряженный одним из серебряных гарпунов?

— Нет. На цапле она иногда летает, точно так же, как человек ездит верхом. Она бы, вероятно, хотела, чтобы мы потратили на цаплю один из серебряных наконечников, но мы больше не пойдем навстречу желаниям Персе. — Я невесело улыбнулся. — Эта часть жизни у дамы в прошлом.

iii

Уайрман попросил Джека встать, чтобы он смог очистить скамью от лиан. Потом мы все сели, три воина поневоле — двоим было уже далеко за пятьдесят, один только-только шагнул за двадцать. Перед нами простирался Мексиканский залив, разрушенный особняк остался позади. Красная корзинка и заметно опустевший пакет с едой стояли у наших ног. Я полагал, что на рассказ у меня есть двадцать минут, может, и полчаса: времени все равно оставалось достаточно.

Я на это надеялся.

— Связь Элизабет с Персе была крепче, чем у меня, — объяснил я. — И более глубокой. Я не знаю, как девочка это выдерживала. Едва фарфоровая фигурка попала к ней, Элизабет видела все, хотела она этого или нет. И все зарисовывала. Но самые ужасные картины она сожгла, прежде чем уехать из этого места.

— Как картину урагана? — спросил Уайрман.

— Да. Я думаю, она боялась их мощи, и правильно делала, что боялась. Но она видела все. А кукла все это фиксировала. Как телепатическая камера. В большинстве случаев я видел то, что видела Элизабет, и рисовал то, что рисовала она. Вы это понимаете?

Оба кивнули.

— Начнем с этой тропы, которая в свое время была дорогой. Она вела от Тенистого берега к амбару. — Я указал на длинную, сплошь увитую лианами постройку, в которой мы рассчитывали найти лестницу. — Не думаю, что бутлегера, который привозил сюда спиртное, звали Дейв Дэвис, но уверен, что это был один из деловых партнеров Дэвиса, так что немалая часть выпивки попадала на Солнечный берег Флориды через Дьюма-Ки. С Тенистого берега — в амбар Джона Истлейка, оттуда — на мате-

рик. Складировалось спиртное в паре джаз-клубов в Сарасоте и Венисе: Дэвису в этом шли навстречу.

Уайрман посмотрел на скатывающееся к горизонту солнце, на часы.

— Мучачо, ты считаешь, что в сложившейся ситуации нам нужно все это слушать? Как я понимаю, да?

— Будь уверен. — Я вытащил рисунок кега. Широкую горловину закрывала навинчивающаяся крышка. На боковой поверхности полукругом было написано слово «TABLE», под ним, тоже полукругом — «SCOTLAND». Выглядели надписи не очень: рисунки получались у меня лучше, чем буквы. — Виски, господа.

Джек указал на бесформенную человекоподобную фигурку, которая находилась над «SCOTLAND» и под «TABLE». Я нарисовал ее оранжевым карандашом, стояла она на одной ноге, вытянув вторую назад.

— Кто эта деваха в платье?

— Это не платье — килт. Как я понимаю, это должен быть горец.

Уайрман вскинул кустистые брови.

— За этот рисунок премии тебе не видать, мучачо.

— Элизабет засунула Персе в маленькую бочку для виски. — Джек задумчиво смотрел на рисунок. — А может, Элизабет и няня Мельда...

Я покачал головой.

— Только Элизабет.

— И какие у него размеры?

Я поднял руку на два фута от скамейки, подумал, поднял чуть выше.

Джек кивнул, но при этом нахмурился и спросил:

— Она засунула фарфоровую фигурку в кег и завернула крышку. Или заткнула горловину затычкой. Утопила Персе, чтобы та заснула. Я вот чего не понимаю, босс. Она же начала звать Элизабет из воды. Со дна Залива!

— Пока не будем об этом. — Я засунул рисунок бочонка в самый низ и показал им другой. Няня Мельда звонила по телефону в гостиной. Что-то вороватое чувствовалось в наклоне головы, в сутулости плеч, показанных одним или двумя штри-

хами, но и этого хватало, чтобы понять, как южане воспринимали сам факт, что черная домоправительница пользовалась телефоном в гостиной, даже при чрезвычайных обстоятельствах. — Мы думали, что Ади и Эмери прочитали об этом в местной газете и вернулись, но газеты Атланты не сообщали о двух маленьких девочках, утонувших во Флориде. Когда у няни Мельды отпали последние сомнения в том, что девочки пропали, она позвонила Истлейку — Хозяину — на материк, чтобы сообщить дурную весть. А потом позвонила туда, где Ади проживала со своим мужем.

Уайрман ударил кулаком по колену.

— Ади сказала няне, где будет жить. Разумеется, сказала!

Я кивнул.

— Наверное, молодые запрыгнули в поезд тем же вечером, потому что приехали на Дьюма-Ки на следующий день, еще до наступления темноты.

— И к тому времени две средние дочери тоже вернулись домой, — догадался Джек.

— Да, собралась вся семья. И вон там... — я указал на воду, где в ожидании темноты покачивался на волнах красивый белый корабль, — было много лодок. Поиски тел продолжались три дня, хотя все уже понимали, что девочки мертвы. И я не сомневаюсь, что Джона Истлейка меньше всего интересовало, каким образом его старшая дочь и ее муж узнали о случившемся. В эти дни он мог думать только о пропавших близняшках.

— «ОНИ ИСЧЕЗЛИ», — пробормотал Уайрман. — Pobre hombre*.

Я показал им следующий рисунок. Три человека стояли на веранде «Гнезда цапли», махали руками, а большой старинный автомобиль уезжал по дробленому ракушечнику подъездной дорожки к каменным столбам и нормальному миру за ними. Я нарисовал несколько пальм, банановых деревьев, но не зеленую изгородь; в 1927 году изгороди не существовало.

В заднем стекле автомобиля виднелись два белых овала. Я по очереди коснулся каждого.

— Мария и Ханна. Возвращаются в школу Брейдена.

---

* Бедняга (*исп.*).

— Очень уж они равнодушные, или вы так не думаете?

Я покачал головой.

— Не думаю. Дети не скорбят, как взрослые.

Джек кивнул.

— Да. Наверное. Но я удивлен... — Он замолчал.

— Чем? — спросил я. — Что тебя удивляет?

— Что Персе отпустила их.

— Если на то пошло, она их не отпускала. Они же поехали в Брейден.

Уайрман постучал пальцем по рисунку.

— А где Элизабет?

— Повсюду, — ответил я. — Мы смотрим ее глазами.

iv

— Осталось немного, но ничего хорошего не обещаю.

Я показал им следующий рисунок. Рисовал я его так же торопливо, как и другие. Мужчина стоял к нам спиной, но я не сомневался, что это живая версия того существа, которое защелкнуло «браслет» на моей руке на кухне «Розовой громады». Мы смотрели на него сверху вниз. Джек перевел взгляд с рисунка на Тенистый берег, от которого осталась узкая полоска песка, вновь глянул на рисунок. Наконец вскинул глаза на меня.

— Здесь? — тихо спросил он. — Мы смотрим на него с этого самого места?

— Да.

— Это Эмери? — Уайрман прикоснулся в фигуре. Говорил он еще тише, чем Джек, и его лоб блестел от пота.

— Да.

— Утопленник, что был у тебя в доме?

— Да.

Уайрман сдвинул палец.

— А это Тесси и Лаура?

— Тесси и Ло-Ло. Да.

— Они... что? Заманили его? Как сирены в одном древнегреческом мифе?

— Да.

— И это действительно произошло! — Джек говорил так, словно докопался до истины.

— Действительно произошло. Никогда не сомневайся в ее силе.

Уайрман посмотрел на солнце, которое приблизилось к горизонту. Серебряный отблеск на воде начал темнеть.

— Тогда заканчивай, мучачо, и как можно скорее. Чтобы мы смогли довести дело до конца и убраться отсюда ко всем чертям.

— Мне все равно осталось совсем немного. — Я пролистал рисунки, многие из которых состояли из нескольких штрихов. — Настоящей героиней была няня Мельда, а мы даже не знаем ее фамилии.

Я показал им один из незаконченных рисунков: няня Мельда, узнаваемая по косынке на голове и темному цвету лица, разговаривает с молодой женщиной в холле у парадной двери. Новин сидит рядом, на столе, нарисованном десятком линий и соединяющим их воедино кругом.

— Вот она, рассказывает Адриане какую-то выдумку об Эмери после его исчезновения. Что его срочно вызвали в Атланту? Что он уехал в Тампу, чтобы купить ей подарок? Не знаю. Лишь бы Ади осталась в доме, лишь бы никуда не ушла.

— Няня Мельда пыталась выиграть время, — кивнул Джек.

— Это все, что она могла сделать. — Я указал на джунгли, отделявшие нас от северной оконечности острова. Расти они здесь никак не могли, во всяком случае, без помощи бригады садоводов, которым пришлось бы работать сверхурочно. — Ничего этого в тысяча девятьсот двадцать седьмом году не было, но была Элизабет — в расцвете своего таланта. Я не думаю, что кому-нибудь удалось бы уехать с острова по дороге. Одному Богу известно, что именно по указке Персе нарисовала Элизабет между «Гнездом цапли» и разводным мостом.

— То есть следующей должна была уйти Адриана? — спросил Уайрман.

— Потом Джон. За ними — Мария и Ханна. Потому что Персе собиралась избавиться от всех, за исключением, возможно, Элизабет. Няня Мельда знала, что она сможет удержать Ади на один-единственный день. Но ей и требовался лишь один день.

Я показал им очередную картинку. Нарисованную в еще большей спешке. Вновь няня Мельда и Либбит стоят на мелководной части бассейна. Новин лежит на краю, одна тряпичная рука касается воды. А рядом с Новин стоит керамический кег с широкой горловиной и словом «TABLE» на боковой поверхности.

— Няня Мельда сказала Либбит, что та должна сделать. И она сказала, что та обязательно должна это сделать, что бы ни увидела в голове и как бы громко ни кричала Персе, требуя, чтобы девочка остановилась... потому что она будет кричать, сказала няня Мельда, как будто знала. И им остается только надеяться, сказала она, что Персе узнает об их замысле слишком поздно, чтобы что-нибудь изменить. А потом няня Мельда сказала... — Я замолчал. След заходящего солнца на воде становился все ярче и ярче. Я знал, что надо продолжать, но просто не мог разлепить губ. Не мог.

— Что, мучачо? — мягко спросил Уайрман. — Что она сказала?

— Мельда сказала, что она тоже может кричать. И Ади может кричать. И ее отец. Но Либбит не должна останавливаться. «Не останавливайся, дитя, — наказала ей няня Мельда. — Не останавливайся, или все будет зазря».

И тут, словно по своей воле, моя рука вытащила из кармана черный карандаш и написала два слова под примитивным рисунком девочки и женщины в плавательном бассейне:

не останавливайся

Мои глаза наполнились слезами. Я зашвырнул карандаш в заросли униолы и вытер слезы. Полагаю, карандаш до сих пор там, куда я его бросил.

— Эдгар, а гарпуны с серебряными наконечниками? — спросил Джек. — Вы ничего о них не сказали.

— Не было тогда никаких магических чертовых гарпунов, — устало ответил я. — Они появились позже, когда Истлейк и Элизабет вернулись на Дьюма-Ки. Уже и не скажешь, кому пришла в голову эта идея, и, возможно, ни один не мог точно сказать, почему эти гарпуны приобрели для них такую важность.

— Но... — Джек вновь нахмурился. — Если в двадцать седьмом гарпунов не было... тогда как...

— Не было серебряных гарпунов, Джек, но хватало воды.

— Вот этого я не понимаю. Персе *вышла* из воды. Она олицетворяет воду... — Он посмотрел на корабль, чтобы убедиться, что тот на месте. Корабль никуда не исчез.

— Верно. Но в бассейне ее хватка слабела. Элизабет это знала, но не понимала, как этим воспользоваться. Да и откуда? Она была ребенком.

— Твою мать! — Уайрман хлопнул себя по лбу. — Бассейн. Пресная вода. Это же был бассейн с пресной водой. Пресная, как противоположность соленой.

Я нацелил на него палец.

Уайрман коснулся рисунка, на котором керамический кег стоял рядом с куклой.

— Это пустой кег? Они наполнили его пресной водой?

— Я в этом не сомневаюсь. — Я отложил рисунок с кегом в сторону и показал им следующий. С запечатленным на нем видом, который открывался практически с того места, где мы сейчас и сидели. Только что поднявшийся над горизонтом лунный серп светит между мачтами корабля-призрака (а я-то надеялся, что больше мне никогда не придется его рисовать). А на берегу, у кромки воды...

— Господи, это ужасно, — выдохнул Уайрман. — Перед глазами все расплывается, но это ужасно.

Моя правая рука зудела, пульсировала. *Горела*. Я наклонился и коснулся рисунка рукой, которая, я надеялся, никогда больше мне не покажется... хотя и боялся, что такое может случиться.

— Я смогу это увидеть за нас всех.

Как рисовать картину (XI)

Не останавливайтесь, пока картина не закончена. Не могу утверждать, основополагающее это правило живописи или нет, я не учитель, но верю, что эти шесть слов вбирают в себя все, что я пытался вам рассказать. Талант — это прекрасно, но он лишен каких-либо ограничителей. Тем не менее всегда наступает момент (если творения искренни, если источник их — то волшебное место, где рождаются мысли, воспоминания и эмоции), когда у вас возникает желание остановиться, и вы думаете: если опустить карандаш, глаза более ничего не увидят, воспоминания исчезнут и боль прекратится. Я знаю все это по последней картинке, которую нарисовал в тот день, когда изобразил берег и собравшихся на нем людей. Это всего лишь набросок, но, как мне представляется, когда рисуешь ад, наброска более чем достаточно.

Начал я с Адрианы.

Весь день она тревожилась из-за Эма, то страшно злилась, то боялась за него. У нее даже возникала мысль, что папочка сделал что-то-ужасное, хотя такое казалось невероятным. После завершения поисков его охватила полнейшая апатия, и он ни на кого и ни на что не реагировал.

Когда наступает вечер, а Эмери все нет, Адриана, казалось бы, должна занервничать еще сильнее, но вместо этого она становится спокойной, даже веселой. Говорит няне Мельде, что Эмери скоро вернется, она в этом уверена. Чувствует это нутром, слышит в голове, ощущение это звенит, как маленький серебряный колокольчик. Она полагает, что колокольчик этот — то самое, что называют «женской интуицией», и о его существовании даже не знаешь, пока не выходишь замуж. Она говорит няне и это.

Няня Мельда кивает и улыбается, но пристально наблюдает за Ади. Наблюдала за ней весь день. Муж Адрианы ушел навсегда, Либбит сказала ей об этом, и Мельда девочке верит, но Мельда также верит и в другое: остальных членов семьи можно спасти... она сама может спастись.

Но многое зависит от Либбит.

Няня Мельда идет проверить, как там единственная оставшаяся на ее попечении девочка, касается серебряных браслетов на левой руке, когда поднимается по лестнице. Серебряные браслеты достались ей от мамы, и Мельда надевает их каждое воскресенье, когда собирается в церковь. Может, именно поэтому она достала их сегодня из шкатулки, где хранит самые дорогие ей вещи, надела на руку и подняла как можно выше, пока они плотно не охватили предплечье, вместо того, чтобы болтаться на запястье. Возможно, ей хотелось чувствовать себя чуть ближе к маме, чтобы ей передалась толика маминого самообладания, а может, просто хотелось соприкоснуться с чем-то святым.

Либбит в комнате, рисует. Рисует свою семью, в том числе Тесси и Ло-Ло. Ввосьмером (по разумению Либбит, няня Мельда — тоже семья) они стоят на берегу, где провели столько счастливых часов, плавали, устраивали пикники, строили песчаные замки. Они держатся за руки, как бумажные куклы, большие улыбки растягивают их лица. Такое ощущение, будто она думает, что одной только силой воли может вернуть всех к жизни и счастью.

Няня Мельда где-то даже верит, что такое возможно. Очень уж могущественная девочка. Но возвращать к жизни ей не под силу. Возвращать к настоящей жизни не под силу даже той твари из Залива. Взгляд няни Мельды смещается на сокровищницу Либбит, потом обратно на девочку. Она только раз видела фарфоровую статуэтку, которую достали со дна Залива, миниатюрную женщину в выцветшей розовой накидке, которая в свое время могла быть алой, с капюшоном, из-под которого падали волосы, скрывая лоб.

Няня Мельда спрашивает Либбит, все ли хорошо. Ничего другого спросить не решается, большего спросить не решается. Если под волосами твари, что лежит в коробке-сердце, действительно скрыт третий глаз (далеко видящий магический глаз), никакая осторожность не будет лишней.

Либбит отвечает: «Все хорошо. Я просто рисую, няня Мельда».

Она забыла, что должна сделать? Няне Мельде остается только надеяться, что не забыла. Сама она должна спуститься вниз, чтобы приглядывать за Ади. Ее муж очень скоро подаст голос, позовет к себе.

Какая-то ее часть не может поверить, что все это происходит наяву; другая часть чувствует, что вся жизнь готовила ее к этому.

Мельда говорит: «Ты, возможно, услышишь, что я зову твоего отца. Когда услышишь, тебе надо будет пойти и собрать все вещи, которые лежат у бассейна. Не оставляй их на ночь, а то они намокнут от росы».

Либбит продолжает рисовать, не поднимает голову. Но потом говорит, и ее слова успокаивают испуганное сердце Мельды: «Не оставлю. Я возьму с собой Персе. Тогда мне не будет страшно, даже если уже стемнеет».

Мельда продолжает: «Ты можешь взять с собой что хочешь, только принеси в дом Новин, она лежит там».

Это все, на что у нее есть время, все, что она решается сказать, помня о магическом третьем глазе, который пытается увидеть мысли у нее в голове.

Спускаясь вниз, Мельда вновь прикасается к браслетам. Она рада тому, что браслеты были на ней, когда она зашла в комнату Либбит, пусть маленькая фарфоровая женщина и лежала в жестянке.

Она успевает спуститься, чтобы заметить подол платья Ади в конце темного коридора: Ади выходит на кухню.

Время. Пора действовать.

Вместо того чтобы последовать за Ади на кухню, Мельда спешит через холл к кабинету Хозяина, и впервые за семь лет, которые она работает в семье, входит не постучавшись. Хозяин сидит за столом, без галстука, с расстегнутым воротником, подтяжки скинуты с плеч. В руках держит фотографию Тесси и Ло-Ло. Он смотрит на нее, глаза красные, лицо уже осунулось. Похоже, он даже не понимает, что его домоправительница ворвалась в кабинет без вызова; выглядит он, как человек, которого уже ничто не может ни удивить, ни шокировать, но, разумеется, чуть позже выяснится, что это не так.

Он спрашивает: «В чем дело, Мельда Лу?»

Она отвечает: «Вы должны немедленно пойти туда».

Он смотрит на нее полными слез глазами, в которых читается спокойная и раздражающая тупость.

«Пойти куда?»

Она говорит: «На берег. И возьмите вот это».

Мельда указывает на гарпунный пистолет, который висит на стене, вместе с несколькими короткими гарпунами. Наконечники стальные, не серебряные, древки тяжелые. Она знает, она достаточно часто носила их в корзинке для пикника.

Он спрашивает: «Что ты такое говоришь?»

Она отвечает: «Нет времени объяснять. Вы должны пойти на берег немедленно, если не хотите потерять еще одну».

Он идет. Не спрашивает, какую дочь, не спрашивает, зачем ему может понадобиться гарпунный пистолет. Просто сдергивает его со стены, в другую руку берет два гарпуна и широкими шагами выходит из кабинета — сначала идет позади Мельды, потом обгоняет ее. К тому времени, когда он добирается до кухни, где Мельда в последний раз видела Ади, уже бежит, и она все больше отстает, хотя и бежит сама, поднимая юбки обеими руками. Удивлена ли она его внезапным выходом из ступора, внезапной активностью? Нет. Потому что, несмотря на горе, туманящее голову, Хозяин знал: что-то не так и с каждым днем становится только хуже.

Дверь черного хода распахнута. Вечерний ветер врывается в нее, раскачивает на петлях... только это уже ночной ветер. Закат умирает. На Тенистом берегу еще будет свет, но здесь, в «Гнезде цапли», стемнело. Мельда пересекает заднее крыльцо и видит, что Хозяин уже на тропе, ведущей к берегу. Она оглядывается в поисках Либбит, но, разумеется, не находит ее. Если Либбит делает то, что должна сделать, она уже на пути к бассейну, с коробкой-сердцем под мышкой.

Коробкой-сердцем, в которой монстр.

Она бежит за Хозяином и догоняет его у скамьи, рядом с которой тропа спускается к берегу. Он стоит там, окаменев. На западе закатное полотнище сузилось до тусклой оранжевой ленты, которая вот-вот исчезнет, но света еще достаточно, и она видит

Ади, стоящую у кромки воды, и мужчину, который идет из Залива, чтобы поприветствовать ее.

Адриана кричит: «Эмери!» Судя по голосу, обезумела от радости, как будто после разлуки прошел год, а не день.

Мельда кричит: «Ади, нет! Держись от него подальше!» Кричит, стоя рядом с окаменевшим, таращимся на происходящее внизу мужчиной, но она знает, что Ади не обратит внимания на ее предупреждение, и Ади не обращает — спешит к своему мужу.

Джон Истлейк бормочет: «Что?..» — и это все, на что его хватает.

На какое-то время он вышел из ступора, добежал сюда, а теперь вновь впал в прострацию. И все потому, что он видит еще две фигурки? Которые дальше от берега, но тоже идут по воде к Ади? Идут там, где вода должна накрывать их с головой? Мельда думает, что нет. Мельда думает, что он по-прежнему смотрит на свою старшую дочь, смотрит, как к ней приближается мужчина (виден только его смутный силуэт), вышедший из воды, протягивает к ней мокрые руки, мокрыми пальцами сжимает шею, сначала обрывает радостные крики, а потом тащит Ади в прибой.

А в Заливе ждет черный остов корабля Персе, покачиваясь на волнах, как маятник часов, отсчитывающих время в годах и столетиях, а не в секундах и минутах.

Мельда хватает Хозяина за руку, вонзает ногти ему в бицепс и говорит с ним так, как за всю жизнь ни разу не говорила с белым человеком.

Она говорит: «Помоги ей, сукин ты сын! До того, как он ее утопит!»

Она толкает его вперед. Джон идет. Она его не дожидается, не смотрит, пойдет ли он дальше или опять окаменеет. Мельда напрочь забывает про Либбит. В голове у нее только Ади. Она должна остановить этого псевдо-Эмери, не дать утащить Ади в воду, и она должна это сделать до того, как мертвые близняшки придут ему на помощь.

Она кричит: «Отпусти ее! Немедленно ее отпусти!»

Мельда бежит к берегу, юбки развеваются за спиной. Эмери затащил Ади в воду уже по пояс. Ади теперь сопротивляется, но Эмери продолжает ее душить. Мельда подскакивает к ним, набрасывается на бледного утопленника, руки которого сжимают

шею собственной жены. Он кричит, когда левая рука Мельды, с браслетами, прикасается к нему. Крик булькающий, словно в горле у него вода. Он вырывается из рук Мельды, как пойманная рыба, и она рвет его ногтями. Плоть с легкостью поддается, но из ран не течет кровь. Зрачки закатились под верхние веки — это глаза мертвого карпа под лунным светом.

Он отталкивает Адриану в сторону, чтобы сразиться с гарпией, которая атаковала его — с гарпией, одна рука которой жжет холодным, безжалостным огнем.

Ади верещит: «Нет, няня, нет, ты причиняешь ему боль!»

Ади бросается к ним, чтобы оторвать Мельду, чтобы хотя бы разделить их, и в тот самый момент Джон Истлейк, стоящий по голень в Заливе, стреляет из гарпунного пистолета. И наконечник с тремя лезвиями вонзается в горло старшей дочери, она застывает, как вкопанная, два дюйма стали торчат под подбородком, а четыре — сзади, чуть ниже основания черепа.

Джон Истлейк кричит: «Ади, нет! Ади, Я НЕ ХОТЕЛ!»

Ади поворачивается на голос отца и даже идет к нему, но это все, что успевает увидеть няня Мельда. Мертвый муж Ади пытается вырваться из ее рук, но она не хочет его отпускать; она хочет положить конец его ужасной полужизни, и, возможно, этим испугать двух девочек-чудовищ, прежде чем они подойдут слишком близко. И она думает (насколько она может думать в такой ситуации), что ей это удастся, потому что она заметила курящийся след ожога на бледной, мокрой щеке этой твари, и понимает, что так воздействует на неумерших утопленников ее браслет.

Ее серебряный браслет.

Тварь тянется к ней, морщинистый рот раззявлен криком то ли страха, то ли ярости. Позади Джон Истлейк снова и снова выкрикивает имя старшей дочери.

Мельда рычит: «Это сделал ты!» — а когда псевдо-Эмери хватает ее, не вырывается.

«Ты, и та сука, которой ты служишь», — могла бы она добавить, но бледные руки твари сжимаются на ее шее, как ранее сжались на шее бедной Ади, и она может только хрипеть. Ее левая рука, однако, свободна — та, что с браслетами, — и рука эта чувствует свое могущество. Мельда замахивается и от души бьет по правой стороне черепа псевдо-Эмери.

Результат удивительный. Череп твари проваливается под ударом, словно короткое пребывание под водой превратило прочную кость в хрупкий леденец. Череп стал хрупким, все так, но остался твердым. Один из осколков вылезает сквозь спутанные волосы, режет ей предплечье, и кровь бежит в кипящий вокруг них прибой.

Две тени проскальзывают мимо нее, одна — слева, вторая — справа.

Ло-Ло кричит: «Папочка!» — вновь обретенным серебряным голоском.

Тесси кричит: «Папочка, помоги нам!»

Псевдо-Эмери пытается отпрянуть от Мельды, машет руками, брызгается, не хочет больше иметь с ней дела. Мельда вонзает большой палец левой руки в его правый глаз, чувствует, как что-то холодное, словно внутренности жабы, раздавленной булыжником, выплескивается наружу. Потом она разворачивается, ее качает, подводное течение пытается вырвать дно у нее из-под ног.

Мельда тянется левой рукой, хватает Ло-Ло за загривок и дергает на себя.

«Ничего у тебя не выйдет!» — хрипит Мельда, Ло-Ло взмахивает руками, издает крик изумления и боли... но такой крик никогда не вырвался бы из груди маленькой девочки, Мельда это знает.

Джон вопит: «Мельда, перестань!»

Он стоит на коленях в воде, у самой границы прибоя, Ади лежит перед ним. С пробитой гарпуном шеей.

«Мельда, оставь моих девочек в покое!»

У нее нет времени слушать его, хотя она успевает подумать о Либбит: почему она до сих пор не утопила фарфоровую статуэтку? Или не сработало? Может, тварь, которую Либбит называет Персе, каким-то образом остановила ее? Мельда знает, что такое очень даже возможно; Либбит могущественная, но при этом всего лишь маленькая девочка.

Нет времени думать об этом. Она тянется к другой неумершей, Тесси, но правая рука — не такая, как левая, серебро не защищает ее. Тесси с рычанием поворачивается и кусает. Мельда чувствует, как руку пробивает боль, но не знает, что ее откушенные пальцы (два полностью и третий — наполовину) теперь плавают в воде

рядом с бледным ребенком. В крови слишком много адреналина, чтобы обращать на это внимание.

Над гребнем холма, куда бутлегеры затаскивали поддоны со спиртным, поднимается тонкий серп луны, чуть подсвечивает весь этот кошмар. Мельда видит, как Тесси вновь поворачивается к отцу, как протягивает к нему руки.

«Папочка! Папочка, пожалуйста, помоги нам! Няня Мельда сошла с ума!»

Мельда не думает. Нагибается и хватает Тесси за волосы, которые тысячи раз мыла и заплетала в косички.

Джон Истлейк кричит: «МЕЛЬДА, НЕТ!»

Потом, когда он поднимает гарпунный пистолет и ощупывает песок рядом с мертвой дочерью в поисках второго гарпуна, раздается другой голос. Он доносится из-за спины Мельды, с корабля, который стоит на якоре в caldo.

Голос гремит: «Не следовало тебе связываться со мной».

Мельда, которая по-прежнему держит псевдо-Тесси за волосы (утопленница брыкается, вырывается, но Мельда этого не замечает), неуклюже поворачивается в воде и видит ее, стоящую у борта, в красном плаще. Капюшон отброшен на спину, и Мельда понимает, что Персе — совсем и не женщина, она — другая, она — за пределами человеческого восприятия. В лунном свете лицо у Персе мертвенно-бледное и всезнающее.

Высовываясь из воды, руки скелетов салютуют ей.

Ветер развевает ее волосы-змеи, Мельда видит третий глаз во лбу Персе; видит, что этот глаз видит ее, и вся воля к сопротивлению разом покидает бедную женщину.

Однако в этот самый момент голова суки-богини поворачивается, будто она что-то услышала или кто-то на цыпочках подкрался к ней.

Она кричит: «Что такое?»

А потом: «Нет! Положи это! Положи! ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ЭТО СДЕЛАТЬ!»

Но, вероятно, Либбит может (и делает), потому что образ этого существа на корабле начинает дрожать, расплывается... и исчезает, тает в лунном свете. Руки скелетов скрываются под водой, как будто их и не было.

Псевдо-Эмери тоже уходит (исчезает), но близняшки вопят в унисон, от боли и отчаяния, потому что все их бросили.

Мельда кричит Хозяину: «Теперь все будет хорошо!»

Она разворачивает к себе ту, что держит за волосы. Не думает, что утопленница будет докучать живым, точно знает, что какое-то время не будет.

Она кричит: «Либбит это сделала, сделала! Она...»

Джон Истлейк ревет: «НЕ ПРИКАСАЙСЯ К МОЕЙ ДОЧЕРИ, ЧЕРНОМАЗАЯ ДРЯНЬ!»

И второй раз стреляет из гарпунного пистолета.

Вы видите, как гарпун попадает в цель, пробивает грудь няни Мельды? Если да, картина закончена.

Боже... картина закончена.

Глава 20
ПЕРСЕ

i

На картине (не самой последней из законченных в тот день Эдгаром Фримантлом, но ей предшествующей) Джон Истлейк стоит на коленях рядом с телом мертвой дочери, а позади него над горизонтом только-только поднялся лунный серп. Няню Мельду я изобразил по бедра в воде, девочек — по обе стороны от нее. С мокрыми, поднятыми кверху, перекошенными от ужаса и ярости лицами. Древко одного из коротких гарпунов торчит между грудями женщины. Ее руки сомкнулись на нем, а она в изумлении смотрит на мужчину, дочерей которого так старалась уберечь от беды, мужчину, который назвал ее черномазой дрянью, прежде чем убить.

— Он кричал, — сообщил я. — Он кричал, пока кровь не хлынула из носа. Пока кровь не хлынула из одного глаза. Просто удивительно, что не докричался до кровоизлияния в мозг.

— На корабле никого нет, — заметил Джек. — Во всяком случае, на рисунке.

— Нет. Персе ушла. Все произошло, как и надеялась няня Мельда. Происходящее на берегу отвлекло эту суку, и Либбит успела с ней разобраться. Утопила, чтобы та заснула. — Я постучал пальцем по левой руке Мельды, где нарисовал две дуги и крестик, символизирующий блик лунного света. — Во многом ее план удался лишь потому, что Мельда надела браслеты матери. Что-то ей подсказало. Браслеты были серебряными, как и

известный подсвечник. — Я посмотрел на Уайрмана. — Вот я и думаю, что во всем этом есть и светлая сторона. Что-то хоть и немного, но содействует нам.

Он кивнул и протянул руку к солнцу. Оно грозило вот-вот коснуться горизонта, и тогда яркая полоса отблеска на воде, уже желтая, станет золотой.

— Но с наступлением темноты эти твари вступят в игру. Где сейчас фарфоровая Персе? Ты знаешь, чем все закончилось?

— Я не знаю точно, что произошло после того, как Истлейк убил няню Мельду, но общее представление у меня есть. Элизабет... — Я пожал плечами. — Думаю, она обезумела на какое-то время. Слетела с катушек. Отец, наверное, услышал ее крики, и, вероятно, только они и смогли заставить его очухаться. Должно быть, он вспомнил, что, невзирая на все произошедшее, здесь, в «Гнезде цапли» у него осталась живая дочь. Возможно, он даже вспомнил, что еще две его дочери находятся в тридцати или сорока милях от Дьюма-Ки. И понял, что теперь ему не остается ничего другого, как заметать следы.

Джек молча указал на горизонт, которого уже коснулось солнце.

— Я знаю, Джек, но мы ближе к цели, чем ты думаешь. — Я достал из стопки и положил наверх последнюю из сегодняшних картин. Набросок, конечно, но улыбка узнавалась сразу. Чарли — парковый жокей. Я поднялся, мы отвернулись от Залива и ожидающего корабля, черного силуэта на золотом фоне. — Видите? Я заметил его по пути от дома. Настоящую скульптуру жокея, не проекцию, которая пугала нас, когда мы только приехали.

Они посмотрели.

— Я так нет, — первым ответил Уайрман. — Но думаю, что заметил бы, если б она там была, мучачо. Я знаю, трава высокая, однако красную кепку трудно пропустить. Если, конечно, его не поставили в банановой роще.

— Вижу! — воскликнул Джек и рассмеялся.

— Черта с два. — В голосе Уайрмана слышалась обида. — Где?

— За теннисным кортом.

Уайрман посмотрел, уже начал говорить, что ничего не видит, замолчал.

— Чтоб я сдох! Статую поставили вверх ногами, так?

— Да. А поскольку никаких ног нет, ты видишь квадратный стальной постамент. Чарли стоит на том самом месте, которое нам нужно, амигос. Но сначала мы должны заглянуть в амбар.

ii

У меня не было предчувствия, что в этом длинном, оплетенном лианами здании, где царили темнота и удушающая жара, нас может поджидать беда. Я понятия не имел, что Уайрман достал из-за ремня и держит «Дезерт игл» наготове, пока не прогремел выстрел.

Ворота спроектировали и изготовили так, чтобы половинки сдвигались и раздвигались по направляющим, но эти половинки свое отъездили. Раздвинутые примерно на восемь футов, они намертво приржавели к направляющим и недвижно стояли уже не одно десятилетие. Серо-зеленый испанский мох свисал, как занавес, закрывая верхнюю часть проема.

— Будем искать... — начал я, и в этот момент цапля вышла из амбара, сверкая синими глазами, вытянув длинную шею, щелкая желтым клювом. Едва миновав ворота, цапля взлетела и ринулась вперед — несомненно, целясь в мои глаза. Раздался дикий грохот «Дезерт игл», и безумный синий взгляд птицы исчез вместе с ее головой в кровавых брызгах. Тело ударило в меня — легкое, как связка проволочек — и упало у моих ног. В тот же момент в голове раздался пронзительный, серебристый крик ярости.

Услышал этот крик не только я. Уайрман поморщился, Джек выпустил ручки корзинки для пикника и зажал уши ладонями. Потом крик стих.

— Одна мертвая цапля. — Голос Уайрмана дрожал. Он потрогал мыском груду перьев и отбросил ее с моих высоких ботинок. — Ради бога, не сообщайте в Общество защиты животных. Этот выстрел может обойтись мне в пятьдесят тысяч штрафа и пять лет тюрьмы.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Какое это имеет значение. Ты велел мне застрелить цаплю, если я увижу ее. Ты — Одинокий рейнджер, я — Тонто*.

— Но ты держал пистолет наготове.

— Думаю, сработала та самая «интуиция», на которую ссылалась няня Мельда, надевая на руку серебряные браслеты матери. — Уайрман не улыбался. — Что-то присматривает за нами, можно даже не сомневаться. И после того, что случилось с твоей дочерью, полагаю, мы вправе рассчитывать на помощь. Но мы должны сделать то, что нам положено.

— Главное, держи свою стреляющую железяку под рукой, пока мы будем это делать, — ответил я.

— Можешь на это рассчитывать.

— Джек, — позвал я. — А ты сможешь разобраться с зарядкой гарпунного пистолета?

Никаких проблем не возникло. Гарпунный пистолет тоже мог нас защитить.

iii

В амбаре было темно, и не только потому, что гребень между нами и Заливом отсекал прямые лучи заходящего солнца. Небо было пока еще светлым, да и щелей в крыше и стенах хватало, но вьюны и лианы все эти щели перекрыли. Так что сверху в амбар падал зеленый свет, тусклый и ненадежный.

Центральная часть амбара пустовала, если не считать древнего трактора, который стоял на массивных ступицах, но в одном из боковых отделений луч света от нашего мощного фонаря выхватил из темноты какие-то ржавые инструменты и деревянную лестницу, прислоненную в задней стене. Грязную и очень уж короткую. Джек попытался подняться по ней, тогда как Уайрман светил на него фонарем. На второй перекладине Джек подпрыгнул, и мы услышали треск.

— Перестань прыгать и отнеси к воротам, — остановил его я. — Это лестница, а не батут.

---

* Одинокий рейнджер (белый ковбой) и индеец Тонто получили путевку в жизнь в радиошоу 1930 гг. Потом стали героями фильмов и комиксов.

— Я понимаю. Но флоридский климат не идеален для хранения деревянных лестниц.

— Беднякам выбирать не приходится, — заметил Уайрман.

Джек поднял лестницу, скривился, когда с шести грязных перекладин на него посыпалась пыль и дохлые насекомые.

— Вам легко говорить. Вам подниматься не придется, при вашем-то весе.

— В нашем отряде я — стрелок, nino*, — ответил Уайрман. — У каждого своя работа. — Он хотел бы держаться бодро, но голос звучал устало, да и по лицу чувствовалось, что силы у него на пределе. — Где другие керамические бочонки, Эдгар? Потому что я их не вижу.

— Может, в глубине амбара, — предположил я.

И не ошибся. В дальнем конце мы нашли, наверное, с десяток керамических кегов со столовым виски. Я говорю *«наверное»*, потому что определить точное число мы не могли: все они были разбиты вдребезги.

iv

В окружении крупных кусков керамики горками и россыпью поблескивали осколки стекла. Справа от этого «места казни» лежали две древние тачки, обе перевернутые. Слева, у стены, стояла кувалда, заржавевшая, со мхом на рукоятке.

— Кто-то устроил здесь праздник разбивания контейнеров, — сказал Уайрман. — И кто, по-твоему? Эм?

— Возможно, — ответил я. — Вероятно.

И тут я впервые задался вопросом: а не сумеет ли она все-таки взять верх? Немного светлого времени у нас было, но меньше, чем я ожидал, а уж о запасе, при котором я чувствовал бы себя спокойно, говорить вовсе не приходилось. И что теперь? В чем мы собирались топить ее фарфоровую ипостась? В гребаной пластиковой бутылке с водой «Эвиан»? Не самая плохая идея, между прочим. Согласно утверждениям защитников окружающей среды, пластик способен пережить вечность, но фарфоровая фигурка вряд ли пролезла бы в горлышко.

* малыш (*исп.*).

— Какой у нас запасной вариант? — спросил Уайрман. — Топливный бак «Джон Дира»? Подойдет?

При мысли о том, что придется засовывать Персе в топливный бак старого трактора, внутри у меня все похолодело. Он наверняка уже превратился в ржавое решето.

— Нет, не думаю, что бак нас выручит.

Должно быть, в моем голосе прозвучало что-то похожее на панику, потому что Уайрман сжал мою руку.

— Расслабься. Мы что-нибудь придумаем.

— Конечно, но что?

— Мы возьмем ее в «Гнездо цапли», вот и все. А уж там что-нибудь найдем.

Но мысленным взором я видел, как ураганы разбирались с особняком, который когда-то возвышался на южной оконечности острова, методично оставляя от него один лишь фасад. Потом подумал о том, как много контейнеров мы действительно смогли бы там найти, учитывая, что через сорок минут или чуть больше Персе высадит на берег десант, чтобы положить конец и нашим поискам, и нам. Господи, забыть взять собой такую элементарную вещь, как герметичный контейнер для воды!

— Твою мать! — Я пнул груду осколков, которые разлетелись в стороны. — Твою мать!

— Спокойно, vato. Этим не поможешь.

Уайрман говорил правильно. И ей хотелось бы разозлить меня, не так ли? Разозленным Эдгаром легче манипулировать. Я попытался взять себя в руки, но не срабатывала даже мантра: «Я могу это сделать». И все-таки ничего другого у меня не было. А что тебе остается, когда ты не можешь положиться на злость? Признать правду.

— Ладно. Но я не знаю, что нам делать.

— Расслабьтесь, Эдгар. — Джек улыбался. — С этим мы как-нибудь разберемся.

— Как? О чем ты?

— Можете мне поверить, — ответил он.

v

Мы уже стояли перед Чарли-жокеем (свет определенно полиловел), когда мне в голову пришли строки из старой песни Дейва Ван Ронка: «Вместо утки курицу нам мама купила, на стол кверху лапками ее положила». Чарли не напоминал ни курицу, ни утку, но его ноги, которые заканчивались не ботинками, а темным железным пьедесталом, действительно торчали вверх. Голова исчезла: провалилась через прогнившие, покрытые мхом и ползучими растениями доски.

— Что это, мучачо? — спросил Уайрман. — Ты знаешь?

— Я практически уверен, что это цистерна, — ответил я. — Надеюсь, не для сбора нечистот.

Уайрман покачал головой.

— Он не стал бы опускать их в говно, даже если бы совсем тронулся умом. Никогда в жизни.

Джек переводил взгляд с Уайрмана на меня. На его лице читался ужас.

— Адриана там? И няня?

— Да, — ответил я. — Я думал, ты это уже понял. Но самое главное, там Персе. Думаю, цистерну выбрали потому, что...

— Элизабет настояла на этом, чтобы гарантировать, что эта сука будет покоиться в водяной могиле, — мрачно сказал Уайрман. — В могиле с пресной водой.

vi

Чарли оказался невероятно тяжелым, а доски, которые закрывали дыру в высокой траве, прогнили сильнее, чем перекладины лестницы. Оно и понятно: в отличие от лестницы, крышка подвергалась прямому воздействию сил природы. Мы работали осторожно, несмотря на сгущающиеся тени, не зная, какая у цистерны глубина. Наконец нам удалось наклонить этого доставившего нам столько хлопот жокея набок — так, чтобы Уайрман и Джек могли схватиться за его чуть согнутые ноги. При этом я встал на деревянную крышку. Одному из нас все равно пришлось бы это сделать, а я был самым легким. Она

прогнулась под моим весом, предупреждающе застонала, выдохнула затхлый воздух.

— Сойди с нее, Эдгар! — крикнул Уайрман, и одновременно раздался крик Джека:

— Держите жокея, а не то он провалится!

Они вдвоем ухватились за Чарли, а я сошел с прогибающейся крышки. Уайрман держал ноги, Джек обнимал талию. На мгновение я подумал, что Чарли все-таки «нырнет» в цистерну и утащит их за собой. Но совместными усилиями им удалось повалиться назад, и жокей оказался на них сверху. Из-под земли появилась его улыбающаяся физиономия и красная кепка, облепленная здоровенными древесными жуками. Несколько попали на перекошенное от напряжения лицо Джека, один — в раскрытый рот Уайрмана. Тот закричал, выплюнул жука, вскочил, продолжая отплевываться и тереть губы. Мгновением позже Джек уже составлял ему компанию, танцуя рядом и вытрясая жуков из рубашки.

— Воды! — проревел Уайрман. — Дайте мне воды, один из них у меня *во рту*, я чувствую, как он ползает по моему гребаному языку.

— Никакой воды. — Я залез в заметно опустевший пакет с едой. Стоял на коленях, а потому в нос бил запах, идущий из дыры в крышке. И запах этот оставлял желать лучшего. Такой же наверняка шел бы из только что вскрытой могилы. Собственно, цистерна ею и была. — Пепси.

— Чизбургер, чизбургер, пепси! — воскликнул Джек. — Никакой кока-колы! — И дико расхохотался.

Я протянул Уайрману банку газировки. Он скептически посмотрел на нее, потом схватил, дернул за кольцо. Глотнул, выплюнул коричневую пену, сделал еще глоток, снова выплюнул. А потом допил содержимое банки четырьмя долгими глотками.

— Ах, карамба. Суровый ты человек, Ван Гог.

Я уже смотрел на Джека.

— Как думаешь? Сможем мы ее сдвинуть?

Джек посмотрел на крышку цистерны, потом опустился на колени, начал отдирать обвившие ее лианы.

— Да, но сначала нужно избавиться от этого дерьма.

— Нам следовало принести лом. — Уайрман продолжал отплевываться. Я его понимал.

— Думаю, он бы нам не помог, — возразил Джек. — Дерево совсем прогнило. Помогите мне, Уайрман. — Я встал на колени рядом с ним и услышал: — Не надо, босс. Это работа для людей с двумя руками.

Я почувствовал, как мгновенно вспыхнула ярость (та самая давняя ярость, которая буквально рвалась наружу), но сумел сдержаться. Наблюдал, как под быстро темнеющим небом они очищают круглую крышку цистерны. Птица пролетела над нами со сложенными крыльями. Лапками, само собой, кверху. Когда видишь такое, возникает ощущение, что тебе пора заглянуть в ближайшую психушку. Возможно, остаться там на длительный срок.

Эти двое работали друг напротив друга, перемещаясь вокруг крышки. И когда Уайрман приблизился к тому месту, где начал очищать крышку Джек, а Джек — туда, где начинал Уайрман, я спросил:

— Гарпунный пистолет заряжен, Джек?

Он посмотрел на меня.

— Да. А что?

— Потому что, боюсь, дело дойдет до фотофиниша.

VII

Джек и Уайрман встали на колени с одной стороны крышки, я — с другой. Небо над нами, уже темно-синее, грозило стать фиолетовым.

— На счет три, — скомандовал Уайрман. — Uno... dos... TRES!

Они тянули, я толкал одной оставшейся у меня рукой. Благо толкать было чем: за месяцы, которые я прожил на Дьюма-Ки, сил у меня прибавилось. Пару секунд крышка сопротивлялась, но потом все-таки поползла на Уайрмана и Джека, открыв серп темноты — черную, приглашающую улыбку. Узкий серп расширялся, пока не превратился в полный круг.

Джек встал. Уайрман последовал его примеру. Принялся осматривать руки в поисках новых жуков.

— Я знаю, каково тебе сейчас, — посочувствовал я, — но, боюсь, нет у нас времени для полной дезинсекции.

— Мне понятна твоя мысль, но только если ты втихаря не сжевал одного из этих maricones*, тебе *никогда не узнать*, каково мне сейчас.

— Скажите нам, что делать, босс. — Джек подозрительно смотрел в черную дыру, откуда тянуло вонью.

— Уайрман, тебе доводилось стрелять из гарпунного пистолета?

— Да, по мишеням. С мисс Истлейк. Разве я не говорил, что в нашем отряде я — стрелок?

— Тогда ты нас охраняешь. Джек, посвети вниз.

Ему не хотелось, выражение лица сомнений не оставляло, но другого выхода не было. Не покончив с этим, мы не могли вернуться домой. А если бы не покончили, ни о каком возвращении не могло быть и речи.

Во всяком случае, не по суше.

Джек взял фонарь с длинной ручкой, включил, направил мощный луч в черную дыру.

— Боже, — прошептал он.

Действительно, это была цистерна для воды, выложенная блоками кораллового известняка, но в какой-то момент за последние восемьдесят лет земля сместилась, образовалась щель (вероятно, на дне), и вода вытекла. И теперь луч освещал сырой колодец с замшелыми стенками, в десяток футов глубиной и пять шириной. На дне, в объятии, которое длилось уже восемьдесят лет, лежали два одетые в лохмотья скелета. По ним деловито ползали какие-то жуки. Белесые жабы (маленькие мальчики) прыгали по костям. Рядом с одним скелетом я увидел гарпун. Наконечник второго все еще пронзал желтоватый позвоночник няни Мельды.

Свет закачался. Потому что закачался молодой человек, державший фонарь.

— Не смей падать в обморок, Джек! — прикрикнул на него я. — Это приказ.

— Все нормально, босс. — Но глаза его остекленели, стали огромными, а лицо (над фонарем, который продолжал подрагивать вместе с рукой) — пепельно-белым. — Правда.

* педерастов (*исп.*).

— Хорошо. Тогда снова посвети вниз. Нет, левее. Еще немного... вот он.

Луч света уперся в один из кегов для столового виски, который превратился в заросшую мхом кочку. На нем сидела белая жаба. Смотрела на меня, злобно моргая.

Уайрман взглянул на часы.

— У нас... до темноты, думаю, минут пятнадцать. Чуть больше или чуть меньше. Так что...

— Так что Джек опускает лестницу в цистерну, и я спускаюсь вниз.

— Эдгар... амиго... у тебя только одна рука.

— Она забрала мою дочь. Она убила Илзе. Ты знаешь, это моя работа.

— Хорошо. — Уайрман посмотрел на Джека. — Остается только водонепроницаемый контейнер.

— Не волнуйтесь. — Джек поднял лестницу, протянул мне фонарь. — Посветите, Эдгар. Мне нужны две руки, чтобы установить ее.

Прошла, казалось, вечность, прежде чем он решил, что лестница стоит прочно, между костями откинутой руки няни Мельды (я видел серебряные браслеты, пусть мох нарос и на них) и одной из ног Ади. Лестница действительно оказалась короткой: верхняя перекладина находилась на два фута ниже уровня земли. Особых проблем это не создавало — поначалу Джек мог меня поддерживать. Я хотел спросить его о контейнере для фарфоровой статуэтки, потом передумал. Вроде бы у него на этот счет не было ни малейших сомнений, поэтому я решил, что могу полностью ему доверять. Собственно, ничего другого и не оставалось.

В голове зазвучал голос, тихий такой, раздумчивый: «Остановись, и я позволю вам уйти».

— Никогда, — ответил я.

Уайрман посмотрел на меня безо всякого удивления.

— Ты тоже его слышал, да?

viii

Я лег на живот и начал сползать ногами в дыру. Джек держал меня за плечи. Уайрман стоял рядом, с заряженным гарпунным

пистолетом в руках. Три запасных гарпуна с серебряными наконечниками торчали из-под ремня. Включенный фонарь лежал на земле, яркий луч освещал кучу вырванных сорняков и лиан.

Вонь из этой дыры в земле поднималась сильная, и я почувствовал, как зачесалась икра: что-то побежало по ноге вверх. Мне следовало заправить брючины в ботинки, но я уже не мог вылезти из цистерны, чтобы, получше подготовившись, предпринять вторую попытку.

— Вы нащупали лестницу? — спросил Джек. — Коснулись ступеньки?

— Нет, я... — И тут моя нога уперлась в верхнюю перекладину. — Вот она. Но ты меня держи.

— Держу, не волнуйтесь.

«Спустишься вниз — и я тебя убью».

— А ты попытайся, — ответил я. — Я иду за тобой, паршивая сумка, так что воспользуйся своим последним шансом.

Я почувствовал, как руки Джека вцепились в мои плечи.

— Господи, босс, вы уверены...

— Абсолютно. Просто держи меня.

Перекладин было шесть. Джек мог придерживать меня за плечи, пока я не встал на третью сверху, по грудь уйдя в цистерну. Потом он протянул мне фонарь. Я покачал головой.

— Свети на меня.

— Вы не поняли. Фонарь нужен вам не для света, он нужен для *нее*.

Дошло до меня не сразу.

— Вам нужно открутить крышку и вытащить батарейки. Вы опустите внутрь статуэтку. А воду я вам передам.

Уайрман невесело рассмеялся:

— Уайрману это нравится, ниньо. — Потом он наклонился ко мне: — Давай. Сука она или сумка, утопи ее, и покончим с этим.

IX

Четвертая перекладина сломалась. Лестница наклонилась, и я упал вместе с фонарем, зажатым между боком и культей. Сначала луч осветил темнеющее небо, потом блоки из коралло-

вого известняка, покрытые мхом. К одному я приложился головой, и перед глазами вспыхнули звезды. А мгновением позже я лежал на неровной постели из костей и смотрел в вечную улыбку Адрианы Истлейк Полсон. Одна из белесых жаб выпрыгнула из черноты между замшелыми зубами, и я врезал по ней ручкой фонаря.

— Мучачо! — крикнул Уайрман, и тут же Джек добавил:

— Босс, вы в порядке?

Я поранил голову (чувствовал, как по лицу текут струйки теплой крови), но в остальном жалоб вроде бы не было. Во всяком случае, в Стране тысячи озер* мне досталось куда как сильнее. И лестница пусть наклонилась, но устояла. Я посмотрел направо и увидел покрытый мхом кег столового виски, поиски которого и привели нас сюда. Теперь на нем сидели две жабы, а не одна. Они поймали мой взгляд и прыгнули мне в лицо, выпучив глаза, разинув пасти. К большому сожалению Персе (насчет этого я не сомневался), зубов у них, в отличие от большого мальчика Элизабет, не было. Ах, те славные денечки!..

— Все нормально, — ответил я, отшвыривая жаб и пытаясь сесть. Кости ломались подо мной и вокруг меня. Хотя... нет. Они не ломались. Были слишком старыми и влажными, чтобы ломаться. Сначала гнулись, потом разваливались на куски. — Джек, давай воду. Сбрось ее в мешке, только постарайся не попасть мне в голову.

Я посмотрел на няню Мельду.

«Я собираюсь взять ваши браслеты, — мысленно сказал я ей, — но это не воровство. Если вы где-то близко и можете видеть, что я делаю, надеюсь, вы поймете, что просто поделились ими со мной. Передали по наследству».

Я осторожно снял их с ее костей, надел на левое запястье, поднял руку, чтобы под своей тяжестью они соскользнули на предплечье.

Надо мной Джек свесил руки и голову вниз.

— Осторожно, Эдгар!

Пакет упал вниз. Одна из костей, которые я разломил при падении, воткнулась в него, полилась вода. Я вскрикнул от ис-

* Страна тысячи озер — одно из названий штата Миннесота.

пуга и раздражения, заглянул в пакет. Кость пробила только одну пластиковую бутылку, еще две оставались целыми. Я повернулся к покрытому мхом кегу, сунул руку в мокрую слизь под ним, попытался сдвинуть. Поначалу не получалось, но тварь, которая находилась внутри, забрала мою дочь, и теперь я хотел до нее добраться. Наконец кег покатился ко мне, и тут же приличный кусок кораллового известняка соскользнул с него и упал в грязь на дне цистерны.

Я направил луч на кег. На той его части, что была обращена к стене, мох практически не нарос, и я различил горца в килте, с одной поднятой ногой. Я увидел также зигзагообразную трещину, которая уходила вниз по боковой поверхности. Возникла она от удара вывалившегося из стены и упавшего куска известняка. С того самого момента бочонок, который Либбит наполнила водой из бассейна в 1927 году, потек и теперь практически опустел.

Я мог слышать, как внутри что-то дребезжит.

«Я убью тебя, если ты не остановишься, а если остановишься, позволю тебе уйти. Тебе и твоим друзьям».

Я почувствовал, как мои губы расходятся в ухмылке. Видела ли Пэм такую ухмылку, когда мои пальцы сжали ее шею? Разумеется, видела.

— Не следовало тебе убивать мою дочь.

«Остановись, иначе я убью и вторую».

Сверху позвал Уайрман, в его голосе звучало неприкрытое отчаяние.

— Появилась Венера, амиго. Я это воспринимаю как дурной знак.

Я сидел, привалившись к влажной стене. Коралловый известняк колол мне спину, кости скелетов упирались в бок. Недостаток пространства ограничивал движение, и в какой-то другой стране слепленное бедро пульсировало болью — еще не начало орать, но все к этому шло. Я понятия не имел, как мне удастся в таком состоянии подняться по лестнице, но слишком злился, чтобы волноваться об этом.

— Прошу извинить, мисс Булочка, — пробормотал я Ади и вставил ручку фонаря в ее раззявленный рот. Потом взял керамический кег обеими руками... потому что обе руки были на

месте. Согнул здоровую ногу, каблуком ботинка раздвигая в обе стороны грязь и кости. Поднял кег в подсвеченную фонарем пыль и с размаху опустил на выставленное колено. Бочонок треснул снова, выплеснув грязную воду, но не разбился.

Персе закричала внутри, и я почувствовал, как из носа потекла кровь. И цвет луча фонаря изменился. Стал *красным*. В этом алом сиянии черепа Ади Полсон и няни Мельды таращились на меня, улыбались. Я посмотрел на покрытые мхом стены грязного колодца, в который спустился по собственной воле, и увидел другие лица: Пэм... Мэри Айр — перекошенное от ярости, как и в тот момент, когда она разносила рукояткой пистолета затылок моей дочери... Кеймена — с написанным на нем вечным изумлением, когда он падал на землю после обширного инфаркта... Тома — выворачивающего руль автомобиля, чтобы врезаться в бетонную стену на скорости семьдесят миль в час.

И что хуже всего, я увидел лицо Моники Голдстайн, выкрикивающей: «Ты убил моего песика!»

— Эдгар, что с вами? — донесся голос Джека, находящегося в тысяче миль от меня.

Я подумал о музыкальном дуэте «Shark Puppy», исполняющем песню «Раскопки» на волне радиостанции «Кость». Я подумал о том, как сказал Тому: «Тот человек умер в пикапе».

«Тогда положи меня в карман, и мы уйдем вместе, — сказала она. — Мы уплывем вместе в твою действительно другую жизнь, и все города мира будут у твоих ног. Ты будешь жить долго... я это устрою... и ты станешь художником столетия. Они будут сравнивать тебя с Гойей. С Леонардо».

— Эдгар, — теперь в голосе Уайрмана преобладала паника, — сюда с берега идут люди. Думаю, я их слышу. Это плохо, мучачо.

«Они тебе не нужны. Они нам не нужны. Они — никто, всего лишь... никто, всего лишь команда».

«Никто, всего лишь команда». И вот тут такая красная ярость затопила мой мозг, что даже правая рука вновь начала ускользать из этого мира. Но прежде, чем она исчезла полностью... прежде, чем я потерял контроль что над яростью, что над чертовым треснутым кегом...

— Вставь это в своего друга, ты, тупая сумка! — И я поднял кег над гудящим, выставленным вверх коленом... — Вставь в приятеля! — Опустил со всего маха на коленную чашечку. Ногу пронзила боль, но не такая сильная, как я ожидал... в конце концов, так обычно и бывает, не правда ли? — Вставь в своего гребаного старика!

Кег не просто разбился. Уже треснутый, он разлетелся на тысячу осколков, а на мои джинсы вылилась оставшаяся в нем грязная вода. Маленькая фарфоровая фигурка вывалилась на землю: женщина в плаще с капюшоном. Рука, сжимающая края плаща у шеи, была совсем не рукой, а птичьей лапой. Я подхватил фигурку. Рассматривать ее времени не было (мертвецы с корабля уже шли, я в этом не сомневался, они шли, чтобы разобраться в Уайрманом и Джеком), но я успел заметить, что Персе невероятно красива. Если, конечно, не обращать внимания на птичью лапу и третий глаз, вроде бы выглядывающий из-под падающих на лоб волос. Статуэтка выглядела такой хрупкой, просто эфемерной. Да только когда я попытался переломить ее руками, выяснилось, что проще переломить стальной брусок.

— *Эдгар!* — закричал Джек.

— Не подпускайте их! — рявкнул я. — Вы не должны их подпустить!

Я сунул статуэтку в нагрудный карман рубашки и мгновенно почувствовал, как болезненное тепло начало распространяться по коже. И она что-то бубнила. Моя ненадежная магическая рука вновь исчезла, так что мне пришлось зажать бутылку с водой «Эвиан» между боком и культей, а потом свернуть пробку. То же самое (и как много времени отнимал этот процесс!) я проделал со второй бутылкой.

Наверху Уайрман крикнул голосом, который с натяжкой можно было назвать спокойным:

— Держитесь подальше! Наконечник серебряный! Я выстрелю!

Ответ прозвучал достаточно громко, чтобы я услышал его на дне цистерны:

— Ты думаешь, что успеешь перезарядить эту штуковину достаточно быстро, чтобы перестрелять нас всех?

— Нет, Эмери. — Уайрман словно говорил с ребенком, и голос его становился все тверже. Никогда я не любил моего друга так сильно, как в тот момент. — Мне хватит и тебя.

И вот тут начался самый трудный, самый ужасный этап.

Я начал свинчивать крышку с фонаря. На втором витке свет погас, и я остался в кромешной тьме. Высыпал батарейки из стальной ручки, начал искать первую бутылку с водой. Нашел и на ощупь залил воду в ручку фонаря. Понятия не имел, сколько в нее вместится воды, но думал, что одной бутылки хватит. В этом ошибся. Ухватился за вторую бутылку в тот самый момент, когда, вероятно, на Дьюма-Ки наступила ночь. Я так говорю, потому что фарфоровая статуэтка в нагрудном кармане ожила.

X

Всякий раз, когда у меня возникает мысль, а не привиделось ли мне случившееся в цистерне, я смотрю на сложный рисунок белых шрамов на левой стороне груди. Любой, кто увидит меня обнаженным, не обратит на эти шрамы особого внимания. Из-за несчастного случая мое тело испещрено шрамами, так что эти теряются среди куда более заметных. Но остались они от зубов ожившей куклы. Она прокусила рубашку, кожу, начала рвать мышцы.

С тем, чтобы добраться до моего сердца.

XI

Я чуть не перевернул вторую бутылку, прежде чем мне удалось ее поднять. Вскрикнул главным образом от изумления, но и от боли тоже. Почувствовал, как вновь потекла кровь — на этот раз под рубашкой, в складку между грудью и животом. Персе дергалась в моем кармане, извивалась в моем кармане, кусала и рвала, проникая все глубже, глубже, глубже. Мне пришлось отдирать ее от себя, вместе с куском окровавленной материи и собственным мясом. Статуэтка более не была прохладной и гладкой. Она стала горячей. Пыталась вырваться из руки.

— Иди сюда! — крикнул наверху Уайрман. — Иди, тебе же этого хочется?

Она вонзила крошечные фарфоровые зубы, острые как иголки, в кожаную перепонку между большим и указательным пальцами. Я взвыл. И она смогла бы вырваться, несмотря на всю мою ярость и решимость, но браслеты няни Мельды соскользнули вниз, и я почувствовал, как она отпрянула от них, попыталась спрятаться в моей ладони. Одна нога попала между средним и безымянным пальцами. Я их крепко сжал, не давая ноге сдвинуться с места. Крепко сжал. Движения Персе замедлились. Я не могу поклясться, что один из браслетов касался ее (происходило все в кромешной тьме), но практически уверен, что касался.

Сверху донесся звук выстрела из гарпунного пистолета, за которым последовал крик, буквально пронзивший мой мозг. В эхе этого крика, почти растворившийся в нем, я все-таки услышал голос Уайрмана:

— Встань позади меня, Джек! Возьми один из...

И все, только шум борьбы и злобный, нечеловеческий смех двух давно умерших маленьких девочек.

Ручку фонаря я зажимал коленями, полностью отдавая себе отчет, что в темноте все могло пойти не так, особенно для одноруких. Шанс у меня был только один. И учитывая условия, я понимал, что наилучший вариант — действовать без лишних раздумий.

«Нет! Прекрати! Не делай...»

Я бросил ее в воду, и в одном это сразу дало результат: злобный смех девочек сменился криками изумленного ужаса. Потом я услышал Джека — истеричный, на грани безумия голос, и как же я обрадовался, что слышу его!

— Вот это правильно, чешите отсюда! До того, как ваш гребаный корабль уплывет и оставит вас на берегу!

А у меня возникла новая серьезная проблема. Я держал фонарь в единственной руке, Персе была внутри... но крышка лежала где-то на земле, я не мог ее разглядеть. И не было у меня второй руки, чтобы нащупать крышку.

— Уайрман! — позвал я. — Уайрман, ты здесь?

После паузы, достаточной для того, чтобы в сердце начали прорастать зернышки всех четырех видов страха*, он ответил:

— Да, мучачо. Еще здесь.

— Все в порядке?

— Одна из них поцарапала меня, и рану придется продезинфицировать, а в остальном — да. По большому счету с нами обоими все в порядке.

— Джек, ты можешь спуститься? Мне нужна рука. — И вот тут, сидя среди костей, держа наполненный водой фонарь, подняв его, как факел Статуи свободы, я начал смеяться.

Когда испытываешь такое облегчение, по-другому никак нельзя.

XII

Мои глаза достаточно привыкли к сумраку, чтобы различить темное пятно, плывущее по стене цистерны: Джек спускался по лестнице. Из фонаря, который я держал в руке, доносилось постукивание... слабое, едва слышное, но постукивание. Перед моим мысленным взором возникла женщина, утонувшая в узком металлическом баке, но я отогнал этот образ. Слишком уж он напоминал произошедшее с Илзе, а монстр, которого я упрятал в водяную тюрьму, не имел ничего общего с моей дочерью.

— Одной перекладины нет, — предупредил я. — И если ты не хочешь здесь умереть, будь предельно осторожен.

— Я не могу умереть сегодня, — ответил он высоким и дрожащим голосом, каким не говорил никогда. — Завтра у меня свидание.

— Поздравляю.

— Спа...

Он промахнулся мимо перекладины. Лестница сместилась. Я уже не сомневался, что сейчас он упадет на меня, на фонарь, который я держал в руке. А если вода выплеснется, то Персе выскользнет, и все наши усилия пойдут прахом.

---

* Древние различали четыре вида страха: испуг, трепет, ужас и паника.

— Что там у вас? — крикнул сверху Уайрман. — *Что происходит?*

Джек удержался, схватился рукой за так удачно подвернувшийся выступ на блоке кораллового известняка. Я увидел, как его нога дотянулась до следующей перекладины.

— Господи, — прошептал он, — Господи, Господи.

— *Что там у вас?* — проревел Уайрман.

— У Джека Кантори лопнули штаны, — ответил я. — А теперь помолчи. Джек, ты почти на месте. Она в фонаре, но у меня только одна рука, и я не могу взять крышку. Ты должен спуститься и найти ее. На меня можешь наступить, я не против, но только не выбей из моей руки фонарь. Хорошо?

— Х-хорошо. Эдгар, я уже думал, что свалюсь.

— Я тоже. Спускайся дальше. Только медленно.

Он спустился, сначала наступил мне на бедро (больно), потом поставил ногу на одну из пустых пластиковых бутылок. Она затрещала. Наступил на что-то еще, и это что-то, чвакнув, развалилось, как сломанная погремушка.

— Эдгар, что это было? — Джек чуть не плакал. — Что...

— Ерунда. — Я не сомневался, что он раздавил череп Ади. Бедро Джека задело фонарь. Несколько капель холодной воды упали мне на руку. В металлическом цилиндре что-то ударилось и повернулось. А в голове открылся ужасный черно-зеленый (цвета воды в глубинах, куда не проникает свет) глаз. Посмотрел на мои самые тайные мысли в том месте, где злость перекрывает ярость и становится убийственной. Увидел... потом *укусил*. Как женщина может укусить сливу. Никогда не забуду этого ощущения.

— Осторожно, Джек... места тут — чуть. Как на сверхмалой подводной лодке. Помни об этом.

— Мне не по себе, босс. Легкий приступ клаустрофобии.

— Глубоко вдохни. Ты можешь это сделать. Мы скоро выберемся отсюда. У тебя есть спички?

Спичек у него не было. Как и зажигалки. В субботу Джек мог выпить шесть банок пива, но табачный дым не пачкал его легкие. Потекли долгие, кошмарные минуты (Уайрман говорит, не больше четырех, но по моим ощущениям — тридцать, как минимум тридцать), в течение которых Джек вставал на колени,

рылся руками среди костей, чуть смещался, снова вставал на колени, рылся. Моя рука начала уставать. Моя кисть начала неметь. Кровь по-прежнему бежала из раны на груди — то ли медленно свертывалась, то ли не свертывалась вообще. Но хуже всего дело обстояло с кистью. Чувствительность пропала полностью, скоро у меня создалось впечатление, что я уже и не держу фонарь, потому что видеть его не мог и не чувствовал кожей. А ощущение веса скрадывалось усталостью мышц. Мне пришлось бороться с желанием постучать металлической ручкой по стене, чтобы убедиться, что я по-прежнему держу фонарь, хотя я знал: если постучу, могу его выронить. Появились мысли, что крышка окончательно затерялась среди костей и костных осколков, и Джеку никогда не найти ее без света.

— Как там у вас? — крикнул Уайрман.

— Продвигаемся! — ответил я. Кровь капала в левый глаз, щипала, я моргал, чтобы избавиться от неприятных ощущений. Я пытался подумать об Илли, моей If-So-Girl, и пришел в ужас, осознав, что не могу вспомнить ее лицо. — Маленькое приветствие, небольшая державка, но мы этим занимаемся.

— Что?!

— *Препятствие!* Маленькое препятствие, небольшая задержка! У тебя бананы в ушах, Уайрман?

Ручка фонаря наклонилась? Я боялся, что да. Вода могла бежать по моей кисти, а я бы ничего не почувствовал. Потому что она онемела. А если ручка не наклонилась, и я, пытаясь выправить наклон, только бы все ухудшил?

«Если вода побежит через край, ее голова покажется над поверхностью в считанные секунды. И тогда все закончится. Ты это знаешь, не так ли?»

Я знал. Сидел в темноте с поднятой рукой, боясь шевельнуться. Терял кровь и ждал. Время остановилось, память стала призраком.

— Вот она, — наконец сказал Джек. — Застряла в чьих-то ребрах. Секундочку... Уже держу.

— Слава Богу, — выдохнул я. — Слава Иисусу. — Я видел его перед собой, темный силуэт, стоящий на одном колене между моих расставленных полусогнутых ног, на костях, которые когда-то были частью скелета старшей дочери Джона Истлейка. Я

протянул руку к Джеку. — Накрути крышку. Только осторожно, потому что я больше не могу держать фонарь вертикально.

— К счастью, у меня две руки, — отозвался Джек. Одной он обхватил мою, чтобы заполненный водой фонарь не дрожал, второй начал закручивать крышку. Прервался только раз, чтобы спросить, почему я плачу.

— От облегчения, — ответил я. — Продолжай. Доведи дело до конца. Поторопись.

Когда крышка встала на место, я взял у Джека фонарь. С водой он весил меньше, чем с батарейками, но меня это не волновало. Хотелось убедиться, что крышка завернута до предела. Вроде бы так оно и было. Я попросил Джека наверху отдать фонарь Уайрману, чтобы проверил и он.

— Отдам, — пообещал Джек.

— И постарайся не сломать другие перекладины. Мне они потребуются все.

— Для вас главное — перебраться через сломанную ступеньку, Эдгар. А потом мы вас вытащим.

— Ладно, а я никому не скажу, что у тебя лопнули штаны.

Вот тут он даже рассмеялся. Я наблюдал, как его темный силуэт поднимается по лестнице. В один момент он высоко задрал ногу, чтобы перебраться через сломанную перекладину. Именно тогда я испугался, потому что мысленным взором увидел, как крохотные фарфоровые ручонки отвинчивают крышку изнутри (да, хоть я и не сомневался, что пресная вода обездвижила ее), но Джек не вскрикнул, не свалился вниз, и жуткое видение исчезло. Я смотрел на круг более светлой темноты над головой, до которого Джек и добрался.

Когда он вылез из цистерны, Уайрман крикнул:

— Теперь ты, мучачо.

— Минутку, — ответил я. — Твои подружки ушли?

— Убежали. Полагаю, торопились к отплытию.

— А Эмери?

— Думаю, тебе это нужно увидеть собственными глазами. Поднимайся.

— Минутку, — повторил я.

Я прислонился затылком к склизкой от мха стенке кораллового известняка, закрыл глаза, протянул руку. Тянулся, пока не

нащупал что-то гладкое и круглое. А потом два мои пальца скользнули в дыру, практически наверняка в глазницу. И поскольку я не сомневался, что Джек раздавил череп Адрианы...

— Все закончилось хорошо, насколько такое возможно на этой оконечности острова, — сказал я няне Мельде. — Могила у вас, конечно, не очень, но, возможно, надолго вы здесь не задержитесь, дорогая моя. Могу я оставить себе ваши браслеты? Им скорее всего еще придется послужить мне.

Да. Я опасался, что меня ждет еще одно испытание.

— Эдгар? — В голосе Уайрмана слышалась тревога. — С кем ты говоришь?

— С той, что действительно остановила ее, — ответил я.

И поскольку та, что действительно остановила Персе, не сказала, что просит вернуть браслеты, я оставил их на руке и приступил к тяжкому труду: подъему на ноги. С брюк на землю посыпались поросшие мхом керамические осколки. Левое колено (здоровое), по ощущениям, раздулось, брючина облепила его. Голова пульсировала от боли, грудь жгло огнем. Казалось, лестница высотой в милю, но наверху я видел очертания Джека и Уайрмана, наклонившихся над краем цистерны, чтобы подхватить меня, когда (если) я окажусь в пределах досягаемости их рук.

Я подумал, что сегодня луна в три четверти, и я не смогу увидеть ее, пока не выберусь из этой дыры в земле.

Я начал подниматься.

XIII

Луна, большая и желтая, поднялась над восточным горизонтом, осветив густые джунгли, отделявшие южную оконечность острова, и позолотив обращенную на восток сторону разрушенного особняка Джона Истлейка, где он когда-то жил с домоправительницей и шестью дочерьми... полагаю, жил достаточно счастливо, пока падение Либбит с возка не изменило всю их жизнь.

Луна также позолотила долго пробывший в воде, поросший кораллами скелет, который лежал на куче сорняков и лиан. Их

выдрали Уайрман и Джек, когда очищали крышку цистерны. И когда я смотрел на останки Эмери Полсона, на ум пришли шекспировские строки, и я не удержался, продекламировал их: «Отец твой спит на дне морском... кораллом кости станут»*.

Джека начало трясти, словно задул сильный холодный ветер. Он даже обхватил себя руками. Наконец он осознал, что нам грозило.

Уайрман наклонился. Поднял одну тонкую откинутую руку. Она беззвучно развалилась на три куска. Эмери Полсон пробыл в caldo долго, очень долго. Сквозь решетку ребер торчал гарпун. Уайрман вытащил его, для этого ему пришлось выдергивать наконечник из земли.

— А как вы не подпускали к себе этих близняшек-из-ада? Когда остались с разряженным пистолетом? — спросил я.

Уайрман сделал выпад, держа гарпун, как кинжал.

Джек кивнул.

— Да, я выхватил гарпун из-под его ремня и делал то же самое. Не знаю, как долго мы смогли бы продержаться... они были, как бешеные собаки.

Уайрман сунул за пояс гарпун с серебряным наконечником, который наконец-то упокоил Эмери Полсона.

— Раз уж мы заговорили о временном факторе, нам надо подумать о другом контейнере для твоей новой куклы. Какие будут предложения, Эдгар?

Он был прав. Я не мог представить себе, что Персе проведет следующие восемьдесят лет в ручке фонаря компании «Гаррити». Я уже задавался вопросом, как долго протянет перемычка между отделениями для батареек и лампочки. И кусок облицовки, вывалившийся из стены и упавший на керамический бочонок со столовым виски — случайность... или победа разума над временем после многих лет целеустремленной работы? Для Персе — подкоп, проделанный заостренным концом ложки?

Однако фонарь справился с отведенной ему ролью. Господи, благослови практичность Джека Кантори. Нет... звучит слишком убого. Господи, благослови Джека.

* У. Шекспир «Буря». Перевод М. Донского.

— В Сарасоте есть серебряных дел мастер, — продолжил Уайрман. — Mexicano muy talentoso*. У мисс Истлейк есть... было несколько его работ. Готов спорить, я могу заказать ему герметичный цилиндр, достаточно большой, чтобы вложить в него фонарь. Таким образом мы получим то самое, что страховые компании и футбольные тренеры называют двойной гарантией. Обойдется такой цилиндр недешево, но что с того? После всех юридических проволочек я стану очень богатым человеком. Я сорвал здесь банк, мучачо.

— La loteria, — вырвалось у меня.

— Si, — согласился Уайрман. — Чертова лотерея. Пошли, Джек. Поможешь мне сбросить Эмери в цистерну.

Джека передернуло.

— Ладно, но я... не хочу я прикасаться к нему.

— С Эмери я тебе помогу, — вызвался я. — Джек, ты держи фонарь. Уайрман? Давай это сделаем.

Вдвоем мы закатили Эмери в дыру в земле, потом побросали вниз те его части, которые оторвались... и которые мы смогли найти. До сих пор помню его костно-коралловую улыбку, когда он полетел в темноту к своей жене. Иногда, разумеется, мне все это снится. В этих снах я слышу, как Ади и Эм зовут меня из темноты, спрашивают, не хотел бы я спуститься, присоединиться к ним. И, бывает, во сне я это делаю. Бросаюсь в эту темную и вонючую дыру, чтобы оборвать воспоминания.

Это сны, после которых я просыпаюсь, крича, размахивая рукой, которой давно уже нет.

XIV

Уайрман и Джек задвинули крышку цистерны на место, а потом мы пошли к «мерседесу» Элизабет. Это была долгая, болезненная прогулка, к концу которой я уже не шел — плелся. Время словно двинулось вспять, вернулось в прошлый октябрь. Я думал о нескольких таблетках оксиконтина, которые дожидались меня в «Розовой громаде». Выпью три, решил я. Три не

* Очень талантливый мексиканец (*исп.*).

просто убьют боль; при удаче они обеспечат мне как минимум несколько часов сна.

Оба моих друга спрашивали, не помочь ли мне, предлагали подставить плечо. Я отказался. Потому что в эту ночь мне предстояла еще одна прогулка; с этим я для себя уже все решил. У меня еще не было последнего кусочка этого паззла, но я уже представлял, каким он будет. Что сказала Элизабет Уайрману? «Ты захочешь, но нельзя».

Слишком поздно, слишком поздно, слишком поздно.

Сама идея еще не оформилась. С чем вопросов не было — так это с шумом ракушек. Он слышался и внутри «Розовой громады», в любом месте, но чтобы ощутить полный эффект, следовало подойти к вилле снаружи. Именно тогда шум этот более всего напоминал голоса. И столько вечеров я потратил на рисование, тогда как мог слушать.

В этот вечер я намеревался слушать.

Возле каменных столбов Уайрман остановился.

— Abyssus abyssum invocat, — изрек он.

— Бездна бездну призывает, — откликнулся Джек, вздохнул.

Уайрман посмотрел на меня.

— Думаешь, на обратном пути у нас возникнут какие-нибудь трудности?

— Теперь? Нет.

— То есть здесь мы закончили?

— Да.

— Мы сюда когда-нибудь вернемся?

— Нет. — Я посмотрел на разрушенный дом, спящий в лунном свете. Секретов у него не осталось. Я вдруг понял, что мы где-то забыли коробку-сердце Либбит, но решил, что, может, оно и к лучшему. Пусть остается здесь. — Сюда больше никто не придет.

Джек повернулся ко мне, на его лице читалось любопытство и страх.

— Откуда вы это знаете?

— Знаю, — ответил я.

Глава 21
РАКУШКИ ПРИ ЛУННОМ СВЕТЕ

Обратно мы доехали без проблем. Тяжелый дух джунглей никуда не делся, но вроде бы ослабел, отчасти потому, что с Залива подул сильный ветер, отчасти... просто ослабел.

Фонари во дворе «Эль Паласио» зажигались по команде таймера, и как же здорово они выглядели, подмигивающие нам из темноты. В доме Уайрман методично переходил из комнаты в комнату, включая свет, зажигая все лампы, и скоро особняк, в котором прошла большая часть жизни Элизабет, сиял, как океанский лайнер, входящий в порт в полночь.

После того как в «Эль Паласио» не осталось ни одного темного уголка, мы по очереди приняли душ, передавая друг другу фонарь, будто эстафетную палочку. Кто-то из нас обязательно держал его в руке. Уайрман помылся первым, потом — Джек, третьим — я. После душа мы осмотрели друг друга, потом промыли перекисью водорода все участки поврежденной кожи. Мне досталось больше всех, и когда я наконец оделся, щипало все тело.

Я надел ботинки и пытался зашнуровать их одной рукой, когда Уайрман, очень мрачный, вошел в спальню для гостей.

— На автоответчике внизу сообщение, которое тебе нужно прослушать. Из полиции Тампы. Дай-ка я помогу.

Он опустился передо мной на колено, начал подтягивать шнурки. Я нисколько не удивился, заметил, что седины в его волосах прибавилось... и внезапно меня охватила тревога. Я протянул руку, вцепился в его массивное плечо.

— Фонарь! Джек...

— Расслабься. Джек в Китайской гостиной мисс Истлейк, фонарь у него на коленях.

Тем не менее я поспешил туда. Уж не знаю, что ожидал найти: пустую комнату, фонарь с открученной крышкой, лежащий на ковре в луже воды, а может, Джека, сменившего пол, превратившегося в трехглазую, с птичьими лапами вместо рук, суку, которая вывалилась из старого, треснутого кега... но он спокойно сидел, держа фонарь на коленях, правда, на лице его отражалась тревога. Я спросил, все ли у него в порядке. И всмотрелся ему в глаза. Если бы он... изменялся... я подумал, что смог бы это увидеть в его глазах.

— У меня все хорошо. Но сообщение от копов... — Он покачал головой.

— Что ж, давай послушаем.

Мужчина, представившийся детективом Сэмсоном, сказал, что пытается связаться с Эдгаром Фримантлом и Джеромом Уайрманом, чтобы задать несколько вопросов о Мэри Айр. Особенно ему хотелось поговорить с Эдгаром Фримантлом, если тот не улетел в Род-Айленд или Миннесоту, куда, по полученным Сэмсоном сведениям, собирались отправить тело Илзе Фримантл для похорон.

— Я уверен, что мистер Фримантл скорбит о тяжелой утрате, — продолжал Сэмсон. — И мне понятно, что это вопросы полицейского управления Провиденса, но мы знаем, что недавно эта Айр брала у мистера Фримантла интервью, и я вызвался поговорить с ним и с вами, мистер Уайрман, если это возможно. Я могу сказать вам по телефону, что больше всего удивило полицию Провиденса, но, пожалуйста, не разглашайте информацию...

Мы никому не дали прослушать эту пленку. И последний кусочек паззла лег на положенное ему место.

ii

— Эдгар, это безумие! — Джек повторил эту фразу уже в третий раз, и в его голосе звучало отчаяние. — Полнейшее безумие. — Он повернулся к Уайрману: — Скажите ему!

— Un poco loco, — согласился Уайрман, но я знал разницу между poco и muy*, даже если Джек был не в курсе. Мы стояли во дворе, между седаном Джека и старым «мерседесом» Элизабет. Луна поднялась еще выше, ветер усилился. Прибой обрушивался на берег, а в миле от нас ракушки под «Розовой громадой» обсуждали всякие странности, muy asustador**. — Но, думаю, я могу говорить всю ночь, а его решение останется неизменным.

— Потому что ты знаешь, что я прав, — сказал я.

— Tu perdon***, амиго, ты, *возможно, прав*, — поправил меня Уайрман. — И вот что я тебе скажу: Уайрман собирается опуститься на толстые, стареющие колени и молиться, чтобы ты оказался прав.

Джек посмотрел на фонарь в моей руке.

— Хоть это оставьте. Уж извините меня, но брать его с собой — чистая бредятина.

— Я знаю, что делаю, — ответил я, надеясь, что говорю правду. — Вы оба оставайтесь здесь. Не пытайтесь идти за мной. — Я поднял фонарь, нацелил на Уайрмана. — Полагаюсь на твою честь.

— Хорошо, Эдгар. Моя честь изрядно поизносилась, но я ею клянусь. Один практический вопрос: ты уверен, что тебе хватит двух таблеток тайленола, чтобы ногами дойти до своего дома, или в конце пути тебе придется превратиться в ползи-гатора?

— Доберусь на своих двоих.

— И позвонишь, как только доберешься.

— Позвоню.

Тогда он раскрыл объятия, и я пришел в них. Он поцеловал меня в обе щеки.

— Я люблю тебя, Эдгар. Ты настоящий мужчина. Sano como una manzana.

— И что это значит?

Уайрман пожал плечами.

— Здоровья тебе. Я так думаю.

Джек протянул руку (левую, мальчик учился быстро), потом решил все-таки обнять меня. Шепнул на ухо:

---

* Poco — мало, немного; muy — много, крайне (*исп.*), то есть Уайрман говорит: «Доля безумия в этом есть».

** Очень страшные (*исп.*).

*** С твоего позволения (*исп.*).

— Отдайте мне фонарь, босс.

— Не могу. Извини, — шепнул я в ответ.

Я двинулся по дорожке, огибающей дом, дорожке, которая выводила к мосткам. И там, где обрывались эти мостки, каких-то тысячу лет тому назад я встретил крепко сложенного мужчину, которого оставлял сейчас во дворе «Эль Паласио». А тогда он сидел под полосатым зонтом. Он предложил мне зеленого чая со льдом, который так хорошо утоляет жажду. И сказал: «Итак... хромающий незнакомец наконец-то прибыл».

«А теперь он уходит», — подумал я.

Я обернулся. Они оба смотрели на меня.

— Мучачо! — позвал Уайрман. Я подумал, что он попросит меня вернуться, чтобы мы могли еще немного об этом подумать, поговорить. Но я его недооценил. — Vaya con Dios, mi hombre*.

Я еще раз помахал им рукой и завернул за угол дома.

iii

Вот так я и отправился в мою последнюю Великую береговую прогулку, и каждый прихрамывающий шаг отдавался такой же болью, как и во время моих первых прогулок по усеянному ракушками берегу. Только тогда я гулял под розовым светом раннего утра, когда мир еще спал, и двигались разве что волны, ласково набегающие на песок, да коричневые облачка сыщиков, которые поднимались в воздух в нескольких шагах от меня. Эта прогулка выдалась другой. Ревел ночной ветер, грохотали волны: не ласкали берег — выбрасывались на него в поисках смерти. Чуть дальше от берега луна хромировала поверхность воды, и несколько раз у меня возникало ощущение, что краем глаза я вижу «Персе», но корабль исчезал, стоило мне повернуть голову. Так что этой ночью на берегу Дьюма-Ки компанию мне составлял только лунный свет.

Пошатываясь, я шел, держа в руке фонарь, думая о том дне, когда гулял здесь с Илзе. Она еще спросила меня, самое ли это прекрасное место на свете, и я заверил ее, что нет, есть еще как минимум три более прекрасных... но не мог вспомнить, назвал ли я ей эти места или только сказал, что их трудно написать без

* Иди с Богом, смельчак (*исп.*).

ошибок. Помнил я другое: ее слова о том, что я заслужил такое прекрасное место и время, чтобы отдохнуть. Время, чтобы излечиться.

Тут потекли слезы, и я им не мешал. В руке, которой мог бы их вытереть, я держал фонарь, поэтому продолжал плакать.

iv

Я услышал «Розовую громаду» прежде, чем увидел ее. Ракушки под домом никогда не говорили так громко. Я прошел еще несколько шагов, потом остановился. Вилла стояла впереди — черное пятно, поглотившее звезды. Еще сорок или пятьдесят медленных хромающих шагов, и луна начала высвечивать какие-то детали. Не горели лампы, даже те, которые я обычно оставлял включенными на кухне и во «флоридской комнате». Конечно, ветер мог где-то оборвать провода, нарушив подачу электроэнергии, но я в этом сомневался.

Я вдруг понял, что узнаю голос, которым говорили ракушки. Не мог не узнать: то был мой голос. Знал ли я это всегда? Скорее всего. На каком-то уровне сознания, если мы не безумны, думаю, большинство из нас знает различные голоса своего воображения.

И, разумеется, своих воспоминаний. У них тоже есть голоса. Спросите любого, кто потерял конечность, или ребенка, или давно лелеемую мечту. Спросите любого, кто винит себя за плохое решение, обычно принятое под влиянием момента (момента, когда все окрашено в красное). У наших воспоминаний тоже есть голоса. Обычно грустные, которые жалуются, словно вскинутые в темноте руки.

Я шел, подволакивая одну ногу, о чем ясно говорили оставленные мной следы. Темная, без единого огонька, «Розовая громада» все приближалась, увеличиваясь в размерах. Не разрушенная, как первое «Гнездо цапли», но в этот вечер виллу облюбовали призраки. В этот вечер меня точно ждал один призрак. А может, что-то более материальное.

Ударил порыв ветра, и я посмотрел налево, на Залив, с которого он дул. Увидел корабль — темный, ждущий, молчаливый, с развевающимися лохмотьями парусов.

«Чего бы тебе не подняться на борт? — спросили ракушки, когда я, залитый лунным светом, остановился менее чем в двадцати ярдах от своего дома. — Стереть прошлое начисто — это можно сделать, никто не знает об этом лучше тебя — и просто уплыть. Оставить здесь всю эту грусть. Ты в игре, если ставишь монету на кон. И знаешь, какой самый большой плюс?»

— Самый большой плюс — мне не придется плыть одному, — ответил я.

Ветер дул сильными порывами. Ракушки шептали. И из черноты под домом, где костяная постель достигала толщины в шесть футов, выскользнула черная тень и замерла в лунном свете. Какое-то время постояла, чуть наклонившись вперед, словно в раздумьях, потом направилась ко мне.

Она направилась ко мне. Не Персе. Ее утопили, чтобы она заснула.

Илзе.

V

Она не шла. Я и не ожидал, что она будет идти. Она тащилась. И то, что она могла двигаться, тянуло на магию — темную магию, разумеется.

После последнего телефонного звонка Пэм (разговором его не назовешь) я вышел через дверь черного хода «Розовой громады» и сломал черенок метлы, которой обычно подметали дорожку к почтовому ящику. Потом пошел на берег к влажному и блестящему песку. Я не помнил, что произошло после этого, потому что не хотел помнить. Очевидно, не хотел. Но вот сейчас вспомнил. Пришлось вспомнить. Потому что передо мной стоял плод моих трудов. Это была Илзе — и не Илзе. Ее лицо то появлялось, то расплывалось и исчезало. Фигура вдруг замещалась чем-то бесформенным, чтобы тут же принять привычные очертания. Маленькие кусочки засохшей униолы и осколки ракушек при движении сыпались с ее щек, груди, бедер и ног. Лунный свет отражался от глаза, до боли ясного, до боли знакомого глаза Илзе, а потом глаз исчезал, чтобы появиться вновь, поблескивая в лунном свете.

Ко мне брела Илзе, сотворенная из песка.

— Папуля. — Голос звучал сухо, с каким-то подспудным хрустом, словно в нем перемалывались ракушки. И я полагал, что без ракушек не обошлось.

«Ты захочешь, но нельзя», — сказала Элизабет... но иногда мы ничего не можем с собой поделать.

Песочная девушка протянула руку. Налетел порыв ветра, и пальцы расплылись, потому что ветер выдул из них песок, оставив одни кости. Но тут же песок заклубился вокруг Илзе, и на костях наросла плоть. Черты ее лица изменялись, как земля под быстро бегущими летними облаками. Зрелище это зачаровывало... гипнотизировало.

— Дай мне фонарь, — попросила она. — Потом мы вместе поднимемся на борт. На корабле я смогу стать такой, какой ты меня помнишь. Или... у тебя будет возможность ничего не вспоминать.

Волны маршировали к берегу. Одна за другой грохотали они под звездами. Под луной. Ракушки громко разговаривали под «Розовой громадой»: моим голосом спорили друг с другом. Принеси приятеля. Я выигрываю. Сядь в старика. Ты выигрываешь. А передо мной стояла Илзе, сотворенная из песка, меняющаяся на глазах гурия, освещенная луной в три четверти, с чертами лица, ни на мгновение не остающимися неизменными. Я видел девятилетнюю Илли, пятнадцатилетнюю — спешащую на свое первое настоящее свидание, теперешнюю Илли — какой она выходила из самолета в декабре, Илли-студентку — с колечком, подаренным по случаю помолвки. Передо мной стояла моя дочь, которую я любил больше всего на свете (не потому ли Персе убила ее?), и протягивала руку, чтобы я передал ей фонарь. Он был моим пропуском в долгое плавание по морям забытья. Разумеется, обещание вояжа могло быть и ложью... но иногда мы должны рискнуть. И обычно рискуем. Как говорит Уайрман, мы так часто обманываем себя, что могли бы зарабатывать этим на жизнь.

— Мэри привезла соль, — сказал я. — Много мешков с солью. Высыпала их в ванну. Полиция хочет знать почему. Но они не поверят, услышав правду, верно?

Она стояла передо мной, позади волны с грохотом молотили о берег. Она стояла, а ветер выдувал из нее песок, но тело

восстанавливалось из того песка, что лежал под ногами, вокруг нее. Она стояла и молчала, протянув ко мне руку, чтобы получить то, за чем пришла.

— Нарисовать тебя на песке — этого мало. Утопить тебя в ванне — тоже мало. Мэри велели утопить тебя в соленой воде. — Я посмотрел на фонарь. — Персе сказала ей, что нужно сделать. С моей картины.

— Дай его мне, папуля, — услышал я от непрерывно меняющейся песчаной девушки. Она по-прежнему протягивала ко мне руку. Только иногда, при особо сильных порывах ветра, кисть превращалась в птичью лапу. Подпитывалась песком с пляжа — и все равно превращалась в птичью лапу.

Я вздохнул. В конце концов, чему быть, того не миновать.

— Хорошо. — Я шагнул к ней. В голову пришла еще одна из присказок Уайрмана: «В конце концов мы всегда избавляемся от наших тревог». — Хорошо, мисс Булочка. Но тебе придется расплатиться со мной.

— Расплатиться чем? — Голос напоминал скрежет песка по стеклу. Шуршание ракушек. Но это был и голос Илзе. Голос моей If-So-Girl.

— Один поцелуй. Пока я еще могу его ощутить. — Я улыбнулся. Губ не чувствовал, они онемели, но мышцы вокруг них натянулись. Чуть-чуть. — Полагаю, он будет песочным, но я представлю себе, что ты играла на пляже. Строила замки.

— Хорошо, папуля.

Она подошла, двигаясь все в той же странной манере — не шла, а тащилась-перекатывалась, и вблизи иллюзия пропала полностью. Так бывает, если поднести картину к глазам и увидеть, как цельная композиция (портрет, пейзаж, натюрморт) превращается в отдельные цветные мазки со следами волосков кисточки на краске. Черты лица Илзе исчезли. Вместо них я видел яростный вихрь песка и осколков ракушек. И до моих ноздрей долетел запах не кожи и волос, а соленой воды.

Бледные руки потянулись ко мне. Ветер выдувал из них песок. Луна светила сквозь них. Я протянул фонарь. Небольшого размера. С пластмассовой ручкой — не из нержавеющей стали.

— Тебе, возможно, лучше посмотреть на него, прежде чем раздавать поцелуи, — сказал я. — Я взял его из бардачка авто-

мобиля Джека Кантори. А тот, в котором Персе, заперт в сейфе Элизабет.

Тварь застыла, и тут же ветер с Залива выдул из нее последнее сходство с человеком. Передо мной стоял вихрящийся песочный дьявол. Но я не мог рисковать; день выдался долгим, и мне совершенно не хотелось рисковать, с учетом того, что моя дочь находилась где-то еще... совсем в другом месте... ожидая вечного упокоения. Я изо всей силы замахнулся рукой с зажатым в кулаке фонарем, и браслеты няни Мельды соскользнули с предплечья на запястье. Я их тщательно отчистил в кухонной раковине «Эль Паласио», и теперь они звенели.

Под ремнем, на левом бедре, у меня был гарпун с серебряным наконечником — на всякий случай, — но он мне не понадобился. Песочный дьявол взорвался. Песок и кусочки ракушек полетели во все стороны и вверх. Крик ярости и боли пронзил мою голову. Слава Богу, короткий, а не то, думаю, он разорвал бы меня. Потом остался только шум ракушек, перекатываемых водой под «Розовой громадой», да на короткое мгновение потускнели звезды: ветер нес над дюнами песчаную пелену. Залив вновь опустел: только позолоченные луной волны продолжали свой марш к берегу. «Персе» исчез, словно его и не было.

Мои колени подогнулись, и я рухнул на песок. Может, мне действительно предстояло преодолеть остаток пути, превратившись в ползи-гатора. Но, с другой стороны, «Розовая громада» находилась совсем рядом. В тот момент, правда, мне хотелось лишь сидеть и слушать ракушки. Немного отдохнуть. Чтобы появились силы подняться, пройти эти оставшиеся двадцать ярдов и позвонить Уайрману. Сказать ему, что все у меня в порядке. Сказать ему, что дело сделано, и Джек может приехать, чтобы забрать меня.

Но в тот момент я предпочитал сидеть и слушать ракушки, которые более не говорили ни моим голосом, ни чьим-то еще. В тот момент я предпочитал просто сидеть, смотреть на Залив и думать о моей дочери, Илзе Мэри Фримантл, которая при рождении весила шесть фунтов и четыре унции, первым словом которой стало «ав», которая однажды принесла домой большой коричневый шар, нарисованный мелком на куске строительного картона, радостно крича: «Я наисовала тебе кайтину, папуля!»

Илзе Мэри Фримантл.

Я хорошо ее помню.

Глава 22
ИЮНЬ

1

Я вывел скиф на середину озера Фален и заглушил мотор. Мы медленно дрейфовали к маленькому оранжевому буйку, который я здесь оставил. Пара прогулочных катеров бороздила гладкую, как стекло, поверхность озера, но не было ни одной яхты: стоял полный штиль. Несколько детей возились на игровой площадке, одна малочисленная компания расположилась в зоне для пикников, редкие туристы появлялись на тропе, проложенной по берегу. Озеро, с учетом того, что находилось оно практически в городской черте, было пустынным.

Уайрман (в рыбачьей шапке и свитере «Викингов» он выглядел странно, совсем не флоридцем) обратил на это внимание.

— Школьники еще учатся, — ответил я. — Через пару недель лодок и катеров будет прорва.

На его лице отразилось сомнение.

— А правильное ли место мы выбрали, мучачо? Я хочу сказать, если она попадет в сети к какому-нибудь рыбаку...

— Ловля рыбы сетью на озере Фален запрещена, и редко кто приходит сюда с удочкой или спиннингом. На этом озере главным образом катаются на лодках, катерах, яхтах. Те же, кто хочет поплавать, держатся у берега. — Я наклонился и поднял цилиндр, изготовленный сарасотским серебряных дел мастером. Длиной три фута, с наворачиваемой с одного конца крышкой. Заполненный пресной водой. Внутри находился фонарь, также заполнен-

ный пресной водой. Персе была запечатана в двойную темноту, она спала под двойным одеялом пресной воды. И скоро ее сон должен был стать еще глубже. — Прекрасная вещица.

— Это точно, — согласился Уайрман, наблюдая, как послеполуденное солнце отражается от цилиндра, который я вертел в руке. — И крючку зацепиться не за что. Хотя я бы предпочел утопить ее в каком-нибудь озере у канадской границы.

— Где кто-нибудь действительно может вытащить этот цилиндр сетью. — Я пожал плечами. — Спрятать на самом виду — неплохой вариант.

Мимо промчалась моторная лодка с тремя молодыми женщинами. Они помахали нам руками. Мы ответили тем же. Одна крикнула: «Мы любим симпатичных мальчиков!» — и все три рассмеялись.

Уайрман ответил ослепительной улыбкой, повернулся ко мне.

— Какая здесь глубина? Ты знаешь? Этот маленький оранжевый буй говорит, что да.

— Что ж, я тебе скажу. Я провел небольшое исследование озера Фален. Наверное, чуть поздновато, потому что этот коттедж на Астер-лейн принадлежит нам с Пэм уже двадцать пять лет. Средняя глубина девяносто один фут... за исключением этого места. Тут впадина.

Уайрман расслабился, сдвинул кепку на затылок.

— Ох, Эдгар. Уайрман думает, что ты по-прежнему el zorro... по-прежнему лис.

— Может, si, может, нет, но под этим оранжевым буйком триста восемьдесят футов воды. По меньшей мере триста восемьдесят. И это гораздо лучше, чем двенадцатифутовая цистерна на берегу Мексиканского залива.

— Аминь.

— Ты отлично выглядишь, Уайрман. Отдохнувшим.

Он пожал плечами.

— Летать на «гольфстриме» — одно удовольствие. Никакой очереди на пропускном пункте, никто не копается в твоей ручной клади, чтобы убедиться, что ты не превратил дерьмовый баллончик с пеной для бритья в бомбу. И впервые в жизни мне удалось прилететь на север без посадки в гребаной Атланте.

Благодарю... хотя, похоже, я и сам мог бы себе такое позволить.

— Как я понимаю, ты уладил все вопросы с родственниками Элизабет?

— Да. Последовал твоему совету. Предложил им дом и северную оконечность Дьюма-Ки в обмен на отказ от претензий на наличные и ценные бумаги. Они подумали, что это чертовски выгодная сделка, и я буквально читал мысли их адвокатов: «Уайрман — юрист, но сегодня у него в клиентах дурак».

— Такое ощущение, что я не единственный zorro в этой лодке.

— Мне достались восемьдесят миллионов баксов в ликвидных активах. Плюс различные вещички из дома, включая коробку из-под печенья «Суит Оуэн». Думаешь, мисс Истлейк пыталась мне что-то сказать этой жестянкой, мучачо?

Элизабет укладывала туда различные фарфоровые фигурки, а потом настаивала на том, чтобы Уайрман бросил коробку в пруд с золотыми рыбками. Разумеется, этим она пыталась ему что-то сказать.

— Родственники получили северную часть Дьюма-Ки, потенциальная ценность которой для строительства... что ж, выше только небо. Девяносто миллионов?

— Во всяком случае, они так думают.

— Да, — согласился он, разом помрачнев. — Они так думают.

Какое-то время мы молчали. Уайрман взял у меня цилиндр. На его боковой поверхности, искаженное из-за кривизны, отражалось мое лицо. Так еще я мог на него смотреть, а вот к зеркалу в последнее время подходил редко. Не потому, что состарился — просто не хотел встречаться взглядом с глазами Фримантла: слишком многое они повидали.

— Как твои жена и дочь?

— Пэм — в Калифорнии, у матери. Мелинда во Франции. После похорон Илли она какое-то время побыла с Пэм, а потом улетела. Думаю, поступила правильно. С этим придется сжиться.

— А как ты, Эдгар? Тебе удастся с этим сжиться?

— Не знаю. Разве Скотт Фицджеральд не сказал, что вторых действий в американской жизни не бывает?

— Да, но тогда он уже был горьким пьяницей. — Уайрман положил цилиндр себе на ноги, наклонился ко мне. — Выслушай меня, Эдгар, и выслушай внимательно. В действительности действий пять, и не только в американской жизни — в каждой полностью прожитой жизни. Точно так же, как и в любой пьесе Шекспира — комедии или трагедии. Потому что именно из них и сотканы наши жизни — из комедии и трагедии.

— У меня в последнее время с комедией совсем плохо.

— Да, — не стал он спорить, — но в третьем акте есть определенная надежда. Я сейчас живу в Мексике. Я говорил тебе, да? В прекрасном маленьком горном городке, который называется Тамасунчаль.

Я попытался произнести название.

— Тебе нравится, как оно слетает с языка. Уайрман видит, что нравится.

Я улыбнулся.

— Что-то в нем есть.

— Там продается захудалый отель, и я подумываю, не купить ли его? Чтобы вывести такое заведение на прибыль, придется потерпеть три убыточных года, но у меня теперь толстый кошелек. Я не отказался бы от партнера, который разбирается в строительстве и техническом обслуживании зданий. Разумеется, если ты хочешь и в дальнейшем сосредоточиться на карьере художника...

— Думаю, ты и сам все знаешь.

— Так что скажешь? Давай поженимся на наших судьбах?

— Саймон и Гарфункель*, тысяча девятьсот шестьдесят девятый год, — кивнул я. — Или около того. Не знаю, Уайрман. Сейчас решить не могу. Я должен закончить еще одну картину.

— Действительно, должен. И какой силы будет ураган?

— Не знаю. Но «Шестому каналу» понравится.

— Предупреждение поступит заранее, не так ли? Разрушений, понятное дело, не избежать, но никто не погибнет.

— Никто не погибнет, — согласился я, надеясь, что так оно и будет, но когда фантомная конечность правила бал, не было

* Саймон и Гарфункель — знаменитый вокально-инструментальный дуэт Пола Саймона (р. 1941) и Артура Гарфункеля (р. 1941). Начали выступать вместе еще в школе. Дуэт распался в 1970 г.

никакой возможности что-либо гарантировать. Вот почему я намеревался поставить крест на моей второй карьере. Но еще одну, последнюю, картину я собирался закончить. Потому что хотел отомстить. Не только за Илли, но и за остальных жертв Персе.

— С Джеком перезваниваешься? — спросил Уайрман.

— Практически каждую неделю. Осенью он начинает учиться во Флоридском университете в Таллахасси. Обучение я оплатил. А пока они с матерью переезжают в Порт-Шарлотт.

— Тоже на твои деньги?

— Если на то пошло... да. После того как отец Джека умер от воспаления кишечника, у них с матерью возникли серьезные финансовые трудности.

— Идея тоже твоя?

— Совершенно верно.

— То есть ты думаешь, что Порт-Шарлотт достаточно далеко к югу, и там будет безопасно.

— Думаю, да.

— А север? Как насчет Тампы?

— Максимум — ливневые дожди. Это будет маленький ураган. Маленький, но мощный.

— Маленькая, с жесткими территориальными рамками «Элис». Как в тысяча девятьсот двадцать седьмом.

— Точно.

Мы смотрели друг на друга, когда мимо на своей моторке вновь пронеслись три женщины, смеясь громче и махая руками энергичнее, чем прежде. Сладкие пташки юности, летящие на послеполуденных винных кулерах*. Мы им отсалютовали.

— Выжившим родственникам мисс Истлейк не придется тревожиться насчет получения лицензий на строительство на их новых земельных приобретениях? — спросил Уайрман, когда успокоились волны, поднятые моторкой.

— Думаю, не придется.

Он помолчал немного, кивнул.

— Хорошо. Отправить целый остров в сундук Дейви Джон-

* Винный кулер — слабоалкогольный напиток. В состав входят вино и содовая.

са*. Меня устраивает. — Он поднял серебряный цилиндр, посмотрел на оранжевый буй, отмечающий местонахождение впадины на дне озера Фален, перевел взгляд на меня. — Хочешь сказать слова прощания, мучачо?

— Да, — кивнул я, — но много их не будет.

— Тогда готовься. — Уайрман встал на колени, повернулся к борту, цилиндр оказался над водой. Солнце отражалось от полированного серебра — я надеялся, что в последний раз за ближайшую тысячу лет... но меня не покидала мысль, что Персе умела выбираться на поверхность. Проделывала это раньше и, возможно, смогла бы проделать и на этот раз. Даже из Миннесоты ей, так или иначе, удалось бы добраться до caldo.

Но я произнес слова, которые держал в голове:

— *Упокойся навеки.*

Уайрман разжал пальцы. Послышался тихий всплеск. Мы перегнулись через борт и наблюдали, как серебряный цилиндр, отразив последний блик солнца, плавно исчезает из виду.

ii

Уайрман остался на ночь, потом на вторую. Мы ели стейки с кровью, пили зеленый чай во второй половине дня, говорили о чем угодно, только не о недавнем общем прошлом. Потом я отвез его в аэропорт, откуда он улетел в Хьюстон. Там он собирался взять напрокат автомобиль. По его словам, чтобы посмотреть страну.

Я предложил проводить его до контрольного пункта, но он покачал головой.

— Не хочу, чтобы ты смотрел, как Уайрман снимает туфли перед выпускником школы бизнеса. Adios мы скажем здесь, Эдгар.

— Уайрман... — начал я и больше ничего не сказал. Перехватило горло.

Он обнял меня, расцеловал в обе щеки.

---

* Дейви Джонс — морской дьявол в фольклоре английских моряков. Сундук Дейви Джонса — дно морское.

— Послушай, Эдгар. Самое время для третьего действия. Ты меня понимаешь?

— Да.

— Приезжай в Мексику. Когда осознаешь, что готов. И если захочешь.

— Я об этом подумаю.

— Обязательно подумай. Con Dios, mi amigo; siempre con Dios*.

— И с тобой, Уайрман. И с тобой.

Я наблюдал, как он уходит, с сумкой на плече. Мне внезапно вспомнился его голос в ту ночь, когда Эмери напал на меня в гостиной «Розовой громады». Уайрман показал себя во всей красе: прокричал «cojudo de puta madre», прежде чем вогнать серебряный подсвечник в лицо мертвяка. Мне хотелось, чтобы Уайрман обернулся... и мое желание исполнилось. «Должно быть, поймал мысль», — сказала бы моя мать. Или сработала интуиция. Так сказала бы няня Мельда.

Он увидел, что я стою на прежнем месте, и его лицо осветилось улыбкой.

— Живи днем, Эдгар! — крикнул он.

Люди поворачивались, смотрели на него.

— И позволь жить дню, — откликнулся я.

Он отдал мне честь, рассмеялся и ушел. Разумеется, со временем я поехал на юг, в его маленький городок, но, хотя он по-прежнему живет в своих изречениях (они для меня всегда в настоящем времени), больше я Уайрмана никогда не увидел. Он умер двумя месяцами позже на рыночной площади Тамасунчаля, когда торговался, покупая свежие помидоры. Я думал, у нас еще будет время, но мы всегда так думаем, не правда ли? Мы так часто обманываем себя, что могли бы зарабатывать этим на жизнь.

iii

В коттедже на Астор-лейн мой мольберт (с картиной, накрытой полотенцем) стоял в гостиной, где света было достаточ-

* С Богом, друг мой; да пребудет с тобой Бог (*исп.*).

но. Рядом, на столе с красками, лежало несколько фотографий Дьюма-Ки, сделанных с самолета, но я практически на них не смотрел: видел остров во снах, и до сих пор вижу.

Я бросил полотенце на диван. На переднем плане моей картины (моей последней картины) высилась «Розовая громада», нарисованная так реалистично, что я буквально слышал, как при каждой набегающей волне под домом говорят ракушки.

У одной из свай (идеальный сюрреалистический штрих) бок о бок сидели куклы. Слева — Реба, справа — Фэнси, которую Кеймен привез из Миннесоты. Идея принадлежала Илли. Залив, по большей части синий в период моего пребывания на Дьюма-Ки, я нарисовал тускло и зловеще зеленым. Небо закрывали черные облака. Они собирались в верхней части холста и уходили за него.

Правая рука начала зудеть, и памятное мне ощущение могущества вошло и охватило меня. Теперь я видел свою картину глазом бога... или богини. Я мог от всего этого отказаться, но такое давалось нелегко.

Создавая картины, я влюблялся в мир.

Создавая картины, я обретал цельность.

Какое-то время я работал, потом отложил кисть в сторону. Большим пальцем смешал коричневую и желтую краски, нанес их на уже нарисованный берег... чуть-чуть... словно поднялась легкая пелена песка, вызванная первым дуновением ветра.

И на Дьюма-Ки, под черными облаками надвигающегося июньского урагана, ветер начал набирать силу.

Как рисовать картину (XII)

Почувствуйте, что картина закончена, а когда почувствовали — отложите карандаш или кисть. Все остальное — только жизнь.

Февраль 2006 — июнь 2007

Авторское послесловие

Я позволил себе определенные вольности с географией западного побережья Флориды и с его историей. Хотя Дейв Дэвис реально существовал и действительно исчез, все, связанное с ним, — выдумка.

И никто, кроме меня, не называет внесезонные ураганы «Элис».

Я хочу поблагодарить мою жену, писательницу Табиту Кинг, которая прочитала один из первых вариантов рукописи и предложила важные изменения: коробка из-под печенья «Суит Оуэн» — только одно из них.

Я хочу поблагодарить Расса Дорра, врача, моего давнего друга, который терпеливо просвещал меня по части зоны Брока и характера противоударных травм.

Я хочу поблагодарить Чака Веррилла, который редактировал эту книгу с привычным для него сочетанием мягкости и безжалостности.

Тедди Розенбаума, моего друга и редактора: muchas gracias.

И вас, моего давнего друга, Постоянного читателя; вас я благодарю всегда*.

Стивен Кинг
Бангор, штат Мэн

---

* Переводчик выражает искреннюю благодарность русскоязычным фэнам Стивена Кинга (прежде всего Олегу Поспелову из Нью-Йорка, Александру Сергееву из Мичуринска и Антону Могилевскому из Тель-Авива), принявшим участие в работе над черновыми материалами перевода, а также администрации сайтов «Стивен Кинг.ру — Творчество Стивена Кинга», «Русский сайт Стивена Кинга» и «Стивен Кинг. Королевский клуб», стараниями которых эту работу удалось провести.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

16+

Кинг Стивен
Дьюма-Ки

Редактор С. Тихоненко
Компьютерная верстка: Р. Рыдалин
Технический редактор О. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

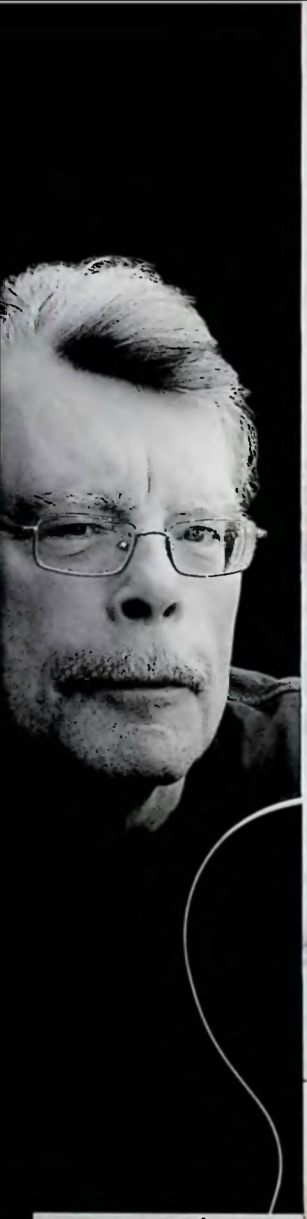
ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.
Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.
Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.
Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

Маленький южный островок Дьюма-Ки — идеальное пристанище для человека, который пытается начать все сначала. Так по крайне мере считает некогда успешный бизнесмен, который стал инвалидом в результате несчастного случая — но зато обрел талант потрясающего художника. Однако чем дольше живет он на Дьюма-Ки, тем более страшную силу обретают его картины.
В них таится Зло.
Но что это за Зло?

www.ast.ru
ISBN 978-5-17-077381-7
9 785170 773817